ТРУДЫ

IV-го Областного Историко-Археологическаго Съѣзда

въ г. Костромѣ,

въ іюнѣ 1909 г.

Изданіе Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

КОСТРОМА.
Губернская Типографія.
1914.

Уб 2/10

ТРУДЫ

IV ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

въ гор. Костромѣ,

въ іюнѣ 1909 г.

Изданіе Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

КОСТРОМА.
Губернская Типографія.
1914.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 476а м
19-VII-1927
БИБЛИОТЕКА.
V
м

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Краткія свѣдѣнія о ходѣ занятій IV Областного Историко-Археологическаго Съѣзда въ г. Костромѣ, въ іюнѣ 1909 г.		I—CXIX

Доклады:

И. В. Баженовъ.	Судьбы Костромского Кремля	1—15
П. Ф. Симсонъ.	Одинъ изъ первыхъ нашихъ библіографовъ, патріаршій крестьянинъ, родомъ изъ города Осташкова, Петръ Антипычъ Меншагинъ	17—38
А. А. Титовъ.	Лѣтописецъ Воскресенскаго монастыря, что у Соли Галичской	39—48
П. Ф. Симсонъ.	Къ вопросу о выдѣлкѣ орудій каменнаго вѣка	49—56
Н. И. Троицкій.	Костромская икона Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы	57—72
И. А. Тихомировъ.	Словянское заселеніе Ярославской губерніи	73—185
И. А. Тихомировъ.	Ярославскія городища	186—241
Н. Флоровскій.	Иконографія Рождества Христова по даннымъ Ярославскихъ памятниковъ и по священной и святоотеческой письменности . . .	243—296
С. Введенскій.	Костромской протопопъ Даніилъ	297—307

Недоложенные рефераты:

А. Громовъ.	Житіе преп. Пахомія Нерехотскаго	1—17
М. Іовъ.	Житіе преп. Геннадія Костромского . . .	18—42
М. Соколовъ.	Четыре старинныя великорусскія пѣсни Пермской губерніи	43—48
В. Лебедевъ.	Отъ Вологды до Ульянова монастыря, на дальнемъ сѣверѣ у зырянъ	49—129

Краткія свѣдѣнія о ходѣ занятій IV Областного Историко-археологическаго съѣзда въ г. Костромѣ въ іюнѣ 1909 года.

Наканунѣ открытія съѣзда 20 іюня 1909 года, въ 9 часовъ вечера, въ домѣ дворянства состоялось предварительное засѣданіе членовъ IV Областного Историко-археологическаго съѣзда. Засѣданіе было посвящено выбору должностныхъ лицъ, при чемъ выбранными оказались: почетнымъ предсѣдателемъ — Б. В. Штюрмеръ, предсѣдателемъ — проф. Н. В. Покровскій, товарищемъ предсѣдателя — кн. А. Н. Оболенскій, секретарями — А. И. Черницинъ, В. А. Андрониковъ и М. К. Соколовскій. Почетными членами — преосвященный Епископъ Тихонъ, Костромской губернаторъ А. П. Веретенниковъ, проф. Ѳ. И. Успенскій, академикъ А. И. Соболевскій и Д. И. Иловайскій.

По секціямъ: I. Первобытная археологія.

Предсѣдателемъ — А. И. Ивановъ, секретарями — Д. Н. Сизовъ и А. С. Лебедевъ.

II. Церковныя древности.

Предсѣдателемъ — Ѳ. И. Успенскій, секретарями — И. В. Баженовъ и свящ. П. А. Алмазовъ.

III. Археографія и архивовѣдѣніе.

Предсѣдателемъ — А. И. Соболевскій, секретарями — А. А. Мироновъ и П. В. Булычевъ.

IV. Историческая географія и этнографія.

Предсѣдателемъ — проф. Д. А. Корсаковъ, секретаремъ — В. И. Пономаревъ.

Въ распорядительный комитетъ избраны: предсѣдателемъ — генералъ-маіоръ А. П. Веретенниковъ; членами — кн. А. Н. Оболенскій, Н. Н. Шамонинъ, городской голова Г. Н. Ботниковъ, предводители дворянства: губернскій М. Н. Зузинъ и уѣздный И. С. Ивановъ, предсѣдатели земскихъ управъ: губернской Б. Н. Зузинъ и уѣздной В. С. Соколовъ; секретаремъ — А. А. Пазухинъ.

Послѣ выбора должностныхъ лицъ, по предложенію г. предсѣдателя съѣзда, проф. Н. В. Покровскаго, была почтена вставаніемъ память почившихъ дѣятелей Костромской губернской ученой архивной комиссіи — Н. М. Бекаревича и П. А. Илинскаго и затѣмъ г. Покровскимъ объявленъ порядокъ дня 21 іюня.

21 іюня, воскресенье.

Въ 12 час. дня, 21 іюня, члены IV Областного археологическаго съѣзда, согласно объявленному наканунѣ г. предсѣдателемъ съѣзда порядку дня, собрались къ мѣсту закладки Романовскаго музея. Здѣсь преосвященнымъ епископомъ Тихономъ, въ сослуженіи городского духовенства, въ присутствіи представителей власти, дворянства, города и земства и членовъ съѣзда на особо устроенномъ помостѣ, красиво декорированномъ зеленью и украшенномъ національными флагами съ надписями: «Боже, Царя храни!», было совершено торжественное молебствіе, въ концѣ котораго послѣдовала закладка Романовскаго музея. На мѣстѣ закладки была положена мѣдная доска со слѣдующей надписью:

«Въ лѣто отъ Рождества Христова 1909-е, іюня 21, въ царствованіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, Самодержца Всероссійскаго, въ присутствіи почетныхъ членовъ Костромской губернской ученой архивной комиссіи: преосвященнаго Тихона, епископа Костромского и Галичскаго, гофмейстера Бориса Владиміровича Штюрмера, профессора Николая Васильевича Покровскаго, академика Алексѣя Ивановича Соболевскаго, непремѣннаго попечителя комиссіи Костромского губернатора генералъ-маіора Алексѣя Порфирьевича Веретенникова, предсѣдателя комиссіи князя Александра Николаевича Оболенскаго, членовъ строительной комиссіи: И. П. Виноградова, А. И. Черницына, Л. А. Треберта, Л. А. Большакова, В. А. Андроникова, производителя работъ архитектора Н. И. Горлицына и членовъ архивной комиссіи и IV Областного археологическаго съѣзда произведена закладка зданія Романовскаго музея Костромской губернской ученой архивной комиссіи».

Послѣ закладки присутствующіе на торжествѣ были приглашены Костромской губернской ученой архивной комиссіей въ залъ Костромского дворянства, гдѣ имъ былъ предложенъ завтракъ, во время котораго господиномъ начальникомъ губерніи прежде всего былъ провозглашенъ тостъ за Священную Особу ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, покрытый восторженными криками «ура» и сопровождаемый троекратнымъ исполненіемъ народнаго гимна. Послѣ сего слѣдовали тосты за преосвященнаго епископа Тихона, за господина начальника губерніи, за предсѣдателя Костромской архивной комиссіи, за Костромское дворянство, за представителей города и земства, за К. Н. Козырева, принесшаго въ даръ будущему музею собраніе гравюръ громадной цѣнности, за жертвователей для постройки музея Г. В. Юдина, Г. К. Горбунова, за членовъ съѣзда и другихъ лицъ.

По предложенію господина начальника губерніи, присутствующими была отправлена всеподданнѣйшая телеграмма слѣдующаго содержанія:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, Всемилостивѣйшій Государь!

Собравшіеся сего числа на торжество закладки Романовскаго музея представители власти, дворянства, земства, города и члены IV Областного археологическаго съѣзда и губернской архивной комиссіи, вознеся горячія молитвы Всевышнему о драгоцѣнномъ здравіи ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и всей АВГУСТѢЙШЕЙ Семьи, повергаютъ къ стопамъ ВАШИМЪ свои вѣрноподданническія чувства безпредѣльной любви и преданности. Да крѣпнетъ держава Россійская подъ мощнымъ скипетромъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, до раздѣлитъ ея славу и скромный по виду, но великій своимъ историческимъ прошлымъ Богохранимый градъ Кострома — колыбель Царствующаго Дома, а воздвигаемый нынѣ музей да послужитъ новымъ высокополезнымъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ, гдѣ граждане-Костромичи, знакомясь съ исторіей края, будутъ почерпать горячія чувства патріотизма и беззавѣтной любви къ Вѣнценосному Монарху.

Костромской губернаторъ, генералъ-маіоръ А. П. Веретенниковъ. Тихонъ епископъ Костромской и Галичскій. Почетный предсѣдатель

областного съѣзда гофмейстеръ Штюрмеръ. Предсѣдатель Костромской архивной комиссіи князь Оболенскій. Городской голова Ботниковъ. Потомственный дворянинъ Нелидовъ. Предсѣдатель съѣзда профессоръ Покровскій.

Оглашеніе текста телеграммы сопровождалось восторженными криками «ура» и троекратнымъ исполненіемъ народнаго гимна.

Въ 7 1/2 час. вечера того же дня въ домѣ дворянства передъ Ѳеодоровской иконой Божіей Матери Преосвященнымъ Тихономъ въ сослуженіи городского духовенства, въ присутствіи г. начальника губерніи, генералъ-маіора А. П. Веретенникова, гофмейстера Б. В. Штюрмера, предсѣдателя съѣзда проф. Н. В. Покровскаго, предсѣдателя архивной комиссіи, князя А. Н. Оболенскаго и членовъ IV Областного археологическаго съѣзда и другихъ лицъ, былъ отслуженъ молебенъ предъ началомъ занятій съѣзда.

Послѣ молебна члены непосредственно заняли свои мѣста, при чемъ г. начальникъ губерніи открылъ съѣздъ привѣтственной рѣчью:

«Ваше преосвященство, милостивые государи и милостивыя государыни!

«Въ лицѣ Вашемъ привѣтствую IV Областной археологическій съѣздъ и отъ души желаю успѣха въ предстоящихъ Вашихъ трудахъ. Этотъ съѣздъ для насъ костромичей является особенно цѣннымъ, какъ совпадающій съ двумя событіями, имѣющими всероссійское значеніе, какъ-то: основаніе Романовскаго музея и образованіе комитета по устройству чествованія 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я позволяю себѣ обратиться къ Вамъ, милостивые государи, какъ къ представителямъ ученаго археологическаго міра, съ покорнѣйшею просьбою содѣйствовать Вашими знаніями этому патріотическому русскому дѣлу. Находясь здѣсь на мѣстѣ непосредственно у источника—у колыбели Дома Романовыхъ, Вамъ легче всего прослѣдить ходъ всѣхъ выдающихся событій. Еще разъ привѣтствую Васъ, господа, и объявляю съѣздъ открытымъ».

Преосвященный епископъ Тихонъ обратился къ собранію со слѣдующимъ привѣтствіемъ:

«Ваше превосходительство, милостивые государи, достопочтенное собраніе!

«Отъ лица мѣстной православной церкви позвольте привѣтствовать IV Областной Историко-археологическій съѣздъ и позвольте пожелать успѣха въ предстоящихъ работахъ. Справедливость требуетъ сказать, что церковь всегда высоко цѣнила научныя знанія, всегда отводила первое мѣсто наукѣ. Но къ той области научныхъ знаній, которыя имѣютъ отношеніе къ изученію древности и старины, особенно искренне относится церковь. Вотъ почему православныя церкви обладаютъ археологическими древностями, которымъ и цѣны нѣтъ. И нашъ мѣстный каѳедральный Ипатіевскій монастырь—это сокровищница древностей, накопившихся вѣками.

«Добро пожаловать къ намъ»!

Почетный предсѣдатель съѣзда, гофмейстеръ Б. В. Штюрмеръ произнесъ:

«Вчерашній день я былъ удостоенъ высокой чести быть избраннымъ почетнымъ предсѣдателемъ Костромского областного археологическаго съѣзда. Я счастливъ видѣть, что въ этомъ древнемъ городѣ, имя котораго золотыми буквами записано въ лѣтописяхъ государства Россійскаго, вновь собрались люди науки для обмѣна мыслей о славномъ прошломъ своего родного края и для ознакомленія съ новыми работами, произведенными за истекшее трехлѣтіе въ области изслѣдованія исторіи и древностей Ростово-Суздальскихъ земель. Труды предшествовавшихъ областныхъ съѣздовъ Ярославскаго, Тверского и Владимірскаго оказались настолько плодотворными, и значеніе областныхъ съѣздовъ установлено такъ непоколебимо, что Костромскому областному съѣзду возможно приступить къ своимъ занятіямъ съ бодростію духа и съ полнымъ сознаніемъ того, что онъ будетъ вершить дѣло не только мѣстное, костромское, но и дѣло общегосударственное и научное. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что въ этомъ направленіи труды Костромского областного съѣзда внесутъ цѣнный вкладъ въ русскую историческую науку».

Предсѣдатель организаціоннаго комитета по устройству съѣзда П. Н. Шамонинъ прочиталъ отчетъ о дѣятельности комитета:

«М. г-ри и м. г-ни! Позвольте на нѣсколько минутъ занять ваше вниманіе краткимъ отчетомъ о подготовительныхъ работахъ по устройству сейчасъ только открытаго съѣзда. Намѣчено было это устройство три года назадъ, въ іюнѣ 1906 года, на предшествовавшемъ областномъ съѣздѣ во Владимірѣ и поручено Костромской архивной комиссіи. Комиссія, испросивъ чрезъ своего непремѣннаго попечителя надлежащее разрѣшеніе, обратилась съ просьбой о содѣйствіи къ мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. Въ отвѣтъ на это ходатайство Костромское губернское земство ассигновало 1000 рублей, Костромская городская дума—450 руб., Костромское дворянство—100 р., Юрьевецкое уѣздное земство—100 руб. и т. д., всего около 1700 руб.

Далѣе, для съѣзда архивной комиссіей были изданы слѣдующія работы: «Краткій путеводитель по г. Костромѣ и ея губерніи», священника Алмазова; «Карта находокъ доисторическихъ древностей въ Костромской губ.», г. Рождественскаго; «Краткія свѣдѣнія о раскопкахъ въ Костромской губ.», его-же: Каталоги музея комиссіи и устраиваемой къ съѣзду выставки, сост. г.г. Черницынымъ и Рязановскимъ; «Указатель къ Костромскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ за первые 50 лѣтъ существованія», составл. г. Виноградовымъ; «VII выпускъ Костромской Старины». Наконецъ, членъ комиссіи г. Кларкъ занимался по ея порученію фотографированіемъ старинныхъ церквей и предметовъ церковной старины по г. Костромѣ и уѣздамъ Ветлужскому, Варнавинскому, Галичскому и изъ снимковъ составилъ для выставки при съѣздѣ 7 альбомовъ и коллекцію изъ 88 діапозитивовъ. Кромѣ предметовъ, выставленныхъ самою архивной комиссіей изъ ея музея, на выставкѣ находятся еще экспонаты мѣстныхъ жителей и коллекціонеровъ: г.г. Андроникова, свящ. І. Альтовскаго, Виноградова, Горскаго, Козина, Козырева, Комарова, Лапина, Полетаева, Ротастъ, Рязановскаго, Сахарова, Сизова, Симанчукъ и друг.

«Помѣщеніе для выставки и засѣданій съѣзда было любезно предоставлено Костромскимъ дворянствомъ; то же дворянство разрѣшило

организаціонному комитету воспользоваться для размѣщенія г.г. иногородних членовъ съѣзда зданіемъ дворянскаго пансіонъ-пріюта; такое же разрѣшеніе на пользованіе общежитіемъ своекоштных воспитанниковъ семинаріи дано было духовнымъ начальствомъ; наконецъ, еще помѣщенія для г.г. членовъ съѣзда были предоставлены Григоровской женской гимназіей и Александровскимъ братствомъ. Далѣе епархіальное начальство озаботилось устройствомъ выставки церковныхъ древностей въ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ и въ Ипатіевскомъ монастырѣ. Не отказали также въ своемъ содѣйствіи дѣлу устройства съѣзда столичныя ученыя учрежденія и дѣятели. Такъ, Имп. археологическій институтъ издалъ къ съѣзду подъ руководствомъ проф. Покровскаго XIX выпускъ своего «Вѣстника Арх. и Ист.» посвященный памятникамъ церковной старины Костром. губ., а Имп. археологическая комиссія напечатала въ одномъ изъ выпусковъ своихъ «Извѣстій» церковно-археологич. обозрѣніе той же губерніи. Особенно живое участіе въ дѣлѣ устройства съѣзда принимали изъ столичныхъ ученыхъ проф. Н. В. Покровскій, академикъ А. И. Соболевскій и проф. С. Ф. Платоновъ, лично пріѣзжавшіе въ Кострому для переговоровъ объ этомъ съ выдѣленнымъ изъ состава архивной комиссіи организаціоннымъ комитетомъ, который во многомъ воспользовался ихъ авторитетными совѣтами и указаніями. Кромѣ того, подъ руководствомъ проф. Покровскаго въ Петербургѣ, не разъ устраивались совѣщанія столичныхъ ученыхъ по тому же вопросу объ устройствѣ IV Областного съѣзда. Наконецъ, отчасти въ виду того же съѣзда лѣтомъ 1908 года по порученію музея Императ. Александра III, музея Импер. академіи наукъ, ея же 2-го отдѣленія, Императ. географическаго общества и Импер. археологич. комиссіи были произведены поѣздки и раскопки господами Ефименко, Каменскимъ, Виноградовымъ и Глазовымъ въ Костромской губ. и г-мъ Абрамовымъ въ губерніяхъ Ярославской и Владимірской. Нѣкоторыя изъ названныхъ лицъ обѣщали сдѣлать объ этомъ на съѣздѣ сообщенія и выставить собранныя ими коллекціи.

«Вотъ въ чемъ въ общихъ чертахъ состояли подготовительныя работы по устройству IV областного съѣзда. Въ заключеніе, м. государыни и м. государи, позвольте предложить Вамъ выразить отъ

лица нашего съѣзда благодарность всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя въ той или иной формѣ оказали свое содѣйствіе его устройству».

Послѣ этого секретарь съѣзда В. А. Андрониковъ прочиталъ списокъ должностныхъ лицъ съѣзда, избранныхъ на предварительномъ собраніи совѣта съѣзда 20 іюня.

Предсѣдатель съѣзда проф. Н. В. Покровскій привѣтствовалъ съѣздъ слѣдующую рѣчью:

«Отъ имени Императорскаго археологическаго института въ С.-Петербургѣ имѣю честь привѣтствовать IV Областной Историко-археологическій съѣздъ. Восемь лѣтъ тому назадъ, когда явилась мысль независимо отъ обще-имперскихъ устраивать областные археологическіе съѣзды, намѣчены и задачи ихъ Эти задачи вытекали изъ естественныхъ требованій идти къ общему строенію исторіи путемъ изученія частностей и мѣстныхъ историческихъ памятниковъ. На выполненіе этихъ задачъ направлены были труды первыхъ археологическихъ съѣздовъ въ Ярославлѣ, Твери и Владимірѣ. На этихъ съѣздахъ было поставлено задачей изучить Владиміро-Суздальскую область, по своему историческому значенію представляющую цѣлое, имѣющее вліяніе на другія области. Но при работахъ Областныхъ съѣздовъ приходилось выступать изъ узкихъ рамокъ поставленныхъ задачъ. Въ началѣ XIV вѣка центръ тяжести государственной и общественной жизни изъ Владиміра переносится въ Москву; Москва оказываетъ культурное вліяніе болѣе продуктивное, чѣмъ Владиміръ. При работахъ съѣздовъ особенно ярко выразилась потребность принять всѣ мѣры къ охранѣ памятниковъ старины. Необходимо положить предѣлъ ихъ варварскому истребленію. Въ послѣдніе годы предпринятъ цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ сохраненію этихъ памятниковъ, имѣющихъ громадное значеніе для науки и изученія славнаго прошлаго нашей дорогой родины. Надо думать, что этотъ вопросъ будетъ скоро разрѣшенъ и Государственной Думой. По охраненію памятниковъ древности можетъ быть особенно полезна дѣятельность архивныхъ комиссій, такъ какъ ихъ ученые труды разовьютъ въ обществѣ сознаніе важности этихъ

памятниковъ. Когда мы узнаемъ старину, тогда ее и полюбимъ: безъ знанія не можетъ быть и сознательной любви къ старинѣ».

Предсѣдатель архивной комиссіи князь А.Н. Оболенскій произнесъ:

«Отъ имени Костромской губернской ученой архивной комиссіи имѣю честь сердечно привѣтствовать гг. членовъ IV Областного археологическаго съѣзда.

«Въ жизни нашей комиссіи настоящій съѣздъ составляетъ событіе громадной важности, которое оставитъ за собой глубокій слѣдъ въ дѣлѣ изслѣдованія исторіи и памятниковъ старины Костромского края. Посвященные съѣзду ученые труды являются цѣннымъ вкладомъ въ Историко-археологическую литературу нашего края, а участіе въ занятіяхъ съѣзда многихъ членовъ нашей комиссіи подъ руководствомъ свѣтилъ русской науки оживитъ нашу будущую работу, внесетъ въ нее новыя знанія и усилитъ къ ней интересъ общества.

«Прошу принять наши горячія пожеланія плодотворной работы».

Городской голова Г. Н. Ботниковъ обратился къ съѣзду съ такимъ привѣтствіемъ:

«Я счастливъ, что на мою долю выпала честь исполнить порученіе Костромской Городской Думы привѣтствовать настоящее собраніе съ открытіемъ IV археологическаго Областного съѣзда.

«Каждому костромичу должно быть дорого вниманіе ученаго учрежденія къ памятникамъ Костромского края, и теперь съ основаніемъ дома для музея древностей и при немъ особо цѣннаго Романовскаго отдѣла кладется начало бережнаго отношенія къ памятникамъ старины.

«Грядущія поколѣнія, изучая ихъ, будутъ съ гордостью смотрѣть на этотъ домъ—хранилище цѣнностей, какъ мы съ гордостью любуемся памятникомъ нашему земляку герою Ивану Сусанину, за Царя, Спасителя вѣры и царства, животъ свой положившему.

«Богъ дастъ по мѣрѣ накопленія цѣннаго матеріала работы архивной комиссіи будутъ направлены на систематизацію добытыхъ памятниковъ, и тогда можно будетъ составить исторію мѣстнаго края, читать которую будетъ настолько же интересно, насколько и поучительно».

Представитель городского общества Л. П. Скворцовъ произнесъ:

«Мм. гг.! Позвольте и мнѣ, какъ представителю г. Костромы, привѣтствовать IV Областной ученый археологическій съѣздъ.

«Городъ Кострома въ настоящее время не представляетъ изъ себя по виду древняго города, благодаря весьма частымъ и опустошительнымъ пожарамъ, но она до сихъ поръ въ своемъ цѣломъ можетъ назваться памятникомъ наглядной древней исторіи всего Русскаго государства.

«Одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ жизни Русскаго государства есть, безъ сомнѣнія, татарскій погромъ, когда, по выраженію древнихъ лѣтописцевъ, «плакала земля русская кровавыми слезами» и рисковала быть совершенно стертой съ лица земли. И вотъ, подъѣзжая съ юга, съ низовьевъ Волги, къ городу Костромѣ, представляется памятникъ этого погрома въ видѣ Татарской слободы съ высящеюся среди нея мечетью, оканчивающеюся полумѣсяцемъ. За татарской слободой, къ сѣверу, расположенъ городъ, каждая пядь земли котораго улита кровью костромичей за освобожденіе отечества. Съ сѣвера городъ оканчивается Ипатіевскимъ монастыремъ, основаннымъ въ 1330 году, т. е. въ самый разгаръ Татарскаго ига, и кѣмъ же основанный? Татариномъ, принявшимъ христіанство. Этотъ на первый взглядъ ничтожный самъ по себѣ фактъ имѣетъ знаменательное и высокой важности значеніе. Крестъ, засіявшій надъ Ипатіевскимъ монастыремъ въ 1330 году, еще задолго до сверженія Татарскаго ига, предзнаменовалъ собою побѣду его надъ полумѣсяцемъ. Крестъ побѣдилъ—значитъ, побѣдила Русь. Переходъ татарина въ христіанство и построеніе имъ Ипатіевскаго монастыря отмѣчаютъ собою великій моментъ во всей исторіи Россіи — это нравственную побѣду христіанства надъ могометанствомъ, а разъ такая побѣда совершилась, успѣхъ дальнѣйшей борьбы былъ обезпеченъ для Россіи. Моментъ построенія Ипатіевскаго монастыря знаменуетъ собою, такъ сказать, начало конца ненавистнаго татарскаго ига.

«Другой важнѣйшій моментъ изъ древней русской исторіи—это смутное время въ періодѣ съ 1605 по 1613 годъ, когда снова погибала Россія. Вотъ сейчасъ изъ различныхъ мѣстъ нашего обшир-

наго отечества мы собрались здѣсь для мирной работы, но ровно 300 лѣтъ тому назадъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1609 года совершалось въ Костромѣ кровавое дѣло. Костромичи, подъ руководствомъ царскаго воеводы Жеребцова, прибывшаго съ Ярославцами на 17 судахъ, начали осаду Ипатіевскаго монастыря, гдѣ заперлись непріятели подъ командой Никиты Вельяминова и, вытѣснивъ оттуда непріятеля, двинулись для освобожденія Троице-Сергіевской лавры, осаждаемой Сапѣгой.

«Въ той же Ипатіевской обители измученная и истекающая кровью Россія нашла успокоеніе въ лицѣ перваго царя изъ дома Романовыхъ, котораго благословила на царство древнѣйшая костромская святыня—икона Ѳеодоровской Богоматери.

«Вы видите, мм. гг. и гг-ни, что вы находитесь въ сердцѣ древней Ростово-Суздальской земли, находитесь въ одномъ изъ городовъ, основанныхъ въ глубокой древности, въ одномъ изъ городовъ, принадлежащихъ къ числу исконныхъ русскихъ городовъ, положившихъ прочный фундаментъ всему русскому государству, а кому неизвѣстно, сколько неурядицъ и невзгодъ, сколько горя и кровавой борьбы вынесла Русь за право своего существованія, прежде чѣмъ она окрѣпла и выросла въ могущественное государство.

«Древняя историческая Кострома рада васъ видѣть и принимать у себя и преисполнена всѣми желаніями споспѣшествовать вашимъ ученымъ трудамъ на пользу всѣмъ намъ дорогого отечества».

Затѣмъ почетный членъ съѣзда директоръ археологическаго института въ Константинополѣ проф. Ѳ. И. Успенскій произнесъ:

«Съ отдаленнаго Востока, съ береговъ Босфора, шлетъ свое привѣтствіе русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ IV Областному археологическому съѣзду въ г. Костромѣ.

«Первое и пока единственное русское ученое учрежденіе за границей, имѣющей цѣлью разъяснять значеніе нашихъ исконныхъ связей съ Византіей и изучать сохранившіеся на востокѣ — по преимуществу христіанскіе памятники, институтъ съ глубокимъ интересомъ слѣдитъ за успѣхами въ Россіи изслѣдованія мѣстной старины.

«Мѣстныя изученія имѣютъ громадное значеніе въ научномъ

движеніи. Большую рѣку питаютъ притоки; чѣмъ больше и обильнѣй водой притоки, тѣмъ величественнѣй и многоводнѣй становится рѣка.

Институтъ, памятуя немаловажныя заслуги, оказанныя сынами гор. Костромы, какъ умершими, такъ и продолжающими нынѣ съ честью работать на научномъ поприщѣ, выражаетъ пожеланіе, чтобы настоящій съѣздъ по своимъ научнымъ результатамъ соотвѣтствовалъ тому почетному положенію, которое г. Кострома по своимъ историческимъ памятникамъ занимаетъ въ археологическомъ отношеніи.

«Позволю себѣ присоединить нѣсколько словъ лично отъ себя. Не какъ уже депутатъ отъ русскаго ученаго учрежденія, но, какъ уроженецъ г. Костромы, движимый тѣмъ чувствомъ, какое только приличествуетъ родинѣ, я прошу принять отъ меня прилагаемые здѣсь ученые труды, которые будутъ для васъ памятью объ одномъ изъ костромичей и свидѣтельствомъ того, что и онъ, какъ и другіе, въ предѣлахъ возможнаго использовалъ данныя ему способности на пользу родины».

При этомъ проф. Ѳ. И. Успенскій назвалъ труды, пожертвованные имъ съѣзду: о раскопкахъ въ Болгаріи и описаніе открытой имъ первой столицы болгарскихъ царей, современной Кириллу и Меѳодію, и альбомъ.

Предсѣдатель Тверской архивной комиссіи И. А. Ивановъ, привѣтствуя Костромскую архивную комиссію съ закладкой музея и открытіемъ съѣзда, высказалъ, что онъ съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаетъ о тѣхъ дѣятеляхъ мѣстной архивной комиссіи, которые были собирателями сокровищъ, имѣющихъ наполнить сооружаемый музей, и были въ числѣ учредителей Областныхъ съѣздовъ. Къ сожалѣнію, они сошли со сцены. Но на ихъ мѣсто явились новые работники. И. А. Ивановъ отъ души желаетъ не только благополучно окончить начатую постройку, но и наполнить музей съ верху до низу предметами старины.

По окончаніи рѣчей, секретаремъ съѣзда В. А. Андрониковымъ были оглашены письменныя привѣтствія, полученныя ко времени открытія съѣзда:

1) Предсѣдательницы Императорскаго Московскаго археологическаго общества, графини П. С. Уваровой, такого содержанія:

«Его Сіятельству г. предсѣдателю Костромской губернской ученой архивной комиссіи князу Оболенскому.

«Принося глубокую благодарность за любезное приглашеніе Ваше принять участіе въ работахъ IV Областного археологическаго съѣзда, спѣшу сообщить, что при всемъ желаніи не могу воспользоваться имъ, такъ какъ только вчера вечеромъ вернулась изъ большой поѣздки въ Ригу, Новгородъ, Псковъ и чувствую себя слишкомъ усталой, чтобы поѣхать на съѣздъ.

«Желаю съѣзду полнѣйшаго успѣха и прошу принять увѣреніе совершеннаго моего къ Вамъ уваженія.

Графиня *Уварова*».

2) Предсѣдателя Императорскаго Русскаго военно-историческаго общества генерала Скалона:

«Императорское Русское военно-историческое общество привѣтствуетъ открытіе занятій IV Областного историко-археологическаго съѣзда при лучшихъ пожеланіяхъ широкой плодотворной дѣятельности.

Предсѣдатель генералъ *Скалонъ*».

3) Общества любителей нумизматическихъ знаній:

«IV Областному историко-археологическому съѣзду въ г. Костромѣ.

«Предсѣдатель общества любителей нумизматическихъ знаній отъ имени членовъ общества и своего привѣтствуетъ IV Областной историко-археологическій съѣздъ въ гор. Костромѣ въ день его открытія и шлетъ пожеланіе благоуспѣшности его трудовъ по родной археологіи и нумизматикѣ.

Предсѣдатель *А. Васильковскій.*

Секретарь *И. Петровъ*».

4) Симбирской ученой архивной комиссіи:

«Симбирская ученая архивная комиссія шлетъ свой сердечный привѣтъ съѣзду и пожеланія плодотворной работы для изученія родной старины.

Предсѣдатель *Поливановъ*».

5) Таврической ученой архивной комиссіи и ея предсѣдателя:

«Въ Костромскую ученую архивную комиссію.

«Не имѣя возможности принять участіе въ предстоящемъ IV Об-

ластномъ археологическомъ съѣздѣ въ г. Костромѣ командировкой своихъ депутатовъ, Таврическая ученая архивная комиссія имѣетъ честь заочно привѣтствовать Костромскую ученую архивную комиссію, какъ учредительницу съѣзда, и покорнѣйше проситъ передать съѣзду ея пожеланіе полнаго успѣха въ трудахъ.

Предсѣдатель Таврической ученой архивной комиссіи *А. Маркевичъ.*

Правитель дѣлъ *Ив. Ерофеевъ*».

6) Завѣдующаго Московскимъ архивомъ Императорскаго двора:

«Въ Костромскую ученую архивную комиссію.

«Принося глубокую благодарность Костромской ученой архивной комиссіи за любезное приглашеніе участвовать въ IV Областномъ Костромскомъ археологическомъ съѣздѣ, имѣю честь увѣдомить, что я, къ крайнему сожалѣнію не имѣю возможности присутствовать въ означенномъ съѣздѣ. Привѣтствую комиссію, низко кланяюсь съѣзду и желаю ему полнаго успѣха.

Шлю привѣтъ и пожеланіе плодотворной работы, сожалѣю о невозможности пріѣхать.

Савеловъ.

и 7) Адресъ Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія:

«Горячо, въ лицѣ своихъ представителей, привѣтствуя IV Областной археологическій съѣздъ изслѣдователей исторіи и древностей Новгородской и Ростово-Суздальской областей, желаетъ ему успѣшной и плодотворной работы и крѣпко надѣется, что съѣзду удастся освѣтить доисторическій и историческій періоды жизни этихъ областей, привлечь вниманіе ученыхъ лицъ и учрежденій къ ихъ изученію и внесть новый большой вкладъ въ созданную прежними общими и областными археологическими съѣздами сокровищницу знанія родной старины.

Предсѣдатель Общества, протоіерей *Николай Извѣковъ.*

Секретарь Общества, священникъ *Николай Пшеничниковъ*».

Затѣмъ товарищъ предсѣдателя съѣзда, кн. А. Н. Оболенскій доложилъ привѣтственное письмо статсъ-секретаря А. Н. Куломзина, послѣ чего засѣданіе г. предсѣдателемъ было закрыто.

22 іюня, понедѣльникъ.

Въ 11 час. утра члены съѣзда собрались въ домъ дворянства, гдѣ г. предсѣдателемъ съѣзда, проф. Н. В. Покровскимъ было сдѣлано предварительное сообщеніе о костромскихъ древностяхъ, ихъ числѣ, мѣстонахожденіи и характерѣ.

Историческія древности Костромы и Костромского края имѣютъ главнымъ образомъ церковный характеръ; монументальныхъ памятниковъ гражданской и военной старины здѣсь нѣтъ, если не считать давно уже несуществующаго деревяннаго кремля и крѣпостныхъ монастырскихъ стѣнъ и если оставить доколѣ въ сторонѣ мелкіе предметы стариннаго быта. Церковныя древности Костромы относятся по большей части къ XVI—XVII в.в.—блестящей эпохѣ въ исторіи русскаго искусства. Всю совокупность ихъ можно свести къ слѣдующимъ группамъ: памятники церковной архитектуры,—настѣнной живописи, иконописи, металлическаго производства (ювелирнаго и литейнаго), шитья и книжной живописи (миніатюры).

Къ числу архитектурныхъ памятниковъ XVII в. относится Костромской каѳедральный соборъ, построенный на подклѣтѣ, съ галлереями, церковь Воскресенія на Дебрѣ, Троицкая церковь, Спасская церковь (за Волгою), двѣ церкви св. Іоанна Богослова (на Каткиной горѣ и въ Ипатьевской слободѣ), Никольская церковь и соборъ въ Богоявленскомъ монастырѣ. Всѣ онѣ носятъ на себѣ явные слѣды московской архитектуры указаннаго блестящаго періода.

Настѣнныя живописи—лучшія въ Ипатьевскомъ Троицкомъ соборѣ, затѣмъ въ Воскресенской церкви и Спасской за Волгою; всѣ онѣ XVII в., сюда же можно отнести и реставрированныя (Сафоновымъ) живописи Богоявленскаго монастыря. Къ XVIII вѣку относятся живописи Іоанно-Богословской церкви въ Ипат. слободѣ (недавно обновленныя), въ церквахъ—Сергіевской и Архангельской.

Старинныя иконы сохранились во множествѣ почти во всѣхъ Костромскихъ церквахъ. Въ числѣ ихъ выгодно выдѣляется группа мѣстныхъ или сосѣднихъ святынь Макарія Унженскаго, Геннадія Костромского, Ѳеодора, Давида и Константина Ярославскихъ чудотворцевъ, Ѳеодосія Тотемскаго и др. Иконы эти представляютъ не-

маловажный интересъ для иконографіи русскихъ святыхъ, потому и лучшія изъ нихъ были отмѣчены въ записной книжкѣ. Въ общемъ письмо Костромскихъ иконъ представляетъ любопытное явленіе, особенно по сравненію ихъ съ Костромскими же стѣнописями. Въ то время, какъ послѣднія, въ своихъ главнѣйшихъ и древнѣйшихъ представителяхъ XVII в. (Ипат. мон., Воскр. ц.) передаютъ главные типы и стиль Московскихъ и Ярославскихъ росписей XVII вѣка, Костромскія иконы стоятъ внѣ того художественнаго движенія, очагомъ котораго была Царская школа съ Симономъ Ушаковымъ во главѣ: въ иконахъ даже 2-й половины XVII в. мы не видимъ здѣсь того быстро прогрессирующаго новшества, которымъ отличаются стѣнописи и Московскія иконы того времени. Вліяніе Москвы въ Костромѣ вполнѣ ясно обнаруживается въ стѣнописяхъ и архитектурѣ; произведенія шитья, металлическія миніатюры Костромскихъ рукописей составляютъ прямо произведеніе Московскихъ мастеровъ; въ иконахъ же это воздѣйствіе Москвы почти незамѣтно. И это явленіе тѣмъ болѣе любопытно, что въ Царской школѣ въ Москвѣ находилось не мало крупныхъ силъ изъ Костромы, какъ напримѣръ: «первостатейные» иконописцы Гурій Никитинъ, Сила Савинъ, Маркъ Назарьевъ, Петръ Аверкіевъ, Иванъ Лопаковъ и др. Они оставили слѣды своего направленія, между прочимъ, въ стѣнной росписи Ипатьевскаго монастыря. Намъ удалось напасть на нѣкоторые слѣды, ясно указывающіе, что лица эти не порывали связи съ Костромою и, кромѣ Ипатьевской росписи, вносили въ дѣло церковнаго строительства долю своего таланта и знанія: въ Петропавловской церкви сохранился крестъ съ надписью, указывающею на устроеніе его царскимъ изографомъ Гуріемъ Никитинымъ; въ Христорождественской церкви—икона І. Предтечи, написанная, какъ видно изъ подписи, Костромскимъ изографомъ Василіемъ Никитинымъ, бывшимъ въ Царской школѣ. Почему же вся иконопись Костромская не подчинилась господствующему тогда Московскому направленію, почему она удержала въ неприкосновенной цѣлости не только традиціонныя иконографическія композицію и типы, но сохранила и старый стиль и даже наклонность къ темнымъ колерамъ, противъ которыхъ раздавался сильный протестъ

въ школѣ Ушакова? Объясненіе этого явленія заключается въ томъ, что Костромскія иконы всегда писались по преимуществу мѣстными мастерами, которые руководились въ своемъ дѣлѣ старинными образцами и старыми пріемами иконописи и считали недопустимыми тѣ новшества, которыя были усвоены уже Московскою школою. Привычка къ старинѣ и уваженіе къ преданью не допустили вторженія новшествъ въ мѣстную иконопись: мѣстная Костромская иконопись сохранила древнія окаменѣлыя формы, и лишь немногіе примѣры, какъ напр. указанныя иконы В. Никитина, даютъ видѣть, что новая иконопись въ XVII в. не составляла terra incognita для Костромскихъ иконописцевъ, строго консервативныхъ. Аналогичное явленіе можно наблюдать въ иконописи XVII в. на сѣверѣ Россіи, показателемъ которой служитъ извѣстный иконописный подлинникъ Антоніева Сійскаго монастыря. Въ числѣ образцовъ этого подлинника, которыми руководились не одни только монахи Антоніева монастыря, но и другіе сѣвер. иконописцы, мы встрѣчаемъ чаще всего снимки съ старинныхъ иконъ, особенно чудотворныхъ, греческихъ Петра Митрополита и др., и только немногіе снимки съ иконъ Симона Ушакова и его учениковъ показываютъ знакомство этихъ иконописцевъ съ прогрессивною школою, не находившею, однако, здѣсь широкаго распространенія. Очевидно, мѣстный консерватизмъ, по необходимости уступающій мѣсто новшествамъ въ стѣнописяхъ, имѣющихъ не столько иконографическое, сколько декоративное и дидактическое значеніе, строго поддерживался въ иконописи молебныхъ иконъ.—Большая часть Костромскихъ иконъ относится въ XVII вѣку.

Наиболѣе крупную величину въ ряду Костромскихъ церковныхъ древностей представляютъ древности Ипатіевскаго монастыря. Основанный въ XIV в. мурзою Четомъ, обращеннымъ въ христіанство чудеснымъ видѣніемъ, Ипатіевскій монастырь достигъ своего процвѣтанія въ XVI—XVII в.в. Онъ былъ «преименитою лаврою» богатою и знаменитою. Въ XVIII вѣкѣ онъ оскудѣлъ и утратилъ значительную долю своего церковно-общественнаго значенія. Въ настоящее время онъ представляетъ собою церковно-археологическій музей..... «Музей» этотъ мы сейчасъ увидимъ и разсмотримъ по-

дробно. Соборъ Ипатіевскій—памятникъ архитектуры XVII вѣка въ стилѣ Московскомъ, и всѣ существующія предположенія о генетической архитектурной связи его съ соборами Ярославскимъ и Ростовскимъ произошли вслѣдствіе случайныхъ недоразумѣній. Лишь одна Ипатіевская колокольня имѣетъ нѣкоторую связь съ Ростовскою колокольнею и съ колокольнею Суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастыря. Стѣнописи Ипатіевскаго собора исполнены въ 1685 г. артелью Костромскихъ иконописцевъ съ извѣстнымъ Гуріемъ Никитинымъ во главѣ. Иконописцы эти получили свое художественное воспитаніе въ царской школѣ Алексѣя Михайловича; нѣкоторые изъ нихъ считались въ этой школѣ лучшими и принадлежали къ «первой статьѣ». Они работали какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ: ими расписана прекрасно Ильинская церковь въ Ярославлѣ и, можетъ быть, Ѳеодоровская церковь тамъ же. Характеръ художественнаго стиля здѣсь тотъ же самый, что и въ указанныхъ стѣнописяхъ Ярославскихъ, а также и въ Московскихъ, исполненныхъ царскими мастерами.

Молебныя иконы Ипатіевскаго монастыря, въ томъ числѣ и старой ризницы, въ большей своей части составляютъ вклады Д. И. Годунова и другихъ Московскихъ покровителей монастыря, а потому примыкаютъ къ Московской школѣ и въ этомъ смыслѣ уклоняются отъ общераспространеннаго въ Костромѣ традиціоннаго стараго пошиба. Лишь немногія изъ Ипатіевской коллекціи иконъ тянутъ къ старой школѣ. Тѣмъ же характеромъ Московскаго стиля отличаются Ипатіевскіе кресты, образки, складни и шитье; образцы послѣдняго здѣсь многочисленны, и по большей части они составляютъ вклады Годуновыхъ конца XVI в. и первой половины XVII в., какъ показываютъ вышитыя на нихъ надписи.

Въ томъ же собраніи находится значительное количество лицевыхъ рукописей, въ томъ числѣ три лицевыя псалтири XVI вѣка (одна 1591 г., другая 1594 г.); первая изъ нихъ представляетъ своеобразную редакцію миніатюръ, вторая—подобно всѣмъ другимъ славянскимъ Годуновскимъ псалтирямъ, передаетъ типы иллюстрацій Угличской псалтири 1485 г. Два лицевыя Евангелія XVII в., изъ

которыхъ одно въ сокращеніи передаетъ иконографическія композиціи западныхъ гравюръ, въ томъ числѣ библіи Пискатора 1674 г.

Такова обширная наличность археологическихъ памятниковъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ. Личный осмотръ ихъ, къ которому мы теперь переходимъ, и анализъ ихъ формъ — художественныхъ и иконографическихъ поможетъ намъ ввести ихъ, какъ отдѣльныя звенья, въ общую цѣпь художественно-историческихъ явленій и уяснить ихъ историческую важность.

Въ 1 часъ дня гг. члены съѣзда собрались на пристани т-ва «Русь» и на особомъ пароходѣ отбыли въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ подъ руководствомъ проф. Н. В. Покровскаго ознакомились съ древностями монастыря.

При соотвѣтствующихъ объясненіяхъ проф. Н. В. Покровскаго разсмотрѣны:

1. Архитектура собора, фресковая живопись, исполненная въ 1685 году иконописцами — костромичами съ Гурьемъ Никитинымъ во главѣ; иконописцы эти получили образованіе въ царской школѣ царя Алексѣя Михайловича.

2. Значительное собраніе иконъ, большая часть которыхъ относится къ числу вкладовъ Годуновыхъ и ведетъ свое происхожденіе изъ Москвы.

3. Собраніе крестовъ и образковъ; рѣдкое шитье—плащаницы, пелены, воздухи, фелони; шитыя золотомъ и серебромъ и украшенныя драгоцѣннымъ жемчугомъ.

4. Собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ; здѣсь особое вниманіе гг. членовъ обратили на себя:

а) лицевая псалтирь 1591 года, подаренная монастырю Годуновымъ. Въ ней 576 крупныхъ миніатюръ; она представляетъ собой совершенно особую редакцію и потому имѣетъ особенную цѣнность;

б) лицевая псалтирь 1594 г. той же самой редакціи въ миніатюрахъ, какъ Угличская псалтирь 1485 г., Чудовская, Колязинская и др.;

в) лицевыя евангелія, одно 1603 г., другое конца XVII ст.

Собраніе древностей Ипатіевскаго монастыря принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ въ Россіи. (Подробнѣе о древностяхъ Ипатьевскаго монастыря—въ лекціи проф. Н. В. Покровскаго).

Въ 5 часовъ вечера гг. члены съѣзда на томъ же пароходѣ возвратились въ городъ.

Вечернее засѣданіе 22 іюня.

Вечернее засѣданіе II секціи открыто въ 8 час. за отсутствіемъ избраннаго на настоящее засѣданіе почетнаго предсѣдателя преосвященнаго епископа Тихона, подъ предсѣдательствомъ директора народныхъ училищъ И. П. Виноградова.

Занявъ предсѣдательское кресло, И. П. Виноградовъ выразилъ благодарность за почетное избраніе, приписывая послѣднее не своимъ заслугамъ археологической наукѣ, а принадлежности къ составу Костромской архивной комиссіи. Указавъ предметъ занятій настоящаго засѣданія, И. П. Виноградовъ выразилъ пожеланіе, чтобы съѣздъ приложилъ свои силы къ изученію и разработкѣ дорогихъ для Костромы памятниковъ церковной старины. Это пожеланіе тѣмъ осуществимѣе, что въ числѣ ученыхъ силъ, участвующихъ въ съѣздѣ, мы видимъ Н. В. Покровскаго и Ѳ. И. Успенскаго.

Слово было предоставлено члену Ростовскаго музея церковныхъ древностей А. А. Титову «о 52 упраздненныхъ монастыряхъ Костромской епархіи». Докладчикомъ главнымъ образомъ обрисованы всѣ мѣропріятія царей и правительства, начиная съ XIV и кончая XVIII в. относительно секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Указано было и на борьбу Нила Сорскаго съ Іосифлянами и очерчены взгляды ихъ противниковъ. Въ особенности же была выяснена реформа Петра I, который, отбирая церковныя имущества, находилъ сочувствіе со стороны общества въ этихъ мѣропріятіяхъ.

Цитируя изъ напечатанныхъ докладчикомъ книжекъ «Упраздненные монастыри Костромской епархіи», «Старинные волости и станы въ Костромской сторонѣ» и въ особенности изъ лѣтописи Костромского Богоявленскаго монастыря, онъ обратилъ вниманіе на 3 приложенія къ этой лѣтописи, изъ которыхъ видно, что не одна секуляризація была причиной оскудѣнія монастырей. Въ слѣдующихъ двухъ рефератахъ, сопровождавшихся фотографическими снимками,

было объясненіе двухъ рѣдкихъ иконъ: Пресвятыя Богородицы — Милосердіе и Прибавленіе ума.

Первая икона, тождественная со старинной иконой, находящейся въ Трансверѣ и служившая недавно предметомъ реферата во французскомъ обществѣ древностей, имѣетъ разницу въ томъ только, что у ногъ Пресвятой Богородицы на русской иконѣ нѣтъ колѣно-преклоненнаго папы Каллиста II; вторая же икона — Прибавленіе ума, о которой докладчикомъ представлено было печатное изслѣдованіе, имѣетъ сходство съ образомъ Лоретской Пресвятой Богородицы, о которомъ послы царя Василія Ивановича упоминаютъ въ своемъ донесеніи. Они съ разрѣшенія папы пробыли тогда въ Лоретто 4 недѣли. Главный матеріалъ, какъ о святомъ домикѣ, гдѣ помѣщается въ Лоретто эта икона, такъ и о самой легендѣ былъ напечатанъ А. И. Кирпичниковымъ въ «Чтеніяхъ» за 1896 г.

Въ заключеніе было упомянуто объ изданіи почетнымъ членомъ Костромской архивной комиссіи Г. В. Юдинымъ Колесниковскаго синодика: печатное сообщеніе, какъ о синодикѣ, такъ равно и объ основателѣ Колесниковской пустыни старцѣ Капитонѣ было представлено по окончаніи реферата.

А. Ѳ. Селивановъ указалъ на то, что рефератъ А. А. Титова о 52 упраздненныхъ монастыряхъ написанъ съ трехъ рукописей, принадлежащихъ ему, и изъ нихъ одна принадлежала Костромскому историку о. Михаилу Діеву. Среди Костромского духовенства было много лицъ, занимавшихся исторіею своего края. О. І. Арсеньевъ сдѣлалъ очень много для изученія Костромского края. Прот. Островскому принадлежитъ лучшее описаніе Ипатіевскаго монастыря. Указавъ затѣмъ на нѣкоторыхъ лицъ, поработавшихъ для изученія края, А. Ѳ. подробно остановился на дѣятельности Н. Н. Селифонтова. Сдѣлавъ характеристику этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, А. Ѳ. Селивановъ указалъ на работы Н. Н. Селифонтова для Костромского края и на его дѣятельность по Костромской комиссіи, гдѣ онъ 12 лѣтъ былъ предсѣдателемъ. Благодаря Н. Н. Селифонтову открылся при комиссіи Романовскій отдѣлъ, гдѣ собрано много весьма важныхъ документовъ для дома Романовыхъ. Онъ нашелъ и описалъ архивъ «Больше-Сольской избы». Имъ опи-

санъ Линевскій архивъ. Н. Н. былъ прекрасный человѣкъ и удивительный работникъ, сдѣлавшій весьма много для Костромского края.

Второй рефератъ представилъ И. В. Баженовъ на тему «Судьбы Костромского Кремля», развивъ въ своей рѣчи слѣдующія положенія.

Г. Кострома принадлежитъ несомнѣнно къ древнѣйшимъ на Руси городамъ и почти отъ начала своего бытія получилъ то типичное для нихъ устройство внѣшнее, характерную черту котораго составлялъ, между прочимъ, кремль. Но нынѣ посѣтитель г. Костромы—археологъ не видитъ въ немъ ни каменной, ни земляной крѣпости и не находитъ въ немъ даже признаковъ существованія кремля. Отсюда само собой возникаютъ вопросы: гдѣ былъ Костромской кремль и каковъ былъ, какими судьбами не стало его и когда?

Референтъ предварительно высказался, что г. Кострома первоначально построенъ мерянами во второй половинѣ IX вѣка на правомъ высокомъ берегу р. Волги, въ теперешнемъ сельцѣ Городищѣ, что противъ центра самаго города или, точнѣе, противъ соборныхъ храмовъ и зданій. Послѣ разгрома полчищами Батыя въ 1237 г. Суздальской земли и вмѣстѣ г. Костромы, этотъ первоначальный пунктъ осѣдлости мерянъ и славянъ перенесенъ на лѣвую сторону Волги, вѣроятнѣе всего, вел. кн. Владимірскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ (1238—1246 г.)—въ цѣляхъ большихъ удобствъ поддерживать постоянныя сношенія съ Галичемъ. В. кн. Ярославъ Всеволодовичъ далъ новопостроенный г. Кострому въ удѣлъ мизинному сыну своему Василію (род. 1241 г.), и вотъ послѣдній оградилъ или укрѣпилъ свой городъ, конечно, примитивнымъ способомъ, въ виду нападеній Новгородскихъ ушкуйниковъ и татаръ. Укрѣпленіе города завершено въ первой половинѣ XIV вѣка, такъ что здѣсь уже безопасно укрылись отъ татаръ в. кн. Димитрій I. Донской въ 1382 г. и сынъ его Василій Дмитріевичъ въ 1408 году. Укрѣпленіе города послѣ пожара въ немъ въ 1413 г. возсоздано въ видѣ деревянной стѣны съ вооруженіями, устроенной на земляныхъ насыпяхъ. Отъ стрѣльбы съ этого то кремля «изъ большого снаряда» потерпѣлъ пораженіе предводитель польскихъ полковъ панъ Лисовскій въ іюнѣ 1609 года, прибывшій изъ подъ Москвы нагорнымъ берегомъ Волги къ мѣсту Селище для освобожденія поляковъ

и русскихъ измѣнниковъ, вынужденныхъ запереться въ Ипатіевскомъ монастырѣ. Отсюда не подлежитъ сомнѣнію довольно раннее существованіе Костромского кремля. Опредѣленное же представленіе объ устройствѣ его можно получить однакоже изъ документовъ начала XVII вѣка. По писцовымъ книгамъ г. Костромы 1628—30 гг., кремль его былъ расположенъ преимущественно на томъ песчаномъ крутоярѣ, гдѣ въ настоящее время находится Успенскій храмъ съ разными въ оградѣ зданіями, мѣстность отъ него къ городскому саду и самый этотъ садъ. Кремль былъ окруженъ высокими земляными валами и имѣлъ предъ ними глубокіе и широкіе рвы. Осыпь окружена была деревянною стѣною вышиною въ $2^1/_2$ сажени на протяженіи $511^1/_4$ саженъ съ 14 башнями съ выводными боями за городъ. Въ кремлѣ были три улицы. Въ кремлѣ находились прежде всего священныя зданія—соборный храмъ въ честь Успенія Божіей Матери, церковь во имя Похвалы Пресв. Богородицы, Троицкій соборъ, мужской Крестовоздвижинскій монастырь съ двумя церквами, колокольницей и 10 деревянными кельями—въ деревянной оградкѣ. Сверхъ того, помѣщались въ кремлѣ или т. н. старомъ городѣ многія казенныя зданія, осадные дворы и частные дома, между прочимъ, дворъ инокини Марѳы Ивановны, матери царя Михаила Ѳеодоровича, всего же 191 дворъ.

Устройство и видъ обрисованнаго Костромского кремля не разъ подвергались измѣненіямъ особенно отъ дѣйствія всепоглащающей огненной стихіи, въ пожары 1654, 1679 и 1773 годовъ. Вслѣдствіе истребленія огнемъ къ концу XVIII вѣка изъ многочисленныхъ зданій кремля оставались какъ-бы свидѣтелями его лишь Успенскій соборъ и четыре обывательскихъ дома. Земляныя осыпи или валы съ сѣверной и восточной сторонъ срыты въ 1817—18 гг. въ уровень съ площадью у тріумфальныхъ воротъ Успенскаго собора лишь для того, чтобы имѣть мѣсто для городского сада, который затѣмъ и разбитъ въ 1819—20 годахъ. Земляной валъ вблизи бичевника р. Волги въ поврежденныхъ весенними водоразливами остаткахъ своихъ снесенъ, вѣроятно, послѣ пожара 1773 года. Донынѣ сохранился кремлевскій валъ только по направленію отъ востока къ югу притомъ почти на $^2/_3$ своей первоначальной длины, и еще пониженъ

въ уровень съ соборной площадью, причемъ получилъ новое примѣненіе въ качествѣ «малаго бульвара». Громадныя стереотипныя чугунныя пушки еще въ 1814 г. сняты съ кремлевскихъ стѣнъ и во второй половинѣ XIX вѣка помѣщены на возвышенныхъ террасахъ, такъ называемой Муравьевкѣ. Мало по малу исчезъ и совершенно кремль Костромской въ древнемъ типичномъ его устройствѣ, и самое мѣсто его бытія измѣнилось до неузнаваемости.

Наполнявшая залъ собранія многочисленная интеллигентная публика, выслушавши интересный рефератъ съ полнымъ вниманіемъ, наградила референта аплодисментами.

Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя секціи академика Ѳ. И. Успенскаго, послѣдовалъ коллоквіумъ вслѣдствіе выраженныхъ И. А. Виноградовымъ, Д. А. Корсаковымъ и А. П. Голубцовымъ пожеланій имѣть еще болѣе точное представленіе о Костромскомъ кремлѣ и на основаніи изображеній его на древнихъ Костромскихъ иконахъ, также путемъ изученія писцовыхъ книгъ изъ центральныхъ столичныхъ архивовъ, или чрезъ сравнительное сопоставленіе съ остатками кремля въ Галичѣ и Солигаличѣ. По отвѣту г. референта, видъ Костромского кремля болѣе удовлетворительный имѣется лишь въ одной изъ Ярославскихъ церквей на иконѣ. По сообщенію Н. В. Покровскаго, если и можно указать на имѣющіяся въ немногихъ церквахъ Костромской епархіи изображенія Костромского кремля на иконахъ,—во всякомъ случаѣ на основаніи этихъ нерѣдко позднѣе и нехронологично дополненныхъ изображеній нѣтъ возможности установить точный типъ Костромского кремля для извѣстнаго вѣка. Что касается писцовыхъ книгъ г. Костромы, то онѣ имѣются съ датой 1628—30 гг. въ мѣстной городской управѣ и въ позднемъ спискѣ, принадлежащемъ Костромскому Богоявленскому монастырю; текстъ этихъ писцовыхъ книгъ по отдѣлу храмовъ и монастырей г. Костромы уже напечатанъ референтомъ г. Баженовымъ въ Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1899—1901 года, притомъ съ объяснительными подстрочными примѣчаніями его. Начертаніе Костромского кремля, независимо отъ имѣющагося плана отъ 1755 г., на основаніи сравнительнаго сопоставленія его съ остатками кремля въ Галичѣ и Солигаличѣ является

дѣломъ затруднительнымъ для референта вслѣдствіе привязанности его къ г. Костромѣ по своей профессіональной должности.

По окончаніи преній по поводу доклада г. Баженова предсѣдатель секціи академикъ Ѳ. И. Успенскій объявилъ, что назначенный къ прочтенію докладъ г. Первухина отлагается на другое время въ виду того, что 22-го іюня по случаю 25-лѣтія со дня открытія Тверской ученой архивной комиссіи предстоитъ удѣлить нѣсколько времени привѣтствія представителямъ Тверской комиссіи, такъ какъ въ Ученомъ комитетѣ съѣзда было выражено пожеланіе отмѣтить этотъ день выраженіемъ сочувствія Тверской комиссіи. На основаніи сказаннаго г. предсѣдатель секціи предоставляетъ слово предсѣдателю Костромской комиссіи кн. А Н. Оболенскому, привѣтствовавшему представителей Тверской комиссіи въ такихъ выраженіяхъ: «Въ день исполняющагося 25-лѣтія существованія Тверской архивной комиссіи Костромская комиссія счастлива привѣтствовать свою старшую сестру въ лицѣ присутствующихъ здѣсь предсѣдателя ея и многочисленныхъ членовъ и пожелать ей процвѣтанія на пользу общаго намъ дорогого дѣла».

Послѣ этого проф. Д. А. Корсаковъ обратился къ съѣзду съ слѣдующею рѣчью:

«Милостивые государи и милостивыя государыни!

«Сегодня исполнилось 25 лѣтъ съ основанія Тверской губернской ученой архивной комиссіи. Среди насъ находятся ея почтенный предсѣдатель И. А. Ивановъ, правитель дѣлъ И. А. Виноградовъ и много потрудившійся на ея пользу Б. В. Штюрмеръ; много ея ученыхъ дѣятелей, членовъ Тверской комиссіи съ ея членомъ—основателемъ П. Ѳ. Симсономъ во главѣ прибыли на IV Областной археологическій съѣздъ, въ Кострому. Плодотворная дѣятельность Тверской архивной комиссіи на поприщѣ изученія мѣстной древности и старины всѣмъ намъ хорошо извѣстна. Но указавъ на ея важное научное значеніе, слѣдуетъ воспомянуть добрымъ, благодарнымъ словомъ ея иниціатора, виновника ея возникновенія 22 іюня 1884 года,—приснопамятнаго Августа Казимировича Жизневскаго (р. 1819)†(1896 г.). Полякъ по происхожденію, римскій католикъ по вѣроисповѣданію, юристъ по образованію и первоначальной

своей служебной дѣятельности, а затѣмъ по той же дѣятельности финансистъ,—онъ совершенно сроднился съ русскимъ народомъ, полюбилъ сердечно наше русское прошлое, жилъ одною съ нами жизнію въ настоящемъ и вѣровалъ въ грядущія великія судьбы Россіи. Около 30-ти лѣтъ А. К. Жизневскій былъ управляющимъ Тверской казенной палатой и въ это то долгое свое тамъ служеніе проявилъ свою энергію въ изученіи археологіи и археографіи верхняго Поволжья, глубоко постигнувъ, что настоящее народа есть результатъ его минувшаго, корни котораго лежатъ въ отдаленныхъ отъ насъ вѣкахъ древности и старины.

«Прибывъ въ Тверь, А. К. Жизневскій засталъ тамъ промышленный и с.-хозяйственный музей при губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Въ этомъ музеѣ находилось случайно въ него попавшихъ всего 13 предметовъ мѣстной древности. Августъ Казимировичъ создаетъ изъ этой крупицы громадный, благоустроенный и ученоорганизованный Тверской археологическій музей, принадлежащій въ наст. вр. къ числу старѣйшихъ и лучшихъ провинціальныхъ музеевъ. Въ 80-хъ гг. онъ одинъ изъ первыхъ отзывается на призывъ Н. В. Калачова, директора открытаго въ 1878 г. археологическаго института въ Петербургѣ—основывать губернскія ученыя архивныя комиссіи, для сохраненія мѣстныхъ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ древности и старины. И съ какой любовью, съ какой энергіей принимается А. К. Жизневскій за это дѣло въ Твери! Онъ составляетъ инструкціи по собиранію этихъ памятниковъ подчиненнымъ ему чиновникамъ казенной палаты и, въ особенности, только что учрежденнымъ податнымъ инспекторамъ; сходится съ Тверскимъ духовенствомъ, особенно съ монашествующимъ, получая изъ монастырей богатые вклады въ свой музей; самъ, наконецъ, предпринимаетъ ученыя археолого-археографическія экскурсіи по Тверской губерніи и собираетъ вокругъ себя мѣстныя въ то время еще очень скудныя, ученыя силы, главн. образ., изъ лицъ духовныхъ и преподавателей семинаріи. Т. обр., А. К. Жизневскій создаетъ какъ бы особую Тверскую школу, по изученію памятниковъ древности. Изъ числа его первыхъ учениковъ является присутствующій въ настоящемъ засѣданіи И. А. Ивановъ, который становится преем-

никомъ Жизневскаго, какъ въ качествѣ управляющаго Тверской казенной палатой, такъ и въ качествѣ предсѣдателя Тверской ученой архивной комиссіи. И. А. Ивановъ, идя по стопамъ своего учителя, достойно продолжаетъ его дѣло. При немъ возникаютъ въ Твери въ 1903 г. 2-й Областной археологическій съѣздъ (1-й былъ въ Ярославлѣ въ 1901 г.), и въ 1904 г. археологическіе курсы.

«Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, высокопочтенная дѣятельность основателя и, такъ сказать, зиждителя Тверской ученой архивной комиссіи А. К. Жизневскаго, и я смѣю думать, что исполню лишь наше общее желаніе, если предложу почтить его память вставаніемъ».

Послѣ рѣчи проф. Д. А. Корсакова П. Ѳ. Симсонъ въ тепломъ словѣ напомнилъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ открывалась Тверская комиссія. Академикъ Ѳ. И. Успенскій привѣтствуетъ Тверскую комиссію отъ имени II секціи IV Областного съѣзда. Заключительное слово принадлежитъ И. А. Иванову, который говоритъ:

«Г.г.! я не только тронутъ Вашимъ милостивымъ вниманіемъ ко мнѣ и представляемой мною Тверской ученой архивной комиссіи, но даже смущенъ и подавленъ Вашею лестною и незаслуженною оцѣнкой нашей скромной дѣятельности. Всѣ наши заботы, всѣ наши усилія направлены лишь къ тому, чтобы поддержать то высокое мнѣніе, которое установилось относительно Тверской комиссіи, благодаря трудамъ Авг. Каз. Жизневскаго, и по совѣсти скажу, что намъ и это трудно. Приношу глубокую благодарность Вамъ, многоуваж. кн. Александръ Николаевичъ, Костром. комиссіи, членамъ IV обл. археологическаго съѣзда и всѣмъ почтившимъ нашъ юбилей своимъ молитвеннымъ участіемъ и поздравленіемъ. Однако я долженъ сказать, что, уступая настоящій день съѣзду, какъ учрежденію, обнимающему всѣ архивныя комиссіи, мы не желали праздновать его за счетъ нашихъ Костромскихъ друзей, нашихъ радушныхъ хозяевъ. У насъ въ Твери рѣшено отпраздновать нашъ юбилей дома обычнымъ церковнымъ торжествомъ, публичнымъ засѣданіемъ нашей комиссіи и экскурсіями въ наиболѣе интересные и наименѣе посѣщаемые уголки Тверского края. Такія экскурсіи у насъ предположены: въ с. Микулино-Городище—бывшій стольный городъ Твер-

ского удѣльнаго княжества на р. Шошѣ. Здѣсь сохранился древній соборъ, просуществовавшій около 600 лѣтъ и задержанный въ своемъ разрушеніи незабвеннымъ моимъ начальникомъ, наставникомъ и другомъ Авг. Казим. Жизневскимъ.

«Въ этомъ дѣлѣ существенную помощь оказалъ извѣстный знатокъ нашей древней архитектуры Ник. Вл. Султановъ: вмѣстѣ съ Авг. Казим. Жизневскимъ онъ взбирался на шаткія, опасныя стѣны Микулинскаго собора. Теперь въ немъ совершаются богослуженія. Въ Микулинѣ есть прекрасно сохранившійся земляной валъ, т. к. здѣсь не было только что указанныхъ (Ив. Вас. Баженовымъ) причинъ нивеллировки наиболѣе примѣчательныхъ мѣстъ нашихъ городовъ.

«Вторая и третья экскурсіи предположены по Волгѣ, на родину матери знаменитаго Тверск. кн. Св. Благов. Михаила въ с. Эдимоново, въ 40 верстахъ отъ Твери и въ г. Калязинъ. Въ послѣднемъ, въ соборѣ препод. Макарія Калязинскаго недавно превосходно и бережно реставрированы Сафоновымъ фрески 1654 г., которыя, смѣю думать, превосходятъ все, что можно видѣть по этой части въ верхнемъ Поволжьи. Экскурсіей въ Калязино я надѣюсь заплатить мой давнишній долгъ нашему глубокочтимому шефу, Н. В. Покровскому, который давно просилъ свозить его въ Калязинъ. Еще разъ покорно благодарю Васъ, г.г., за оказанную намъ честь и покорнѣйше прошу пожаловать къ намъ въ Тверь въ половинѣ августа на нашъ Тверской археологическій праздникъ».

Послѣ рѣчи И. А. Иванова оглашается привѣтственная телеграмма, полученная предсѣдателемъ съѣзда отъ гр. П. С. Уваровой, а въ 10 час. вечера предсѣдатель объявляетъ засѣданіе закрытымъ.

23 іюня, вторникъ.

Гг. члены были осчастливлены въ этотъ день Всемилостивѣйшей телеграммой ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Государя Императора на имя г. Костромского губернатора, слѣдующаго содержанія:

«Сердечно благодарю за молитвы и вѣрноподданническія чувства всѣхъ собравшихся на закладку музея въ близкой Моему сердцу Костромѣ.

НИКОЛАЙ».

Отъ 11 час. утра до 1 часу дня 23 іюня гг. члены IV Областного археологическаго съѣзда, во главѣ съ президіумомъ, осматривали достопримѣчательности Костромского Богоявленскаго женскаго монастыря. Основанный на «посадѣ» въ половинѣ XV вѣка, старцемъ Никитою, ученикомъ преп. Сергія Радонежскаго, монастырь этотъ былъ мужскимъ до 5 декабря 1847 года, когда упраздненъ, вслѣдствіе того, что былъ истребленъ пожаромъ 6 сентября того-же года. Изъ состоянія запустѣнія онъ возстановленъ игуменьею Крестовоздвиженскаго монастыря Маріею Давыдовою, по указу Св. Синода въ 1863 году, съ преобразованіемъ его въ женскую обитель, и затѣмъ ею-же, Маріею Давыдовою, приведенъ въ наилучшее состояніе, поддерживаемое и донынѣ.

При осмотрѣ названнаго монастыря объясненія давалъ членъ совѣта мѣстной ученой архивной комиссіи И. В. Баженовъ. Вниманіе экскурсантовъ было обращено на Богоявленскій храмъ, построенный въ 1565 году, и нынѣ обращенный въ алтарь той обширнѣйшей и благолѣпной церкви, которая въ 1864 — 1869 гг. пристроена къ нему съ западной стороны.

Въ нынѣшнемъ алтарѣ сей церкви, бывшемъ первоначальномъ храмѣ, сохранилась древняя (отъ 1672 года) фресковая живопись, но нѣсколько поновленная, преимущественно въ нижнихъ ея частяхъ.

Затѣмъ члены съѣзда посѣтили устроенныя подъ Богоявленскимъ храмомъ усыпальницы, съ небольшою при нихъ церковью во имя великомуч. Никиты и преп. Сергія Радонежскаго. Въ усыпальницахъ этихъ находятся гробницы основателя монастыря, старца

Никиты, дѣтей князя Василія Ярославича Боровскаго (племянниковъ вел. князя Василія Васильевича Темнаго), родовъ бояръ Салтыковыхъ, князей: Хованскихъ, Кастыревыхъ и другихъ, а также гробницы игуменовъ монастыря Исаіи и Герасима и игуменій Маріи и Евпраксіи.

При осмотрѣ усыпальницъ членами съѣзда, гробницы были прикрыты древними покровами, серебряныя дробницы съ коихъ уже давно сняты и употреблены частью на украшеніе иконостаса храма въ усыпальницѣ и частью на украшеніе св. воздуховъ.

Особенное вниманіе экскурсантовъ привлекъ находящійся въ этомъ же монастырѣ каменный храмъ во имя Святителя Николая, съ придѣломъ во имя Святого Архистратига Михаила сооруженный Е. М. Салтыковой (урожденною графиней Шереметевой), надъ прахомъ ея супруга, генералъ-маіора Михаила Петровича Салтыкова († въ 1750 г.).

Въ этомъ именно храмѣ были сосредоточены, для удобства обозрѣнія, всѣ наиболѣе древнія и цѣнныя достопримѣчательности монастырской ризницы и библіотеки, а именно: а) три экземпляра серебряныхъ вызолоченныхъ, изящной работы, священныхъ сосудовъ—вкладъ Салтыковыхъ; б) семь серебряныхъ же вызолоченныхъ напрестольныхъ крестовъ, съ драгоцѣнными украшеніями, отъ начала XVII вѣка; в) три также серебряныхъ вызолоченныхъ, изящной филигранной работы, кадила, верхнія части двухъ изъ коихъ представляютъ подобіе многоглаваго храма въ готическомъ стилѣ; г) двѣ круглыхъ ладаницы, также серебряно-вызолоченныхъ, съ крышками, отъ половины XVII вѣка; д) двѣ серебряныя же вызолоченныя водосвятныя чаши; е) два таковыхъ же (серебряныхъ вызолоченныхъ) блюда; ж) два оплечья, сплошь вышитыя жемчугомъ, пожертвованныя въ 1613 году княземъ Димитріемъ Михаиловичемъ Пожарскимъ.

Изъ богослужебныхъ книгъ, здѣсь-же расположенныхъ, привлекли особенное вниманіе Евангелія, въ количествѣ 17, изъ коихъ одно пожертвовано княземъ Василіемъ Волконскимъ, въ 1630 году, а другое—Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, въ 1635 г.

Въ отдѣлѣ памятниковъ рукописныхъ были осмотрѣны книги

богослужебныя, синодики и сборники для назидательнаго чтенія, изъ которыхъ многіе относятся, по времени написанія, къ XV и и XVI вѣкамъ.

Въ заключеніе членами съѣзда былъ осмотрѣнъ тайникъ подъ одной изъ стѣнъ монастырской ограды, а также выходящая на Троицкую улицу башня, въ которой произведены городскимъ архитекторомъ Н. И. Горлицинымъ раскопки, для опредѣленія направленія подземнаго хода къ Ипатіевскому монастырю.

На обратномъ пути были осмотрѣны часовни монастыря, съ мѣстно-чтимыми (отъ 1672 г.) изображеніями на стѣнѣ: Смоленской иконы Божіей Матери и Св. Николая Чудотворца, и также два храма Анастасіинскаго женскаго монастыря — Анастасіинскій Ризположенскій и маловмѣстительный Срѣтенскій.

Въ 2 часа дня гг. члены съѣзда, по приглашенію гг. гласныхъ Костромской городской думы, собрались въ залъ городского общественнаго управленія, гдѣ имъ былъ предложенъ роскошный завтракъ, прошедшій чрезвычайно оживленно и сопровождавшійся многочисленными рѣчами и тостами. Первымъ былъ провозглашенъ г. начальникомъ губерніи тостъ за драгоцѣнное здоровье Государя Императора, покрытый восторженными криками «ура» и сопровождаемый троекратнымъ исполненіемъ народнаго гимна, послѣ чего г. начальникомъ губерніи былъ оглашенъ текстъ ВЫСОЧАЙШЕЙ телеграммы. Оглашеніе текста снова сопровождалось восторженными криками «ура» и троекратнымъ исполненіемъ народнаго гимна. Далѣе слѣдовали тосты за участниковъ съѣзда, дорогихъ гостей г Костромы, за городское общественное управленіе съ городскимъ головой во главѣ, Б. В. Штюрмера, проф. Н. В. Покровскаго, академиковъ А. И. Соболевскаго и Ѳ. И. Успенскаго, за Костромскихъ г. губернатора и вице-губернатора, за Д. И. Иловайскаго, за гражданъ г. Костромы, за Костромскихъ дворянъ, за К. Н. Козырева, за процвѣтаніе города, за Преосвященнаго Тихона, за П. В. Щулепникова, за академика Ѳ. И. Успенскаго, за представителей печати, за дамъ, за проф. Д. А. Корсакова, за А. А. Титова, за строителя музея Н. И. Горлицына, за Л. П. Скворцова, за секретарей съѣзда во главѣ съ В. А. Андрониковымъ, за ста-

рѣйшаго костромского педагога В. А. Горицкаго. Рѣчи произнесли: г. Костромской губернаторъ, городской голова Г. Н. Ботниковъ, проф. Н. В. Покровскій, В. А. Шевалдышевъ, Л. П. Скворцовъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. Н. Козыревъ, И. А. Ивановъ, П. В. Щулепниковъ и Н. И. Троицкій.

Послѣ первой рѣчи И. А. Иванова, по иниціативѣ г. начальника губерніи, была отправлена привѣтственная телеграмма И. А. Шлякову.

Оживленная бесѣда продолжалась почти до 5 час. вечера.

Подробный текстъ рѣчей, произнесенныхъ на завтракѣ въ городской думѣ 23-го іюня.

Рѣчь г. начальника губерніи.

Приношу Вамъ, гг., глубокую благодарность за Ваше доброе ко мнѣ расположеніе и оказанную мнѣ честь. Прошу вѣрить, что я, насколько у меня хватитъ силъ и здоровья, всегда готовъ сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, на пользу науки и славнаго города Костромы. Хотя я сейчасъ и считаю себя костромичемъ и близко къ сердцу принимаю интересы ввѣренной мнѣ губерніи и буду принимать и впредь, поколѣ Государю Императору угодно будетъ меня здѣсь оставить, тѣмъ не менѣе я не могу сравнить своихъ заслугъ предъ Костромской архивной комиссіей съ заслугами коренныхъ костромичей. Пью за здоровье Костромскихъ членовъ архивной комиссіи со Л. П. Скворцовымъ во главѣ и отъ всей души и всего сердца провозглашаю громкое «ура»!

Рѣчь проф. Н. В. Покровскаго.

Одинъ изъ нашихъ крупныхъ писателей, костромичъ по происхожденію (А. Ѳ. Писемскій), называлъ Кострому русскими «Аѳинами», и въ этомъ слишкомъ лестномъ для Костромичей и пристрастномъ отзывѣ есть нѣкоторая доля правды. Дѣйствительно,— Кострома дала Россіи немало крупныхъ историческихъ именъ —Ивана Сусанина, Арсеньева, Писемскаго, Островскаго, археологовъ —Епископовъ Порфирія и Сергія. Въ настоящее время многіе изъ костро-

мичей также съ успѣхомъ посвящаютъ свои труды ученымъ разысканіемъ въ области археологіи. Такимъ образомъ для настоящаго археологическаго съѣзда въ Костромѣ мы имѣемъ исторически подготовленную почву, и съѣздъ находитъ здѣсь радушный пріемъ. Кострома встрѣтила археологовъ какъ старыхъ хорошихъ друзей, а это подымаетъ нашу ученую энергію и облегчаетъ выполненіе трудныхъ, но важныхъ и симпатичныхъ задачъ Костромского съѣзда. Поднимаю бокалъ за процвѣтаніе родного города и родного края.

Рѣчь В. А. Шевалдышева.

Немного болѣе ста лѣтъ тому назадъ англичанинъ Джемсъ Уаттъ удивилъ міръ своимъ изобрѣтеніемъ.—Какъ бы по мановенію волшебника измѣнилось лицо земли... Завертѣлся громадный маховникъ паровой машины... Застучали тысячи станковъ... Загудѣли милліоны веретенъ... Загрохоталъ паровой молотъ. И грохотомъ машинъ была заглушена тихая пѣсня ручного мастера. Машины выкинули на рынокъ массы дешеваго товара и задушили индивидуальное, народное творчество. Для насъ, людей жизни, профановъ въ наукѣ и искусствѣ дороги указанія людей науки на предметы, гдѣ сказалось творчество нашихъ предковъ. Вѣдь вы, по счастливому выраженію Н. В. Покровскаго, пришли къ намъ, чтобы научить насъ познать памятники старины, чтобы, познавъ, мы ихъ полюбили, а, полюбивъ, сохранили. Вы пришли помочь намъ сохранить памятники Костромского края. Вы пришли помочь намъ сохранить въ неприкосновенности красоты нашей Волжской красавицы, златоглавой Костромы.

Привѣтствуемъ Васъ, дорогіе гости! Граждане Костромы бьютъ вамъ челомъ. И я не могу не предложить тоста за представителей нашего съѣзда: Б. В. Штюрмера, Н. В. Покровскаго, Ѳ. И. Успенскаго, А. И. Соболевскаго. Ура!!

Рѣчь Л. П. Скворцова.

Я предлагаю тостъ за непремѣннаго попечителя Костромской архивной комиссіи А. П. Веретенникова и предсѣдателя Костромской ученой архивной комиссіи, кн. А. Н. Оболенскаго, дѣятель-

ность которыхъ, недавно прибывшихъ въ Кострому, носитъ характеръ дѣятельности людей, преданныхъ дѣлу, людей какъ бы родныхъ городу Костромѣ.

Рѣчь проф. Д. А. Корсакова.

А. А. Титову угодно было почтить меня тостомъ. Дѣйствительно, моя первая ученая работа, моя магистерская диссертація, посвящена исторіи Ростовскаго княжества, въ составъ котораго входила и Костромская область. Но послѣдующія ученыя работы по исторіи Ростова Великаго А. А. Титова совершенно затмили и оставили назади мой скромный трудъ. Предлагаю, господа, тостъ за А. А. Титова.

Рѣчь К. Н. Козырева.

Второй разъ, въ памятный день закладки музея дома Романовыхъ и сегодня, мнѣ оказываютъ высокую честь привѣтствіемъ въ родномъ городѣ. Я тронутъ такимъ вниманіемъ тѣмъ въ большей степени, что оно получено мною, такъ сказать, авансомъ. Но дѣйствительно, благодарный сынъ своей родины, проведшій здѣсь дѣтство и ранніе юношескіе годы, когда закладываются въ душѣ подъ впечатлѣніемъ быта и обстановки, основныя черты характера человѣка, я не хотѣлъ явиться на родину съ пустыми руками и рѣшилъ поклониться городу Костромѣ подаркомъ—моимъ художественно-историческимъ собраніемъ гравюръ.

Имѣя честь быть членомъ археологическаго съѣзда, я въ настоящую минуту помню только объ одномъ, что костромичъ я, а потому горжусь радушіемъ, съ которымъ городъ встрѣчаетъ своихъ гостей. Поднимаю бокалъ за Костромское городское общественное управленіе.

Рѣчь И. А. Иванова.

Присоединяясь къ привѣтствію Д. А. Корсакова, обращенному къ А. А. Титову, какъ къ неутомимому изслѣдователю и издателю древностей Ярославско-Ростовскаго края, я не могу не отмѣтить другой, не менѣе важной заслуги А. А., который вмѣстѣ съ дру-

гимъ почтеннымъ труженикомъ ростовцемъ И. А. Шляковымъ спасъ отъ разрушенія Ростовскій кремль съ его знаменитой Бѣлой палатой, съ его дивными митрополичьими церквами. Титовъ и Шляковъ не только спасли кремль, не только прекрасно реставрировали его древніе храмы, но и образовали въ немъ богатѣйшій и интереснѣйшій историко-археологическій музей. И теперь не только русскіе любознательные люди, но и иностранцы съ Волги и съ желѣзной дороги сворачиваютъ въ древній Ростовъ, чтобы обозрѣть музей, церкви кремля, послушать единственный въ своемъ родѣ музыкальный Ростовскій звонъ. И какъ радушно встрѣчаетъ каждаго посѣтителя добрѣйшій И. А. Шляковъ! Для него это истинный праздникъ.

Честь и слава этимъ почтеннымъ труженикамъ древняго Ростова Великаго!

Рѣчь П. В. Щулепникова.

Въ переживаемое нами время, когда непреклонною волею нынѣ царствующаго Государя Императора Россія твердо вступила на путь обновленія, уврачеванія своихъ ранъ и развитія своего могущества, русскіе люди въ правѣ увѣровать, что, наконецъ то миръ и «въ человѣцѣхъ благоволеніе» уже не недосягаемая мечта, а совершившееся событіе. Мы, костромичи, съ историческихъ временъ и до сего дня выдѣлялись своимъ единеніемъ, своей горячей любовью къ родинѣ и своею преданностью Престолу, не за страхъ и не за личныя выгоды, а за совѣсть. Для нашей маленькой Костромы великое торжество закладка археологическаго музя съ Романовскимъ отдѣломъ и открытіе IV Областного археологическаго съѣзда, къ которому мы относимся съ любовью и гордостью, твердо вѣруя, что при такихъ обстоятельствахъ затѣянное обществомъ, при горячемъ и дѣятельномъ участіи мѣстной администраціи, дѣло не будетъ мертвымъ дѣломъ, а будетъ вѣчно живымъ и плодотворнымъ результатомъ нашей работы; эта вѣра утверждается въ насъ тѣмъ благосклоннымъ и въ высшей степени доброжелательнымъ нашему дѣлу отношеніемъ нашихъ гостей—великихъ русскихъ работниковъ науки; мы убѣждены, что Вы, господа, не ограничитесь тѣми, въ высшей степени интересными и необходимыми для знанія каждаго русскаго

докладами, но и будете укрѣплять въ насъ своими сообщеніями любовь къ нашей сѣдой старинѣ, а также не оставите своими компетентными указаніями и руководствомъ наше начинающееся дѣло.

Я, какъ костромской дворянинъ, счастливъ, что первая лепта на это имѣющее огромное значеніе для мѣстнаго населенія дѣло была положена Костромскимъ дворянствомъ, давшимъ безвозмездно въ продолженіе многихъ лѣтъ помѣщеніе для музея, а теперь уступившимъ также безплатно подъ постройку музея свою лучшую землю.

Безъ знаній и любви къ прошлому своего родного края не можетъ быть любви къ настоящему, а безъ этой любви не можетъ быть не только здороваго государственнаго дѣла, но и самое существованіе человѣка представляется для меня безцвѣтнымъ.

Я закончу, гг., слѣдующимъ короткимъ пожеланіемъ: дай Богъ, чтобы труды Ваши были одной изъ тѣхъ крупицъ, которыя не только въ насъ — Костромичахъ, но и во всѣхъ русскихъ людяхъ воскресили, обновили и украсили любовь къ родинѣ!

Рѣчь Н. И. Троицкаго.

Еще 32 года тому назадъ, я, по порученію графа Ал. С. Уварова, впервые предпринялъ изслѣдованіе побережья Волги на пространствѣ Костромской губерніи съ археологической цѣлью. Не замедлили оказаться результаты въ видѣ интересныхъ находокъ, именно—каменныхъ орудій неолитической эпохи (въ Нерехтскомъ уѣздѣ, близъ с. Рождествино-Мятлевыхъ). Объ этомъ и было мной сдѣлано сообщеніе на Всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ въ 1881 году, что и напечатано въ «Трудахъ» этого съѣзда. Но тогда еще и мечтать нельзя было о томъ, что сдѣлано въ послѣдующее время: теперь мы видимъ здѣсь ученое общество, здѣсь основанъ музей, здѣсь собрался областной археологическій съѣздъ. Честь и слава Костромскимъ дѣятелямъ! Кого же благодарить за все это?—Всѣхъ, кто стоитъ во главѣ дѣла, кто непосредственно трудится надъ собираніемъ и разработкой памятниковъ, и всѣхъ сочувствующихъ дѣлу разработки отечественной археологіи.

Вторая рѣчь И. А. Иванова.

Много здѣсь провозглашено было тостовъ. Казалось бы, что они исчерпаны! Нѣтъ, г.г.! Существуетъ старинное изреченіе, которое говоритъ, что, если войдешь въ какое либо собраніе, учрежденіе или присутствіе, то прежде всего поклонись «Богу, Царю и секретарю». Мы здѣсь пили за всѣхъ выдающихся лицъ, но секретарей то и позабыли. Между тѣмъ они несутъ громадную работу; поэтому я и предлагаю тостъ за секретарей съѣзда, во главѣ съ В. А. Андрониковымъ.

Вечернее засѣданіе 23 іюня.

Засѣданіе секціи археографіи и палеографіи.

П. Ѳ. Симсонъ прочелъ докладъ: «Одинъ изъ первыхъ нашихъ библіографовъ, патріаршій крестьянинъ изъ г. Осташкова Петръ Антипычъ Меншагинъ». Рукопись Меншагина, пріобрѣтенная П. Ѳ. Симсономъ и послужившая предметомъ реферата, автографъ Меншагина, заключаетъ въ себѣ 556 листовъ скорописью Петровскаго времени. Трудолюбивый и даровитый патріаршій крестьянинъ изъ Осташкова, «о Св. писаніи снискатель», какъ онъ себя называетъ, составилъ, заимствуя матеріалъ изъ старопечатныхъ книгъ и частью изъ рукописей, обширную энциклопедію свѣдѣній, которыя, по мнѣнію его, были полезными, по тому времени, для православнаго читателя. Содержаніе труда Меншагина составляли: Священная исторія, исторія церкви, включая возникновеніе раскола, богословскіе трактаты, каноническія и отреченныя книги и житія отцовъ церкви и прославленныхъ русскихъ угодниковъ. При описаніи печатныхъ книгъ Меншагинымъ указаны: время выхода ихъ, содержаніе, заглавіе отдѣльныхъ статей, форматъ изданія, количество листовъ и иногда—число строкъ на страницѣ, словомъ, по мнѣнію докладчика, составителемъ продѣлана полная библіографическая работа. Сравнивая работу Меншагина съ трудомъ отца русской библіографіи Сильвестра Медвѣдева, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что патріаршій крестьянинъ Меншагинъ не уступаетъ Медвѣдеву и долженъ быть включенъ въ число тѣхъ уроженцевъ Твер-

ского края, которыми этотъ край можетъ гордиться по праву. Въ преніяхъ къ докладу приняли участіе: проф. А. С. Невзоровъ, И. А. Ивановъ, И. А. Виноградовъ, проф. А. И. Алмазовъ, П. В. Булычевъ и академикъ А. И. Соболевскій. Проф. А. С. Невзоровъ пожелалъ выясненія вопросовъ: а) сколько книгъ, какого времени и изъ какой области было описано Меншагинымъ, и б) не относится ли его трудъ къ числу поучительныхъ произведеній, вродѣ «Пчелы», «Измарагда» и т. п. И. А. Ивановъ указалъ, что матеріалъ для своего труда Меншагинъ могъ черпать у себя на родинѣ, издавна представлявшей одинъ изъ культурныхъ центровъ. И. А. Виноградовъ добавилъ, что, кромѣ Меншагина, изъ той же мѣстности происходилъ и другой выдающійся труженикъ науки въ Петровское время авторъ знаменитой «ариѳметики» Л. Ф. Магницкій. П. В. Булычевъ внесъ поправку относительно принадлежности труда «оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ» Епифанію Славинецкому, а не Сильвестру Медвѣдеву. Въ заключеніе предсѣдатель академикъ А. И. Соболевскій высказалъ мнѣніе, что трудъ Меншагина нельзя считать за библіографическій. Скорѣе—это работа библіофила, преслѣдовавшаго свои особыя цѣли.

Второй докладъ былъ прочитанъ С. Н. Введенскимъ на тему: «Слово о погыбели Русскыя земли», какъ историческій и литературный памятникъ сѣверо-восточной Руси XIII вѣка.

Референтъ полагаетъ, что, «Слово», по внѣшнимъ сторонамъ и по содержанію его сохранившагося текста, есть въ основѣ своей произведеніе южно-русское. Эту основу его составили пѣсни о могуществѣ и славѣ Русской земли при Мономахѣ и о послѣдовавшемъ затѣмъ упадкѣ южной Руси. На сѣверо-востокѣ южная основа «Слова» подверглась добавкамъ и осложненіямъ, главнымъ образомъ въ сторону этнографическаго перечня народовъ, покоренныхъ Русью.

Наиболѣе существенныя изъ наслоеній были сдѣланы около 30-хъ годовъ XIII вѣка, послѣ удачныхъ походовъ Ярослава Всеволодовича на инородцевъ. Въ послѣдующее время «Слово о погыбели Русскыя земли» съ этими сѣверо-восточными добавками стало входить въ составъ произведеній житійнаго характера, привязываясь къ матеріалу житій чисто механически.

Рефератъ вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ приняли участіе: проф. М. В Довнаръ Запольскій, А. И. Некрасовъ, проф. Д. И. Иловайскій, академикъ А. И. Соболевскій, П. Ѳ. Симсонъ и Н. И. Троицкій. Проф. Довнаръ-Запольскій призналъ неубѣдительными доводы реферата въ пользу южно-русскаго происхожденія «Слова». А. И. Некрасовъ указалъ на возможность чисто-литературнаго происхожденія географическихъ и этнографическихъ упоминаній въ «Словѣ», они не даютъ достаточнаго основанія для рѣшенія вопроса о мѣстѣ происхожденія «Слова». Д. И. Иловайскій присоединился къ мнѣнію А. И. Некрасова. А. И. Соболевскій, возражая на положеніе референта объ южно-русскомъ происхожденіи «Слова», поставилъ вопросъ: а) нужно-ли было автору южно-русскаго происведенія говорить о смерти Ярослава, о народѣ Буртасахъ и сѣверномъ городѣ Устюгѣ; б) какъ объясняется связь «Слова» съ житіемъ Александра Невскаго. Въ резюмэ доклада А. И. Соболевскій высказалъ мнѣніе, что «Слово» представляетъ весьма любопытный въ научномъ отношеніи памятникъ древней русской письменности, къ сожалѣнію, дошедшій до насъ въ жалкомъ видѣ. При этомъ имъ выражена была надежда, что найдутся новые списки «Слова», которые представятъ намъ въ болѣе полномъ видѣ это замѣчательное произведеніе древней русской поэзіи.

24 іюня, среда.

24 іюня утромъ многочисленная и разнообразная публика собралась въ Ипатіевскій монастырь для того, чтобы, по выслушаніи Божественной литургіи, принять участіе въ крестномъ ходѣ къ часовнѣ при озерѣ Святомъ для служенія молебна по случаю воспоминанія о побѣдѣ, триста лѣтъ тому назадъ одержанной здѣсь костромичами надъ полчищами поляковъ. Уже съ 10 час. утра и до 1 часу дня были осматриваемы гг. археологами и группами другихъ посѣтителей разнообразныя достопримѣчательности Ипатіевскаго монастыря.

Имп прежде всего полонъ весь Троицкій соборный храмъ, устроенный въ 1558 г. иждивеніемъ бояръ Годуновыхъ Димитрія Ивановича и Бориса Ѳеодоровича и въ 1652 году зоново возсозданный по образцу Ярославскаго соборнаго храма въ византійско-

русскомъ стилѣ; чудный величественный портикъ храма съ подвѣсными гирьками, самыя врата въ церковь во вкусѣ XVII вѣка, внутреннія въ нихъ двери изъ желѣза, обитыя латунью съ разнообразными изображеніями въ отдѣльныхъ рамкахъ, сдѣланными сусальнымъ золотомъ, все снизу доверху альфресковая роспись стѣнная именитыми зографами Костромскими, грандіозный въ старинномъ стилѣ иконостасъ, всѣ древнѣйшія иконы въ храмѣ,— вся эта древность, равно и царское мѣсто при правомъ клиросѣ не могли не заинтересовать гг. археологовъ. Истовое благолѣпное священнослуженіе преосвященнаго Тихона оставило въ сердцахъ посѣтителей этого древняго храма отрадныя и неизгладимыя впечатлѣнія.

Находившіеся ранѣе въ монастырской ризницѣ разнообразные предметы древности, по иниціативѣ преосвященнаго Тихона, для большихъ удобствъ обозрѣнія ихъ были особо сосредоточены въ тепломъ Рождество-Богородицкомъ храмѣ, при чемъ они искусно, даже художественно расположены много потрудившимися въ этомъ дѣлѣ о. ректоромъ семинаріи, протоіереемъ В. Г. Чеканомъ и преподавателемъ И. В. Баженовымъ при соучастіи ризничаго о. Макарія.

При первомъ рядѣ колоннъ храма ниже солеи былъ устроенъ какъ бы иконостасъ, въ которомъ во всю ширину церкви были представлены наиболѣе древнія иконы, начиная съ XIV вѣка, особенно же разнообразныя иконы Божіей Матери древняго письма, въ басменныхъ окладахъ или въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ,— также св. Алексѣя въ схимѣ (въ мірѣ великій кн. Александръ Невскій), Успеніе Б. Матери, взятіе пр. Ильи на небо и др. Эта иконная выставка привлекла особенное вниманіе и старообрядцевъ, знатоковъ и цѣнителей иконъ дониконовской эпохи. Здѣсь были и тѣ иконы--Владимірская икона Б. Матери и Животворящій Крестъ запрестольный съ большимъ хорошо сохранившимся фонаремъ, которыя принесены Московскимъ земскимъ посольствомъ въ мартѣ 1613 г. въ г. Кострому для предложенія юному Михаилу Ѳеодоровичу принять царскую корону и утвердить поколебленную смутами Россійскую державу для спасенія православной вѣры и русской народности отъ иновѣрнаго ига.

Эта иконная выставка при отчетливыхъ объясненіяхъ руководителей проф. Н. В. Покровскаго и И. В. Баженова настолько возбуждала религіозное чувство посѣтителей, что нѣкоторые изъ публики нестѣснительно возлагали на себѣ крестное знаменіе и даже лобызали съ благоговѣніемъ столь достопамятныя честныя иконы.

Въ двухъ витринахъ были выставлены напрестольные кресты, сребропозолоченные, филигранной работы и богато и разнообразно украшенные,— кресты эти отъ 1563, 1594, 1628, 1687 г., при чемъ въ одной изъ витринъ помѣщались кресты, присланные изъ уѣздныхъ церквей епархіи.

Немалое вниманіе публики привлекли присланные изъ Никитской церкви Нерехтскаго уѣзда царскія деревянныя врата начала XVIII вѣка, представляющія рѣдкость въ томъ отношеніи, что въ низу изображеннаго во вратахъ креста представленъ плачущимъ вырѣзанный изъ дерева Адамъ согрѣшившій, потомки коего представлены поднимающимися надъ нимъ и вверхъ для того, чтобы въ спасительномъ древѣ креста имѣть очищеніе отъ прародительскаго грѣха.

Далѣе на длинныхъ столахъ со вкусомъ расположены священные сосуды со всѣми принадлежностями — массивные золотые сосуды, вѣсомъ 9 ф., даръ Д. И. Годунова въ 1599 г. и два сребропозолоченныхъ сосуда съ литымъ орнаментомъ отличной ажурной работы въ стилѣ начала XVII вѣка, серебряный ковчегъ отъ 1736 г. съ 9 сребровызолоченными главами съ крестами, вѣсу 8 ф., серебряный сосудъ для храненія св. мура, отъ 1747 г., три водосвятныхъ чаши отъ 1594 г., два серебряныхъ кадила начала XVII вѣка, ладоница, дикиріи и трикиріи серебряные съ чеканными поддонами съ камнями, вѣсу 7 фун., два кропила съ изящнѣйшими рукоятями, отъ 1658 года.

Далѣе находились двѣ большихъ свѣчи, изъ коихъ одна на 6 граненыхъ сторонахъ всецѣло по нѣсколькимъ поясамъ украшена вложенными священными изображеніями. Здѣсь же были выставлены шесть древнихъ митръ изъ всего множества ихъ въ ризницѣ, при чемъ особенно замѣчательна митра съ сереброзолоченнымъ корпусомъ

съ 9 образками съ херувимами, даръ патріарха Адріана въ 1691 г. архимандриту Галичскаго Заозерскаго монастыря Тарасію.

Напротивъ, въ витринѣ на столпѣ храма были собраны древнѣйшія и вмѣстѣ наиболѣе цѣнныя панагіи отъ XVIII вѣка и панагійные кресты.

На отдѣльномъ столикѣ были предложены вниманію членовъ съѣзда священные сосуды, присланные священникомъ г. Кинешмы І. Альтовскимъ и другими іереями.

Большую археологическую рѣдкость представляли двѣ витрины съ разными складнями, рѣзными по кости, камню, металлу, дереву, изъ коихъ одна наиболѣе богатая по коллекціи, принадлежитъ Ипатіеву монастырю, а другая —о. Альтовскому, при чемъ складни двойные и тройные различныхъ временъ отъ XVII вѣка.

Изъ памятниковъ древняго шитья XVI — XVII вѣковъ были предложены вниманію членовъ съѣзда напрестольное облаченіе изъ двухъ надгробныхъ покрововъ отъ 1592 года, св. воздухи, шитые золотомъ, серебромъ съ жемчугомъ, отъ 1599, 1602 г., много древне шитыхъ «сударей» съ изображеніемъ Пресвятой Троицы, ап. Филиппа, в.-муч. Ипатія, «Отечества», преп. Сергія Радонежскаго, св. Іоанна Новгородскаго, Знаменія Пресвятыя Богородицы и др., также бархатно-пунцовые воздухи, дары Екатерины II отъ 1769 г.: унизанная жемчугомъ пелена съ изображеніями Пресвятой Троицы и 16 святыхъ—даръ въ 1593 г. Д. И. Годунова; плащаница его же даръ 1604 г., покровъ малиноваго бархата отъ 1645 г.

Въ особомъ большомъ шкафѣ заключены были священныя одежды,— таковы: два саккоса изъ парчи золотые съ букетами разныхъ шелковъ, украшенные крупнымъ жемчугомъ по оплечью, рукавамъ и по подолу; три древніе омофора съ крестами жемчужными; пять старинныхъ ризъ (фелонь) парчевыхъ, изъ коихъ одна даръ Ксеніи Ив. Годуновой въ 1645 году, три епитрахили съ серебряными дробницами, низанныя жемчугомъ или золотомъ по бархату черному, зеленому; шесть древнѣйшихъ палицъ съ драгоцѣнными украшеніями.

У западной стѣны Богородицкаго храма на длинномъ столѣ были размѣщены различныя рукописныя и скоропечатныя богослу-

жебныя книги. Изъ рукописей особенное вниманіе просвѣщенныхъ посѣтителей выставки привлекли лицевыя рукописи XVI—XVII вв., представляющія Евангелія въ количествѣ девяти и Псалтири въ трехъ экземплярахъ, изъ коихъ двѣ—даръ Д. И. Годунова въ 1591 и 1594 гг. Изъ старопечатныхъ Евангелій XVII вѣка имѣются изданныя отъ 1606, 1625, 1628, 1634, 1678 гг. и т. д.

Многочисленная публика, наполнявшая площадь монастыря, не могла не поинтересоваться и находящимися подъ папертью Троицкаго храма усыпальницами бояръ Годуновыхъ, которыя нынѣ приведены въ надлежащій порядокъ и оставили въ посѣтителѣ сильное впечатлѣніе своей необычной обстановкой, особенно же двѣ каменныя колоды, изъ коихъ одна служила гробомъ для большого покойника, другая же для младенца.

Полюбовавшись колокольней отъ 1603 г., возбуждающей интересъ оригинальной своей архитектурной формой, посѣтители, наконецъ, обозрѣвали палаты бояръ Романовыхъ, реставрированныя въ 1863 г. въ стилѣ XVII вѣка, по образцу существующаго въ Москвѣ (на Варваринской улицѣ) древняго дома царя Михаила Ѳеодоровича.

Для большаго закрѣпленія въ памяти достопримѣчательностей Ипатіева монастыря, была безплатно раздаваема присутствовавшимъ служащая какъ бы путеводителемъ по монастырю книжка И. В. Баженова (1—42 стран.), подъ заглавіемъ: «Костромской Ипатіевскій монастырь», которая по иниціативѣ и на средства преосвященнаго Тихона издана спеціально для IV Областного археологическаго съѣзда. Вообще же со стороны высокопросвѣщеннаго и любезнаго хозяина обители приняты были заблаговременно мѣры и средства къ тому, чтобы сосредоточенная въ ея храмѣ выставка священныхъ древностей была организована во всей полнотѣ,—и эти надежды вполнѣ оправдались. Въ посѣтителяхъ не разъ открыто возбуждалось удивленіе богатству и разнообразію древнихъ предметовъ монастыря.

По возвращеніи крестнаго хода гг. члены археологическаго съѣзда и другіе почетные городскіе гости были приглашены преосвященнѣйшимъ Тихономъ въ его покои, гдѣ радушнымъ хозяиномъ былъ предложенъ чай и роскошный обѣдъ, сопровождавшійся много-

численными тостами, изъ коихъ прежде всего было возглашено драгоцѣнное здравіе возлюбленнѣйшаго Костромича — Романова — ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, покрытое восторженными кликами «ура» и единодушнымъ пѣніемъ всѣми присутствовавшими народнаго гимна. Затѣмъ слѣдовали тосты за преосвященнѣйшаго Тихона, г. губернатора А. П. Веретенникова, г. предсѣдателя Костромской ученой архивной комиссіи, князя А. Н. Оболенскаго и въ отдѣльности за видныхъ представителей археологической науки и за всѣхъ вообще присутствовавшихъ членовъ съѣзда.

По окончаніи завтрака гости, во главѣ съ преосвященнѣйшимъ хозяиномъ и составомъ президіума съѣзда, объединились въ группѣ на крыльцѣ Троицкаго соборнаго храма и были сфотографированы В. Н. Кларкомъ.

Вечернее засѣданіе 24 іюня.

Засѣданіе секціи первобытной археологіи.

Послѣ открытія засѣданія Ю. Г. Гендунэ обратилась къ собравшимся съ выраженіемъ благодарности за оказанную ей честь избраніемъ ея въ почетные предсѣдатели по отдѣлу первобытныхъ древностей, въ чемъ она видитъ любезное вниманіе собранія къ ея незначительнымъ трудамъ по изученію первобытныхъ древностей.

Затѣмъ А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе о древнихъ культурахъ сѣвера Россіи.

Открытій въ области палеолита не было сдѣлано за послѣднія шесть лѣтъ (послѣ Тверского археологическаго съѣзда). Въ неолитической Балахнинской стоянкѣ, путемъ анализа черепковъ, опредѣлены три культурныя наслоенія. На озерѣ Пиросѣ Н. К. Рерихомъ найдена новая обширная стоянка каменнаго вѣка, давшая черепки отчасти тѣхъ же типовъ, отчасти новыхъ. Передольскимъ обнаружена стоянка на берегу Ильменя, изъ которой извлеченъ единственный въ своемъ родѣ сосудъ съ изображеніями животныхъ и человѣка. Появившійся отчетъ о раскопкахъ Аппельгрена въ сѣверной Финляндіи объясняетъ происхожденіе янтарныхъ подѣлокъ, найденныхъ во множествѣ Рерихомъ въ двухъ курганахъ на берегу озера Шерегадро: онѣ извлечены изъ особыхъ ямъ, наполненныхъ

пережженымъ пескомъ. Изученіе каменнаго вѣка за данный періодъ вообще дало серьезные результаты. Только что сдѣланная поѣздка по лѣвому берегу Волги внизъ, отъ Костромы на разстояніи 20 верстъ, опредѣлила нахожденіе подъ Костромою карьеровъ для добыванія кремня жителями береговъ Волги этого періода. Наиболѣе крупною новостью въ изученіи мѣднаго вѣка можно считать открытіе въ 1908 году Абрамовымъ болѣе значительныхъ слѣдовъ извѣстнаго уже Колосовскаго могильника, который оказался, судя по сосудамъ, не фатьяновской культуры, а совершенно особой, отдѣльной. Сосуды этого новаго типа могильниковъ мѣдной поры имѣютъ наиболѣе близкую аналогію въ сосудахъ ближайшихъ кургановъ съ окрашенными костяками. Отмѣчено значительное количество новыхъ могильниковъ фатьяновскаго типа, весьма расширившее районъ ихъ распространенія; они найдены въ обиліи по верхнему теченію Волги, въ Смоленской и Новгородской губ., а также на островѣ Эзелѣ. Общее число извѣстныхъ могильниковъ этого типа перешло за 50. Важный Ефановскій могильникъ на Окѣ, принадлежащій, видимо, къ позднѣйшему мѣдному вѣку, далъ нѣкоторыя новыя находки и былъ неоднократно осмотрѣнъ, но раскопокъ на немъ не могло быть произведено. На самомъ Фатьяновскомъ могильникѣ недавно найденъ мѣдный топоръ съ опущеннымъ обухомъ. На стоянкахъ каменнаго вѣка опредѣленъ сортъ черепковъ, относящихся, быть можетъ, также къ мѣдному вѣку. Свайныхъ построекъ нигдѣ на сѣверѣ Россіи пока не обнаружено, но, по мнѣнію референта, онѣ несомнѣнно существовали въ прибрежныхъ областяхъ.

Рефератъ возбудилъ пренія. П. Ф. Симсонъ просилъ разъясненія какого рода клинья встрѣчаются съ костями мамонтовъ.

Докладчикъ въ отвѣтъ не заданный ему вопросъ описалъ клинья, открытые въ Карачаровской находкѣ. Академикъ А. Ив. Соболевскій по поводу даннаго А. А. Спицинымъ объясненія мѣста изъ Тацита о феннахъ, въ которыхъ референтъ видитъ лапландцевъ, настаивалъ на высказанномъ имъ уже въ печати мнѣніи, что въ феннахъ Тацита необходимо видѣть славянъ, которыхъ Прибалтійскіе финны и теперь называютъ венами (веналяйненъ). Далѣе

онъ указалъ, что Птоломей помѣщаетъ финновъ тамъ, гдѣ въ древности жили русскіе.

А. А. Спицынъ доказывалъ важность даннаго имъ указанія, что норманскія саги и шведы финнами именуютъ лапландцевъ, которые въ далекое время могли обитать много южнѣе, чѣмъ нынѣ.

Далѣе было выслушано сообщеніе П. Ф. Симсона на тему. «Къ вопросу о выдѣлкѣ орудій каменнаго вѣка». Сущность доклада заключается въ слѣдующемъ. Докладчикъ либо самъ изслѣдовалъ, либо получилъ орудія съ 20 стоянокъ каменнаго вѣка на протяженіи 90 верстъ внизъ по Волгѣ, начиная съ г. Ржева. Всѣ эти стоянки представляютъ въ то же время мѣста фабрикацій каменныхъ орудій, какъ можно судить по многочисленнымъ кремневымъ отколамъ, находимымъ на извѣстномъ незначительномъ пространствѣ въ полосѣ наносовъ по берегамъ Волги. Среди каменныхъ орудій этихъ стоянокъ попадаются большіе куски кремней и другихъ каменныхъ породъ, болѣе мягкихъ, лишь слегка обитыхъ большими выбоинами у заостренныхъ краевъ. Подобныя орудія обыкновенно относятъ къ болѣе древней эпохѣ—палеолитической. Однако докладчику попалось одно орудіе [1]), которое раскрыло глаза на многое. Оно представляетъ продолговатый кусокъ кремня съ заостренными краями, причемъ верхъ начатъ мелкою оббивкою для выдѣлки орудія съ трубчатымъ верхомъ, и затѣмъ орудіе оставлено недодѣланнымъ. Такимъ образомъ на этомъ орудіи видны двѣ стадіи обработки: и первичная путемъ большихъ выбоинъ и вторичная.

Отсюда выходитъ, что не всякое грубо оббитое орудіе можетъ быть отнесено къ болѣе древней эпохѣ, а можетъ принадлежать и эпохѣ мелкой оббивки, т. н. неолитической Для обзора докладчикомъ былъ представленъ альбомъ съ рисунками со всѣхъ 20 стоянокъ, исполненный имъ собственноручно.

Затѣмъ А. А. Спицынымъ было сдѣлано сообщеніе: «Финскія древности верхняго Поволожья».

Въ изученіи финскихъ древностей также сдѣланы новые значительные шаги. Изъ нихъ самый важный—пересмотръ вопроса объ

---

[1]) Орудіе это было демонстрировано.

удлиненныхъ курганахъ, приписываемыхъ прежде кривичамъ. Такъ какъ подобные курганы открыты были въ обилiи подъ Сестрорѣцкомъ (С. С. Гамченко), и такъ какъ не найдено перехода отъ этихъ кургановъ къ русскимъ XI в., то нынѣ представляется болѣе естественнымъ относить ихъ къ финнамъ, изъ чего вытекаетъ неожиданное положеніе, что Новгородская область въ VIII—IX в. была занята какимъ-то финскимъ, а не русскимъ племенемъ. Удлиненные курганы вновь обнаружены подъ Ладогою (раскопки Н. Е. Бранденбурга), подъ Лугою (раскопки Гамченко), на Мстѣ (раскопки Глазова); подъ Ярославлемъ и вообще по этой окраинѣ ихъ не найдено. Культура удлиненныхъ кургановъ западная и принадлежатъ они, скорѣе всего, западнымъ финнамъ.

Обрядовыя городища Дьякова типа, судя по найденнымъ въ нихъ вещамъ, могутъ быть приписываемы восточнымъ финнамъ. Раіонъ распространенія этихъ городищъ также значительно расширился: они опредѣлены въ верховьяхъ Днѣпра, по Сейму до Десны (Гатцукъ), найдены на Ветлугѣ (Каменскимъ) и на Вексѣ, притокѣ Костромы (Глазовымъ). Самыя интересныя и богатыя находками раскопки Дьяковыхъ городищъ произведены были г-жею Гендунэ по тверскому теченію Волги (городище Топорокъ) и Смирновыми въ с.-з. углу Московской губерніи. На городищахъ ветлужскихъ и тверскихъ найдены вещи Кошибеевскихъ типовъ, на московскихъ—предметы Борковской и Лядинской культуръ, VIII—IX в. Всѣхъ городищъ Дьякова типа извѣстно уже болѣе ста. Благодаря недостаточнымъ изслѣдованіямъ, они еще не могутъ быть подраздѣлены на опредѣленныя группы. Докладчикомъ только что найдено городище, повидимому, того же типа, какъ подъ Новгородомъ, но культура его не могла быть опредѣлена.

Весьма интересна сдѣланная кн. П. А. Путятинымъ въ Бологомъ находка въ землѣ сосуда, наполненнаго пережженными человѣческими костями. Сосудъ въ видѣ широкой банки, изъ глины съ густою примѣсью дресвы. Очевидно, что насъ на сѣверѣ ожидаютъ находки полей погребальныхъ урнъ, скорѣе всего, финской культуры черепки съ упомянутаго Новгородскаго городища (Бронницкаго) того же характера.

Не менѣе любопытны и важны древніе продолговатые курганы съ трупосожженіями, обнаруженные Смирновымъ въ Муромскомъ у. (с. Борисоглѣбское и д. Битюково). Вещей въ нихъ пока не найдено, кромѣ глиняныхъ чашекъ съ хорошимъ старымъ орнаментомъ. Раскопки, произведенные въ тѣхъ же группахъ въ 1908 г. Абрамовымъ, также не дали находокъ, но зато ему удалось обнаружить вблизи слѣды жилищъ этой же культуры и народности. Къ западнымъ удлиненнымъ курганамъ эти насыпи, видимо не имѣютъ отношенія.

Если удлиненные курганы считать финскими, то къ числу финскихъ же придется отнести массу разнообразныхъ кургановъ съ трупосожженіями района разселенія этой народности. Между этими курганами особый интересъ возбуждаютъ низкіе и очень широкіе курганы, извѣстные по Шелони, Ловати и Мстѣ. Одинъ подобный курганъ, раскопанный въ 1908 году Баталинымъ на Свири, далъ вещи IX—X вѣка.

На краю Суздальскаго поля обнаруженъ и отчасти раскопанъ финскій могильникъ XI вѣка (Павленскій) Максимовскаго типа. Неизвѣстно, принадлежалъ ли онъ финскому населенію именно Владимірскаго края, но въ немъ попадаются тѣ же вещи, что и въ Владимірскихъ курганахъ, особенно же треугольные подвѣски. Продолжалась раскопка Заколпьевскаго финскаго могильника XII в.

Уже давно предполагалось существованіе на Ветлугѣ финскихъ могильниковъ X в. Въ 1908 г. богатый могильникъ этого времени былъ найденъ и отчасти раскопанъ В. И. Каменскимъ вблизи с. Богородскаго. Главный подборъ вещей вполнѣ аналогиченъ вятскимъ того же времени, но есть рядъ вещей Лядинскаго типа. Изслѣдованіе извѣстныхъ по ту сторону могильниковъ должно показать, къ ветлужскимъ или лядинскимъ они ближе.

На одномъ изъ ветлужскихъ городищъ Каменскимъ найдено нѣсколько отдѣльныхъ погребеній, болѣе раннихъ, — VIII — IX в. Установленная прежними изслѣдованіями хронологія финскихъ древностей (Кошибеевская культура VI—VII в., Борковская—VIII в., Томниковская—IX в., Лядинская—X в., Максимовская XI вѣка, Заколпьевская—XII в.) остается пока непоколебленной.

Послѣ сообщенія И. В. Баженовъ предложилъ вопросъ докладчику, какое археологическое значеніе могутъ имѣть длинные и высокіе курганы, имѣющіеся близъ села Узьменя, Бѣжецкаго уѣзда.

Докладчикъ отвѣтилъ, что археологическаго памятника они не представляютъ.

Д. Ив. Иловайскій возставалъ противъ мнѣнія докладчика о большемъ значеніи норманскаго элемента въ Русской исторіи и указалъ, что весьма трудно, а, можетъ быть, и невозможно точно установить, относится или нѣтъ тотъ или другой курганъ къ норманнамъ.

Г. Полянскій высказалъ, что невозможно говорить о сплошномъ норманскомъ населеніи гдѣ либо въ Россіи и попутно указалъ на высокое состояніе археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ.

Д. Н. Сизовъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: «Мастерская каменнаго вѣка въ Костромскомъ уѣздѣ».

Д. Н. сообщилъ о коллекціи каменныхъ орудій, собранной имъ за послѣдніе четыре года близъ деревни Иванниковой подъ Костромой, описалъ геологическія условія мѣстности и высказалъ мнѣніе, что мѣстонахожденіе собранныхъ имъ орудій можно назвать мастерской каменнаго вѣка.

А. А. Спицынъ высказалъ, что мѣсто, находящееся при деревнѣ Иванниковой, слѣдуетъ называть карьеромъ для добыванія кремня. Онъ же, съ разрѣшенія предсѣдателя, изложилъ результатъ археологической экскурсіи, сдѣланной въ окрестности Костромы, чтобы подготовить съѣздъ къ посѣщенію этихъ мѣстностей.

Въ заключеніе А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе: «Норманскія и славянскія древности верховьевъ Волги».

Для изслѣдованія норманскихъ древностей ничего новаго не было сдѣлано. Не найдено норманскихъ погребеній въ ямахъ, и не вскрыто новыхъ сопокъ. Не уяснено, чѣмъ отличаются норманскіе курганы X вѣка отъ русскихъ.

Рѣшеніе вопроса о происхожденіи великоруссовъ,—важнѣйшая задача для изученія собственно-русскихъ древностей сѣверной Россіи,—мало подвинулось впередъ, хотя Императорское Русское

археологическое общество все это время вело систематическія работы по расширенію и сосредоточенію должнаго матеріала. Переизданъ былъ матеріалъ, добытый раскопками гр. Уварова и Савельева въ Суздальскомъ краѣ, произведены новыя раскопки въ странѣ Новгородскихъ, Витебскихъ и Смоленскихъ кривичей, по Тверскому теченію Волги и въ области Вятичей. Кромѣ археологическаго общества, интересныя раскопки въ этомъ районѣ произведены были Ю. Г. Гендунэ. Всѣ перечисленныя раскопки привели въ большую ясность курганныя древности края, хотя и нельзя назвать ихъ достаточными.

Болѣе важные результаты дали изслѣдованія въ наименѣе извѣстной области, Новгородской.

Здѣсь на Ловати не было найдено раннихъ русскихъ кургановъ, хотя они тамъ и должны гдѣ нибудь быть. Курганы на Шелони оказались одинаковыми со псковскими и витебскими. Въ Псковской области отыскиваемыхъ русскихъ кургановъ XI—XII в. почти не оказалось, какъ и въ Демянскомъ у. (Деревская пятина). Въ Крестецкомъ у. они найдены, но пока въ маломъ количествѣ, и раскопка ихъ еще не дала опредѣленныхъ результатовъ.

Удачныя раскопки, произведенныя Гатцукомъ по пути движенія смоленскихъ Кривичей на Волгу и въ Суздальскую область чрезъ верховья Москвы и Клязьмы, показали, что курганы XI—XII в. Зубцовскаго, Гжатскаго и Волоколамскаго у.у. совершенно одинаковы съ коренными смоленскими. Новыя раскопки по Тверскому теченію Волги подтвердили прежнее наблюденіе, что верховья этой рѣки заселены были изъ Смоленска или Витебска. Курганы Смоленскаго типа обнаружены подъ Троицкою лаврою. Весьма интересна, но еще не достаточно изслѣдована группа позднихъ кургановъ XII—XIII в., обнаруженная Ю. Г. Гендунэ у Рубскаго озера въ Суздальскомъ у. Раскопки 1904 г. А. Н. Смирнова въ муромскихъ курганахъ еще не дали намъ ясной картины устройства этихъ кургановъ, повидимому, отличающихся нѣкоторыми особенностями.

Поѣздка Гатцука въ Каширскій и Веневскій у.у. не обнаружила русскихъ кургановъ. Весьма интересныя, хотя и недостаточныя раскопки кургановъ Вятичей были произведены проф. Евсѣе-

вымъ близъ Брянска. Здѣсь имъ найдены древнѣйшіе курганы этого племени (XI в.), съ малыми височными кольцами; въ насыпяхъ обнаружены какія-то деревянныя сооруженія въ видѣ стоекъ, очень любопытныхъ, но неуясненныя. Курганы съ такими же височными кольцами найдены были прежде подъ Рязанью на Окѣ.

Изъ отдѣльныхъ открытій въ русскихъ древностяхъ сѣвера Россіи слѣдуетъ отмѣтить раскопки Н. К. Рериха на извѣстномъ Сарскомъ городищѣ, показавшія, что русскій городъ X в. существовалъ именно здѣсь, а не въ Ростовѣ, находку клада серебряныхъ вещей XI в. въ Новгородѣ, съ вещами западнаго, готландскаго происхожденія, и цѣнный кладъ серебряныхъ вещей XIII в. близъ г. Твери [1]).

Что касается костромскихъ кургановъ, то изученіе ихъ все время не дѣлало никакихъ шаговъ впередъ. Отчеты о прежнихъ раскопкахъ оставались не изданными, вещи лежали грудами безъ этикетокъ, отнятыя отъ погребеній.

Чувствуя вмѣстѣ съ тѣмъ, что Костромской археологическій съѣздъ обязанъ оставить болѣе или менѣе опредѣленное сужденіе о мѣстныхъ курганахъ, докладчикъ предпринялъ предварительное изученіе ихъ и пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Костромскіе курганы должны быть относимы ко времени отъ конца XI в. по XIII в. Такимъ образомъ это, вмѣстѣ съ водскими, позднѣйшіе курганы русскаго типа.

2) Районъ распространенія ихъ не великъ. Они держатся по берегамъ Волги и ея малыхъ притоковъ.

3) Повидимому, между курганами праваго и лѣваго берега Волги нѣтъ различій ни въ обрядахъ погребенія, ни въ инвентарѣ.

4) Въ основѣ курганной Костромской культуры лежатъ вещи владимірскихъ кургановъ, особенно же височныя кольца (между которыми не рѣдки и кольца со щитками). Въ болѣе позднее время къ этимъ древностямъ въ обиліи присоединяются вещи камскихъ и

---

[1]) Докладъ о Тверскомъ кладѣ сдѣланъ въ ноябрѣ прошлаго года въ Петербургскомъ Императорскомъ археологическомъ обществѣ А. И. Ивановымъ. Тверской кладъ помѣщенъ въ Императорскомъ эрмитажѣ (рядомъ съ Тмутараканскимъ камнемъ).

приладожскихъ типовъ, идущія по всей вѣроятности съ сѣвера, съ Двины, и представляющія нагрудныя подвѣски. Эта примѣсь даетъ костромскимъ курганамъ финскій оттѣнокъ.

5) Каменное огражденіе вокругъ основаній кургановъ со временемъ осложняется, и появляются даже валунныя покрытія всей поверхности насыпей.

6) Допустимо, что костромскіе курганы въ основной массѣ принадлежатъ сильно руссифицированному и даже окрещенному финскому племени, одному или двумъ. Одно изъ этихъ племенъ оставило совершенно особые курганы, именно продолговатые, извѣстные, кажется, только по правому берегу Волги (особенно подъ Нерехтой). Вещи въ нихъ также XII—XIII в., тѣ же самыя, а обрядъ погребенія или сожженіе или погребеніе несожженныхъ труповъ. Подобные курганы имѣлись въ ближайшихъ частяхъ Владимірской губ., гдѣ они, быть можетъ, существуютъ издавна. Какіе-то поздніе курганы найдены и выше по Окѣ, подъ Касимовымъ. Нерехтскіе продолговатые курганы обратились, повидимому, въ тѣ «могилицы»—овалы, окруженные камнями,—которыя уже отмѣчены, но еще не изслѣдованы. Имѣются поздніе курганы съ сожженіемъ труповъ: ихъ тоже удобнѣе относить къ числу финскихъ.

Если нельзя съ полною увѣренностью утверждать, что извѣстные костромскіе курганы принадлежатъ именно Финнамъ, то тѣмъ труднѣе рѣшить, какимъ финскимъ населеніемъ мѣстнымъ или же пришлымъ (южнымъ или сѣвернымъ) они оставлены. Настоящіе финскіе могильники въ Костромскомъ краѣ пока открыты еще лишь на Ветлугѣ, да и то ранніе и не принадлежащіе къ коренному населенію края.

Д. И. Иловайскій, отдавая должную справедливость въ высшей степени любопытнымъ соображеніямъ и археологическимъ трудамъ референта, не согласился только съ его мнѣніемъ о нѣкоторыхъ большихъ курганахъ, принадлежащихъ яко бы норманнамъ; существованіе такихъ кургановъ на Руси, какъ и весь такъ называемый норманскій періодъ русской исторіи оппонентъ рѣшительно отвергаетъ.

И. А. Ивановъ, закрывая засѣданіе отмѣтилъ важныя услуги, оказанныя А. А. Спицинымъ дѣлу Областныхъ археологическихъ

съѣздовъ. Увѣровавъ въ идею мѣстныхъ съѣздовъ, съ самаго начала ея возникновенія, въ ихъ пользу и совершенную необходимость для успѣховъ русской исторической науки, А. А. весьма дѣятельно и широко подготовлялъ археологическіе матеріалы, къ каждому изъ этихъ съѣздовъ, привлекая молодыя археологическія силы и большія денежныя средства, составляя программы, наблюдая за ихъ исполненіемъ, принимая личное участіе въ работахъ и заботясь о наилучшемъ ихъ изданіи. Конечно, выводы, къ которымъ пришелъ многоуважаемый А. А., можно оспаривать, съ ними можно не соглашаться, но богатство и научное значеніе собранныхъ имъ или подъ его руководствомъ археологическихъ матеріаловъ безспорно. Позвольте, гг., отъ имени IV Областного археологическаго съѣзда принести А. А. Спицыну глубокую благодарность какъ за его обширныя археологическія изслѣдованія, такъ и обстоятельный интересный отчетъ о достигнутыхъ результатахъ.

---

25 іюня, четвергъ.

Въ 11 час. утра гг. члены съѣзда на особомъ пароходѣ отбыли для раскопокъ Минскаго городища, находящагося въ 7 верстахъ отъ г. Костромы, на лѣвомъ берегу Волги, внизъ по теченію.

Пробныя раскопки городища были сдѣланы Ю. Г. Гендуно и Д. Н. Сизовымъ за нѣсколько дней до экскурсіи, въ присутствіи А. А. Спицына. Результаты предварительныхъ изысканій были слѣдующіе:

Городище оказалось Дьякова типа, по всей вѣроятности, VII—VIII вѣка по Р. Х. Находки состояли изъ черепковъ съ характернымъ сѣтчатымъ орнаментомъ, костей и зубовъ животныхъ и двухъ предметовъ, опредѣляющихъ также время существованія городища,— одной мѣдной спирали, служившей украшеніемъ, и половинки пряслицы архаическаго типа; кромѣ того изъ культурнаго слоя было извлечено значительное количество битаго камня, присущаго всѣмъ городищамъ Дьякова типа.

Въ присутствіи гг. членовъ съѣзда раскопки продолжались; было обнаружено, что культурный слой залегаетъ очень глубоко, мѣстами около сажени, представляя изъ себя разнородную массу;

верхняя часть его, и самая незначительная, состоитъ изъ жирнаго чернозема; нижняя же и самая мощная,— изъ глины сырой и пережженой, угля, золы и рѣчного песку. Слои глины, угля, золы и песку лежатъ горизонтально, мѣстами съ нѣкоторымъ уклономъ, и отдѣльными гнѣздами.

Во время производства работъ въ присутствіи гг. членовъ съѣзда были находимы тѣ же предметы, что во время предварительныхъ изысканій, а именно: черепки, кости и битый камень.

Раскопки, какъ предварительныя, такъ равно произведенныя въ присутствіи гг. членовъ съѣзда сопровождались не особенно значительными находками въ виду того, что изслѣдованная площадь городища вообще не велика; по той же причинѣ остались безуспѣшными попытки найти основаніе вала, ограждавшаго, безъ сомнѣнія, городище въ его сѣверо-восточной части, такъ какъ съ этой стороны оно лишено естественной защиты отъ нападеній.

Болѣе обширныя раскопки городища дадутъ несомнѣнно и болѣе полную картину жизни его обитателей.

Въ виду того, что раскопки на этомъ мѣстѣ несомнѣнно интересны, Ю. Г. Гендунэ выразила пожеланіе продолжить ихъ въ августѣ мѣсяцѣ сего года; это пожеланіе было принято гг. членами Костромской губернской ученой архивной комиссіи съ чувствомъ живѣйшей благодарности.

Послѣ раскопокъ участники экскурсіи были сфотографированы на городищѣ гг. Кларкомъ и Ермолинскимъ, послѣ чего прослѣдовали на пароходъ, гдѣ имъ былъ предложенъ Костромской губернской ученой архивной комиссіей чай и завтракъ.

Около 5 часовъ вечера гг. члены съѣзда на томъ же пароходѣ возвратились въ городъ.

Вечернее засѣданіе 25 іюня.

Вечернее засѣданіе IV секціи было открыто въ 8 час. 45 м. предсѣдателемъ секціи, проф. Д. А. Корсаковымъ въ присутствіи почетнаго предсѣдателя Д. И. Иловайскаго. Засѣданіе открылось заявленіемъ предсѣдателя секціи о томъ, что, за отсутствіемъ референта г. Лебедева, на вторую очередь назначается докладъ П. П.

Смирнова: «Къ исторіи города Костромы въ XVII в. въ связи съ вопросомъ о распредѣленіи посадскаго населенія по территоріи Московскаго государства». Затѣмъ предсѣдатель секціи указалъ на то, что, хотя докладъ г. Лебедева и не будетъ прочитанъ въ засѣданіи, однако, въ виду очень крупныхъ достоинствъ его содержанія и интереса затрагиваемаго имъ вопроса, необходимо напечатать его въ «Трудахъ» IV Областного съѣзда.

Слово было предоставлено члену Вятской архивной комиссіи Д. К. Зеленину, прочитавшему собранію свой докладъ: «Костромская и Ярославская косули и ихъ исторія въ связи съ исторіей другихъ пахотныхъ орудій русскаго народа». Авторъ прежде всего указалъ, что косуля является болѣе совершеннымъ въ техническомъ отношеніи земледѣльческимъ орудіемъ, чѣмъ соха. Родиной этого орудія слѣдуетъ считать тотъ край, которымъ мы интересуемся теперь, т. е. Костромскую и Ярославскую губерніи. Вопросъ о появленіи косули въ числѣ земледѣльческихъ орудій на Руси мало разработанъ. Въ трудахъ историковъ, посвятившихъ свои сочиненія вопросамъ сельскаго хозяйства въ XVI—XVII вѣковъ на Руси гг. Рожкова и Готье нѣтъ никакихъ указаній относительно этого. Между тѣмъ, отъ 1663 г. до насъ дошла грамота царя Алексѣя Михайловича на имя оружничаго Хитрово, въ которой упоминается о косулѣ и отрѣзѣ. Другимъ важнымъ вопросомъ является вопросъ о происхожденіи косули, который слѣдуетъ рѣшать на фонѣ развитія пахотныхъ орудій вообще и въ частности привлекая къ изученію живую русскую старину. Косуля, вопреки довольно распространенному мнѣнію объ иностранномъ ея происхожденіи, чисто русское изобрѣтеніе. Она органически развилась изъ древнѣйшихъ русскихъ пахотныхъ орудій, а именно—изъ сохи, точно также, какъ соха изъ рала. Однозубнымъ раломъ предки наши пахали землю во времена Рюрика и св. Владиміра; она встрѣчается и теперь какъ въ Малороссіи, такъ и, въ видѣ переживанія, кое-гдѣ на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи (такъ называемая черкуша). Въ XV в. изъ рала возникла двухральная соха, сначала неимѣвшая никакихъ приспособленій для отваливанія пласта; рядомъ съ двухральною сохою встрѣчается и тройная соха, вполнѣ соотвѣтствующая тройному

малорусскому ралу. При дальнѣйшемъ развитіи сохи она изъ рвущаго землю орудія превращается постепенно въ орудіе плужнаго типа, которое отрѣзываетъ пластъ земли съ боку и снизу и потомъ опрокидываетъ его на сторону. Въ этомъ развитіи сохи наблюдается цѣлый рядъ послѣдовательныхъ стадій, которыя вытекаютъ одна изъ другой самымъ послѣдовательнымъ и органическимъ образомъ. Соха самой совершенной формы незамѣтно переходитъ въ косулю, у которой, вмѣсто двухъ узкихъ ральниковъ, одинъ широкій лемехъ, отвалъ получилъ большее развитіе, а полица совсѣмъ исчезла. Итакъ время изобрѣтенія косули нужно относить къ XVII вѣку, родиной же ея была, вѣроятно, мѣстность на западѣ нынѣшней Костромской губерніи.

С. Н. Введенскій по поводу той мысли докладчика, что древнѣйшимъ пахотнымъ орудіемъ на Руси было однозубое рало, а имя сохи встрѣчается впервые въ актахъ XV вѣка, напомнилъ, что отъ имени сохи получила свое названіе древняя единица пахотнаго обложенія, которая, если вѣрить сообщенію Татищева, была введена еще татарами. Г. референтъ въ отвѣтъ на это замѣчаніе указалъ, что соха, какъ пахотное орудіе, упоминается впервые только въ XV в.; въ Кіевской же Руси едва ли существовала соха, такъ какъ ея нѣтъ въ Малороссіи и до сихъ поръ.

Свящ. Вознесенскій просилъ указать время появленія черкуши на сѣверѣ Россіи, на что г. референтъ отвѣтилъ, что черкуша появилась не ранѣе XII—XIII в.

И. А. Стратоновъ замѣтилъ, что упреки, направленные г. докладчикомъ по адресу г.г. Рожкова и Готье, не имѣютъ для себя достаточнаго основанія. Первый занимался сельскимъ хозяйствомъ Московскаго государства только XVI вѣка, когда по мнѣнію и г. референта, еще не было косули, поэтому г. Рожковъ и не могъ отмѣтить этого крупнаго шага впередъ; что же касается упрековъ по адресу г. Готье, то не слѣдуетъ забывать, что упоминаніе вскользь одной грамоты о косулѣ еще не даетъ права говорить о прогрессѣ въ сельско-хозяйственной техникѣ, т. к. неизвѣстно, что разумѣлось въ то время подъ словомъ косуля, которое употребляется

и теперь въ приложеніи къ самымъ разнообразнымъ типамъ пахотныхъ орудій.

Г. Зеленинъ отвѣтилъ, что въ грамотѣ 1663 года упоминается соха и косуля рядомъ; слѣдовательно, эти два типа орудій, существуя одновременно, отличались другъ отъ друга.

Академикъ Ѳ. И. Успенскій заявилъ, что, не смотря на огромное количество фактовъ, сообщенныхъ референтомъ, онъ не могъ прослѣдить той эволюціи въ исторіи земледѣльческихъ орудій, о которой говорилъ авторъ.

Предсѣдатель проф. Д. А. Корсаковъ отмѣтилъ огромную важность вопроса о пахотныхъ орудіяхъ въ виду того, что Россія по преимуществу является страной земледѣльческой, и предложилъ выразить благодарность автору.

Слово предоставляется П. П. Смирнову, прочитавшему собранію докладъ: «Къ исторіи г. Костромы въ XVII в. въ связи съ вопросомъ о распредѣленіи посадскаго населенія по территоріи Московскаго государства». Посадское населеніе Московскаго государства не остается неподвижнымъ: въ XVI и XVII в. оно группировывается дважды. Въ первой половинѣ XVI ст. крупнѣйшіе посады шли цѣпью отъ Москвы на западъ (Можайскъ, Торопецъ, Старая Руса, Новгородъ Великій); каждый изъ нихъ заключалъ около $1^1/_2$ тысячъ черныхъ дворовъ, кромѣ Торопца и Новгорода. Вторая по величинѣ цѣпь—пріокская, состоявшая изъ посадовъ приблизительно въ 500—1000 дворовъ. Третья—Верхне-Волжская, которую по Свіяжску и Казани предполагаемъ состоявшей изъ посадовъ въ 300 – 500 дворовъ. Запустѣніе и разореніе западныхъ и пріокскихъ посадовъ, начавшееся около половины XVI в., объясняетъ попытку Ивана Грознаго пробраться къ морю, недовольство Новгородцевъ и воровскіе очаги пріокскаго бассейна во время смуты. Въ 20-хъ годахъ XVII ст. процессы перегруппировки посадскаго населенія въ эпоху «Московскаго разоренья» закончены. Крупнѣйшіе посады теперь лежатъ по Верхне-Волжскому Плесу (Ярославль, Кострома, Н.-Новгородъ и Казань). На западъ теперь идутъ посады вдвое меньшіе, но теперь эта линія не та, которая процвѣтала въ XVI в. Одна идетъ черезъ Ярославль, Тверь, Торжокъ и черезъ В. Новго-

родъ, на Псковъ. Къ Бѣлому морю тянулись 5 посадовъ, приблизительно въ 300—700 дворовъ каждый. Пріокская линія запустѣла, и здѣсь посады приблизительно въ 300—500 дворовъ. Новое расположеніе торгово-промышленнаго населенія объясняетъ намъ вполнѣ, почему именно дружины Верхне-Волжскаго Плеса явились на защиту Москвы. Позиція верхней Волги колеблется около половины XVII в. Завязываются торговыя сношенія съ Малороссіей. Переписи 40-хъ годовъ показываютъ уже ростъ новой цѣпи посадовъ отъ Москвы къ Кіеву, но особенно говорятъ объ этомъ переписныя книги 1678 года. Ровнѣе, но неуклонно растетъ западно волжская цѣпь къ Пскову, и падаетъ Верхне-Волжскій Плесъ. Даже на Ярославлѣ это отражается замедленіемъ роста, а затѣмъ и упадкомъ. Н.-Новгородъ немного поднимается благодаря Уложенью, а Казань падаетъ съ 1409 дворовъ въ нач. XVII ст. до 316 дворовъ въ концѣ его.

Кострома переживаетъ такую эволюцію: по дозору Дея Чередова и подъячаго Болдырева 1614 г. въ ея посадѣ числится 312 дворовъ. По писцовымъ книгамъ Ивана Бутурлина 1628 г. въ ней 1219 дворовъ. По переписнымъ книгамъ Ивана Колтовскаго и подъячаго Андрея Фрязинова 1646 г. на ея посадѣ 1726 дворовъ, что отчасти объясняется приписью закладчиковъ и другихъ бѣломѣстцевъ, произведенной приказомъ сыскныхъ дѣлъ дьяка Мины Грязева (съ нач. 40-хъ годовъ). Уложенная конфискація прибавила къ Костромскому посаду 360 дворовъ и довела его до апогея развитія—до 2086 дворовъ. Затѣмъ Кострома клонится къ упадку: въ 1678 г. въ ней съ приказными и служилыми людьми лишь 1079 дворовъ, а черныхъ по одновременнымъ даннымъ Разряднаго Приказа лишь 961 двор.; въ 1682 г. ихъ 750, а въ 1685 г.—789 дворовъ.

По даннымъ первой ревизіи упадокъ этотъ подтверждается, при чемъ мы замѣчаемъ, что верхне-волжскій плесъ упалъ весь (кромѣ только отчасти относящагося къ нему Ярославля) упалъ, сохраняя взаимно отношеніе своихъ посадовъ.

Этотъ упадокъ позволяетъ въ дальнѣйшемъ болѣе полно прослѣдить развитіе Костромского посада, такъ какъ позволяетъ утверж-

дать связь между верхне-волжскими посадами и дѣлать заключенія отъ одного къ другому. Однако, прежде чѣмъ говорить объ этомъ развитіи, остановимся еще на иллюстраціи паденія Костромы въ концѣ XVII ст.

Источникомъ послужатъ 4 смѣтныя книги Разряда, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ Министерства юстиціи. Дѣла разныхъ городовъ № 37. Эти смѣты относятся къ 1670, 1678, 1682 и 1685 гг. Онѣ начинаются описаніемъ Костромскихъ укрѣпленій, картина которыхъ намъ въ общемъ извѣстна уже изъ доклада г. Баженова. Первая же смѣта 1670 г. показываетъ, что Кострома не крѣпость, а кремль, и острогъ ея только—руина. Еще съ пожара 1654 г. пушки безъ станковъ ржавѣютъ подъ Успенскимъ соборомъ, запаловъ нѣтъ, кромѣ пороху и свинца; 18 отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, явившихся въ земскую избу, представляютъ собой ядро гарнизона; если прибавимъ къ этому 12 стрѣльцовъ и 3-хъ пушкарей, а также воеводу Дементья Тимофѣева, то весь гарнизонъ будетъ насчитывать 34 человѣка защитниковъ на $2^1/_2$ версты крѣпостныхъ стѣнъ и 25 башенъ и не менѣе 50, теперь безполезныхъ, орудій.

Правда, разрядныя смѣты учитываютъ и всѣхъ «жилецкихъ» людей города и посада, за исключеніемъ духовенства. Населеніе, по смѣтамъ, вооружено пищалями, бердышами, саблями, копьями, луками, дубинами и рогатинами. Однако довѣрять этимъ «скаскамъ» земскихъ старостъ нѣтъ основаній.

По смѣтамъ Кострома дѣлится на шесть вооруженныхъ сотенъ, въ которыхъ всего въ 1670 г. около 1322 человѣка съ воеводой во главѣ. Очевидно, и въ этомъ подраздѣленіи виденъ только слѣдъ глубокой старины, способной воскресать лишь во времена такихъ потрясеній, какимъ было «Московское разоренье».

Черезъ 9 лѣтъ послѣ первой смѣты 12 іюля 1679 г. Кострома снова горѣла. Рукопись того времени гласитъ: «оба города.... згорѣло безъ остатку, тайничный колодезъ обгорѣлъ и весь обрушился и землею засыпало». Такимъ образомъ, за 15 лѣтъ посадскихъ людей уменьшилось въ Костромѣ на добрую треть.

По смѣтѣ 1670 г. мы можемъ видѣть, что ремесленная жизнь

въ Костромѣ не богата и не разнообразна. Болѣе всего въ ней рукавишниковъ, затѣмъ сапожниковъ и шапочниковъ; одежду выдѣлываютъ всякаго рода портные мастера, швары, шубники и епанечники. Эта группа самая многочисленная. Группа ремесленниковъ по дереву—вторая послѣ вышеуказанныхъ—это плотники, строгальщики, красильщики и т. п.; по металлу—кузнецы, замочники; имѣлись также иконники, колодезники, мыльники и т. п. Третья группа—это люди, занимавшіеся приготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ.

Изъ этого перечня можно заключить, что въ концѣ XVII в. Кострома въ торговой дѣятельности на востокѣ, по крайней мѣрѣ, продуктами, своего производства, не участвовала: въ этомъ, вѣроятно, надо видѣть и причину паденія ея. Волненія, очагомъ которыхъ съ половины XVII в. становится Поволожье, (Бунтъ Разина, Пугачевщина), замѣняя Новгородъ XVI и Оку XVII вв., были показателемъ этого разрушенія самыхъ мощныхъ посадовъ XVII в.

Въ заключеніе набросаемъ кривую развитія Костромского посада. Подымаясь постепенно съ половины XVI в., Кострома становится крупнымъ центромъ торгово-промышленной дѣятельности къ концу этого вѣка, а въ 20-хъ годахъ XVII в. уже дѣлается четвертымъ посадомъ всей страны. Развитіе Костромы продолжается послѣ этого еще нѣкоторое время до конфискаціи 40-хъ годовъ.

Достигнувъ къ половинѣ XVII в. maximum'а своего развитія, она вмѣстѣ со всей системой верхневолжскихъ посадовъ быстро падаетъ, затирается новыми центрами, особенно цѣпью посадовъ, идущей отъ Москвы къ Кіеву. Убыль населенія отражается собственно на посадской части его: промыслы бѣдны и грубы, торговли, вѣроятно, нѣтъ. Администрація, наоборотъ, количественно увеличиваетъ свой составъ, а военный элементъ и государевы ремесленники измѣнились мало. Быстро растеривая свое населеніе, отъ воинственныхъ дѣлъ котораго осталось лишь воспоминаніе, Кострома теряетъ и свои старые доспѣхи, ея крѣпость въ концѣ XVII в. разрушается на глазахъ изслѣдователя.

Докладъ г. Смирнова, прекрасно изложенный и полный научнаго интереса, возраженій не встрѣтилъ, и при дружныхъ руко-

плесканіяхъ слушателей почетный предсѣдатель Д. И. Иловайскій выразилъ благодарность г. референту за прекрасное сообщеніе.

Слово было предоставлено И. А. Тихомірову, прочитавшему собранію свой докладъ: «Словянское заселеніе Ярославской губерніи». Послѣ общаго обзора научныхъ мнѣній, касающихся даннаго вопроса, авторъ перешелъ къ изложенію своей точки зрѣнія на заселеніе Ярославской губерніи. Въ образованіи населенія данной области участвовали, по мнѣнію автора, слѣдующія этнографическія группы: финское племя меря, которое, давши свое названіе многимъ мѣстностямъ этой области, просуществовало, какъ отдѣльная этнографическая единица, гораздо долѣе, чѣмъ это обыкновенно думаютъ изслѣдователи; затѣмъ, славянскія племена, колонизировавшія пространство между верхней Волгой и Окой. Изъ славянскихъ колонизаціонныхъ потоковъ самымъ замѣтнымъ былъ тотъ, который шелъ сюда съ сѣверо-запада, изъ земли «словенъ». Слѣдующимъ по своей значительности было колонизаціонное движеніе съ запада—изъ области кривичей. Наименѣе же замѣтнымъ была колонизація изъ земли вятичей. Славянское заселеніе Ярославской области началось очень рано, почти со времени появленія славянъ на территоріи теперешней Россіи, когда мѣстныя особенности говоровъ еще только зарождались.

Поэтому на территоріи нынѣшней Ярославской губерніи выработался и установился свой особый говоръ, отличный отъ всѣхъ сосѣднихъ и сохранившій очень немного общихъ съ ними признаковъ.

Г. Троицкій, отмѣтивъ интересъ доклада г. Тихомірова, указалъ, что въ немъ нѣтъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ, почему именно задерживалась славянская колонизація въ области верхней Волги. По мнѣнію г. Троицкаго, причиной этой задержки служило различіе религіозныхъ культовъ славянъ и финновъ. На существованіе финскихъ религіозныхъ культовъ въ отдаленныя отъ насъ времена указываютъ такія, наприм., переживанія среди населенія сѣверной Россіи, какъ культъ медвѣдя и коня.

Г. Предсѣдатель секціи, проф. Д. А. Корсаковъ, указавъ на очень важное научное значеніе вопроса, затронутаго г. Тихомировымъ, высказалъ цѣлый рядъ соображеній въ пользу того положенія,

что финское племя меря, съ которымъ встрѣтились славянскіе насельники въ области верхней Волги, хотя и ассимилировалось со славянскими пришельцами, подчинившись ихъ культурному вліянію, однако эта ассимиляція завершилась не такъ рано, какъ это думаютъ, и обратное вліяніе финновъ на славянъ было сильнѣе, чѣмъ это предполагаютъ; при этомъ г. предсѣдатель привелъ рядъ данныхъ этнографическаго, географическаго и лингвистическаго характера, подтверждающихъ его соображенія.

Д. И. Иловайскій, возражая проф. Корсакову и г. референту, высказалъ мнѣніе, что племя меря очень рано и такъ сильно ославянилось, что отъ него не осталось и слѣда; народъ нашъ теперь не знаетъ мери и ничего о ней не помнитъ. Въ параллель г. Иловайскій привелъ ятвяговъ, которые, хотя и исчезли, но память о себѣ сохранили въ народѣ.

Засѣданіе было закрыто предсѣдателемъ въ $11^1/_2$ час.

---

26 іюня, пятница.

Въ 10 часовъ утра гг. члены IV Областного археологическаго съѣзда собрались въ оградѣ Воскресенской на Нижней Дебрѣ церкви, гдѣ были сфотографированы при Трехсвятительскомъ придѣлѣ двумя фотографами. Затѣмъ происходило обозрѣніе самого Воскресенскаго храма, этого замѣчательнаго памятника Костромской старины, причемъ проф. Н. В. Покровскій давалъ подробныя объясненія относительно достопримѣчательностей архитектуры храма и древняго внутренняго его убранства.

Сооруженный въ 1652 года К. Г. Исаковымъ, Воскресенскій храмъ устроенъ «на подклѣтѣ» съ тремя русскими крыльцами и галлереями съ трехъ сторонъ въ обычномъ для того времени архитектурномъ типѣ, многочисленные образцы котораго сохранились въ Москвѣ, Ярославлѣ, Ростовѣ и въ другихъ мѣстахъ. Наружныя стѣны храма и алтарныхъ его абсидъ искусно испещрены художественными украшеніями въ видѣ шахматныхъ полей изъ разноцвѣтныхъ треугольниковъ, а также изъ клеймъ въ видѣ кувшиновъ и рустиковъ. Стѣны и углы храма украшены гладкими кирпичными колоннами (пилястры) — по 8 на восточной и сѣверной стѣнахъ и

по 10 на западной и южной. Выше карниза на стѣнахъ — по три изящныхъ арки съ живописными иконными клеймами. Особенно же замѣчательны орнаментика и кружала на сѣверной сторонѣ храма надъ окнами придѣла.

Орнаментика главнаго входа или св. вратъ въ храмовую паперть весьма характерна, въ виду обилія въ ней символическихъ фигуръ; такъ, здѣсь расположены рельефныя символическія изображенія льва, единорога, сиренъ, пеликана, (неясыть), раздирающаго свою грудь, чтобы напитать своихъ птенцовъ, орловъ. Замѣчательна и самая лѣстница главнаго входа съ тремя на ней площадками.

Въ галлереяхъ храма хорошо, хотя не всюду, сохранились исполненныя въ 50 годахъ XVII вѣка настѣнныя фресковыя живописи, въ которыхъ ясно различаются старинныя, глубокія графьи, составляющія одну изъ техническихъ примѣтъ именно фресковой живописи. Только на западной стѣнѣ, на лѣвой сторонѣ отъ входной двери — Новгородское изображеніе Софьи и большая картина изъ откровенія о торжествѣ Побѣдителя Іисуса Христа надъ адомъ (Апок. XX гл.), на правой же сторонѣ—въ большомъ алебастровомъ клеймѣ явленіе величественнаго, съ солнцеобразнымъ лицемъ и столпоогненными ногами, ангела съ раскрытою книгою, подаваемою ап. Іоанну на Патмосѣ (Апок. X гл.) и таинственное видѣніе описанное въ XIII гл. Апокалипсиса. На южной стѣнѣ фресковыя изображенія отдѣльныхъ моментовъ изъ исторіи міротворенія, Каина и Авеля,— изображеніе праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова съ праведными въ нѣдрахъ въ видѣ младенцевъ, выше изображеніе «Отечества», а ближе къ южной двери «Недреманное око», съ изображеніемъ Іисуса Христа, плавающаго на одрѣ съ предстоящими подлѣ Него Богоматерью и ангелами—у ногъ съ орудіями крестныхъ страданій, а вверху съ рипидой. Въ концѣ же южной стѣны обратила вниманіе писанная на кирпичахъ мѣстночтимая икона Знаменія Божіей Матери.

Оригинальны самыя врата въ Воскресенскую церковь, во вкусѣ XVII вѣка—съ 7 особыми отливами въ карнизахъ и аркѣ, 3 колоннами и брусьями на каждой сторонѣ. Въ самомъ храмѣ живопись отъ 1833 г., возобновленная въ 1870 г. Но и здѣсь имѣется много

предметовъ старины. Такъ, въ иконостасѣ особенно замѣчательны по правую сторону икона Воскресенія Христова отъ половины XVI в., образъ Увѣренія ап. Ѳомы въ Воскресеніи Спасителя въ строгановскомъ стилѣ, по лѣвую же — иконы Успенія Божіей Матери и Ѳеодоровская икона ея, хотя древняя живопись ихъ сокрыта подъ серебропозолоченными окладами. Вниманію членовъ съѣзда представлены особо иконы 12 праздниковъ, отъ XVII вѣка, кромѣ того возлѣ праваго клироса находятся иконы XVII в.: 1. Предтечи въ дѣяніяхъ, свыше пророцы съ дѣяніями, скорбящая Богоматерь — Петровскихъ временъ, икона Алексѣя, человѣка Божія, и святителя Николая Чудотворца въ дѣяніяхъ.

Въ очень небольшомъ (144 вершка въ длину къ востоку, изъ коихъ 72 для алтаря и 72 для церкви) придѣлѣ во имя Св. в.-муч. Екатерины, соединенномъ аркою съ алтаремъ Воскресенской церкви, изображенъ фресками акафистъ въ честь Божіей Матери, а въ алтарѣ — воплотившійся Сынъ Божій и лики угодниковъ Божіихъ. Иконостасъ здѣсь — XVII в.; замѣчательны рѣзныя царскія врата съ басмою XVI—XVII вѣковъ и того-же времени басменные образа в.-муч. Екатерины съ цатой и вѣнцомъ и Димитрія Солунскаго.

Въ лѣвомъ также малопомѣстительномъ (224 верш. въ длину и 96 в. въ ширину) придѣлѣ во имя трехъ вселенскихъ Святителей привлекъ особенное вниманіе 22 членовъ съѣзда нѣсколько реставрированный иконостасъ первой половины XVII вѣка, превосходной мелкой рѣзной работы, въ 5 ярусовъ съ тяблами и съ рѣзными колоннами разнообразной формы. Во второмъ ярусѣ на поставленныхъ на нижнія колонны тумбахъ возвышаются четыреугольныя колонны кверху въ видѣ чрезвычайно искусно вырѣзанныхъ изъ дерева четырехъ рукъ, изъ коихъ двѣ поддерживаютъ среднюю часть тябла (коруны), а двѣ — боковые края того-же тябла, въ свою очередь служащаго точкой опоры для колоннъ третьяго яруса. Иконостасъ сплошь покрытъ миніатюрными барельефными узорами, украшенными по мѣстамъ позолотою, серебреніемъ, при чемъ разноколерныя краски дѣлаютъ саму по себѣ превосходную рѣзьбу иконостаса еще болѣе привлекательною. Но особенно замѣчательны здѣсь царскія врата, во многомъ сходныя съ царскими вратами новаго придѣла

Ярославской Іоанно-Предтеченской церкви въ Толчковѣ — рѣзныя, состоящія изъ двухъ створовъ. Каждый створъ устроенъ въ видѣ четырехъ помѣщающихся одинъ надъ другимъ неправильныхъ квадратиковъ, при чемъ въ квадратикахъ находятся рѣзныя клейма въ видѣ пятиглавой церкви. Въ Трехсвятительномъ придѣлѣ рѣдкостная икона надъ сѣверными вратами: «Единородный Сыне» и древнѣйшія же въ алтарѣ Ѳеодоровскія иконы Б. Матери съ дѣяніями, образъ Трехъ Святителей, Знаменія Пресвятой Богородицы и др. На алтарной сторонѣ иконостасной стѣны придѣла сохранилась надпись древнеславянской вязью объ освященіи его 12 іюня 1650 года «по душѣ Кирилла Исакова».

Изъ предметовъ ризницы Воскресенской церкви большое вниманіе привлекли 2 напрестольныхъ креста, 1645 и 1682 г., 4 древнихъ потира, изъ нихъ 2 серебряные, при чемъ на поддонѣ одного изъ послѣднихъ (западнаго происхожденія) вычеканенъ 1552 годъ; 2 старинныхъ ковчега, массивное серебропозолоченное кадило, съ чеканными цвѣточками нѣсколько оригинальной формы; воздухи, шитые золотомъ и серебромъ, и др.

По обозрѣніи Воскресенской церкви г.г. члены прибыли въ Успенскій соборный храмъ....

Объясненія давалъ здѣсь тоже предсѣдатель съѣзда, проф. Н. В. Покровскій.

При осмотрѣ Успенскаго собора выяснено, что онъ построенъ былъ первоначально въ XIII в. въ княженіе Василія Ярославовича Костромского; но неоднократные пожары и передѣлка совершенно измѣнили его первоначальный видъ; даже кладка его стѣнъ, насколько можно судить о томъ по нашимъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ осмотра его подваловъ, носитъ на себѣ слѣды XVII в. Предметовъ отдаленной старины сохранилось въ этомъ соборѣ не много. Находящаяся здѣсь чудотворная икона Ѳеодоровской Богоматери представляетъ важнѣйшій и древнѣйшій памятникъ не только Успенскаго собора, но и всей Костромы. Явленіе ея относится къ XIII в. и соединяется съ именемъ Костромского князя Василія Ярославовича Квашни, брата св. Александра Невскаго, сына Ярослава Всеволодовича. Икона мѣрою 1 ар. $2^1/_2$ вершка,

въ ширину 12 вершковъ, украшена массивною золотою ризою и имѣетъ рукоять, указывающую на то, что въ Городцѣ, первоначальномъ мѣстѣ ея нахожденія, она была запрестольною иконою. Краски иконы сильно потемнѣли, повреждены и исправлены неоднократно.

Изъ другихъ иконъ Успенскаго собора можемъ отмѣтить лишь немногія. Икона Ѳеодоровской Богоматери (6×6 вершк.) надъ сѣверными дверями, XVII в. въ серебряномъ окладѣ и съ цатою, украшенною жемчугомъ. Внизу на серебряной дощечкѣ подпись: сей св. образъ Пресвятой Богородицы Ѳеодоровской пожаловали вкладу въ Костромской Успенской соборъ Государь царь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Россіи. На окладѣ подпись съ боку: построенъ окладъ сей 1769 году: вѣсу 144 золотника. Очевидно, окладъ иконы, а равно и другія украшенія не современны самой иконѣ. На окладѣ, на серебрѣ, изображены Михаилъ Малеинъ и Ѳедоръ Стратилатъ.—Другая икона Ѳеодоровской Богоматери въ дѣяніяхъ: здѣсь находится, между прочимъ, изображеніе самого собора и Костромского кремля въ стилизованныхъ формахъ.—Иконы Толгской Богоматери въ дѣяніяхъ, Скорбящей Б. М. и Тихвинской Б. М.—XVII в.

Икона Апокалипсисъ Ев. Іоанна Богослова съ подписью внизу—писанъ сей святого откровенія Іоанну Богослову образъ при державѣ царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи самодержца при Макаріи митрополитѣ Московскомъ въ лѣто отъ Рождества Христова 1559. Подпись эта исправлена, а, можетъ быть, и сдѣлана вновь въ XIX в.; но икона сохранила на себѣ слѣды древности, если не XVI, то XVII вѣка.

Икона святителя Николая Чудотворца Можайскаго въ дѣяніяхъ, конца XVIII в.; въ рукѣ святителя храмъ, написанный въ стилѣ Московской архитектуры XVII в., и часть Кремлевской стѣны съ башнями.

Большая икона, на которой находятся 171 образъ Богоматери разныхъ явленій. Подпись: писалъ сей св. образъ г. Костромы иконописецъ Дмитрій Васильевъ Серебряниковъ 1794 года.

Деисисъ XVII в. прекрасной работы.

Икона Казанской Богоматери въ стилѣ и манерѣ царскихъ иконописцевъ конца XVII вѣка.

Надъ южными алтарными вратами—икона Владимірской Богоматери въ окладѣ, цатѣ и вѣнцѣ, съ надписью: обложенъ сей св. образъ Пресвятой Богородицы Владимірской окладомъ лѣта 7206 (1698) декабря дня.

По стѣнамъ собора размѣщены знамена Костромского ополченія 1812 года и Севастопольскаго.

Въ ризницѣ хранятся рясны и риза чудотворной иконы Ѳеодоровской Богоматери, подаренная, по преданію, Государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

Вечернее засѣданіе 26 іюня (2-я секція).

Засѣданіе открыто въ $7^3/_4$ час. вечера заявленіемъ предсѣдателя 2-й секціи, академика Ѳ. И. Успенскаго объ избраніи почетнымъ предсѣдателемъ на настоящее засѣданіе проф. А. П. Голубцова.

Проф. Голубцовъ, выразивъ благодарность за почетное избраніе, замѣтилъ, что онъ принимаетъ его лишь какъ знакъ просвѣщеннаго вниманія со стороны достопочтеннаго президіума къ заслугамъ Московской дух. академіи, командировавшей его на съѣздъ.

Послѣ оглашенія письма г. Первухина, заявившаго о невозможности для него, за отъѣздомъ изъ Костромы, прочесть свой докладъ: «къ вопросу объ основной идеѣ русской иконописи», слово предоставлено было проф. А. П. Голубцову, предложившему рефератъ на тему: «авторъ древней повѣсти о Ѳеодоровской иконѣ Божіей Матери». Указавъ на важное значеніе повѣсти въ исторіи и археологіи главнѣйшей мѣстной святыни, референтъ остановился на составителѣ ея. Высказавъ догадку, что послѣднимъ могъ быть о. Іоаннъ Милютинъ, въ августовской четь-минеѣ котораго помѣщена повѣсть, онъ сообщилъ свѣдѣнія о Милютинѣ, его нахожденіи въ Троице-Сергіевой лаврѣ, его писательскихъ пріемахъ и особенно на тѣхъ данныхъ, которыя сообщаетъ повѣсть о церкви св. Ѳеодора Стратилата въ Костромѣ, нынѣ несуществующей, но до конца

XVI в. бывшей главнѣйшею соборною церковью въ ней. Указавъ на мѣсто и былое значеніе храма св. Ѳеодора, референтъ уясняетъ отношеніе къ нему собора Успенскаго и, между прочимъ, попутно констатируетъ существованіе въ Костромѣ соборовъ: Троицкаго и Вознесенскаго.

По окончаніи реферата, возбудившаго особенное вниманіе членовъ съѣзда, начались оживленныя пренія по затронутымъ референтомъ вопросамъ. По мнѣнію академика А. И. Соболевскаго, авторомъ трактуемой повѣсти едва ли могъ быть названный священникъ Іоаннъ Милютинъ: списки повѣсти о Ѳеодоровской иконѣ Божіей Матери встрѣчаются довольно часто, отличаясь то большими, то меньшими подробностями, а между тѣмъ Милютинскія четьминеи были мало кому извѣстны. Возможно предполагать, что о. Милютинъ былъ лишь перефразировщикомъ раннѣйшихъ сказаній, а авторомъ повѣсти былъ, вѣроятно, костромичъ, написавшій повѣсть въ утѣшеніе своимъ согражданамъ въ виду тяжелыхъ испытаній, которыя перетерпѣвала Русь. Возможно и то предположеніе, что авторъ «повѣсти» былъ однимъ изъ игуменовъ Чудова монастыря въ Москвѣ.

Отвѣчая на возраженія А. И. Соболевскаго, референтъ замѣчаетъ, что онъ и не настаиваетъ на авторствѣ о. Іоанна Милютина; весьма возможно, что послѣдній, какъ и другіе книжники его времени, былъ только компиляторомъ. Пробывъ въ лаврѣ нѣсколько лѣтъ послушникомъ, Милютинъ былъ потомъ священникомъ и, быть можетъ, въ Костромѣ—своемъ родномъ краѣ. Что же касается предположенія оппонента объ одномъ изъ игуменовъ Чудова монастыря, какъ возможномъ авторѣ «повѣсти», то игумены и вообще книжные люди Чудова монастыря того времени хорошо извѣстны и близкаго отношенія къ Костромѣ, сколько ему извѣстно, не имѣли.

По поводу сообщенія проф. Голубцова о наличности въ Костромѣ трехъ соборовъ оппонентами выступили И. В. Баженовъ и свящ. А. В. Говорковъ. Первый оппонентъ интересуется узнать, на какихъ данныхъ референтъ основываетъ свои сообщенія о Вознесенскомъ соборѣ, вѣроятнѣе всего, на старомъ Вознесенскомъ по-

садѣ, и чѣмъ вызывалась наличность въ Костромѣ и др. городахъ нѣсколькихъ соборовъ.

Проф. Голубцовъ на первый вопросъ оппонента отвѣтилъ чтеніемъ выдержки изъ грамоты, писанной при выдачѣ антиминса въ соборъ Вознесенія, что на посадѣ. Существующая на Дебрѣ Вознесенская церковь—далеко незаурядная: это доказывается хорошо сохранившейся наружной отдѣлкой главъ храма, присутствіемъ въ храмѣ, во всѣхъ трехъ абсидахъ, престоловъ, богатствомъ иконъ на одни и тѣ же сюжеты.

Отвѣтомъ на второй вопросъ служитъ то, исторически извѣстное, обстоятельство, что въ 16 и 17 вѣкахъ въ большихъ городахъ вообще было по нѣскольку сороковъ или соборовъ. Они были церковно-богослужебными центрами для извѣстныхъ районовъ. На существованіе въ Костромѣ трехъ соборовъ могутъ, по мнѣнію А. П. Голубцова, указывать и существующіе и по настоящее время 3 крестныхъ хода, раздѣляющіе г. Кострому какъ бы на три района.

Второй оппонентъ о. Говорковъ сомнѣвается въ справедливости заявленія проф. Голубцова о томъ, что Троицкая церковь была соборною, такъ какъ извѣстно, что, когда въ 1773 году сгорѣлъ Успенскій соборъ, то соборный причтъ перешелъ на службу не въ Троицкую, а въ Богоотцовскую церковь. Это возраженіе опровергается документальными данными, приведенными проф. Голубцовымъ.

По окончаніи преній по поводу доклада проф. Голубцова слово было предоставлено Н. И. Троицкому, предложившему докладъ на тему: «Икона Благовѣщенія, писанная Костромскимъ попомъ Иваномъ Андреевымъ». Указавъ въ началѣ своего доклада на небрежное отношеніе нашего общества къ памятникамъ старины, благодаря чему цѣнные въ археологическомъ отношеніи предметы попадаютъ часто не туда, куда слѣдуетъ, примѣромъ чего служитъ и заинтересовавшая его икона, г. Троицкій сообщилъ собранію, что въ Тульской палатѣ древностей имѣется икона Благовѣщенія, писанная въ 1717 г. въ Костромѣ Архангельскимъ попомъ Иваномъ Андреевымъ: писана она была, какъ это видно изъ чеканенной подписи на клеймѣ оклада въ нижней части иконы, для посадскаго человѣка Аѳанасія Трофимова Ботникова и была въ семействѣ послѣдняго

фамильною. Для опредѣленія личности Аѳанасія Ботникова референтъ сослался на Евангеліе, находящееся въ ризницѣ Костромского собора, которое составляетъ вкладъ отца этого Ботникова—Трофима, 1698 г. Стиль письма этой иконы Ушаковскій, видоизмѣненный подъ иностраннымъ вліяніемъ. Со стороны художественной икона вполнѣ отвѣчаетъ духу Евангелія, а также выдѣляется и въ томъ отношеніи, что всецѣло удовлетворяетъ православному чувству, изображая Божію Матерь не въ обычно-житейскомъ, а въ идеальномъ видѣ. Особенность этой иконы заключается, между прочимъ, и въ томъ, что на ней изображенъ дважды арх. Гавріилъ. Но это не вымыселъ художника: подобное изображеніе встрѣчается въ мозаикахъ древнѣйшей базилики Маріи Маджіоре въ Римѣ (V вѣка), и такому изображенію дается объясненіе въ Словѣ на Благовѣщеніе св. Андрея Критскаго (VII вѣка).

Докладчику оппонируетъ П. Ѳ. Симсонъ, который, справившись у г. Троицкаго, насколько эта икона близка къ иконописнымъ подлинникамъ, полагаетъ, что трактуемая икона писана подъ вліяніемъ Аугсбургской школы.

Проф. А. П. Голубцовъ находитъ нелишнимъ въ отношеніи къ Слову Андрея Критскаго задаться вопросомъ, насколько подлинно оно, и что послужило источникомъ въ процитованномъ референтомъ мѣстѣ для автора его. Д. В. Айналовымъ доказано уже, что мозаичистъ Либеріевой базилики въ Римѣ пользовался въ своихъ работахъ и источникомъ апокрифическимъ.

Докладчикъ заявилъ, что по отношенію къ подобнаго рода памятникамъ критика должна имѣть серьезную предосторожность, ибо на основаніи апокрифическаго прото-Евангелія Іакова писаны и древнѣйшія иконы Благовѣщенія, гдѣ Пр. Дѣва изображается съ пряжей (какъ въ Софіи Кіевской) или у колодца и пр.

По этому поводу предсѣдателемъ секціи акад. Ѳ. И. Успенскимъ было сдѣлано замѣчаніе въ томъ смыслѣ, что въ интересахъ ученой мысли строгая и всесторонняя научная критика вполнѣ допустима и въ отношеніи къ такого рода памятникамъ.

Послѣдній докладъ былъ предложенъ С. Н. Введенскимъ: «О церковномъ соборѣ въ Костромѣ при митрополитѣ Ѳеогностѣ». По-

мянутый соборъ по заявленію докладчика состоялся въ Костромѣ въ 1330 году и имѣлъ цѣлью поставленіе епископа для Суздальской епархіи и рѣшеніе спора о предѣлахъ епархій Рязанской и Сарайской. Этотъ докладъ вызвалъ горячее возраженіе со стороны проф. А. И. Алмазова, по мнѣнію котораго церковнаго собора на Костромѣ совершенно не было; если надо было поставить епископа Суздальской области, то и соборъ могъ состояться въ Суздалѣ. С. Н. Введенскій въ отвѣтъ на это возраженіе прочиталъ выдержку изъ грамоты митр. Алексія, изъ которой ясно, что соборъ былъ въ Костромѣ. Поставленіе епископа могло состояться и не въ томъ городѣ, для котораго онъ предназначается: т. напр. Моисей, епископъ Новгородскій (1331 г.), принялъ поставленіе на югѣ Россіи. На заявленіе проф. А. И. Алмазова о томъ, что данный соборъ обойденъ молчаніемъ въ лѣтописяхъ, С. Н. Введенскій отвѣтилъ, что этотъ соборъ, какъ имѣвшій значеніе частное, а не общерусское, могъ представляться современнымъ лѣтописцамъ малозначительнымъ, почему о немъ нѣтъ и упоминаній въ лѣтописяхъ.

Засѣданіе закрыто въ 9 час. вечера.

---

27 іюня, суббота.

Утромъ 27 іюня гг. члены съѣзда по случаю 200-лѣтія Полтавской побѣды присутствовали въ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ преосвященнымъ еп. Тихономъ была отслужена Божественная литургія, по окончаніи которой совершенъ былъ крестный ходъ при участіи его преосвященства епископа Тихона, городского духовенства, г. начальника губерніи, генералъ-маіора А. П. Веретенникова, г. вице-губернатора князя А. Н. Оболенскаго, членовъ археологическаго съѣзда, мѣстныхъ войскъ и массы народа, къ часовнѣ въ память Александра II, что на Сусанинской площади. Здѣсь его преосвященствомъ былъ совершенъ благодарственный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія по обычному порядку и вѣчной памяти Петру Великому.

Послѣ молебна мѣстнымъ войскамъ былъ устроенъ парадъ на плацу. Обойдя войска, г. начальникъ губерніи, генералъ-маіоръ

А. П. Веретенниковъ прочиталъ приказъ по войскамъ, отданный ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ 27 іюня. По прочтеніи приказа раздалось громкое «ура!», и оркестромъ трижды былъ исполненъ народный гимнъ.

Затѣмъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ предъ г. начальникомъ губерніи.

Того же числа утромъ гг. членами съѣзда была отправлена всеподданнѣйшая телеграмма ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ слѣдующаго содержанія:

Полтава. Господину министру Императорскаго Двора.

Въ торжественный день празднованія славной Полтавской побѣды IV Областной археологическій съѣздъ въ Костромѣ проситъ Васъ повергнуть передъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ Государемъ Императоромъ вѣрноподданическое привѣтствіе членовъ съѣзда.

Предсѣдатель съѣзда, тайный совѣтникъ *Покровскій.*

Засѣданіе открыто $1^1/_2$ час. дня заявленіемъ предсѣдателя секціи акад. Ѳ. И. Успенскаго объ избраніи на настоящее засѣданіе почетнымъ предсѣдателемъ проф. Г. Г. Павлуцкаго.

Проф. Г. Г. Павлуцкій благодаритъ за избраніе, относя эту честь не лично къ себѣ, а къ университету св. Владиміра, представителемъ котораго онъ является на съѣздѣ. Затѣмъ въ обширной рѣчи проф. Павлуцкій охарактеризовалъ значеніе эпохи царя Михаила Ѳеодоровича въ исторіи русскаго зодчества. Кострома, по мнѣнію профессора, является обладательницею многихъ памятниковъ именно этой эпохи и при томъ чисто русскаго творчества; между тѣмъ русскій югъ, вообще богатый памятниками старины, носитъ печать вліянія византійскаго зодчества. На великой Руси національная архитектура выразилась въ Владиміро-Суздальскомъ стилѣ, получившемъ свое начало въ половинѣ 12 вѣка. Татарскій погромъ задержалъ развитіе русскаго зодческаго генія приблизительно на 200 лѣтъ. За этотъ періодъ времени русское искусство подчинилось вліянію грековъ. Со времени Іоанна III, пригласившаго въ Россію

итальянскихъ художниковъ русское искусство естественно подпало вліянію этихъ послѣднихъ. Впрочемъ, это вліяніе имѣло добрую сторону въ томъ отношеніи, что русскіе мастера, перенявъ отъ итальянцевъ наиболѣе совершенные техническіе пріемы, стали примѣнять ихъ въ стилѣ Владиміро-Суздальской архитектуры. Эта эпоха — конецъ 16 и весь 17 вѣкъ — и считается золотою порою русскаго національнаго зодчества. Это тѣмъ болѣе насъ обязываетъ цѣнить и хранить памятники этой эпохи. Въ настоящее время, съ Петра Великаго, выработавшійся національный стиль уклоняется отъ своего типа, такъ что уже въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны мы видимъ ярко выраженный стиль рококо (Растрелли), переходящій потомъ въ стиль empire. Въ 19 вѣкѣ были серьезныя попытки возродить древне-русское архитектурное искусство въ національномъ стилѣ, но эти попытки не увѣнчались успѣхомъ. Поэтому, заключилъ проф. Павлуцкій, русское зодчество 17 вѣка должно быть предметомъ особеннаго вниманія и изученія.

Слѣдующее слово предоставлено І. Б. Михаловскому.

По просьбѣ проф. Н. В. Покровскаго, докладчикъ обслѣдовалъ подвалы Успенскаго собора, съ цѣлью найти хотя-бы слѣды древней постройки XIII вѣка, но и въ подвалахъ все зданіе представляется значительно новѣе и не можетъ быть отнесено къ періоду ранѣе XVII вѣка.

Черезъ дверь В. стѣны храма можно проникнуть лишь въ часть подвала церкви, совершенно обновленную и никогда не соединявшуюся съ подвалами, расположенными подъ другими частями храма. (Самое тщательное обслѣдованіе стѣнъ съ электрическими фонарями не обнаружило никакихъ слѣдовъ какихъ либо дверей или проемовъ, задѣланныхъ впослѣдствіи. Напротивъ, имѣются ясныя указанія на то, что стѣны, окружающія указанное пространство, были нѣкогда наружными стѣнами. Во всѣхъ этихъ стѣнахъ прекрасно сохранились въ первоначальномъ своемъ видѣ окна съ желѣзными рѣшетками. Въ планѣ вся эта часть храма весьма проста. Посрединѣ четыреугольника (почти квадрата) поставлены четыре столба, которые соединяются подпружными арками, какъ между собою, такъ и съ наружными стѣнами. Этими арками все пространство раздѣ-

ляется на девять частей, изъ которыхъ средняя и угловыя квадратныя, а остальныя прямоугольныя. Тѣ части, которыя обращены на С., закруглены, какъ съ внутренней, такъ и съ наружной стороны и составляютъ алтарные абсиды. Толщина стѣнъ и столбовъ около 2 арш. 12 вершк. и кладка ихъ состоитъ изъ кирпича, типичнаго для XVII вѣка размѣрами, нѣсколько превышающими современный кирпичъ. (Длин. $6^1/_2$ верш., шир. 3, высот. $1^3/_4$ в.). Арки и своды устроены также изъ кирпича. Алтарные абсиды теперь отдѣлены отъ главнаго помѣщенія тонкими кирпичными стѣнками позднѣйшаго происхожденія.

Такимъ образомъ является несомнѣннымъ то, что нѣкогда храмъ представлялся значительно меньше настоящаго, и, войдя въ него, молящійся видѣлъ лишь два столба, а другіе два скрывались за иконостасомъ. Такъ это было въ XVII в., но такъ могло быть и раньше. Если допустить, что сохранившіеся стѣны и столбы поставлены на древнихъ фундаментахъ, современныхъ началу постройки храма, то такое допущеніе во всякомъ случаѣ правдоподобно, такъ какъ такая форма плановъ для XIII в. типична.

Но въ такомъ видѣ храмъ не остался, и желаніе придать ему возможно болѣе величественный видъ, а также расширить его площадь, конечно, повлекло за собою сильное искаженіе первоначальной формы. Достойно вниманія то, что пристройки, облѣпившія храмъ съ трехъ сторонъ, сдѣланы нѣсколько своеобразно, необычно, и въ этомъ отношеніи Успенскому собору сравнительно съ другими зданіями, подвергшимися подобной же участи, посчастливилось. Возводя пристройки, строитель не ограничивался устройствомъ лишь наружныхъ стѣнъ, а строилъ каменныя стѣны и внутреннія вплотную съ существующими стѣнами собора. Опасался-ли строитель упирать своды на старыя стѣны, не надѣясь на ихъ прочность, или руководился какими-либо иными соображеніями, мы не знаемъ, но изъ сличенія техники кладки стѣнъ этихъ пристроекъ можно вывести заключеніе, что онѣ построены значительно позже,—вѣроятно, послѣ пожара 1773 г. Время послѣдовательныхъ измѣненій, пристроекъ и передѣлокъ въ соборѣ, докладчикъ и не старался

точно опредѣлять, такъ какъ цѣль его обслѣдованія была другая— желаніе найти слѣды постройки XIII в.

Въ заключеніе ораторъ извинился передъ собраніемъ въ томъ, что не ограничится только Успенскимъ соборомъ, а скажетъ еще нѣсколько словъ о другихъ Костромскихъ храмахъ.

1. При осмотрѣ многихъ Костромскихъ церквей приходится удивляться странной окраскѣ натуральныхъ фасадовъ ихъ. Нѣкоторыя скромно окрашены въ одинъ, два тона и по крайней мѣрѣ не претендуютъ на какую-либо оригинальность или особенную художественность, но встрѣчаются такія наружныя окраски, которыя стоятъ дорого, но въ то же время чрезвычайно портятъ видъ церкви. Архитектурныя формы, красивыя и благородныя буквально теряются въ пестротѣ разноцвѣтныхъ (желтыхъ, черныхъ, красныхъ, синихъ и зеленыхъ) треугольниковъ и квадратовъ; граненые столбы окрашены такъ, что каждая грань имѣетъ свой особый цвѣтъ, стѣны окрашены въ видѣ большихъ граненыхъ квадръ Колокольня, напримѣръ, окрашена въ одинъ тонъ, до столбовъ и арокъ; эти части вмѣстѣ съ шатромъ и слухами рѣзко отдѣляются другимъ, чуждымъ первому тономъ, и такимъ образомъ памятникъ является въ непріятномъ, несимпатичномъ видѣ. Особенно безвкусна и нелѣпа окраска такой чудной церкви, какъ Воскресенья на Дебрѣ и Спасской на томъ берегу Волги. Если собраніе согласится съ мнѣніемъ докладчика, то не найдетъ-ли оно возможнымъ отмѣтить это и предотвратить на будущее время излишнее усердіе иллюминаторовъ тѣхъ прекрасныхъ храмовъ, которые сами по себѣ хороши, безъ ихъ ужасной полихоміи.

2. Въ Костромской губерніи очень много деревянныхъ церквей. Многія изъ нихъ чрезвычайно интересны. Имѣются прекрасные снимки съ этихъ рѣдкихъ памятниковъ, но снято всего нѣсколько церквей. Ввиду того, что деревянная архитектура весьма мало изучена, деревянныя церкви гибнутъ съ каждымъ днемъ: однѣ гніютъ и разрушаются, другія горятъ, надо торопиться съ увѣковѣченіемъ вида этихъ обездоленныхъ памятниковъ. Желательво по возможности неотложно посѣтить всѣ тѣ мѣста, гдѣ сохранились деревянныя церкви и сдѣлать съ нихъ снимки по возможности со всѣхъ сто-

ронъ, а равно и внутри. Пріятнѣе было-бы имѣть обмѣры этихъ церквей или хотя-бы планы, но, быть можетъ, это уже затруднитъ; пусть пока запечатлѣются деревянныя церкви хотя бы на фотографіяхъ. Съ этимъ медлить нельзя. Не надо забывать, что въ деревянной архитектурѣ особенно ярко отражается народный духъ, національное творчество.

Проф. Павлуцкій по разсмотрѣніи сдѣланнаго г. Михаловскимъ дѣлаетъ выводъ, что Успенскій соборъ по своей архитектурѣ приближается къ Владиміро-Суздальскому стилю.

Проф. Иловайскій выразилъ сомнѣніе, чтобы въ основѣ каменной русской архитектуры лежало деревянное зодчество храмовое.

Проф. Н. В. Покровскій, въ разъясненіе возбужденныхъ вопросовъ, сообщилъ, что въ 12 вѣкѣ значительно было развито шатровое зодчество сначала въ деревянныхъ постройкахъ, перешедшее потомъ и въ каменную постройку. Совершеннѣйшимъ образцомъ шатровой каменной постройки является соборъ св. Василія блаженнаго въ Москвѣ.

Проф. Г. Г. Павлуцкій внесъ поправку, указывая на то, что вліяніе деревянной архитектуры на каменную не ограничивалось исключительно типомъ шатровыхъ церквей, а сказывается и на другихъ каменныхъ формахъ XVII в.

Проф. А. П. Голубцовъ желалъ бы знать, въ какомъ отношеніи стоитъ, по мнѣнію г. референта, кладка придѣла св. Феодора Стратилата, пристроеннаго къ собору по повелѣнію ц. Алексѣя Михайловича, къ кладкѣ той части храма, которая принимается имъ за основное ядро.

Г. Михаловскій разъяснилъ, что детальное разслѣдованіе не входило въ его задачу.

Далѣе проф. Голубцовъ высказываетъ мысль, что пестрая окраска Воскресенскаго, на Дебрѣ, храма не есть что-то совершенно новое на немъ. Пестро и въ шахматы раскрашена также въ Троице-Сергіевой лаврѣ трапезная церковь конца XVII в. и дворецъ царя Алексѣя Михайловича. Подъ позднѣйшею пестрою раскраскою послѣдняго въ недавнее время открыты были горизонтальные поясы

прекрасныхъ кафелей и между ними пестрая въ шахматы несомнѣнно давняя окраска.

Проф. Г. Г. Павлуцкій, не соглашаясь съ мнѣніемъ проф. Голубцова, высказался, что такая пестрая окраска могла быть въ ходу лишь въ архитектурѣ гражданской, частныхъ зданій, а въ церковной архитектурѣ она неумѣстна.

По окончаніи оживленныхъ преній по данному вопросу слово предоставлено Н. Ѳ. Флоровскому на тему «Иконографія Рождества Христова по даннымъ Ярославскихъ памятниковъ и по священной и святоотеческой письменности». Референтъ въ теплыхъ словахъ далъ объясненіе различныхъ иконографическихъ пріемовъ изображенія Рождества Христова и ближайшихъ связанныхъ съ нимъ событій—предшествовавшихъ и послѣдующихъ.

Засѣданіе закрыто въ 3 часа.

Вечернее засѣданіе 27 іюня.

Избранный въ почетные предсѣдатели секціи проф. А. И. Алмазовъ, поблагодаривъ за оказанную ему честь, произнесъ рѣчь о томъ выдающемся значеніи, которое имѣютъ въ настоящее время занятія археографіей. Археологія заявилъ профессоръ, какъ наука, изучающая памятники фактической дѣятельности человѣка, теперь привлекаетъ къ себѣ большее число работниковъ. Но нельзя не признать, что значеніе археографіи, изучающей памятники прошлаго человѣческой мысли, которые дошли до насъ при помощи слова, затрагивающей культуру, политику и другія стороны духовной жизни человѣка,—имѣетъ преимущество передъ археологіей. Матеріаломъ для изученія археографіи служатъ рукописи и документы. Ученыя архивныя комиссіи, къ сожалѣнію, до сихъ поръ занимались почти исключительно описаніемъ и изслѣдованіемъ документовъ. Имъ необходимо обратить вниманіе и на рукописныя книги. Поэтому, сегодняшній докладъ В. В. Майкова, предметъ котораго рукописи одного изъ мѣстныхъ собраній, имѣетъ особенное значеніе.

В. В. Майковъ сдѣлалъ докладъ: «Рукописное собраніе Костромской духовной семинаріи». Собраніе содержитъ около 90 рукописей, относящихся къ XIV—XIX столѣтіямъ. Древнѣйшею является

толковая палея конца XIV в. типа изданной въ Москвѣ учениками Н. С. Тихонравова Палеи 1406 г. Изъ числа рѣдко встрѣчающихся въ древне-русской письменности переводовъ ветхозавѣтныхъ книгъ въ собраніи находится Пятокнижіе Моисеево XV вѣка. Въ той же рукописи содержится статья полемическаго характера, направленная противъ невѣрнаго толкованія пророчествъ Соломона. Интересно учительное Евангеліе патріарха Каллиста XV вѣка, переведенное сначала — въ 1407 г. съ греческаго на средне-болгарскій языкъ и вскорѣ появившееся и на церковно-славянскомъ. Интересны также: нѣсколько праздничныхъ Миней XVI вѣка, съ русскими статьями, 4 пролога, причемъ одинъ изъ нихъ относится къ XV столѣтію, «Житіе Варлаама и Іосафа» съ записью 1529 г.

Изъ учительныхъ книгъ нужно отмѣтить: 1) Постническія слова Василія Великаго, полууставная рукопись XVI в., лѣствица XV вѣка, 3) Бесѣды Григорія Богослова, со вкладной записью 1625 года, князя Ивана Семеновича Куракина, 4) Авва Дороѳей съ Римскимъ патерикомъ, съ указаніемъ времени написанія рукописи въ 1628 г. на Костромѣ Ѳеофиломъ кіевляниномъ.

Въ числѣ рукописей историческаго содержанія въ собраніи находятся: два хронографа XVII в. и лѣтописецъ Дороѳея Монемвасійскаго. Кромѣ того, есть еще три рукописи южно-русскаго письма XVII—XVIII вѣка. Далѣе референтъ остановился на двухъ сборникахъ: 1) XVI вѣка, заключающемъ въ себѣ, между прочимъ, преніе Аѳанасія Великаго противъ Арія; 2) XVII вѣка, съ интересными замѣтками о принадлежности книги Алексѣю Ивановичу Жадовскому и о закладкѣ каменнаго храма въ Паисіевскомъ монастырѣ въ Галичѣ, княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Львовымъ, въ 1642 году.

Въ заключеніе докладчикъ высказалъ пожеланіе, чтобы рукописи собранія были въ возможно скорѣйшемъ времени описаны, и описаніе издано Костромскою ученою архивною комиссіею.

Рефератъ В. В. Майкова вызвалъ оживленную и продолжительную бесѣду. Проф. Д. А. Корсаковъ поставилъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ южно-русскія рукописи, интереснѣйшею и важнѣйшею изъ которыхъ является Ипатьевскій списокъ лѣтописи,

попадали въ сѣверо-восточную Русь, и высказалъ предположеніе, что на сѣверѣ Руси въ XV вѣкѣ интересовались дѣлами южной Руси, гдѣ ранѣе создалось «Русское королевство». Академикъ А. И. Соболевскій отвѣтилъ, что книги въ древности были предметомъ торговли и могли свободно перевозиться въ мѣста, всюду гдѣ былъ на нихъ спросъ, и такимъ образомъ попадать съ юга на сѣверъ.

По мнѣнію проф. А. И. Алмазова, южно-русскія книги могли приноситься на сѣверъ монахами при переходѣ изъ монастыря въ монастырь.

Н. И. Троицкій указалъ, что, тѣснимые татарами съ юга, князья черниговскіе стремились на сѣверъ и затѣмъ переселились къ берегамъ верхней Оки и тамъ образовали нѣсколько княжествъ: Новосильское, Одоевское, Бѣлевское, Воротынское, Волконское и пр. Они переносили съ собою достояніе свое и предковъ, въ томъ числѣ и рукописи, которыми они особенно дорожили. Все это происходило именно въ XV вѣкѣ.

Относительно высказаннаго референтомъ пожеланія скорѣйшаго изданія описанія семинарскаго собранія проф. А. И. Алмазовъ, не отрицая научной цѣнности рукописей семинаріи, высказался за необходимость описанія рукописей и всѣхъ другихъ Костромскихъ собраній, имѣющихся въ Богоявленскомъ и Ипатьевскомъ монастыряхъ и т. д. въ этомъ случаѣ описаніе имѣло бы не только мѣстное, но и обще-научное значеніе.

Академикъ А. И. Соболевскій указалъ, что описаніе рукописей семинаріи безусловно необходимо, и что выполненное возможно кратко и просто, путемъ перечисленія названій рукописей и ихъ статей, оно осуществимо въ сравнительно небольшой промежутокъ времени.

Библіотекарь Костромской семинаріи С. Н. Романовскій сообщилъ, что имѣющееся въ настоящее время собраніе семинарскихъ рукописей составляетъ $^1/_3$ всего количества рукописей, находившихся въ семинарской библіотекѣ до пожара 1906 г., когда остальныя $^2/_3$ рукописей погибло. Кромѣ рукописей въ библіотекѣ находятся латинскія печатныя книги XVI и XVII вв.

Мелкія замѣчанія сдѣланы Д. Н. Сизовымъ и И. В. Баженовымъ.

Второй рефератъ — «О протопопѣ Даніилѣ» принадлежитъ С. Н. Введенскому. Докладчикъ, пользуясь документомъ архива министерства юстиціи, изложилъ свѣдѣнія о столкновеніи протопопа Даніила съ воеводой и жителями Костромы и сосѣднихъ селъ, сопровождавшемся безчинствами крестьянъ. Безпорядки были вызваны строгостями Даніила относительно пьянства, бѣсовскихъ пѣсенъ и скомороховъ. На основаніи краткихъ свѣдѣній о Даніилѣ, главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума, референтъ разсказалъ дальнѣйшую печальную участь Даніила, окончившаго свою жизнь въ ссылкѣ за расколъ въ Астрахани.

Проф. А. П. Голубцовъ и С. Н. Романовскій указали на то, что часть матеріаловъ, использованныхъ референтомъ, была уже напечатана ранѣе въ мѣстныхъ изданіяхъ.

Отвѣчая на замѣчаніе проф. Голубцова, С. Н. Введенскій сообщаетъ, что ему извѣстны были и напечатанные въ Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ документы.

---

28 іюня, воскресенье.

Дневное засѣданіе секціи общихъ вопросовъ было открыто въ половинѣ второго часа предсѣдателемъ А. Н. Андрониковымъ въ присутствіи почетнаго предсѣдателя проф. В. А. Нарбекова и секретаря секціи И. А. Виноградова.

Послѣ выраженія благодарности профес. В. А. Нарбековымъ за избраніе въ почетные предсѣдатели слово было предоставлено В. А. Андроникову, доложившему о покойномъ предсѣдателѣ Костромской ученой архивной комиссіи Петрѣ Алексѣевичѣ Илинскомъ.

Мм. гг. и мм. гг. Въ настоящіе историческіе для Костромской губернской ученой архивной комиссіи дни IV Областного археологическаго съѣзда, когда заботами непремѣннаго попечителя комиссіи г. начальника губерніи А. П. Веретенникова совершилось событіе громадной важности — на землѣ, предоставленной Костромскимъ дворянствомъ, послѣдовала закладка Романовскаго музея, этотъ свѣтлый праздникъ въ исторіи родного края, когда сердца у

насъ—костромичей бьются чувствомъ живѣйшей радости, долгъ и обязанность Костромской губернской ученой архивной комиссіи добрымъ словомъ помянуть почившихъ ея сочленовъ, которые особенно живое участіе принимали въ ея судьбѣ. Къ числу такихъ то почтенныхъ дѣятелей относится несомнѣнно и недавно почившій предсѣдатель нашей комиссіи П. А. Илинскій.

Личность богато одаренная съ широко развитымъ умомъ и чуткимъ отзывчивымъ сердцемъ, П. А. вносилъ жизнь и творчество всюду, гдѣ только ни появлялся, гдѣ ни работалъ: въ ученомъ ли кабинетѣ мужа науки—врача, въ кропотливой ли работѣ архивиста надъ хартіями и свитками временъ давно минувшихъ, въ бѣглой ли газетной статейкѣ или дружеской застольной бесѣдѣ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и до маститой старости покойный неустанно трудился въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ труда и знанія: въ медицинѣ и педагогіи, въ публицистикѣ и литературѣ, на театрѣ военныхъ дѣйствій и на мирномъ поприщѣ врача-санитара, наконецъ за скромной работой провинціальнаго труженика—изслѣдователя судебъ родного края. Почившій принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые не любятъ идти торной дорогой, но всюду стремятся проложить новые пути, пробуждая общественное самосознаніе, поднимая духъ личной иниціативы, такъ какъ сами они обладаютъ могучимъ запасомъ энергіи, твердой силой воли и чуткимъ отзывчивымъ сердцемъ.

Получивъ медицинское образованіе въ самый разгаръ увлеченія матеріалистической философіей, П. А. всю долгую жизнь свою былъ глубоко проникнутъ чувствомъ религіознымъ. Имъ руководился онъ и въ первомъ литературномъ трудѣ своемъ, написанномъ еще на школьной скамьѣ, и въ историческомъ очеркѣ Тихоновой Луховской пустыни, и въ устройствѣ торжественнаго чествованія 400-лѣтія кончины преподобнаго Тихона, и въ обычной домашней жизни. Онъ былъ изъ числа ищущихъ Христа всей душою, всею мыслію. П. А. не могъ оставаться простымъ созерцателемъ жизни: онъ былъ творцомъ ея, группируя вокругъ себя единомышленниковъ и сплачивая ихъ твердымъ сознаніемъ полезности предпринимаемаго труда; вотъ почему столица обратила такое вниманіе на скромнаго врача захо-

лустья, и П. А. приглашается для работы въ медицинскомъ управленіи. И тамъ среди свѣтилъ врачебной науки онъ не остался въ тѣни, но подъ вліяніемъ внутренняго влеченія широкимъ массамъ населенія передать научныя знанія и помочь страждущимъ, внезапнымъ жертвамъ недуга, онъ первый открываетъ популярныя чтенія по гигіенѣ, учреждаетъ ночныя дежурства врачей и врачебную общину. А лишь только вспыхиваетъ война на Балканахъ, покойный спѣшитъ на поле брани и подаетъ руку помощи жертвамъ освободительной борьбы, работая въ качествѣ предсѣдателя эвакуаціонной комиссіи въ Санъ-Стефано со всѣмъ жаромъ увлеченія на пользу страдальцевъ.

Общественная жизнь всегда интересовала Петра Алексѣевича, и онъ чутко прислушивался къ біенію ея пульса, принималъ непосредственное и живое участіе въ современныхъ ему періодическихъ изданіяхъ до конца дней своихъ. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ покойный былъ прогрессистомъ, сторонникомъ реформъ, но совершаемыхъ путемъ мирнымъ, болѣе всего сочувствовалъ партіи октябристовъ, но для П. А. справедливость стояла выше всего, и во всемъ онъ умѣлъ отыскать хорошую сторону.

Прогрессивныя убѣжденія, нравственная чуткость и заставили покойнаго всенародно засвидѣтельствовать великія заслуги русской женщины на театрѣ военныхъ дѣйствій въ особомъ трудѣ: «Русская женщина въ войну съ турками 1877—8 гг.». Горячее сочувствіе раскрѣпощенію русской женщины особенно ярко сказалось въ послѣднемъ докладѣ П. А. на Владимірскомъ съѣздѣ, гдѣ авторъ съ особою душевною теплотою указалъ стремленія русской женщины къ освобожденію отъ вѣковыхъ путъ еще въ XVIII в. въ родномъ намъ Костромскомъ краѣ.

Прибавьте ко всему сказанному присущую покойному чрезвычайную скромность, его желаніе всегда, совершая полезное дѣло, самому оставаться въ тѣни, на первомъ планѣ ставить интересы общественные, привѣтливое и доброе, всегда ровное ко всѣмъ отношеніе, легкій юморъ, блестки котораго разсыпаны по литературнымъ трудамъ его, и которымъ отличалась обычная его бесѣда, и передъ нами встанетъ, какъ живой, покойный нашъ предсѣдатель во весь

свой ростъ. Эта личность П. А. ярко отпечатлѣлась и въ архивныхъ его трудахъ. Въ нихъ не одна лишь фактическая, научная сторона, но всѣ они проникнуты стремленіемъ отмѣтить все истинно великое, благородное и нравственно прекрасное въ стародавней жизни родного края. П. А. любилъ старину всѣмъ сердцемъ и не даромъ съ такимъ всегда удовольствіемъ вспоминалъ стихи безсмертнаго поэта:

«Два чувства дивно близки намъ:
«Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу—
«Любовь къ родному пепелищу,
«Любовь къ отеческимъ гробамъ.

Величественныя страницы прошлаго служили для него источникомъ національной гордости; онъ видѣлъ и темныя стороны родины, но былъ глубоко убѣжденъ, что слава дорогой намъ Россіи еще впереди. П. А. душою,

«Какъ мы, былъ русскій человѣкъ.....
«Онъ не жалѣлъ, что мы не нѣмцы;
«Онъ говорилъ: во многомъ насъ
«Опередили иноземцы,
«Но мы догонимъ въ добрый часъ.
«Лишь Богъ помогъ бы русской груди
«Вздохнуть пошире, посмѣлѣй—
«Покажетъ Русь, какіе люди,
«Какія силы скрыты въ ней....
«Она не знаетъ середины—
«Грѣшна, куда ни погляди,
«Но не проѣлъ до сердцевины
«Ее порокъ. Въ ея груди
«Бѣжитъ потокъ живой и чистый
«Еще нѣмыхъ народныхъ силъ:
«Такъ подъ корой Сибири льдистой
«Золотоносныхъ много жилъ!»

Да будетъ же легка Тебѣ земля, достойный труженикъ родного края, и память Твоя да сохранится свято въ Костромской

архивной комиссіи, которую Ты такъ любилъ, и для которой радѣлъ всѣмъ сердцемъ!

По прочтеніи доклада, М. О. Бендеръ выразилъ пожеланіе, чтобы доложенный рефератъ былъ сообщенъ вдовѣ покойнаго, послѣ чего, по предложенію предсѣдателя, память П. А. Илинскаго члены съѣзда почтили вставаніемъ.

Академикъ Ѳ. И. Успенскій доложилъ о Русскомъ археологическомъ институтѣ въ Константинополѣ, его задачахъ и дѣятельности.

М.м. г.г. Въ нашемъ образованномъ обществѣ громадное большинство имѣетъ слишкомъ недостаточныя свѣдѣнія о Русскомъ археологическомъ институтѣ въ Константинополѣ, единственномъ русскомъ ученомъ учрежденіи за границей. Это обстоятельство побуждаетъ меня сказать нѣсколько словъ объ упомянутомъ учрежденіи, возникшемъ уже 15 лѣтъ тому назадъ. Институтъ былъ основанъ однимъ изъ послѣднихъ распоряженій въ Бозѣ почившаго Императора Александра Третьяго. [1]) Въ настоящее время въ достаточной степени опредѣлился результатъ дѣятельности института и его характеръ, такъ что представляется возможность сдѣлать о немъ отчетъ.

Когда возникъ вопросъ объ основаніи въ Константинополѣ Русскаго археологическаго института, были высказаны разнаго рода опасенія и сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что это была первая попытка русскихъ выйти за границу съ своими учеными силами. Поощряло русскихъ на это предпріятіе то, что въ области Византологіи мы шли впереди западныхъ ученыхъ. Тогда былъ еще въ силѣ проф. академикъ В. Г. Васильевскій, который высоко поднялъ значеніе Византологіи въ нашей наукѣ.

Институтъ былъ основанъ для того, чтобы возможно было на мѣстѣ изучать памятники Византійской имперіи и раскрывать ихъ значеніе для Россіи.

---

[1]) Академикъ Ѳеодоръ Ивановичъ Успенскій состоитъ директоромъ Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ со времени его основанія.

Съ какимъ недовѣріемъ относились въ Россіи къ основанію Русскаго института въ Константинополѣ, свидѣтельствуетъ мой разговоръ съ покойнымъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевымъ. Я былъ противъ учрежденія института въ Константинополѣ, говорилъ мнѣ К. П. тотчасъ же послѣ состоявшагося опредѣленія объ его открытіи. Какіе мотивы? спросилъ я. Побѣдоносцевъ былъ человѣкъ очень сухой, мало довѣрявшій русскимъ людямъ. У насъ наука очень слаба; учрежденіемъ института въ Константинополѣ мы отвлечемъ отъ себя ученыя силы, которыхъ и безъ того у насъ немного. Въ Константинополѣ условія для научныхъ занятій неблагопріятныя, русскіе ученые будутъ находиться тамъ въ уединеніи, оторванными отъ почвы. Такъ отвѣчалъ К. П., и его замѣчанія отчасти справедливы.

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ—единственное ученое учрежденіе въ этомъ городѣ. Нѣтъ въ немъ библіотекъ, нѣтъ интереса къ научнымъ занятіямъ въ области археологіи въ мѣстномъ населеніи. Сюда же нужно отнести недовѣрчивость и подозрительность какъ со стороны турокъ, такъ и со стороны западно-европейскихъ народовъ, которые говорили, что Россія преслѣдуетъ иныя цѣли, открываетъ не ученое учрежденіе, а политическій клубъ. Надобно было разсѣять это предубѣжденіе и пріучить публику къ тому, что институтъ—ученое учрежденіе. Эта задача намъ удалась.

Театромъ дѣятельности института должна была служить бывшая Византійская имперія. Въ предѣлахъ ея нами были совершены научныя путешествія, и намѣченъ кругъ нашихъ дѣйствій. Въ сферу нашей дѣятельности вошли: Аѳонъ и другіе восточные монастыри, Іерусалимъ, Сирія и Палестина (Пальмира), Балканскій полуостровъ, Малая Азія. Уяснивъ благодаря путешествіямъ, что намъ предстоитъ дѣлать, мы занялись организаціей библіотеки. Устроенная нами библіотека является въ Константинополѣ лучшею, а по части Византологіи единственною. Она заключаетъ въ себѣ 20000 томовъ.

Чтобы показать, что мы сдѣлали, я постараюсь представить краткій хронологическій обзоръ нашихъ наиболѣе интересныхъ находокъ

Наиболѣе крупная и важная находка была сдѣлана нами на второмъ году пребыванія въ Константинополѣ. На базарахъ Константинополя появилось извѣстіе, что въ средней Азіи открыто замѣчательное Евангеліе. Мы получили ясныя указанія, что Евангеліе находится близъ Кесаріи въ дер. Сарми-Сахлы. Община, какъ мы узнали, непрочь была предложить его нашему Царю безъ указанія цѣны, расчитывая на щедрый даръ со стороны Монарха. Текстъ этого Евангелія написанъ серебряными литерами на пурпурномъ пергаменѣ, имена Іисуса Христа и Богоматери— золотыми литерами. Два листа изъ него находились, какъ намъ извѣстно было, въ Ватиканской библіотекѣ, четыре въ Вѣнской и нѣсколько листовъ на островѣ Патмосѣ. Когда въ Римѣ происходилъ юбилей папы Льва XIII, администрація библіотеки ко дню торжества издала эти два листа, не находя у себя ничего болѣе драгоцѣннаго для юбилейнаго изданія. Рукопись Евангелія относится къ VI—VII вѣкамъ. Когда мы получили ее, оказалось, что она не вполнѣ сохранилась; около половины всего Евангелія не было. Государь выслалъ на пріобрѣтеніе этой рукописи 10000 руб. Теперь Евангеліе — подарокъ Государя Императора—составляетъ украшеніе нашей публичной библіотеки, въ которой находится въ отдѣльной витринѣ. Можетъ быть, на Востокѣ еще найдутся остальные листы Евангелія; по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ я видѣлъ и предлагалъ за него 50 руб.

Институтъ далѣе принялъ дѣятельное участіе въ пріобрѣтеніи другого памятника, украшающаго Императорскій эрмитажъ. Это Пальмирскій тарифъ, огромная плита, раздѣленная на четыре части съ громадной надписью на двухъ языкахъ греческомъ и арамейскомъ. По ходатайству нашего посла въ Константинополѣ, султанъ подарилъ эту плиту Русскому правительству; перевозка ея въ Петербургъ обошлась въ 6000 р. Пробраться намъ въ Пальмиру, на мѣсто нахожденія памятника, было чрезвычайно трудно. Надо было пройти чрезъ пустыню. Одна ночевка въ ней стоила 300 франковъ (за воду въ пустынѣ).

Очень важное значеніе имѣетъ памятникъ, который мы опубликовали. Во время путешествія по Македоніи около Преспанскаго

озера мы нашли надпись на древне-славянскомъ языкѣ Болгарскаго царя Самуила отъ 992 года. Она представляетъ весьма значительный интересъ для филологіи и является самымъ древнимъ памятникомъ славянской письменности.

Съ точки зрѣнія Византійско-Славянскихъ отношеній еще большее значеніе имѣютъ раскопки, произведенныя въ 1901—1902 гг. въ Болгаріи близъ гор. Шумлы (Абоба-Плиска). Здѣсь, на мѣстѣ древнѣйшаго поселенія славянъ мы открыли столицу, дворецъ Болгарскихъ царей, и базилику, въ которой служили свв. Кириллъ и Меѳодій. Это громадныя постройки по образцу Византійскихъ—единственный архитектурный памятникъ глубокой Славянской древности. По близости найдено нѣсколько надписей весьма цѣнныхъ для исторіи образованія Болгарскаго царства.

Изслѣдованія древностей въ отдаленныхъ отъ Константинополя предѣлахъ Византійской имперіи далеко не исчерпываютъ нашихъ задачъ. Самъ Константинополь еще болѣе важенъ. Правда, о раскопкахъ въ Константинополѣ до послѣдняго времени не могло быть рѣчи. Но для научныхъ изслѣдованій института Константинополь представляетъ обширное поприще.

Лѣтъ семь тому назадъ я получилъ доступъ въ султанскую библіотеку Сераля. Давно ходили слухи о томъ, что въ этой библіотекѣ находятся остатки библіотеки Византійскихъ императоровъ. Я занимался въ султанской библіотекѣ три года, но не могу сказать, что именно тамъ осталось отъ книжныхъ сокровищъ Византійскихъ императоровъ. Вслѣдствіе недовѣрчивости Турки не показываютъ всѣхъ отдѣленій Серальской библіотеки. Тѣмъ не менѣе нами найденъ въ ней замѣчательный памятникъ изъ библіотеки Комниновъ — Лицевая Библія. О значеніи ея можно судить по тому, что такихъ памятниковъ извѣстно всего пять; двѣ Библіи имѣются въ Ватиканѣ, по одной на Аѳонѣ, въ Смирнѣ и Константинополѣ. Эта рукопись съ превосходными миніатюрами. Но впечатлѣніе отъ этой рукописи ужасное. Она вся перегнила, пергаментъ крошится. Послѣ моихъ занятій каждый разъ на столѣ оставались слѣды драгоцѣннаго пергамента. Рукопись имѣетъ около 450 миніатюръ XI—XII столѣтій. Въ предисловіи къ евангелію сынъ Алексѣя Комнина Исаакъ го-

воритъ, что рукопись принадлежитъ ему. Какъ этотъ памятникъ, такъ и другіе, нами выше упомянутые, обслѣдованы институтомъ и изданы въ его органѣ: «Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ».

Въ Константинополѣ имѣется единственный послѣ св. Софіи монументальной памятникъ, характеризующій старый Константинополь,—мечеть Кахріэ-Джами—μονὴ τῆς χώρας. Эта мечеть сохранила христіанскія мозаики, замазанныя турками и впослѣдствіи отчищенныя. Мы сдѣлали точные рисунки всѣхъ мозаикъ. Кахріэ Джами—памятникъ XIV столѣтія, изданъ нами также въ Извѣстіяхъ института вмѣстѣ съ альбомомъ.

Въ прошломъ году было предпринято не менѣе важное съ точки зрѣнія науки изслѣдованіе мозаики въ церкви св. Димитрія въ Солуни. Всѣмъ извѣстно, какимъ авторитетомъ пользуется среди христіанскихъ народовъ св. Димитрій. Базилика св. Димитрія въ Солуни—величественный памятникъ христіанскаго искусства. До послѣдняго времени это была турецкая мечеть. Постройка базилики относится къ V столѣтію, послѣ пожара въ VI—VII стол. она была возобновлена. Турецкое правительство пожелало произвести ремонтъ мечети. Я узналъ объ этомъ, и, когда прибылъ на мѣсто, оказалось, что часть мозаики уже была открыта при ремонтѣ. Я сталъ заниматься самъ и открылъ мозаику VII—VIII столѣтій. Кромѣ мозаики, открыты были фрески. И тѣ и другія имѣютъ громадную важность въ смыслѣ историческомъ. Св. Димитрій—патронъ своего города; его почитали и почитаютъ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ; культъ его особенно сильно былъ распространенъ въ VI столѣтіи. Въ базиликѣ мы имѣемъ до десяти изображеній св. Димитрія. Святой представляется въ нихъ въ бытовой обстановкѣ. Онъ одѣтъ въ Римскомъ сенаторскомъ облаченіи, съ лицомъ весьма красивымъ, волосы острижены. Мы видимъ на изображеніяхъ слѣды горячаго культа св. Димитрія: къ нему обращены въ молитвенномъ благоговѣніи цѣлыя семейства; то мальчики, то дѣвочки представлены несущими св. Димитрію дары и жертвы, напр. въ видѣ голубей. Мое особенное вниманіе обратило на себя изображеніе св. Димитрія и двухъ дѣвицъ около него. Поводомъ къ изображенію по-

служило сказаніе, котораго не существуетъ въ греческихъ минеяхъ, но которое передано въ нашей Макаріевской минеѣ. На Солунь напали агаряне и захватили въ плѣнъ двухъ дѣвицъ. Агарянскій воевода отвезъ ихъ въ Александрію и принуждалъ вышить на платъ ликъ св. Димитрія, чтобы подвергнуть его поруганію. Дѣвицы отказывались, воевода принуждалъ ихъ. Онѣ должны были уступить и вышили изображеніе одною ночью. Послѣ работы онѣ заснули; тогда явился св. Димитрій и перенесъ ихъ въ Солунь. Это то изображеніе на полотнѣ и сохранилось до настоящаго времени на мозаикѣ передъ алтаремъ.

Въ прошломъ же году была предпринята институтомъ поѣздка въ старую Сербію. Тамъ отъ XIV вѣка существуетъ монастырь Дечанскій, который украшали Сербскіе цари. Монастырская церковь не подвергалась изслѣдованію до сихъ поръ. Старая Сербія и мѣсто, гдѣ находилась патріархія Ипекская, это то же для Сербіи, что Москва и Сергіева Лавра для Россіи. Въ настоящее время вся эта мѣстность утратила сербскій характеръ вслѣдствіе нашествія албанцевъ, имѣвшаго послѣдствіемъ почти полное истребленіе славянства. Сохранность старосербскихъ памятниковъ отчасти поддерживается турецкой стражей: въ Дечанѣ находится 40 турецкихъ солдатъ, въ Ипекѣ 10. Въ научномъ отношеніи Дечанскіе памятники представляютъ смѣшеніе романскаго и готическаго стилей; строителемъ ихъ былъ архитекторъ изъ Катаро на Далматинскомъ побережьѣ.

Вотъ въ общихъ чертахъ научные результаты дѣятельности русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Несомненно, институтъ исполняетъ важную культурную миссію. Упомянутыхъ выше открытій не было-бы сдѣлано, если бы его не существовало. Но успѣхъ миссіи института встрѣчаетъ серьезныя затрудненія въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ и ученыхъ силъ. Изъ Россіи командируются въ институтъ молодые люди, но они мало подготовлены для археологическихъ занятій. Св. Синодъ въ послѣднее время сталъ командировать въ институтъ своихъ стипендіатовъ, но только на одинъ годъ каждаго (строго говоря: на девять мѣсяцевъ), какового времени для серьезныхъ научныхъ занятій недостаточно.

Обращаясь въ заключеніе къ упомянутому выше пророчеству К. П. Побѣдоносцева, я долженъ сказать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ ошибся, но въ другихъ правъ: русская византологія прочно утвердилась въ Константинополѣ, но, за отсутствіемъ троихъ византологовъ изъ Россіи, ослабѣли занятія ею въ центрѣ. Рѣшить, проиграла или выиграла отъ этого византологія, намъ, конечно, очень трудно; это дѣло исторіи.

Предсѣдатель предложилъ выразить благодарность академику Ѳ. И. Успенскому за его прекрасный, полный глубокаго интереса, докладъ, каковое предложеніе было встрѣчено дружными аплодисментами многочисленной аудиторіи.

Свящ. П. А. Алмазовъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: Историко-археологическая наука въ средней школѣ (опытъ преподаванія этой науки въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній г. Костромы). Авторъ предложилъ вниманію секціи слѣдующіе тезисы: 1) Русское учащееся юношество слабо знакомо съ прошлымъ своей родины. 2) Это слабое знакомство могло служить и служить причиною тѣхъ космополитическихъ тенденцій, которыя такъ рѣзко были выражены въ 1905—1907 г.г. 3) Государственная и общественная жизнь правильно устанавливается тамъ, гдѣ настоящее сознается, какъ плодъ прошедшаго. 4) Необходимо воспитать русское общество, начиная съ учащагося юношества, въ уваженіи къ русскому прошлому. 5) Опытъ преподаванія археологіи въ Костромскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. 6) Pia desideria: пусть этотъ опытъ найдетъ свой отзвукъ тамъ, гдѣ русское сердце хочетъ понимать скорби и радости великой нашей матери Россіи.

По выслушаніи доклада свящ. Алмазова, предсѣдатель секціи, уклонившись отъ преній, предложилъ передать тезисы на разсмотрѣніе ученаго комитета съѣзда.

Въ 9 час. вечера 28 іюня состоялось закрытое засѣданіе представителей и членовъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій подъ предсѣдательствомъ проф. Н. В. Покровскаго.

Проф. Покровскій открылъ засѣданіе рѣчью, посвященною современному положенію вопроса объ этихъ комиссіяхъ. Въ апрѣлѣ

1908 г., въ Императорскомъ археологическомъ институтѣ въ Петербургѣ, состоялся съѣздъ представителей архивныхъ комиссій, когда и былъ выработанъ проектъ положенія о комиссіяхъ, извѣстный всѣмъ членамъ и имъ своевременно разосланный. Проектъ былъ направленъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Проектомъ испрашивался отпускъ 50 тыс. руб. ежегодно на нужды архивныхъ комиссій, приблизительно по 2 тыс. руб. на каждую. Въ то же время въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ былъ поставленъ вопросъ объ охранѣ памятниковъ русской старины вообще. Съ этою цѣлью при Министерствѣ былъ образованъ особый комитетъ изъ представителей вѣдомствъ, который послѣ обстоятельнаго выясненія вопроса объ охранѣ памятниковъ остановился на предположеніи учредить при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ центральный комитетъ и поставить въ зависимость отъ этого Комитета мѣстные органы охраны памятниковъ; въ ряду этихъ органовъ видное мѣсто отведено губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ. На необходимые расходы по охранѣ памятниковъ будутъ испрошены особыя суммы. Между прочимъ, въ составѣ Центральнаго Комитета охраны памятниковъ предположено имѣть представителей отъ археологическихъ съѣздовъ, всероссійскихъ и областныхъ, по одному отъ каждаго. Въ виду этого проф. Покровскій предложилъ избрать представителя въ проектируемый центральный комитетъ по охранѣ памятниковъ старины отъ IV Областного съѣзда. Избранными единогласно оказались: членъ Государственнаго Совѣта Владиміръ Николаевичъ Поливановъ, а его замѣстителемъ—членъ Государственной Думы Александръ Дмитріевичъ Протопоповъ.

Послѣ небольшого перерыва проф. Покровскій заявилъ, что въ ученый комитетъ съѣзда переданы для разрѣшенія предложенія изъ секціи общихъ вопросовъ, и просилъ высказаться, считаетъ ли собраніе ученый комитетъ въ лицѣ присутствующихъ членовъ (Н. В. Покровскій, кн. А. Н. Оболенскій, Д. А. Корсаковъ и И. А Ивановъ при секретарѣ М. К. Соколовскомъ) правомочнымъ для разрѣшенія этихъ предложеній. По утвердительномъ отвѣтѣ собранія, секретарь секціи общихъ вопросовъ огласилъ рѣшеніе предсѣдателя этой секціи, послѣдовавшее послѣ реферата священника Алмазова:

«такъ какъ обсужденіе программъ учебныхъ предметовъ въ средней школѣ не входитъ въ задачу секціи и не касается архивовѣдѣнія, то тезисы доклада отца Алмазова передать въ ученый комитетъ съѣзда». По обсужденіи этого рѣшенія ученый комитетъ вынесъ слѣдующее постановленіе: «принимая во вниманіе необходимость ознакомленія съ отечественными древностями подрастающихъ русскихъ поколѣній, ученый комитетъ IV Областного археологическаго съѣзда въ Костромѣ единогласно постановилъ ходатайствовать передъ Св. Синодомъ и г. министромъ народнаго просвѣщенія о введеніи преподаванія русской археологіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Вѣдомства православнаго исповѣданія». Далѣе ученый комитетъ постановилъ увѣдомить вдову бывшаго предсѣдателя Костромской ученой архивной комиссіи г-жу Илинскую о состоявшемся докладѣ В. А. Андроникова, посвященномъ памяти ея покойнаго мужа. Въ заключеніе были намѣчены пункты слѣдующаго областного съѣзда, при чемъ было высказано пожеланіе открыть таковой съѣздъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, а въ случаѣ отказа въ этомъ мѣстныхъ властей,—въ Рязани или Ярославлѣ.

Утреннее засѣданіе 29 іюня (VI секція).

Засѣданіе было открыто въ 2 часа предсѣдателемъ проф. Д. А. Корсаковымъ, который, доложивъ собранію о болѣзни проф. Довнаръ-Запольскаго, избраннаго почетнымъ предсѣдателемъ на сегодняшнее засѣданіе, предложилъ избрать вмѣсто него почетнымъ предсѣдателемъ правителя дѣлъ Тверской архивной комиссіи И. А. Виноградова. Г. Виноградовъ, занявъ предсѣдательское мѣсто, выразилъ благодарность собранію за честь избранія, указавъ что эту честь онъ относитъ къ Тверской архивной комиссіи, въ которой онъ принимаетъ участіе, какъ одинъ изъ ея членовъ.

Слово было предоставлено г. Тихомірову, прочитавшему собранію свой докладъ: «Городища Ярославской губерніи». Въ своемъ хотя и краткомъ, но очень интересномъ докладѣ г. Тихоміровъ, предварительно сдѣлавъ классификацію городищъ Ярославской гу-

берніи, остановился на вопросѣ о дробленіи и измельчаніи княжескихъ удѣловъ, дававшихся князьямъ на прокормъ. Этотъ процессъ дробленія совершился не въ одно время во всѣхъ княжествахъ сѣверо-восточной Руси. Впервые этотъ процессъ начался въ Ростовскомъ княжествѣ въ 1174 г. Затѣмъ г. референтъ, отмѣтивъ образованіе и раздробленіе Ярославскаго княжества, кратко прослѣдилъ исторію города Романова, который, по словамъ докладчика, является типичнымъ княжескимъ городомъ—удѣломъ, на судьбѣ котораго можно прослѣдить и судьбу другихъ княжескихъ городовъ Ярославскаго княжества. Отмѣчая крайнее измельчаніе княжескихъ удѣловъ, докладчикъ указалъ также и на крайній упадокъ политическаго значенія ихъ владѣльцевъ, въ подтвержденіе чего онъ привелъ цѣлый рядъ тѣхъ унизительныхъ и обидныхъ прозвищъ, съ которыми встрѣчаются мелкіе владѣтельные князья въ лѣтописяхъ и родословныхъ.

Предсѣдатель проф. Корсаковъ подчеркнулъ историческое значеніе затронутаго докладчикомъ матеріала, который заключается въ прозвищахъ, прилагаемыхъ къ именамъ князей, бояръ и служилыхъ людей. Эти прозвища и даютъ богатый матеріалъ для бытовой исторіи, т. к., за неимѣніемъ въ нашей древней письменности біографій, чѣмъ такъ богата западно-европейская исторіографія, они являются характеристиками какъ отдѣльныхъ историческихъ личностей, такъ и цѣлыхъ родовъ, отмѣчая не только внѣшнія, но часто и внутреннія качества ихъ представителей. Такими прозвищами особо богата родословная Черниговскихъ, а затѣмъ Московскихъ бояръ Басмановыхъ, Плещеевыхъ, изъ рода которыхъ происходитъ, между прочимъ, извѣстный Московскій митрополитъ Алексій.

Затѣмъ слово было предоставлено члену Костромской архивной комиссіи Г. А. Кузьмину, изложившему свои соображенія «о Свидрѣ, древне-русской богинѣ пчеловодства, и о мѣстѣ именъ Зосимы и Савватія въ пчеловодствѣ», на основаніи изданнаго авторомъ «сборника молитвъ и старинныхъ правилъ по пчеловодству» [1]). Пчеловодство тѣсно связано съ религіознымъ культомъ всѣхъ народовъ.

[1]) Матеріалы по описанію пчеловодства Костромской губ. Выпускъ XX-й. Кострома 1906.

Эта связь сохранилась въ нашемъ православномъ вѣроисповѣданіи. Благодаря этой связи пчеловодство всегда являлось хранителемъ древнихъ заклинаній и обрядовъ, восходящихъ своимъ началомъ къ древнѣйшей языческой порѣ. Родоначальникомъ славянскаго языческаго Олимпа является Сварогъ съ его дѣтьми сварожичами. Кенигсбергскій списокъ начальной лѣтописи упоминаетъ трехъ славянскихъ боговъ—Даждьбога, Стрибога и Волоса, но этими тремя божествами не ограничивался, конечно, списокъ славянскихъ боговъ, такъ какъ они создались подъ вліяніемъ разнообразныхъ требованій жизни. Какъ результаты этихъ практическихъ требованій, явилась и богиня пчеловодства Свидра, имя которой въ заговорахъ и молитвахъ варьируется: она называется Свидрой, Видрой, Виріоной, Свидріоной, Сидрой, Ватаоной, Свидрой Сварога (дочь Сварога). Это послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что всѣ эти заговоры и молитвы имѣютъ одинъ общій источникъ.

Въ періодъ образованія Русскаго государства культъ меча — Перуна затмилъ всѣ другіе культы—культъ Сварога былъ забытъ. Свидра, являясь дочерью Сварога, пережила культъ Перуна и въ лѣсахъ Костромской губерніи мы и теперь встрѣчаемъ обряды пчеловодства, связанные съ ея именемъ. При этихъ обрядахъ упоминаются имена предметовъ, которые относятся къ тремъ эпохамъ: эпоха до Перуна, эпоха Перуна и эпоха христіанская. Такое смѣшеніе именъ показываетъ извѣстное наслоеніе. Въ христіанскую пору покровителями пчеловодства на Руси стали Зосима и Савватій, и имена ихъ, слившись въ одно имя, фигурируютъ чуть-ли не въ каждой пчеловодной молитвѣ. Но это имя, несомнѣнно, является вноснымъ, случайнымъ, введеннымъ переписчикомъ молитвъ, т. к. извѣстный изслѣдователь этнографъ С. В. Максимовъ положительно утверждаетъ, что на Соловецкихъ островахъ, гдѣ подвизались Зосима и Савватій, пчеловодства не было. Имя этихъ святыхъ введено въ молитвы вмѣсто Свидры, древне-славянской богини пчелъ. По санскритски пчела называется «свея»; отъ этого имени, путемъ многочисленныхъ измѣненій, на основаніи законовъ фонетики, возможенъ переходъ въ «Савватій».

Изъ всего сказаннаго докладчикъ подчеркнулъ слѣдующіе два

вывода: 1) у древнихъ славянъ была богиня пчелъ Свидра и 2) имена «Зосима и Савватій» являются замѣной имени «Свидра».

Предсѣдатель Тверской архивной комиссіи И. А. Ивановъ выразилъ пожеланіе, чтобы были собраны вмѣстѣ всѣ тѣ мѣста лѣтописи и тѣ молитвы, въ которыхъ упоминается имя Свидры.

Г. Виноградовъ, не находя возможнымъ базировать выводы г. Кузьмина на молитвахъ и заговорахъ, относящихся къ позднѣйшей эпохѣ, выразилъ предположеніе, что слово «Свидра» не славянскаго происхожденія,а греческаго и означаетъ воду (ὕδωρ, Гедра, Гидра).

Г. Кузьминъ, отвѣчая г. Виноградову, замѣтилъ, что точный отвѣтъ на данный вопросъ можно получить только на основаніи обслѣдованія всего матеріала, а не части его, заключающагося въ изданномъ «Сборникѣ». Что же касается происхожденія слова «Свидра», то авторъ доклада считаетъ транскрипцію этого слова затруднительной, но принимая во вниманіе массу именъ, въ которыхъ преобладаютъ приблизительно одинаковыя созвучія, можно утверждать существованіе одного имени. Но докладчикъ не настаиваетъ на томъ, что имя богини было непремѣнно «Свидра»: можетъ быть, она называлась Свипра, Свиря, или какъ-нибудь иначе.

Проф. Голубцовъ просилъ докладчика указать тѣ мѣста молитвъ, которыя бы ясно опредѣляли связь Свидры съ медомъ и воскомъ, какъ продуктами пчеловодства и характеризовала бы ее, какъ медоносицу и восконосицу; если такого рода данныя въ заговорахъ существуютъ, то Свидру можно признать богиней пчеловодства.

Г. докладчикъ отвѣтилъ на это, что на основаніи заговоровъ и молитвъ, имѣющихся у него въ распоряженіи, такой связи установить нельзя.

Г. Виноградовъ заявилъ, что въ тѣхъ многочисленныхъ заговорахъ и молитвахъ по пчеловодству, которыя имъ собраны, имя Свидры не встрѣчается; затѣмъ, анализируя нѣкоторыя опубликованныя докладчикомъ молитвы, въ которыхъ встрѣчаются яко бы варіанты имени «Свидра», г. Виноградовъ пришелъ къ заключенію, что всѣ эти имена не даютъ никакого основанія говорить о Свидрѣ и тѣмъ болѣе о богинѣ Свидрѣ.

Предсѣдатель проф. Корсаковъ, возражая докладчику, указалъ

на бездоказательность и произвольность установленія г. референтомъ періодовъ въ развитіи славянской миѳологіи. До насъ не сохранились вполнѣ славяно-русскіе языческо-религіозные миѳы; мы имѣемъ только ихъ отрывки, на основаніи которыхъ никоимъ образомъ нельзя дѣлать какихъ-либо опредѣленныхъ выводовъ. Чтобы видѣть, насколько подобнаго рода заключенія произвольны, проф. Корсаковъ указалъ на примѣръ не существующаго славянскаго бога Услада, который появился благодаря неправильному чтенію лѣтописнаго подлинника о деревянномъ истуканѣ Перуна: «глава древяна — усъ златъ». Затѣмъ проф. Корсаковъ высказался противъ мнѣнія докладчика, что имена Зосимы и Савватія не были связаны съ пчеловодствомъ, что на этотъ счетъ не существуетъ никакихъ доказательствъ. Предсѣдатель указалъ на рукописи Соловецкой библіотеки, перенесенной въ 1854 г. въ Казанскую духовную академію; среди матеріаловъ этой Соловецкой библіотеки имѣются «лицевыя» житія св. Зосимы и Савватія, въ которыхъ находятся указанія на соприкосновеніе Зосимы и Савватія съ пчеловодствомъ. Объ этомъ напечаталъ любопытную замѣтку въ одномъ изъ ученолитературныхъ Казанскихъ сборниковъ проф. Казанской духовной академіи П. В. Знаменскій.

Г. Троицкій высказалъ предположеніе, что слово «Свидра» не славянскаго, а семитическаго происхожденія.

Предсѣдатель проф. Корсаковъ, заканчивая пренія, возбужденныя докладомъ г. Кузьмина, пожелалъ ему успѣшной работы надъ дальнѣйшимъ собираніемъ матеріаловъ и ихъ изслѣдованіемъ и объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Въ 8 час. вечера состоялось послѣднее и заключительное засѣданіе членовъ IV Областного археологическаго съѣзда, на которомъ объявлены г. предсѣдателемъ съѣзда:

1) телеграмма министра Двора изъ Полтавы на имя предсѣдателя съѣзда проф. Покровскаго:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ повелѣть мнѣ соизволилъ благодарить Васъ и членовъ археологическаго съѣзда за выраженныя въ телеграммѣ чувства.

Министръ Императорскаго Двора *Баронъ Фредериксъ*».

2. Слѣдующія постановленія съѣзда:

1. О необходимости капитальнаго ремонта Троицкаго собора въ Ипатіевскомъ монастырѣ.

IV областной археологическій съѣздъ въ Костромѣ, послѣ обстоятельнаго ознакомленія съ Ипатіевскимъ монастыремъ—древнею «преименитою лаврою» и его обширнымъ собраніемъ древностей, имѣющимъ чрезвычайное историческое и церковно-археологическое значеніе, обратилъ вниманіе на то, что въ стѣнахъ и сводахъ Троицкаго собора образовались трещины; настѣнная живопись, исполненная лучшими мастерами этого дѣла—костромичами, принадлежавшими къ царской иконописной школѣ царя Алексѣя Михайловича, покрыта толстымъ слоемъ копоти и пыли; позолота прекраснаго иконостаса потускла и по мѣстамъ стерлась, царское мѣсто обветшало.

Въ виду вышеизложеннаго IV Областной археологическій съѣздъ въ Костромѣ призналъ неотложно необходимымъ, въ цѣляхъ охраненія рѣдкаго памятника отъ дальнѣйшей порчи и разрушенія, а также и въ виду предстоящаго въ 1913 году въ Костромѣ празднованія 300-лѣтія Царствующаго Дома, произвести въ Троицкомъ соборѣ капитальный ремонтъ съ строгимъ соблюденіемъ, однако-жъ, всѣхъ научныхъ требованій, касающихся полнаго сохраненія и неприкосновенной цѣлости древнихъ формъ.

2. Объ избраніи въ составъ проектируемаго комитета по охраненію памятниковъ старины отъ IV Областного съѣзда—В. Н. Поливанова и А. Д. Протопопова. Совѣтъ IV Областного археологическаго съѣзда, въ виду проектируемаго при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учрежденія особаго комитета по охраненію памятниковъ старины, опредѣлилъ: въ составъ указаннаго комитета избрать въ качествѣ представителя отъ IV Областного археологическаго съѣзда члена государственнаго совѣта В. Н. Поливанова и замѣстителемъ его—члена государственной думы А. Д. Протопопова.

3. О введеніи преподаванія отечественной археологіи въ среднихъ школахъ вѣдомства православнаго исповѣданія и министерства народнаго просвѣщенія. Принимая во вниманіе крайнюю необходимость ознакомленія съ отечественными древностями подрастающихъ

русскихъ поколѣній, ученый комитетъ IV Областного археологическаго съѣзда въ Костромѣ единогласно постановилъ: ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ и г. министромъ народнаго просвѣщенія о введеніи преподаванія русской археологіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства православнаго исповѣданія и Министерства народнаго просвѣщенія.

4. Телеграмма Нижегородскаго губернатора слѣдующаго содержанія: желательно устроить слѣдующій Областной археологическій съѣздъ въ Нижнемъ, но пріурочивъ таковой къ юбилейнымъ торжествамъ въ сентябрѣ 1911 г. – трехсотлѣтія Минина и Пожарскаго.

Губернаторъ *Шрамченко.*

Затѣмъ г. предсѣдатель обратился къ собранію со слѣдующими словами:

Прежде чѣмъ приступить къ отчету о съѣздѣ считаю непремѣннымъ долгомъ вспомнить о крупномъ дѣятелѣ, имя котораго тѣснѣйшимъ образомъ связано съ жизнію Костромской ученой архивной комиссіи и будетъ вписано золотыми буквами въ исторію ея,—говорю о незабвенномъ Н. Н. Селифонтовѣ.—Костромской уроженецъ, предсѣдатель Костромской ученой архивной комиссіи, Н. Н. Селифонтовъ болѣе 10 послѣднихъ лѣтъ своей жизни посвятилъ изученію памятниковъ Костромской старины; при немъ архивная комиссія ожила: составъ ея значительно увеличился, дѣятельность ея сильно расширилась и оживилась; появились солидные работники, которыхъ Николай Николаевичъ умѣлъ привлекать къ дѣлу, благодаря своему счастливому характеру и личной преданности наукѣ, которую цѣнилъ высоко; появились солидныя ученыя изданія и изслѣдованія комиссіи, организованъ былъ при комиссіи музей древностей и историческій архивъ. Я живо помню, съ какимъ интересомъ и неослабѣвающею энергіею онъ, даже въ послѣдніе годы недомоганія, работалъ надъ архивомъ Большесольской посадской избы въ своемъ обширномъ домѣ въ с. Семеновскомъ и съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ разсказывалъ о работахъ надъ семейными архивами, заключающими въ себѣ цѣнные историческіе матеріалы. Онъ устроилъ при комиссіи особый Романовскій отдѣлъ, для собиранія матеріаловъ, относящихся къ исторіи Царствующаго

Дома; наконецъ, онъ же началъ крупное дѣло о постройкѣ особаго зданія для музея (теперь уже благодаря энергіи А. П. Веретенникова заложеннаго въ день открытія съѣзда 21 іюня)... Но неожиданная смерть прекратила дни его на 64 году жизни. Предлагаю почтить память Н. Н. Селифонтова, крупнаго государственнаго дѣятеля, полезнаго труженика науки и прекраснаго благороднаго человѣка, вставаніемъ съ мѣстъ.

Мм. г-ни и мм. г-ри! Въ заключительномъ засѣданіи съѣзда честь имѣю представить вашему просвѣщенному вниманію краткій отчетъ о дѣятельности IV Областного историко-археологическаго съѣзда въ Костромѣ. Въ теченіе 9 дней на съѣздѣ было 14 засѣданій секцій, на которыхъ предложено свыше 25 рефератовъ. По археологіи первобытной—разъяснены были древнія культуры сѣвера Россіи (А. А. Спицынъ), вопросъ о выдѣлкѣ орудій каменнаго вѣка (П. Ѳ. Симсонъ), финскія древности верхняго Поволжья и норманскія и славянскія древности верховьевъ Волги (А. А. Спицынъ). Всѣ эти рефераты касаются вопросовъ, научно поставленныхъ въ послѣднія 6 лѣтъ.

По секціи христіанской археологіи рефераты касались обширнаго собранія древностей Ипатьевскаго монастыря (Н. В. Покровскій), упраздненныхъ монастырей Костромской епархіи (А. А. Титовъ), при чемъ обрисованы были мѣропріятія правительства съ XIV до XVIII в., касающіяся секуляризаціи церковныхъ имуществъ, старинныхъ волостей и становъ въ Костромской сторонѣ, лѣтописи Костромского Богоявленскаго монастыря, Коляснковскаго синодика, двухъ иконъ Богоматери, извѣстныхъ подъ названіемъ „Прибавленіе ума“ и „Милосердіе“, Костромского кремля, сгорѣвшаго въ 1773 году (И. В. Баженовъ), Ѳеодоровской иконы Богоматери (А. П. Голубцовъ), иконы, написанной костромскимъ попомъ Иваномъ Андревымъ (Н. И. Троицкій), церковнаго собора, бывшаго въ Костромѣ при митрополитѣ Ѳеогностѣ (С. Н. Введенскій), Костромского Успенскаго собора (І. Б. Михаловскій), особенно технической стороны его постройки, иконографіи Рождества Христова (Н. Ф. Флоровскій.

По секціи археографіи и архивовѣдѣнія рефераты относились къ слѣдующимъ предметамъ: одному изъ первыхъ русскихъ библіографовъ, патріаршему крестьянину изъ г. Осташкова Петру Антипычу Меншагину (П. Ѳ. Симсонъ), Слову о погибели русской земли, какъ историческому и литературному памятнику сѣверо-восточной Руси XIII в. (С. Н. Введенскій) рукописному собранію рукописей Костромской духовной семинаріи (В. В. Майковъ) и протопопу Даніилу (С. Н. Введенскій).

По IV отдѣлу исторической географіи и этнографіи сдѣланы сообщенія о Костромской и Ярославской косулѣ и ихъ исторіи въ связи съ исторіей другихъ пахотныхъ орудій народа (Д. К. Зеленинъ), объ исторіи Костромы съ XVII вѣка въ связи съ вопросомъ о распредѣленіи посадскаго населенія по территоріи Московскаго государства (П. П. Смирновъ), о славянскомъ заселеніи Ярославской губерніи (И. А. Тихоміровъ), о Свидрѣ, древне-русской богинѣ пчеловодства, и мѣстѣ именъ Зосимы и Савватія въ развитіи пчеловодства.

Въ секціи общихъ вопросовъ, которые не укладывались въ принятыя съѣздомъ рубрики секцій, сообщено было о П. А. Илинскомъ (В. А. Андрониковъ), о русскомъ археологическомъ институтѣ въ Константинополѣ, его задачахъ и дѣятельности (Ѳ И. Успенскій), объ историко-археологической наукѣ въ средней школѣ (свящ. П. А. Алмазовъ).

Костромской историко-археологическій съѣздъ не могъ не обратить вниманія на изобиліе наличныхъ памятниковъ старины, особенно церковной, въ Костромѣ и старался, какъ можно полнѣе ознакомиться съ ними и объяснить ихъ. Съ этою цѣлью организованы были археологическія экскурсіи: первая экскурсія въ Ипатіевскій монастырь показала превосходные образцы древней архитектуры, стѣнописи, литейнаго производства, иконописи, драгоцѣннаго шитья, памятниковъ палеографіи и книжной живописи: всѣ эти памятники относятся къ блестящему періоду исторіи русскаго искусства XVI—XVII в.в., средоточеніемъ котораго была Москва. Ипатіевская выставка и древности соборнаго храма представляютъ собою цѣлый

музей русской старины, а Ипатьевскій дворецъ воскресилъ предъ нами тяжелую эпоху смуты и ея прекращенія.

Въ Богоявленскомъ монастырѣ члены съѣзда ознакомились съ обширнымъ собраніемъ древнихъ рукописей и остатками памятниковъ древней архитектуры, стѣнописи и шитья, а также съ надгробными памятниками Салтыковыхъ и крѣпостными монастырскими стѣнами съ башнями.

Церковь Воскресенія на Дебрѣ - прекрасный памятникъ русской національной архитектуры XVII в., сохранила въ неприкосновенной цѣлости свои архитектурныя формы и часть оборонныхъ наружныхъ украшеній въ видѣ льва, единорога, сирены, пеликана и проч.; сохранились здѣсь также отчасти и стѣнописи въ галлереяхъ; прекрасныя рѣзныя царскія врата и нѣсколько предметовъ ювелирныхъ, въ томъ числѣ одинъ потиръ съ фабричною нѣмецкою (?) маркою XVI в.

Успенскій соборъ памятникъ Московской архитектуры XVII в., съ знаменитою въ исторіи чудотворною иконою Ѳеодоровской Богоматери и значительнымъ собраніемъ старыхъ иконъ и шитья.

Недостатокъ времени не позволилъ намъ ближе ознакомиться съ остальными памятниками церковной старины въ Костромѣ; но и того, что мы видѣли, а отчасти и изучили, вполнѣ достаточно для ближайшихъ цѣлей съѣзда; тѣмъ болѣе, что важнѣйшіе памятники этого рода уже изданы и объяснены въ особомъ изданіи Императорскаго археологическаго института, посвященномъ IV Областному съѣзду въ Костромѣ, а отчасти въ Извѣстіяхъ Императорской Археологической комиссіи.

Экскурсія по первобытной археологіи направлена была въ Минское городище. Его предварительное обслѣдованіе показало, что оно относится къ VII—VIII в. по Р. Хр. Здѣсь найдены черепки съ характернымъ сѣтчатымъ орнаментомъ, кости и зубы животныхъ, мѣдная спираль и пряслица архаическаго типа. Такъ какъ культурный слой Минскаго городища залегаетъ очень глубоко, то рѣшено продолжить раскопки городища, и предложеніе Ю. Г. Гендунэ въ этомъ смыслѣ принято съ живѣйшею благодарностью.

Независимо отъ экскурсій, члены съѣзда имѣли прекрасный случай ознакомиться съ собраніями древностей, принадлежащими учрежденіямъ и частнымъ лицамъ—Костромичамъ отчасти на выставкѣ съѣзда (подъ руководствомъ И. А. Рязановскаго), отчасти въ ихъ домахъ.

Отмѣчу, наконецъ, участіе съѣзда въ Костромскомъ праздникѣ закладки Романовскаго музея 21 іюня, а также въ празднованіи 25-лѣтія Тверской ученой архивной комиссіи 22 іюня и молитвенное участіе въ празднованіи 200-лѣтія Полтавской битвы.

Своими успѣхами IV Областной археологическій съѣздъ обязанъ тому радушному пріему, какой оказанъ ему въ Костромѣ, а потому совѣтъ съѣзда считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ выразить въ настоящемъ послѣднемъ собраніи съѣзда свою искреннюю и глубокую благодарность:

1. Преосвященному Тихону, Епископу Костромскому.
2. Начальнику губерніи А. П. Веретенникову.
3. Предсѣдателю губернской ученой архивной комиссіи князю А. Н. Оболенскому.
4. Костромскому дворянству во главѣ съ предсѣдателемъ его Михаиломъ Николаевичемъ Зузинымъ.
5. Городу Костромѣ съ его представителемъ городскимъ головою Геннадіемъ Николаевичемъ Ботниковымъ.
6. Губернскому земству съ предсѣдателемъ губернской земской управы—Борисомъ Николаевичемъ Зузинымъ.
7. Григорію Клементьевичу Горбунову, оказывающему постоянно и неизмѣнно свое щедрое матеріальное содѣйствіе дѣлу архивной комиссіи и съѣзда.
8. Г. инспектору пароходства и начальнику судоходной дистанціи, оказавшимъ цѣнное содѣйствіе успѣху археологическихъ экскурсій съѣзда.
9. Директору дворянскаго пансіона Вячеславу Ильичу Болотову.
10. О. ректору Костромской духовной семинаріи протоіерею Виктору Георгіевичу Чекану.
11. Начальницѣ Григоровской женской гимназіи Елизаветѣ Михайловнѣ Ратьковой.

12. Совѣту Александровскаго братства и Ивану Михайловичу Студитскому, любезно предоставившимъ помѣщеніе для иногородних членовъ съѣзда.

Мм. г-ни, мм. г-ри! Офиціальная рѣчь моя окончена; но я считаю пріятнымъ долгомъ въ дополненіе къ сказанному прибавить нѣсколько словъ. Нашъ историко-археологическій съѣздъ оконченъ; какъ въ составѣ рефератовъ, такъ и въ обширной массѣ осмотрѣнныхъ и уже до извѣстной степени уясненныхъ наличныхъ памятниковъ Костромской старины, мы имѣемъ, повидимому, прочныя гарантіи успѣховъ съѣзда. Дальнѣйшее напечатаніе трудовъ съѣзда дастъ еще болѣе осязательныя доказательства его цѣлесообразности. Но это далеко не все. Ученый съѣздъ нельзя сравнивать съ машиной, продуктивность которой соизмѣряется съ количествомъ пара и затраченнаго времени. Съѣздъ оконченъ, но слѣдъ его, смѣю думать, останется въ общественномъ сознаніи надолго. Хотѣлось бы думать, что непосредственное соприкосновеніе съ Костромскою стариною оживитъ въ насъ интересъ къ ней, вызоветъ потребность ближайшаго ознакомленія съ нею, серьезнаго изученія ея, а отсюда, быть можетъ, загорится въ насъ искорка уваженія къ ней и любви къ ней. Мы не можемъ любить того, чего не знаемъ; узнаемъ старину и полюбимъ ее. А любовь созидаетъ все. Она породнитъ насъ съ завѣтами старины, освѣтитъ предъ нами наше историческое прошлое и укажетъ пути грядущаго. И да будетъ настоящій съѣздъ точкою отправленія въ дѣлѣ дальнѣйшаго изученія Костромской старины и залогомъ ея сохраненія во всѣ времена, и да послужитъ онъ во благо дорогого отечества!

Послѣ отчета проф. Н. В. Покровскаго, проф. Д. А. Корсаковъ обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

Мм. г-ри и мм. г-ни! IV Областной археологическій съѣздъ въ Костромѣ былъ гостепріимно принятъ Костромскимъ дворянствомъ, предоставившимъ въ распоряженіе съѣзда залы и другія помѣщенія въ своемъ домѣ. Вмѣстѣ съ симъ Костромское дворянство пожертвовало принадлежащій ему участокъ земли рядомъ съ этимъ домомъ, для сооруженія зданія музея Костромской ученой архивной комиссіи съ особымъ при ней «Романовскимъ» отдѣломъ.

Такимъ образомъ одно изъ старѣйшихъ въ Россіи дворянскихъ обществъ записало неизгладимо свое имя въ лѣтописи русскаго просвѣщенія, памятуя лучшія традиціи русскаго дворянства, стоявшаго со времени Петра Великаго во главѣ умственнаго, научнаго и литературнаго движенія въ Россіи и бывшаго въ теченіе двухъ столѣтій самымъ образованнымъ общественнымъ классомъ русскаго народа.

Но Костромское дворянство не впервые выступаетъ на поприщѣ русской умственной и общественной жизни. Въ его исторіи, неразрывно связанной съ именемъ родоначальника Царствующаго Дома Романовыхъ, избранника земли русской, Михаила Феодоровича,— за XVIII и XIX в.в. блещетъ цѣлый рядъ именъ Костромскихъ дворянъ, составляющихъ гордость русскаго просвѣщенія. Перечислять ихъ не стану: они хорошо извѣстны всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ. Позволю себѣ остановиться лишь на одномъ изъ нихъ, дѣятельность котораго всецѣло была посвящена средней школѣ, и въ особенности женской средней школѣ. Я разумѣю высоко-почтеннаго Александра Николаевича Григорова.

Въ 1857 г. онъ первый въ Росссіи откликается на призывъ Императора Александра II о расширеніи женскаго образованія, и 26 августа этого года основываетъ на свои собственныя средства первую въ Россіи женскую, всесословную гимназію. Начавшись въ весьма скромныхъ размѣрахъ, она быстро выростаетъ и расширяется, благодаря новымъ пожертвованіямъ А. Н. Григорова (1000 дес. земли въ разныхъ уу. Костромской губ.) и матеріальнаго участія Костромского дворянства, основавшаго при этой гимназіи пансіонъ-интернатъ для дочерей Костромскихъ дворянъ. Къ пожертвованіямъ дворянства съ теченіемъ времени присоединяются своими матеріальными средствами Костромское губернское земство и гор. Кострома.

Итакъ, Костромское дворянство, въ лицѣ А. Н. Григорова и затѣмъ in corpore, является иниціаторомъ одного изъ важнѣйшихъ нашихъ общественныхъ вопросовъ—вопроса о расширеніи и улучшеніи женскаго образованія въ Россіи.

Заканчивая свои занятія стариной, IV Областной археологическій съѣздъ, благодаря Костромскому дворянству, невольно обра-

щается къ новѣйшимъ страницамъ исторіи Россіи и считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ высказать почтенному дворянству Костромской губерніи русское «спасибо» – за все, что оно сдѣлало на благо отечественнаго просвѣщенія!

Послѣ рѣчи проф. Д. А. Корсакова предсѣдатель Костромской ученой архивной комиссіи кн. А. Н. Оболенскій произнесъ:

Въ отвѣтъ на любезныя слова благодарности Костромской архивной комиссіи за ея подготовительную къ съѣзду дѣятельность, высказанныя предсѣдателемъ съѣзда Н. В. Покровскимъ, проникнутый чувствомъ живѣйшей признательности, считаю долгомъ заявить, что, если наши труды привели къ желаемымъ результатамъ, то главнымъ образомъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію самого Николая Васильевича, а также С. Ф. Платонова и А. И. Соболевскаго, пріѣзжавшихъ въ Кострому и дававшихъ организаціонному комитету по устройству съѣзда цѣнныя указанія, направившія его дѣятельность на вѣрный путь.

Отъ имени Костромской губернской ученой архивной комиссіи имѣю честь принести глубокую благодарность всѣмъ участникамъ нынѣ закрывающагося съѣзда, о которомъ мы сохранимъ самыя свѣтлыя воспоминанія.

Отъ души благодаримъ мы почетнаго предсѣдателя съѣзда, иниціатора областныхъ съѣздовъ, Б. В. Штюрмера. Земно кланяемся глубокоуважаемому Н. В. Покровскому, который былъ не только главнымъ организаторомъ съѣзда и блестящимъ его предсѣдателемъ, но и неутомимымъ руководителемъ нашимъ при обозрѣніи памятниковъ Костромской старины, изученныхъ имъ до мельчайшихъ подробностей. Горячо благодаримъ достоуважаемыхъ: почетнаго члена съѣзда Д. И. Иловайскаго и предсѣдателей отдѣленій: Ѳ. И. Успенскаго, А. И. Соболевскаго, Д. А. Корсакова и И. А. Иванова, авторитетное руководство которыхъ придавало занятіямъ съѣзда выдающійся по интересу характеръ. Чрезвычайно цѣнимъ мы внимательное отношеніе къ Костромской старинѣ гг. докладчиковъ, большинство которыхъ представили на обсужденіе съѣзда труды, касавшіеся особенно близкихъ намъ вопросовъ, относящихся къ нашему краю, нашимъ древностямъ. Искренно благодаримъ гг. секре-

тарей съѣзда и его отдѣленій, за ихъ дѣятельную работу, благодаря которой интересныя извѣстія съѣзда выходили прекрасно составленными и безъ задержки.

Приносимъ живую благодарность всѣмъ лицамъ, предоставившимъ свои интересныя коллекціи для обозрѣнія на устроенной по случаю съѣзда выставкѣ.

Привѣтствуя съѣздъ при его открытіи, я имѣлъ честь указать на важное его значеніе для дѣла Костромской архивной комиссіи. Смѣю завѣрить, что всѣ выслушанныя нами указанія, касающіяся предстоящихъ намъ дальнѣйшихъ работъ, приняты нами съ особой благодарностью и будутъ служить руководствомъ въ нашей дѣятельности. Еще разъ принеся глубокую благодарность нашимъ дорогимъ гостямъ, удостоившимъ своимъ присутствіемъ наши мѣстныя торжества — закладку Романовскаго музея и празднованіе трехсотлѣтія битвы у Святого озера—прошу насъ лихомъ не поминать.

Г. начальникъ губерніи, генералъ-маіоръ А. П. Веретенниковъ обратился къ собранію со слѣдующей рѣчью:

Всецѣло присоединяюсь, гг., къ только что выраженному кн. А. Н. Оболенскимъ чувству признательности лицамъ, содѣйствовавшимъ успѣху съѣзда. Съ своей стороны отъ лица костромской администраціи считаю долгомъ завѣрить, что и въ будущемъ всѣ Вы, гг., можете разсчитывать на всякое съ нашей стороны содѣйствіе къ вящему успѣху столь патріотическаго дѣла, какъ изслѣдованіе славной дѣятельности нашихъ предковъ. Костромичи могутъ смѣло гордиться своимъ прошлымъ, такъ какъ они уже не разъ на дѣлѣ доказали, что въ тяжелую минуту, когда Россія въ опасности, они первые станутъ на защиту своей дорогой родины и законнаго престола, не жалѣя ни имущества, ни жизни. Большое Вамъ спасибо, гг., и за Ваше доброе участіе въ почтеніи памяти погибшихъ 300 лѣтъ тому назадъ защитниковъ святой Ипатіевской обители и при закладкѣ столь близкаго сердцу каждаго костромича музея Дома Романовыхъ, 300 лѣтъ благополучно царствующей династіи, создавшей изъ слабой и малой въ то время Россіи столь могучее и столь обширное государство.

Еще разъ приношу Вамъ свою душевную признательность, гг., за Ваше горячее участіе въ трудахъ съѣзда и обѣщаю съ своей стороны содѣйствовать по мѣрѣ силъ и возможности осуществленію всѣхъ Вашихъ постановленій.

Послѣ чего г. начальникомъ губерніи съѣздъ былъ объявленъ закрытымъ.

---

30 іюня въ 7 час. вечера въ Успенскомъ каѳедральномъ соборѣ въ присутствіи непремѣннаго попечителя комиссіи г. начальника губерніи, генералъ-маіора А. П. Веретенникова, предсѣдателя комиссіи кн. Н. А. Оболенскаго, предсѣдателя съѣзда проф. Н. В. Покровскаго и оставшихся членовъ съѣзда была торжественно совершена панихида по дѣятелямъ науки и просвѣщенія, уроженцахъ Костромского края, а именно: митрополитѣ Арсеніи (Кіевскомъ); архіепископахъ: Сергіи (Владимірскомъ), Антоніи (Владимірскомъ), Аѳанасіи (Казанскомъ), Никонѣ (экзархѣ Грузіи); епископахъ: Порфиріи (Успенскомъ) и Сергіи (Серафимовѣ); архимандритахъ: Макаріи, Ѳеофилѣ, Іеронимѣ; протоіереяхъ: Ѳеодорѣ (Голубинскомъ), Александрѣ (Горскомъ), Іаковѣ (Арсеньевѣ), Василіи (Бережковскомъ), Іоаннѣ (Бѣляевѣ), Павлѣ (Островскомъ), Петрѣ (Виноградовѣ), Николаѣ (Димитревскомъ), Павлѣ (Чудецкомъ), Василіи (Горскомъ), Василіи (Андрониковѣ); болярахъ: Иларіи (Бѣляевѣ, обществ. дѣят.), Александрѣ (Правдинѣ), Ѳеодорѣ (Златоустовѣ), Петрѣ (Стайновскомъ), Петрѣ (Спасовходскомъ), Алексѣѣ (Димитревскомъ), Александрѣ (Аблесимовѣ, писателѣ), Павлѣ (Андрониковѣ, писателѣ), Константинѣ (Арсеньевѣ, писателѣ), Николаѣ (Андрониковѣ, педаг.), Андреѣ (Васьковѣ, писат.), Іоаннѣ (Васьковѣ, писат.), Сергіи (Георгіевскомъ, проф.), Василіи (Голубковѣ, писат.), Сергіи (Максимовѣ, писат.), Іоаннѣ (Миловидовѣ, истор.), Гавріилѣ (Невельскомъ, героѣ войны 1808 г.), Геннадіи (Невельскомъ, героѣ войны 1808 года), Михаилѣ (Окатовѣ, проф.), Алексѣѣ (Писемскомъ, писат.), Павлѣ (Свиньинѣ, писат.), Алексѣѣ (Потѣхинѣ, писат.), Николаѣ (Селифонтовѣ, госуд. дѣят.), Петрѣ (Сухонинѣ, писат.), Лаврентіи (Сѣряковѣ, грав.), Ѳеодорѣ (Чижевѣ, общ. дѣят.), Симеонѣ (Ширскомъ, писат.), Александрѣ (Островскомъ, писат.), Алексѣѣ (Плещеевѣ,

поэтѣ), Николаѣ (Бекаревичѣ, археол.), Николаѣ (Невзоровѣ), Николаѣ (Михайловскомъ, писат.), Василіи (Самаряновѣ, писат.) и всѣхъ подвизавшихся на поприщѣ науки и просвѣщенія, уроженцахъ Костромского края.

Передъ панихидой настоятель собора, кафедральный протоіерей П. Е. Крутиковъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью слѣдующаго содержанія:

Досточтимые и глубокоуважаемые дѣятели науки и просвѣщенія!

На прощаніе съ Вами позвольте высказать нѣсколько словъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ и чувствахъ, которыя оставилъ послѣ себя IV Областной Костромской историко-археологическій съѣздъ. Служа цѣлямъ знанія и просвѣщенія отечества, съѣздъ своими учеными работами много послужилъ къ возбужденію въ костромичахъ интереса къ изученію и знанію своего края,— того, что есть у насъ около себя, и, безъ сомнѣнія, оживитъ будущія мѣстныя научныя работы. Костромичи въ ученомъ съѣздѣ видятъ честь и славу для себя, и нѣтъ сомнѣнія, постараются обратить въ пользу то, что дано съѣздомъ. Работники съѣзда, можно быть увѣреннымъ, оставляютъ въ костромичахъ не только чувства глубокаго уваженія къ себѣ и благодарности, но, если не во всѣхъ, то во многихъ и — настроеніе и расположеніе смотрѣть на вещи и поработать, если кому откроется возможность, для родного края въ томъ направленіи, въ какомъ было указано на съѣздѣ его занятіями... Это, конечно, было бы лучшею благодарностью для просвѣщенныхъ руководителей дѣятельностью съѣзда. Само собой разумѣется, осуществленіе этой благодарности должно относиться къ послѣдующему времени. Но мы надѣемся, что это будетъ не пустымъ словомъ только обѣщанія, а непремѣнно осуществится самымъ дѣломъ. Вы оставляете костромичей, изъ которыхъ многіе горячо и съ любовію и усердіемъ работали и готовы работать для мѣстной культуры и просвѣщенія края. Мы увѣрены, что Кострома и Костромской край этимъ доставятъ Вамъ удовольствіе и утѣху въ вашихъ иногда очень тяжелыхъ ученыхъ работахъ.

Позвольте принести Вамъ, представители науки и просвѣщенія, искреннюю благодарность и за то, что вы не смотря на свое вы-

сокое положеніе и преимущество, какое вамъ даютъ ваши знанія, съ простотою и совершенною снисходительностью прививали научные методы въ изысканіи и сообщеніи научныхъ познаній. Видно было, что Вами въ Вашемъ дѣлѣ руководило не одно чувство достоинства науки, но и чувство снисходительной любви къ ненаходящемуся во всеоружіи знанія Вашему ближнему. Русское душевное спасибо Вамъ за это! Ваша простота и снисходительность такъ расположили насъ къ Вамъ, что и впередъ хотѣлось бы оставаться подъ Вашимъ ученымъ руководствомъ. Великою снисходительностью и иной разъ какъ бы нѣкоторымъ отступленіемъ отъ строгой научной методологіи Вы не унизите науки и не прогадаете въ дѣлѣ усвоенія научныхъ истинъ Вашими слушателями—чѣмъ болѣе сдѣлаете удобнымъ путь для воспріятія познаній неопытнымъ вашимъ новичкамъ, тѣмъ надежнѣе обезпечите въ будущемъ серьезную ученую работу для тѣхъ изъ нихъ, которые съ расположеніемъ и способностями къ научнымъ трудамъ. Ваша любовная снисходительность и простота въ научныхъ работахъ и въ мѣстныхъ изысканіяхъ и изученіи мѣстной старины не мѣшали однимъ осязательно разсудочно понять и другимъ почувствовать въ лицѣ Вашемъ истинныхъ представителей науки и просвѣщенія, съ любовію, искренностью и глубокимъ самоотверженіемъ преданныхъ наукѣ. Руководимые Вами вѣрятъ въ Васъ и въ Ваше святое дѣло. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, когда Вы вводите своихъ слушателей за собою въ ученую работу, то этимъ отводите отъ легковѣрія и легкомыслія. Вы указываете, какъ встать на правильный и надежный путь въ дѣлѣ изученія мѣстной культуры и просвѣщенія.

Но вотъ что особенно дорого для насъ въ Вашемъ отношеніи къ нашему краю, дорогіе и пріятные гости! Это—что мы сейчасъ встрѣчаемъ.

Нѣкоторые изъ Васъ, будучи своими Костромѣ и Костромскому краю по рожденію и первоначальному воспитанію и образованію, несмотря на то, что стали пользующимися всеобщею извѣстностью величинами въ ученомъ мірѣ, не только не обнаружили пренебрежительнаго или невнимательнаго отношенія къ самымъ малымъ и незначительнымъ работамъ мѣстныхъ тружениковъ и заявленіямъ

мѣстныхъ интеллигентовъ, но любовно вспоминаете и всѣхъ тѣхъ своихъ почившихъ земляковъ, которые такъ или иначе послужили научными и школьными трудами родному краю. Общеніе и дружба между людьми науки и научнаго и учебнаго труда бываютъ особенно искренни, крѣпки, симпатичны. Какъ это мило и граціозно, когда большой и малый работникъ дѣлаютъ свое дѣло въ дружбѣ и любви, свободно и каждый въ мѣру своего таланта! А то, что славные ученые работники не забываютъ своихъ усопшихъ ученыхъ собратій,—и великихъ и малыхъ, и пользовавшихся извѣстностью и непользовавшихся, и желаютъ оживить благоговѣйную память о нихъ, какъ это теперь, въ церковной о нихъ молитвѣ—свято и трогательно. Это любовь, яже есть союзъ совершенства.

Господь воздвигалъ изъ Костромского края людей сильныхъ и крѣпкихъ умомъ и сердцемъ. И много изъ нашего родного края такихъ людей было на поприщѣ науки и просвѣщенія. Подвижникамъ на поприщѣ науки и просвѣщенія всѣмъ, и великимъ и малымъ, да подастъ Господь Богъ многія лѣта дѣятельности на этомъ земномъ поприщѣ и по мѣрѣ ихъ любви къ своему дѣлу, искренности, преданности и самоотверженности въ исполненіи дѣла сподобитъ съ силою и властію научными и учебными трудами послужить ко благу православнаго русскаго народа! А взирая на ликъ почившихъ дѣятелей науки и просвѣщенія изъ Костромского края, получившихъ извѣстность, а за ними представляя себѣ и многочисленный ликъ труженіковъ на ученомъ и учебномъ поприщѣ, не пользовавшихся извѣстностью, въ благоговѣйной памяти о тѣхъ и другихъ помолимся Господу Богу, чтобы Онъ извѣстныхъ изъ нихъ и дѣлу всѣхъ ихъ, и извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, даровалъ вѣчную память. Прося имъ у Господа вѣчной памяти, вѣруемъ и надѣемся, что эта вѣчная память есть ихъ вѣчная, личная, разумно-духовная и блаженная жизнь и вѣчная жизненность того ихъ святого дѣла, которое мы приняли отъ нихъ въ наслѣдіе, которое продолжаемъ послѣ нихъ и на которомъ соединяемся здѣсь, въ земномъ своемъ поприщѣ.

СПИСОКЪ

гг. членовъ IV Областного археологическаго съѣзда въ городѣ Костромѣ въ алфавитномъ порядкѣ съ указаніемъ ученыхъ учрежденій и обществъ, командировавшихъ своихъ делегатовъ на съѣздъ и съ обозначеніемъ членовъ Костромской губернской ученой архивной комиссіи знакомъ *.

1. Алмазовъ Александръ Ивановичъ, — проф. Императорскаго Новороссійск. университета.
   Алмазовъ Павелъ Александровичъ, свящ. *
   Альтовскій Іоаннъ Павловичъ, свящ. *
   Андреевскій Антонъ Филипповичъ. Кострома.
5. Андрониковъ Александръ Николаевичъ. С.-Петербургъ.
   Андрониковъ Алексѣй Васильевичъ, протоіерей. *
   Андрониковъ Владиміръ Алексѣевичъ. *
   Аничковъ Иванъ Васильевичъ—Новгор. общ. любит. древности.
   Анциферовъ Александръ Николаевичъ — Императорскаго Харьковскаго университета.
10. Апушкинъ Алексѣй Алексѣевичъ. *
    Астафьевъ Александръ Николаевичъ. Кострома.
    Баженова Валентина Николаевна. Кострома.
    Баженова Ольга Николаевна. Кострома.
    Баженовъ Иванъ Васильевичъ. *
15. Баженовъ Сергѣй Николаевичъ. Кострома.
    Бекаревичъ Татьяна Тимоѳеевна. *
    Бендеръ Михаилъ Оттовичъ—Главн. управл. Генеральн. штаба.
    Богдановъ Ѳедоръ Александровичъ. *
    Богородскій Николай Николаевичъ — Витебск. св. Владиміра братства и Витебск. арх. комиссіи
20. Богоявленскій Алексѣй Александровичъ. *
    Богоявленскій Сергѣй Константиновичъ—Московск. арх. иностр. дѣлъ.
    Большаковъ Леонидъ Александровичъ. *
    Боровкова Марія Семеновна. С.-Петербургъ.
    Бороздинъ Илья Николаевичъ. *

Ботниковъ Геннадій Николаевичъ. *
Бронниковъ Николай Алексѣевичъ. Москва.
Брюхановъ Иванъ Васильевичъ. *
Булычевъ Петръ Васильевичъ. С.-Петербургъ.
Бурнашевъ Сергѣй Николаевичъ—С.-Петерб. Археолог. Инст.
Бѣловъ Александръ Петровичъ. Кострома.
Введенскій Сергѣй Николаевичъ—Воронежск. историко-археол. комит.
Веретенниковъ Алексѣй Порфирьевичъ, генералъ-маіоръ, Костромской Губернаторъ. *
Вертоградскій Николай Ивановичъ, прот. Кострома.
Виноградова Александра Дмитріевна. Кострома.
Виноградова Екатерина Ивановна. Кострома.
Виноградовъ Алексѣй Александровичъ, свящ. *
Виноградовъ Иванъ Александровичъ—Тверск. архивн. комиссіи.
Виноградовъ Иванъ Павловичъ. *
Виноградовъ Николай Николаевичъ * Имп. общ. люб. древн. письм.
Виноградовъ Петръ Никитичъ. *
Виноградовъ Петръ Тихоновичъ. *
Вознесенскій Василій Евгеніевичъ, свящ. *
Войничъ Анатолій Александровичъ. Кострома.
Воскресенскій Евгеній Александровичъ. Кострома.
Ганъ Викторъ Николаевичъ. Москва.
Гендунэ Густавъ Густавовичъ. Вичуга.
Гендунэ Юлія Густавовна. Вичуга.
Гнѣвушевъ Андрей Тихоновичъ.—Кіевъ.
Говорковъ Александръ Васильевичъ, свящ. *
Голубцовъ Александръ Петровичъ.
Горицкій Василій Александровичъ. *
Горлицина Марія Александровна. Кострома.
Горлицинъ Николай Ивановичъ. *
Горскій Николай Петровичъ. *
Горталовъ Николай Константиновичъ—Общ. ист. арх. и этногр. при Импер. Казанск. унив.

Грандилевскій Леонидъ Леонидовичъ. *
Гусевъ Петръ Львовичъ—С.-П.Б. Археол. Института.
Данилевичъ Василій Ефимовичъ—унив. Св. Владиміра.
Даниловъ Владиміръ Валерьяновичъ—Екатеринославской архивной комиссіи.
Дмитріевъ Василій Семеновичъ. *
Добровольскій Василій Константиновичъ. Кострома.
Добровольскій Константинъ Васильевичъ. Кострома.
Довнаръ-Запольскій Митрофанъ Викторовичъ — универс. св. Владиміра.
Дубовъ Александръ Николаевичъ. Кострома.
Дьяконовъ Пантелей Андреевичъ. Кострома.
Емельяновъ Алексѣй Алексѣевичъ. Кострома.
Емельяновъ Владиміръ Дмитріевичъ—Вятск. архивной комиссіи.
Ермолинскій Леонидъ Леонтьевичъ. Кострома.
Жданова Александра Леонидовна. Москва.
Жесмина Ольга Августовна. Тула.
Живиловъ Александръ Ивановичъ. *
Зеленинъ Дмитрій Константиновичъ—Вятской архив. комиссіи и Импер. Русск. географ. общ.
Зефировъ Евгеній Андреевичъ. *
Зузинъ Борисъ Николаевичъ. Кострома.
Зузинъ Михаилъ Николаевичъ. Кострома.
Иванова Марья Дмитріевна—Тверской архив. комиссіи.
Иванова Парасковья Ивановна—Тверской архив. комиссіи.
Ивановъ Иванъ Александровичъ—Тверской архив. комиссіи.
Ивановъ Петръ Ивановичъ. Тверь.
Иловайскій Димитрій Ивановичъ. Москва.
Казанскій Анатолій Николаевичъ. Кострома.
Калининъ Александръ Николаевичъ. Кострома.
Калинниковъ Алексѣй, свящ. *
Карякинъ Николай Александровичъ. Кострома.
Кастальева Юлія Геннадіевна. Кострома.
Кларкъ Василій Николаевичъ. *
Кларкъ Вѣра Ивановна. Кострома.

Кобылинъ Александръ Николаевичъ—Курской архив. комис.
Ковальковская Анна Николаевна. Кострома.
Ковальковская Надежда Константиновна. Кострома.
Ковальковскій Алексѣй Константиновичъ. Кострома.
Козляниновъ Федоръ Григорьевичъ—Спб. Импер. военно-истор. Общества.
Козыревъ Константинъ Николаевичъ. Москва.
Колесовъ Алексѣй Ѳедоровичъ. Кострома.
Колодезниковъ Петръ Геннадіевичъ. *
Колтыпинъ Михаилъ Ивановичъ. Кашинъ.
Комаровъ Михаилъ Николаевичъ.
Коробицынъ Николай Ивановичъ.
Корсаковъ Димитрій Александровичъ, проф.—Имп. Казан. унив.
Котырло Тимоѳей Карповичъ. С.-Петербургъ.
Кривошеинъ Александръ Николаевичъ. Кострома.
Кузьминъ Герасимъ Аѳанасьевичъ. *
Кункина Вѣра Вячеславовна. Кашинъ.
Кункина Надежда Вячеславовна. Кашинъ.
Кункинъ Вячеславъ Іоасафовичъ—Тверской архив. комиссіи.
Купріяновъ Николай Николаевичъ. С.-Петербургъ.
Лаговская Маргарита Викторовна. Кострома.
Лаговскій Викторъ Никаноровичъ. *
Лапинъ Иванъ Леонтьевичъ. Кострома.
Лебедевъ Александръ Сергѣевичъ—общ. археол., ист. и этногр. при Импер. Казан. универс.
Лебедевъ Николай Павловичъ. *
Лебедевъ Дмитрій Ивановичъ, свящ.
Ливотовъ Владиміръ Васильевичъ—Тверской архив. комиссіи.
Ливотовъ Димитрій Владиміровичъ. Тверь.
Лукомскій Владиславъ Крескентьевичъ—Департам. Герольдіи Правит. Сената.
Магдалинскій Платонъ Васильевичъ. Кострома.
Малицкій Неофитъ Владиміровичъ—Владим. архив. комиссіи.
Майковъ Владиміръ Владиміровичъ—Импер. археограф. комис., Импер. общ. люб. древн. письм. и Спб. Имп. арх. институт.

Макровскій Павелъ Павловичъ. Вологда.

120. Мэль Карлъ Васильевичъ. *

Миловскій Николай Михайловичъ, свящ.—Московскаго общ. любит. духов. просвѣщ.

Мироновъ Александръ Александровичъ—Спб. Импер. археол. инстит.

Михайловъ Сергѣй Ивановичъ. Кострома.

Михаловскій Іосифъ Болеславовичъ—Спб. Импер. общ. архитекторовъ.

125. Михаловскій Николай Іосифовичъ. С.-Петербургъ.

Москвинъ Петръ Матвѣевичъ. *

Муравьевъ Михаилъ Валеріановичъ Новгород. общ. любит. древности.

Нарбековъ Василій Андреевичъ, проф.—Казан. духовной акад.

Невзоровъ Александръ Серафимовичъ, проф.—Юрьевск. универс.

130. Незнамовъ Петръ Александровичъ—Оренбургск. арх. комиссіи.

Никонова Софья Владиміровна. С.-Петербургъ.

Некрасовъ Алексѣй Ивановичъ. Москва.

Нелидовъ Николай Ѳедоровичъ. *

Нифонтова Анна Яковлевна. Кострома.

135. Нифонтова Екатерина Яковлевна. Кострома.

Нифонтова Лидія Васильевна. Кострома.

Нифонтовъ Владиміръ Яковлевичъ. Кострома.

Нифонтовъ Николай Яковлевичъ, свящ. Кострома.

Оболенскій Александръ Николаевичъ, князь *

140. Орловъ Андрей Николаевичъ. *

Орловъ Василій Яковлевичъ. Кострома.

Орловъ Егоръ Геннадіевичъ. *

Павлуцкій Григорій Григорьевичъ, проф.—унив. Св. Владиміра.

Пазухинъ Алексѣй Александровичъ—архива Государ. Совѣта.

145. Первухинъ Нилъ Григорьевичъ—Рязанской. арх. комиссіи.

Писаревскій Григорій Григорьевичъ. Москва.

Писемскій Андрей Никаноровичъ, свящ. Кострома.

Плесскій Николай Геннадіевичъ—историч. филол. общ. при Импер. Харьк. универ.

Покровскій Николай Васильевичъ—СПБ. Импер. археол. инст., СПБ. дух. акад. Импер. русскаго археолог. общества.

150. Полетаевъ Александръ Павловичъ. *

Полонская Наталья Димитріевна. Кіевъ.

Полянскій Маркъ Ивановичъ—Новгородск. губернской ученой архивной комиссіи.

Пономаревъ Василій Ивановичъ—Императ. Казанск. универс.

Поповъ Александръ Яковлевичъ свящ.—Сергіевъ посадъ.

155. Поповъ Сергѣй Николаевичъ. *

Преображенскій Іона Дмитріевичъ. *

Пясецкая Евдокія Васильевна. С.-Петербургъ.

Раевскій Александръ Сергѣевичъ—Спб. общества архитекторовъ-художниковъ.

Раевскій Михаилъ Михайловичъ, свящ. *

160. Раевскій Сергѣй Михайловичъ. Кострома.

Рашковъ Владиміръ Дмитріевичъ. Москва.

Рейпольскій Алексѣй Ивановичъ. *

Рогатина Марья Николаевна. Кинешма.

Романовскій Сергѣй Николаевичъ. *

165. Романовъ Николай Дмитріевичъ. С.-Петербургъ.

Росницкій Владиміръ Васильевичъ. Калуга.

Ротастъ Елизавета Петровна. Кострома.

Ротастъ Лидія Сергѣевна. Кострома.

Рудаковъ Василій Егоровичъ—Департамента Герольдіи Правит. Сената.

170. Рязановская Александра Петровна. Кострома.

Рязановскій Иванъ Александровичъ. *

Савеловъ Леонидъ Михайловичъ—Московскаго архива министер. Императ. двора.

Сапожникова Елизавета Николаевна. Кострома.

Сапожниковъ Ѳедоръ Петровичъ. Кострома.

175. Сахаровъ Иванъ Александровичъ. Кострома.

Сахаровъ Иванъ Ивановичъ. Кострома.

Северьяновъ Леонидъ Николаевичъ. *

Селивановъ Александръ Ѳедоровичъ—Тверской архивн. комиссіи.

Селитскій Николай Петровичъ. Кострома.

180. Сизовъ Димитрій Николаевичъ. *

Симанчукъ Иванъ Яковлевичъ. Кострома.

Симсонъ Павелъ Ѳедоровичъ—Тверск. арх. комиссіи.

Скворцовъ Левъ Петровичъ. *

Скворцовъ Николай Алексѣевичъ, свящ. - Московскаго общ. любит дух. просвѣщ. и комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины города Москвы и Московской епархіи.

185. Скалозубовъ Николай Лукичъ. Кострома.

Слободской Леонидъ Павловичъ. Кострома.

Смирновъ Александръ Васильевичъ—Владимірск. архив. комиссіи.

Смирновъ Василій Ивановичъ. *

Смирновъ Павелъ Александровичъ. Кострома.

190. Смирновъ Павелъ Петровичъ. Кіевъ.

Смирновъ Сергѣй Ивановичъ, проф.—Московск. дух. академіи.

Собенникова Анастасія Петровна. Кострома.

Соболевскій Алексѣй Ивановичъ, академикъ—Императорской академіи наукъ.

Соколовская Тира Оттовна—Тверск. арх. комиссіи.

195. Соколовскій Михаилъ Константиновичъ—Импер. русск. военно-истор. общ. и Тверск. арх. комиссіи.

Солодовникова Глафира Николаевна. Кострома.

Солосинъ Иванъ Ивановичъ. С.-Петербургъ.

Сосновскій Константинъ Петровичъ—Курской архивн. комиссіи.

Спасская Варвара Васильевна. Кострома.

200. Спасскій Василій Ивановичъ, протоіерей. Кострома.

Спасскій Николай Васильевичъ. Кострома.

Спицынъ Александръ Андреевичъ—СПБ. Импер. археолог. комисс. и Импер. русск. археолог. общества.

Стратоновъ Иринархъ Аркадьевичъ—Импер. Казанск. универс.

Строевъ Василій Ивановичъ. *

205. Студитская Анна Семеновна. Кострома.

Студитскій Иванъ Михайловичъ. *

Тихомировъ Иларіонъ Александровичъ—Яросл. и Тверск. арх. комиссій.

Тихонъ, епископъ Костромской и Галичскій. *

Токмачевъ Владиміръ Ивановичъ. *

Толмачевъ Владиміръ Александровичъ. Кострома.

Травчетовъ Николай Петровичъ—Владимірск. архивн. комиссіи.

Требертъ Леонъ Александровичъ. *

Троицкій Николай Ивановичъ—Тульской палаты древностей.

Троицкій Петръ Семеновичъ. *

Тураева Елена Филимоновна—Тверской архивной комиссіи.

Туренскій Іона Димитріевичъ. *

Тюрина Марія Ивановна. Кострома.

Успенскій Ѳедоръ Ивановичъ—русскаго археологическаго института въ Константинополѣ.

Ушаковъ Николай Николаевичъ—Владимірск. арх. комиссіи.

Фатѣевъ Аркадій Николаевичъ—Импер. Харьк. университета.

Филевскій Іоаннъ Іоанновичъ, свящ.—историко-филол. общ. при Импер. Харьковскомъ университетѣ.

Философовъ Геннадій Сергѣевичъ. *

Флоровскій Николай Ѳеодоровичъ. Ярославль.

Целепи Леонидъ Николаевичъ—Новгородск. общ. любителей древности.

Чарнецкій Викентій Михайловичъ. *

Чемодановъ Сергѣй Геннадіевичъ. Кострома.

Чеканъ Викторъ Георгіевичъ, протоіерей. *

Чемодурова Евгенія Болеславовна. *

Черницынъ Александръ Ивановичъ. *

Чумаковъ Иванъ Михайловичъ. *

Чумаковъ Михаилъ Михайловичъ. *

Шамонинъ Николай Николаевичъ. *

Шарапова Анна Николаевна.

Шевалдышевъ Владиміръ Алексѣевичъ. *

Шлеинъ Николай Павловичъ. *

Штейнбергъ Елизавета Ивановна.

Штюрмеръ Борисъ Владиміровичъ, гофмейстеръ. *

Юницкая Анна Александровна. Кострома.
Юницкая Марія Александровна. Кострома.
Юницкая Софья Александровна. Кострома.
Юницкій Александръ Александровичъ. Кострома.
Юницкій Павелъ Александровичъ. Кострома.
Яковлевъ Димитрій Арсеньевичъ. *

Воспитанники среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній — члены справочнаго бюро съѣзда.

1. Баженовъ Валерьянъ Ивановичъ.
Баженовъ Димитрій Ивановичъ.
Вилинскій Александръ Александровичъ.
Лучичъ Александръ Константиновичъ.
5. Лютовскій Валерьянъ Александровичъ.
Магдалинскій Платонъ Васильевичъ.
Нарбековъ Александръ Дмитріевичъ.
Перроте Іосифъ Анатоліевичъ.
Полубинскій Николай Александровичъ.
10. Раевскій Сергѣй Михайловичъ.
Сапожниковъ Николай Петровичъ.

Редакторъ—секретарь съѣзда *В. А. Андрониковъ.*

Ил. А. Тихомировъ предложилъ IV Областному Костромскому историко-археологическому съѣзду:

1) Обратиться ко всѣмъ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ, къ архивамъ, библіотекамъ, музеямъ и пр., подобнымъ установленіямъ какъ государственнымъ и общественнымъ, такъ и извѣстнымъ частнымъ, съ просьбою подготовлять и, по возможности, издавать имѣющіеся въ ихъ распоряженіи *всякіе* матеріалы по той губерніи, въ губернскомъ городѣ которой собирается очередный Областной археологическій съѣздъ, и доставлять на него все подготовленное. Это подготовленное можно доставлять какъ въ подлинникахъ, что было бы особенно желательно, такъ и въ точныхъ копіяхъ и снимкахъ или хотя бы въ видѣ перечней и указателей.

Печатныя изданія желательно имѣть на съѣздахъ въ количествѣ не меньшемъ числа ученыхъ учрежденій (по крайней мѣрѣ областныхъ), участвующихъ въ съѣздѣ, для безплатной раздачи ихъ этимъ учрежденіямъ или если и для продажи, то повозможности по наименьшей цѣнѣ.

Неизданные матеріалы и указатели доставлять на съѣзды для напечатанія ихъ въ „Трудахъ“ съѣзда.

2) Ввести членскій взносъ въ размѣрѣ 5 руб. съ тѣхъ *учрежденій*, которыя посылаютъ своихъ представителей на Областные историко-археологическіе съѣзды.

3) Возбуждать ходатайства отъ имени съѣзда предъ Государственною Думою объ отпускѣ средствъ на устройство ближайшаго очереднаго съѣзда.

ДОКЛАДЫ.

Судьбы Костромского Кремля.

Г. Кострома принадлежитъ безспорно къ числу древнѣйшихъ на Руси городовъ и, слѣдовательно, въ стародавнія времена имѣлъ типичное для нихъ внѣшнее устройство, характерную черту котораго составлялъ, между прочимъ, кремль. Между тѣмъ посѣтитель г. Костромы и въ особенности археологъ, къ нѣкоторому удивленію, не только не видитъ въ немъ кремля въ качествѣ каменной крѣпости, какую онъ могъ или можетъ наблюдать въ Москвѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ Н.; Псковѣ, Казани и въ др. нѣкоторыхъ древнихъ городахъ, но не находитъ здѣсь даже видимыхъ признаковъ былого существованія кремля. Отсюда не могутъ не возбудиться въ историкѣ археологѣ вопросы о томъ, гдѣ же существовалъ Костромской кремль, въ какомъ видѣ и, наконецъ, каковы судьбы его? Предварительно излагаемаго на эти вопросы отвѣта считаемъ необходимымъ бросить бѣглый взглядъ на первоначальную исторію г. Костромы, хотя она и покрыта густымъ мракомъ.

По признанію авторитетныхъ историковъ, г. Кострома первоначально построенъ мерянами финскаго племени, въ пору сліянія этого племени съ славянскимъ, во второй половинѣ IX вѣка, притомъ же построенъ на правомъ возвышенномъ берегу р. Волги, въ нынѣшнемъ сельцѣ Городищѣ, что противъ самаго центра теперешняго города Костромы, или, точнѣе, противъ соборныхъ храмовъ и домовъ. Опредѣленно же и въ первый разъ г. Кострома упоминается въ спискахъ Воскресенской и Тверской лѣтописей подъ 1213 годомъ,—въ повѣствованіи о томъ, что въ усобицу изъ за великокняжескаго владимірскаго стола между сыновьями в. кн. Всеволода III (по прозванію «Большое Гнѣздо») Константиномъ ростовскимъ и Юріемъ владиміро-суздальскимъ г. Кострома, принадлежавшій къ волости Юрія, былъ сожженъ братомъ его Константиномъ,

послѣ чего жители Костромы отведены въ плѣнъ въ г. Ростовъ. Но послѣ разгрома полчищами Батыя въ 1237 г. Суздальской земли и вмѣстѣ г. Костромы, этотъ первоначальный пунктъ осѣдлости мерянъ и славянъ передвинутъ на лѣвый берегъ р. Волги при впаденіи въ нее р. Костромы,—передвинутъ сюда не столько въ виду простора сочныхъ луговъ низменныхъ, сколько въ виду большихъ удобствъ имѣть лѣсъ подъ руками и въ особенности поддерживать постоянныя сношенія съ Галичемъ и отчасти Солигаличемъ. Это перенесеніе г. Костромы на лѣвую сторону Волги принадлежитъ, по всей вѣроятности, в. кн. владимірскому Ярославу Всеволодовичу (1238—1246 г.), который былъ обновителемъ многихъ разоренныхъ Батыемъ городовъ ростовосуздальской земли и устроителемъ нѣкоторыхъ городовъ (напр. Твери) на новыхъ мѣстахъ. Княземъ Ярославомъ г. Кострома былъ данъ въ удѣлъ послѣднему изъ 9 его сыновей Василью т. н. мизинному (род. 1241 г.), который, оставаясь въ немъ до самой кончины своей въ 1277 году, безъ сомнѣнія, хотя самымъ примитивнымъ способомъ укрѣпилъ свой княжескій городъ—въ виду нерѣдкихъ и опустошительныхъ нападеній новгородскихъ ушкуйниковъ и особенно татаръ. По принятому издревле способу, коренное мѣсто города для безопаснаго пребыванія въ немъ жителей съ ихъ имуществомъ было ограждено земляным валомъ, на которомъ поставлены срубленыя стѣны или тынъ и устроены башни (вежи) и особенно близъ воротъ города для отраженія приступа непріятелей, предъ валомъ же образованъ ровъ.

Такое укрѣпленіе города Костромы было завершено въ первой половинѣ XIV вѣка, какъ можно полагать изъ фактовъ безопаснаго убѣжища въ немъ какъ в. кн. Димитрія I. Донского въ нашествіе Тохтамыша на г. Москву въ 1382 г., такъ и сына его Василія Димитріевича съ семействомъ вслѣдствіе приближенія Едигея къ Москвѣ въ 1408 году. Послѣ пожара въ 1413 году г. Кострома, по повелѣнію в. кн. Василья Васильевича вновь заложенный, былъ обнесенъ прочною тогда деревянною стѣною для большей защиты его въ случаяхъ нашествія татаръ на костромскіе и галицкіе предѣлы. Но опредѣленно о Костромскомъ Кремлѣ упо-

минается въ повѣствованіи изъ смутнаго для Руси времени, именно, что отъ стрѣльбы «изъ большого наряда съ костромского кремля» потерпѣлъ пораженіе предводитель польскихъ отрядовъ панъ Лисовскій, который ровно триста лѣтъ тому назадъ (въ іюнѣ 1609 г.) съ полуторатысячнымъ войскомъ прибылъ изъ подъ Москвы нагорнымъ берегомъ Волги къ мѣсту Селище для освобожденія вынужденныхъ запереться въ Ипатіевскомъ монастырѣ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, кои здѣсь осаждаемы были войскомъ царскихъ патріотовъ во главѣ съ храбрымъ воеводой Давидомъ Жеребцовымъ. Отсюда, довольно раннее существованіе Костромского кремля, не смотря на предшествовавшія скудныя историческія показанія, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Но, спрашивается, гдѣ же и какъ былъ устроенъ Костромской кремль, какія въ немъ находились зданія и какъ были расположены? Устройство и видъ первобытнаго кремля по различнымъ обстоятельствамъ подвергались не разъ измѣненіямъ, которыя, за отсутствіемъ надлежащихъ данныхъ, нѣтъ возможности прослѣдить хронологически послѣдовательно. Только благодаря извѣстіямъ писцовыхъ книгъ г. Костромы за 1628—1630 г.г. и стариннымъ планамъ его (отъ 1755 г. и 1773 г.) и частью по позднѣйшимъ отрывочнымъ указаніямъ возможно составить опредѣленное представленіе объ устройствѣ въ XVII—XVIII вѣкахъ костромского кремля, извѣстнаго тогда подъ названіемъ «старый городъ»,—о чемъ и послѣдуетъ ближайшая рѣчь, чтобы затѣмъ отмѣтить историческія судьбы этого кремля.

О старомъ городѣ Костромѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія въ писцовыхъ костромскихъ книгахъ «письма и мѣры Ивана Бутурлина да подъячихъ Остафія Колюпанова да Ивана Злобина 135 (1628) года, да письма-жъ и мѣры и межеванья князя Василья Волконскаго да тѣхъ же подъячихъ 137 и 138 (1629—1630) годовъ». «Городъ Кострома построенъ на Волгѣ на луговой сторонѣ...[1]) Ворота большія Спасскія изъ новаго города отъ торгу, ширина

[1]) Точками обозначено небольшое мѣсто текста, утраченное въ бывшемъ въ пользованіи автора спискѣ писцовыхъ книгъ, каковыя имѣются въ Костромской городской управѣ и (въ копіи) въ Богоявленскомъ ж. монастырѣ г. Костромы. Правописаніе текста у насъ новое.

воротамъ четыре сажени съ полусаженью, поперегъ двѣ сажени съ полусаженью. А отъ воротъ вшедъ въ городъ налѣво въ стѣнѣ башня середняя отъ торгу, ширина двѣ саженн съ полусаженью, поперегъ двѣ сажени съ четью. Стѣны отъ воротъ Спасскихъ до наугольной Воскресенской башни восемьдесятъ саженъ. Воскресенской наугольной башни ширина три сажени, поперегъ тожъ. Отъ Воскресенской башни по другой сторонѣ отъ Каткины горы башня, что были Ильинскія ворота, ширина три сажени съ полусаженью, поперегъ двѣ сажени съ полусаженью. Да въ той же стѣнѣ средняя Борисоглѣбская, ширина четыре сажени, поперегъ тожъ. Да по той же стѣнѣ башня Дебринская, ширина четыре сажени, поперегъ тожъ. Отъ Воскресенской башни до наугольной Волгской башни стѣны сто девяносто саженъ. Волгской наугольной башни ширина четыре сажени, поперегъ тожъ. Отъ Волгской наугольной башни башня выводная, ширина пять саженъ, поперегъ три сажени. А отъ Волгскія косыя башни къ рѣкѣ Волгѣ ворота водяныя, ширина три сажени съ полусаженью, поперегъ тожъ. Да передъ водяными воротами башня отводная, ширина пять саженъ съ полусаженью, поперегъ три сажени съ полусаженью. Отъ воды тожъ башня, ширина три сажени съ четью, поперегъ тожъ. Въ той же стѣнѣ отъ рѣки Волги башня наугольная съ рукавомъ, рукавъ обведенъ тыномъ, ширина три сажени съ полусаженью, поперегъ двѣ сажени съ полусаженью. Отъ Волгской наугольной башни до башни наугольной что съ рукавомъ стѣны сто десять саженъ. Отъ наугольной башни башня-жъ съ рукавомъ противъ мыту, ширина три сажени съ полусаженью, поперегъ три сажени. Въ той же стѣнѣ башня надъ тайникомъ, ширина четыре сажени, поперегъ три сажени съ полусаженью. Тайникъ отъ воды въ городъ до улицы, длина тринадцать саженъ, поперегъ въ тайникѣ двѣ сажени съ четью, а въ дверяхъ полторы сажени. Въ той же стѣнѣ башня отъ тайника противъ соборной церкви, ширина три сажени съ полусаженью, поперегъ тожъ. Отъ наугольной башни что съ рукавомъ до башни-жъ что у Спасскихъ воротъ стѣны сто двадцать четыре сажени. Башни ширина три сажени съ четью, поперегъ три сажени. А отъ той башни до большихъ Спасскихъ воротъ семь

саженъ съ четью, поперегъ три сажени. А башни рублены всѣ клѣтками, бои выводные за городъ о дву мостехъ, а межъ башенъ тынъ, острогъ ставленъ безъ тарасей въ борозду. Вышина острогу двѣ сажени съ полусаженью. Подъ верхомъ были полати съ боемъ и подкотками»... Относительно вооруженій Костромского кремля имѣются опредѣленныя свѣдѣнія въ смѣтныхъ книгахъ 1686 года,—когда состояло наряда: мѣднаго—7 пищалей, къ нимъ 113 ядеръ, по 4 и 2 гривенки ядро; желѣзнаго—2 пищали кованыхъ, 17 пищалей волконей, 33 ствола затинныхъ, итого 59 пищалей; къ нимъ ядеръ 535, зелья по 4—3 гривны ядро, ручного и пушечнаго 12 пудовъ 31 гривенка. Еще ранѣе земляные валы кремля снабжены были чугунными пушками большими, пожалованными царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ,—одновременно съ 10 пушками для Богоявленскаго монастыря въ г. Костромѣ. Извѣстно, что съ пожара 1654 года пушки кремлевскіе остались безъ станковъ и ржавѣли подъ Успенскимъ соборомъ; но для нихъ сохранялся порохъ и свинецъ.

Кремль г. Костромы былъ расположенъ, примѣнительно къ нынѣшней мѣстности, преимущественно на томъ песчаномъ крутоярѣ, гдѣ въ настоящее время находятся соборный Успенскій храмъ съ разными въ соборной оградѣ зданіями, площадь между нимъ и т. н. бульваромъ и затѣмъ самый городской садъ. Кремль былъ окруженъ высокими земляными валами, какъ показано и на планѣ г. Костромы до XIX вѣка. Крутояръ съ юга къ сѣверу (по линіи отъ Волги къ пряничному ряду, въ смежности съ лѣтнимъ овощнымъ рынкомъ внизу крутой горы) оканчивался насыпнымъ валомъ, который затѣмъ простирался полукругомъ съ сѣверной стороны (по близости къ нынѣшнимъ табачному и масляному рядамъ) и наконецъ съ сѣверовосточной стороны спускался снова къ югу по направленію Ильинской улицы къ р. Волгѣ. Съ южной стороны кремль имѣлъ одинаково земляную насыпь съ деревянной вооруженной стѣной, именно вблизи бичевника, гдѣ нынѣ кончается соборный огородъ. Съ сѣверной и восточной сторонъ предъ валами находились глубокіе и широкіе рвы, а сама осыпь или насыпь, быть можетъ, еще со временъ в. кн. Василья Димитріевича (въ

1416 г.) окружена была деревянною стѣною, всего на протяженіи 511¹/₄ саженъ. Въ стѣнѣ находились ворота: Спасскія большія или главныя, устроенныя подлѣ осыпи къ сѣверу, предъ деревяннымъ Спасскимъ (нынѣ закрытымъ каменнымъ) мостомъ, длиною въ 15¹/₄ саженъ, на клѣткахъ надъ широкимъ рвомъ; Ильинскія ворота или водяныя къ р. Волгѣ и еще ворота отъ тайника, противъ соборнаго храма. Надъ воротами и въ другихъ разныхъ мѣстахъ кремля возвышались деревянныя башни, всего 14. Улицъ въ кремлѣ или старомъ городѣ было три: большая по направленію къ водянымъ воротамъ волжскимъ; отъ Спасскихъ воротъ улица подлѣ сѣвернаго вала и переулокъ на большую улицу къ водянымъ воротамъ.

Но не одна топографическая сторона Костромского кремля, какъ крѣпости съ валами и стѣнами съ башнями, возбуждаетъ интересъ историка археолога, а вмѣстѣ соприкосновенное съ нею внутреннее расположеніе зданій въ кремлѣ. Какія же зданія находились здѣсь?

Особеннное какъ бы священное значеніе кремлю или старому городу уже издревле придавалъ соборный храмъ [1]) въ честь Успенія Божіей Матери, первоначальное построеніе котораго, по древнѣйшему преданію, приписывается костромскому князю Василію Ярославичу (1277 г.), по прозванію Квашнѣ, въ ознаменованіе чудесной (вслѣдствіе присутствія среди костромского войска Ѳеодоровской иконы Богоматери) побѣды въ 1272—1274 гг. надъ татарами близь г. Костромы при озерѣ т. н. Святомъ. При Успенскомъ соборѣ съ пристроеннымъ въ 1666 г. каменнымъ придѣломъ во имя великомуч. Ѳеодора Стратилата существовала другая теплая, деревянная церковь во имя Похвалы Пресвятой Богородицы. Къ юговосточной сторонѣ собора, чрезъ галлерею въ 6¹/₄ аршинъ, возвышалась шатровая колокольня, по описи отъ 1737 г. «о шти жильяхъ». Вблизи церкви

---

[1]) Успенскій соборный храмъ алтаремъ обращенъ не на востокъ, какъ общепринято для православныхъ храмовъ, а на сѣверъ, чтобы самой южной своей стѣной представлять защиту для жителей кремля и охрану важнѣйшей части храма во время нашествій враговъ. Но это необычное устройство алтаря Успенскаго собора къ сѣверу могло служить, какъ и считается, напоминаніемъ о мѣстѣ явленія чудотворной Ѳеодоровской иконы Б. Матери—въ сѣверной части г. Костромы, на нынѣшней Запруднѣ.

Похвалы Богородицы находилась каменная церковь во имя препод. Геннадія; чрезъ нѣсколько же саженъ посѣвернѣе Успенскаго собора, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ тріумфальныя ворота соборныя,— второй соборъ во славу Живоначальной Троицы съ придѣломъ во имя преп. Сергія Радонежскаго, также каменный, при соборѣ же колокольница на паперти рубленая, съ тремя колоколами. По близости Успенскаго и Троицкаго соборовъ находился мужской Крестовоздвиженскій монастырь съ двумя деревянными церквами въ честь Воздвиженія креста Господня, съ шатровымъ верхомъ, и Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы съ трапезою; при обѣихъ церквахъ имѣлась одна колокольница съ 6 колоколами. Въ этомъ монастырѣ, по описи 1772 г., было десять деревянныхъ келій съ пристройками и ограда деревянная съ тарасы съ небольшими башенками.

Кромѣ упомянутыхъ церковныхъ зданій въ кремлѣ или старомъ городѣ, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ, помѣщались многія казенныя зданія, осадные дворы и частные дома. Такъ невдалекѣ отъ Успенскаго собора къ сѣверному валу находился воеводскій дворъ деревянный (23 с. длиной и 17 с. въ ширину), затѣмъ съѣзжая изба (воеводская канцелярія), губная изба (для разбора уголовныхъ дѣлъ), караульная изба, тюрьма, четыре житницы государевы, казенная кузница, дворовое пушкарское мѣсто и осадный колодезь. Вблизи же Успенскаго собора, на мѣстѣ нынѣ подъ сѣверовосточнымъ угломъ соборной ограды, находился осадный дворъ инокини Маѳы Ивановны (въ мірѣ боярыня Ксенія Ив. Шестова, мать царя Михаила Ѳеодоровича), длиною въ $6^3/_4$ саж. и шириною въ 6 саженъ. Сверхъ этого, въ кремлѣ было семь осадныхъ дворовъ, принадлежавшихъ монастырямъ: Костромскимъ—Богоявленскому (два) и Ипатіевскому, Троице-Сергіевской Лаврѣ и московскимъ монастырямъ: Новоспасскому, Чудову, и Новинскому,— далѣе дома разныхъ дворянскихъ семействъ (числомъ 84) и другихъ обывателей города. Еще въ кремлѣ 13 дворовъ принадлежали поселившимся въ Костромѣ иностранцамъ (фонъ Менгдену, Гольдбергу, Вольмару, Зенгеру, Мецтану); наконецъ былъ домъ стрѣлковаго сотника (Жабина) и нѣсколькихъ стрѣльцовъ. Всѣхъ же дворовъ въ кремлѣ было 191, которые располагались на трехъ улицахъ,

при чемъ 107 дворовъ на большой улицѣ, 71 дворъ на Спасской улицѣ и 13 дворовъ—въ переулкѣ на большую улицу.

Таковъ былъ Костромской кремль, который, по генеральному межеванію отъ 16 октября 1755 г., занималъ всего 12 десятинъ 86 саженъ [1]). Гдѣ же нынѣ эта костромская крѣпость изъ земляныхъ валовъ съ деревянной оградой, башнями и вооруженіями, равно,—какія судьбы и когда постигли окружавшія сохранившійся доселѣ Успенскій соборный храмъ священныя зданія, также различные казенные дома и обывательскіе дворы?

Если, по поговоркѣ, ничто на свѣтѣ невѣчно, то тѣмъ болѣе не могло быть долговѣчнымъ то, что по матеріальной сторонѣ является доступнымъ огню или вообще незатруднительному разрушенію, какимъ условіямъ, между тѣмъ, соотвѣтствовалъ костромской кремль. Прежде всего, измѣненіямъ въ кремлѣ много способствовали неоднократные пожары въ немъ, особенно въ 1654, 1679 и 1773 годахъ, каковые пожары каждый разъ были весьма опустошительны по той простой причинѣ, что постройки въ кремлѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ свящ. зданій, были деревянныя, притомъ очень скученныя. Такъ, въ 1654 г. сгорѣли въ кремлѣ, на ряду съ обгорѣвшимъ Успенскимъ храмомъ, деревянная церковь во имя трехъ Московскихъ святителей, принадлежавшая очень обветшавшему Троицкому каменному собору; тогда же сгорѣли съѣзжая изба и, по всей вѣроятности, осадный домъ инокини Маѳы Ивановны. Пожаромъ 12 іюня 1679 г. истреблены находившіяся подлѣ Успенскаго собора и Крестовоздвиженскаго монастыря деревянныя кельи сорока безпомѣстныхъ монахинъ, средствами содержанія коихъ служили доброхотныя подаянія богомольцевъ, приходившихъ на поклоненіе чудотворному Ѳеодоровскому образу Божіей Матери. Можно рѣшительно полагать, что тогда же нещаднымъ пламенемъ поглощено немалое количество казенныхъ и обывательскихъ дворовъ. Но

---

[1]) Въ этомъ числѣ—а) 1 дес. 1291 кв. саж. были заняты самой земляной крѣпостью, названною «городъ кремль» съ состоявшими внутри его заселенными и незаселенными мѣстами, равно соборными церквами; б) подъ домами лицъ разнаго званія находилось 2 дес. 84 саж.; в) 4 дес. 939 саж. исчислено подъ земляною осыпью и рвомъ и деревяннымъ тогда чрезъ ровъ Спасскимъ мостомъ, по которому пролегала столбовая (московская) дорога, также подъ проломомъ; г) 500 саж. внутри рва подъ воднымъ каналомъ; д) 3 дес. 837 саж. 1 арш.—подъ незаселенными мѣстами, улицами и проѣздомъ и е) 1 дес. 235 саж. подъ бичевникомъ у р. Волги.

особенно содѣйствовалъ измѣненію внѣшнаго вида кремля ужасный пожаръ 18 мая 1773 года. Начавшись, по преданію, за стѣнами кремля—въ новомъ городѣ [1]), въ которомъ тогда сгорѣло до тла 9 приходскихъ церквей, всѣ гостинные ряды, лавки съ хлѣбомъ и множество дворовъ (Крживоблоцкій), пожаръ этотъ истребилъ въ Успенскомъ соборѣ внутреннія деревянныя подѣлки, иконостасъ, престолы, полы, оконницы и т. под.; остались хотя съ поврежденіями обгорѣвшія церковныя стѣны, каменныя со сводами и нижними палатками, при чемъ древній соборъ лишился многихъ драгоцѣнностей изъ церковныхъ украшеній, утвари, свящ. облаченій и т. под.; колокольня же соборная разрушилась, одинаково и каменная церковь во имя преп. Геннадія. Тогда же совершенно истреблены пламенемъ Троицкая соборная церковь и Крестовоздвиженскій монастырь (съ 1681 г. обращенный изъ мужской въ женскую обитель) съ двумя каменными уже ветхими церквами и колокольницей; вмѣстѣ сгорѣли монастырскія деревянныя кельи, почему инокини во главѣ съ игуменіей помѣщены въ упраздненномъ штатами 1764 г. Анастасіиномъ монастырѣ, гдѣ съ 1766 г. было устроено архіерейское подворье. Одинаково въ пожаръ 1773 г. уничтожены огнемъ казенныя зданія въ кремлѣ и множество осадныхъ дворовъ и частныхъ домовъ; уже тогда превратилось какъ бы въ поляну то мѣсто, которое отъ соборной южной ограды къ р. Волгѣ нынѣ занимается овощнымъ огородомъ.

Отсюда неудивительно, что по городскимъ книгамъ 1792 г. въ костромскомъ кремлѣ считалось только уже 4 обывательскихъ дома, и тѣ, по городскому новому плану 1781 г., подлежали сломкѣ. Отъ деревянныхъ же стѣнъ кремля съ башнями и воротами, въ 1661 г. вслѣдствіе значительной обветшалости заново перестроен-

[1]) Новый городъ образовался изъ соединенія нѣсколькихъ посадовъ по смежности съ кремлемъ или «старымъ городомъ» и былъ окруженъ рвами и деревянными стѣнами съ такими же 23 башнями и 6 воротами, построенъ на собственное иждивеніе посадскихъ жителей г. Костромы, не позднѣе 1619 г.—на случай осаднаго положенія отъ польскихъ отрядовъ королевича Владислава, осаждавшаго въ 1618 г. Троице-Сергіевскую Лавру. Новый городъ простирался съ сѣверной стороны отъ кремля до Анастасіина (Крестовоздвиженскаго) монастыря и Сульскаго (нынѣ уже закрытаго) протока; отъ монастыря восточная граница его, судя по теперешнему положенію города, шла по направленію къ гостинному ряду и мимо этого ряда направлялась на правую сторону Русиной улицы. Пройдя по послѣдней до Богославскаго переулка, граница новаго города постепенно уклонялась къ мужской гимназіи, откуда продолжалась по направленію къ церквамъ Воскресенія на Н. Дебрѣ и Стефана Сурожскаго и наконецъ по Набережной р. Волги доходила до валовъ кремля.

ныхъ (по повелѣнію царя Алексѣя Михаиловича) на средства костромскихъ монастырей, помѣщиковъ и крестьянъ, не осталось и слѣдовъ послѣ этого всеистребительнаго пожара. Кремль затѣмъ оставался незастроеннымъ: прежніе владѣльцы сами не находили нужнымъ въ кремлѣ возобновлять «осадные дворы», такъ какъ съ водвореніемъ совершеннаго спокойствія въ Россіи, сдѣлавшейся тогда могущественнымъ государствомъ, уже не было необходимости укрываться въ мѣстахъ укрѣпленныхъ, каковымъ представляется въ Костромѣ кремль, и они стали селиться свободно за стѣнами «стараго города» или въ т. н. новомъ городѣ. Такъ къ концу XVIII вѣка изъ всѣхъ прежнихъ многочисленныхъ зданій костромского кремля какъ бы свидѣтелемъ его остался лишь одинъ Успенскій соборный храмъ, который послѣ пожара возобновленъ въ 1775 г. на средства государственной коллегіи экономіи. Въ ближайшее затѣмъ время почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился Крестовоздвиженскій монастырь, сооружены существующіе донынѣ Богоявленскій соборный (освященъ въ 1791 г.) и въ связи съ ними огромная около 30 саженъ колокольня. Сверхъ того, къ югу отъ Богоявленскаго собора, вскорѣ по сооруженіи его, выстроены два большихъ каменныхъ двухъэтажныхъ дома, изъ коихъ одинъ—для пріѣздовъ мѣстнаго епископа изъ Ипатіева монастыря и для временнаго жительства его же въ весенній разливъ р. Костромы, одинаково для помѣщенія соборныхъ священноцерковнослужителей,—каковому назначенію всецѣло служитъ другой большой каменный корпусъ въ соборной же оградѣ.

Послѣ этихъ совершившихся внутри костромского кремля измѣненій къ началу XIX вѣка оставались еще незыблемыми земляныя осыпи, составлявшія характерную принадлежность древней крѣпости. Но что отъ дѣйствія стихіи сохранялось и поддерживалось вѣками, то 90 лѣтъ тому назадъ уничтожено усиліями человѣческими. На существовавшіе свыше четырехъ вѣковъ величественные валы наложили сокрушающую руку преобразователи г. Костромы—въ цѣляхъ придать ему новый и благоустроенный видъ. Въ 1817 и 1818 годахъ крѣпостные валы съ сѣверной и восточной сторонъ срыты въ уровень съ площадью у тріумфальныхъ въѣзжихъ воротъ Успен-

скаго собора и лишь для того, чтобы имѣть мѣсто для городского сада, который затѣмъ и былъ разбитъ съ аллеями въ 1819—20 годахъ. Впрочемъ находившійся по направленію отъ востока къ югу кремлевскій валъ по Ильинской улицѣ сохранился почти на $^2/_3$ своей длины,—только уцѣлѣвшая часть его (отъ угловой при дорогѣ соборной сторожки до бичевника Волги) значительно понижена, въ уровень съ соборной площадью, причемъ получила новое примѣненіе въ качествѣ «малаго бульвара», который обсаженъ по обѣимъ сторонамъ деревьями вплоть до круглой бесѣдки на Волгу. Что касается находившихся предъ этими валами глубокихъ рвовъ, то съ сѣверной и восточной сторонъ они засыпаны и отъ нихъ не осталось никакого слѣда; лишь по направленію сохранившейся большей части восточнаго вала, указаніемъ на бывшій при немъ ровъ является постепенно спускающійся къ Волгѣ садъ, разведенный въ разное время, 18—12 лѣтъ назадъ. Съ устройствомъ каменной соборной ограды съ южной стороны земляной валъ вблизи бичевника, не разъ въ весенніе водоразливы размытый бурными водами Волги, уже утратилъ свое ближайшее назначеніе и въ поврежденныхъ остаткахъ своихъ снесенъ, вѣроятно, послѣ пожара 1773 года. Напоминаніемъ о валѣ съ западной стороны, прежде отдѣленномъ отъ сѣверной осыпи Спасскими воротами, служитъ отчасти тотъ крутой спускъ надъ оврагомъ (гдѣ лѣтомъ фруктовый рынокъ) къ р. Волгѣ, верхній край котораго, нынѣ уравненный съ остальной площадью соборной ограды и городского сада, обнесенъ баллюстрадой.

Что же наконецъ сталось съ вооруженіемъ костромского кремля и въ частности съ тѣми, присланными въ даръ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, громадными чугунными пушками, которыя стояли на земляныхъ валахъ костромского кремля, придавая ему довольно внушительный видъ,—изъ каковыхъ пушекъ, между прочимъ, была произведена грандіозная салютація въ посѣщеніе г. Костромы Екатериной II 14—15 мая 1767 года? Пищали и снадобья къ нимъ со временемъ подвергались порчѣ и затеривались,—большія же пушки еще ранѣе разрушенія валовъ сняты съ кремлевскихъ стѣнъ въ 1814 году, затѣмъ уже въ небольшомъ количествѣ находились при городскомъ управленіи, а во второй половинѣ XIX вѣка помѣщены

на возвышенныхъ террасахъ т. н. Муравьевки, простирающейся отъ губернаторскаго дома до Всѣхсвятской церкви.

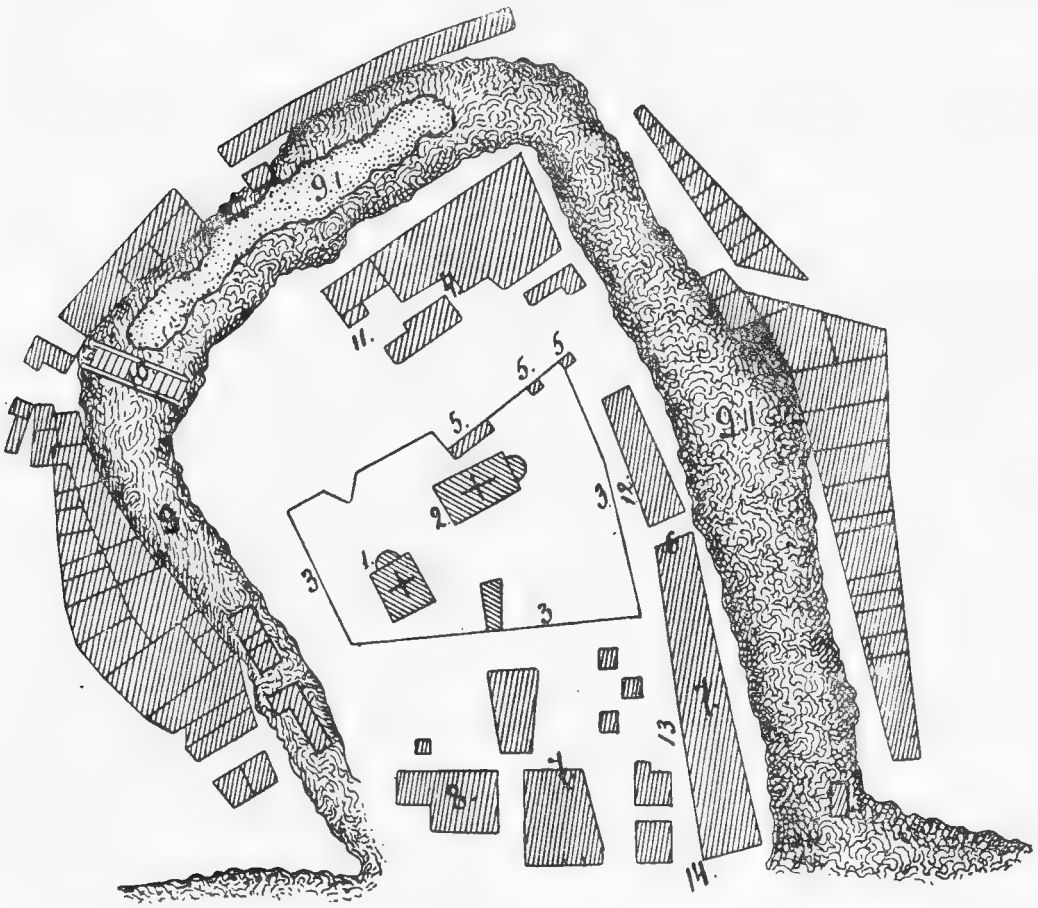
Такимъ образомъ, уже въ началѣ XIX вѣка совершенно исчезъ Костромской кремль въ древнемъ типичномъ его устройствѣ, и самое мѣсто бытія его постепенно измѣнилось до неузнаваемости, такъ что при современномъ внѣшнемъ положеніи и видѣ мѣстности, ранѣе занимаемой кремлемъ, стало затруднительно для самихъ костромичей, и даже невозможно безъ руководства археологическаго указать, тѣмъ болѣе отыскать тѣ существенные признаки или черты, которые могли бы хотя отчасти напоминать о бывшемъ своемъ кремлѣ.

И. Баженовъ.

1909. VI. 21.

Къ докладу И. Баженова.

Планъ Костромекого кремля отъ 1755 г., дополненный въ 1773 г.



Описаніе. 1. Успенскій соборъ. 2. Богоявленскій соборъ (проектированный). 3. Соборная ограда. 4. Воеводскій дворъ съ разными казенными зданіями. 5. Четыре обывательскіе дома въ оградѣ. 6. 7. 8. Обывательскіе дома внѣ ограды. (7. Нынѣ соборный огородъ. 8. Теперь зданія неприкосновеннаго склада). 9. 9I 9II Земляные валы. (9. Нынѣ дорога къ рѣкѣ Волгѣ около откоса. 9I Нынѣ городской садъ. 9II Нынѣ малый бульваръ) 10. Спасскій мостъ и ворота, отъ нихъ улица (11). 12. Переулокъ на Большую улицу (13) къ Водянымъ воротамъ (14).

Извлеченіе изъ генеральнаго плана на г. Кострому и описаніе—составлено членомъ Костромской ученой архивной комиссіи архитекторомъ **Н. И. Горлицынымъ.**

Одинъ изъ первыхъ нашихъ библіографовъ, патріаршій крестьянинъ, родомъ изъ г. Осташкова, Петръ Антипычъ Меншагинъ.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ поступила въ мое собраніе чрезвычайно интересная рукопись, писанная въ царствованіе Петра Великаго. Хотя по содержанію она духовнаго характера, тѣмъ не менѣе интересъ, возбуждаемый ею, нисколько не уменьшается.

Трудился надъ нею—именно трудился—«родомъ града Осташкова, патрїаршъ крⷭ҇тѧнинъ Пе́тръ Антѝповъ сынъ Менша́гинъ» [1]... «о св. писанїи снискатель», какъ онъ выразился о себѣ въ одномъ мѣстѣ [2]. Снискатель — это не списатель, а нѣчто высшее. Списатель — списывалъ только рукописи или печатное, снискатель долженъ былъ углубляться въ читаемое, дабы изъ массы свѣдѣній выбрать то, что нужно было для намѣченной цѣли. Цѣль же эта у Меншагина была доставить пользу и спасеніе души «всѣмъ читающимъ и слышащимъ православнымъ хрⷭ҇тїѧномъ» [3]. Владѣя, повидимому, самъ собраніемъ старопечатныхъ книгъ и отчасти рукописей, «о св. писаніи снискатель» воспиталъ въ себѣ любовь къ печатному и рукописному слову, любовь къ книгамъ и рукописямъ—и такимъ образомъ явился библіографомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его трудъ, предметъ сего доклада. Изъ многочисленныхъ приписей на поляхъ чисто библіографическаго характера, нерѣдко сдѣланныхъ Меншагинымъ позже написанія извѣстной тетради рукописи [4],

---

[1]) Приписка во многихъ мѣстахъ.

[2]) Листъ 256 на об.

[3]) Листъ 510.

[4]) Что рукопись составилась изъ отдѣльныхъ тетрадей, видно изъ приписки на об. л. 24: «писа҃ сїю тетра҃ многогрешникъ Петръ Антиповъ сн҃ъ Меншагинъ».

можно заключить, что библіографическій интересъ къ книгамъ постепенно усиливался у снискателя по мѣрѣ исполненія имъ своей работы.

Компактный томикъ собственноручныхъ трудовъ Меншагина въ 556 л. формата 8°, писанный разными почерками—и размашистою характерною скорописью первой четверти XVIII ст. и красивымъ убористымъ полууставомъ, былъ исполненъ въ промежутокъ времени съ 1712 г. по ноябрь 1720, какъ можно судить по припискамъ. Въ 1720 г. Меншагинъ былъ уже московскимъ жителемъ, какъ онъ самъ говоритъ въ одной припискѣ [5]): «**Спреписася сїя книга Вѣнецъ вѣры трꙋдолюбїемъ многогрѣшнаго раба, московскаго жителя, о ст҃омъ писанїи сниска́теля, патрїарша крестьянина Петра Меншагина в лѣто... ѿ Рж҃ества по плоти Бг҃а Слова ҂аѱк годꙋ мц҃а ноября ѕі дня**».

О себѣ Меншагинъ сообщаетъ очень немногое въ припискахъ въ концѣ выписей и извлеченій изъ разныхъ книгъ. По всему видно, что «о св. писаніи снискатель» былъ человѣкъ православный и глубоко убѣжденный въ своихъ вѣрованіяхъ. Можно также догадываться, что умный и хорошо начитанный въ духовныхъ книгахъ патріаршій крестьянинъ занимался какимъ-либо промысломъ, либо торговлею, и былъ человѣкъ зажиточный. Досугъ свой онъ отдавалъ духовному чтенію и рукописной работѣ, такъ что какъ нельзя болѣе идутъ къ нему слова одного изъ нашихъ библіографовъ: «Нельзя не поражаться тѣмъ, какъ живучъ былъ духовный интересъ въ древне-русскомъ обществѣ и какъ широко охватывалъ онъ собою самые разнообразные слои его. Потребность въ книжномъ чтеніи вызывала удивительное нравственное напряженіе въ переписываніи книгъ. Цѣлые годы иногда продолжалась эта работа надъ однимъ памятникомъ и притомъ какъ работа священная, богоугодная, какъ дѣло спасенія души своей» [6]).

Библіографическая канва, проходящая чрезъ весь рукописный трудъ Осташковскаго патріаршаго крестьянина, невольно заставляетъ

---

[5]) На об. л. 256.

[6]) Книгописныя собранія Г. Барсова въ «Библіограф. запискахъ», изд. П. Шибанова, 1892 г. № 1.

сравнить его работу съ работою отца нашей библіографіи, извѣстнаго ученаго второй половины XVII в. Сильвестра Медвѣдева, столь близкаго по времени къ Меншагину.

Сравненіе это на первый взглядъ должно казаться невыгоднымъ для Меншагина.

Гдѣ ему, крестьянину-самоучкѣ, тягаться съ образованнымъ ученикомъ Симеона Полоцкаго, вращавшимся въ высшемъ кругу тогдашняго московскаго общества? Вѣдь онъ проживалъ въ уединенномъ Осташковѣ, на истокахъ Волги, гдѣ единственнымъ пріютомъ знаній служилъ одинъ-другой монастырь — и только. Какъ рѣдки были книги въ ту эпоху, когда трудился надъ своимъ томикомъ Меншагинъ, достаточно показываютъ списки тѣхъ печатныхъ изданій Петровскихъ временъ, коихъ нигдѣ не могъ достать ученый Пекарскій для своего изслѣдованія «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» [7]), а между тѣмъ онъ работалъ въ Петербургѣ съ его многочисленными библіотеками.

Такимъ образомъ, далеко не въ одинаковыхъ условіяхъ съ Медвѣдевымъ находился Меншагинъ. Да и цѣли, имѣвшіяся у него въ виду, были другія, чѣмъ у Медвѣдева. Цѣль автора «Оглавленія книгъ, кто ихъ сложилъ» — такъ называется трудъ Медвѣдева — была чисто библіографическая, именно: описать всѣ извѣстныя сочиненія отцовъ церкви и другихъ духовныхъ писателей. У Меншагина, какъ уже было сказано, цѣль была не та: главнымъ образомъ онъ хотѣлъ составить родъ духовной энциклопедіи для познанія истинъ православія и утвержденія въ нихъ ради душевнаго спасенія, и затѣмъ уже, на второмъ планѣ, стоятъ у него разныя библіографическія свѣдѣнія объ изданіяхъ, изъ коихъ были имъ сдѣланы извлеченія и выписи.

У Медвѣдева [8]) подъ рукамп была своя обширная библіотека печатныхъ книгъ на польскомъ, латинскомъ и славянскомъ языкахъ и собраніе рукописей Московской типографской библіотеки. На основаніи этого матеріала и составлено было имъ извѣстное «Оглавленіе

---

[7]) Списки эти помѣщены во II т. въ концѣ каждаго года.

[8]) См. статью о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ, В. Ундольскаго въ «Чтеніяхъ Импер .Об. Ист. и Др. Росс. при Московскомъ универс.» 1846 г., № 3.

книгъ, кто ихъ сложилъ», съ подведеніемъ къ каждому писателю всѣхъ его трудовъ и съ приведеніемъ начала всѣхъ сочиненій и отдѣльныхъ статей, что такъ высоко цѣнитъ издатель «Оглавленія» Ундольскій. «Оглавленіе» это писано Медвѣдевымъ на 100 л. въ четвертку мелкою скорописью. Такъ какъ Медвѣдевъ выписей изъ авторовъ не приводитъ, то на 100 л. онъ сумѣлъ представить обстоятельный перечень всѣхъ извѣстныхъ ему духовныхъ писателей и ихъ произведеній, что составляетъ немалую заслугу.

Меншагинъ такого обширнаго матеріала подъ руками не имѣлъ, да онъ по характеру работы могъ бы его подавить, зато бывшія въ его распоряженіи книги и частію рукописи описаны имъ гораздо подробнѣе, чѣмъ у Медвѣдева. Подобно послѣднему, онъ перечисляетъ главы или отдѣльныя слова, приводитъ ихъ начало, но этимъ онъ не ограничивается, а дѣлаетъ обширныя выписи, часто въ весьма содержательныхъ сокращеніяхъ. Одно печатное изданіе, именно: «Небо новое з новыми звѣздами сотворенное» [9]), Меншагинъ передалъ рѣшительно все въ сжатомъ изложеніи на 29 листахъ необыкновенно убористаго своего письма, при чемъ бѣлорусскія выраженія частію онъ сохранилъ, частію же замѣнилъ славянскими. Это — немалый трудъ, дѣлающій большую честь Меншагину.

Такимъ образомъ Меншагинъ не теряетъ своего достоинства при сравненіи съ отцомъ нашей библіографіи. Трудъ его былъ не меньше труда Медвѣдева и возбуждаетъ вполнѣ справедливое удивленіе предъ дарованіями крестьянина-самородка, коимъ долженъ гордиться Тверской край.

II.

Сдѣлаемъ сперва общій очеркъ содержанія Меншагинскаго томика. Авторъ его сначала все заносилъ въ отдѣльныя тетради. Къ сожалѣнію, не всѣ онѣ помѣчены, когда были писаны; въ переплетѣ же [10]), хотя онъ сдѣланъ самимъ Меншагинымъ, тетради съ обозначеніемъ, когда онѣ были кончены, размѣщены не въ порядкѣ времени. То же самое можно сказать относительно несоблюденія

[9]) Могилевское изданіе 1699 г. на 227 листахъ, въ полдесть по Меншагину.

[10]) Дубовомъ, обтянутомъ кожею, съ остатками застежекъ.

иногда послѣдовательности въ помѣщеніи однѣхъ статей за другими. Человѣкъ съ бо́льшимъ образованіемъ и съ бо́льшею литературною опытностью размѣстилъ бы весь разнообразный матеріалъ Меншагинскаго томика нѣсколько въ иномъ порядкѣ.

Такъ какъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ сего доклада (библіографическомъ) удержанъ порядокъ статей, какъ онъ идетъ въ переплетенномъ томикѣ, согласно со сдѣланнымъ Меншагинымъ оглавленіемъ въ концѣ всѣхъ статей, то, говоря о содержаніи Меншагинской энциклопедіи, будемъ держаться болѣе систематическаго порядка.

Православному богословію посвящены выписи изъ Катехизиса, печатаннаго при патріархѣ Іосифѣ въ 1649 г. («Собраніе краткія науки о артикулахъ вѣры»), затѣмъ изъ «Православнаго исповѣданія вѣры» по Петербургскому изданію 1717 г. [11]), наконецъ, изъ книги «Краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехитическихъ» Симеона Полоцкаго 1671 г. Сюда же примыкаютъ выписи изъ «Вѣнца вѣры», того же Симеона Полоцкаго.

Добавленіемъ къ симъ книгамъ служатъ обширныя выписи изъ книги св. Кирилла, патріарха іерусалимскаго [12]), равно какъ изъ другихъ отцовъ церкви. Выписи эти знакомятъ съ исторіею новозавѣтной церкви и съ различными въ ней ересями. Сюда же слѣдуетъ отнести выписи изъ «Соборнаго дѣянія Кіевскаго на армянина еретика Мартина», по изданію 1718 г.

Цѣлые списки о книгахъ ложныхъ, затѣмъ еретическихъ, предостерегаютъ отъ вреднаго въ дѣлахъ вѣры чтенія; напротивъ, списки каноническихъ книгъ рекомендуютъ для чтенія массу книжнаго матеріала, частію рукописнаго, частію печатнаго.

Всѣ эти списки книгъ ложныхъ [13]), еретическихъ (также

---

[11]) «Исповѣданіе» это долго приписывалось Кіевскому митрополиту Петру Могилѣ и получило обширное распространеніе, даже въ переводахъ на иностранные языки. Митрополитъ Евгеній и затѣмъ Макарій считаютъ авторомъ книги Исаію Трофимовича. (Пекарскій, «Наука и Литер.» т. II, стр. 190).

[12]) На самомъ дѣлѣ Кириллова книга, какъ еще замѣтилъ Сопиковъ («Опытъ Россійской библіографіи», I, № 570), произведеніе бѣлорусскаго проповѣдника Стефана Зизанія.

[13]) Идутъ съ л. 33 на об.

«странныхъ»), равно какъ признанныхъ церковью, весьма замѣчательны по своей полнотѣ; первая же категорія представляетъ немало варіантовъ противъ «Памят. отреч. лит.» Н. Тихонравова [14]). Такимъ образомъ любознательности Маншагина мы обязаны сохраненіемъ интересной редакціи одного изъ замѣчательныхъ памятниковъ нашей отреченной литературы.

Изъ той же Кирилловой книги Меншагинымъ выписано подробно объ иконахъ и иконоборствѣ, о Крестѣ Господнемъ, о римскомъ отпаденіи отъ православной вѣры (весьма обстоятельная выпись), преніе Панагіота съ папскимъ посломъ, кардиналомъ Азимитомъ (о стриженіи брады), далѣе о Лютерѣ и, по выраженію того времени, о другихъ еретикахъ; посланіе воеводы Кіевскаго, извѣстнаго князя Константина Острожскаго, въ 1595 г. къ православнымъ о совращеніи въ унію православныхъ епископовъ.

Сюда же примыкаютъ, какъ относящіяся къ исторіи церкви, выписи изъ книги «Мессія правдивый, Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій» іеромонаха Іоанникія Галятовскаго, съ изданія 1669 г.

Очень много пространныхъ выписей изъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, именно: изъ Маргарита (сборника словъ Іоанна Златоуста), изъ Прологовъ, изъ Лѣствицы Іоанна Лѣствичника изданія 1647 г., изъ Алфавита духовнаго по изданію 1717 г., изъ Мира человѣку съ Богомъ Иннокентія Гизеля, изданія 1669 г., изъ Діоптры (отсюда, впрочемъ, выписаны «малыя вещи»), изъ Меча духовнаго черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, по изд. 1666 г., изъ книги св. Ефрема Сирина Паренисиса, изъ поученій Аввы Дороѳея и др., изъ книги Апологія во утоленіе печали

---

[14]) Между прочимъ покойный дѣятель Калуж. Учен. Архив. Ком. И. Д. Четыркинъ въ своей замѣткѣ «Къ вопросу объ отреченныхъ книгахъ древней Руси» (напеч. въ Филолог. запис., изд. въ Воронежѣ въ 1880-хъ—1890-хъ годахъ), составленной по рукописному сборнику XVI в. моей библіотеки (Описаніе рукописей, прин. П. Ѳ. Симсону. Тверь. 1902 г. № 58) велъ рѣчь объ истолкованіи словъ: «и было в навехъ на рзиловѣ колѣ». По Меншагинскому сборнику толкованіе Четыркина было бы яснѣе: тамъ съ этимъ выраженіемъ соединена предыдущая фраза: «и что про́въ ца́рь дрꙋго҃ х҃а назвалъ, і҆ то попъ і҆еремиѧ бо҃го҃: со҃га҃, а былъ ꙋ҆бо в навехъ на верзилове колꙋ». (У Тихонравова этой приписки нѣтъ).

человѣка, сущаго въ бѣдѣ, въ гоненіи и озлобленіи, по изд. 1716 г., изъ книги Григорія Назіанзина, изъ книги «Небеса» Іоанна Дамаскина, изъ сочиненій св. Аѳанасія Александрійскаго.

Знакомству съ церковными предметами и священническими и др. одеждами посвящены выписи изъ Скрижали, изд. 1656 г. Сюда же относятся выписи о достоинствѣ священническаго сана изъ книги Діалогизмъ, изд. 1714 г. Варлаама Голенковскаго.

Въ честь прославленія Пр. Богородицы сдѣланы обширныя выписи изъ книгъ: «Небо новое» (изъ Могилевскаго изданія 1699 г.), при чемъ Меншагинъ, какъ уже было замѣчено, передалъ рѣшительно все содержаніе книги, листъ за листомъ, въ сжатомъ изложеніи, далѣе изъ книги «Руно орошенное» (изъ черниг. изд. 1697 г.), «Звѣзда Пресвѣтлая», «Повѣствованіе о безсмертномъ успеніи Пр. Богородицы» (изъ Кіевскаго изданія безъ обозначенія года).

Сюда же относятся описанія иконъ Пр. Богородицы Одигитріи, св. Троеручицы, о явленіи и чудесахъ Пр. Богородицы Толгскія.

Изъ угодниковъ Божіихъ Меншагинымъ выписаны: Сказаніе о жизни и чудесахъ св. Николая чудотворца (съ изданія 1680 г.), затѣмъ св. Спиридона Тримифунскаго, Исторія о житіи пр. Варлаама пустынножителя и о Іоасафѣ, царевичѣ Индійскомъ, написанная Іоанномъ Дамаскинымъ, при чемъ списаны и духовные стихи (молитвы св. Іоасафа, въ пустыню входящаго). Сюда же примыкаютъ выписи изъ книги «Рай мысленный» (по изд. 1659 г.)— о св. Аѳонской горѣ, о Иверскомъ монастырѣ, о монастырѣ Иверскомъ Святоезерскомъ и о явленіи и принесеніи мощей св. Іакова, Боровицкаго чудотворца, въ монастырь Иверскій на Валдаяхъ.

Изъ русскихъ святыхъ выписаны: житіе святителя Арсенія, епископа тверского, житіе и страданіе Михаила Благовѣрнаго, князя тверского, равно какъ и о преложеніи честныхъ его мощей, житіе пр. Ефрема, архимандрита новоторжскаго, Соловецкихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія, въ связи съ чѣмъ сдѣланы многія выписи изъ Соловецкаго лѣтописца, и, наконецъ, житіе св. Варлаама Хутынскаго.

Чтобы дополнить общій очеркъ содержанія Меншагинскаго томика, слѣдуетъ упомянуть, что Меншагинъ выписывалъ также

поразившія его изреченія Св. Писанія, равно какъ духовныхъ писателей по разнымъ вопросамъ, коими онъ, очевидно, интересовался, какъ то, что «червей во адѣ не бꙋдетъ, но дꙋховный червь—совѣсти снѣденїе» (изъ «Вѣнца вѣры» Симеона Полоцкаго), что «Бж҃ественнаѧ писанїѧ повелѣваютъ мл҃тисѧ ѡ еллинахъ же ї еретиковь, паче же о вразехъ», что «на иконахъ стали писать св. Зосимꙋ и Савватїѧ до 30 лѣтъ по ихъ преставленїи», что «проклѧтъ всѧкъ, цѣнѧй жито дорого» (л. 541), что заслуживаютъ порицанія купцы, продающіе «натиранїѧ къ ꙋкрашенїю лицъ женамъ» (л. 172). Злымъ женамъ посвящены выписи изъ Маргарита (лл. 342 на об. и 523 тоже на об.). Между прочимъ въ одномъ мѣстѣ (л. 538 на об.). Меншагинъ записалъ: «Никогда же весѣдꙋй съ женою: ѧко же магнитъ держитъ желѣзо, тако и бесѣда женскаѧ не отпꙋститъ тѧ отъ себѣ».

Живымъ интересомъ къ исторіи церкви объясняются выписи должностныхъ лицъ при патріархѣ въ Царѣградѣ, списки тверскихъ князей, тверскихъ епископовъ и архіепископовъ (л. 452) и т. п.

III.

Разсмотримъ теперь библіографическія указанія, сдѣланныя въ разныхъ мѣстахъ Меншагинымъ.

1. О книгѣ «Маргаритъ» Св. Іоанна Златоуста обозначено изданіе 1698 г. (Сопиковъ № 466).

На л. 21 на поляхъ приписано: «Златоꙋстъ велми хитръ бѣ книжномꙋ ꙋченїю и философ.... книги нанзꙋсть ꙋмелъ, рѣчистъ, крещенъ .н҃і. лѣтъ Мелетїемъ архїепискꙋпомъ». Другая припись на поляхъ на об. л. 18 противъ начала слова «на ꙋсѣкновенїе Іоанна Предотечи и ородїадѣ»: «За сїе слово їзгнанъ бысть ст҃ый Златоꙋстъ».

Послѣ выписей на 22 листахъ, съ л. 23 идетъ «Изѧвленїе словесъ во книзе сей Маргаритѣ», т. е. оглавленіе всѣхъ словъ.

Предъ послѣдними шестью словами замѣчено: «Из его же трꙋдолюбивыхъ ст҃аго Златоꙋста книгъ сїѧ словеса преведена ново ҂зс҃з лѣта» [15]).

---

[15]) Небольшія выписи «из кн҃ги тестамѣнта царѧ Василїѧ, монарха греческаго» на л.л. 25 и 26, не сопровождаются никакими примѣчаніями.

2. О книгѣ «и҆́же во ст҃ыхъ оц҃а на́шего Кирилла, патрїарха і҆ерꙋсали́мскаго, сказанїе на ѡ҆́смый вѣкъ и҆ ꙋставъ ко исповѣданїю і҆ к преданїю по҆нанїѧ вѣры о Хр҃твѣ сꙋдѣ і҆ о кончины вѣка» (л. 30).

Выходъ книги показанъ Меншагинымъ на об. л. 91 въ 1644 г. [16]) также на об. л. 38 (сокращенно). На л. 31 сказано: «Сїѧ кни́га напѣчатана в десть, на каждой страницы по к҃е строкъ. С заглавїемъ і҆ с придисловїемъ въ книзѣ сей 584 листа» [17]).

Помѣщено оглавленіе 48 словъ и другихъ статей изъ разныхъ духовныхъ писателей; затѣмъ «предисловїе і҆ сказанїе вкра҃це о҆ добрей сей и блаженней кни́зѣ», т. е. весьма и весьма обстоятельное изложеніе ея содержанія.

3. О Лѣствицѣ Іоанна Лѣствичника, печатанной въ Москвѣ въ 1647 г. [18]) (Сопиковъ № 607). Приведенъ выходной листъ съ предисловіемъ, затѣмъ на поляхъ замѣчено: «Сїѧ книга въ десть, всѣх листовъ и҆ заглавїемъ всей книгѣ 344, гла^в 30 и҆ степеней 30. Сїѧ кни́га ведетъ во иночество и҆ пише҃, приводѧ слова ѿ пророчествъ і҆ еѵ҃лїѧ і҆ ап҃ла і҆ ѿ многи҃х книгъ і҆ житїѧ ст҃ыхъ. А҆ ценою кꙋпѧтъ сїю книгꙋ по г^рꙋ и^а в^де.

На л. 94 сбоку приписка: «Списа́сѧ же житїе ст҃го Іоанна, і҆гꙋмена горы Синайскиѧ, нареченаго схоластика послежде і҆менованаго лѣстовечьника, списа́сѧ ѿ Данїила, инока Раифскаго».

Оглавленіе писано въ видѣ лѣстницы на небо.

4. О книгѣ «Небеса», Московскаго изданія 1656 г. [19]).

Приведено подробное заглавіе: «Бг҃одх҃ноенные книги і҆же во сх҃ъ о҃ на҃ Григорїѧ Бг҃ослова, архїепи҃кꙋпа Констѧнтинопо҃скаго Назина́йзина, Василїа Кисарїйскаго, А҆ѳонасїѧ А҆леѯандрїйскаго, Іѡанна Дамаскина

---

[16]) Еще Сопиковъ (см. № 570) замѣтилъ, что книга эта неправильно названа Кирилловою, такъ какъ Кириллу принадлежитъ только одно 15-ое слово, а все остальное сочиненіе извѣстнаго бѣлорусскаго проповѣдника Стефана Зизанія, брата Лаврентія Зизанія.

[17]) Правописаніе Меншагинскаго сборника почти вездѣ удержано, только славянское счисленіе большею частію замѣнено нашимъ.

[18]) У Меншагина ошибочно показанъ годъ 1643, хотя вѣрно обозначено, что книга напечатана во второе лѣто царствованія Алексѣя Михаиловича.

[19]) По Сопикову (№ 247) рѣдка.

Книга Нб҃са, труды и тщаніемъ Бг҃омольца, во философіи и бг҃ословіи изяшного дидаскала, искуснѣйшаго во еллиногрѣческомъ и славѣнскомъ діалектахъ, пречестнаго о҃ца Іеромонаха Епифанія, Кіевскія страны, преведены и печатныи книгъ еллиногрѣческаго языка на славенороссійскій нново»; далѣе показано время выхода изданія и мѣсто печатанія, затѣмъ выписано оглавленіе словъ, съ показаніемъ ихъ количества, числа листовъ и главъ. Наконецъ на об. л. 105 внизу приписка красивымъ полууставомъ: «Сія книга Назиѧнзина напѣчатана в десть, на двоа стороница, ако Библія, самыми мелкими словами».

5. О книгѣ Увѣтъ духовный, напечатанной въ Москвѣ въ 1682 г. [20]).

Приведено подробное заглавіе и выходъ. Въ концѣ л. 126 на об. приписано: «Сія книга Увѣтъ напѣчатанъ въ полдесть, листовъ всѣхъ 272».

6. О книгѣ «Извѣщеніе чудесе, бывшаго въ царствующемъ градѣ Москвѣ, о сложеніи тріехъ первыхъ перстовъ» патріарха Іоакима:

На л. 131 обозначено: «Всей тетратки листовъ 15, напечаташася въ лѣто отъ Рж҃а Хв҃а 1677».

7. О книгѣ «Алфавитъ духовный» петербургскаго изданія 1717 г. [21]) (на л. 133):

Приведены обстоятельныя библіографическія указанія: «Книга Алфавитъ Духовный к пользу інокомъ и мирскимъ, Бг҃оугоднѣ жити хотящимъ, типографскимъ тисненіемъ первое изадеся въ ц҃ртвующемъ Санктъ-питербурхе..... в лѣто.... ѿ рж҃тва Бг҃а Слова 1717 году. Внѣй описуетъ три части, в конце же тѣплая и рачителная къ Бг҃у молвенія со благодареніемъ; 2 предисловія, да вначале о паденіи одамли. Главъ к ней 33, листовъ 187, напечатана въ четверть».

На об. листа 134 Маншагинъ упоминаетъ о первомъ Кіевскомъ изданіи Алфавита въ 1710 г. [22]): «въ четв.», при чемъ прибавляетъ, что въ этомъ изданіи 192 листа.

---

[20]) Первое изданіе. По Сопикову (№ 499) тоже рѣдка.

[21]) У Пекарскаго («Наука и лит. въ Россіи при Петрѣ В.», II, № 402) сказано, что о первомъ петербургскомъ изданіи Алфавита 1717 г. извѣстно только изъ указанія Сопикова (V, № 12811) и синод. дѣла 1722 г. Свидѣтельство Меншагина является, такимъ образомъ третьимъ.

[22]) У Пекарскаго II, № 166, въ 8°, какъ и у Сопикова.

8. О книгѣ «Ми́ръ съ Бг҃омъ чл҃вѣкꙋ», Кіевской печати 1669 г. (л. 143):

Приведено подробное заглавіе, мѣсто печати и время выхода, при чемъ сбоку на поляхъ приписано: «Напечатана сїѧ кни́га бес красной пропїси, всѧ чо́рнаѧ»; затѣмъ списано все предисловіе къ царю Алексѣю Михайловичу составителя книги, архимандрита Кіево-Печерской лавры Иннокентія Гизеля, и другое предисловіе «К читателю».

На об. л. 178: «Всѣхъ сло́въ и҆ли ре́кше главъ о҆бретаетсѧ в сей книги, глаголемой Ми́ръ съ Бг҃омъ, 170, а҆ листовъ о҆бретаетсѧ в сей кни́ги 333 листа, а по́тпи҃ на всѧ́кой строни́це, а҆ строни҃ 666» [23]).

По всѣмъ листамъ (143—178) внизу приписано, на каждомъ по одному слову: «В честь ст҃ыѧ Троицы дерзнꙋ́лъ списать полезныѧ ве́щи и҆з кни́ги Кїевопечатной Миръ з Бг҃омъ, и҆лѝ покаѧ́нїе чл҃вкꙋ, родомъ гра́да Осташкова, патрїаршъ кр҃тѧнинъ Пе́тръ Анти́повъ сынъ Менша́гинъ. А҆ что в ко́емъ любо сло́вѣ погрѣшано̀, сирѣчь о҆пи́санась, и҆ в томъ, гд҃инѣ мой читателю, Бг҃а ра҃ди, прости́». На об. послѣдняго листа внизу: «Пи́сано 1713, октѧбрѧ 23 свер҃ше҃».

9. О книгѣ «Діоптра», изданія 1651 г. (Сопиковъ № 260).

На поляхъ красивымъ убористымъ полууставомъ: «Изображенїе живота въ мірѣ сѣмъ чл҃вческаго ѿ мно гих҃ст҃ыхъ Бж҃ественны҃х писанїй и ѿ отеческих҃ догматъ составленнаѧ, ѧко хотѧщи҃м на҃м наслаж҃датисѧ Бг҃а. Подоба́етъ сꙋетꙋ ми́ра презирати. Сїѧ книга Дїѡптра напечатана восмꙋхꙋ; в ней же три дїѡптры, сиречь .г҃. части; главъ 40, листовъ 342». «Печа҃т кꙋтейскаѧ обите҃л, трꙋдолюбие҃м і҆ноковъ цр҃кви ст҃ы҃х Бг҃оѧвленїи»; «по҃скаѧ,» «в кꙋтѣйнѣ в лѣто Ро҃ж Хв҃а 1651».

10. О книгѣ «Діалогисмъ духовный», Кіевской печати 1714 г. [24]) (л. 188):

Приведено полностью заглавіе, какъ у Пекарскаго (II, № 244), затѣмъ прибавлено: «3 части, 1-аѧ о свещенстве, 2-ѧ како преꙋготовлѧти себѣ ко причащенїю, 3-ѧ о прїѧтїи і҆ плодѣ еѵхори́стїи ст҃ыѧ. Вни҃х тре҃х частѧ҃х 32 бѣседы. По причещенїи ст҃о҃м бл҃годарственые молитвы г҃. сложеные ни҃ѣ преслав҃ныѧ и прелюбѣ҃ныѧ 4 бѣседы по причастиї ст҃о҃м» . . .

---

[23]) По Сопикову изданіе 1669 г. рѣдко.

[24]) По Сопикову (№ 256) рѣдка.

Прибавокъ этихъ, кромѣ упоминанія о трехъ частяхъ, у Пекарскаго нѣтъ, такъ что Меншагинъ даетъ болѣе подробное описаніе «Діалогисма»:

На концѣ л. 189 внизу замѣчено: «**Сиа книжица в четверть** [25]), **с предисловие** 263 **листа**».

11. О книгѣ «Скрижаль» (л. 190), изданія 1656 г. [26]):

Приведено начало: «**Начало сице—писано слово: мнози хртиане приходятъ в црковь с великим желаниемъ и благоговением и про.**»

На об. л. 197 сказано о выходѣ: «**Бгу в Троицѣ славимому, Оцу и Сыну и Стому Дху честь, слава, и покланение, давшему начати, творити же и совершити книги сея, преложенныя ново с греческого диалекта на словенскій, повелением Гдря Цря Алезѣя Михайловича всея Росіи, вкупѣ по совѣту и благословению стѣйшаго Никона Патриарха, в лѣто ҂зрзд** (1656), **іюня в. дня, напечатася первое.**

12. О книгѣ «Православное исповѣданіе вѣры», Петербургскаго изданія 1717 г. [27]) (л. 199):

Заглавіе выписано, какъ у Пекарскаго (II, № 330), хотя не совсѣмъ въ томъ же порядкѣ. Затѣмъ приведена исторія всѣхъ изданій этой книги, приписывавшейся прежде Кіевскому митрополиту Петру Могилѣ.

Съ л. 201 идетъ оглавленіе, на об. же л. 214 обозначено: «**Сиа книга в четверть, в ней листовъ** 178, **да в придисловиахъ** 49 **листовъ: напечатана без красных чернилъ**».

13. О книгѣ «**Катихисисъ, рекше ученіе о вѣрѣ и о нужнейшихъ винахъ, пристоящихъ к ней**» [28]) (л. 215):

Приведено начало книги «**Много ли есть вещей, потребныхъ на**

---

[25]) По Сопикову и Пекарскому въ 8°.

[26]) Полное заглавіе у Сопикова (№ 1091); у него же приведено оглавленіе.

[27]) У Меншагина названа она также „**Акатихисисъ**“.

[28]) Повидимому, это № 1404 у Сопикова, московское изданіе 1649 г., имѣвшее заглавіе «Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры». У Пекарскаго (II, № 285) описано изданіе 1715 г. подъ заглавіемъ «**Катихисисъ или краткое поученіе о вѣрѣ стой православно-кафолической**», при чемъ замѣчено, что этотъ катихизисъ вышелъ въ первый разъ въ Кіевѣ въ 1645 г. подъ названіемъ «Събраніе короткой науки объ артикулахъ вѣры».

спасеніе», внизу же по листамъ: «С печати цр҃ѧ Алеѯѣѧ Михаиловича ст҃ѣйшаго патриарха Іосифа».

На об. листа 215 внизу подъ чертою мелкимъ красивымъ полууставомъ замѣтка: «О кр҃тѣ пишꙋтъ книги: Ѱалтиръ, Вѣра, два Акатихисиса—Бо҃шой да Малой, Кирилъ Іерꙋсалимски, Максимъ Грѣкъ».

14. О книгѣ «Мечъ духовный» Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича 1666 г. (л. 223):

Послѣ подробнаго заглавія поясненіе: «Сиѧ сторони́ца апокалипсиса ·ѳ҃і· в лицахъ. І Дв҃дъ на Галиаѳе с мечемъ, Павелъ с мечемъ ап҃лъ, Гд҃ь в корабли съ мечи со ап҃ли і ан҃ли; антихристъ в корабли погрꙋженъ с мечи».

Затѣмъ выписано «На его Цр҃ского величества знаменіе» въ хвалебныхъ виршахъ. Послѣ этого поясненіе изображенія: «На страни́цы кр҃тъ да в сиѧніи ıс хс и Бц҃а да о трехъ венцахъ, посреде цр҃ь на коне. Цр҃ь на коне копиемъ побѣждаетъ. Древо, на немъ Цр҃ь А. М. да цр҃ца Мариѧ Ільична, цр҃вичи Ѳеодоръ, Алеѯій, Симеонъ в венцахъ, кн҃зь Владимиръ с чады Борисомъ и Глебомъ». Далѣе: два предисловія—«до его цр҃ского вели́чества» и «ко читателю» и, наконецъ, «Про́повѣди сло́ва Бж҃іѧго на н҃ли всего лѣта, начинаемыѧ по чинꙋ сказаніѧ цр҃ковнаго ѿ пе́рвыѧ ст҃ыѧ великиѧ нед҃ли пасхи», съ замѣчаніемъ: «В таково́й книги на всѧкимъ сло́вомъ вли́цахъ пра҃дники» [29]).

На об. листа 226: «Оглавленіе слове́съ проповѣданыхъ ѡбретающихсѧ в книзѣ сей» и ниже: «Сиѧ кни́га напѣча́таиа вели́чествомъ в десть, слова крꙋпны, на страни́цы 27 строкъ, листовъ 464, да в предисловиѧхъ 17. Пред всѧ́кимъ словомъ в лицахъ еѵг҃скаѧ при҃ча».

На л. 227 выписано послѣсловіе къ читателю.

15. О книгѣ «Соборное дѣѧніе Кіевское на арменина еретика Мартина» (л. 228) Московскаго изданія 1718 г. [30]):

Выписано подробное заглавіе и выходъ. Хотя не показано ни числа листовъ, ни формата, зато чрезвычайно обстоятельно изложено все содержаніе книги, съ ея четырьмя отдѣлами, означен-

---

[29]) По Сопикову (№ 617) изданіе рѣдкое.

[30]) У Сопикова № 1397, въ 8°.

ными у Пекарскаго, описавшаго подъ № 362 во II т. тождественное изданіе 1718 г. только не Московское, а Петербургское [31]).

16. На книгу «**Вѣнецъ вѣры кадолическiа**» (л. 238):

Выписано подробное заглавіе: «**Вѣнецъ вѣры кадолическiа на основанiе символа стыхъ апл҃ъ из различныхъ цвѣтовъ бгословныхъ и прочiихъ и душамъ вѣрныхъ ако соплетенный двамъ жениха нбнаго во украшенiе и во воню благоуханiа духовнаго**».

«**Трудолюбиемъ сооружѐнный многогрѣшнаго iеромонаха Сvмеона Петровскаго Ситниановича в лѣто ѿ соданiа мiра зрои, а ѿ Ржтва еже по плоти Гда ншего Інса Ха ҂ахо году,**

«**Сиа книга рукописаннаа, в десть, листовъ** 700».

Затѣмъ предисловіе и выписи. На об. л. 250: «**Въ половине книги сеа главъ** 17, **составовъ** 12 **в толку Сvмволу вѣры**». Вторая часть «Вѣнца вѣры» (л. 251) озаглавлена такъ: «**Книга краткихъ вопросовъ і ѿвѣтовъ катехiтическихъ, иже о триехъ добродѣтелехъ бгословныхъ ѡ вѣрѣ, ѡ надеждѣ, ѡ любви: к тому ѡ десатословiи, о седми таинахъ, о семи грѣсехъ смертныхъ вопросы і отвѣты, содержащаа и разрешение вопросовъ различныхъ, о грѣсехъ противъ десатословiю бывающихъ. Напослѣдокъ грѣховъ главныхъ врачества общаа на вса грѣхи и размышление краткое в пособие кающимса имущаа. Во славу Бжию в пользу православнымъ хртианомъ Самаго Бга наставлениемъ и пособиемъ, трудолюбиемъ же многогрѣшнаго Сvмеона Полоцкаго, Iеромонаха недостоиннаго на славенскомъ диалекте миру проавленнаа: совершиса в лѣто ѿ соданиа мира ҂зрод, ѿ Ржтва же по плоти Бга Слова ҂ахоа, марта вi. днь**».

На об. л. 256 приписка: «**Спреписаса сiа книга Вѣнецъ вѣры трудолюбиемъ многогрѣшнаго раба, Московского жителя, о семъ писанiи снискателя, Патриаша крестьанина Петра Меншагина.** 1720 г. **мца ноабра** 16 **дна**».

17. О книгѣ «**иже во стыхъ оца нашего Адонасиа архиепископа Алезандрiйскаго**» (л. 259):

Прибавлено: «**Выписано из вопросовъ и ѿветовъ**» и на поляхъ:

---

[31]) Московское изданіе 1718 г. по указанію Пекарскаго (къ № 362) находится въ «Опис. биб. гр. Толстого» подъ № 231.

«Сиѧ́ кни́га печа́тнаѧ малаѧ, писано о Бж҃ествѣ», «старой печати» [32]).

18. О книгѣ св. Ефрема Сирина (л. 272):

Приведено заглавіе: «Кни́га Ст҃аго Єфрема Сирина, гл҃голимаѧ Гре́ческимъ ѧ҆зы́комъ паренисисъ, сказа́етжесѧ паренисисъ при́тча, ѹ҆тешенїе, моле́нїе, поѹче́нїе, наказа́ниѧ ра҆лична, поле́зна». Затѣмъ сказано о печатаніи ея въ 1652 г. [33]) и приведено «сказа́нїе главамъ, коемѹждо сло́вѹ», т. е. оглавленіе, прерывающееся сотымъ словомъ (далѣе недостаетъ листовъ).

Съ л. 278 выписи идутъ уже изъ другого изданія книги Ефрема Сирина, именно сказано: «Выписано и҆ книги Єфрема, печата҃ ҂зрне го́дѹ, во в҃ лѣто цр҃ва Алеѯѣѧ Михайловича, въ .є҃. лѣто Іосифа па҃риарха, первой выходъ печа҃.» [34]). Въ концѣ выписей (на об. л. 322) приведенъ иконописный подлинникъ пр. Ефрема: «Єфремъ мни́хъ, носѧща кѹколь, со и҆не́мъ є҆ди́немъ, скѹда̀ брадо́ю, малъ во҆расто́м». По принадлежащей мнѣ рукописи XVII в. подлинникъ пр. Ефрема Сирина изображенъ такъ: «роѹ́съ, ма́ло на҆сѣдъ, брада̀ ме́нши Златоѹстовы, всхимѣ, ри҆ прѣ҆ни҃».

Изъ свѣдѣній, помѣщенныхъ послѣ заглавія изданія, бывшаго въ 1652 г. (а по Сопикову въ 1653 г.), видно, что за книгою св. Ефрема Сирина слѣдовала книга св. Дороѳея [35]). О ней и сообщаются Меншагинымъ: «Сказа́нїе глава́мъ, ко́емѹждо сло́вѹ», т. е. оглавленіе (л. 323), затѣмъ, «предисло́вие вкра́тце Ни́ловѡ», послѣ чего приве-

---

[32]) Очевидно, это № 201 у Сопикова: «Вопросъ о Божествѣ св. Аѳанасія, Архіепископа Александрійскаго; московской печати—въ 8°. Безъ заглавія». Въ выноскѣ прибавлено къ послѣднему слову: «экземпляръ мною видѣнный».

[33]) У Сопикова значится это изданіе (московекое) въ 1653 г. въ листъ (№ 351).

[34]) У Сопикова первое московское изданіе показано болѣе раннее—не въ 1647 г., а въ 1643 (№ 350), въ листъ.

[35]) У Сопикова въ примѣчаніи къ № 2 сказано, что поученія пр. Дороѳея помѣщены также при концѣ книги пр. Ефрема Сирина, напечатанной въ Москвѣ въ 1701 г. и въ другихъ послѣдующихъ изданіяхъ. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Меншагинымъ, видно, что поученія пр. Дороѳея были присоединены уже къ изданію 1652 г.

дено содержаніе каждой главы и «при концѣ слово стагѡ Исаака Сирина» (и чинꙋ новоначалныхъ и ꙋставе»).

Въ заключеніе выписей изъ книги св. Ефрема Сирина и пр. Дороѳея, занимающихъ почти 70 листовъ, сдѣлана Меншагинымъ (съ об. л. 339) слѣдующая замѣчательная приписка:

«Всѧкъ правовѣрный христіѧнинъ, не токмо инокъ, но и мирѧнинъ, прочитаѧ сию кнгꙋ, ꙋмилитсѧ дшею и сокрꙋшитсѧ срцемъ и смиритсѧ ꙋмомъ и послꙋшникъ бꙋдетъ преподобнаго оца нашего Ефрема и житїю его соѡбщникъ, и соꙋченикъ, и воревнꙋетъ к добромꙋ тщанию стыхъ мꙋжей житиѧ и дховнаго подвига и себѣ подвигнет на Бгоꙋгодныѧ дѣтели спасенїѧ ради дши своеѧ».

«И сеѧ ꙋбо ради сладости словесъ стыхъ сихъ дхоносныхъ книгъ преподобнаго оца нашего Ефрема и блаженнаго аввы Дороѳеѧ совершены быша многогрѣшною рꙋкою родомъ города Ѡсташкова Петра Антипова сна Меншагина: пожелалъ из сихъ стыхъ книгъ выбрать вещи, кои на ползꙋ слышащимъ всѣмъ православнымъ хртиѧномъ».

«Аще что, за скꙋдость грꙋбости ꙋма моего, в делѣ семъ ѡбрѧщете что неисправнѡ или погрѣшано, вы же, православнїи читатели и слышатели, исправитѣ, а не клените, человѣческимъ бо и вы подлежите подобострастиемъ, понеже забвение и неразꙋмие надо всѣми нами хвалитсѧ».

«Конецъ и Бгꙋ слава».

Писано 1713 годѣ» [36]).

19. О книгѣ Небо новое, Могилевскаго изданія 1699 г. (л. 350 на об.):

Послѣ подробнаго заглавія прибавлено: «в подесть, листовъ 227».

По сличеніи съ печатнымъ изданіемъ 1699 г., находящимся въ моей библіотекѣ, оказалось, какъ уже было замѣчено, что Менша-

---

[36]) Прославленію Пр. Богородицы посвящены Меншагинымъ выписи изъ нѣсколькихъ печатныхъ изданій, первымъ изъ коихъ является «Небо новое». Раньше, чѣмъ говорить о немъ, нашъ «о св. писаніи снискатель» сдѣлалъ какъ бы введеніе на цѣлой страницѣ л. 350. Приведемъ его начало»: «Повѣствованїе ѿ стыхъ ѿцъ и достовѣрныхъ списателей собранное: ѿ бгослововъ и философовъ и риторей, историковъ и лѣтописцовъ, и многихъ стыхъ ꙋчителей црковныхъ законнико списано, и ѿ многихъ прррокъ і праѡцъ и сѵвиллъ прореченїе».

гинъ передалъ въ своихъ выписяхъ рѣшительно все содержаніе книги, переходя съ одного листа къ другому, безъ пропусковъ, такъ что въ этомъ отношеніи это—трудъ безпримѣрный. Только находящееся въ концѣ книги «короткое зебранье ре́чїй ба́рзѡ потребныхъ» («Алфавитный указатель съ объясненіемъ нѣкоторыхъ реченій») Меншагинъ оставилъ не списаннымъ, ограничившись только приведеніемъ начала; точно также не списалъ «Ѡглавле́нїе чꙋдовъ Пр҃стой Бц҃ы», замѣтивши, что ихъ (т. е. разныхъ видовъ чудесъ) всѣхъ 29 и прибавивъ: «А по҃дробно и҆счислено в кни́ге се́й чюдовъ всѣ́хъ напѣчатано 456 вѣ́рно» [37]).

20. О книгѣ «Руно орошенное» св. Димитрія Ростовскаго (л. 379), черниговскаго изданія 1697 г.:

Выписано заглавіе въ сокращеніи [38]), затѣмъ на поляхъ приписка: «Печа҃чорнаѧ»; далѣе идетъ обстоятельное изложеніе 24 чудесъ отъ иконы Пр. Богородицы въ Ильинскомъ черниговскомъ монастырѣ.

21. О книгѣ «Повѣствованїе ѡ҆ бе҃смертномъ Ꙋспе́нїи Пречⷭ҇тыѧ и преблг҃ословеныѧ Вл҃чцы нашеѧ Бц҃ы и присно Дв҃ы Мр҃їи» (л. 391) [39]):

Обозначено: Книгъ 2, гла^в 21, 22, 23».

На концѣ приписано: «Свидетелствовано в Мине́и че́тьи сие повествованїе слово в слово, напечатано 14 листовъ».

22. О книгѣ «Мессія Правдивый, Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій», кіевской печати 1669 г. (л. 403).

Приведено подробное заглавіе [40]): «Кни́га о҆ Мессїа правдивый Іс҃ъ Хс҃ сн҃ъ Бж҃їи, ѿ початкꙋ свѣта пре҃ все вѣки людем҃ о҃т Бг҃а ѡ҆бѣщанный, о҃т людей о҆чикива҃ный и҆ во ѡста҃ныѧ часы длѧ и҆бавленїѧ людскаго на светъ посла҃ный. При Іноке́нтїи Гизїели Іаникиїмъ Галетовскомъ

---

[37]) Внизу сбоку помѣщена монограмма изъ иниціаловъ Меншагина.

[38]) Какъ можно судить по сличенію съ имѣющимся въ моей библіотекѣ рукописнымъ спискомъ изданія 1683 г.

[39]) У Сопикова подъ № 824 значится въ 4°, безъ означенія года, кіевской печати.

[40]) У Сопикова, подъ № 615, это изданіе озаглавлено просто: «Мессія Правдивый, Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, отъ сотворенія міра людямъ отъ Бога обѣщанный; сочиненія іеромонаха Іоанникія Галятовскаго; съ фигурами; Кіевъ. 1669 г. въ 4°. Рѣдка».

з типографіи Киевопечерской жидови неверномꙋ ро̑ными знаками о Месїи написанными и на Хр҃тѣ выполнены^ми. Рокꙋ 1669».

Затѣмъ: «Сиѧ книга в по̑десть, все̑ листовъ в ней с придисловиами 445», ниже: «на первой стронницы в лица̑ обра̑ Хр҃товъ, по страна̑ апостоли Петръ і Андрей, внизꙋ пророкъ Іезеки̑, во ѡбои̑ рꙋка̑ держитъ по жазлꙋ. На дрꙋгой стороне свѣтѧщїи гербъ Месїи Праведнаго—кр҃тъ Хр҃товъ въ десѧти звѣда̑».

Повѣствуется въ обстоятельныхъ выписяхъ о ложныхъ мессіяхъ, съ полемикою противъ жидовъ.

23. О книгѣ «Рай мысленный» (л. 411):

Приведено подробное заглавіе: «Рай мысленый, в нем же разли́чныѧ цвѣты̀ прп̑бнымъ Стефаномъ Ст҃огорцемъ собраны ѿ Ст҃ѣй Аѳо́нстей горѣ̀, почто ради ст҃ою зовѣ́тсѧ, и ѿ Іверско̑ мн҃ри в той же ст҃ѣй горѣ̀ и̑ ѿ Порта́нской иконѣ».

«Присовокꙋплено̀ же и̑ ѿ мн҃три Іверско̑ Ст҃оезе́рскомъ и̑ ѿ ѧвленїи и принесе́нїи мощей ст҃аго Іа́кова Борови́цкаго в монастырь Іверской».

«В том же мн҃тыри и̑зда́сѧ лѣта ҂зрѯз (1659) мц҃а о̑ктовриѧ к҃н днѧ» [41]).

Все выписано изъ книги обстоятельно съ подробными заглавіями всѣхъ отдѣльныхъ статей.

24. О книгѣ «Апологія» св. Димитрія Ростовскаго (л. 431).

Приведено заглавіе: «А̑полѡгїѧ во ꙋтале́нїе печа́ли чл҃вка, сꙋщего в бѣдѐ, гоне́нїи и̑ ѿзлобленїи вкратце сложеннаѧ» и въ концѣ отмѣчено: «Сиѧ кни́га напеча́тана впо́лдесть, листо́въ в ней 20, пѣчати малоросїиски̑ градо́въ» [42]).

25. О книгѣ «Слꙋжба і̑же во ст҃ы̑ оц҃ꙋ на́шемꙋ Никола́ю Мирликїйскомꙋ архиеп҃кꙋпꙋ и̑ чюдотворцꙋ, с прочими дш҃еполе̑ными ѿ житиѧ і дѣѧнїи его чю̑ᵒтворными творенїи и̑бранны, в лавре Киевопече́рскои 1680 г» (л. 436).:

Особыхъ замѣчаній не сдѣлано, выписано только, между прочимъ, о составленіи книги: «Тщанїе̑м, аще і малоꙋмнемъ нашего не-

---

[41]) По Сопикову (№ 1038) рѣдка.

[42]) У Пекарскаго подъ 1716 г. значатся два изданія Апологіи, одно черниговское, другое (№ 305) безъ указанія года и мѣста изданія; у Сопикова же второе изданіе показано могилевскимъ, въ 4°.

достаточества і несмылства к трудолюбному тщательству ѿ многих ѵревних аже Соборной цркви Московской Бцы Успениа преданных снискахом, елико обретохом, і в тиснение печатнаго дѣла произвѣдохомъ».

26. О книгѣ «Житиѐ и подвизи иже во стыхъ оца нашего Спирїдона, епикупа Тримифунскаго» (л. 444) [43]).

Прибавлено: «Списано стыми Метофрастъ, Никифоръ въ книзѣ 8 в главѣ 10 и 41, Секратъ, книг а слов 8, Созоменъ, книга а глав 11, и Кедринъ в Синоѱе, и ни же здѣ собрано есть».

27. Списано, очевидно, съ рукописи: «Мца марта во .в. днь, преставленїе иже во стых оца нашего Арсениа, епкпа тверскаго, чю: составльшаго обитель прчитыа Бцы Еа Успенна, зовомо на Желтиковѣ, еже ѿчасти житие его Бголюбезное и ѿ чюдесъ сказание» (л. 448).

Нач. «Бголюбенїи, стецемса в памать торжества прпбнаго оца сего бо блженнаго, рода его и отечаства не ѡбретено нами» [44]).

28. Тоже списано съ рукописи: Мца ноемвриа въ кв. днь житие і страдание великаго кнза Михаила Ярославича тверскаго, чю: Блгослови, оче».

Нач.: «О нем же и сладостну повесть вамъ любимцы хощу предложити нн҃ѣ».

---

[43]) Не видно, пользовался ли Меншагинъ печатнымъ изданіемъ, или рукописью.

[44]) На л. 452 Меншагинымъ выписаны «града Твери епкпы: Сѵмеѡнъ, Андрей, Варсонодїи, Феѡдоръ, Феѡдоръ, Василїи, Арсенїи чюдотворецъ, Антонїи, Илиа, Моѵсей Генадїи, Василанъ, Нилъ, Акакїи, Варсонофїи чю: что в Казанѣ, Савва, Феѡдоритъ». Въ этомъ спискѣ пропущенъ седьмой по счету — еп. Евѳимій I (Біографіи твер. іерар. Чередѣева. Тверь. 1859 г.). За епископами выписаны архіепископы: «Захарїи, Феоктистъ Убїенный, Арсенїи, Падноти, Еѵдимїи, Иѡна, Иѡасадъ, Симеѡнъ, Сергиї, родомъ града Ѡсташкова, Каллистъ, ро Малой Россїи»: Здѣсь пропущены: послѣ Іоны—Лаврентій и послѣ Симеона Варсонофій III (митрополитъ).

Послѣ перечня архіепископовъ Меншагинъ приводитъ списокъ князей тверскихъ: «Ярославъ, Михаилъ, чюдотворецъ, Алеѯандръ, Димитрей, Алеѯандръ, Михаилъ, Іоаннъ, Алеѯандръ, Геѡргїи, Борисъ, Михаилъ, Иѡкимъ Убиенной».

У А. В. Экземплярскаго (Вел. и удѣл. князья Сѣверной Руси, т. II) не показанъ послѣдній князь «Иѡкимъ Убїенный», значитъ—онъ не извѣстенъ.

На л. 455: «Плачь кн҃гини Анны».

Нач. «Видивши гро҃ сꙋпрꙋга своего̀ восплакася горки҃ плаче҃».

На л. 456: «Слово ѡ҆ преложенїи чт҃ныхъ мощей ст҃го Миха́ила Ярославича».

Нач. «Завеща Іосифь о костяхъ сн҃омъ Ізра́илевы҃».

29. Тоже взято изъ рукописи: «Мц҃а генвар̀я въ .кн. дн҃ь. Житиѐ и жизнь, прп҃бнго и Бг҃оноснаго ѿц҃а на̀шего Єфрема Архимандрита, Новоторжскаго чю҃творца». Приписано: Борисоглебскиѧ ѻби́тели» (л. 457).

Нач. «Таины цр҃вы добро есть храни́ти, а дѣла Бж҃иѧ подобаетъ ѧвственно проповедати—ѕѣло полезно и праведно»

30. «Кни́га ѡ҆ житїи преп҃бны҃ оц҃ъ Зосимы и Саватїѧ, солове́цкихъ чюдотворцевъ». Повидимому печатная, такъ какъ замѣчено: «в сей кни́зѣ ѻ҃бретаетсѧ главъ 72» (л. 465), а раньше сего, на об. л. 464, относящагося къ статьѣ «ѡ Соловецки҃ чю҃», сказано: «И҆дадесѧ въ лѣто ҂зсз (1699), сей ѻби́тели при архимандрите Фи́рсе» [45]).

31. Какъ дополненіе къ Соловецкому монастырю, Меншагинъ приводитъ (съ л. 473) «Соловѣцкой лѣтописецъ».

Сравнительно съ печатнымъ изданіемъ 1790 г. «Лѣтописецъ» переданъ въ иныхъ мѣстахъ сокращенно; встрѣчаются также разнорѣчія въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, такъ, напр.: вѣсъ въ двухъ серебряныхъ доскахъ къ ракѣ прр. Зосимы и Савватія, пожертвованныхъ бояриномъ Морозовымъ, показанъ 5 п. 12 ф. (л. 479), въ печатномъ же изданіи 1790 г. (стр. 53) - 4 п. 35 ф. 12 зол. Про игумена Иринарха (л. 477 на об.) прибавлено противъ печатнаго изданія: «Іже цели҃ зꙋбнꙋю болезнь». О первомъ посѣщеніи Соловецкаго монастыря Петромъ В. сказано гораздо витіеватѣе

---

[45]) Статья «Ѡ Соловецкихъ чю҃», начинающаяся: «чре҃ многотрꙋдныѧ неꙋдо́бности чл҃вкомъ полезнаѧ при́сно зрѧ́тсѧ», заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія объ основаніи Соловецкаго монастыря, объ украшеніи его игуменомъ Филиппомъ, будущимъ митрополитомъ, который «ка́менными стѣна́ми ѻ҃гради̇, ѧкоже здѣ̀ и҆зѡ́бразисѧ тисненнемъ», затѣмъ описываетъ всѣ монастырскія зданія, храмы и угодья и перечисляетъ чудеса, совершенныя свв. Зосимою и Савватіемъ.

Очень можетъ быть, что «изобразисѧ тисненїемъ» означаетъ гравированный листъ вида монастыря, подобный тѣмъ, которые издавались впослѣдствіи.

противъ печатнаго изданія. «Лѣтописецъ» прерывается вторымъ посѣщеніемъ монастыря Петромъ В. въ 1702 г.

32. О книгѣ, заключающей въ себѣ повѣсть о преподобномъ Варлаамѣ пустынножителѣ и объ Іоасафѣ, царѣ Индійскомъ, слѣдуетъ отмѣтить, что первоначально Меншагинъ сталъ было пользоваться изданіемъ 1637 г. на бѣлорусскомъ языкѣ, заглавіе коего привелъ на л. 487: «Гисто́рїѧ а҆́лбо правдивое, выписанъ ст҃го Іоанна Дамаскина̀ ѿ житїи ст҃ыхъ пр҃бны҃х оц҃ъ Варлаа́ма, Іѡса́фа і҆ ѡ҆на верненъю і҆ндиѧнъ. Стараньемъ і҆ кошто҃м ї҆ноковь ѡ҆бщежителнаго м. кꙋтейскаго ново з грѣцкаго и҆ словескаго на рꙋскиї ѧзыкь преложена. Рокꙋ ҂а҃хлз гѡ» [46]).

За заглавіемъ помѣстилъ Меншагинъ слѣдующія библіографическія замѣчанія: «Всехъ главъ, положенны҃х в той книзѣ, на кото́ромъ найдꙋючи҃хсѧ 40, а листовъ 363; напечатана в полдесть».

Однако онъ не рѣшился исполнить трудную работу—передать содержаніе книги по главамъ съ бѣлорусскаго текста, подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ съ бѣлорусскимъ изданіемъ книги «Небо новое» (см. № 19), почему досталъ московское изданіе 1681 г., коимъ и пользовался далѣе. Заглавіе этого изданія приведено на об. листа 487: «Во сла́вꙋ ст҃ыѧ Тро́ицы, повеле́нїемъ Цр҃ѧ Ѳеѡ́дора А҆лезїевича, бл҃гословение҃м Кѵръ Іѡ́кима па҃триа҃рха всеѧ росиї, издадесѧ книга сїѧ, содержащаѧ і҆сторию, и҆ли повѣсть ст҃го Іѡ́анна и҆же ѿ дамаска ѡ҆ пр҃пдобне҃м оц҃е Варлаа́мѣ пꙋстынножители и҆ ѡ҆ і҆ѡсафе, ц҃ре і҆ндиїстемъ, въ Москвѣ, в типографїи вѣрхней, в лѣто ѿ со҃даниѧ мира ҂зр҃пѳ, ѿ Рожества Хв҃а ҂а҃хпа, и҆нди́кта д҃. мц҃а сентевриѧ» [47]).

За заглавіемъ слѣдуетъ предисловіе къ читателю (въ стихахъ), затѣмъ: «О҆главле́нїе вещей, ѡ҆бретающихсѧ в книзѣ сей», и замѣчаніе: «Всехъ главъ 40, напѣчатана вдесть; всѣ҃х листовъ 230; тꙋ стихїры і҆ кано́нъ—положены ст҃ы҃м.

Потомъ идутъ «Стиси краесогласнїи в похвалꙋ пр҃пнаго оц҃а на́шего Іѡсафа, цр҃ѧ Індинскаго», числомъ 4. Послѣ нихъ выписано:

---

[46]) Сопиковъ, № 440: «На бѣлорусскомъ языкѣ, переведена іеромонахомъ Іоасафомъ Половко; въ монастырѣ Кутеинскомъ, 1637 — въ 4». «Рѣдка».

[47]) Сопиковъ, № 439, тоже изданіе рѣдкое.

«На страні́цѣ к лицꙋ̑ корлаа̑ Ішса́фъ црвъ седа́шна».
«Се варлаамъ кꙋпецъ блгін, вѣры камень аки драге́н.
Ішсафъ познаваетъ, ако свѣтъ і просвещаетъ».

Передано содержаніе всей повѣсти весьма обстоятельно, одна глава за другою, и присоединена въ стихахъ «Молитва стаго Ішса́фа к пꙋстыню входаща».

Нач. «Бже, оче всемогꙋщіін,
Бже, сне присносꙋшный».

33. Ѻ авле́ніи і чюдесехъ прстыа Бцы То́лскиа» (л. 507)—списано, или, лучше сказать, выписано изъ рукописи съ присущею Меншагину обстоятельностью.

34. О книгѣ «Прологъ» (л. 510) сдѣлано характерное введеніе, принадлежащее перу Меншагина:

«Книга сиа ползоду̑ше́вная выписана из ра̑ныхъ свтых Бгодꙋхновѣных печа́тъных и писменых книгъ для спасениа і по̑зы дши всѣм читающим и слы́шащим православным хртианомъ. Начата же писати и іс книгъ збирати многогрешною рꙋкою ѿ Адама лѣта ҂зр҃ѯа го[дꙋ], о̑ Рожества же по плоти Бга Слова ҂ахвi го[дꙋ]» [48]).

На послѣднемъ листѣ приложено краткое оглавленіе всего томика.

П. Ф. Симсонъ.

[48]) Съ л. 544 по 555 идутъ выписи изъ рукописей болѣе отрывочнаго характера, напр. о св. иконѣ Пресвятой Богородицы, «аже глетса Троерꙋчица», съ замѣчаніемъ въ концѣ: «Написана сіа таблица (т. е. свѣдѣніе о св. иконѣ) вѣдѣніа ради, сомнѣніа имꙋщимъ ѿ іко́нѣ сей Прстыа Бцы Троерꙋчицы, лѣта ѿ Ржтва Хва ҂аѱк го́дꙋ іꙋліа дна к го».

Лѣтописецъ Воскресенскаго монастыря, что у Соли Галичской.

Этотъ Лѣтописецъ съ большими сокращеніями и очень неисправно впервые былъ напечатанъ, авторомъ, подъ псевдонимомъ S., въ «Москвитянинѣ» 1842 г. № 3, стр. 259—263 подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи города Солигалича, собранныя изъ сохранившихся въ Солигаличѣ записокъ, преданій и другихъ источниковъ». Но это было не болѣе какъ перечень краткихъ упоминаній о Солигаличѣ въ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ памятникахъ.

Точно также не вполнѣ правильно этотъ Лѣтописецъ былъ напечатанъ въ одной изъ книжекъ Трудовъ Костромской Архивной Комиссіи.

Представляя списокъ Лѣтописца изъ сборника, принадлежащаго древлехранилищу М. П. Погодина, съ рѣдкой рукописи XVII вѣка, № 1612, обязательно списанной мнѣ подъ редакціей библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки (гдѣ хранится эта рукопись), И. А. Бычкова, я позволяю себѣ, на основаніи изслѣдованій покойнаго академика А. Ѳ. Бычкова *), сдѣлать описаніе этой рукописи.

Выше указанный сборникъ, составленный изъ нѣсколькихъ статей, заключаетъ въ себѣ на л. 204 об. такъ называемый Лѣтописецъ Воскресенскаго монастыря, что у Соли, писанный кудреватымъ почеркомъ XVII вѣка. Этотъ Лѣтописецъ содержитъ въ себѣ извѣстія о князьяхъ Ветлужскихъ и Хлыновскихъ, о построеніи близъ Чудскаго озера на р. Костромѣ Воскресенскаго монастыря, о разореніи его и проч. Карамзинъ почему-то считаетъ всѣ эти извѣстія сказочными (Исторія Госуд. Росс., т. IV, прим. 327). Лѣтопись начинается 1332 г., когда, по пріѣздѣ русскихъ князей изъ

*) Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки, стр. 215.

Орды, Кострома и Галичъ достались въ удѣлъ кн. Семену Ивановичу; послѣ его смерти они перешли къ его сыновьямъ, при чемъ Ѳеодору достался Галичъ, а Андрею—Кострома. Затѣмъ повѣствуется о враждѣ князей между собою и о томъ, что князь Ѳеодоръ ѣздилъ къ кн. Кіевскому и Московскому съ просьбой ихъ помирить; о прибытіи Печерскаго игумена Даніила, который, по просьбѣ кн. Ѳеодора, отпустилъ на игуменство въ его вотчину старца Аѳанасія, и объ устроеніи княземъ у своего двора Спасскаго монастыря. Подъ 1335 г. говорится о чудномъ видѣніи и объ основаніи Воскресенскаго монастыря *), о постройкѣ церкви и о дарованіи монастырю имѣній и тарханныхъ грамотъ. Въ 1341 г. скончался кн. Ѳеодоръ Семеновичъ, постриженный въ иноки подъ именемъ Ѳеодосія; его похоронили во Владимірѣ. Послѣ него остался 12-лѣтній сынъ Андрей. У Андрея въ 1350 г. родился сынъ Иванъ «и нарекоша имя ему Василій». Въ 1351 г. описывается нападеніе кн. Никиты Ивановича на Галичскаго кн. Андрея; послѣдній одержалъ верхъ. Въ 1352 (въ рукописи 6850) году кн. Андрей посылалъ въ Ветлугу къ кн. Никитѣ Ивановичу и на Кострому къ своему дядѣ Андрею Семеновичу съ просьбою объ отдачѣ принадлежащихъ ему вотчинъ; получивъ отказъ, онъ ихъ выжегъ. Въ 1354 г. приходилъ кн. Никита Ивановичъ съ луговою черемисою на Галичскаго князя Андрея Ѳедоровича и потерпѣлъ пораженіе. Въ 1355 г. кн. Андрей Ѳедоровичъ пріѣхалъ въ Воскресенскій монастырь и построилъ около него острогъ для охраны. Въ 1356 г. кн. Андрей Семеновичъ пришелъ съ войскомъ на Галичскаго кн. Андрея Ѳедоровича, а кн. Никита Ивановичъ напалъ на Воскресенскій монастырь: первый былъ прогнанъ, а послѣдній разбитъ. Въ 1360 г. кн. Галичскій, Андрей Ѳедоровичъ, пошелъ войною на Костромского князя, пожегъ посады на Костромѣ и разбилъ кн. Никиту Ивановича у Судиславля. Въ 1361 г. былъ голодъ. Въ 1362 г. приходили войной на Галичъ кн. Никита и кн. Андрей; они были разбиты. Кн. Никита потерялъ двухъ сыновей: кн. Гаврилу убили, а кн. Юрія взяли въ плѣнъ; сынъ князя Андрея, кн. Димитрій, также взятъ въ плѣнъ. Въ 1366 г. приходили суздальскіе воеводы, племянники Хлыновскаго

*) Моя книга «Упраздненные монастыри Костромской епархіи», стр. 2.

кн. Андрея, и бились съ кн. Андреемъ Галичскимъ на устьѣ рѣки Вексицы у св. Николая на Староборгскомъ. Въ 1375 г. пришли на Галичскаго кн. Андрея Ѳедоровича кн. Никита съ Ветлуги, кн. Андрей Суздальскій, кн. Юрій Васильевичъ, казанскіе воеводы и луговая черемиса; одни изъ нихъ подступили подъ Галичъ а другіе, съ кн. Никитою во главѣ, подъ Воскресенскій монастырь, который былъ ими сожженъ, а игуменъ, братія и всѣ люди изсѣчены; и отъ того времени Воскресенскій монастырь запустѣлъ. И наказалъ Богъ за это кн. Никиту: въ его княжествѣ появилась болѣзнь «корчанная», отъ которой умерли всѣ жители Хлынова. И послѣ того времени еще много было кровопролитія.

Этимъ годомъ и заканчивается Воскресенская лѣтопись; послѣднія записи, очевидно, уже сдѣланы послѣ.

Ан. Титовъ.

Къ докладу А. Титова.

Въ лѣто ҂ѕ.ѡт м҃ году приѣхали изъ орды вьси кн҃зи рус҃ти и достало(с) к удѣл кн҃зю Семену Ивановичю Кострома да Галич и кн҃зь жил годь и престави(с) и остали(с) два сн҃а кн҃зь Θедор да кн҃зь Андреи и кн҃зю Θедору Семеновичю достало(с) Галич а кн҃зю Андрею достало(с) Кострома и кн҃зь Андреи женился у Ветлуского ис хеленова города у кн҃за Никиты Івановича Баибороды и межь собою брата враждовали кн҃зь Андреи съ Θедоромъ и къ Киевскому і Московскому ѣздиль мири-ти(с) и помирили(с) со кн҃зем Никитою Івановичем и з братом Андреем и Московскои велми жаловал кн҃за Θедора Семеновича і в то время пришел Печерско игумен своими ученики именем Даниль а был он во святои горѣ і во Еросалиме і во многих святых мѣстех и кн҃зь Θедорь Семенович ходил къ Данилу игумену и благословился у него и просил у него от очины(с) свою вотчину старца на игуменство игумен Данил видѣв вѣру и желание его и благослови его и дал ему ученика своего именем Аѳа-насиа постриженика Печерскаго монастыря а с ним два старца именем Романа да Тихона и княз Θедорь и кн҃зь Θедорь Семенович к митрополиту ходил Аѳанасіа на игуменство прошал і митрополит благословил и по-ѣхал кн҃зь Θедоръ Семенович съ великою честию и кн҃зь Θедорь Семенович приѣхал да посадил на игуменство Аѳонасиа у с҃таго Спаса и устрои монастырь у своего двора и брати наполся числомъ до семидесят. а жил ігумен Аѳонаси у Спаса Г годы В лѣто ҂ѕѡ МГ быть явлени против велика дн҃и кн҃зю Θедору Семеновичю да игумену Аѳонасию кнзь Θедор Семенович у с҃таго Спаса вьнутри города Галича деяниа слушает а отць его духовны игумен Аѳонасеи в тоі же в цр҃кви и кн҃зь Θедор Семенович отслушав деяниа (и послуша) и пошел во свои хоромы а игумен Аѳонасеи поіде за ним же въ паперть і вьнезапу свѣть явиса великъ сияюще на западно странѣ и на западно странѣ аки зара преклонаше от небеси і к земли и подиви(с) кн҃зь Θедорь Семенович неиз-реченому тому сиянию и глагола отцу своему духовному игумену Аѳонасию отче мои духовны что се есть знамение сияюще от небеси и глас бытъ от небесе и глагола о княже дерзаи Бог вѣды желание твое и обидех страх вьсѣх и быша яко мертви и кн҃зь бытъ во страсѣ

ї трепет велицеи и глагола кн҃зю Ѳедору Семеновичю на том мѣсте хощет Богь восиѧти благдатню Бж҃иею се же не бы҃тъ знамениѧ и разыдошасѧ кн҃зь Ѳедор поїде во свою полату а игумен поїде во цр҃ьков на свѧтои же недѣле вь четвергь в пѧты час дни идущу кн҃зю Ѳедору Семеновичю в мн҃тыр ст҃аго Спаса гром бы҃тъ велми страшен и бы҃тъ столпъ от небеси на тої же странѣ и подивис кн҃зь неїзреченому тому чюдеси се їже и не бы҃ть зьнамениѧ приїде кн҃зь вь цр҃ьков и плакасѧ ї молѧсѧ пред образом Гд҃а Бога и Спаса нашего Исуса Хр҃ита и глагола даї же ми ѡ влакоиде цр҃ю їсполнити твою заповед еже ѡбещахсѧ тебѣ млосердому и отслушах бж҃ественаго пѣниѧ повѣдаи отцу своему духовному како видѣ столпъ огненъ и гром слыша и глагола игумен кн҃зю Ѳедору еже годѣ Гд҃ви такои будеть совѣтовалъ же кн҃зь Ѳедорь со ѡтцем своїм духовным игуменом Аѳонасием и своими кн҃зи и боѧры чтобы ѣхати на ту страну на неї свѣтъ видѣ и повелѣ и кн҃зь окрестъ тоѧ страны живущи люди призвати себѣ крестьтиѧне же повѣдаху ту страну пусту и не живущу от людеи се же бы҃тъ се же бж҃иїм промыслом повѣдал кн҃зь Ѳедоръ Семенович на ту страну на великои лѣс и наѣхал Чюдское ѡзеро и ѡколо ѡзера того живут чюд кн҃зь же повелѣ ѣхати а собою їдущу же кн҃зю ѡбретоша на том лесу великом чл҃вка нѣкоего именем Гаврила Давыдова сн҃а из Твери града. того же чл҃вка приведоша ко кн҃зю и кн҃зь Ѳедорь Семенович спросил чл҃вка того ѡт кое страны еси он же повѣда ему изо Твери града ї спросиль кн҃зь отчего ты пошел изо Твери и то чл҃вкъ рече хотѣл менѧ кн҃зь убити Тверскои и дом мои разбити и разграбити изыдохъ на сеи лѣс дикои з҃і лѣтъ имѣю у себѧ восмъ сновъ да шесть дщереи и повѣл ему кн҃зь тако видѣ свѣтъ и како столпъ свѣтел и громъ слыша и чл҃вкъ тои тожь тожь сказа кн҃зю живыѧ гд҃нине от того мѣста д҃ поприща и глагола кн҃зь живи ты чл҃вче на сем мѣсте и до вѣка и кн҃зь Ѳедорь Семенович приѣхал на мѣсто на реку имени тои рекѣ не увѣдаша и посла вьскоре рекою въ лаидецѣ вьниз и приѣхаша ко граду Костромѣ и возвратишас посланники ко кн҃зю и увѣдал кн҃зь имѧ рецѣ тои и бы҃ть Кострома река мѣсто бѧше велми то лѣстнои и совѣтовав кн҃зь Ѳеодор Семенович со ѡтцем своим духовным и со своими кн҃зи и боѧры чтобы на том мѣсте воздвигьнути цр҃ьков Воскресение Гд҃а Бога и Спаса нашего Исуса Хр҃ита понеже воскресение свѣть

видѣл и монастыр устроити и по благословению игумена Афонасиа сам кнзь нача лѣс сѣчи і вси кнзи его и бояре и разпространи мѣсто и основаша црков во цркв Воскресение Гда Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на Вознесение денъ на праведнаго и совершиша цркв на Іоаннъ де велми чюдну отвсюду баше видѣти еа а высоту еа лг саженеи и украси ю велми чюдну иконами чтными посади ту игумена Афонасиа и устрои мнтырь и келара постави имянем Романа и повелѣ кнзь Федор Семенович и своих отчинъ на тот лѣс хрестьтиан находити изъ ыных вотчинъ из велуских ис кросмъских і жил кнзь Феодор Семенович пят мѣсецов и десатъ днеи и кнзь Феодоръ Семенович учал ѣздити къ Свѣтлому Воскресению Христову и вѣру держати нача велию и с кнзи и бояре ины от многих стран прихожаху во обител Воскресениа Христова и окрест мнтыря того давал кнзь села своа любимые і волости иных вотъчинах и удѣл покупил да в тои мнтырь давал отдал кнзь Феодоръ Чюскова озера двѣ трети да Галицкого озера четверъ і во всех реках рыбнаа ловла и грамоты подавал тарханные братии числом множество і всѣмъ изобилствова Въ лѣто ҂ѕѡмд е кнзь Феодоръ Семенович разболѣся и привезли его к мнтырь болнаго мца маиа въ і де постриже кнзь Феодор Семенович к обители Воскресениа Христова нарекоша има ему во иноцех Феодосиі тоа же нощи преставис и остаса у него снъ имянем Андреи ві лѣтъ и повезоша его кнза Федора Семеновича въ Володимер и положиша его у Пречистыа Бдецы и посла живота своего кнзь Федор Семенович велѣл подавати сну своему к Свѣтлому Воскресению Христову і волости и села и деревни и дал кнзь Андрѣ Феодорович к Воскресению Христову пол трети тысащи серебра да двѣсти золотых да н блюд серебраных да ѕ стопъ серебраных да двѣ золоченых да патеры ризы камъчатые да потиры золотои да три блюдца серебраных и золочены да звѣзда золотаа да кадило серебраное да еі конеи болших да сорокъ лошадеи да двенацет сотъ хълѣба да три тысачи овса і велѣлъ велию вѣру держати сну своему Андрѣю и кнзь Андрѣи Федорович часто ѣзда в монастыр молититиса и милостыню доволну давати Въ лѣто ҂ѕѡни мца марта родиса кнзю Андрѣю Феодоровичю снъ Іванъ и нарекоша има ему Васили Въ лѣто ҂ѕѡнд пришел кнзь Никита Іванович Безъвѣстнои на Галицкого кнза Андрѣа и Богъ пособил кнзю Андрѣю кнза Никиту прогонил на дикие лѣсы

за рекꙋ за ꙋтжꙋ Вь лѣто ҂зѡн посла^л послы кнзь Андрѣи Ѳедорович на Ветлꙋгꙋ ко кнзю Никитѣ Івановичю да на Котромꙋ да^де своемꙋ кнзю Андрѣю Семеновичꙋ чтобы его котъчины отдали и кнзь Никита да кнзь Андрѣи посла его и ограбили а емꙋ приказали не видати тебѣ тѣх вотчин до века и кнзь Андреи Ѳедорович ходил с великою силою да тѣ вотчины выжегль всѣ промеж ими Вь лѣто ҂зѡѯв приходиль кнзь Никита Іванович сь лꙋговою черемисою на Галичкого кнза Андрѣа Ѳеодоровича и кнзь Андрѣи Ѳедорович кнза Никитꙋ прогонил а черемиских люде всѣх побил на голодꙋ Вь лѣто ҂зѡѯг приежал кнзь Андрѣи Ѳедорович кь Воскресению Христовꙋ молитися да совѣтовал со отцемъ своимъ дꙋховным игꙋменом Афонасием и со своими кнзьями и боляры поставити около монастыря того острогь дѣла воинских людеи и снарад подавал и огнено^и бои ї всякою воинскꙋю и головꙋ приставил боярина Івана Василевича Золотарева ї к тои шбители благодатию Христовою обилна Воскресения Христова всѣм їсполниса и брати исполнисъ числомь ткд брата а вотчины того монастыря пол одинацати сохи присꙋдныи волостен л. сохь на Костромѣ на рекѣ три мелницы на рѣкѣ на Селекѣ мелница да на речкѣ на Векъсице мелница да на Сꙋхоне селце Басинское и з деревнами кꙋпленое а по ним два езза да отокъ да озерцон и приезжахꙋ от іных стран и градов из дальних мѣстъ и прилагахꙋся кь свѣтломꙋ Воскресению Христовꙋ и постригахꙋся вькꙋпѣи и с отъятие власов и слава проиде от всюдꙋ о святоі тои лаврѣ и о жити иночестем не терпя же врагь искони завистию и прелестию диаволею вложи вь срдце мысль кнзю Никита да кнзю Андрѣю разоримъ шбитель и обращем богатество безчисленое Вь лѣто ҂зѡѯѕ приходил кнзь Андрѣи Семенович на Галицкого кнза Андрѣа Ѳедоровича на своего племянника воінною а кнзь Никита Іванович Безвѣстно^и на Воскресенскꙋю шбитель и Богь пособил кнза Никитꙋ побили и кнза Андрѣа Костромскова прогнали а людеи ꙋ них ꙋбили до трех тысячъ Вь лѣто ҂зѡѯиг кнзь великиі Галицкой Андрѣи Ѳедоровичь собрал многꙋю ратъ ходил воінною на Костромского и на Котромѣ посады пожегль и люде^и побил и шел на пособь кнзь Никита Іванович ї сѣхалися на Сꙋдиславлѣ и бытъ ї^м бои великъ пособил Богь кнзю Андрѣю кнза Никитꙋ побити Вь лѣто ҂зѡѯдг бытъ гладь великъ кꙋпили болшꙋю мѣрꙋ вь ѯ алтнъ а стоял годь Вь лѣто ҂зѡо приходили воінною кнзь Никита да кнзъ Андрѣи на Галичь

і воевали три недѣли и у кнѕя Никиты сна убили имене кнѕя Гаврила а другаго полонили кнѕя Юрья а у Котромскаго и кнѕя Андрѣя сна же кнѕя Димитрея а побили у них и полонили четыреста члвкъ Въ лѣто ҂ѕѡѳ приходили суздалские воеводы кнѕь Данилои Борисовичъ да кнѕь Юреи Василевич да кнѕь Михаило Димитреевич племянники кнѕя Никиты Хлыновского и бились со кнѕем Андреем Галицким на рекѣ на Вексице на Устье у стаго Николы на Старобогном на том бою кнѕя Данила убили кнѕя Михаила ранили а полонили и убили у них тысячю члвкъ и триста Въ лѣто ҂ѕѡпг пошли на Галицкого кнѕя Андрѣя Феодоровича многие удѣлы кнѕь Никита с Ветлуги да кнѕь Андреи з двема сны да Суздалской кнѕь Юреи Василевич с великою силою да казанские воеводы Анбердаи Зермозѣевич да Елгидѣи да Казак Арьзиневичъ да луговая черемиса а пришли на вое кнѕь Андрѣ Семенович да кнѕь Юрье да казанской Анберда пришли под Галичъ по город со многими людми а кнѕь Никита с нагаискими людми і воеводами и с луговою пришли на Унже да пошел Унжею вверхъ да из Унжи Вигою вверхъ да под Воскресенской мнстырь пришел безвѣстно и бились по три дни и за умножение грѣхов стали погание одолевати и увѣдали того мнстыря слуги и крестьяне что быти і острогу взяту а имъ побитым и послаша і велия дары и кнѕь Никита и нагаские воеводы дары приняли і велѣ им из женами из детми из града выити и увѣдал тотъ совѣтъ игуменъ и братия вся и повелѣ ихъ призывати во церков и нача і увещати от бжественнаго писания братия послушаіте Гдь нашь Исус Христос своею волею нас ради грѣшных изволи смерть вкусити от своих рабъ поругание прияти да нас избавил ны первыя клятвы и грехи на крестѣ пригвоздил и рукописание разтерза пострадавше братие и мы Бога ради да нас Гдь избавит вѣчныя муки аще братие и мы нынѣ не умрем то и смерти нам не минут же ся аще нынѣ умремъ то мученическою смертию скончаемся тако глаголет Гдь влась главы вашея не погибнет в терпении вашем стяжите душа ваша и поучив і от еуглия и от іных книгъ они же обещастася страдати Бога ради святче Бжиі то готови есми умрети за святую вѣру и увѣдал кнѕь Никита и поганые что поучением игумениим и слуги и крестьяне совѣтъ і оставили обѣщались умрети за истинную вѣру и за святую обител поганиих и скрежатаху зубы своими на игумена и на святую обител и кликнуша что обы они из града вышли они же выдоша и

побиша їⷯ многиⷯ огорчиса велмы ї сташа приⷭтꙋпати и поⷣметь во-
зити и зароша острогь братиа же возлага на себа схимы своа
ї мирьсти людие причащахꙋса бжⷭтвеⷩномꙋ тѣлꙋ и крови Гдни при-
готовлахꙋса на добръ подвигь мцⷭа агꙋста въ иі дⷭе запалиша ѡбитеⷧ
и братию изьсѣкоша ї вьсѣⷯ люде оⷮ мала даже до велика и обретоша
великое богатетво и около тоа ѡбители ї волости и села пожьгоша
и поплениша и поїдоша тѣмь же пꙋтеⷨ ї в то времѧ кнзь Адреи поⷣ
Галичеⷨ кнза Адрѣꙗ Семеновича да с кнземъ Юрьемь Адрѣевичемь
гнаⷧса на Ветлꙋгꙋ подь хълыноⷨ ї в то времѧ пришеⷧ кнзь Никита
и его не выдаⷧ да поставиⷧ с нимъ дѣло и Адрѣевы воїны поїмали
и азыки привели въ стаⷩ кнзю Адрею Галическомꙋ и ꙋчаⷧ їⷯ кнзь Адрѣи
пытати что ꙋ васⷭ за прибылые люди поавилиⷭ и азыки сказали кнзь Ни-
кита Воскресенско монастырь повоевали ї выжегль и братию присѣкль
ꙋсьлышавⷭ же то и кнзь Адрѣ Федоровичь и пометаⷧ вьсю свою силꙋ и
поѣхаⷧ невеликими людми и приѣхаль на мѣстои на горское не ꙋвидаⷧ
цръкви Воскресенна Христова и повалиⷧса с кона своего и нача плакати
и кричати велми и понесоша его на силаⷯ и посла кь Спасꙋ по игꙋмена
Илариона приѣхаⷧ игꙋмеⷩ со свѧщенники и диаконы и збирахꙋ мертвы
и погребахꙋ и оⷮ того времени запꙋстѣ монастырь Воскресенскои и по-
пꙋсти Богь кнзю Никите приїде на его землю болѣзнь корькочьнаа
изомроша вьси и погибе граⷣ хълыновъ и после того времени много кро-
вопролитиа было Вь лѣто ҂ѕцлз пришли татарова на Галичь безвѣстнои
и на кнза Юрьа Димитреевича стоали того Галича мѣсецъ на Креще-
ние Христово пришеⷧ Костромꙋ взали да плесо да лꙋгь Вь лѣто ҂ѕцли
бысть размѣрение кнзю Василью Василевичю со кнзеⷨ Юрьеⷨ Димитреевичеⷨ
ѡставя кнзь Юрье свою ѡтчинꙋ да сѣⷣ вь Новѣгородѣ в Нижнеⷨ Вь
лѣто ҂ѕцлѳ кнзь вечикиї Василеи Василевичь да кнзь Юреи Димитреевичь
сперьшиса ѡ великоⷨ княжени и пошли к ордꙋ ко црю Махьметꙋ и црь
пожаловаⷧ кнза Василья Васильевича великиⷨ княжениеⷨ а кнзю
Юрью даль Димитровъ Вь лѣто ҂ѕцма поїде кнзь Юрье Димитровичь
к Москвѣ ратью встрѣтиⷧ его и кнзь великиї Василеи ратю на Клѧзме
побиⷧ кнзь Юрье и сѣⷧ на великое княжение того же лѣта кнзь Ва-
силеи пришеⷧ на Костромꙋ ратю и то слышавⷭ кнзь Юрье Димитроевичь
и приїде ратю же на Костромꙋ и ста на сеи странѣ Волги и смири-
шаса со кнзеⷨ Васиемъ и даⷧ емꙋ ꙋдѣⷧ Коломнꙋ Вь лѣто ҂ѕцме кнзь

великиї Василе Василевич собрал многую ратть и приїде на кнзя Юрья ко граду Галичю и кнзь Юрье Димитроевич забежал на Бело ѡзеро и кнзь Василеи град зажегль и пленил тоя же ветны приїде кнзь Юрье ратю к Москвѣ на вербнои недѣле с нимъ три сны его тоя же слышав кнзь великиї Василеи и поїде против его ратю и бытъ им бои великъ поможе Богь кнзю Юрью кнзь великиї Василеи збежал вь великиї Новгород и сѣл на великое княжение того же лѣта преставис кнзь Юрье Димитроевич на Москвѣ мца июня того же лѣта кнзь Василеи Юрьевич збежал во Ржеву а кнзь Василеи Васильевич приѣхал на Москву и сѣл на великое княжение Вь лѣто ҂ѕцмг бытъ бои великому кнзю Василью Василевичю со кнзем Василемъ Юреевичем мца генваря въ ѕде межь града Ростова и Ярославля и поможе Богь кнзю Василю Василевичю Вь лѣто ҂ѕцмд бытъ бои великому кнзю Василью Василевичю со кнзем Василемъ Юръем Юревичем поможе Богь кнзю Василю Василевичю ратъ побил а самого и поимал и очи ему выралъ кнзю Василю Юрьевичю Вь лѣто ҂ѕцнд февраля въ ві де кнзь великиї Димитре Юрьевич Щемяка поїмал великаго кнзя Василя Васильевича вь црькви троицы у Сергия чюдотворца и привезоша его к Москвѣ ї выдра ему очи и послал его на Углеч со княгинею и з детми Вь лѣто ҂ѕцне збежаль кнзь великиї Димитреи Юрьевичъ Щемяка сь Москвы с великою книгинею переграбря вьсѣх а кнзь Василеи приѣхаша с Волгы и сѣл на великое княжение Вь лѣто ҂ѕцнз посла кнзь великиї Василеи воевод своих ко граду Галичю на кнзя Димитрея Юрьевича и бытъ им бои под Галичем великъ генваря вь кѕде и поможе Богь воеводам великаго кнзя Василья градъ Галич вьзяли а кнзь Димитреи збежал вь Новгород Великои а люде убили на озере м тысяч и кнгиню Анну поїмали и привезли еѣ к Москвѣ и кнзь великиї сослал ея вь Кратьное вь болшее селцо Балыновои данные сельца подавал и княгиня Анна после живота своего дала ѡна то селцо Балыново к Воскресению Христову при гуменѣ Прохоре Вь лѣто ҂ѕцѯа преставис кнзь великиї Димитреи Юрьевичъ Шемяка въ ликом Новѡгородѣ.

Къ вопросу о выдѣлкѣ орудій каменнаго вѣка.

Еще покойный тверской археологъ А. К. Жизневскій отмѣтилъ [1]), что берега Волги въ предѣлахъ Тверской губерніи «можно сказать, усѣяны орудіями каменнаго вѣка».

Справедливость этихъ словъ подтверждается съ каждымъ годомъ. Такъ въ настоящее время имѣю я возможность сказать, что по теченію Волги внизъ отъ Ржева на протяженіи 90 верстъ недавно обнаружено не менѣе 18 стоянокъ каменнаго вѣка, именно 10 стоянокъ на лѣвомъ берегу и 8 на правомъ [2]).

Сверхъ сего въ нынѣшнемъ году обозначились три стоянки въ низовьяхъ Вазузы и лѣваго ея притока Осуги, недалеко отъ Зубцова [3]).

Со всѣхъ этихъ стоянокъ имѣется въ моемъ собраніи болѣе или менѣе достаточное количество каменныхъ орудій, именно около 600 экземпляровъ, относящихся при томъ къ разряду общепризнанныхъ орудій, о коихъ не можетъ быть спора. Всѣ они носятъ слѣды болѣе или менѣе совершенной обработки. Для болѣе удобнаго пользованія означенными орудіями, какъ матеріаломъ для будущихъ

---

[1]) Тверской музей 13 іюня 1892 г., стр. 6.

[2]) Стоянки на лѣвомъ берегу: 1) подъ орѣшникомъ ниже Ржева, 2) подъ Опоками, 3) у Махерева, 4) у деревни Антоново, 5) четыре версты выше Зубцова, противъ Парузинскаго лѣса, 6) 5 в. ниже Зубцова, 7) 7 в. ниже Зубцова, 8) подъ Старицей, 9) подъ Холохольнею, 8 в. ниже Старицы, 10) 13 в. ниже Старицы, выше Спаса.

Стоянки на правомъ берегу Волги: 1) противъ Махерева, 2) ниже Зубцова 13 в., 3) ниже Зубцова 15 в., 4) 10 в. выше Старицы, противъ деревни Ѳедурнево, 5) 6 верстъ выше Старицы, 6) подъ самой Старицей, 7) 5 в. ниже Старицы, 8) 30 верстъ ниже Старицы, у дер. Бродъ.

[3]) Именно: 1) по Осугѣ, на лѣвомъ ея берегу, 3 в. выше Ѳомина Городища, 2) подъ самымъ городищемъ, у устья Осуги, 3) на правомъ берегу Вазузы, выше Зубцова рѣкою, 8 в.

изслѣдованій, съ нихъ, въ натуральную ихъ величину, сняты мною собственноручно рисунки, и орудія каждой стоянки представляютъ особую тетрадь альбома обыкновеннаго листового формата, каковой альбомъ и имѣю честь представить благосклонному вниманію г.г. участниковъ Съѣзда.

Позволяю себѣ думать, что для археологовъ Костромского края, какъ лежащаго по Волгѣ, будетъ не безъинтересно ознакомиться съ явленіями въ области каменнаго вѣка, наблюдаемыми мною въ предѣлахъ Тверской губерніи на одномъ изъ участковъ нашей великой рѣки, служившей съ незапамятныхъ временъ главнымъ путемъ при передвиженіяхъ первыхъ волжскихъ насельниковъ съ В. на З. Явленія эти должны быть аналогичны съ тѣми фактами, которые либо уже обнаружены, либо обнаружатся и въ Костромскомъ краю.

Находимыя по берегамъ рѣчныхъ стоянокъ—въ размывахъ наносныхъ ледниковыхъ террасъ—каменныя орудія представляютъ для собирателя матеріалъ болѣе обширный и интересный, нежели орудія, извлекаемыя изъ раскопокъ кургановъ и могилъ.

Не говоря уже о томъ, что съ мѣста стоянокъ, гдѣ, при наличности кремня и другихъ подходящихъ породъ, *происходила всегда фабрикація самыхъ орудій* [4]), можно получить цѣлый инвентарь каменныхъ орудій, попадается еще много орудій не оконченныхъ отдѣлкою—въ разныхъ ея стадіяхъ, что въ высшей степени интересно и даетъ возможность дѣлать кое-какія обобщенія и выводы.

Прежде всего бросаются въ глаза одни и тѣ же явленія, наблюдаемыя на всѣхъ стоянкахъ [5]).

Масса кремневыхъ обломковъ и характерныхъ отколовъ длинными полосами, сосредоточенная на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ, указываетъ на выдѣлку ножей, ножичковъ и наконечниковъ стрѣлъ такъ называемаго Маделенскаго типа; тутъ всегда есть типичные нуклеусы. На этихъ же мѣстахъ или

---

[4]) Это не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ обиліе осколковъ и присутствіе нуклеусовъ—слишкомъ очевидныя доказательства.

[5]) Шесть стоянокъ, ближайшихъ къ Ржеву, были тщательно и многократно обслѣдованы мною лично.

въ близкомъ сосѣдствѣ попадаются также орудія болѣе крупныя и плотныя, оббитыя мелкою оббивкою. Такимъ образомъ на мѣстахъ стоянокъ были найдены разнаго рода цельты, орудія съ трубчатымъ верхомъ (попадаются чаще другихъ), отколки въ видѣ узкихъ пластинъ съ мелко оббитыми краями и закругленными концами (рис. № 1). Оббивка краевъ и концовъ, очевидно, дѣлалась для того, чтобы не порѣзаться объ острія. Затѣмъ нерѣдко были находимы разные скребки, уколки, пращные камни, боевые молоты [6]) и изрѣдка кирки. Наконецъ—массивныя орудія съ заостренными со всѣхъ сторонъ краями довольно закругленной формы, хорошо вырѣзанныя крупными отколами (рис. № 2).

Особенно поражаетъ частое нахожденіе орудій съ трубчатымъ верхомъ, начиная съ маленькихъ, шириною въ раструбѣ 25 милл. (Старица. Альб. XXI, № 5), кончая имѣющими ширину до 65 милл. (Альб. XIV, № 13). Подобныя орудія, какъ извѣстно, нерѣдко извлекаются изъ раскопокъ городищъ и кургановъ. Очевидно, они играли большую роль въ домашнемъ обиходѣ древнихъ волжскихъ насельниковъ.

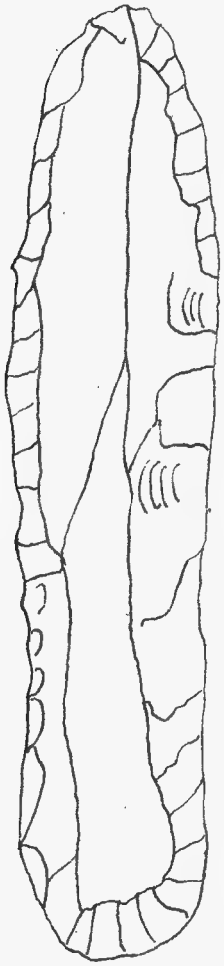
Но что составляетъ отличительную особенность стоянокъ, это, какъ уже было сказано, масса орудій, не конченныхъ отдѣлкою. Такимъ образомъ попадаются наконечники копій, стрѣлъ, трубчатыя орудія, цельты въ первой стадіи обработки, или во второй, но, во всякомъ случаѣ, не въ окончательной. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно трубчатое орудіе изъ Холохольни (рис. 3). Оно представляетъ изъ себя продолговатый кремнистый вырубокъ съ заостренными краями, въ 21 сантим. длины, верхъ коего начатъ мелкою оббивкою (отъ *а* до *б*). Разумѣется, въ окончательной отдѣлкѣ должно было получиться орудіе, подобное рис. № 4.

Орудіе это раскрыло глаза на многое: по аналогіи стало возможнымъ распознавать разныя стадіи отдѣлки каменныхъ орудій, наприм., первыя отдѣлки стрѣлъ, при чемъ изъ № 5 могъ выйти въ окончательной отдѣлкѣ № 6.

---

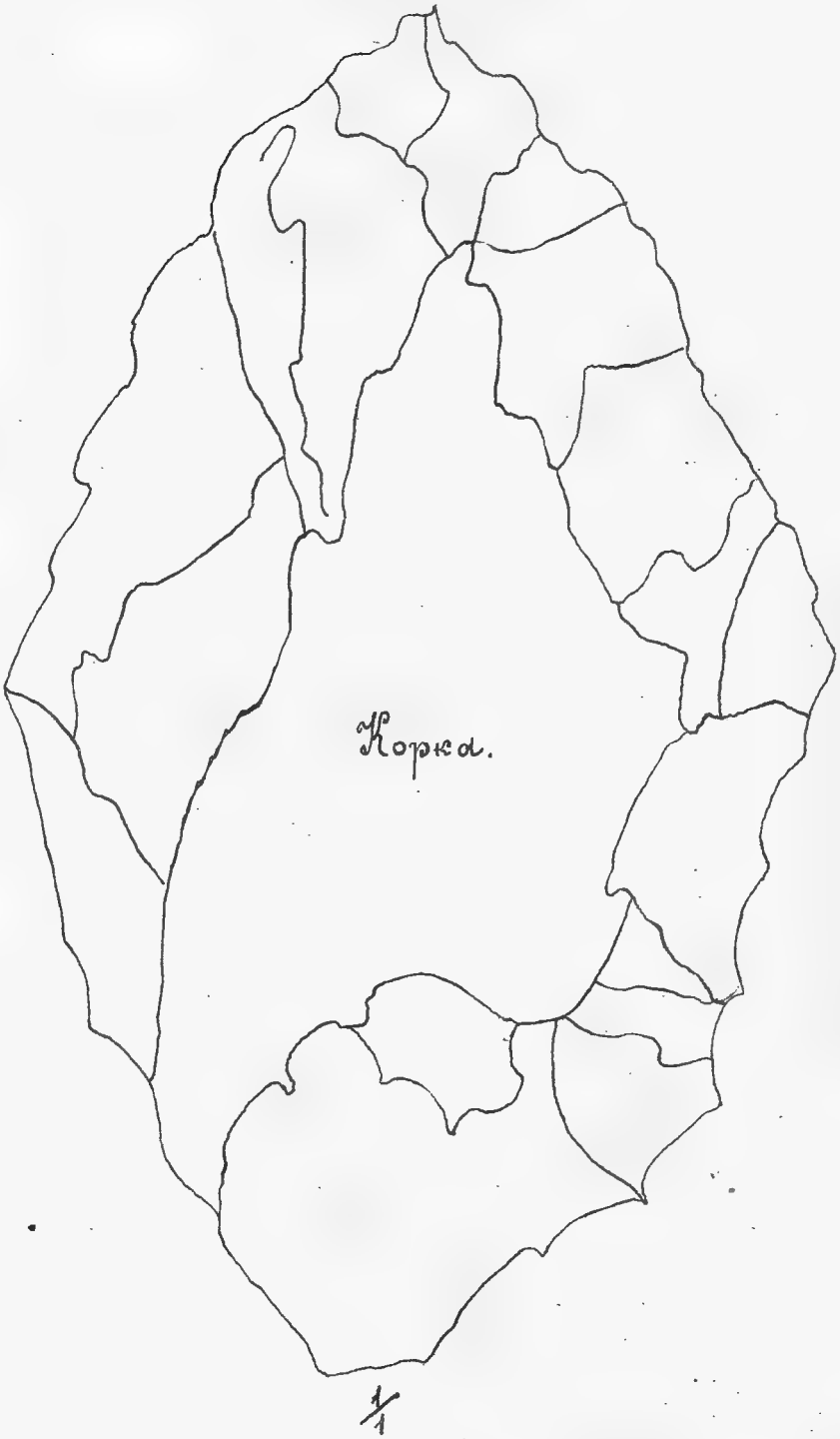
[6]) Одинъ изъ сихъ молотовъ былъ мною, при докладѣ, демонстрированъ на 3 Арх. обл. съѣздѣ во Владимірѣ.

№1.
(Старица)



1/1

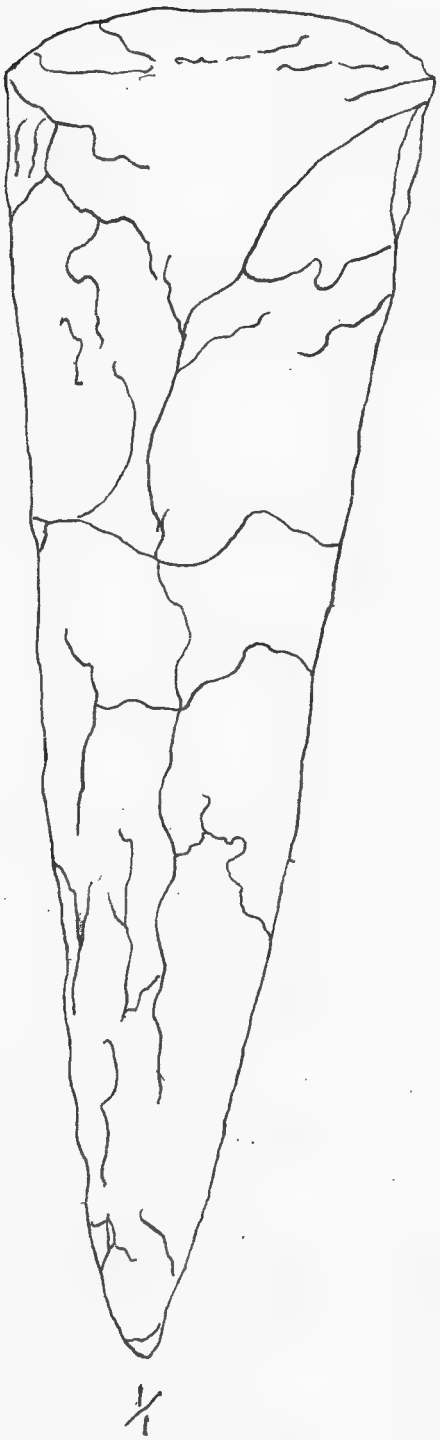
№2.
(Холохольня)

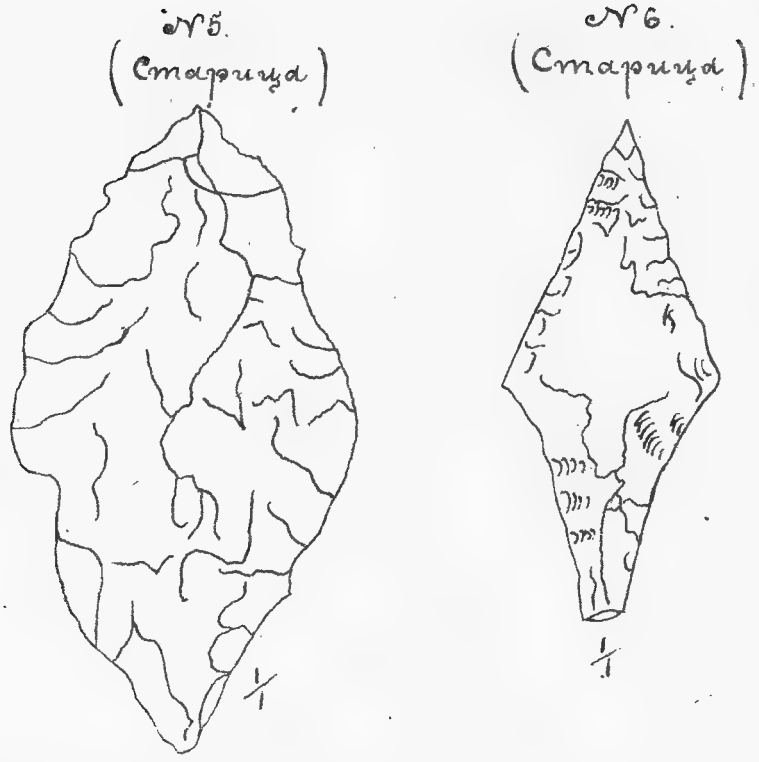


1/1

№3.
Холокольня)

№4.
(Махерево)





То же самое можно сказать о наконечникахъ многихъ дротиковъ, копій, цельтовъ.

Пріемы, употреблявшіеся при выдѣлкѣ, были одни и тѣ же: изъ крупнаго обрубка или отколка, который представлялъ первую стадію обработки, получалось оконченное мелкою оббивкою орудіе гораздо меньшихъ размѣровъ и въ длину и въ ширину, причемъ, конечно, оно утонялось.

Здѣсь невольно наталкиваешься на вопросъ: можно ли всѣ орудія болѣе грубой отдѣлки считать принадлежащими къ болѣе средней эпохѣ, т. н. палеолитической, какъ это принимается изслѣдователями, и есть ли оббивка болѣе мелкая исключительная особенность неолтической эпохи, т. е. позднѣйшей? Самъ я лично придерживался, раздѣляя общее мнѣніе, перваго взгляда [7]), но вышеупомянутое трубчатое орудіе изъ Холохольни (рис. № 3) заставило меня отказаться отъ этой точки зрѣнія, тѣмъ болѣе, что аналогичныхъ экземпляровъ — правда, не столь рельефныхъ — не

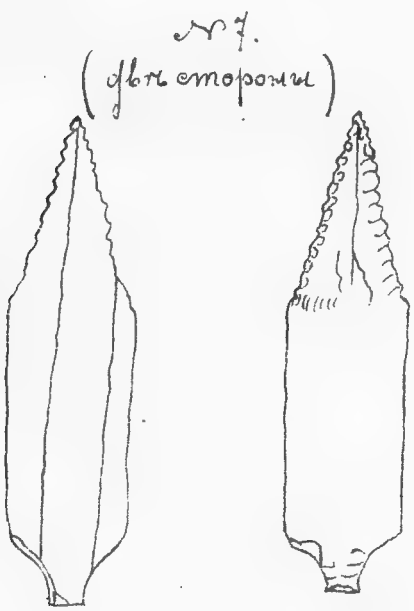
[7]) Въ своемъ изслѣдованіи „Каменный вѣкъ подъ г. Ржевомъ». Тверь. 1903.

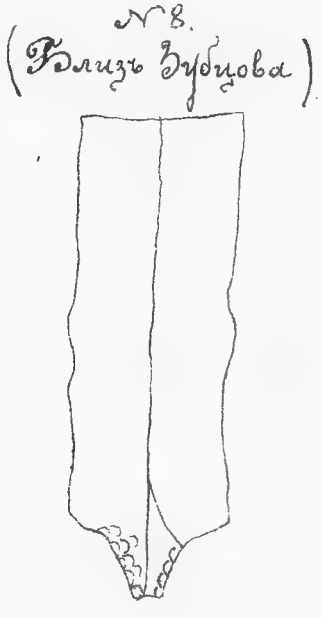
мало въ моемъ собраніи каменныхъ орудій. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, не всякое грубо оббитое орудіе должно быть отнесено къ болѣе древней эпохѣ: можетъ быть это лишь первая стадія обработки.

Съ другой стороны, совмѣстное нахожденіе орудій Маделенскаго типа (оббитыхъ длинными полосами отъ кремней-нуклеусовъ) съ орудіями не изъ однихъ кремней, а также и изъ болѣе мягкихъ породъ, напр., изъ сланцевъ и песчаниковъ, и оббитыхъ не полосами, а выбоинами, переходящими въ мелкую оббивку, не даетъ ли основаніе считать ту и другую выдѣлку одновременною, что, естественно, влечетъ за собою признаніе орудій Маделенскаго типа и орудій мелкой оббивки относящимися къ одной эпохѣ, хотя эта эпоха и могла продолжаться неопредѣленное время въ смыслѣ значительной длительности.

Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого предположенія можетъ служить примѣненіе мелкой оббивки—что было такъ естественно—къ рѣжущимъ краямъ многихъ орудій Маделенскаго типа, затѣмъ къ выдѣлкѣ къ нимъ насадокъ для прикрѣпленія къ дереву.

Изъ подобныхъ орудій особенно обращаетъ на себя вниманіе своимъ изяществомъ наконечникъ стрѣлы изъ Старицы (рис. 7) съ мелко оббитою насадкою.





По подобной же насадкѣ замѣчателенъ также ножикъ съ стоянки 4 в. выше Зубцова на лѣвомъ берегу Волги (рис. 8).

Что касается каменныхъ орудій болѣе или менѣе шлифованныхъ, то, если имѣть въ виду только общепризнанныя орудія, число ихъ незначительно и притомъ они обнаружены на немногихъ стоянкахъ, что, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ эпоху шлифованныхъ орудій продолжали пользоваться орудіями и безъ шлифовки. На тѣхъ стоянкахъ, гдѣ попадаются шлифованныя орудія, оббивка нѣкоторыхъ орудій произведена настолько неглубокими выбоинами, что значительно облегчала самый процессъ полировки.

Наконецъ, если обратиться къ степени тонкости и изящества каменныхъ орудій, то описываемыя стоянки въ этомъ отношеніи представляютъ орудія разныхъ степеней достоинствъ, при чемъ нѣкоторыя орудія, какъ, напр., наконечникъ дротика изъ-подъ орѣшника ниже Ржева (Альб. III, № 19), наконечникъ стрѣлы оттуда же (№ 21), наконечникъ копья изъ-подъ Зубцова (Альб. X, № 21), цельты изъ Старицы (Альб. XXI, №№ 13 и 15) и многія стрѣлы оттуда же и съ другихъ стоянокъ достигаютъ высокой степени совершенства.

Такимъ же совершенствомъ отличаются принадлежащіе къ неолитической эпохѣ шлифованные молотъ съ сквознымъ отверстіемъ и цельтъ, найденные въ Зубцовѣ.

П. Ф. Симсонъ.

Костромская икона Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Подобной же насадкѣ замѣчателенъ также [illegible] стоянки 4 в. выше Зубцова на лѣвомъ берегу Волги (рис. 8).

Что касается каменныхъ орудій болѣе [illegible] шлифованныхъ, то, если имѣть въ виду только общепринятое [illegible] ихъ незначительно и притомъ они обнаружены на [illegible] стоянкахъ, что, мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ о томъ, [illegible] шлифованныхъ орудій продолжали пользоваться [illegible] и безъ шлифовки. На тѣхъ стоянкахъ, гдѣ попадаются [illegible] орудія, обивка нѣкоторыхъ орудій произведена [illegible] неглубокими выбоинами, что значительно облегчало самый процессъ полировки.

Наконецъ, если обратиться къ степени тонкости и изящества каменныхъ орудій, то описываемыя стоянки въ этомъ отношеніи представляютъ орудія разныхъ степеней достоинствъ, при чемъ нѣкоторыя орудія, какъ, напр., наконечникъ дротика изъ-подъ орѣшника ниже Ржева (Альб. III, № 19), наконечникъ стрѣлы оттуда же (№ 21), наконечникъ [illegible] изъ-подъ Зубцова (Альб. X, № 21), цельты изъ Старицы (Альб. XVI, №№ 13 и 15) и многія стрѣлы оттуда же и съ другихъ стоянокъ [illegible] высокой степени совершенства.

Такимъ же совершенствомъ отличаются принадлежащія къ неолитической эпохѣ шлифованныя [illegible] и цельтъ, найденные въ Зубцовѣ.

П. Ф. Симсонъ.

Костромская икона Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Костромская икона Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Въ виду того, что областные археологическіе съѣзды имѣютъ цѣлію обслѣдованіе и возможно близко еизученіе памятниковъ прошлаго, въ данной области (въ районѣ трехъ-четырехъ губерній) находящихся или же къ одной области относящихся, хотя бы они въ данное время находились въ другихъ мѣстахъ, мною и былъ избранъ для доклада на IV-мъ областномъ археологическомъ съѣздѣ въ городѣ Костромѣ (въ 1909 году) памятникъ, несомнѣнно принадлежащій къ числу мѣстныхъ костромскихъ, а по своему происхожденію даже прямо къ самому г. Костромѣ. Это именно икона Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, писаная Костромскимъ «Архангельскимъ попомъ Іоанномъ Андреевымъ», принадлежавшая нѣкогда одному изъ Костромскихъ обывателей,—«посадскому человѣку Ботникову», а нынѣ находящаяся въ Тульской Палатѣ Древностей.

Икона Благовѣщенія, писаная о. Іоанномъ Андреевымъ, пріобрѣтена мною въ Москвѣ, въ 1906 году, для Тульской Епархіальной Палаты Древностей; она имѣетъ значительный научный интересъ и въ разныхъ отношеніяхъ: и по своему происхожденію и по художественной работѣ и – что главное— по самому составу лицевыхъ изображеній.

Икона на доскѣ, мѣрою—длины 7 вершковъ, ширины 6 вершковъ, въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ.

1. *Собственникъ иконы.*—О томъ, кому принадлежала первоначально икона Благовѣщенія, есть прямое свидѣтельство, это— подлинная подпись или «лѣтопись» на ея окладѣ. Здѣсь по нижнему краю полууставцемъ вычеканено въ глубь слѣдующее:

ѯаѱзї (т. е. 1717 г.) сему образу молится Аѳонасей Троѳимовъ Ботніко(въ).

Но кто былъ этотъ Аѳанасій Ботниковъ? — При обслѣдованіи мною Костромскихъ церковно - археологическихъ памятниковъ на

мѣстѣ, частію на выставкѣ съѣзда, а частію — въ храмахъ г. Костромы, открылась полная возможность опредѣлить, кто именно былъ Аѳанасій Ботниковъ. — Оказалось, что въ ризницѣ Костромского каѳедральнаго Успенскаго собора хранится напрестольное Евангеліе, весьма замѣчательное по своему убранству и особенно — по иконографіи лицевой стороны верхней крышки переплета, — построенное также Ботниковымъ. Вотъ его описаніе:

Евангеліе въ листъ, мѣрою 12 × 8 верш. Московской печати 1698 года. Переплетено въ доскахъ, обтянутыхъ листовымъ серебромъ, вызолоченнымъ, съ чеканными застежками. На лицевой сторонѣ верхней крышки, въ срединѣ изображены: Сошествіе Іисуса Христа во адъ, надъ Нимъ Духъ Святый; выше—Господь Саваоѳъ; по сторонамъ—Архангелы съ рипидами; ниже—Ѳедоровская икона Пресвятыя Богородицы; еще ниже—св. Іоаннъ Златоустъ и Василій Великій (они иногда изображаются при Благовѣщеніи на створахъ царскихъ вратъ).

На этомъ то Евангеліи, внизу, по листамъ имѣется надпись, среднимъ полууставомъ, съ сокращеніями подъ титлами, такого содержанія:

Построилъ сие ст҃ое Єѵ҃лїе, в ст҃ую в соборную и Ап҃лскую церковь пр҃тыя Вл҃дчцы нш҃ея Бд҃цы и пр҃сно дв҃ы Мр҃їи честнаго и славнаго ея Успенїя еже во градѣ Костромѣ. Костромитинъ же посадцъкой чл҃къ Трофимъ Алеѯїевъ сн҃ъ Ботнїковъ. Желая д҃ше своей вѣчнаго Блаженства и родителемъ своимъ, поминовения Вѣчно.

Надпись продолжена чеканомъ на застежкахъ:

В лѣта от сотворенїя мира ҂ѯсї (т. е. 7210 году) **от рожества же Хрстова ҂а҃ѱв** (т. е. 1702 году) **приложилъ сие ст҃ое Єѵ҃лие во кладе серебряномъ чоканымъ и позлащеннымъ на Костромѣ в соборную цр҃ковь пр҃стыя Бц҃ы Федоровския Костромитинъ посацкой чл҃вкъ Трофимъ Алеѯѣевъ сн҃ъ Ботниковъ.**

Итакъ, Костромской посадскій человѣкъ Трофимъ Алексѣевъ Ботниковъ, это -отецъ Аѳанасія Трофимова. Очевидно, благочестивый Трофимъ «построилъ» великолѣпное Евангеліе, а его сынъ Аѳанасій пріобрѣлъ икону Благовѣщенія. Примѣчательно, что родъ Ботниковыхъ не прекратился въ Костромѣ доселѣ, напротивъ—онъ

имѣетъ теперь своимъ представителемъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля, Геннадія Николаевича Ботникова, который состоитъ городскимъ головой и членомъ Государственной Думы. Домъ Ботниковыхъ, какъ искони, такъ и теперь находится въ приходѣ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что на Благовѣщенской улицѣ, а по древнему на посадѣ.

2. *Моленіе.* Въ подписи на иконѣ Благовѣщенія имѣется примѣчательное выраженіе: сему образу молится Аѳанасій Ботниковъ... Иногда такая надпись видоизмѣнялась такъ: «моленіе» такого-то.—Иконѣ, какъ таковой, конечно, могъ и всякій православный молиться; однако, эта икона была «моленіемъ» одного опредѣленнаго лица. Обстоятельство это имѣетъ свое бытовое значеніе. Извѣстно, что русскій народъ имѣлъ особенное благочестивое пристрастіе къ иконамъ; онъ охотно становился подъ покровительство одной опредѣленной святой иконы со дня рожденія и до смерти.

Эта черта была хорошо подмѣчена въ свое время особенно иностранцами. Такъ, извѣстный Адамъ Олеарій въ своемъ «Описаніи путешествія въ Москву», описывая обрядъ крещенія, между прочимъ, говоритъ: «священникъ назначаетъ новорожденному Святаго, именемъ котораго названо дитя, и даетъ ему образъ этого Святаго. Образъ этотъ новокрещенный долженъ сохранять потомъ у себя во всю свою жизнь и чествовать его предпочтительно предъ другими иконами». «Каждый русскій, говоритъ далѣе Олеарій, имѣетъ въ церкви своего собственнаго Святаго, или образъ, передъ которымъ обыкновенно и молится. Если кто совершитъ тяжкій грѣхъ, за который долженъ быть отлученъ отъ церкви, то икона такого грѣшника выносится изъ церкви и употребляется у него только на дому, ибо отлученный не смѣетъ ходить въ церковь» [1]). Извѣстно также, что былъ обычай—по умершихъ «лики ихъ ангеловъ» иконы ихъ тезоименитыхъ святыхъ, и даже отеческое и материнское благословеніе (у безродныхъ) оставлять въ церкви Божіей,

---

[1]) Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ. Перев. Пав. Барсовъ. Москва. 1870 г. Стр. 313 и 332.

иногда писать или постановлять на вратахъ и у вратъ царскихъ. Подтвержденіе сего: еще и нынѣ образъ, сопровождавшій покойника при погребеніи, остается въ церкви» [1]). Къ числу такого рода иконъ относится и икона Благовѣщенія, принадлежавшая Аѳанасію Ботникову. Понятно, почему такія иконы нужно было подписывать: «сему образу молится такой-то», или «моленіе такого-то». И разумѣется, такихъ иконъ въ церки, съ теченіемъ времени, собиралось много и даже одного и того же наименованія. Тогда настоятели церкви, естественно, приходили къ мысли продавать нѣкоторыя изъ такихъ иконъ, какъ уже излишнія, и продавали, а деньги употребляли, какъ тогда писалось, «на церковную потребу», т. е. на пріобрѣтеніе чего-либо другого для того же храма [2]). Тоже можно думать и объ иконѣ Ботникова, и это тѣмъ болѣе такъ, что сія икона, по составу ея иконографіи, была не обычнаго типа и относилась къ числу тѣхъ, кои, какъ извѣстно, оффиціально не одобрялись особыми надзирателями надъ церковной иконописью.

3. *Иконописецъ.* На нижнемъ краѣ иконы, внѣ оклада имѣется надпись полууставомъ, такая:

҂а҃ѱзї (т. е. 1717) году писалъ архангельскій попъ Іоаннъ Андреевъ въ мцы септевріи Костромитъ.

Извѣстно, что въ Костромѣ были хорошіе иконописцы еще и въ XVII-мъ столѣтіи. Такъ, въ XVII ст. въ городѣ Ярославлѣ извѣстную Ильинскую церковь (въ 1647—1680 г.) расписывали «трудившіеся о Бозѣ изографы города Костромы», изъ коихъ особенно замѣчательны Никитинъ, Савинъ и Назарьевъ. Они же расписывали Троицкій соборъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ—въ Костромѣ. Кромѣ того, въ Москвѣ они же расписывали Успенскій

---

[1]) Село Рождествено-Монастырщина и Поле Куликово. Сочиненіе М. Н. Макарова. Москва. 1826 г. Стр. 17. Примѣч.

[2]) Лѣтъ шесть тому назадъ мною была пріобрѣтена въ Лейпцигѣ у извѣстнаго антикварія Гирземана рукопись XVI-го вѣка—Четвероевангеліе, для Тульской Паланы Древностей. На этой рукописи имѣется надпись, скорописью XVI-го вѣка такого содержанія: «продалъ сію книгу глаголемая Евангеліе Старой Русы отъ церкви Преображеніе Спаса попъ Семіонъ, а те деньги въ церковь положилъ на потребу церьковную».

соборъ, Архангельскій соборъ, Даниловъ монастырь, Оружейную Палату, а также Успенскій соборъ въ Ростовѣ-Ярославскомъ и пр. [1]). Извѣстно также, что и Костромское духовенство занималось дѣломъ иконописанія, любило и знало это дѣло и выдѣляло изъ своей среды замѣчательныхъ мастеровъ этого дѣла. Отцы обучали этому искусству своихъ дѣтей; иногда цѣлая семья была какъ бы одной артелью. Дѣятельность свою эти духовные мастера развивали не только въ своемъ городѣ, но и внѣ своей епархіи, такъ какъ ихъ работы славились и находили большой спросъ. Таковы: извѣстный діаконъ Петръ Ивановъ Костромитинъ, строгановскій иконописецъ: его работы иконы въ церкви пр. Иліи въ Ярославлѣ [2]), Стефановскій попъ Ѳедоръ Логиновъ съ дѣтьми, Матѳеемъ да Иваномъ, Покровскій дьячекъ Ѳедоръ Григорьевъ съ сыномъ Иваномъ: они работали въ церкви Іоанна Богослова за Костромой рѣкой, 1735 г. [3]).

Къ числу такихъ духовныхъ мастеровъ-иконописцевъ г. Костромы принадлежитъ и «Архангельскій попъ Іоаннъ Андреевъ». Изъ произведеній его кисти доселѣ въ исторіи нашей иконографіи извѣстна пока только одна эта его икона Благовѣщенія,—«моленіе Аѳанасія Ботникова».

4. *Окладъ.* На поляхъ иконы, съ четырехъ ея сторонъ, положенъ окладъ въ видѣ узкой, серебряной-вызолоченной ленты (шир. 1 верш.), по окладу—орнаментъ выпуклый, травчатый. Между орнаментомъ, въ особыхъ клеймахъ—надписи и лицевыя изображенія. Вверху выпуклой уставной вязью подъ титлами надпись: (образъ) Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Въ срединѣ оклада, на лѣвой сторонѣ, мелкой рѣзьбой вглубь — изображеніе св. Іоанна Предтечи; съ правой—св. Аѳанасій, въ епископскомъ облаченіи, съ крестчатой митрой. Очевидно, это—святые, тезоименитые попу-иконописцу Іоанну Андрееву и собственнику иконы

---

1) Н. В. Покровскій. Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ. Въ «Трудахъ седьмого археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ». Москва. 1890 г. Стр. 257—159.

2) Исторія Русскихъ школъ иконописанія до конца XVII-го вѣка. Соч. Д. Равинскаго. СПБ. 1856. Стр. 257.

3) Н. В. Покровскій. Стѣнныя росписи. Стр. 300.

Аѳанасію Ботникову. Изображенія тезоименитыхъ святыхъ, совмѣстныя здѣсь, свидѣтельствуютъ, конечно, объ ихъ, Андреева и Ботникова, братской пріязни во Христѣ. На четырехъ углахъ оклада изображены мелкой рѣзьбой четыре Евангелиста, безъ символовъ. Евангелисты кстати здѣсь на иконѣ Благовѣщенія, т. е. событія, имѣющаго въ Евангельской исторіи первенствующее значеніе; потому, какъ обыкновенно, они изображаются съ Благовѣщеніемъ и на царскихъ вратахъ храма. И наконецъ, на нижнемъ краѣ, въ окладѣ, въ особомъ клеймѣ—выше представленная надпись о томъ, что эта икона есть «моленіе» Аѳанасія Ботникова.

5. *Иконографія.* Но самое главное въ сей иконѣ Благовѣщенія, это—конечно—иконопись; она замѣчательна прежде всего полнотою своего содержанія; событіе Благовѣщенія представлено во всѣхъ его моментахъ, начиная съ повелѣнія Бога Отца и кончая восторгомъ Пресвятой Дѣвы по полученіи откровенія. Замѣчателенъ и каждый моментъ въ отдѣльности, по его обстановкѣ.

а. *Богъ Отецъ.* Онъ изображенъ въ верхнемъ лѣвомъ уѓлу иконы, въ облакѣ, предъ Нимъ Архангелъ, получающій повелѣніе идти въ Назаретъ. Облако, это—«престолъ славы» Господа Вседержителя, изъ котораго, по свидѣтельству Библіи, получали откровеніе высшіе провозвѣстники его. Такъ, Моисей, въ день Синайскаго Законодательства, по повелѣнію Господа, взошелъ на вершину горы Синая. «При наступленіи утра въ этотъ день были громы и молніи и густое о б л а к о надъ горою (Синайскою)... И сошелъ Господь на гору Синайскую, на вершину горы, и призвалъ Господь Моисея на вершину горы, и взошелъ Моисей. И стоялъ (весь) народъ вдали, а Моисей вступилъ во мракъ, гдѣ Богъ... (Исх. гл. 19, 16, 20; гл. 20, 21).—Также потомъ говорилъ Господь Моисею изъ о б л а к а с л а в ы, осѣнявшаго скинію (Исх. гл. 10, ст. 34—35. Лев. гл. 9, ст. 6, 23). Подобно тому, въ день освященія храма, построеннаго Соломономъ, «О б л а к о наполнило домъ Господень: и не могли священники стоять на служеніи, по причинѣ о б л а к а, ибо с л а в а Господня наполнила храмъ Господень» (3 Цар. гл. 8, ст. 10—11). Въ такомъ же о б л а к ѣ славы великій пророкъ Исаія видѣлъ Господа на престолѣ, былъ призванъ на пророческое служеніе

и получилъ повелѣніе идти на проповѣдь (Ис. гл. 6). И наконецъ, также о б л а к о—«подобіе славы Господней» созерцалъ праведный Іезекіиль на р. Ховаръ; видѣлъ въ немъ Господа; былъ призванъ и посланъ на пророчество (Іезек. гл. 1 и 2). Что именно и это облако есть также престолъ Божій, на это указываетъ помѣщаемое подъ нимъ иногда изображеніе Херувима. Иногда передъ такимъ облакомъ прямо подписывается: «П р е с т о л ъ Т в о й, Б о ж е, в о в ѣ к ъ в ѣ к а». Посему иконописецъ-священникъ прекрасно сдѣлалъ, что воспроизвелъ «облако славы» какъ горній престолъ Божій, предъ которымъ Архангелъ получаетъ повелѣніе.

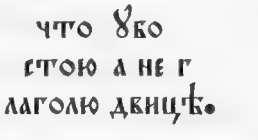
б. *Архангелъ.* Онъ стоитъ преклоненнымъ. Онъ окрыленъ, почему—на это также имѣется указаніе въ Библіи.

Извѣстно, что Архангелъ Гавріилъ былъ вѣстникомъ откровенія о воплощеніи Мессіи и въ Ветхомъ Завѣтѣ. Такъ, онъ именно возвѣстилъ пр. Даніилу откровеніе о «семидесяти седминахъ». Сообщая объ этомъ, пр. Даніилъ говоритъ: «когда я еще продолжалъ молитву, мужъ Гавріилъ, котораго я видѣлъ прежде въ видѣніи, быстро п р и л е т ѣ в ъ (въ слав.—*парящъ*), коснулся меня около времени вечерней жертвы» (Дан. гл. 9, ст. 2; ст. 8, 16).— Посему священникъ-иконописецъ основательно изобразилъ этого Архангела именно окрыленнымъ и на иконѣ, при полученіи имъ откровенія и сообщеніи его Пресвятой Дѣвѣ, тѣмъ болѣе, что оно по существу, одно и тоже съ тѣмъ, какое предвозвѣстилъ пр. Даніилъ.

в. *Явленіе Архангела.* Обыкновенно явленіе Архангела изображается только въ одинъ моментъ; на иконѣ Благовѣщенія о. Іоанномъ Андреевымъ оно представлено въ двухъ моментахъ. Первоначально Архангелъ изображенъ стоящимъ при дверяхъ, а затѣмъ—предстоящимъ Пресвятой Дѣвѣ.

Въ первый моментъ, по выраженію акаѳиста Богородицы, — «повелѣнное тайно пріемъ въ разумѣ, въ кровѣ Іосифовѣ, тщаніемъ предста безплотный (Архангелъ)». Это и передаетъ иконописецъ.— Архангелъ остановился въ раздумьѣ. Онъ съ открытой головой; за ухомъ его — розовая лента, это — такъ называемый «слухъ», или символъ слышанія радостнаго откровенія и благовѣстія о воплощеніи Сына Божія; въ лѣвой рукѣ у него—шаръ съ надписью: «с в я т ъ

Господь», т. е. держава, какъ символъ царственной власти Господа, его пославшаго; въ правой—жезлъ-посохъ, наверху съ крестикомъ, а внизу—трезубецъ. Основаніе къ объясненію этого явленія даетъ надпись, находящаяся противъ Архангела, на полѣ, подъ окладомъ, полууставцемъ, — въ такомъ видѣ:



Если въ другихъ случаяхъ священникъ-иконописецъ держится текста Библіи, то здѣсь, передавая, такъ сказать, психологію Архангела, онъ придерживается психологіи отцовъ и учителей церкви. — Одинъ изъ знаменитыхъ отцовъ Православной Церкви, именно св. Андрей Критскій († 679 г.) въ своемъ Словѣ на Благовѣщеніе, между прочимъ, говоритъ: «Богъ Отецъ опредѣлилъ служить при таинствѣ одному изъ первѣйшихъ Ангеловъ. Онъ маніемъ своего величія далъ — думаю — Ангелу такоепо велѣніе: «Гавріилъ, иди въ Назаретъ, городъ Галилейскій, въ коемъ живетъ Отроковица Дѣва, обрученная мужу, именемъ Іосифу; имя Дѣвы — Марія... Иди, глаголетъ Богъ Архангелу — въ Назаретъ; тамъ немедленно и прежде всего скажи Дѣвѣ то благовѣстіе радости, котораго лишилась нѣкогда Ева, и не смущай души Ея... Что же Гавріилъ? Выслушавъ это и узнавъ повелѣніе, изреченное ему глаголомъ Божіимъ, но превышающее силы его, онъ находится между страхомъ и радостію; не дерзалъ тотчасъ исполнить его, но остерегался и отрицаться отъ него. Впрочемъ, повинуясь Божію повелѣнію, полетѣлъ къ Дѣвѣ и, по прибытіи въ Назаретъ, предсталъ въ Ея домъ; потомъ, какъ бы погрузившись въ размышленіе и недоумѣвая въ себѣ, колебался въ мысляхъ, разсуждая—думаю — самъ съ собою такъ: «съ чего начать мнѣ исполненіе воли Божіей, мгновенно ли явиться въ чертогѣ, но такимъ появленіемъ я устрашу душу Дѣвы. Или взойти не вдругъ... Но Отроковица почтетъ входъ мой тайнымъ... Опять, какимъ образомъ мнѣ приступить къ Дѣвѣ... О чемъ прежде всего съ Нею говорить»... и проч. [1]). Но еще точнѣе изображеніе Архангела соотвѣт-

[1]) Слово на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы св. Андрея Критскаго. Провѣрено и исправлено по оригиналу. См. Избранныя слова свв. отцевъ въ честь и славу Пр. Богородицы. Изд. Рус. Аѳон. Пант. Монаст. Спб. 1868. Стр. 101—102 и сл. Ср. Слово на Благовѣщеніе св. Григорія Неокесарійскаго. Тамъ же, стр. 92—93.

ствуетъ тексту одной стихиры на праздникъ Благовѣщенія, составленной св. Іоанномъ Дамаскинымъ († 776 г.). Изъ этой стихиры заимствованы и самыя слова, вложенныя въ уста Архангела. Текстъ стихиры слѣдующій: «Посланъ бысть съ небесе Гавріилъ Архангелъ, благовѣстити Дѣвѣ зачатіе; и пришедъ въ Назаретъ, помышляше въ себѣ, чудеси удивляяся: о како въ вышнихъ непостижимъ сый отъ Дѣвы рождается, имѣяй престолъ небо, и подножіе землю, въ утробу вмѣщается Дѣвичю. На Него же шестокрилатіи и многоочитіи зрѣти не могутъ. Словомъ единѣмъ отъ Сія воплотитися благоизволи. Божіе есть Слово настоящее, что убо стою, и не глаголю Дѣвѣ: Радуйся, Невѣсто неневѣстная: Радуйся, Мати Живота, благословенъ Плодъ чрева Твоего» [2]).

Такое пониманіе душевнаго состоянія Архангела-благовѣстника святыми отцами служило для иконописца-священника, такъ сказать, только оправданіемъ, но, конечно, не было для него источникомъ композиціи самаго рисунка. Этому, несомнѣнно, служили соотвѣтствующіе памятники, какъ образцы иконографіи. Въ памятникахъ христіанской иконографіи изображеніе Архангела-благовѣстника въ двухъ моментахъ или видахъ встрѣчается очень рано. Такое изображеніе встрѣчается, напримѣръ, въ мозаикахъ базилики «св. Маріи Великой» въ Римѣ, исполненныхъ при п. Сикстѣ III-мъ (432—445 гг.). Здѣсь Дѣва - Богоматерь представлена въ видѣ знатной женщицы, въ роскошномъ одѣяніи. Она сидитъ на возвышеніи, ноги покоятся на подножіи; платье изъ богатой цвѣтной матеріи; на головѣ густые назадъ волосы, а поверхъ ихъ небольшая коронка, украшенная дорогими камнями. Внѣшній видъ—царственной Дѣвы.

---

[2]) Минея, мѣсяцъ мартъ. На «Господи воззвахъ» стихира самогласна Іоанна монаха. — Съ увѣренностью (хотя и несовершенно полной) можно признать за произведеніе св. Дамаскина всѣ каноны и стихиры, надписанные въ минеяхъ именемъ Іоанна монаха. Извѣстно, что несомнѣнные каноны Дамаскина иногда надписываются по рукописямъ именемъ Іоанна монаха (канонъ Рождеству Христову, Успенію и др.). «Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви». Спб. 1860 г. (Филарета, Архіепископа Черниговскаго) стр. 193. Ср. Н. Флоринскаго. Исторія богослужебныхъ пѣснопѣній Православной церкви. Изд. 2-е. Кіевъ. 1881. Стр. 155. Примѣчаніе 179.

Она за работой,—прядетъ шерстяныя (пурпурныя) нити.—Къ Пресвятой Дѣвѣ слетаютъ Св. Духъ, въ видѣ голубя, и Архангелъ, простирающій къ Ней десницу съ жестомъ благовѣстія. Тотъ же Архангелъ изображенъ затѣмъ съ правой стороны Дѣвы—въ двухъ моментахъ,—недоумѣвающимъ и рѣшающимся; а потомъ, съ лѣвой стороны Ея, въ трехъ моментахъ: благовѣствующимъ, отходящимъ и являющимся праведному Іосифу [1]).

Въ русскихъ памятникахъ иконографіи типъ Благовѣщенія съ изображеніемъ Архангела въ двухъ моментахъ также встрѣчается, хотя изрѣдка. Таково изображеніе въ лицевомъ Евангеліи Сійскаго монастыря, XVII-го вѣка [2]). Таковы иконы Благовѣщенія въ Московскихъ храмахъ: въ церкви св. Алексія Митрополита, что на Николо-Ямской улицѣ [3]), и въ церкви пр. Сергія, что въ Рогожской [4]). Таковое же изображеніе Благовѣщенія находится въ Ильинской церкви г. Ярославля, которую, какъ уже извѣстно, расписывали Костромскіе «изографы».—Весьма примѣчательно, что въ той же Ильинской церкви на иконѣ Богородицы Ѳеодоровской, на верхнемъ ея полѣ, есть изображеніе Благовѣщенія, при которомъ явленіе Архангела изображено въ трехъ моментахъ: то онъ является предъ входомъ въ домъ Іосифа, то—въ домѣ, то—отлетающимъ изъ дома на облачкѣ [5]). Въ этомъ нельзя не усматривать, съ одной стороны, воспроизводства Евангельскаго сказанія по главнымъ моментамъ событія Благовѣщенія, а съ другой — вліянія

---

[1]) См. у Н. В. Покровскаго. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно Византійскихъ и Русскихъ. С.-Петербургъ. 1892. Стр. 8-я, рис. 21.

[2]) См. у. Н. В. Покровскаго. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Табл. А.

[3]) См. Древности. Труды Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Импер. Москов. Археологическаго Общества. Т. II-й. Москва. 1908 г. Стр. 60 –61. Табл. IV-я.

[4]) Свящ. І. І. Успенскій. Церковь св. Сергія въ Рогожской. Москва. 1904 г. Стр. 10—11. Табл. XIII-я.

[5]) См. въ изданіи И. А. Вахромѣева: Церковь во имя святаго и славнаго пророка Божія Иліи въ г. Ярославлѣ. Ярославль. 1906 года. Стр. 20-я, къ ней рис. 6-й; ср. стр. 22 и рис. 8-й.

древняго иконографическаго преданія, по сходству его съ такими памятниками, какъ Благовѣщеніе въ мозаикахъ базилики св. Маріи Великой въ Римѣ. И это вполнѣ вѣроятно, ибо положительно извѣстно, что на росписи Ярославской Ильинской церкви имѣли вліяніе и западные источники, какъ именно въ изображеніи содержанія книги Пѣснь Пѣсней [1]).

г. *Пр. Дѣва.* При какой обстановкѣ и въ какомъ настроеніи была Пресвятая Дѣва въ моментъ явленія предъ Нею Архангела, Евангелисты не передаютъ. Отсюда открылась для художниковъ возможность самостоятельныхъ домысловъ и свободныхъ созданій какъ обстановки Благовѣщенія, такъ и разныхъ оттѣнковъ настроенія Пр. Дѣвы.

Одни художники-иконописцы, слѣдуя древнему сказанію, изображаютъ Пр. Дѣву внѣ Ея дома,— у колодца. Другіе представляютъ Ее сидящей въ домѣ за ручною работою, именно—за пряжей; третьи—также дома, но за чтеніемъ книги Св. Писанія, именно пророка Исаіи.

Художественные типы Западно-Европейскаго искусства живописи и скульптуры также чрезвычайно многочисленны и разнообразны и нерѣдко отрѣшаются совершенно отъ преданій церковныхъ и сказаній Евангелія. Такъ, напримѣръ, на триптихѣ Миланскаго музея Благовѣщеніе представлено въ такомъ видѣ: Пр. Дѣва находится въ домѣ, сидитъ за столомъ, опершись на него руками, на этомъ столѣ—шкафчикъ; на немъ—книга, которую она держитъ. Архангелъ, одушевленный чувствомъ величайшей радости, вбѣгаетъ по широкимъ ступенямъ лѣстницы и выступаетъ изъ-за колонны Но входящаго Архангела и Пр. Дѣву раздѣляетъ высокій столъ-шкафчикъ такъ, что Пр. Дѣва не видитъ благовѣстника [2]).

На древней (XIV-го вѣка) скульптурѣ собора въ г. Ористано (на зап. бер. Сардиніи) Пр. Дѣва представлена сидящею внѣ дома,

---

[1]) Объ этомъ см. мое изслѣдованіе: Пѣснь Пѣсней въ фрескахъ Тульскаго Успенскаго собора. Изд. 2-е. Тула. 1910 года.

[2]) Tabernacolo o trittico di Bernardine aequistato del Museo del Castello. L'Arte. Ediz. Adolfo Venturi. Anno VI. (1903). Fascicolo XI—XII. p. 398—399.

у стѣны его, но на сѣдалищѣ, возвышенномъ на двѣ ступени. Она сидитъ, повернувшись въ обратную сторону отъ Архангела-благовѣстника, какъ бы испугавшись его, такъ что даже и не видитъ его совсѣмъ. Одѣта Она чрезвычайно скромно-бѣдно....— Архангелъ позади Нея, стоитъ на обоихъ колѣнахъ, сложивъ длани рукъ на груди, какъ бы умоляетъ Пр. Дѣву,—хотя и благоговѣйно, но приниженно... [1]).

Въ иныхъ случаяхъ, наоборотъ, Пр. Дѣва стоитъ на колѣнахъ, а не Архангелъ. Таково изображеніе Благовѣщенія на такъ называемомъ «напрестольникѣ» въ церкви св. Іоанна, въ г. Гентѣ,— произведеніе, принадлежащее знаменитымъ художникамъ Губерту и Іоанну ванъ-Эйкамъ (относится къ 1420—1432 г.) [2]). Здѣсь на срединѣ вверху—Ликъ Тріединаго Бога, между св. Дѣвой и Іоанномъ Крестителемъ, а на створахъ, съ внѣшней стороны— Благовѣщеніе. Пр. Дѣва въ молитвенной позѣ на колѣнахъ; за Нею Архангелъ, къ коему Она обращаетъ на-половину свою голову, но такъ, что взоры ихъ не сходятся...

Иногда предъ Пр. Дѣвой изображается Ангелъ колѣно-преклоненнымъ. Такъ, у знаменитаго Леонардо да Винчи, на картинѣ Благовѣщенія, Пр. Дѣва сидитъ справа за книгой, противъ Нея Архангелъ стоитъ на одномъ колѣнѣ, правая рука его съ жестомъ проповѣди,—открыты два пальца, указательный и большой [3]).

Подобное же изображеніе находится на серебряномъ «реликваріи» собора въ Тиволи (XV в.). Архангелъ на правомъ колѣнѣ; правая рука съ жестомъ благовѣстія, въ лѣвой—вѣтвь, какъ

---

[1]) L'Arte. VI. 4. p. 28. Comp. ibidem. Lastro istoriata delle antica cattedrale d' Oristano. p. 21.

[2]) Братья Губертъ ванъ-Эйкъ (1366—1426 г.) и Іоаннъ ванъ-Эйкъ (1390 до 1441 г.), работавшіе въ Брюге, вышли изъ школы миніатюристовъ. Главное произведеніе ихъ—этотъ «напрестольникъ» для церкви св. Іоанна, нынѣ Бавока, въ Гентѣ (въ Восточной Фландріи, на рѣкѣ Шельдѣ), а теперь въ Берлинскомъ музеѣ. Фр. Кугле ръ. Руководство къ исторіи искусства. Т. II-й. Стр. 406-я.

[3]) Evgene Müntz. Leonardo de vinci. Paris. 1899. Картина находится въ Musee des offices, во Флоренціи.

символъ радости. Пр. Дѣва сидитъ за книгой, скрестивши руки на груди. [1]).

Иногда Пр. Дѣва изображается при бѣдной и совершенно простой обстановкѣ. Образчикъ этого—въ иллюстрированной Шведской «Народной Библіи». Здѣсь событіе Благовѣщенія происходитъ въ бѣдной досчатой храминѣ. Налѣво комната съ кроватью, которая на-половину закрыта пологомъ; предъ ней на досчатомъ полу на колѣнахъ Пр. Дѣва, сложивши длани рукъ на груди; глава Ея наклонена долу. Предъ Пр. Дѣвой парящій Архангелъ, полунаклоненъ: одежда закрываетъ весь станъ и даже ноги, едва касающіеся пола. Правая рука съ открытою дланью простерта вверхъ, съ жестомъ благовѣстія, въ лѣвой—лилія, какъ символъ чистоты и радости. Взоры Благовѣстника наклонены долу; за нимъ въ сторону комнаты—простой деревянный столъ, на которомъ простая деревянная чашка. Очевидно, вся сцена и обстановка правдиво-историческая, до крайней скромности въ настроеніи Архангела и Пр. Дѣвы [2]).

Въ противоположность такой исторически простой обстановки западные художники иногда даютъ событію Благовѣщенія обстановку чрезвычайно величественную, но совершенно мистическую, хотя на почвѣ Евангельскаго сказанія. Такова, напр., картина французскаго художника Н. Пито (XVII-го в.) [3]). Здѣсь Пр. Дѣва стоитъ въ глубоко-смиренной позѣ и благоговѣйномъ настроеніи, руки Ея сложены на груди, глава слегка наклонена. Близь нея ложе, при которомъ, съ одной стороны, столикъ съ нѣсколькими книгами, изъ коихъ одна вверху. Противъ Пр. Дѣвы Архангелъ,—лѣвая рука его съ жестомъ благовѣстія. Но художникъ не довольствуется этой скромной сценой: онъ открываетъ таинственную завѣсу, какъ бы святое святыхъ самаго неба. На главу Пр. Дѣвы съ неба нисходитъ Св. Духъ, въ видѣ голубя, въ широкихъ прямыхъ лу-

[1]) Tivoli. Cattedrale. Sportelli del reliquario argenteo (Sek. XV). L'Arte. 1904. VII. 2. p. 9.

[2]) Illustrerad Folk—Bibel. Stockholm—Leipzig. 1854—1860 г. Экземпляръ этой Библіи имѣется въ Тульской Палатѣ Древностей.

[3]) Phili de Campagne. Pin. N. Pitau. См. гравюру, изд. Parisiis, apud Franciscus de Prailly.

чахъ свѣта; а по сторонамъ, параллельно лучамъ, многочисленные сонмы-ряды парящихъ ангеловъ, въ многоразличныхъ позахъ. Это цѣлый міръ духовъ... Подпись подъ картиной:

Spiritus Sanctus supervenit in Te,
et virtus Altissimi obumbravit Tibi.
—Ecce ancilla Domini,
Fuit Mihi secundum verbum tuum...

При сравненіи съ представленными и многими подобными образчиками Европейскаго искусства разныхъ художественныхъ типовъ, икона о. Іоанна Андреева представляетъ *важное различіе.*

На иконѣ о. Іоанна Андреева Пр. Дѣва изображена сидящею на высокомъ сѣдалищѣ, съ высокой подножкой (родъ трона); въ богатой пурпурной одеждѣ. Справа отъ Нея, на столѣ книга, открытая на словахъ: величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой... Правая рука Ея приподнята и согнута въ локтѣ, съ открытой дланью (жестъ бесѣды), въ лѣвой—красный свертокъ (платокъ). Надъ головой Пр. Дѣвы, но внѣ дома и еще высоко—Св. Духъ въ видѣ голубя. Прямо предъ Нею предстоитъ стремительно вошедшій Архангелъ-благовѣстникъ, въ образѣ, напоминающемъ классическаго герольда.

Таковое изображеніе, очевидно, отступаетъ отъ исторически-реальной обстановки и представляетъ Пр. Дѣву не только «благословенною въ женахъ», но и какъ Царицу-Богородицу. А потому слова Ея книги не тѣ, что сказала Пр. Марія въ моментъ благовѣстія Ей о зачатіи Мессіи: «Се раба Господня», а тѣ, какія сказала Она въ восторгѣ, при сознаніи своего величія: «отнынѣ ублажатъ Меня всѣ роды, ибо сотворилъ Мнѣ величіе Сильный»,—когда Елизавета исповѣдала Ее Матерію Господа... Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ здѣсь—на иконѣ обстановка и внѣшній видъ Пр. Дѣвы.

Пр. Дѣва облечена въ пурпурную одежду; а пурпурная одежда или багряница, это—одежда царицъ (см. Есѳирь, гл. VIII, ст. 15). —И багряница прилична Пр. Дѣвѣ, не только, какъ наслѣдницѣ царскаго достоинства по происхожденію отъ Давида, но принадлежитъ Ей и какъ символъ плоти, въ которую облекся Христосъ, Царь и Господь: св. Андрей Критскій, въ словѣ на Рождество Пр.

Богородицы, между прочимъ, говоритъ: «Нынѣ приготовленъ благолѣпный цвѣтъ для Божественной багряницы и бѣдная природа человѣческая облеклась въ царское достоинство... Нынѣ отъ Іуды и Давида происходитъ Дѣва Отроковица, изображая Собою царское и священническое достоинство Принявшаго отъ Аарона по чину Мельхиседекову... Нынѣ Богъ украсилъ царскую порфиру кровію Давида...[1])

Посему и Православная церковь, обращаясь въ «канонѣ» къ Пр. Богородицѣ, привѣтствуетъ Ее: «Радуйся червленице, багряницу Божественную омочившая отъ кровей твоихъ Цареви Силамъ»... Но главное—порфира принадлежитъ Пр. Дѣвѣ по Ея настоящему достоинству. Происходя отъ усѣченнаго уже древа Іессея и Давида, Она является теперь—по обѣтованію—Матерію Христа, Царя Царей, а слѣдовательно, и Царицей народовъ, вѣковъ, небесъ...

Соотвѣтственно этому величію, Пр. Дѣва еще въ глубокой древности изображалась не только вообще въ пышныхъ одеждахъ, какъ на мозаикахъ базилики св. Маріи Великой, но именно въ багряницѣ или червленицѣ. Такъ, въ Сирійскомъ кодексѣ Евангелія, писанномъ монахомъ Рабулою въ 586 году, находящемся въ Лаврентіанской библіотекѣ, во Флоренціи,—Богородица изображена въ голубомъ хитонѣ и пурпурной пенулѣ, накинутой на голову. Она обута въ красные башмаки (что было принадлежностью императорскаго Византійскаго костюма) [2]). Въ Сирійскомъ кодексѣ Евангелій также VI-го вѣка, находящемся въ Парижской національной библіотекѣ,—въ изображеніи Благовѣщенія на Богородицѣ пенула также пурпурная [3]).

Весь характеръ представленной иконографіи на иконѣ Благовѣщенія, принадлежащей кисти Костромскаго попа Іоанна Андреева, говоритъ рѣшительно о ея высокомъ достоинствѣ.—Не слѣдуя никакому опредѣленному преданію, не воспроизводя точной реальной исторической обстановки, не вдаваясь въ излишній созерцательный

---

1) Избранныя слова свв. отцевъ въ честь и славу Пр. Богородицы. Изд. Русск. Аѳон. Пантелеймонова Монастыря. СПБ. 1868 г. Стр. 48.

2) См. Н. Кондаковъ. Исторія Византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей. Одесса. 1878 г. Стр. 76-я.

3) Тамъ-же, стр. 83—84.

мистицизмъ, но, придерживаясь своего оригинала, стоящаго въ прямой зависимости отъ Византійской иконографической традиціи, о. Іоаннъ Андреевъ остается вѣрнымъ тексту Евангельскаго сказанія о Благовѣщеніи, православному догматизму этого событія и строго-церковному символизму въ его представленіи на иконѣ. Такъ несомнѣнно и быть должно, ибо православная икона не картина, а «образъ», воплощающій прежде всего и главнѣе всего идею священнаго событія или идеальную сторону священнаго преданія о немъ, — для поклоненія предъ образомъ изображенному на немъ, притомъ непремѣнно и только — въ духѣ церковнаго воззрѣнія на такой предметъ поклоненія.

Николай Троицкій.

Г. Тула. 1910 г.

Словянское заселеніе Ярославской губерніи.

I.

Вопросъ о словянскомъ заселеніи Ярославской губерніи (средоточія древней Ростовской области) затрогивался въ наукѣ много разъ, но болѣе полно началъ обсуждаться лишь съ 70 гг. XIX ст. Всю исторію вопроса изложить довольно затруднительно, ибо мелкія замѣтки и попутныя мнѣнія по предмету моего изслѣдованія разсѣяны въ различныхъ повременныхъ и мѣстныхъ изданіяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя теперь не достанешь. Впрочемъ, едва-ли существуетъ настоятельная надобность въ подобномъ обзорѣ этой исторіи въ виду того, что въ большинствѣ, если не во всѣхъ, писаніяхъ повторяется одно и то-же мнѣніе (кого либо изъ общихъ историковъ Россіи) безъ внесенья въ него не только собственныхъ, очевидно, отсутствовавшихъ взглядовъ, но даже и простыхъ замѣчаній. Таковы почти всѣ многочисленныя изданія мѣстныхъ изслѣдователей, не перечисляемыя мною по ихъ безполезности для выясненія разсматриваемаго вопроса; таковы въ общемъ и многія другія изслѣдованія. Однимъ изъ первыхъ самостоятельныхъ трудовъ въ этой области является работа Д. А. Корсакова «Меря и Ростовское княжество», вышедшая въ 1872 г. въ Казани. Въ ней Корсаковъ пришелъ относительно словянскаго заселенія Ярославскаго края къ такому заключенію, что оно началось въ землю мери очень рано, шло отъ новгородскихъ словенъ, — самое древнее и многочисленное, и изъ приднѣпровья чрезъ земли кривичей и вятичей,—болѣе позднее (XI и XII вв.) и болѣе слабое. Основою переселенцевъ въ мерянскую землю онъ считалъ новгородскую и днѣпровскую вольницы и называлъ ихъ переселенія «вольною колонизаціею», признаваемою имъ за коренную въ землѣ мери. Переселенія княжеской поры онъ называлъ «княжеско-военными», рядомъ съ которыми ставилъ «мона-

стырскія» и наконецъ «промышленно-торговыя», появляющіяся съ развитіемъ торговли и промышленности. Словянское начало укрѣпилось въ землѣ мери ко второй половинѣ IX в.,—города, построенные въ ней, были словянскими поселеніями, ибо городъ—основной признакъ осѣдлости, присущій словянамъ. Онъ соглашался съ Костомаровымъ, что «меря» — лишь «этнографическій терминъ», подъ которымъ нужно разумѣть главнымъ образомъ словянскихъ находниковъ. Ссылаясь на С. М. Соловьева и Костомарова, онъ полагалъ также, что Ростовъ основанъ новгородцами и указывалъ одновременно съ этимъ селенія, носящія названія отъ того же корня: г. Ростовецъ и с. Ростовка въ Кіевской губерніи, волость Ростовцы въ Московской губерніи и г. Ростокъ въ Мекленбургскомъ герцогствѣ [1]). Послѣдняя ссылка мало-понятна: указанныя селенія находятся къ Ю. и къ ЮЗ, а не къ СЗ. отъ ярославскаго Ростова и потому могутъ подтвердить лишь словянство этого названія, что и безъ того ясно, но ни какъ не основаніе Ростова Великаго новгородцами. На оборотъ, они говорятъ, скорѣй, противъ такого допущенія, тѣмъ болѣе, что первые три урочища могли возникнуть да, всего вѣроятнѣе (судя по строенію ихъ названій), дѣйствительно возникли много позже Ростова (въ XI—XII вв.), являясь, скорѣй всего, его выселками. Ростокъ же можно связывать съ Ростомъ и Ростовомъ лишь при томъ только условіи, если это названіе произносилось въ древности, какъ Рóстокъ [2]), а не Ростóкъ, въ каковомъ случаѣ оно является производнымъ отъ р о с т и (ростóкъ, отростокъ), а не отъ р о с т ъ. Впрочемъ я могу указать для полноты существующую до нынѣ деревню Ростово, находящуюся въ противоположномъ г. Ростову концѣ Ярославской губерніи [3]).

---

[1]) Стр. 49, 52, 55.

[2]) Т. е. если оно представляло уменьшительное отъ Р о с т ъ.

[3]) Въ Любимскомъ уѣздѣ, въ Васильевской волости, верст. въ 5 къ В. отъ села и станціи Архан. ж. д. Пречистое, подъ 58°12′ в. д. отъ Ферро и 58°22′ с. ш.; она существовала еще въ XVII в., числясь въ Вокшерской волости (Переписн. кн. 1709 г. № 10 стат. ком., л. сч.—220 об.,—Яросл. Архивн. Ком.). Въ Олонецкой губерніи (Петрозав. у.) ростовать—метать икру (о рыбѣ), област. Ярославское роститься—готовиться снести яйцо (о курицахъ), быть въ повышенномъ настроеніи.

Взглядовъ, подобныхъ Корсаковскимъ, придерживались Костомаровъ, Соловьевъ, И. Д. Бѣляевъ и др., да и вообще такіе взгляды были господствующими. Къ нимъ же примкнулъ и С. М. Шпилевскій («Старые и новые города и борьба между ими въ Рост.-Суздальской землѣ», ст. 17), большой поклонникъ Корсакова, но замѣнилъ его вольницу съ Днѣпра смоленскими кривичами. Взгляды Н. П. Барсова на затронутый предметъ мнѣ полностью не извѣстны [1]), мнѣнія же Е. В. Барсова,—нынѣ старѣйшаго защитника новгородскаго заселенія Ростовской области, — мною разсмотрѣны отчасти въ статьѣ «Кто насыпалъ ярославскіе курганы» [2]). Наконецъ къ сторонникамъ новгородскаго же заселенія Ярославской губерніи слѣдуетъ отнести и Ил. А. Шляпкина, находящаго, что до XIV в. возможно увѣренно установить лишь новгородскій говоръ въ Ростовской области [3]).

Такимъ образомъ защитниковъ мнѣнія о первоначальномъ засѣленіи земли мери новгородцами довольно много и при томъ съ громкими именами, каковое обстоятельство говоритъ уже, до извѣстной степени, за вѣроятность такого мнѣнія. Дѣйствительно, вполнѣ отвергать его, какъ дѣлаетъ А. А. Спицинъ [4]), нельзя. Помимо всѣхъ прочихъ соображеній остается несомнѣннымъ, что новгородцы сосѣдили съ весью, въ свою очередь сосѣдившей съ мерею; что для новгородцевъ не было не только ни какихъ естественныхъ преградъ, но, напротивъ, имѣлись удобные водные пути

---

[1]) Не могъ достать его книги «Очерки рус. истор. географіи».

[2]) «Труды II област. Тверск. археол. съѣзда», от. I, стр. 198. Въ этой работѣ я выступилъ несторонникомъ новгородскаго заселенія Ярославской губерніи, но нынѣ, разсмотрѣвъ подробнѣе и спокойнѣе возраженія противъ такого заселенія и увидѣвъ ихъ малую состоятельность, думаю иначе.

[3]) «Труды Яросл. област. съѣзда», ст. LI. Мнѣнія Костомарова и Соловьева, помимо ихъ работъ («Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», кн. I, стр. 14, 23), изложены еще Корсаковымъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1906 г., IX, ст. 233... его взгляды сложились, очевидно, подъ вліяніемъ этихъ историковъ. Мнѣніе Бѣляева см. «Русск. земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ», ст. 87.

[4]) «Извѣст. Имп. Археол. Ком.» в. 15, ст. 167, 170, 171.

(Мста—Молога и Шексна—Шехонь) для проникновенія въ землю мери; что меря дѣйствовала солидарно съ новгородцами, починщиками въ дѣлѣ изгнанія варяговъ и призванія князей, стало быть имѣла съ ними непосредственныя и болѣе или менѣе установившіяся, а не одни случайныя сношенія и общіе интересы, значитъ до извѣстной мѣры, и общую судьбу [1]). Правда, переселенческое движеніе словянъ въ Россіи сохраняло (и нынѣ сохраняетъ) въ общемъ свое первоначальное направленіе и новгородцы (какъ и другіе) продолжали перемѣщаться къ В. и СВ., но въ частности оно здѣсь пріобрѣло и иныя направленія, между проч. и къ ЮВ. въ землю мери. За это говоритъ не только сходство ярославскаго говора съ новгородскимъ, но и наличность въ Ярославской губерніи до настоящаго времени *погостовъ*,— мѣстъ древнѣйшей торговли, древнѣйшихъ торжищъ словянъ съ иноземцами возлѣ языческихъ капищъ словянъ въ дни ихъ торжественныхъ праздниковъ. На сколько мнѣ извѣстно погосты существуютъ лишь въ земляхъ новгородскихъ и въ земляхъ бывшихъ подъ сильнымъ новгородскимъ вліяніемъ [2]), и въ Ярославской губерніи до нынѣ обозначаютъ мѣстность, занятую храмомъ и церковно-служительскими строеніями. Здѣсь до сихъ поръ различаютъ село, — гражданскую селитьбу, отъ погоста, — храма и его земли, хотя бы погостъ находился всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ села [3]). Затѣмъ. Бѣло озеро упоминается вмѣстѣ съ Ростовомъ на первыхъ страницахъ русскихъ лѣтописей; оно находилось въ землѣ финновъ — веси (вепсовъ), но носило словянское названіе уже

---

[1]) То обстоятельство, что никто изъ призванныхъ князей не сѣлъ въ землѣ мери, обусловливалось какъ желаніемъ ихъ быть ближе другъ къ другу, такъ и меньшею заселенностью земли мери словянами—главными противниками варяговъ, слѣдовательно и меньшею опасностью ея для нихъ, а также и меньшею доходностью для варяговъ этой земли, какъ болѣе дикой въ сравненіи съ словянскими и сильно пословяненными, сосѣдними съ тѣми.

[2]) Въ Новгородской, Архангельской, Вологодской, Ярославской и пр.

[3]) Попъ живетъ на погостѣ, а церковный староста на селѣ —с. Заболотье, Романовскаго у., Яросл. губ. Кладбища получили названія погостовъ оттого, что съ введеніемъ христіанства и до XVIII в. кладбища располагались на погостахъ, у храмовъ.

при первомъ упоминаніи о немъ и у мѣстнаго населенія, сколько извѣстно, не сохранилось для него инороднаго наименованія, что говоритъ объ очень древнемъ займѣ и названіи этого озера словянами. Но кто же изъ русскихъ словянъ,—продолжая первоначальное поступательное движеніе на востокъ,—могъ скорѣе, удобнѣе и легче всего пробраться къ Бѣлу озеру, укрѣпить на немъ свое владѣніе и наименовать его по-своему, какъ не словены—познѣйшіе новгородцы? Противъ этого, кажется, не будутъ возражать и за это же говоритъ какъ образованіе (форма) прозвища озера—сѣверно-русское, такъ, пожалуй, даже и то обстоятельство, что Бѣло озеро и нынѣ находится въ Новгородской губерніи: сходныя причины (тяготѣніе) создали взаимо-подобныя слѣдствія. Впрочемъ дѣло могло быть такъ лишь при томъ условіи, если на Волховъ и къ В. отъ него до словенъ-новгородцевъ не пробирались другіе словяне, о чемъ не имѣемъ пока ни какихъ свѣдѣній и противъ чего говорятъ лѣтописи, выставляющія словенъ первыми словянскими насельниками Волхова [1]). Но если словены первыми изъ словянъ заселили весьскую Бѣлозерскую, то они почти не могли не проникнуть и въ мерянскую Ростовскую землю, соединенную съ первою, какъ говоритъ Соловьевъ [2]), непрерывною удобною для судоходства водною нитью — Шексна — Волга —Которостль съ озерами (Бѣлымъ и Ростовскимъ) по ея концамъ. Именно этимъ путемъ ходили и много позже изъ Новгородской земли въ Ростовскую и обратно [3]) и на концахъ этой водной нити находились древнѣйшіе

---

[1]) А. И. Соболевскій показалъ («Труды II обл. Твер. арх. съѣзда», от. II, ст. 3), что словяне знали оз. Селигеръ, расположенное еще восточнѣе Новгорода, уже въ началѣ христіанскаго лѣтосчисленія. Однако, то были обще-словяне, да и распространеніе ихъ до Селигера, не говоритъ еще о достиженіи ими и Бѣла озера, хотя оно, конечно, не невозможно, разъ готы въ IV в. покорили не только болѣе восточную мерю, но и черемисъ съ мордвою, жившихъ еще дальше ея на В.

[2]) «Исторія Россіи», кн. I, ст. 23.

[3]) Ярославъ I для усмиренія суздальскаго голоднаго мятежа въ 1024 г., ярославскіе волхвы, Янъ Вышатичъ въ 1071 г. и пр. М. В. Рубцовъ («Труды II обл. арх. съѣзда», от. II, ст. 98) считаетъ болѣе удобнымъ путь на Новгородъ чрезъ р. Тверцу и Мсту и указываетъ, что этимъ путемъ

въ сѣверной Россіи словянскіе города Бѣло озеро и Ростовъ, оба расположенные при озерахъ и оба носящіе сѣверно-русскія названія [1]). Если взглянуть на сосѣднюю къ З. обширную кривичскую землю, то замѣтишь, что въ древнѣйшее историческое время въ ней упоминаются три города: Изборскъ, Полотскъ и Смоленскъ [2]), расположенные почти по ея юго-западной границѣ, близъ же новгородскихъ предѣловъ (т. е. по сѣверо-восточной границѣ) городовъ не извѣстно долгое время. Принявъ во вниманіе, что это явленіе наблюдалось въ такую пору русской исторіи, которую отличаютъ отъ послѣдующей названіемъ поры городовъ, придешь къ необходимому заключенію, что средоточіемъ жизни кривичей, ихъ ядромъ въ началѣ русской исторіи была западная половина кривичской страны [3]). а не восточная, занятая весью, все еще не ословяненная [4]) и служившая для кривичей, скорѣе, рынкомъ, ухожаемъ и доходною статьею, чѣмъ собственнымъ владѣніемъ. Дѣйствительно, самостоятельная историческая жизнь на площади нынѣшней Тверской губерніи

шла оживленная торговля Ростовско-Суздальской земли съ Новъ-городомъ и двигались войска и путешественники. Это правда, но для болѣе поздняго времени,—когда образовалось Тверское княжество и когда возвысилась Москва, т. е. для сношеній Новгорода съ Москвою, а не съ Ростовомъ. Когда Москвы не было, шли на Ростовъ.

[1]) Правда, и на Ю. были названія того же образованія, напр. Черниговъ, но здѣсь они, скорѣй, исключенія (въ древнее время), чѣмъ общее правило; на С. же наоборотъ: Новъ-городъ, Бѣло озеро, Ростовъ, Псковъ, Туровъ и др. и еще вопросъ, кто основалъ Черниговъ,—южане или сѣверяне. Первою южною (юго-западною) формою является въ Ростовской землѣ Ярославль, потомъ Углече поле—Углечь (какъ Любечъ), с. Святославле и др. Ростовъ и Ярославль — оба представляютъ прилагательныя-притяжательныя, но разнаго образованія: первое сѣвернаго, второе юго-западнаго. Если оно сложилось бы сѣверянами, оно произносилось бы Ярославовъ, а не Ярославль.

[2]) Названія всѣхъ одинаковаго особаго образованія; Псковъ не упоминаю, какъ новгородскій выселокъ.

[3]) Ближайшая къ инородческимъ, финско-литовскимъ землямъ, Изборскъ стоялъ совсѣмъ на западной границѣ кривичской земли.

[4]) Ибо ея обитатели принимали самостоятельное участіе въ призваніи князей.

(если исключить ея проявленія здѣсь словенами-новгородцами) началась поздно,—Тверь впервые упоминается не ранѣе 1135 г. [1]), Тверское княжество появляется въ XIII в., а до этого тутъ преобладало новгородское вліяніе. *Торжокъ* (на р. Тверцѣ, верст. въ 70 отъ Твери къ З.), *Бѣжецкъ* (на Рыб.-Болог. ж. д., верст. въ 30 отъ верхней Мологи и всего вер. 70 отъ западной границы Ярославской губ.), *Волокъ-Ламскій* (въ сѣверо-западномъ углѣ Московской губ.)—новгородскія поселенія [2]) и расположены въ восточной половинѣ кривичской земли, ядро которой—Смоленское княжество тянуло къ З. по Двинѣ къ Ригѣ, гдѣ были его торговые интересы. Слѣдовательно движеніе кривичей по верхней Волгѣ, къ В. отъ своего средоточія было слабо и подавлялось перекрестнымъ движеніемъ новгородцевъ-словенъ къ Ю. [3]).

Вотъ что изъ главнаго можно сказать въ пользу первоначальнаго новгородскаго (изъ Новгородской земли) заселенія Ярославской губерніи—части древней Ростовской области. Противъ его выставляется не много: 1) историческая преемственность явленій вслѣдствіе преемственности причинъ, ихъ вызывавшихъ и условливавшихъ, т. е. то, что первое послѣ ледовища заселеніе Ярославскаго края шло и могло идти только съ Ю. (и ЮВ.) по мѣрѣ отступанія ледовища къ С.; 2) распространеніе сперва епархіи, а потомъ и Ростовскаго княжества съ Ю.—отъ Ростова къ С. до Бѣла озера, а не наоборотъ; 3) движеніе въ томъ же направленіи монастырскихъ поселеній; 4) сосредоточеніе на Мологѣ и Шекснѣ инородцевъ, сохранявшихся тамъ до XVI в. включительно; 5) особенности рѣчи (звукозности ея фонетики и частью словарныхъ данныхъ), отличныя отъ новгородскихъ говоровъ [4]), и 6) наконецъ,

---

[1]) «Труды Яр. обл. съѣзда», стр. 155, 157.

[2]) Соловьевъ. «Ист. Рос.», кн. 1, стр. 14.

[3]) И. Д. Бѣляевъ, Борзаковскій, В. И. Колосовъ считаютъ Тверь новгородскимъ поселеньемъ («Тр. Яр. обл. съѣзда», стр. 155, 156). Особенности тверского говора—цоканье и дзеканье, наблюдается въ Ярославской губерніи лишь у ея западной границы.

[4]) См. мою ст. «Кто насыпалъ яросл. курганы»—«Труды II обл. арх. съѣзда», от. I, ст. 223.

заселеніе словянами мерянской земли еще въ обще-словянскую пору и вскорѣ послѣ ея, т. е. еще тогда, когда словяне не распались на отдѣльности. Однако нужно признать эти возраженія, за исключеніемъ послѣдняго, слабыми. Преемственность, конечно, дѣйствовала, но гл. обр. лишь въ древнѣйшія времена заселенія края, а затѣмъ очень сильно была подавлена явившеюся возможностью передвиженія человѣка въ данной мѣстности по разнымъ направленіямъ. Конечно, заболоченность и озерность Тверской губерніи держалась очень долго послѣ ледовища (и теперь еще значительна), ибо изъ этой губерніи до нынѣ выходятъ такія рѣки, какъ Волга, Двина Западная и Днѣпръ, но древніе словяне не боялись воды, а напротивъ пользовались ею (еще въ VI в.), по византійцамъ, для своей защиты, прячасть на дно болотъ, озеръ и рѣкъ и строя (по арабамъ, Бенъ Якубъ) свои города среди тѣхъ же болотъ и озеръ [1]); цѣлая большая отдѣльность словянъ прозвалась отъ своего болотистаго мѣста жительства (дрягвы) дреговичами. Стало быть болотистость Бѣлозерья и Тверщины не могли помѣшать словенамъ проникнуть уже въ глубокой древности (въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х.) въ землю мери. Нѣсколько труднѣе понять и объяснить второе изъ приведенныхъ явленій. Съ принятіемъ Владиміромъ святымъ христіанства и съ признаніемъ имъ христіанства господствующею вѣрою, оно водворилось или, точнѣе, посажено въ трехъ точкахъ Руси,—въ Кіевѣ, Новгородѣ и Ростовѣ, образовавъ со временемъ три же соименныя указаннымъ городамъ епископства или епархіи [2]). Для Кіевской земли христіанство было не новостью, оно тамъ привилось и прочно укрѣпилось еще задолго до Владиміра и потому понятно, что Кіевъ служилъ его средоточіемъ и исходною точкою для остальной Руси. Должно было быть и, не-

---

[1]) «Труды XI арх. съѣзда», т. I, ст. 413.

[2]) Едва-ли не самостоятельныхъ (первое время), ибо подчиненности ихъ другъ другу не видно, хотя ее и подсказываетъ заимствованіе нами христіанства и первыхъ епископовъ изъ Византіи, строго и во всемъ проводившей чинопочитаніе и подначаліе. Впрочемъ о независимости новъгородскаго епископа положительно извѣстно, а независимость другихъ вытекаетъ изъ ихъ отношеній другъ къ другу и къ князьямъ.

сомнѣнно, было знакомо и даже, хотя частью, уже привито христіанство и въ Новъ-городѣ, стоявшемъ на греко-варяжскомъ пути, по которому возвращались на родину или въ самый этотъ городъ торговавшіе, и служившіе въ Византіи варяги и пристававшіе къ нимъ словены, которые почти невольно узнавали тамъ и въ нѣкоторой долѣ даже усвоивали основы христіанства. Но ничего подобнаго не видится для Ростова, расположеннаго въ глуши, въ сторонѣ не только отъ Днѣпра, но и отъ Волги—главнѣйшихъ тогдашнихъ путей сообщенія, удаленнаго отъ средоточій жизни того времени и мало привлекавшаго къ себѣ вообще чье-либо вниманіе. Уже первые варяжскіе князья отнеслись къ нему, какъ къ второстепенному,ославъ въ него посадника—князка мужа съ его дружиною. Послѣдующіе князья не измѣняли этого отношенія вплоть до Владиміра, хотя и при немъ его сыновья Борисъ и Ярославъ только числились ростовскими князьями, кормились отъ него, пользуясь данью, но не жили въ немъ. [1]) Да если даже и жили бы, такъ все равно не могли бы оказывать большого вліянія не только на всю Ростовскую землю, но лишь и на самый Ростовъ, въ которомъ и княжескіе посадники, и смѣнившіе ихъ князья (правившіе также чрезъ своихъ посадниковъ, какъ не жившіе лично въ Ростовѣ), были не владыками-завоевателями, какъ въ Кіевѣ, а добровольно приглашенными наемными правителями съ опредѣленнымъ договорами кругомъ обязанностей. Больше всего они, конечно, заботились объ исправномъ сборѣ дани—условленной наемной платы за свою службу, но попутно творили

---

[1]) Борисъ—любимецъ Владиміра—находился постоянно при отцѣ, Ярославъ почти вслѣдъ за назначеніемъ въ Ростовъ былъ переведенъ въ Новъ-городъ, въ которомъ и жилъ даже послѣ смерти отца и послѣ войны съ братомъ Мстиславомъ въ 1024 г.: сѣдяше въ Новѣ-городѣ и бѣяху Кіевѣ (а тѣмъ болѣе въ Ростовѣ) *мужи* Ярославли (Лѣтоп. пр. Нестора по Лавр. сп., ст. 84). Даже внукъ Ярослава I Вл. Мономахъ хотя и правилъ Ростовскою землею, но самъ въ ней не жилъ; въ своемъ поученіи онъ между проч. говоритъ: самъ створилъ дѣла... на *пасадники* не зря, ни на биричи (отъ бира—бирка?), самъ творилъ, что было надобѣ (Тоже, ст. 140).

судъ и расправу тѣмъ, кто обращался къ нимъ за этимъ, и, въ случаяхъ опасности, защищали,—собирали земскую рать и руководили ею. Такое положеніе вещей здѣсь, помимо другого, засвидѣтельствовано лѣтописью: схваченные на Бѣломъ озерѣ воеводою Святослава Ярославича Яномъ ярославскіе волхвы гордо заявляютъ ему: «намъ предъ Святославомъ (т. е. нашимъ княземъ) стати, а ты не можеши намъ сътворити ни что же» [1]). Слѣдовательно изъ трехъ главныхъ государственныхъ областей древней Руси [2]) наименѣе подготовленною для принятія христіанства была Ростовская – наиболѣе удаленная отъ словянства и наиболѣе инородческая.

Дѣйствительно язычество чрезвычайно упорно боролось здѣсь съ новымъ ученіемъ и изъ источниковъ не видно, чтобы до Ярослава I правительство помогало воцаренію послѣдняго. Въ Ростовѣ все время были княжескіе намѣстники, княжьи мужи съ ихними дружинами, но, видимо, ни сами они, ни ихъ дружинники не сочувствовали перемѣнѣ вѣры, такъ какъ нѣтъ ни одного упоминанія о какомъ либо содѣйствіи съ ихъ стороны водворенію въ краѣ христіанства. Возможно, что проявленію такого содѣйствія мѣшала малочисленность намѣстнической дружины [3]), могшая оказаться роковою при возникновеніи общаго недовольства въ краѣ, каковое недовольство легко могло проявиться въ случаѣ примѣненія рѣзкихъ насильственныхъ мѣръ при введеніи новой вѣры. Но еще возможнѣе и много вѣроятнѣе, что мѣстная власть, помимо своего личнаго отношенія къ нововведенію, не считала себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла вѣры управляемаго ею населенія, какъ приглашенная этимъ населеніемъ совсѣмъ не для того. Какъ бы не было, но въ то время, когда «Путята крестилъ мечомъ, а

---

[1]) И такъ во второй половинѣ XI в., когда часть ярославскаго поволжья, захваченная силою Ярославомъ I, срубившимъ тамъ и свой городъ, была уже княжескимъ владѣньемъ.

[2]) Соловьевъ (тоже, кн. I, ст. 12) принимаетъ 4,—еще З.-Двинскую или Кривичскую, но эта область ясно опредѣляется лишь позже.

[3]) Хотя такая малочисленность не мѣшала полюдью, т. е. сбору дани, а позже (въ XI в.) и преслѣдованію язычества хотя бы Яномъ на Бѣломъ озерѣ.

Добрыня огнемъ» упорныхъ новгородцевъ, въ Ростовѣ дѣло обстояло такъ. Первый ростовскій епископъ Ѳеодоръ-грекъ [1]), прибывшій изъ Греціи и назначенный въ Ростовъ, спустя 2 года (по другимъ 4 г.) по крещеніи кіевлянъ,—въ 990 г., «не могъ привести ростовцевъ въ совершенное богопознаніе и боговѣріе и, *досадъ* же и *гоненія* отъ нихъ не стерпѣвъ, *бѣжа въ греки* паки» [2]) (въ 992 г.).

Слѣдующій епископъ Иларіонъ, также грекъ, прибывшій изъ Царь-града (Константинополя), подобно Ѳеодору — «*гнѣва* и *досажденія* терпѣти не возможе, въ свою греческую землю отъиде» [3]), по Степенной книгѣ (I, 153), въ томъ же 992 г.

---

[1]) Въ ростовскомъ лѣтописцѣ А. А. Титова (Лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ, изд. Общ. любит. древ. письм. XCIV, прим. 1) предъ Ѳеодоромъ указанъ еще Ѳома, бѣжавшій изъ Ростова, какъ и тотъ, отъ преслѣдованія язычниковъ въ Муромскую и Чудскую области. Это извѣстіе мало заслуживаетъ довѣрія: о Ѳомѣ нѣтъ упоминаній въ источникахъ. Кромѣ того, если онъ и могъ удалиться, то лишь въ какую либо одну изъ названныхъ областей, ибо онѣ въ разныхъ концахъ и далеко др. отъ друга. Но дѣло-то въ томъ, что населеніе этихъ областей сопротивлялось христіанству не меньше ростовцевъ и сверхъ того было диче ихъ, ст. б. ни Муромская, ни Чудская области убѣжищемъ для проповѣдника христіанства не могли служить. Въ лѣтописи попа Іоакима разсказывается, что Путята—воевода Владиміра—громилъ упорствующихъ новгородцевъ, возмущаемыхъ жрецомъ Богомиломъ и тысячскимъ Угоняемъ, съ ростовцами («Истор. Гос. Рос.», Карамзинъ, изд. 1830 г., т. I, прим. 416), однако и это сообщеніе также не заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ ростовцы упорствовали еще больше новгородцевъ. Тѣмъ не менѣе пословица о Путятѣ и Добрынѣ, несомнѣнно, имѣла дѣйствительное основаніе.

[2]) «Труды Яр. статист. комит.», вып. V. Лѣтопись о рост. архіереяхъ, ст. 185. Жизнеописаніе угодниковъ божіихъ, жившихъ въ предѣлахъ нынѣш. яр. епархіи, гр. М. В. Толстой, изд. 1885 г., ст. 1.

[3]) «Труды Яр. ст. ком.», вып. V. Ап. Пл. Крыловъ, придерживаясь степенной книги, полагаетъ (Іерархи рост.-яр. паствы, ст. 16), что Ѳеодоръ и Иларіонъ были въ Ростовѣ и ушли изъ него въ одномъ и томъ же 992 г. и что послѣ нихъ тамъ никого не было 62 года. Титовъ (прим. 3) считаетъ этотъ срокъ въ 80 лѣтъ съ лишкомъ. Вообще же извѣстій о первыхъ ростовскихъ епископахъ и очень мало, и они перепутаны и не точны. Крыловъ на ст. 7 говоритъ, что Ѳеодоръ былъ назначенъ въ Ро-

Преемникъ его, но чрезъ 80 лѣтъ (по другимъ чрезъ 62) пустованья «кафедры», Леонтій св., опять-таки грекъ, прибывшій въ Россію изъ Константинополя же, но предварительно долго (15 — 20 лѣтъ) жившій въ кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ и освоившійся съ русскими, могъ явиться въ Ростовъ (по М. Толстому, ст. 1.) не позже 1051 г., т. е. уже при князѣ Ярославѣ I, а жилъ тамъ при его сынѣ, южно-переяславскомъ князѣ Всеволодѣ, въ удѣлѣ котораго состояла и Ростовская земля. Тѣмъ не менѣе ростовцы изгнали и Леонтія изъ Ростова, хотя не трогали построенной еще Ѳеодоромъ дубовой Успенской церкви, вѣроятно, по причинѣ близости ея къ жилью посадника. А такъ какъ Леонтій упорствовалъ и, поселившись близъ города у р. Брутовщины и построивъ церковку Михаила архангела (существующую до нынѣ у Спасо-Яковлевскаго монастыря, но конечно не въ первоначальномъ видѣ),

---

стовъ митр. Михаиломъ, а на ст. 14 — Леонтіемъ. «Ѳеодора же епископа посла въ Ростовъ съ кн. Борисомъ. Той бысть первый епископъ Ростову и крести Ростовскую землю и Суздальскую, много поучивъ вѣрѣ христіанской, но не можаше увѣрить до конца, поне-же искони злому ихъ невѣрствію вкоренившуся, изгнанъ бысть отъ нихъ». («Ист. рус. цер.», Макарій, т. I, прим. 25, Крыловъ, ст. 14). Почти то же сообщается и про Иларіона: Въ его же (Ѳеодора) мѣсто въ Ростовъ присланъ бысть епископъ Иларіонъ, — то бѣ первый, присланный съ мученикомъ Борисомъ отъ кн. Владиміра. Людіе же окрестъ сущіи, е-ли-цы зломысліемъ одержимы и е-ли-цы древле невѣріемъ погружени вси, вооружахуся на святаго, паче же самъ сатана, и-же древле чтимъ бяше отъ нихъ (Изъ житія св. Леонтія препод. «Яр. Епарх. Вѣд.» 1874 г. № 45—Авраамій, архим. рост. чудот., отт. ст. 12). М. Толстой сообщаетъ (по Макарію, т. I, ст. 6), что Ѳеодоръ ростовскій ушелъ изъ Ростова не въ Грецію, а въ Суздальскую землю и что даже въ Суздальскомъ соборѣ лежатъ его мощи. Это сообщеніе — лишь простой домыселъ, неимѣющій твердыхъ основаній, а не положительное данное и я лично довѣряю больше лѣтописи о ростовскихъ архіереяхъ, ибо Суздальщина была нисколько не податливѣе Ростовщины къ христіанству, скорѣе наоборотъ. По крайней мѣрѣ мятежъ, поднятый волхвами, разразился въ Суздальщинѣ раньше, чѣмъ въ Ростовщинѣ. Кромѣ того, Ѳеодоровъ въ Ростовѣ извѣстно нѣсколько, да неизвѣстныхъ могло быть также нѣсколько и, сверхъ всего, могли быть еще и суздальскіе. Мѣстныя изданія, затрогивавшія этотъ предметъ, повторяютъ большинствомъ Макарія, не внося ничего своего.

продолжалъ учить христіанству дѣтей ростовцевъ, привлекая ихъ къ себѣ медомъ, кутьею и ласками, то, по словамъ владимірскаго епископа Симона (XII—XIII вв.) [1]), «его же невѣрніи, много мучевше, убиша» въ 1073 г. [2]). Его убійство не всѣми признается [3]), но оно допустимо, какъ плодъ взрыва негодованія приверженцевъ старины (реакціи), озлобленныхъ и взбѣшенныхъ начавшими проявляться успѣхами новаго ученія, въ корнѣ подрывавшаго и отвергавшаго ихъ міровозрѣніе и вѣру и перестроивавшаго жизнь на иныхъ, глубоко отличныхъ отъ прежнихъ, началахъ. Если вѣрны указанные годы святительства св. Леонтія, то за 20 лѣтъ своей жизни въ Ростовѣ онъ при отличавшей его настойчивости, сноровкѣ и умѣньи успѣлъ несомнѣнно больше предшественниковъ распространить христіанство въ окрестностяхъ Ростова [4]) и въ Ростовской землѣ. И хотя язычество еще очень сильно преобладало въ ней, но съ начатками христіанства все же уже успѣли ознакомиться широкіе круги жителей, прислушаться и попривыкнуть къ разговорамъ о немъ, вслѣдствіе чего ихъ острая, буйная нетерпимость и враждебность къ новой вѣрѣ притупились и смякли. Это слѣдуетъ какъ изъ житія преемника Леонтія св. Исаіи, который «утверждаше *ново-*

[1]) Кіевскій патерикъ XV в. синодальной библіотеки. Карамзинъ. «Исторія Государ. Россійск.», изд. 3, ч. 2, прим. 123.

[2]) По М. Толстому: Крыловъ опредѣляетъ время святительствованія св. Леонтія 1054—1070 г. (Іерархи рос.-яр. паствы. ст. 17, 19).

[3]) «Житія ростовск. чудотворцевъ божіихъ» Н. К. (Корсунскій), ст. 9.

[4]) Титовъ (тамъ же) сообщаетъ, что въ Ростовѣ донынѣ сохранилась по преданію память о дѣятельности Леонтія, о его кормленьи дѣтей сладкою кутьею и о борьбѣ съ ростовскимъ жрецомъ Кичемъ, его главнымъ противникомъ, въ концѣ-концовъ все же крещенымъ Леонтіемъ. Память о кутьѣ не могла не сохраниться, разъ о ней говорится въ житіи епископа и разъ его мощи лежатъ тамъ, гдѣ онъ дѣйствовалъ и гдѣ память его всегда высоко чтилась. Кромѣ того и народное преданіе могло долго помнить о кутьѣ, какъ о хитромъ и даже лукавомъ пріемѣ епископа, особенно возбудившемъ противъ него ростовцевъ. Что касается преданія о Кичѣ, то трудно сказать о немъ что нибудь опредѣленное, не имѣя самого преданія и его изводовъ. Могло и оно храниться письменностью (но едва ли памятью), а можетъ быть и мѣстной выдумкою любителя или пріуроченіемъ чужого сказанія къ мѣстному лицу.

просвѣщенные люди», такъ и изъ отвѣтовъ ярославскихъ волхвовъ Яну, свидѣтельствующихъ о ихъ знакомствѣ съ христіанскимъ ученіемъ [1]). И оно понятно. Дѣти ростовцевъ, посвященныя въ христіанство въ молодые годы, когда всякія впечатлѣнія закрѣпляются вообще очень прочно, къ концу жизни св. Леонтія стали уже взрослыми людьми и многіе изъ нихъ, конечно, относились къ нему доброжелательно, помня его ласку, кротость и привѣтъ. Трудно признать всѣхъ ихъ добрыми христіанами, жизнь съ ея соблазнами и всякими другими давленіями, а равно среда и пр., разумѣется, многихъ заставили забыть воспринятое въ дѣтствѣ вполнѣ или частью, но не мало осталось и христіанами, на сколько могутъ быть ими ново-обращенные язычники. Именно и главнымъ образомъ этимъ объясняется то обстоятельство, что со временемъ при Леонтіи, какъ сообщаетъ его житіе, былъ причтъ или «священный соборъ» [2]) и болѣе или менѣе открытое христіанское служеніе. Однако христіанство все еще нельзя считать господствующею вѣрою не только въ Ростовской землѣ, но и въ самомъ Ростовѣ. Правда, еп. Исаія (1078—1090 г.) — кіевлянинъ, печерскій постриженникъ, — жилъ здѣсь, по словамъ житія, — «утверждаше ново-просвѣщенные люди и, обходя грады и веси, яже въ Ростовстѣй и Суздальстѣй области, сокрушаше идолы и крестяше пріемлющія святую вѣру» [3]), а также строя на мѣстахъ суевѣрія христіанскіе храмы, т. е. дѣйствовалъ не только открыто, но и властно и, будьто бы, даже окончательно низложилъ язычество въ Ростовско-Суздальской землѣ, принадлежавшей (по дани и управленію) уже Вл. Мономаху [4]). Однако это извѣстіе нужно понимать очень условно и относительно, ибо оно подрывается во 1) само собою (если крестилъ, то очевидно, не всѣ были крещены и язычество не было еще низложено; если крестилъ лишь пріемлющихъ св. вѣру, то также очевидно, что были еще и не желавшіе принимать ее), во 2) житіемъ преп. Авраамія, жив-

---

[1]) Знаютъ Бога, сатану, антихриста, уходъ души послѣ смерти человѣка на небо къ Богу и пр.

[2]) Толстой, ст. 2.

[3]) «Лѣтоп. о рост. арх.»; Толстой, ст. 4.

[4]) Толстой, ст. 5.

шаго позже Исаіи лѣтъ на 50 [1]). Въ этомъ житіи, составленномъ въ XVI в., повѣствуется, что Авраамій, — Иверикъ-чухломецъ, — придя изъ Валаамскаго монастыря къ озеру Неро и поселившись на его берегѣ не далеко отъ Ростова, «малую колибицу себѣ воткнувъ» [2]), т. е. поставилъ часовенку-кіоту на столбѣ (боженку). О немъ скоро провѣдали и къ нему начали приходить и даже «сожительствовати благоразумніи богобоязниві человѣцы», которымъ онъ «совѣтоваше полезная» и «исцѣляше страсти (страданія) неисцѣльныя», что, надо думать, главнымъ образомъ и влекло къ нему ростовцевъ, ибо «видѣвъ же преподобный прелесть идольскую, сущу въ Ростовѣ, не убо бѣ еще пріяша святое крещеніе, но чудскый конецъ единаче [3]) поклоняшеся идолу каменну», ибо омрачены были сердца ихъ бѣсовскимъ омраченіемъ, былъ же бѣсъ, живущій въ идолѣ, и близь его ни кто не смѣлъ ходить путемъ тѣмъ, и мечты (мерестчанье, созданія воображенія) и страхи *творилъ христіанамъ* своимъ *омраченьемъ* [4]). Авраамій молился о помощи свыше «разорити сего много-козненнаго идола», но «не возможе», ибо окаянный злымъ *волшебствомъ* не давалъ даже только близко пройти мимо себя. Понятно идолъ не могъ проявлять

---

[1]) Въ житіѣ Авраамія упоминается ростовскій еписк. Ѳеодоръ; ихъ было (извѣстно) въ первую пору три: съ 990—992, 1171—1172 и 1320—1395 г. («Лѣт. о рост. арх.»), изъ нихъ къ Авраамію можетъ относиться лишь второй или третій. Большинство опредѣляетъ время Авраамія XII в., но есть основанія относить его даже къ XIV в., какъ дѣлаетъ Е. Е. Голубинскій; М. Толстой (ст. 28) опредѣляетъ это время 1073—1103 г., но не основательно, ибо В. Мономахъ (1063—1125) былъ великимъ княземъ кіевскимъ 1113—1125 г. («Ист. Госуд. Рос.» Карамзинъ, изд. 3, т. II, ст. 169, 183), а судилъ Авраамія именно великій князь; точно также г. Владиміръ, въ которомъ судился Авраамій, упоминается лишь съ 1155 г. («Стар. и нов. города...» С. Шпилевскій, ст. 23). Карамзинъ («Ист. Госуд. Рос.», изд. 3, т. I, прим. 416) полагаетъ, что Авраамій жилъ въ то время, когда Ростовъ былъ уже Владимірскою областью, т. е., стало быть, въ XII в.

[2]) Преп. Авраамій архим. рост. чудотв Отт. «Яр. Еп. Вѣд.» 1874 г., ст. 12.

[3]) Этого слова нѣтъ въ краткой редакціи; единаче—однако—одначе—одиначе—одинако.

[4]) Преп. Авраамій... ст. 3.

ни чего подобнаго, но такъ была сильна еще вѣра въ отвергаемыхъ языческихъ боговъ, что даже пожилой [1]) и испытанный валаамскій монахъ Авраамій боялся чтимаго Велеса и такъ былъ проникнутъ разсказами о его могуществѣ [2]) (услышанными имъ, — какъ пришлецомъ,—лишь на мѣстѣ и, конечно, не отъ язычниковъ, которые едва ли обращались къ Авраамію за чѣмъ нибудь, а отъ новообращенныхъ христіанъ), что не рѣшался даже подойти къ нему: «тщуся и молюся Господу... и не возможно ми». Потребовалось сильное и властное перевнушеніе особо авторитетнаго и поразительно-представительнаго («страшна и красна [прекраснаго] суща зѣло»)— лица, названнаго въ житіи І. Богословомъ, что бы побѣдить то предубѣжденіе, которое завладѣло Авраамiемъ подъ впечатлѣніемъ слышанныхъ имъ разсказовъ, т. е. подъ вліяніемъ ненамѣреннаго внушенія. Какъ только это внушеніе (и, частью, самовнушеніе— плодъ раздумыванья) было разрушено, такъ тотъ-часъ дѣло и сдѣлалось самымъ простымъ и легкимъ образомъ: «пріиде безъ возбраненія и изводе его тростію, и Велесъ въ прахъ бысть, и съ каменіемъ въ бездну посла» [3]).

На идольскомъ мѣстѣ Авраамій построилъ «церковь малу» (не было помощниковъ и сочувствующихъ) во имя Богоявленія, а затѣмъ кельи, созвалъ въ нихъ монаховъ и «общину сотвори» верстахъ въ 2 къ СВВ отъ тогдашняго Ростова [4]). Однако этому— одному изъ первыхъ—ростовскихъ монастырей пришлось не мало вытерпѣть отъ язычниковъ: «и множества зла подъятъ отъ невѣр-

---

[1]) Болѣе 50 лѣтъ («Житія ростов. угодн. бож»., ст. 26).

[2]) Проникнуться этими разсказами Авраамію было тѣмъ легче, что онъ былъ самъ ново-крещенымъ и еще не особенно давно вѣровалъ въ тѣхъ боговъ и страшился тѣхъ истукановъ, противъ которыхъ возставалъ въ Ростовѣ. Отдѣлаться отъ множества суевѣрій, вкоренившихся съ дѣтства, онъ, конечно, не могъ, если даже и желалъ бы этого всею душою, т. к. мы еще въ XX в. глубоко вѣримъ тѣмъ же самымъ или подобнымъ представленіямъ.

[3]) То же, ст. 4, 12; Яр. Еп. Вѣд. 1890 г. № 14—15.

[4]) Съ разрѣшенія еп. Ѳеодора, коего распространенное житіе выдаетъ за перваго ростовскаго епископа, но какъ доказано, совсѣмъ не основательно.

ныхъ, ово-гда же хотяще разорити святыню и сожещи, но Богу не попустившу ихъ молитвами» [1]). Житіе сообщаетъ, что Авраамію довольно скоро удалось крестить всѣхъ «отъ мала и до велика», но оно же прибавляетъ, что за церковныя службы ходили «жены и отроци» и что нѣкоторые отроки *тайно* уходили къ нему и постригались въ монахи. А это позволяетъ думать, что мужчины, по крайней мѣрѣ Чудскаго конца, все еще сторонились церкви и новой вѣры и запрещали принимать ее своимъ домашнимъ. Холодность къ монастырю замѣтна, судя по житію, даже въ правителяхъ Ростова, не смотря на то, что этотъ монастырь возникъ спустя 100 лѣтъ съ лишкомъ по крещеніи Руси. Въ житіи разсказывается, что «князи же ростовстіи начаша вѣру велику имѣти къ монастырю и ко отцу своему Авраамію» лишь послѣ того, какъ Авраамій «церковь велію созда и украси ю, яко невѣсту Христову, чудными иконами и святыми книгами» и когда въ ней «множашеся пѣніе святое». Великій же князь требовалъ Авраамія даже на судъ къ себѣ во Владиміръ по клеветѣ [2]).

---

[1]) А не защитою правителя, коимъ житіе выставляетъ «князи ростовстіи», ст. 6.

[2]) Вообще въ особой, хотя бы только и наружной, набожности нельзя винить даже и кіевскихъ князей, какъ то слѣдуетъ изъ нѣкоторыхъ попутныхъ замѣчаній лѣтописей. И оно понятно, — духа Христова ученья не понимали и сами проповѣдники и ученіе это распространялось по Руси въ видѣ православія, да еще по преимуществу монахами. Вслѣдствіе этого все ученье свелось къ отрицанью жизни, мірского, къ требованію отрѣшенья отъ всякой радости и удовольствія, какъ отъ грѣховнаго, и къ призыву къ непрестанной молитвѣ, жертвамъ и подвигамъ. Въ такомъ видѣ ученье Христа было очень скучно и утомительно, имъ тяготились и его отбывали, какъ повинность. Въ житіи Петра царевича ростовскаго разсказывается, что ростовскій князь Борисъ Васильевичъ отказался дать ему землю подъ монастырь даромъ, а потребовалъ за нее очень большую плату. И это не смотря на то, что монастырь строился по особому откровенію, при ближайшемъ участіи епископа, племянникомъ хана Беркая (Берки) и на то, что дѣло происходило во второй половинѣ XIII в. (цар. Петръ † 1290 г. «Рост. Петр. монастырь и его основатель пр. Петръ царевичъ». Н. Чуфаровскій, ст. 4—7). Житіе Авраамія, какъ и большинство житій, возбуждаетъ къ себѣ недовѣріе и вызываетъ разногласія изслѣдо-

Съ XII в. нѣтъ упоминаній въ источникахъ (исключая житій) о рѣзкихъ проявленіяхъ язычества въ Ростовской области. Кромѣ того

вателей многими неточностями и смѣшеніями. Оно вызывало споры уже въ XVII в., какъ видно изъ обнародованнаго М. И. Соколовымъ списка житія XVIII в. («Яр. Еп. Вѣд.» 1890 г. № 14 и 15). Е. Е. Голубинскій («Ист. Рус. Церкви», т. I, вторая ½, ст. 641) отождествляетъ Авраамія съ ростовскимъ же игуменомъ Авраміемъ Низкимъ, ѣздившимъ въ 1385 г. съ митр. Пименомъ въ Константинополь. За XIV в. говоритъ еще упоминаніе въ житіи Валаамской обители, появившейся лишь съ XIV в., затѣмъ великое княженье во Владимірѣ, а не въ Кіевѣ и наличность нѣсколькихъ князей (удѣльныхъ) въ Ростовѣ. Сопоставленія Голубинскаго остроумны и подходящи, но все же едва-ли окончательно рѣшаютъ вопросъ о времени жизни Авраамія въ Ростовѣ, какъ опирающіяся на житіе, составленное лишь въ XVI в. и принимаемое Голубинскимъ за основное. Если Авраамій жилъ бы дѣйствительно въ XIV в., тогда это житіе имѣло бы большое значеніе, такъ какъ 200 лѣтъ (5—6 поколѣній) для народной памяти о выдающемся человѣкѣ, какимъ, безспорно, былъ Авраамій для ростовцевъ), и особенно въ разсматриваемую пору, когда жизнь была много проще и когда вслѣдствіе этого запоминать приходилось гораздо меньше, почему запоминаемое держалось въ памяти лучше) не стоятъ за предѣломъ досягаемости и въ теченіи этого времени главныя черты, характерные случаи и даже иныя мелочи личности и ея дѣятельности могутъ сохраняться еще довольно близко къ дѣйствительности. Но здѣсь дѣло стоитъ иначе. На основаніи источника XVI в., составленнаго завѣдомо по воспоминаніямъ когда-то слышаннаго и читаннаго и по отрывочнымъ письменнымъ даннымъ (см. указанную статью Соколова, ст. 21), нужно установить, когда въ Ростовѣ христіанство было еще на столько не преобладающею вѣрою, что цѣлый Чудскій конецъ города не только не признавалъ этой вѣры, но не считалъ нужнымъ и скрывать своего язычества, защищая его, творя «многія пакости» его врагамъ и открыто поклоняясь идолу Велеса, открыто же стоявшему въ этомъ концѣ и внушавшему почтительный страхъ не однимъ христіанамъ мірянамъ, а и самому духовенству (до сихъ поръ очень суевѣрному). Если принять это во вниманіе, то мысль о XIII — XIV вв. отпадаетъ: при описаніяхъ татарскаго разоренія Ярославля, Ростова, Владиміра и другихъ мѣстъ Ростовской области письменность не обмолвливается ни о чемъ похожемъ на язычество. Напротивъ, она подчеркиваетъ высокій православно-христіанскій подъемъ духа, всюду страстно молятся, говѣютъ, пріобщаются, бѣгутъ въ церкви, проводятъ въ нихъ цѣлые дни.

въ XII в. въ ней правилъ сильный и набожный (хотя бы внѣшне) князь Юрій (Георгій) Долгорукій. Конечно указанное не значитъ, что язычество совершенно уничтожилось въ области и всѣ стали истинными христіанами,—это немыслимо, когда мы въ XX в. празднуемъ и справляемъ языческую масляницу,—но это значитъ, что остатки язычества были уже окрашены (и весьма замѣтно) православіемъ, а языческіе обряды и праздники отправлялись большинствомъ не въ честь идоловъ языческихъ боговъ, а въ честь образовъ Христа и Его угодниковъ [1]). Но XI в. отмѣченъ для Ростовской области сильными, хотя и послѣдними открытыми вспышками угасавшаго язычества. Въ 1024 г. въ Суздальской землѣ открылся сильный голодъ: «мужи своя жены даяху,—да прокормятъ себѣ,—

[1]) Въ Переяславлѣ залѣсскомъ еще въ XVII в. чтили большой камень, лежавшій въ оврагѣ за Борисо-Глѣбскимъ монастыремъ и, яко-бы, одержимый бѣсомъ, творившимъ «мечты». Въ день Петра и Павла — 29 іюня къ камню сходилось множество народа всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній для поклоненія и отправленія языческихъ обрядовъ. По совѣту препод. Иринарха—затворника ростовскаго Борисо-Глѣбскаго монастыря этотъ камень свалилъ въ яму и засыпалъ землею переяславскій діаконъ Онуфрій, за что и подвергся преслѣдованіямъ не только мірянъ, но и священниковъ, лишившихся доходовъ за отправленіе христіанскихъ обрядовъ предъ предметомъ языческаго почитанія («Жизнь преп. Иринарха, затворника рост. Бор.-Глѣб. монастыря, что на Устьѣ рѣкѣ». Арх. Амфилохій, изд. 2, ст. 27. «Яр. Епар. Вѣд.» 1872 г. № 43—50 и оттискъ изъ нихъ, ст. 34). Слѣдовало бы Владимірской архивной коммиссіи разыскать этотъ камень. Появленіе множества чудотворныхъ иконъ, въ сущности и первоначально, есть ни что иное, какъ слѣдствіе борьбы христіанства съ язычествомъ и старанія проповѣдниковъ христіанства направить стремленіе язычниковъ къ вещественности предмета своего поклоненія на предметы обстановки христіанскаго богослуженія, что бы отвлечь новообращенныхъ отъ идоловъ. Образъ это подмѣненный идолъ, временная, но слишкомъ на долго затянувшаяся уступка христіанства грубому въ сравненіи съ нимъ языческому міровозрѣнію. Первые проповѣдники христіанства, видя полную неподготовленность и неспособность язычниковъ постигнуть и усвоить чисто отвлеченныя представленія христіанства, заботились ужъ не о томъ, чтобы язычники ясно уразумѣли ученіе Христа, а чтобы они хоть не чуждались его, хоть бы соглашались слушать и хоть бы въ перетолкованномъ по своему видѣ принимали его, т. е. чтобы

челядиномъ»: этимъ случаемъ воспользовались сторонники язычества волхвы для подъема падавшаго язычества или, правильнѣе, вѣры въ нихъ и для подрыва распространявшагося христіанства, выставлявшаго волхвовъ обманщиками. Лѣтопись молчитъ, но волхвы, видимо, порицали христіанство, указывали на безсиліе его служителей отвратить бѣдствіе и этимъ доказывали лживость ихъ ученія, превознося себя и свое могущество, которое брались доказать. Можетъ быть, и самый голодъ они выставляли, какъ слѣдствіе отступничества суздальцевъ отъ старыхъ порядковъ, т. е. какъ наказаніе имъ отъ разгнѣванныхъ боговъ за ихъ дерзкую непочтительность и сомнѣнія, словомъ волновали народъ, ибо «и бѣ мятежъ великъ»... Язычество воспряло и властвовало, такъ какъ волхвы въ это время производили свои дѣйствія совершенно открыто: «избиваху старую чадь бабы [1]), глаголюще, я-ко си держать гобину и жито (ячмень), и голодъ пущають» [2]). Княземъ Ростовской земли былъ въ то время Ярославъ I (съ 1019 г. вел. кн. кіевскій), правившій этою землею, перешедшею къ нему послѣ смерти (въ 1015 г.)

сдѣлать хоть что нибудь для его распространенія. Въ былинѣ о Соловьѣ между прочимъ отмѣчается, что онъ, входя «въ гридню во столовую *крестъ* кладетъ *онъ по писаному*, поклонъ онъ ведетъ да по ученому» («Жив. стар.» 1906 г. в. III, отд. II, стр. 125). Это выраженіе былины, сопоставляющее умѣнье правильно перекреститься съ умѣньемъ вѣжливо поклониться и выставляющее это умѣнье особымъ достоинствомъ Соловья, ясно обрисовываетъ слабую проникновенность русскихъ христіанствомъ.

1) Почему «чадь», а не «чади»? Мстиславъ Изяславичъ въ Кіевѣ— «сѣче (выпустившихъ Вячеслава) числомъ 70 чади». Не относится ли здѣсь «чадь» къ волхвамъ?

2) Софійск. времянникъ, изд. П. Строевъ, ст. 150. Латин. gobio gobius=рыба пискарь; фран. gober=глотать цѣликомъ—не жевавши, «зобатъ», gobet=глотка. Изъ этихъ значеній можно вывести то заключеніе, что словянское «гобина» значило не вообще съѣстные припасы и не «обиліе», какъ думаютъ иные, а по преимуществу рыбу. Разсказывая о точно такихъ же происшествіяхъ на ярославской Волгѣ въ 1071 г., лѣтопись вмѣсто «гобину» ставитъ «рыбу». Это имѣетъ значеніе, такъ какъ рисуетъ хозяйственный бытъ населенія, въ которомъ рыболовство, очевидно, стояло на видномъ мѣстѣ; нынѣ оно среди крестьянства почти совершенно вывелось.

брата Бориса, очевидно, чрезъ посадниковъ, но бывшій тогда въ Новгородѣ. Услышавъ о мятежѣ и волхвахъ, онъ двинулся оттуда въ Суздаль «съ сильною и великою ратью» [1]), «изъимавъ убійцы тыи и расточи, и домы ихъ разграби, а другія показни». Это сообщеніе можно принять за первое извѣстіе о заступничествѣ власти за христіанство, о первомъ ея содѣйствіи ему въ Ростовской области. Власть, несомнѣнно, была здѣсь въ видѣ княжескихъ посадниковъ и ихъ дружины, но она, очевидно, чувствовало себя тутъ не особенно много-мощной, если до Ярослава не рѣшалась дать отпоръ язычеству въ лицѣ его приверженцевъ и представителей, гнавшихъ и мучавшихъ на ея глазахъ присланныхъ изъ Кіева отъ великаго князя епископовъ-проповѣдниковъ христіанства (Ѳедора и Иларіона). Первое время такое положеніе могло обусловливаться нерасположеніемъ къ новому ученію и самой власти, но въ концѣ X и въ XI вѣкѣ, всего вѣроятнѣе, подобное отношеніе создалось здѣсь указанною причиною, т. е. небезусловностью и ограниченностью этой власти, явившейся слѣдствіемъ не захвата—завоеванія, а добровольнаго подчиненія, найма (призванія) ея. Разъ правители были наняты лишь для извѣстныхъ отправленій (суда и защиты), они не могли, не нарушая договора, безъ опасенія вызвать неудовольстіе и,—какъ слѣдствіе его,—отказъ и изгнаніе («разсчетъ, показаніе пути»), вмѣшиваться въ непорученныя ихъ вѣдѣнію стороны жизни нанимателей, особенно же, въ дѣло вѣры—самое щекотливое и больное у всѣхъ народовъ. Самъ Ярославъ,—съ одной стороны рѣшительный и властный, съ другой—весьма ревностный христіанинъ (православный), тѣмъ не менѣе явился въ Суздальскую землю, на сколько можно судить по краткому лѣтописному извѣстію, во 1) видимо, лишь по жалобѣ намѣстника и части жителей—противниковъ убійствъ («слышавъ же Ярославъ волхвы», т. е. получивъ извѣстіе), а во 2) для наказанія волхвовъ не столько какъ представителей язычества, сколько какъ убійцъ и коноводовъ мятежа. Одни волхвы безъ значительной поддержки сторонниковъ язычества изъ жителей не много могли бы сдѣлать, ибо ихъ, при желаніи, легко было схватить и обезвредить; од-

[1]) Сказаніе о построеніе града Ярославля. Храмы Власьевскаго прихода въ Ярославлѣ. А. Н. Лебедевъ, ст. 6—11.

нако лѣтопись не упоминаетъ о преслѣдованіи Ярославомъ жителей, не смотря на очевидное ихъ участіе въ мятежѣ. Она говоритъ о наказаніи исключительно только однихъ волхвовъ, да и то лишь «и-же бяху бабы избили», причемъ однихъ только расточи, и лишь другія показни; къ жителямъ же Ярославъ обратился лишь съ увѣщаніемъ —проповѣдью (устави ту землю). Ясно, что по виду онъ преслѣдовалъ волхвовъ не за вѣру, а за уголовное преступленіе. Сдѣланное заключеніе можетъ подтвердить «Сказаніе о построеніи града Ярославля». Въ немъ сообщается, что Ярославъ (на пути въ Суздаль) покорилъ жителей Медвѣжьяго угла, находившагося на мѣстѣ нынѣшняго Ярославля, кои «живяше по своей воли, мнози грабленія, кровопролитія вѣрнымъ твориша» [1]). Обложивъ ихъ данью, онъ «моли ихъ креститися... но не хотяху креститися» и Ярославъ ни съ чѣмъ «отъиде въ престольный градъ свой Ростовъ». Даже тогда, когда, возвращаясь изъ Суздаля въ Новгородъ, на мысу при впаденіи Которостли въ Волгу (на Стрѣлкѣ) рядомъ съ Медвѣжьимъ угломъ онъ срубилъ городъ, прозванный впослѣдствіи по владѣльцу Ярославлемъ, построилъ въ немъ церковь Ильи пророка, «насели его христіанами, а въ церковь постави пресвитеры, діаконы и клирики», даже и тогда онъ все-же не рѣшился тронуть идола Волоса и его «керемети», стоявшихъ близъ Медвѣжьяго угла на «Волосовой логовинѣ», тамъ, гдѣ нынѣ ярославская Власьевская церковь. Такъ еще сильно было въ краѣ язычество. Ростовъ въ это время, послѣ бѣгства изъ него еп. Иларіона [2]), оставался, по источникамъ, безъ епископа; были ли въ немъ священники и «весь освященный соборъ», не извѣстно достовѣрно (судя по Сказанію, были), но если они и оставались, то во всякомъ случаѣ въ небольшомъ количествѣ и ихъ дѣятельность, какъ проповѣдниковъ христіанства, была оч. не значительна [3]).

---

[1]) И грабившихъ (можетъ быть по причинѣ того же голода) новгородскихъ торговцевъ. Говорю «новгородскихъ» потому, что жители обѣщались Ярославу «жити въ согласіи» съ нимъ, т. е. не трогать его подданныхъ, а ими на Волгѣ могли быть лишь новгородцы, торговавшіе съ болгарами, да отчасти ростовцы.

[2]) Присланнаго сюда, по житію св. Леонтія, съ кн. Борисомъ.

[3]) Нельзя забывать, что въ то время монаховъ и вообще духовенства было весьма мало, да и оно было весьма часто не русское, а пріѣз-

Это видно и изъ житій св. Леонтія, Исаіи и Авраамія,—дѣйствовавшихъ позже и все-таки много терпѣвшихъ отъ язычниковъ,—и изъ лѣтописи, сообщающей о ярославскихъ и ростовскомъ волхвахъ также позже указаннаго событія,—подъ 1071 и 1091 г.,—и, наконецъ, изъ Сказанія, передающаго, что жители Медвѣжьяго угла, не смотря на

жее греческое (до нынѣ греческій или, точнѣе, византійскій типъ—черноглазый, благообразный, очень близкій къ иконнымъ изображеніямъ святыхъ—нерѣдко встрѣчается въ нашемъ духовенствѣ и его потомствѣ), избѣгавшее трущобъ и медвѣжьихъ угловъ и державшееся въ наиболѣе населенныхъ и просвѣщенныхъ мѣстахъ,—въ родѣ Кіева, Чернигова, Новгорода (Ѳедоръ и Иларіонъ бѣжали изъ Ростова, не пробывъ въ немъ и по году). Изъ русскихъ,—и не только изъ народа, крестившагося лишь незначительною частью и лишь наружно, но и изъ представителей высшихъ слоевъ, все же болѣе другихъ усвоившихъ ученіе Христа,—охотниковъ принять «мирное пустынное житіе» очень долго ни кого не находилось. Первые монастыри даже близъ Кіева появляются лишь въ XI в. при Ярославѣ, когда «нача вѣра хрестьянская плодитися и расширяти и черноризьцы почаша множитися, и монастыреве починаху быти (около 1037) и ины церкви ставляше (Ярославъ) по градомъ и помѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ (годичное, годовину, первая ярославская церковь до нынѣ ружная; давать былъ принужденъ по тому, что народъ не давалъ, избѣгая и обѣгая священниковъ; до нынѣ есть примѣта: встрѣтить попа—къ худу), вѣля имъ учити люди, по не-же тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ (т. е. правильно, систематично отправлять службы); и умножишася презвутери—людье хрестьяньстіи (Лѣтоп. пр. Нестора по Лавр. сп., ст. 85, 86). Знаменитый Кіево-Печерскій монастырь, ставленникомъ котораго былъ ростовскій еп. Леонтій, возникъ только при сынѣ Ярослава Изяславѣ (Ист. Гос. Россійс. Карамзинъ, изд. 3, т. II, ст. 99). Откуда же могли взяться въ ту пору иноки хотя бы только для основанія монастырей въ новокрещеной полу-варварской безграмотной дикой и въ то же время огромной странѣ? Духовенства было такъ мало и оно было такъ плохо, что недостатокъ въ немъ принуждалъ вести проповѣдь новой вѣры самихъ епископовъ и даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ они жили и гдѣ, казалось бы, могли имѣть помощниковъ и замѣстителей изъ «освященнаго собора». Не могло быть и великолѣпныхъ храмовъ.—Народъ былъ безграмотенъ, чертежей и до нынѣ не понимаетъ, названій формъ частей церковнаго зданія еще не существовало, ибо и самыхъ церквей еще не бывало, пріемы ихъ сооруженій также еще не были выработаны и сверхъ всего

существованіе подъ бокомъ у нихъ Ильинской церкви и ея священника и на подчиненіе Ярославу, крестились лишь спустя 50 или, вѣрнѣе, 70 лѣтъ послѣ постройки Ярославля, благодаря какъ посрамленію ихъ волхвовъ Яномъ Вышатавичемъ, поколебавшему вѣру въ нихъ, такъ и «чуду»—выпаденію обильнаго дождя послѣ

враждебное недовѣрчивое отношеніе къ представителямъ новыхъ вѣяній. Какъ можно было при такихъ условіяхъ сооружать великолѣпные храмы? Леонтій—малую церковь устрои себѣ, Авраамій—малую колибицу себѣ воткнувъ. Большинство тогдашнихъ церквей представляло собою простой домъ, даже хижину, отмѣченные крестомъ на кровлѣ. У меня нѣтъ данныхъ о количествѣ основаній ярославскихъ монастырей по вѣкамъ, отчего привожу эти данныя для Владимірской губерніи (изъ статьи Як. Соловьева «Памятники и преданія Влад. губ.» Отеч. Зап., т. CXII, от. I, ст. 535):

въ XI	в. основано	—	жен.	2	муж.= 2
» XII	» »	2	»	9	» =11
» XIII	» »	4	»	2	» = 6
» XIV	» »	1	»	10	» =11
» XV	» »	—	»	6	» = 6
» XVI	» »	2	»	5	» = 7
» XVII	» »	6	»	8	» =14
» ?	» »	17	»	20	» =34
		32		62	94

Соловьевъ предполагалъ, что татарщина тяжестью своего ига повліяла на развитіе на Руси монастырской жизни, и считалъ исторію монастырей съ XIV в. одною изъ главныхъ частей русской исторіи, такъ какъ около ихъ съ этого времени сосредоточилось не только вѣровая но и политическая, и промышленная и вообще вся внутренняя жизнь страны (ст. 533). Послѣднее заключеніе во многомъ вѣрно, первому же предположенію противорѣчатъ приведенныя самимъ же Соловьевымъ цифры, свидѣтельствующія, что въ XIII в., т. е. въ наиболѣе тяжкую пору татарскаго ига монастырей устроилось вовсе не много, вдвое меньше предшествующаго и послѣдующаго времени, да и изъ нихъ большинство женскихъ. Это понятно,—разгромленнымъ и раззореннымъ жителямъ было не до спасенія души, а приходилось думать о спасеніи тѣла собственнаго и своихъ родныхъ. Тотъ же разгромъ,—т. е. увеличеніе числа вдовъ и сиротъ объясняетъ и преобладаніе количества основаній въ эту пору женскихъ монастырей предъ мужскими. Подобное же увеличеніе числа основываемыхъ монастырей (но уже не однихъ женскихъ) замѣчается и въ XVII в.—послѣ польскаго раззоренія. Значитъ, въ монастыри гнало не исканіе утѣшенія въ молитвѣ, а главнымъ образомъ нужда и безпріютность (XII и XIV вв. также богаты войнами, но междоусобными, менѣе гибельными). Съ успокоеніемъ страны, въ XV и XVI вв. монастырей основывается не много,—

молебна ярославскаго ильинскаго священника во время сильнѣйшей засухи, вызвавшей не только голодъ, но и падежъ скота (травы и всякъ злакъ сельный погорѣ), основы хозяйства обитателей Медвѣжьяго угла скотоводовъ—звѣролововъ [1]). Такимъ образомъ христіанство не могло здѣсь преуспѣвать тѣмъ болѣе, что послѣ смерти Ярослава Ростовскій край перешелъ подъ управленіе его сына добродушнаго и мягкаго Всеволода, сидѣвшаго сперва въ Переяславлѣ (близъ Кіева), потомъ (въ 1077 г.) въ Черниговѣ, а затѣмъ съ 1078 г. въ Кіевѣ и не только не бывавшаго, всего вѣроятнѣе, въ Ростовской области и незнавшаго ее, но и мало интересовавшагося внутренними дѣлами сѣвера, сколько можно судить объ этомъ по

6—7 въ столѣтіе и преимущественно лишь мужскихъ: жизнь шла своимъ обычнымъ порядкомъ и женщину удерживала семья. До XI в. не было (какъ и въ Ярославской губерніи) ни одного монастыря, ибо христіанство привилось и было усвоено еще слабо; на ряду съ Христомъ поклонялись и идоламъ. Не лишено значенія и то обстоятельство, что до XVI в. каменные храмы строились исключительно князьями, съ XVI в. ихъ начинаетъ строить и духовенство съ боярствомъ и лишь съ XVII в. къ нимъ присоединяются посадскіе и торговые люди (ст. 527). Весьма было бы желательно, что бы статистическая сторона вопроса о церквахъ и монастыряхъ была разработана и для Ярославской губерніи. А. А. Титовъ сообщаетъ (Яр. Епарх. Вѣд. Неоффиц. часть, Списокъ и указатель, ст. V.), что Ив. Троицкимъ былъ составленъ «капитальный трудъ» «Упразднен. монастыри и пустыни въ Ярославской епархіи», къ сожалѣнію до сихъ поръ не изданный. Объ угличскихъ бывшихъ и существующихъ монастыряхъ писалъ К. Ярославскій въ Яросл. Епарх. Вѣдом. (1887 годъ стр. 382—478).

[1]) Сказаніе. Голодъ въ Ростовской области былъ въ 1071 г. и къ этому году большинство мѣстныхъ изслѣдователей пріурочиваетъ крещенье жителей Медвѣжьяго угла, но я думаю, что вѣрнѣе относить это событіе къ 1091 г., ибо въ Сказаніи указано прямо на засуху, какъ на косвенную причину этого крещенія; неслыханная же повсемѣстная засуха отмѣчена лѣтописью подъ 1091 г., въ которомъ сгорѣли нивы, горѣли болота и лѣса, появился голодъ, болѣзни и моръ. Въ 1071 г. о засухѣ не упоминается и голодъ могъ быть слѣдствіемъ какъ разъ обратнаго,—сырости. Кромѣ того въ этомъ году лѣтописью отмѣчены ярославскіе волхвы и ихъ успѣхъ на Волгѣ и Шекснѣ, т. е. подъемъ язычества, а не упадокъ. (Ист. Гос. Рос. Карамзинъ, изд. 3, т. II, ст. 112, прим. 137).

имѣющимся данным. Онъ былъ подъ большимъ вліяніемъ брата Святослава и вмѣстѣ съ нимъ занимался южными дѣлами, а въ Ростовскую землю посылалъ въ особыхъ случаяхъ сына Владиміра (Мономаха). Такое отношеніе южныхъ князей къ названной землѣ понятно послѣ говореннаго выше; они смотрѣли на нее все еще лишь какъ на оброчную доходную статью, а не какъ на свою собственность и, при томъ, какъ на глухой медвѣжій уголъ, подходящій больше для ссылки, чѣмъ для пріятнаго проживанія. По крайней мѣрѣ Ярославъ, уже будучи великимъ княземъ, въ 1019 г., «разгнѣвася на нь (новгородскаго посадника Коснятина Добрынича) и поточи е въ Ростовъ, и на третіе лѣто повелѣ его убити въ Муромѣ на рѣцѣ Оцѣ». [1]) Такимъ отношеніемъ князей къ Ростовской области объясняются тѣ явленія, которыя имѣли мѣсто въ ней за время первыхъ трехъ ростовскихъ епископовъ, и причины свободнаго процвѣтанія тутъ язычества до XII вѣка. Хотя Ярославъ наказалъ (1024 г.) суздальскихъ волхвовъ и жителей Медвѣжьяго угла, но язычества не искоренялъ и идоловъ нетрогалъ ни въ Ростовѣ, ни въ Медвѣжьемъ углѣ, очевидно, чувствуя себя безсильнымъ осуществить такое начинаніе и сознавая его несвоевременность, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не приминулъ бы это сдѣлать, какъ ревностный христіанинъ. И вотъ въ то время, когда близь Ростова, изгнанный жителями, св. Леонтій, крадучись и таясь, прячась за личину ласки, добродушія и доброжелательства, со всякими предосторожностями и ухищреніями, закладывалъ первые начатки христіанства въ души и разумъ довѣрчивыхъ, еще неискушенныхъ жизнею и незахваченныхъ ея условностями дѣтей ростовцевъ, «въстаста (около 1071 г. во время недорода) два волхва отъ Ярославля (Медвѣжьяго угла), глаголюще: я-ко мы вѣдаемъ, кто обиліе держитъ. И поидоста по Волзѣ, и гдѣ пріидоста въ *погостъ* (средоточіе язычества и торговли) ту же нарицаху лучшая жены [2]), глаголюще: я-ко си жито (ячмень) держатъ, а си медъ, а си рыбы, а

---

[1]) Софійск. времян., изд. П. Строева, 149.

[2]) Слѣдовательно уже заранѣе были освѣдомлены о такихъ.

си скору [1]). И привожаху къ нимъ (жители) сестры своя и матери, и жены своя». Волхвы дѣлали прорѣзы тѣла у приведенныхъ на спинѣ за плечами и вынимали, будто бы, изъ этихъ разрѣзовъ то рыбу, то жито и пр., мороча темныхъ, неразвитыхъ и по тому легковѣрныхъ зрителей тѣми самыми пріемами, которыми морочатъ [2]) ихъ еще и теперь фокусники. Убѣдить голодную, а слѣдовательно и безъ того-уже неспокойную и легко возбуждающуюся толпу въ вѣрности своихъ обвиненій и обличеній волхвамъ было не трудно; люди «сами видѣли», какъ волхвы «у нихъ на глазахъ» добывали, яко-бы, изъ тѣла женщинъ [3]) гобину и потому приходили въ буйное негодованіе, слѣдствіемъ котораго былъ, какъ и нынѣ въ подобныхъ случаяхъ, дикій самосудъ съ безпощаднымъ приговоромъ— смерть имъ! «И убивахуть жены тѣ многи, а имѣнія ихъ взимахуть къ себѣ» [4]). Обвиненныхъ женщинъ убивали волхвы, беря въ свою пользу ихъ имущество, что побуждаетъ думать, что такихъ женщинъ они выставляли знающимися съ нечистою силою, ея слугами, дѣйствовавшими по ея наученью во вредъ людямъ (т. е. чѣмъ-то въ родѣ современныхъ вѣдьмъ и колдуній—слугъ черта), подъ охраною и защитою этой силы. По этому-то убивать ихъ безопасно

---

[1]) Скора=шкура, отъ кора. Приведенное лѣтописное сообщеніе подтверждаетъ отчасти извѣстіе Сказанія о томъ, что жители Медвѣжьяго угла и, вѣроятно, вообще поволжья были главнымъ образомъ скотоводы-звѣроловы и вели лишь т. н. натуральное хозяйство, ибо изъ предметовъ ихъ довольства воздѣлывавшимся указанъ лишь одинъ ячмень—древнѣйшее хозяйственное растеніе сѣверной Европы, остальные же составляли добычу охоты.

[2]) Морочить—затемнять, наводить мракъ, дѣлать мрачнымъ, темнымъ; корень моръ, отъ котораго: моръ=умиранье, смерть, об—мереть, у—мирать, мертвый, об—морокъ; мракъ—краткогласье отъ морокъ, а морокъ уменьшительное отъ моръ. Слѣдовательно моръ значило и мракъ—тьму, и смерть, а стало быть «мракъ» и «смерть» составляли когда-то подобіе, однородное понятіе, чѣмъ и объясняется представленіе царства мертвыхъ страною тьмы, каковою до нынѣ считается адъ.

[3]) При помощи ловкаго навычнаго движенія рукъ вытряхивая изъ рукава.

[4]) По Лаврен. списку—отъимаше та собѣ.

и безнаказанно могли только волхвы —служители того же божества (которое «сѣдить въ безднѣ», т. е. въ преисподней, а въ ней жилище черта) [1]) и только они же могли воспользоваться ихъ имуществомъ безъ опасенія возмездія со стороны нечистой силы. Поступая описаннымъ образомъ, волхвы прошли по Волгѣ отъ Ярославля до Шексны (нынѣшняго Рыбинска) и по Шекснѣ до Бѣла озера, не встрѣчая противодѣйствія, а напротивъ—находя сочувствіе, ибо въ концѣ пути волхвовъ сопровождало уже около 300 человѣкъ («и бѣ у нее людей нѣ тристо» [2]). Что вышло бы изъ этого предпріятія,—трудно сказать, ибо на Бѣломъ озерѣ язычество было еще сильнѣе, чѣмъ въ Ростовской землѣ [3]). Но успѣхамъ волхвовъ помѣшалъ воевода черниговскаго князя Святослава Ярославича [4]) Янъ Вышатавичъ, собиравшій въ то время въ Бѣлъ-озерьи дань для своего князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ, видимо, занимавшійся

---

[1]) Чертъ—черный богъ земли или подземелья. Чёртъ=чёротъ=коротъ, латин. corrodo, фран. corroder, англ. corrode=грызть, глодать, съѣдать, источить; чёртъ у всѣхъ арійцевъ до нынѣ представляется злымъ, безжалостнымъ и безпощаднымъ мучителемъ, если не грызущимъ свои жертвы, то поджаривающимъ ихъ, припекающимъ и т. д. Производить чёртъ отъ чёрный, какъ дѣлаютъ, едва-ли вполнѣ правильно, хотя корень у обоихъ словъ одинъ: кор—чор. Христіанскіе проповѣдники для большаго подрыва язычества объявили всѣхъ языческихъ боговъ злыми духами тьмы, христіанскими демонами христіанскаго ада.

[2]) Лѣтоп. преп. Нестора по Лавр. сп., ст. 99.

[3]) Еще въ 1260 гг. на Кубенскомъ озерѣ, отстоящемъ отъ Бѣлаго въ 50, а отъ Шексны въ 35 вер. по прямой линіи,—«не вси пріяша святое крещеніе, но бѣ многое множество невѣрныхъ человѣкъ». Даже въ концѣ XIV в. тамъ «живущіи неразумніи невѣгласы,—человѣкы еще чудское исчадіе суще,—преподобнаго (Ѳеодора † 1410 г.) изгнаша и келійцу (его) разметаша» (М. Толстой, тоже ст. 40).

[4]) Ярославъ передъ смертью раздѣлилъ межъ своими сыновьями какъ свое, т. е. образованное завоеваніями, государство, иначе—собственно Русскую землю, такъ и земли самостоятельныя, лишь управляемыя князьями, давъ Изяславу изъ первой Кіевъ съ его городами, а изъ вторыхъ Новъгородъ, т. е. западную часть; Святославу—Черниговъ, Тьмуторокань, Рязань, страну вятичей и Муромъ, т. е. восточную часть и Всеволоду изъ первой Переяславль южный, а изъ вторыхъ Суздаль, Ростовъ,

также поддержаніемъ и распространеніемъ христіанства, такъ какъ при немъ, кромѣ дружины, былъ еще «по́пинъ». Надо думать, что христіане и духовенство были уже и въ самомъ Бѣло-озерѣ, ибо Яну «повѣдаша бѣлозерци я-ко два кудесника избиша уже многы жены по Волъзѣ и по Шекснѣ и пришла еста сѣмо». Янъ сперва

повольже и Бѣло озеро, т. е. часть промежуточную между двумя первыми (Лѣт. пр. Нестора, ст. 91, Ист. Гос. Рос. Карамзинъ, изд. 3, т. II ст. 77) Остается непонятнымъ, на какомъ основаніи Святославъ бралъ дань съ бѣлозерцевъ въ 1071 г., а въ 1069 г. перевелъ сына Глѣба, изгнаннаго изъ Тьмуторокани, въ Новгородъ, гдѣ тотъ сидѣлъ до смерти въ 1078 г. Карамзинъ (прим. 114) думаетъ, что Святославъ перевелъ Глѣба въ Новгородъ послѣ бѣгства Изяслава изъ Кіева въ 1068, что бы не дать Новгородъ Всеславу Брячиславичу, занявшему Кіевъ. Но Изяславъ вернулся въ Кіевъ въ томъ же году, а Глѣбъ остался въ Новъ-городѣ до смерти. Слѣдовательно Святославъ дѣйствовалъ въ интересахъ не Изяслава, а своихъ и просто воспользовался удобнымъ случаемъ для захвата. Тѣмъ же захватомъ онъ, вѣроятно, дѣйствовалъ и въ Бѣлозерьи съ Ростовской областью (въ Ярославлѣ); по крайней мѣрѣ въ 1073 г онъ подговорилъ Всеволода отнять великое княженье у Изяслава, которое и занялъ самъ (Карамзинъ, ст. 90). Такимъ образомъ наклонность къ захватамъ (даже при помощи насилья) для Святослава засвидѣтельствована лѣтописью. Однако это обстоятельство все же не выясняетъ взаимо-отношеній братьевъ и раздѣленія межъ ними земель государства. Если бы Святославъ насильно отнялъ Ростовскую область у Всеволода, то послѣдній едва-ли согласился бы помогать Святославу противъ Изяслава. Въ 1071 г. ярославскіе волхвы считаютъ своимъ княземъ Святослава Ярославича, а въ слѣдующемъ—1072 г. (по опредѣленію Н. В. Шлякова,—Ж. М. Н. Пр. 1900 г.—О поученіи Вл. Мономаха, въ оттискѣ ст. 6.) «къ Ростову идохъ сквозѣ вятичѣ» сынъ Всеволода Владиміръ (Мономахъ),—«послàмя отецъ» (Лѣт. пр. Нестора, ст. 137). Туда же Владиміръ ходилъ еще на зиму 1101 г., въ 1105 (по М. П. Погодину въ 1099 г.) и 1108 г. (Шляковъ, ст. 12, 13). Между тѣмъ въ источникахъ не видно, что бы отношенія Святослава и Всеволода въ 1072 г. перемѣнились, они, видимо, дружатъ, ибо въ слѣдующемъ 1073 г. соединенными силами прогоняютъ Изяслава изъ Кіева. Такимъ образомъ остается не понятнымъ, на какомъ основаніи Святославъ управлялъ въ 1071 г. Ростовскою областью. Если это былъ захватъ, то возможно, что, замышляя противъ Изяслава и желая расположить Всеволода въ свою пользу, онъ вернулъ захваченное послѣднему. По крайней мѣрѣ съ этого времени Ростовско-Суздальская область

справился, котораго князя они смерды, т. е. можетъ ли онъ еще вступиться въ ихъ дѣло и, узнавъ, что Святославовы, потребовалъ ихъ выдачи, какъ убійцъ, т. е. какъ подлежащихъ княжескому суду, но встрѣтилъ сильный отпоръ. Священника его убили, самъ Янъ уцѣлѣлъ лишь случайно и долженъ былъ скрыться въ городѣ. Засѣвъ въ немъ, онъ только угрозою затянуть полюдье на все лѣто могъ побудить бѣлозерцевъ схватить и выдать ему волхвовъ. Послѣ препирательства съ ними о вѣрѣ, сопровождавшагося мученьями и издѣвательствами, направленными къ опроверженію въ глазахъ окружающихъ заявленія волхвовъ, что ихъ боги не допустятъ причинить имъ вредъ, ихъ привязали къ «упругамъ» [1]), въ рты сунули «рубли» (кляпы), что бы не могли ни говорить, ни кричать, и пустили въ лоткѣ внизъ по Шекснѣ, на устьѣ которой и повѣсили. Это второе изъ упоминаемыхъ источниками заступничество власти за христіанство, но, какъ и въ случаѣ Ярослава, не прямое, а такъ сказать переносное. Въ дѣйствіяхъ Яна видна та-же нерѣшительность и незаконченность, какія отмѣчены и у Ярослава. Прежде всего онъ соображаетъ,—имѣетъ ли онъ еще право взять кудесниковъ. За тѣмъ беретъ ихъ не какъ волхвовъ, а какъ убійцъ: первый вопросъ его волхвамъ при допросѣ—«что ради толико [2]) изгу-

остается за Всеволодомъ и его потомствомъ. Въ 1095 г. въ Ростовѣ сидитъ сынъ Мономаха Мстиславъ, а по уходѣ его въ Новъ-городъ въ 1096 г. братъ его 20-лѣтній Изяславъ, собирающій воевъ въ Суздалѣ, Ростовѣ и Бѣлъ-озерьи (Лѣт. пр. Нестора, 112). Послѣ любечскаго съѣзда 1097 г., постановившаго оставить за каждымъ княземъ владѣнья его отца, за Мономахомъ утверждены данные его отцу дѣдомъ Мономаха Ярославомъ—южный Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣло озеро (Лѣт. п. Нес. 147, Карам. т. II, ст. 136, изд. 3). Въ 1116 г. въ Суздалѣ уже сидѣлъ младшій братъ Мстислава Юрій, позже Долгорукій, правившій и Ростовомъ (Карам. 173, 205). Въ письмѣ къ двоюродному брату Олегу Святославичу Мономахъ называлъ Суздаль, Ростовъ и Бѣлъ-озерье областью своего дѣда (Карам. ст. 134).

[1]) Отъ переть: упрў, прётъ, перо; ст. б. «упругъ» не весло, а шестъ. Шестами до сихъ поръ передвигаютъ суда, даже колоды.

[2]) Толико=то-ли-ко. Частица ко до сихъ поръ въ употребленіи въ народномъ говорѣ Ярославской губерніи: мнѣ-ко ну-т-ко, поди-ко (ка), нѣту-т-ко и пр.

биста человѣкъ»? Самъ онъ не рѣшается и казнить волхвовъ, а отдаетъ ихъ «извозникамъ» на отмщеніе за убитыхъ волхвами родственницъ послѣднихъ, т. е. прибѣгаетъ къ родовой кровавой мести [1]), уже отвергнутой закономъ и рѣзко противорѣчившей христіанству, но за то могшей (какъ священная, какъ святая обязанность язычника) заглушить въ извозникахъ страхъ передъ волхвами [2]) и оправдать до извѣстной степени самого Яна въ глазахъ первыхъ. Не смотря на это, онъ расправляется съ волхвами все-таки въ пустынномъ и глухомъ мѣстѣ, на устьѣ Шексны, гдѣ кромѣ извозниковъ ни кого изъ постороннихъ не было. Точно также, спуская волхвовъ по рѣкѣ, затыкаетъ имъ рты, самихъ ихъ связываетъ и сопровождаетъ лодку съ ними лично самъ съ дружиною, очевидно, опасаясь заступничества за волхвовъ жителей пошекснинья. Эти опасенья были достаточно основательны,—броженье было, видимо, широко распространено, ибо одновременно съ ярославскими волхвы отмѣчены лѣтописью въ Новъ-городѣ и даже въ Кіевѣ—средоточіи христіанства. Кромѣ того, спустя 20 лѣтъ послѣ описаннаго, черезъ годъ послѣ смерти еп. Исаіи и опять таки по случаю голода же,—слѣдствія небывалой засухи: «въ се же лѣто (1091/6599) волхвъ явился (въ) Ростовѣ, и-же скоро погибе» [3]). Послѣднее слово позволяетъ думать, что его, какъ ярославскихъ и кіевскаго, «убрали». Больше волхвовъ не отмѣчено лѣтописью въ предѣлахъ нынѣшней Ярославской и въ сосѣднихъ губерніяхъ, но язычество, хотя нѣсколько и подавленное, держалось еще очень прочно, какъ показываютъ житіи Авраамія и Ѳеодора—основателя ростовскаго Борисо-Глѣбскаго монастыря [4]), въ Ростовѣ до XII в.,

---

[1]) Мстить=местить=замѣщать одного убитаго другимъ и по тому слово «месть» должно бы писать черезъ ѣ, ибо ѣ стоитъ тутъ въ корнѣ.

[2]) Происхожденіе этого слова не ясно, лат. valasevnikas, ст. сл. влъшьба. Срезневскій считаетъ за финское welho=колдунъ; Григоровичъ производитъ отъ волохи, нѣм. walsch—кельтъ (галлъ), отъ которыхъ словяне переняли жрецовъ; Миклошичъ сравниваетъ съ рум. velfe=магъ, др. сѣр. герм. völva=пророчица.

[3]) Лѣт. пр. Нест., ст. 121.

[4]) М. Толстой, ст. 40.

а въ Бѣлъ-озерьи до XV в. [1]). Подъ Ярославлемъ оно пало, судя по Сказанію, на канунѣ XII в.—1091 г., но, конечно, не по всему поволжью.

Трудно понять смыслъ дѣйствій волхвовъ язычниковъ, описанныхъ лѣтописью. Близкія къ нимъ, по мнѣнію П. И. Мельникова, переживаютъ еще у мордвы въ смягченномъ и нѣсколько измѣненномъ видѣ; нынѣ ни разрѣзовъ на спинѣ, ни убійствъ женщинъ не совершается и весь обрядъ воспроизводится, будто бы, лишь прообразовательно (символически). Онъ заключается по Мельникову [2]) въ томъ, что передъ большими общественными праздниками, открывающимися великими молебнами (молянами, велень молянъ, мірской молянъ), особыя выборныя лица—паринднятъ и янбеды собираютъ припасы—(хлѣбъ, солодъ, медъ и проч.) для общественныхъ трапезъ—жертвъ, ѣздя по селеньямъ изъ дома въ домъ. Припасы имъ подаютъ женщины или дѣвушки (если дѣвичій праздникъ), сложенными въ мѣшечки, висящіе на спинѣ на двухъ тесемкахъ, перекинутыхъ черезъ плечи; концы тесемокъ подающая держитъ въ рукахъ, при чемъ тѣло ея по поясъ обнажено. Когда сборщики входятъ въ домъ, въ которомъ кромѣ женщинъ нѣтъ ни кого, послѣднія по очереди закидываютъ мѣшечки за плечи и пятятся къ сборщикамъ. Паринднятъ приставляетъ къ спинѣ приблизившейся женщины кадку, а янбедъ, взявшись за мѣшечекъ одною рукою, другою, при чтеніи молитвы, колетъ слегка пять разъ священнымъ ножемъ голыя плечи и спину женщины, а затѣмъ перерѣзываетъ тесемки мѣшечка, падающаго въ кадку. По уходѣ сборщиковъ женщины оставшіеся въ ихъ рукахъ обрѣзки тесемокъ сжигаютъ на шесткѣ и вмѣстѣ съ угольями съ молитвою къ усадебному духу (юрта ӧзаисъ) загребаютъ въ загнетокъ [3]). Женщины не должны видѣть сборщиковъ и не могутъ огляды-

---

[1]) По Герберштейну въ Мологскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, инородцы говорили на своемъ языкѣ еще въ XVI в. Если же сохранили языкъ, то, на-вѣрное, сохранили и вѣру, такъ какъ языкъ легче утрачивается вѣрованій.

[2]) Русскій Вѣстникъ 1867 г. № IX, ст. 245, № X, ст. 403, 420.

[3]) Лѣвый закоулокъ или застѣнокъ на шесткѣ русской печи.

ваться, а мужчины, даже мальчики, въ день сбора или вовсе уходятъ изъ селенья, или прячутся по хлѣвамъ и не должны видѣть не только самаго обряда, но и приготовленій къ нему женщинъ на-канунѣ. Мельниковъ, какъ уже замѣчено, видитъ въ описанномъ объясненіе дѣйствій волхвовъ лѣтописнаго сообщенія подъ 1071 г. Дѣйствительно, пожалуй, нельзя отвергать нѣкотораго, хотя чисто внѣшняго и отдаленнаго подобія между тѣми и другими дѣйствіями, но вывести преемственность однихъ изъ другихъ едва ли возможно. Тѣ дѣйствія волхвовъ, которыя поразили лѣтописца и за которыя главнымъ образомъ ихъ казнили, по существу совсѣмъ не однородны съ дѣйствіями мордвинскихъ сборщиковъ и провести подобіе (параллельность) межъ тѣми и другими мудрено. У мордвы общественныя молебствія [1]) совершались или по случаю праздника, или по случаю какого либо особаго событія,—бѣдствія, общей радости и т. п. При этомъ ихъ основой является всегда или благодареніе божества за дарованіе людямъ пріятнаго, или предусмотрительное задобриванье его на всякій случай и попутное напоминаніе о себѣ и своихъ нуждахъ, или же наконецъ умилостивленіе разгнѣваннаго бога и покорная горячая мольба къ нему помиловать. Во всѣхъ этихъ случаяхъ кромѣ воззваній, въ подкрѣпленіе имъ, требовались еще вещественныя приношенія — жертвы [2]), которыя при общихъ моленьяхъ были также общими, т. е. приносились всѣми участниками молебствія. Въ лѣтописномъ случаѣ есть налицо общественное бѣдствіе — голодъ, который темные люди и нынѣ неизмѣнно выставляютъ слѣдствіемъ гнѣва божества, его карою за непочтительное къ божеству отношеніе, за жизнь не по «его завѣтамъ», въ наказаніе за что оно разрѣшаетъ злому божеству мучить людей. Прямымъ слѣдствіемъ такого воззрѣнія должно бы быть

---

[1]) О которыхъ только и можетъ быть тутъ рѣчь, ибо частныя моленья отправляются дома хозяиномъ.

[2]) Жертва отъ жрать—жерать—жарать (точнѣе,—жороть, ибо въ ра сокращается оро). Корень гар—гор, горѣть, гарь, жаръ, жарить, жо́ра—обжора. Жрать первоначально значило жарить, сжигать (въ жертву божеству) и только съ тѣхъ поръ, какъ жертву начали употреблять въ пищу, оно стало значить и ѣсть. Жертва-жеротва, жратва, жора.

умилостивленіе божества, жертва ему, но лѣтопись не сообщаетъ ни о чемъ подобномъ. Напротивъ она ясно и при томъ дважды говоритъ, что волхвы выставляли причиною голода не гнѣвъ боговъ, а злую волю злыхъ людей,—женщинъ, «пускавшихъ голодъ» [1]), почему волхвы и не взывали о мольбахъ, покаяніи и жертвахъ, а уличали и карали, конечно, по общему приговору, съ общаго согласія. Здѣсь выведенъ случай отправленій и обрядовъ не чистой вѣры, каковые описаны Мельниковымъ у мордвы, а суевѣрія и выставлены дѣйствія не языческихъ жрецовъ, а волхвовъ или кудесниковъ, т. е. по нынѣшнему колдуновъ или вѣдуновъ [2]), что не со всѣмъ одно и то же. Случаи борьбы однихъ колдуновъ съ другими, яко бы, колдунами же или знахарями, за каковыхъ лѣтописные волхвы выставляли женщинъ [3]), случаи очень нерѣдкіе

[1]) Какъ и нынѣ темные люди говорятъ о злыхъ людяхъ, знающихся съ злымъ божествомъ, нечистою силою, при помощи которой они пускаютъ болѣзни, моръ и творятъ всякое другое зло.

[2]) Кудесникъ—чудесникъ, оба слова представляютъ одно и то же слово, но въ разныхъ произношеніяхъ. Кудесникъ суть человѣкъ, творящій чудеса (областное—кудеса)—непонятное, необъяснимое и недоступное для обыкновеннаго смертнаго и потому творимое, по его понятіямъ, при содѣйствіи особаго сверхъестественнаго злаго или добраго существа, нача́ла или «силы». А такъ какъ человѣкъ склоненъ дѣлать что бы то ни было прежде и больше всего для своей пользы, даже вредя для этого другимъ, то обыкновенно такихъ особыхъ людей и считаютъ знающимися лишь съ нечистою силою, ибо добрая чистая сила не согласится содѣйствовать одному въ ущербъ другому. Разница межъ жрецомъ и волхвомъ—колдуномъ та, что они, будучи оба божьими слугами, одинъ служитъ обществу и общимъ интересамъ, отчего можетъ сноситься только съ добрыми божествами, ибо только такія могутъ давать благо всѣмъ, а другой преслѣдуетъ лишь свои интересы и при томъ въ ущербъ другимъ, строя свое благополучіе на несчастіи остальныхъ. Поэтому онъ можетъ пользоваться помощью только злыхъ боговъ, вѣчно стремящихся сдѣлать человѣку зло не только къ горю послѣдняго и за его любовь къ добрымъ богамъ, но и на зло послѣднимъ,—любящимъ человѣка, покровительствующимъ и помогающимъ ему.

[3]) «Я-ко си жито держать, я-ко си держать гобину.... и голодъ пущаютъ», очевидно, особыми силами и средствами, такъ какъ остальныя ничего подобнаго сдѣлать не могли и не дѣлали.

до сихъ поръ [1]). Сами волхвы заявили Яну, что ихъ боги сидятъ въ безднѣ, а не на небѣ, гдѣ обитель добраго божества, т. е., что эти боги суть нечистая сила, при помощи которой они и дѣйствуютъ; иначе,—что они не жрецы, а только кудесники или знахари. Какъ таковые, они не могли отправлять, выражаясь современнымъ языкомъ, духовно-церковныхъ обрядовъ, которыхъ, по лѣтописи, они и не отправляли, дѣйствуя только знаніемъ (знахарствомъ), каковое должны были доказывать фактическимъ подтвержденіемъ своихъ словъ, безъ чего, ясно, имъ не вѣрили [2]). Такимъ образомъ достаточно очевидно, что сопоставлять лѣтописныхъ волхвовъ-знахарей съ выборными помощниками мордвинскихъ жрецовъ (воз-атя) съ паринджитомъ и янбедомъ—сборщиками припасовъ для общей трапезы на большомъ молебствіи нѣтъ основаній и возможности, ибо это совсѣмъ различныя лица, дѣйствующія совсѣмъ не въ сходныхъ областяхъ [3]). Мельникова въ мордвинскомъ обрядѣ, видимо, смутило покалыванье янбедомъ ножемъ голой спины женщинъ при сниманіи съ нея мѣшка съ припасами [4]), но это сходство лишь кажущееся и внѣшнее. Янбедъ тычетъ ножемъ

---

[1]) Заболѣетъ мужикъ опухолью—«килой» или баба кликушествомъ и идетъ къ колдуну. Тотъ заявляетъ, что человѣка «испортилъ» злой человѣкъ,—колдунъ или знахарь, колдунья или знахарка, вѣдьма, напустилъ на него болѣзнь по вѣтру или по водѣ и т. п. и что этотъ злой человѣкъ силенъ, что съ нимъ будетъ трудно бороться и т. д. Кстати упомяну, что колдуновъ, въ случаяхъ озлобленія на нихъ, до нынѣ жгутъ; въ Сказаніи расказывается, что Волосова жреца жители Медвѣжьяго угла въ случаѣ провинности также сожигали.

[2]) Они и Яну предлагаютъ доказать правдивость своихъ словъ фактомъ.

[3]) Волхвы если что и собираютъ, то не для общества, а лично для себя, не по уполномочію общества, а по собственному почину и на собственный страхъ; берутъ не добровольное даяніе и не на божье дѣло, а почти насильемъ и только для себя,—похищаютъ; не отправляютъ священнодѣйствія (хотя бы и кровавой жертвы), а расправляются и казнятъ и т. д.

[4]) Въ лѣтописи разсказывается, что разрѣзывали спину и изъ разрѣза вынимали припасы, а у мордвы припасы же снимаютъ со спины

и ворота, и камень (карда-сярко), прикрывающій яму по среди двора, въ которой обитаетъ Домовой (ка́рдасъ-сярко), и дверь избы, совершая всѣ эти поколы при чтеніи молитвы къ добрымъ богамъ и духамъ о ниспосланіи блага хозяевамъ дома. Символичность поколовъ не сомнѣнна, но что именно они знаменуютъ,—теперь трудно сказать, хотя можно утверждать, что не разрѣзы [1]), ибо колютъ съ молитвою да еще и въ крышу жилища домоваго духа [2]). Можетъ быть, мнѣ замѣтятъ, что русскіе словяне язычники еще не развили своей вѣры до жречества и что ихъ волхвы и были первою ступенью зарождавшагося жреческаго сословія. Я съ этимъ не соглашусь: 1) у русскихъ словянъ были спеціальные гадатели-предсказатели, т. е. уже жрецы-вѣщатели воли боговъ, что лѣтописью отмѣчено въ разсказѣ объ Олеговой смерти отъ змѣи. 2) У нихъ были идолы, что отмѣчено лѣтописью, арабами и житіями святыхъ; эти идолы были не только домашніе, но и общественные, стоявшіе въ городахъ; и ихъ, конечно, кто нибудь да блюлъ же, т. е. при нихъ должны были быть служители, о чемъ относительно западныхъ словянъ и кривичей (если они кривиты) положительно извѣстно. 3) Русскіе словяне жили среди финновъ, у которыхъ засвидѣтельствованы и идолы, и храмы—керемети [3]), и жрецы—

при покалываніи ножемъ; одно похоже на другое и одно представляетъ лишь какъ бы только смягченную форму другого. Но именно только «какъ бы».

[1]) Мнѣніе Мельникова о сходствѣ мордвинскаго сказанія о сотвореніи человѣка съ описаніемъ этого творенія ярославскими волхвами (Рус. Вѣст. IX, ст. 229) основано также очень жидко,—лишь на томъ, что сказаніе повѣтствуетъ о божьемъ полотенцѣ, а волхвы о ветошкѣ, которою утерся богъ послѣ бани. Я не знаю, откуда взяли волхвы свою ветошку, но мордва—терюхане заимствовали свое полотенце, несомнѣнно, изъ христіанскаго сказанія о нерукотворномъ образѣ Христа.

[2]) Это жилище—яма указываетъ на то, что первобытнымъ жилищемъ мордвы были ямы-землянки, о чемъ сообщаютъ к. арабскіе писатели, т. равно и другіе пережитки, наприм., устройство подполья съ завалинками въ немъ и ямою въ его срединѣ (Этногр. Обозрѣніе 1895 г. № 1, статья Н. Н. Харузина.

[3]) Мельниковъ, ст. 236—238.

шаманы, обращеніе къ которымъ славянъ удостовѣрено лѣтописью и житіемъ Стефана Пермскаго. 4) Существованіе въ славянскомъ языкѣ словъ: жрецъ—жертва, храмъ—хоромъ [1]). 5) Для Ростовской области житія Авраамія и Исаіи и Сказаніе о построеніи града Ярославля устанавливаютъ наличность въ области достаточно высокаго развитія язычества съ идолами и жрецами. Житія хотя не говорятъ прямо о жрецахъ, но они (Авраміево) сообщаютъ, что каменный идолъ Велеса мечты и страхи творилъ христіанамъ своимъ омраченіемъ и не позволялъ даже ходить близко мимо себя, разумѣется, не самъ собою и, конечно, не чрезъ бѣса, яко бы, жившаго въ немъ, а чрезъ состоявшихъ при идолѣ служителей, слугъ его, т. е. жрецовъ. Сказаніе о Ярославлѣ прямо повѣствуетъ, что около Медвѣжьяго угла «идолъ... бысть Волосъ» [2]), который, какъ и

[1]) Храмъ, хоромы = домъ, церковь; болг. и серб. храмъ, чеш. chram, польск. chromina, санск, çar—aná = убѣжище, защита, повѣтъ, хижина; çar—man = покровъ. Хоръ, хороводъ — короводъ, мало-рус. корогодъ, чеш. и польск. korowod; греч. χορος, лат. chorus, тюрк. χора = хоръ; существованье слова хороводъ = воженье хора говоритъ за словянство и первой части этого слова — хоръ. Для выясненія русскаго храмъ — хоромы можетъ служить лат. chorium = рядъ («верста, садка») камней одинаковой высоты; танцовальный залъ (доисторическій кромлехъ), chors = задворокъ, дворъ задній. «Жрецъ» уменьшительное отъ жеръ — жоръ: жрецъ.

[2]) Въ житіи онъ названъ «Велесъ»; здѣсь разница лишь въ произношеніи любопытная тѣмъ, что первое произношеніе — мѣстное, сѣверно-русское, второе же западное (по Гедеонову — Отрывки о варяж. вопросѣ), можетъ быть, свидѣтельствующее объ исходной точкѣ тѣхъ изъ словянскихъ заселенцевъ Ростова, которые чтили Волоса и имя котораго произносили «Велесъ». Это произношеніе передалось отъ нихъ и позднѣйшимъ ростовцамъ. Форма «Волосъ», «Велесъ» древняя, съ окончаніемъ на осъ (усъ), есъ, существующая еще у литовцевъ. Въ нынѣшнемъ говорѣ она будетъ Волъ, Велъ. Волосъ = Воловикъ — богъ воловъ, скотій богъ. Потебня выводитъ слова Велесъ — Волосъ изъ основнаго varsas (варшасъ), санск. varsas = дождь, vrsa = быкъ, греч. ῥαρσην = самецъ, лат. verres = кабанъ (вепрь), лит. versis = телепокъ (Н. Горяевъ. Срав. этим. сл. р. я.). Другіе ведутъ отъ велѣть, волотѣть, волос—ть, волотъ, ст. сл. влатъ = великанъ, санск. bala = сила, лит. vala = сила (откуда валъ, валить), лат. valere = быть сильнымъ, здоровымъ; лат. volo, velle, лит. valé = воля, лот. velet = избирать — заявлять свою волю.

ростовскій, «страхи мнози твори» и которому «и кереметь створена бысть, и волхвъ вданъ [1]), а сей неугасимый огнь Волосу держа̀ и жертвенное ему кури́. Тако, е-гда пріиде первый спускъ скотія на пажити, волхвъ закала̀ ему тельца и телицу, въ обычное же время отъ дикихъ звѣрь жертвенное сожига, а въ нѣкіихъ—зело больныхъ днѣхъ—и отъ человѣкъ. Сей волхвъ, я-ко пестунъ діавола, мудрствуя силою исконнаго врага, по исхо̀дищу (ходу) воскуренія (дыма) жертвеннаго разумѣва и вся тайная и глагола словеса приключшимся ту человѣцемъ, я-ко словеса сего Волоса [2]). И вельми почтенъ бысть сей волхвъ у языцевъ [3]). Но люто и истязуемъ бываше, е-гда огонь у Волоса престà: волхва по томъ же днѣ и часѣ рѣши́ кереметн и по жребію избра инаго [4]). И сей закла̀ волхва и, разже огонь, сожига въ семъ трупъ его, я-ко жертву точію довольну возвеселити сего грознаго бога». Изъ того же Сказанія видно, что передъ Волосомъ произносились клятвы и что въ Медвѣжьемъ углѣ содержался «въ клѣти» «нѣкій лютый звѣрь», по другому сказанію—медвѣдь, глиняныя лѣпки стопъ котораго найдены въ курганахъ сожженія VIII—X в.в. въ окрестностяхъ Ярославля [5]) и Ростова и который у мѣстныхъ жителей былъ,

[1]) Здѣсь жрецъ названъ волхвомъ, но это, конечно, не значитъ еще, какъ показано, что бъ эти общественныя положенія были тождественны другъ другу. Составитель Сказанія — христіанинъ смѣшалъ ихъ по тому, что въ его глазахъ и тотъ и другой были слуги діавола и оба гадали.

[2]) Гадалъ по дыму, восходившему отъ требища при сожженіи жертвы.

[3]) У послѣдователей Криве жрецъ пользовался огромнымъ уваженіемъ и вліяніемъ; кривичи были въ землѣ мери несомнѣнно и едва-ли не ими занесено въ нее названіе селеній углами (Углечъ = Углецъ). Не лишне отмѣтить здѣсь указаніе купчей 1615 года — «дворъ свой на Угличѣ въ острогѣ, подлѣ *калеметя*, а зъ другую сторону (подлѣ) Троецкаго двора». С. Шумаковъ (Угл. акты, 109 и указатель) принимаетъ это слово̀ за географическій терминъ, т. е. за названіе урочища и это вѣроятнѣе всего; въ XVII в. кереметь въ Угличѣ едва-ли могла существовать въ иномъ видѣ.

[4]) Вѣроятно, изъ его помощниковъ и едва-ли изъ неопытныхъ и непосвященныхъ въ дѣло.

[5]) На Михайловскомъ курганномъ кладбищѣ мною, и др., на Больше-Темиревскомъ А. И. Кельсіевымъ, а подъ Ростовомъ гр. А. С. Уваровымъ (Обозрѣніе выставки..., состоявшейся въ Рыбинскѣ 7 Ав. 1878 г., ст. 23. Меряне и ихъ бытъ....).

всего вѣроятнѣе, тотемомъ [1]). Жители Медвѣжьяго угла, выйдя навстрѣчу Ярославу съ цѣлью сопротивленія ему и выпустивъ на него изъ клѣти медвѣдя, дѣйствовали именно въ этомъ направленіи, т. е. пустили медвѣдя впереди себя, какъ своего тотема.

Изъ сдѣланнаго краткаго обзора водворенія въ Ростовской области христіанства и перваго столѣтія его существованія въ ней видно, кажется, довольно ясно, что христіанство прививалось тутъ очень туго и не могло считаться возобладавшимъ даже еще въ XII в. и даже въ самыхъ средоточіяхъ всей мѣстной жизни, и что на сѣверныхъ окраинахъ—въ Бѣлозерской землѣ язычество процвѣтало по мѣстамъ до XV в. По этому не съ раза можно понять и объяснить, почему земли, бывшія подъ новгородскимъ вліяніемъ, (Бѣлозерье) при образованіи епархій отошли къ Ростову, а не къ Новъ-городу и почему распространеніе христіанства, а за нимъ (позже) и монастырскихъ поселеній шло отъ Ростова къ Новгородской землѣ, а не на оборотъ [2]). Первые три ростовскихъ епископа

[1]) Особо чтимымъ животнымъ, въ котораго переселился и въ которомъ жилъ духъ предка родоначальника послѣ смерти послѣдняго. Такое животное сперва пользуется только льготами и внѣшними знаками почтенія. Его не убиваютъ, опасаясь повредить живущему въ немъ духу, даютъ ему дорогу и пр. Но со временемъ такое почтеніе, постепенно возростая, переходитъ мало по малу въ обожествленіе, — животному начинаютъ доставлять пріятное, его окружаютъ заботами, начинаютъ кормить и т. п. При этомъ совсѣмъ незамѣтно и постепенно позднѣйшими поколѣніями забывается, что все это дѣлается не ради самаго животнаго, какъ таковаго, а ради воображаемаго въ немъ духа — души предка и животное мало по малу становится священнымъ уже само по себѣ, пока наконецъ не сдѣлается изъ тотема божествомъ. Такъ какъ тотемъ жилище родоначальника, то именемъ тотема — животнаго или предмета—называется и самый народъ: дѣти медвѣдя, — ворона, — солнца или по просту медвѣди, вороны. Такихъ животныхъ обыкновенно водили (а предметы — фетиши носили) во главѣ войскъ, какъ предводителя предка, а потомъ, оберегая ихъ отъ случайностей, вмѣсто самихъ животныхъ (или предметовъ) стали носить лишь ихъ изображенія. Это и послужило началомъ знаменъ, гербовъ и идоловъ. (Исторія культуры въ отд. очеркахъ, Юл. Липпертъ, стр. 90, 327, 428, 430, 432).

[2]) Ап. Пл. Крыловъ (Іерархи рост.-яросл. паствы, ст. 6), основываясь на Исторіи рус. церкви пр. Макарія (т. I.) говоритъ, что митр. Михаилъ

едва-ли могли помышлять объ образованіи чего либо въ родѣ ростовской епархіи. И если даже допустить, что имъ таковая назначалась при отправленіи ихъ изъ Кіева или Греціи въ Ростовъ на епископство и указывались предѣлы этого епископства, то по при-

---

съ четырмя епископами, съ св. Анастасомъ, прибывшимъ съ Владиміромъ, и дядею послѣдняго Добрынею явился въ 991 г. въ Ростовскую область изъ Новъ-города; что здѣсь они крестили множество людей, построили многіе храмы, рукоположили священниковъ, діаконовъ и устроили причтъ (клиръ), что въ 992 г. кіевскимъ митрополитомъ Леонтіемъ былъ поставленъ въ Ростовъ особый еп. Ѳеодоръ и возникла особая ростовская епархія,— охватывавшая всю Ростовскую область, и что ея епископы звались ростовскими и суздальскими. Подобныхъ заявленій, представляющихъ дѣло введенія христіанства совершившимся самымъ преблагополучнымъ и даже торжественнымъ образомъ, у мѣстныхъ писателей можно встрѣтить много, но они не выдерживаютъ разбора. Крещено множество народа, а первыхъ трехъ епископовъ преслѣдуютъ, мучатъ, двое изъ нихъ убѣгаютъ, третьяго убиваютъ; построено много храмовъ, а между тѣмъ до епископовъ христіанскихъ храмовъ не было ни въ Ростовѣ, ни въ его окрестностяхъ и строятъ ихъ впервые Ѳеодоръ, Леонтій, Исаія; рукоположили священниковъ, діаконовъ, устроили причтъ, но изъ кого? Изъ язычниковъ или ново-крещеныхъ? Что же они знали и что могли? Самъ Крыловъ признаетъ (ст. 13), что греки, едва знавшіе словянскій языкъ и народъ и бывшіе для населенія чужими, на которыхъ смотрѣли съ недовѣріемъ и злобою, какъ на посягавшихъ на вѣру отцовъ, не могли успѣшно учить христіанству. Но, признавая это, повторяетъ небылицы о крещеніи Руси по слову князя. Владиміръ, призывая кіевлянъ креститься, объявилъ, что нежелающій—«противенъ мнѣ да будетъ» (Лѣт. пр. Нестора ст. 65), т. е. станетъ противникомъ, врагомъ, но при этомъ Владиміръ не сулитъ и не опредѣляетъ наказанія, кары и не приказываетъ. Выраженіе лѣтописи про него: «Нача ставити по градомъ церкви и попы и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селамъ» можно понимать лишь въ общемъ смыслѣ заботъ и стараній распространить новую вѣру. Однако и въ этомъ извѣстіи указано, что церкви онъ строилъ только въ городахъ, т. е. тамъ, гдѣ были его намѣстники,—подвластныя ему лица; крестилъ же—гдѣ удавалось. Я вынужденъ былъ остановиться на вопросѣ о введеніи и распространеніи христіанства въ Ростовской области болѣе нужнаго, такъ какъ этотъ вопросъ совершенно не разработанъ и не освѣщенъ ни мѣстными, ни общими изслѣдователями, представляющими дѣло ужъ очень простымъ.

бытіи на мѣсто, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, житіи и др. источники, они немедленно были принуждаемы существовавшею дѣйствительностью оставлять всякую мысль о епархіи и ограничивать всю свою дѣятельность тѣсными рамками одного небольшого города да его самыхъ ближайшихъ окрестностей, довольствуясь ролью проповѣдника, а не владыки правителя. Дальше этихъ предѣловъ первые епископы и показываться не смѣли. Только про четвертаго изъ нихъ Исаію (1078—1089 г.г.) сообщается, что онъ получилъ наконецъ возможность обходить «грады и веси, я-же въ Ростовстѣй и Суздальстѣй области». Но эти «грады и веси»— крошечныя поселенія были далеко не многочисленны и не представляли ничего сплоченнаго и цѣлаго, что могло бы напоминать епископство или епархію. То были отдѣльныя и немногія крапинки на общемъ полѣ язычества, ибо и при Исаіи сей часъ же у Ростова стоялъ еще идолъ Велеса, устрашавшій самое христіанское духовенство, и тутъ же у Ростова не однажды нападали на зарождавшійся Аврааміевъ монастырь, и зорили его противники христіанства. Ясно, что среди такой паствы епископствовать было мудрено и почти не надъ кѣмъ. Послѣ Исаіи, т. е. съ 1089—1140 г.г. ростовскихъ епископовъ не извѣстно [1]). Они, вѣроятно, были, ибо Ростовскою областію правилъ до 1125 г. В. Мономахъ—очень ревностный къ церкви и къ духовенству. Но войны его сыновей въ Ростовской землѣ и общія событія того времени отвлекли вниманіе лѣтописцевъ отъ епископовъ. Они не упоминаютъ о нихъ, вѣрнѣе всего, по тому, что эти епископы ни чѣмъ не выдѣлились и не сумѣли заставить о себѣ говорить [2]).

Со второй половины XI в. въ Ростовской области поселились дѣти Мономаха и самъ онъ не разъ наѣзжалъ туда [3]) для наведенія порядковъ. На послѣднее намекаетъ то, что имъ, всего вѣрнѣе, былъ основанъ на р. Клязьмѣ г. Владиміръ, конечно,—не для забавы, а для

---

[1]) Лѣт. о рост. арх. стр. 187.

[2]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ Лѣтописи о рост. арх. указаны очень сомнительные епископы даннаго времяни: Иларіонъ II, Ѳеогностъ I и Ѳеодоръ II. (Истор. росс. іерархіи, ч. I, гл. 4, ст. 114).

[3]) Н. В. Шляковъ. О поученіи Вл. Мономаха, въ отд. отт. ст. 6, 12.

защиты управляемой области отъ посягательствъ на нее враждебнаго ему муромскаго князя. Съ XII в. въ Суздалѣ укрѣпился младшій сынъ Мономаха Юрій (Егоръ, Георгій), позже прозванный за свою захапистость Долгорукимъ. Подросши, онъ дѣятельно занялся устройствомъ и переустройствомъ Ростовской земли, все еще лишь подданной, а не покоренной. Въ силу этого не только строилъ города и заселялъ пустыри, но и вводилъ новые южные, чуждые мѣстному населенію порядки, искореняя тѣмъ по мѣрѣ силъ и возможности мѣстные виды жизненнаго уклада. Этотъ укладъ, слагавшійся вѣками, стойко противился измѣненію и упраздненію. Однако Юрій, пробывъ въ Ростовской землѣ большую часть своей жизни, отлучаясь лишь на непродолжительное время, оставилъ тамъ ясный слѣдъ. Съ этого времени появляются здѣсь и, относительно, довольно быстро множатся монастыри, расползаясь постепенно отъ главныхъ средоточій страны по всѣмъ направленіямъ. Съ того же времени можно говорить о Ростовской епархіи, какъ понимаютъ епархію нынѣ, и о систематическомъ распространеніи христіанства съ Ю. къ С., а не на оборотъ, о чемъ сказано выше. Правда, явленія такого же порядка отмѣчены источниками и для болѣе ранняго времени [1]). Но эти явленія, какъ вызванныя мѣстными условіями [2]), не могутъ идти въ счетъ тѣмъ болѣе, что о дѣятельности Новъ-города, какъ распространителя христіанства на В. и Ю., весьма мало извѣстно [3]). Так. обр. изъ изложеннаго можно, кажется, вывести заключеніе, что главною, если не единственною причиною распространенія Ростовской епархіи съ Ю. къ С. въ предѣлы новгородскаго вліянія, а не на оборотъ,—является

---

[1]) Ярославъ переводитъ духовенство въ Ярославль изъ Ростова, а не изъ Новъ-города. Янъ, идя сбирать дань съ бѣлозеровъ, захватываетъ съ собою изъ того же Ростова, а можетъ быть и изъ Чернигова «попина», конечно потому, что въ Бѣло-озерьи чувствовался въ попахъ недостатокъ.

[2]) Бо́льшая близость Ярославля къ Ростову, чѣмъ къ Новъ-городу, и непредусмотрѣнность перевода, движеніе Яна съ Ю. на С.

[3]) Въ позднемъ житіи Авраамія ростовскаго сообщено, что его познакомили съ христіанствомъ новгородскіе купцы, пріѣзжавшіе торговать въ Чухлому.

раздѣленіе Русскаго государства на удѣлы [1]), при которомъ Ростовская земля вмѣстѣ съ Бѣлозерскою обособилась отъ Новгородской въ удѣлѣ Всеволода Ярославича и, особенно, въ удѣлѣ его сына В. Мономаха. Но вовсе не то, чтобъ Ростовъ былъ просвѣщеннѣе Новъ-города, или что бъ заселеніе Ростовской и Бѣлозерской земель шло не изъ Новъ-города. Пока Ярославъ владѣлъ нераздѣльно Новгородскою, Бѣлозерскою и Ростовскою землями, до тѣхъ поръ и не замѣтно роста Ростовской епархіи на счетъ Новгородской. Когда же двѣ послѣднія земли, объединенныя въ одну Ростовскую область, отдѣлились отъ первой, тогда этотъ ростъ сталъ замѣчаться. Слѣдовательно распространеніе Ростовской епархіи, а вмѣстѣ съ нею и монастырскихъ поселеній съ Ю. къ С. не противорѣчитъ (какъ прежде казалось и мнѣ) возможности словянскаго заселенія Ростовской земли изъ Новгородской, такъ какъ одно явленіе не касается другого и т. к. они не одновременны и вызваны и обусловлены разными причинами [2]).

Что касается сохраненія (мѣстами до XVI в.) самобытности инороднаго населенія въ водоемахъ Мологи и Шексны не только въ предѣлахъ Ярославской губерніи, но и много сѣвернѣе (весь и іегна къ З. отъ Шексны, а меря къ В. отъ нея), [3]) выставляе-

[1]) Нѣкоторые считаютъ, что удѣлы возникли лишь послѣ любечскаго съѣзда князей; это не вѣрно. Съ этого времени возникло раздѣленіе единаго до той поры государства на нѣсколько отдѣльныхъ независимыхъ другъ отъ друга самостоятельныхъ государствъ—княжествъ, слабо объединенныхъ лишь договоромъ. Удѣлы же (отъ удѣлять, выдѣлять) были уже при Рюрикѣ, выдѣлившемъ нѣкоторыя области своимъ мужамъ, затѣмъ при Святославѣ, Владимірѣ и Ярославѣ.

[2]) Конечно, южный монахъ, основывавшій монастырь хотя бы въ Бѣлозерской землѣ, не переставалъ быть южаниномъ. Но онъ былъ каплею въ морѣ, ибо братію набиралъ изъ туземцевъ, а не приводилъ съ собою. Слѣдовательно, почти вовсе былъ не замѣтенъ въ дѣлѣ общаго заселенія области. Это во первыхъ. Во вторыхъ, монастырскія поселенія появились, вообще поздно, въ Ростовской области въ XII в. и потому для первоначальнаго заселенія этой области не имѣютъ значенія. Оно за долго до этого уже закончилось и сложилось, ибо несомнѣнно почти, что переселенцы принимали участіе въ призваніи князей въ IX в.

[3]) Труды Яросл. областн. съѣзда, ст. 165.

маго также противъ новгородскаго заселенія Ростовской области, то это сохраненіе, конечно, свидѣтельствуетъ очень опредѣленно, что словянское заселеніе береговъ названныхъ рѣкъ и ихъ междурѣчья производилось весьма медленно, отчего и затянулось до позднѣйшаго времени, вершась еще долго въ историческую пору и, при томъ, со всѣхъ сторонъ [1]). Но сохранность инородцевъ въ указанной мѣстности одинаково не говоритъ ни въ пользу сѣвернаго, ни въ пользу южнаго заселенія губерніи и отъ того не имѣетъ значенія сама по себѣ въ разрѣшеніи вопроса объ исходной точкѣ первоначальнаго словянскаго заселенія Ярославской губерніи. Она свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что словянскіе переселенцы изъ какой страны они не шли бы, одинаково считали указанныя мѣста по чему-то неудобными и обѣгали ихъ. Почему? Можетъ быть, по ихъ природнымъ свойствамъ, по чрезвычайной влажности, заболоченности, огромной потопляемости весною, а не рѣдко, и осенью, лѣсистостью и вообще неприглядностью и трущобностью, бывшими 1500—2000 лѣтъ назадъ гораздо болѣе значительными, чѣмъ нынѣ. Не невозможно, что и сами инородцы, сгрудившіеся позже въ этихъ мѣстахъ при отступленіи предъ надвигавшимся на нихъ со всѣхъ сторонъ словянствомъ, сопротивлялись такъ или иначе заселенію словянами своей страны. Безспорнымъ остается то положеніе, что обѣ рѣки сохранили свои инородческія названія и что даже по самой береговой полосѣ ихъ долго не было сколько нибудь крупныхъ и замѣтныхъ словянскихъ поселеній [2]); ясно, что эти рѣки служили словянамъ лишь проѣзжими дорогами въ болѣе привлекательныя для нихъ мѣста.

Подводя итогъ всему сказанному, кажется, можно сдѣлать не безъ нѣкотораго основанія слѣдующія заключенія.

---

[1]) По р. Мологѣ больше съ З., по Шекснѣ съ С. и Ю.

[2]) Даже при устьѣ Шексны ни на самой Шекснѣ, ни на Волгѣ еще въ XI в. не было ни какого поселенія. По крайней мѣрѣ при описаніи казни тутъ ярославскихъ волхвовъ около 1071 г. ни о селеньи, ни о жителяхъ не упомянуто; волхвовъ убили лоточники Яна съ верхней Шексны. Лишь въ послѣдствіи здѣсь поселяется кучка русскихъ рыбаковъ и возникаетъ Рыбная слобода, упоминаемая въ 1504 г. Мологаселенье, какъ принято думать, упоминается впервые подъ 1140 г. Однако

1. Заселеніе словянами изъ Новгородской области Ростовской земли, попавшими въ Новгородскую область и укрѣпившимися въ ней значительно раньше, чѣмъ въ Ростовской, долго остававшейся финскою т. е. неимѣвшею славянскаго прилива изъ другихъ мѣстъ [1]) не могло не произойдти уже въ силу того, что эти области были и есть сосѣднія и что для заселенія Ростовской земли, уже съ древнѣйшихъ временъ, словянами Новгородской области не было ни какихъ значительныхъ ни естественныхъ, ни искусственыхъ (со стороны человѣка) препятствій. На-противъ такому заселенію способствовали двѣ значительныя рѣки—Молога и Шексна, текущія изъ новгородскихъ земель въ ростовскія (а не на-оборотъ) и своимъ теченіемъ [2]) выводившія и выносившія каждаго, выходившаго на нихъ, изъ первыхъ во вторыя.

2. Значеніе этихъ рѣкъ, какъ соединительныхъ путей тѣхъ и другихъ земель и постоянное ими пользованіе жителями тѣхъ и другихъ земель именно, какъ таковыми, засвидѣтельствовано солидарностью дѣйствій этихъ жителей въ дѣлѣ призванія князей и существованіемъ доисторическихъ словянскихъ городовъ Бѣлоозеро и Ростова среди финскихъ туземцевъ названныхъ областей.

это допущеніе вполнѣ произвольно, ибо въ лѣтописяхъ говорится только объ устьѣ Мологи (какъ нѣсколько выше объ устьѣ же Медвѣдицы), а не о селеніи или городѣ Мологѣ. Упоминаніе лѣтописью о взятіи союзной ратью Изяслава Мстиславича шести городовъ (неперечисляемыхъ) всвсе еще не допускаетъ признанія устья Мологи за городъ,—оно введено въ это извѣстіе въ качествѣ простого указанія предѣла пространства, пройденнаго ратью по Волгѣ (Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., изд. 3, т. II, ст. 266).

[1]) Она и для лѣтописца все еще мерянская, а не словянская земля хотя уже и съ словянскимъ городомъ.

[2]) Имѣющемъ очень большое значеніе въ первобытной жизни. Хотя названіе «вода» и нельзя обобщать съ глаголомъ водить, тѣмъ не менѣе рѣчная вода въ первобытной жизни народовъ имѣетъ значеніе именно проводника, вожака. дороги. Въ словянскомъ «вода» в. приставное благозвучное,—лат. odo, odonium., udo=мочить; слов. удъ=дѣторолный членъ въ смыслѣ мочащій, испускающій мочу, фран. eau=вода. Слов. вести, водить, латин. vestigo=искать, идти по слѣду, vestigium=слѣдъ, стопа, ступень,—отпечатокъ ноги.

3) Такое заселеніе должно быть не только допущено, но и признано дѣйствительно имѣвшимъ мѣсто, какъ удостовѣряемое многими прямыми и косвенными данными.

4) Возраженія противъ него, основанныя на несходствѣ ярославско-владимірскихъ кургановъ и другихъ могилъ и, особенно, вещей изъ нихъ съ новгородскими не имѣютъ значенія въ виду того, что въ пору первоначальнаго заселенія словянами Ростовской области словяне (могшіе легче другихъ заселить эту область) еще не насыпали кургановъ, а держались наземныхъ способовъ похоронъ (на столбахъ, можетъ быть, въ дуплахъ и т. п.).

5) Мерянская земля начала заселяться словянами за-долго до историческаго времени. Еще въ обще-славянскую пору, т. е. въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х., они уже проникали къ верховьямъ Волги (по Соболевскому). Въ IV в словяне, почти несомнѣнно, были среди мери, ибо знали и назвали по своему чудь—сосѣдку и сонасельницу мери [1]), вмѣстѣ съ которыми они были покорены

---

[1]) Въ Тверской губерніи былъ еще въ XVIII в. Чудскій станъ, въ Ростовѣ—Чудскій конецъ. Карсаковъ (Меря и Ростовское княжество, ст. 49) думаетъ, что словяне звали чудью не особое какое либо финское племя, а всѣхъ тѣхъ финновъ, среди коихъ они не успѣли еще укрѣпиться и кои еще оставались по этому чужими имъ. Съ этимъ трудно согласиться: кругомъ словянъ было много чужихъ имъ народовъ, но они звали чудью только финовъ, да и изъ нихъ лишь свѣтлоглазыхъ, называя чудь—«бѣлоглазою». Чудскія урочища (станъ, конецъ) были тамъ, гдѣ словяне сидѣли среди финновъ. Хомяковъ (Труды Пермск. архивн. ком. в. IX, ст. 33) производитъ слово чудь отъ финскаго теудъ, тіудъ= человѣкъ (бретонское тудъ=люди). Но и съ этимъ производствомъ нельзя согласиться,—у словянина теудъ выродилось бы въ тудъ или въ тевтъ, тейтъ. Кромѣ того, если слово тудъ есть у бретонцевъ, то вѣрнѣе считать его за германское, чѣмъ за финское. Мнѣ представляется, что чудью словяне звали тѣхъ изъ финновъ, которые поражали или удивляли ихъ своею внѣшностью, образомъ жизни, покроемъ одежды и проч., т. е. наиболѣе отличныхъ отъ словянъ, болѣе дикихъ, странныхъ (странный= явившійся со стороны, чужой, не свой, незнакомый). По кр. мѣрѣ до нынѣ слова чудакъ, чудной, чудо-чудище сохраняютъ значеніе страннаго, смѣшного, удивительнаго, непонятнаго. Эко чудо несуразное! Эко чудище! —бранятся еще и теперь. А. Л. Погодинъ (Изв. имп. акад. н. 1911 г. №9

готами. Около того же времени (IV в.), должно быть, совершилось и обособленіе словянъ (сѣверно-русскихъ) въ отдѣльности, о чемъ упоминаетъ Іорданъ. А равно и зарожденіе,—вслѣдствіе такого обособленія,—въ каждой отдѣльности своихъ отличительныхъ особенностей говора (и др. чертъ), т. к. эти особенности къ VIII в.—времени появленія Ростова – на столько окрѣпли, что при столкновеніяхъ не утрачивались. По кр. мѣрѣ другіе говоры, представители которыхъ въ VIII в., несомнѣнно, также были среди мери въ достаточномъ количествѣ, не могли хоть сколько нибудь значительно сгладить отличительныхъ особенностей говора ея первыхъ основныхъ словянскихъ насельниковъ. Онъ сохранилъ до сихъ поръ окраску того сѣверно-русскаго говора, который позже сталъ называться новгородскимъ. Названіе перваго словянскаго города въ мерянской землѣ – Ростова носитъ отпечатокъ того-же говора [1]). Значитъ, къ VIII в. сѣверно-русскіе словяне не только говорили разными нарѣчіями, но въ мерянской землѣ преобладали словяне новгородской земли—словены, а не кривичи [2]).

6) Новгородскій окрасъ ярославскаго говора заставляетъ думать, что если въ предѣлы мерянской земли въ обще-словянскую пору

и 10, 72) слово чудь возводитъ къ готск. thiuda=народъ, полагая, что словяне перенесли названіе чудь на финновъ съ ихъ покорителей готовъ. Но готы не назывались ни сами отъ себя, ни отъ инородцевъ чудью, ихъ звали готами. И русская лѣтопись знаетъ ихъ не чудью, а готами; да сверхъ того и подъ чудью разумѣетъ не всѣхъ финновъ, а лишь особую ихъ отдѣльность. Іорданъ—самъ готъ такъ же обособляетъ чудь отъ мери, мордвы и готовъ. Да и Погодинъ, спустя годъ, уже увѣряетъ (жур. М. Н. Пр. 1912 г. XI, отд. II, 107), что «чудь» взято у вымершаго чудскаго народа. Вообще онъ не твердъ въ своихъ мнѣніяхъ, разсмотрѣть которыя не имѣю мѣста, но прочесть рекомендую. Во всякомъ случаѣ слово «чудь» понималось словянами по своему.

[1]) Нов*ъ* городъ=новый городъ, Псков*ъ*=Песоковъ, а не Плесковъ, какъ думали старые книжники, Бѣ*л*о озеро, а не езеро, какъ на З., Зубцовъ и пр. Образованіе названій городовъ на З. нѣсколько иное: Смоленескъ—Смолен*ск*ъ, Витеб*ск*ъ, Мине*ск*ъ—Минскъ, Полоте*ск*ъ—Полотскъ, Куре*ск*ъ—Курскъ и пр.

[2]) Названіе Ростова словенское, а не кривичское, хотя были и послѣдніе: Углече поле—Углеч*ъ*=Углецъ, Ярослав*л*ь.

словяне и проникали съ З., то, попавъ сюда, теряли связь съ своею исходною точкою и начинали тяготѣть къ сѣверу, подпадали подъ его вліяніе, ибо пріобрѣтали особенности его говора, а не какого либо иного. Другими словами это значитъ, что въ пору первоначальнаго заселенія словянами мерянской земли, каковое происходило во время образованія говоровъ, въ нее шли гл. обр. съ С. и она сносилась въ это время преимущественно, если не исключительно, съ С., а не съ З. и не съ Ю., такъ какъ у здѣшнихъ словянъ образовался и держался (и держится) не западный, а сѣверный (хотя и съ собственными отличіями) говоръ. Значитъ, приходившіе сюда словяне таили въ себѣ и несли сюда задатки и зачатки сѣверной рѣчи, а не иной.

7) На новгородскую окраску здѣшняго говора едва-ли могли вліять позднѣйшія (съ IX в. и позже) переселенія сюда новгородцевъ. Для такого вліянія эти переселенія должны были бы быть очень значительными и переселившіеся должны были бы занимать обширныя пространства, при томъ же сплошь. При незначительности того и другого и при разрѣженности поселеній переселенцы, разсѣянные среди иначе-говорившаго народа, скорѣй утратили бы свои особенности, чѣмъ повліяли бы на окружающихъ [1]). О такихъ же переселеніяхъ нѣтъ извѣстій и ни что не заставляетъ ихъ предполагать.

8) За новгородское же заселеніе и вліяніе говоритъ такъ же одинаковость женскихъ одеждъ и головныхъ уборовъ въ Новгородской и Ярославской губерніяхъ.

II.

Переходя къ вопросу о первоначальномъ заселеніи Ярославской губерніи съ З. изъ земли, ставшей позже кривичскою, нужно замѣтить прежде всего то же, что о новгородскомъ заселеніи, т. е. что противъ такого заселенія нельзя сдѣлать никакихъ возраженій по существу. Обѣ земли - мерянская и кривичская [2]) были сосѣдними;

[1]) Среди ярославцевъ проживаетъ нынѣ, особенно, лѣтомъ множество вологжанъ, владимірцевъ и др., но они нисколько не вліяютъ на мѣстный говоръ, хотя въ то же время вліяютъ на словарь и словесность.

[2]) Называю послѣднюю такъ лишь для краткости, по позднѣйшему ея наименованію, помня, что въ общесловянскую пору ни кривичей, ни другихъ обособленныхъ отдѣльностей у русскихъ словянъ не было.

какихъ либо значительныхъ естественныхъ преградъ передвиженію изъ одной земли въ другую не имѣлось. Напротивъ изъ кривичской земли въ мерянскую (опять-таки не обратно) текла Волга—тутъ еще не достаточно широкая и глубокая для того, что бы отпугивать отъ себя первобытнаго жителя, и выводившая попадавшихъ на нее къ нынѣшнему г. Угличу. Отсюда до Ростова,—средоточія мерянской земли,—около 80 верстъ, а до р. Устья, текущей къ Ростову же, менѣе 10 вер. [1]). Здѣсь, почти у самаго Углича, былъ найденъ большой кладъ восточныхъ монетъ VII и VIII в.в. лишь съ ничтожной примѣсью монетъ начала IX в. [2]). А также поддѣлка («варварская») подъ восточную монету, опредѣленная барономъ Г. В. Тизенгаузенъ временемъ отъ VIII—X в. и выкопанная мною изъ кургана погребенія курганнаго кладбища на Грѣховомъ ручьѣ, что въ 6 вер. къ Ю. отъ Углича. Эти находки свидѣтельствуютъ, что на Волгѣ около нынѣшняго Углича, упоминаемаго письменностью лишь съ XII в. (1148 г.), еще въ доисторическую пору билась уже относительно развитая жизнь и торговля такъ же, какъ и въ недалекомъ отъ Углича Ростовѣ. И едва-ли починателемъ послѣдней и руководителемъ первой была и могла быть меря или весь, сходившіеся тутъ на ихъ взаимно-пограничной линіи—Волгѣ. Основательнѣе думать, что и жизнь, и торговля держались здѣсь славянами. Кажется, надо допустить, что на мѣстѣ Углича въ древности, въ VII—IX в. не существовало постояннаго (по кр. мѣрѣ значительнаго) поселенія, а лишь временное—торгъ или ярмарка, какъ позже на Мологѣ у Холопьяго городка. Послѣдняя, можетъ быть, и развилась-то благодаря тому, что съ наплывомъ славянъ въ южную часть Ярославской губерніи инородцы отодвинулись къ С. въ водоемъ Мологи и Шексны, куда за ними перемѣстилась и ярмарка, державшаяся гл. обр. доставляемою ими пушниною. Такъ

---

[1]) Угличско-ростовская большая дорога нынѣ идетъ по водораздѣлу Улеймы—Волги и Могзы—Устья, переходя послѣднюю у Борисо-Глѣбскихъ слободъ въ 17 вер. отъ Ростова.

[2]) 205 цѣльныхъ и 909 частей—«рѣзани», а равно и нѣсколько «гривенъ»—серебряныхъ слитковъ продолговатаго вида и опредѣленнаго вѣса (около 1 ф.). Яр. Губ. Вѣд. 1880 г. №№ 33 и 60.

думать побуждаетъ то, что кладъ найденъ (на «Ивановской загородѣ») у подошвы наиболѣе возвышенной части ближайшихъ угличкихъ окрестностей—Богоявленской горы (длиннымъ крутымъ, но невысокимъ обрывомъ опускающейся въ Волгу съ ея лѣвой стороны въ 1—2 верстахъ выше города и сильно подмываемой каждымъ половодьемъ), и то, что Угличъ долго звался полемъ—«Углече поле» [1]). Разъ «поле», то очевидно, что на этомъ полѣ не было еще селенія въ то время, когда слагалось и закрѣплялось за урочищемъ указанное названіе, такъ какъ иначе его полемъ не назвали бы. Что же было на этомъ полѣ, какая причина побудила дать ему названіе и именно такое, а не иное? На полѣ, конечно,

---

[1]) Я уже замѣтилъ, что почти во всѣхъ моихъ работахъ мнѣ часто приходится уклоняться въ сторону отъ прямого предмета изслѣдованія для необходимыхъ поясненій, такъ какъ для изученія Ярославской губ. въ какомъ бы не было отношеніи почти совсѣмъ ни чего не сдѣлано. Такой способъ работы, конечно, не пріятенъ, какъ лишающій работу цѣльности и разбивающій вниманіе читателя, но пока онъ, на мой взглядъ, еще необходимъ въ виду того, что не возможно, разсматривая одно, не касаться другого, сопредѣльнаго съ первымъ. А разъ коснулся, приходится распространяться, такъ какъ сослаться не на что и можно или оказаться не вѣрно понятымъ, или оставить предметъ невыясненнымъ. Таково значеніе и нижеслѣдующаго примѣчанія.

Рѣшить, что значитъ первая часть названія «Углече поле», — не легко. По своему сложенію она представляетъ прилагательное притяжательное отъ Углечъ — (какъ Любечь, княжичь, Ольжичь; этотъ видъ отъимянныхъ прилагательныхъ не сѣверный, а юго-западный, на С. такія прилагательныя кончаются на овъ, евъ: Олеговъ—Ольговъ, князевъ и пр. Нахожденіе въ Новгородской землѣ названій въ родѣ Ольжичи говоритъ не о сѣверномъ ихъ происхожденіи, а о заносѣ ихъ на С. съ З. Иногда эти образованія принимаютъ значеніе уменьшительныхъ: Яничь, княжичь, Угличъ — Углечъ) — въ западномъ произношеніи или отъ Углецъ — въ сѣверномъ (того же образованія уголъ — углецъ — уголокъ, какъ городъ— городецъ — городокъ). Но что или кто былъ этотъ Углечъ — Углецъ? Н. В. Шляковъ (О поуч. В. Мон. отт., ст. 108 и 114) увѣряетъ, что образованіе «углече» происходитъ отъ угль — уголь, а не отъ углъ — уголъ, ссылаясь на то, что въ этомъ словѣ послѣ л, должно стоять ь, а не ъ, дающее е, а не о. Но во 1) уголъ по чеш. uhel, польск. węgiel и ь, собственно говоря, есть сокращеніе (краткое) і, а не е: боль — боли, болью — болію (и хотя

могла быть пашня, но она не могла занимать всего поля, какъ слишкомъ большого для этого (около 5 вер. радіусомъ). Кромѣ того частная пашня не могла представлять общаго интереса или привлекать особое вниманіе, такъ какъ составляла обычное явленіе и, какъ таковая, всего вѣрнѣе, не носила особаго названія. Но если названіе и имѣлось бы, то во всякомъ случаѣ не пріобрѣло бы общаго распространенія и значенія. Мало ли было пашенъ по-всюду. Нѣтъ, угличское урочище получило названіе поля не въ частномъ, а въ общемъ значеніи этого слова, т. е. не въ значеніи пашни, а въ значеніи степи,—ровнаго, болѣе или менѣе открытаго, незаросшаго лѣсомъ пространства въ родѣ того «чистаго поля», о которомъ поетъ

поле — полька, но по тому, что тутъ е = ьэ — iэ). Во 2) въ данномъ случаѣ е является неустойчивымъ, склоннымъ перейдти въ о: уголь — уголёкъ, гдѣ ё=ьо (jo)=io, а не ео; и въ «углече» послѣ л стоитъ ь: угльэчьэ, (самъ Шляковъ говоритъ, что уменьшительная наставка къ къ есть je — ja—jo, т. е. ье—ьа—ьо); въ чеш. и уголъ, и уголь одинаково uhel (Этим. слов. рус. яз. Горяевъ). Въ 3) «углече» непосредственно происходитъ не отъ первоначальнаго коренного образованія угль или углъ (все равно), а отъ производнаго Углечъ (Углекъ) — Углецъ, значащихъ одно и то же и различающихся лишь мѣстной особенностью произношенія шипящаго звука; въ данномъ видѣ налицо западное чекающее, а не сѣверное цокающее, только. Если же Углечъ = Углекъ — Углецъ, то ясно, что это слово происходитъ отъ углъ = уголъ, а не угль — уголь.

Происхожденіе словъ уголъ и уголь нельзя считать разъясненнымъ, —рус. уголъ, мал. и бѣлорус. вуголъ, старо-слов. ѫгълъ (унгл — унголо) област. рус. узгъ, узголъ, узжокъ, греческ. ογκύλος, санск. aṅhus, ahas, лат. angulus, фран. angle, нѣм. anglis; рус. уголь, серб. уголь, чеш. uhel, uhle, польск. węgiel, прус. и лит. anglis, ст.-слов. ѫгль (унгль), латыш. ögle. Изъ этого перечня видно, что названія обоихъ предметовъ вообще схожи, а въ нѣкоторыхъ языкахъ тождественны (въ чешкомъ, польскомъ, латинскомъ и французскомъ), что затрудняетъ возстановленіе первичныхъ значеній того и другого слова. Уголъ одни (Горяевъ) ведутъ отъ гнуть (= гунуть) — an, ang; ст.-слов. ѫкоть (ункать), лат. uncus—загнутый, крюкъ; другіе (Шляковъ и др.) отъ тѣснить, узить, давить, лат. ango. Но и тѣ, и другіе забываютъ, что въ нашемъ теперешнемъ словѣ «уголъ» скрыто два разныя понятія: уголъ выдающійся (уголъ дома), остріе — ребро, коему соотвѣтствуетъ латин. unguis = коготь, ноготь, ungula = копыто; и уголъ входящій — лузгъ, острая впадина (обл. узгъ), лат. angulus. Первое

пѣсня и сказываетъ былина и по которому Юрьевъ владимірскій названъ былъ польскимъ.

Но если утличское поле было—«чистое поле», то зачѣмъ потребовалось дать ему названіе? Очевидно, въ этомъ была надобность, очевидно, затѣмъ, что этимъ полемъ интересовались, что многимъ до него было дѣло, а также затѣмъ, чтобы не смѣшивать его съ другими подобными полями и чтобы придать ясность и опредѣленность дѣлаемымъ на него указаніямъ.

Какая же потреба могла быть въ этомъ полѣ? Прежде всего дорожная; черезъ него пролегалъ кратчайшій путь съ верхней Волги

понятіе сложилось отъ представленія острый, второе отъ сдавленный, тѣсный, узкій. Оба эти понятія объединились лишь въ послѣдствіи въ общее представленіе «уголъ», опредѣляемое въ томъ или иномъ значеніи предлогами и прилагательными (на углу, въ углу). Если принять во вниманіе, что уголь, особенно, хвойныхъ деревьевъ (и даже каменный) всегда представляетъ собою очень угловатое тѣло, то станетъ понятнымъ причина и смыслъ его названія. «Уголъ» и «уголь» это такая же пара видовъ или формъ одного и того же слова и представленія, (но разныхъ значеній), какъ и долъ — доль (въ словѣ вдоль = въ-доль), голъ — голь, (раз)солъ — соль и т. д. Попытку (Горяевъ) связать «уголь» съ «огонь» (ст.-сл. огнь, чеш. ohen, ohnisko, польск. ogien, серб. огань, санск. agni, лат. ignis, лит. ugnis, лот. uguns, швед. ugn, фин. uhni, курд. agyr, egyr) нужно признать не удачной: нѣтъ основаній ни для созвучія, ни для совпаденія представленій.

Таковы данныя разбора матеріала, относящагося къ слову Углечъ—Углецъ. Они на поставленный выше вопросъ: что или кто былъ Углечъ—Углецъ, приводятъ скорѣе всего къ отвѣту, что Углечъ (Углекъ) было небольшое (чѣмъ объясняется уменьшительный видъ названія) западнословянское поселеніе, которыя въ Ростовской землѣ не особенно рѣдко звались углами; по крайней мѣрѣ о трехъ изъ нихъ сохранились извѣстія. Одинъ по сей-часъ существуетъ въ Даниловскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи — Куклинъ уголъ, два другія отмѣчены письменностью. Одинъ — Медвѣжій уголъ — былъ поселеніемъ на мѣстѣ нынѣшняго Ярославля (Сказаніе о постр. града Ярославля), другой,—тоже Медвѣжій уголъ, — существовалъ еще въ XVII ст. (1647 г.) въ нынѣшней Владимірской губерніи въ видѣ села въ 70 дворовъ и въ видѣ «урочища», принадлежавшихъ суздальскому дѣв. Покровскому монастырю (Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова. Ак. ист., ст. 186, 193, 255,

къ Ростову—средоточію области, путь, существующій до нынѣ. Все спущенное съ верхней Волги оттуда водою вмѣсто длиннаго кружнаго пути по громадной волгской лукѣ (около 180 вер.) до Которостли и по Которостли и оз. Неро (около 75 вер.) переваливалось здѣсь поперекъ омываемаго лукою полуострова; этимъ путемъ, видимо, ходилъ въ Ростовъ и Вл. Мономахъ [1]). Вслѣдствіе этого около современнаго Углича должна была существовать разгрузочная пристань или привалъ, конецъ путины, а стало быть, нѣкоторымъ образомъ и складъ товаровъ. Гдѣ же былъ привалъ судовъ и складъ товаровъ, тамъ всегда развивался торгъ—ярмарка какъ съ судовъ, такъ и на берегу [2]). Для такого-то торга еще болѣе, чѣмъ для дороги, и требовалось угличское поле и онъ-то побудилъ тѣхъ, кто посѣщалъ углечскій торгъ, дать этому полю названіе—прозвище. Собственно говоря, преднамѣренно и обдуманно ему не давалось опредѣленнаго и предрѣшеннаго названія по чьему-либо распоряженію. Оно сложилось само собою незамѣтно и постепенно изъ простаго обозначенія мѣста по его наиболѣе замѣтной особенности. И закрѣпилось за урочищемъ вслѣдствіе частаго повтернаго и однообразнаго употребленія, обусловленнаго тѣмъ, что данное мѣсто не представляло возможности обозначать его ясно инымъ образомъ; что не имѣлось на немъ ни какого другого настолько отличительнаго признака, чтобы по этому признаку каждый могъ легко узнать указанное урочище. Поэтому оно и обозначалось большинствомъ однообразно [3]) Углечское поле.

---

279). Сверхъ этого до нынѣ сохранилось выраженіе «медвѣжій уголъ» для обозначенія глухихъ, захолустныхъ, отсталыхъ въ развитіи, «сѣрыхъ» селеній и другихъ мѣстъ обитаній человѣка. Конечно возможно и даже, можетъ быть, всего вѣрнѣе, что это обозначеніе возникло изъ уподобленія человѣческаго жилья медвѣжей берлогѣ и медвѣжьимъ мѣстамъ; но не невозможно, что оно и пережитокъ далекаго прошлаго и что въ современномъ переносно-иносказательномъ выраженіи «медвѣжій уголъ», эхомъ откликаются древніе Медвѣжьи углы.

[1]) Н. Шляковъ, отт. ст. 102.

[2]) Эти пристани и ярмарки около нихъ назывались исады (см. у меня въ Трудахъ II обл. Твер. арх. съѣзда, отд. I, ст. 197).

[3]) Названій подобнаго образованія много: Могилицы, Городище, Городокъ, Гари, Высоко, Березняки и т. п.

Изъ сказаннаго становится, кажется, довольно яснымъ, что отличительнымъ признакомъ этого поля долженъ былъ быть — углечъ — углекъ — углецъ по нынѣшнему — уголокъ, а не уголъ и не угольи [1]), и что такимъ углекомъ—уголкомъ могло быть лишь селеніе, находившееся близъ углечскаго поля [2]). Теперь трудно рѣшить, гдѣ было это селенье, по тому, что ни Угличъ, ни его окрестности (какъ и большинство древнихъ русскихъ городовъ) почти совершенно не изслѣдованы. Но для руководства можно намѣтить,—какъ болѣе подходящія для такого селенія [3]) мѣста,—нынѣшнюю Богоявленскую гору или Богоявленку, т. е. лѣвобереговую возвышенность верстахъ въ 2 выше Углича, на которой позже стоялъ деревянный Богоявленскій монастырь, неизвѣстно когда основанный, а уничтоженный поляками въ 1608 г. [4]). И,—еще съ большимъ, пожалуй, основаніемъ,—мѣстность на правомъ берегѣ Волги выше Углича версты на 4, на которой въ XVI в. находился также «монастырь Николы *на городищѣ*» [5]). Находка

[1]) А тѣмъ болѣе не угольки Шлякова. Если бъ давалось урочищу прозвище по признакамъ пожара, то его, скорѣе ужъ, назвали бы Гари, Жары, Огнище, Золище и т. п., но ни какъ не угольки, которые по самой своей природѣ такъ незамѣтны и такъ недолговѣчны, что не могутъ составить отличительнаго признака не только большаго открытаго мѣста, но и какого либо задворка. Кстати замѣчу, что мнѣ неизвѣстно да, кажется, и нѣтъ въ Россіи названій селеній, происходящихъ непосредственно отъ уголь. Въ Угличскомъ уѣздѣ и не далеко отъ Углича есть селенье Угольники. Но его названіе, судя по произношенію, произошло отъ прозванія жителей этого селенья по ихъ промыслу—выжиганію угля.

[2]) Не на немъ, а близъ его потому, что въ противномъ случаѣ вниманіе привлекалось бы самымъ селеньемъ, а не его окрестностями.

[3]) Принимая во вниманіе особенности устройства древнихъ славянскихъ городовъ.

[4]) Крат. ист. г. Углича. Л. Ѳ. Соловьевъ, ст. 66. Н. В. Шляковъ останавливается также на Богоявленкѣ (отт. ст. 114).

[5]) Труды Яр. архивн. комис., вып. II, ст. 339 и 342. Въ жалованной грамотѣ Грознаго Покровскому монастырю 1534 г.... «что ихъ села и деревни... да монастырь Николы на городищѣ съ деревнями»... Въ такой же грамотѣ царев. Димитрія 1585 г... вотчина ихъ монастырская... да Никольской монастырь городища съ деревнями». И. Троицкій (вып. I,

монетнаго клада у подошвы Богоявленки и курганное грѣхо-зарученское кладбище погребенія VIII—IX в. близъ бывшаго монастыря, особенно же прозвище послѣдняго («на городищѣ») заставляютъ пока искать мѣсто Углеца—доисторическаго Углича, именно тутъ. Но разумѣется, что при нахожденіи древняго Углеча на мѣстѣ городища, а за это, кажется, больше всего вѣроятности, трудно ожидать найдти тамъ теперь ясные слѣды первоначальнаго деревяннаго города. Водвореніе на городищѣ Никольскаго монастыря уже за сотни лѣтъ назадъ значительно сгладило эти слѣды. Тѣмъ не менѣе въ свое время подъ защитою этого-то именно городка и могъ развиться торгъ на Углече полѣ точно такъ, какъ развился онъ на мологскомъ лугу подъ защитою Холопьяго городка, о которомъ, какъ и объ Углечѣ (Углецѣ), кромѣ названія да найденныхъ на немъ нѣсколькихъ восточныхъ монетъ, до насъ не дошло ни какихъ болѣе древнихъ извѣстій.

На нынѣшнее мѣсто древній Углечъ перенесенъ, вѣроятно, Юр. Долгорукимъ. Этого же мнѣнія держатся С. М. Шпилевскій (Старые и нов. города и борьба между ними въ Рос.-Суздальской землѣ, ст. 110) и Н. В. Шляковъ (ст. 114). Послѣдній предполагаетъ, что Угличъ построенъ на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1134 г. погоста Волга. Для этого предположенія нѣтъ основаній: о пожарѣ не имѣется ни какихъ извѣстій и допускать его на основаніи новгородскаго пожара—странно. О селеньи Волга также не упоминается и лѣтописное: «а иніи же къ Ярославлю, а иніи на Волгу и на Городецъ и тѣ поплѣниша все по Волгѣ» разумѣетъ, очевидно, рѣку Волгу, а не селенье (ст. 108).

Въ итогъ говореннаго можно вывести, что на верхней ярославской Волгѣ уже въ VIII в. по Р. Х. (т. е. одновременно съ Ростовомъ), имѣлось поселеніе, судя по строенію его позднѣйшаго на-

---

ст. 29) опредѣляетъ мѣсто этого монастыря въ 4 вер. выше Углича, Соловьевъ (ст. 50) то же упоминаетъ о немъ. Не тотъ ли это Никольскій монастырь, который былъ у самаго грѣхо-зарученскаго курганнаго кладбища? Тогда онъ былъ не въ 4, а въ 6 вер. къ Ю. отъ Углича. Соловьевъ говоритъ, что тутъ было укрѣпленіе (ст. 65), но не поясняетъ (какъ и Троицкій), откуда взялъ свои свѣдѣнія; а вѣрить ему можно не во всемъ.

званія (Углече) западно-русскихъ словянъ т. е. въ данномъ случаѣ кривичей, (а не новгородцевъ, какъ думалъ Н. В. Шляковъ, ст. 114). Оно существовало продолжительное время, такъ какъ его обитатели (о другихъ нѣтъ ни какихъ намековъ) успѣли насыпать на грѣховомъ ручьѣ довольно обширное кладбище [1]). О дальнѣйшей судьбѣ Углеча и его жителей не извѣстно ни чего положительнаго до XII в., когда доисторическаго Углеча, очевидно, уже не было, ибо въ XII в. поминается не онъ, а новое селенье, возникшее на прежнемъ Углечскомъ полѣ. На это селенье цѣликомъ перенеслось укоренившееся въ народѣ названіе урочища, не смотря на всю нелѣпость подобнаго переноса [2]). Такимъ образомъ къ XII в. отъ древняго Углеча уцѣлѣли слабые слѣды только въ названіи новаго селенья.

Соплеменники древнихъ угличанъ проникали въ мерянской землѣ и дальше на В. [3]), такъ какъ селенья съ названіями того же западнаго пошиба встрѣчаются одно на Волгѣ—Ярославль, другое въ 25 вер. (по прямой) къ Ю. отъ Ростова—Святославле-Карашъ [4]). Правда, такихъ названій въ губерніи мало (нынѣ едва ли не только указанные), тѣмъ не менѣе они не теряютъ отъ этого своей показательной силы. Еще соображеніе. Поселеніе западно-русскихъ словянъ около Ярославля звалось Угломъ, а на верхней ярославской

Курганное грѣхо-зарученское кладбище, по его признакамъ, можно признать только словянскимъ, ибо оно не носитъ, на сколько выяснено, ни финскихъ, ни норманскихъ отличительныхъ чертъ.

[1]) Одинъ изъ его кургановъ выдѣлялся особенно большими размѣрами, хотя и не далъ ни какихъ находокъ. Подобные по строенію и вещамъ курганы находятся во всей западной части Ярославской губерніи по р.р. Ситн, Мологѣ и др., но болѣе поздняго времяни—X—XI в.

[2]) Звать поселенье полемъ.

[3]) Попадая въ Ярославскую губернію едва-ли не чрезъ Углечъ, ибо ихъ поселенія удаляются въ стороны отъ географическаго широтника Углича не много, сосредоточиваясь въ южной половинѣ губерніи.

[4]) Ярославль основанъ, несомнѣнно, Ярославомъ, но названіе ему дано, также несомнѣнно, не самимъ Ярославомъ, какъ утверждаетъ преданіе, а окрестными жителями и прежде всего жителями Медвѣжьяго угла (ярославскаго), какъ ближайшими сосѣдями новаго города, о чемъ я говорилъ уже (Труды III обл. Влад. археол. съѣзда, о нѣк. Яр. гербахъ ст. 32...). Слѣдовательно эти жители были западными выходцами-криви-

Волгѣ—Углечемъ (т. е. Уголкомъ), каковое совпаденіе представляется мнѣ не случайнымъ, а позволяющимъ думать, что названіе селеній углами занесено въ мерянскую землю западными словянами съ верховьевъ Волги. Если жъ это такъ, то къ поселеньямъ тѣхъ же словянъ нужно будетъ отнести и село Куклинъ уголъ Даниловскаго уѣзда, и с. Медвѣжій уголъ (XVII в.) Владимірской губерніи, а равно и урочище Углецъ Константиновъ (въ Пошехонскомъ уѣздѣ), упоминаемый въ сказаніи о явленіи чудотворнаго образа Богородицы [1]).

Изложенное показываетъ, что въ историческое и ближайшее къ нему доисторическое время, не смотря на то, что восточная часть Тверской губерніи, прилегающая къ Ярославской губерніи, была занята словенами (новгородцами), западные словяне (кривичи) все-таки проникали въ послѣднюю съ верхней Волги, хотя и въ меньшемъ, чѣмъ словены, количествѣ. Было-ли такъ и до этой поры, теперь трудно сказать. Это опредѣлится лишь послѣ того, какъ будетъ вырѣшено,—кто раньше прибылъ въ Россію; тѣ ли словяне, которые прозвались позже новгородцами, или тѣ, которыхъ назвали кривичами, и которые изъ нихъ, осѣвъ на мѣстѣ, были болѣе подвижны и дѣятельны. Пока же выясняется (по Соболевскому) лишь то, что вообще словяне были на верховьяхъ Волги около I в. по Р. Х. и что въ IV в. они, (судя по Іордану), проникали уже въ

чами, такъ какъ, судя по строенію названія, даннаго ими новому городу, говорили западнымъ говоромъ. То обстоятельство, что богъ, которому поклонялись въ Медвѣжемъ углѣ, названъ въ Сказаніи о построеніи г. Ярославля по сѣверному—Волосомъ, а не Велесомъ (по западному), не противорѣчитъ сказанному. Все Сказаніе написано сѣвернымъ говоромъ и въ позднѣйшей редакціи. Образчикомъ различія въ строеніи названій западнаго и сѣвернаго говоровъ могутъ служить наименованія ярославскихъ селъ Святославле и Сеславино (къ Ю.-В. отъ Ярославля въ 18—20 вер. по прямой на р. Шакшѣ). Вторыя половины этихъ названій одинаковы и по значенію, и по грамматической формѣ (прилагательныя—притяжательныя), но по строенію онѣ различны: у одного окончаніе л-е(во), соотвѣтствующее сѣверному ово (ого-аго), у другого ино.

[1]) Рукописи слов. и рус., принадлежащія... И. А. Вахромѣеву, вып. V, ст. 126.

земли чуди, мери, черемисъ и даже мордвы [1]). Но не легко рѣшить, были ли въ I в. по Р. Х. на верховьяхъ Волги лишь передовые отряды только-что начавшаго передвигаться въ Россію словянства, или это были послѣдующіе, а передовые прошли уже дальше къ СВ. Судя по вятичамъ, явившимся въ Россію позже другихъ словянскихъ отдѣльностей и потому вынужденнымъ искать свободныхъ мѣстъ дальше другихъ къ В., кажется, можно полагать, что болѣе восточныя словянскія отдѣльности суть позже явившіяся въ Россію, т. е. что верхне-волгскіе словяне старожилѣе волхово-тверцовскихъ. Эти, какъ пришедшіе позже волгскихъ, заняли мѣста за ними, т. е. сѣверо-восточнѣе ихъ, имѣя передъ собою чудь, весь и мерю. Конечно, первые могли проникать въ землю мери еще до прихода вторыхъ. Но когда явились эти, то всего естественнѣе распространяться далѣе къ СВ. въ земли названныхъ инородцевъ было именно имъ, какъ расположившимся ближе всѣхъ другихъ къ инородцамъ. Это дѣйствительно и видимъ у новгородцевъ долго еще и въ историческую пору [2]). Всѣ данныя, которыя пока имѣются, говорятъ такъ же о томъ, что «кривичское» заселеніе не только Ярославской, но и восточной половины Тверской губерніи было слабо все время и до исторіи, и въ первые историческіе вѣка. Всего вѣрнѣе, это условилось тѣмъ, что не было побудительной причины для кривичей двигаться въ восточномъ направленіи вслѣдствіе благопріятныхъ условій жизни въ болѣе западныхъ частяхъ занятой страны. Оттого-то «кривичское» заселеніе и предупредило, вставъ ему наперерѣзъ, заселеніе «новгородское», чрезъ которое кривичское должно было впослѣдствіи пробиваться. Что это было такъ, — свидѣтельствуетъ во-первыхъ малое количество селеній съ названіями западнаго (или юго-западнаго) склада, о чемъ только-что говорилъ. Во-вторыхъ ограниченность вліянія и распространенія западнаго говора въ Яро-

[1]) См. мое Кто насып. яросл. курганы (Труды II обл. тв. съѣзда, от. I, ст. 169).

[2]) Я не могу согласиться съ Карамзинымъ въ его очертаніи земель кривичей; онъ слишкомъ далеко къ СВ. выдвигаетъ ихъ. Ихъ средоточіями были Полотескъ и Смоленскъ, около которыхъ и размѣщалась ихъ главная масса, а къ верховьямъ Волги они доходили лишь однимъ угломъ занятой ими площади.

славской губерніи, наблюдаемаго лишь у самой западной ея границы. О незначительности западнаго заселенія губерніи говоритъ еще отсутствіе въ ней долгихъ кургановъ, извѣстныхъ больше всего въ земляхъ кривичей и не переходящихъ за предѣлы Тверской губерніи [1]), а равно и то обстоятельство, что меря ходила съ Олегомъ покорять кривичей и Смоленскъ. Сиди въ Ростовѣ и среди мери въ преобладающемъ количествѣ кривичи, они, вѣроятно, и сами не пошли бы на своихъ, и мерю отговорили бы отъ этого. Но такъ какъ ихъ было тутъ меньшинство, а главенствовали новгородскіе словены, для которыхъ смоляне были чужими, то меря и выставила свой отрядъ въ Олегово войско. Напомню, что Ростовъ молился Велесу, строеніе имени котораго обличаетъ западное происхожденіе его поклонниковъ, между тѣмъ стоялъ Велесъ въ Ростовѣ, имя котораго сѣвернаго нарѣчія. Это очень любопытное совпаденіе; оно говоритъ о томъ, что западные словяне (кривичи) проникли къ мерѣ раньше сѣверныхъ—(новгородцевъ), принеся съ собою поклоненіе Велесу. Это поклоненіе привилось и укоренилось здѣсь на столько, что явившіеся послѣ того словены (новгородскіе) не могли измѣнить по своему имени бога, но за то они оградили его идолъ городомъ, имя котораго уже чисто сѣвернаго строенія. Такимъ образомъ сѣверные словяне основались здѣсь прочно и завели свои порядки, возобладавъ надъ западными, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ [словени—(имѣли княженье) свое въ Новѣ городѣ, а другое на Полотѣ... отъ нихъ же (имѣли княженье) кривичи... та же сѣверъ отъ нихъ]. Западные принесли къ мерянамъ свою вѣру да зачатки торговли и, можетъ быть, промышленности, а сѣверные гражданственность и государственное строительство, подчинившія себѣ и торговлю, и промышленность. И не безъ ихъ вліянія, воздѣйствія и руководства, какъ утверждалъ еще Костомаровъ, меря участвовала сперва въ сверженіи варяжскаго ига, а послѣ въ призваніи князей [2]).

---

[1]) Ожиданіе найдти долгіе курганы на Заячьемъ, Творинскомъ и др. холмахъ не оправдалось;—по сообщенію И. Сп. Абрамова, посылавшагося нарочно для обозрѣнія этихъ холмовъ, на нихъ никакихъ кургановъ нѣтъ.

[2]) Хорошо было бы сличить словяно-русскія названія урочищъ и селеній Ярославской губерніи и тѣхъ мѣстъ, кои были заняты кривичами

Наиболѣе рьянымъ защитникомъ кривичскаго заселенія Ярославской губерніи является нынѣ А. А. Спицинъ, но свои изслѣдованія онъ основываетъ почти исключительно лишь на раскопочныхъ, главнымъ образомъ вещевыхъ данныхъ, вслѣдствіе чего и приходитъ къ столь же одно-стороннимъ, сколь и широкимъ выводамъ. Начинаетъ онъ довольно правильно, — съ обзора распространенія однородныхъ могильныхъ сооруженій [1]). Принятый и сдѣлавшійся общеупотребительнымъ и необходимымъ извѣстный видъ могилы (въ общемъ значеніи) переносится усвоившими ее всюду, куда они не попадутъ, конечно, если къ тому не встрѣтится непреодолимыхъ преградъ. На основаніи этого, найдя въ данной мѣстности, наприм., характерную и несомнѣнную кривичскую могилу (если бы таковая имѣлась) можно съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что около ея если не жили, то были кривичи, соорудившіе ее. Это положеніе достаточно прочное. Однако пользованіе имъ далеко не такъ просто и удобно, какъ можетъ показаться, такъ какъ точно опредѣленныхъ и несомнѣнныхъ могилъ не много. «Самыми характерными древностями кривичей» IX — X в. Спицинъ считаетъ долгіе курганы [2]) и, на основаніи ихъ распространенія, принимаетъ первыми насельниками Новъ-города и Ростова кривичей. Казалось бы такъ, но при ближайшемъ изслѣдованіи вопроса возникаетъ нѣсколько недоумѣній. Долгіе курганы Спицинъ относитъ къ IX в., а и Новъгородъ, и Ростовъ и при томъ, какъ словянскія поселенія, существовали уже въ VIII в., ст. б. долго-курганные кривичи въ обоихъ указанныхъ мѣстахъ совсѣмъ не первонасельники и «русское» заселеніе этихъ мѣстъ началось не ими. Болѣе того, оно произведено даже и вообще не ими, такъ какъ въ Новъ-городѣ господствовали не кривичи, а словены и такъ какъ наименованіе обоихъ

съ одной стороны и новгородцами и вятичами—съ другой. Такое сличеніе дало бы также нѣсколько основаній для рѣшенія вопроса объ исходныхъ точкахъ словянскаго заселенія Ярославской губерніи. О необходимости сличенія словарныхъ и словесностныхъ данныхъ я уже говорилъ раньше.

[1]) Труды II обл. Твер. археол. съѣзда, от. I, ст. 1.

[2]) Тамъ же, ст. 2.

городовъ не западнаго образованія. Правда, многіе [1]) склонны отождествлять кривичей съ новгородцами. Однако съ этимъ можно согласиться лишь относительно плотской природы тѣхъ и другихъ, т. е. съ тѣмъ, что тѣ и другіе—словяне, но ни какъ не относительно ихъ духовной природы и умственнаго развитія и склада, обусловливающихъ характеръ и міровозрѣніе. Вѣдь, одни прозвались кривичами, а другіе остались словенами; одни выработали однѣ особенности говора, строя и условій жизни и правленія, а другіе—иныя и т. д. Сверхъ этого,—раскопки В. И. Колосова [2]) обнаружили, что долгіе курганы образовывались изъ полушарныхъ. Извѣстно также, что на кладбищахъ долгіе курганы одни, безъ полушарныхъ не встрѣчаются. Слѣдовательно они представляютъ не общее правило кривичей, а исключеніе и потому вполнѣ умѣстенъ и основателенъ вопросъ,—дѣйствительно-ли они кривичскіе, а не какихъ либо сторонихъ насельниковъ среди кривичей, наприм. литовцевъ? Или если и кривичскіе,—то не отщепенцевъ-ли кривичей, усвоившихъ чужой обычай. Точно такъ же, развѣ долгіе курганы не могли быть заимствованы у кривичей частью новгородцевъ и развѣ наличность такихъ кургановъ (при условіи значительности ихъ количества) непремѣнно обязываетъ признать ихъ строителей за кривичей? Когда кургановъ извѣстнаго вида не много въ данной области, когда они являются лишь исключеніемъ изъ общаго правила, тогда да, о нихъ можно говорить, какъ о стороннемъ заносномъ явленіи. Когда же такіе курганы изъ исключенія превращаются въ обычное явленіе, тогда всегда возможно сомнѣніе, представляютъ-ли они слѣдствіе распространенія заимствованія, или слѣдствіе насажденія въ данной мѣстности сторонними переселенцами своихъ обычаевъ. И для установленія того или иного положенія въ такомъ случаѣ необходимы подкрѣпляющіе доводы изъ иныхъ областей знанія. Для новгородцевъ найдти такія подтвержденія кривичества новгородскихъ долгихъ кургановъ не легко. Изъ сѣверныхъ русскихъ словянъ они были наиболѣе независимыми, самостоятельными, предпріимчивыми и

[1]) Спицинъ и нѣкоторые другіе, какъ и я (тамъ же, от. I, ст. 212), но я не отождествляю, а лишь сближаю.

[2]) Тамъ же, ст. XXXIV; от. I, ст. 259.

развитыми и стремились сами распространять свое владычество, страну и вліяніе во всѣ стороны, а не наоборотъ [въ деревляхъ (было княженье) свое... а словени (имѣли княженіе) свое въ Новѣ городѣ, а другое на Полотѣ... отъ нихъ же (имѣли княженье) кривичи... та-же сѣверъ отъ нихъ]. Поэтому они едва-ли допустили бы значительное переселеніе кривичей въ свою землю, особенно, «во всѣ старѣйшія мѣста» свои (Спицинъ, ст. 2), да еще и съ поползновеніемъ если не господствовать, то и не подчиняться, чувствовать себя, какъ дома. Напротивъ, приведенное лѣтописное извѣстіе говоритъ какъ разъ объ обратномъ. И оно станетъ еще достовѣрнѣе, если принять во вниманіе, что одновременно и одномѣстно (на Мстѣ, Волховѣ и пр.) съ долгими курганами существовали въ Новгородской землѣ еще другіе виды кургановъ. Таковы сопки, весьма распространенныя и признаваемыя самимъ Спицинымъ за норманскія и перенятыя отъ норманновъ (ст. 2), т. е. говорящія о томъ господствѣ здѣсь норманновъ, о коемъ повѣствуетъ лѣтопись. Это господство, тяжесть котораго (по крайней мѣрѣ для новгородцевъ) засвидѣтельствована тою же лѣтописью (бунтъ противъ него), едва-ли могло содѣйствовать переселенію кривичей (пусть менѣе вольнолюбивыхъ) въ новгородскія земли—ядро норманщины Скорѣе допустить, что оно гнало ихъ даже изъ ихъ земли (сѣверо-восточной части ея) къ З. и Ю.

Такимъ образомъ нѣсколько разнородныхъ соображеній побуждаютъ думать, что долгіе курганы въ новгородскихъ земляхъ не могутъ служить признакомъ заселенія (особенно, значительнаго) этихъ земель кривичами. Они свидѣтельствуютъ, скорѣе всего, лишь о заимствованіи новгородцами этого вида кургановъ такъ же точно, какъ и норманскихъ сопокъ, а позже жальниковъ.

Про послѣдующее время Спицинъ говоритъ то же, что и о предыдущемъ, — новгородскіе курганы X—XI в. «совершенно тождественны съ курганами западныхъ (двинскихъ) кривичей; что у восточныхъ кривичей на Днѣпрѣ, то и въ Ростовской области» (ст. 2). Поэтому и выводъ его тотъ же,—обѣ области продолжали заселяться кривичами. Однако для XI в.,—все же уже освѣщаемаго до извѣстной степени лѣтописью, и другими свидѣтельствами,—

и у Спицина замѣчается нѣкоторое сомнѣніе. Онъ и для этого времени подчеркиваетъ однообразіе курганныхъ вещей разсматриваемыхъ областей, но оговаривается: «Если же культурное единство Двины и Ильменя объясняется не колонизаціоннымъ движеніемъ, а культурнымъ единствомъ обѣихъ областей, то и этотъ фактъ заслуживаетъ большаго вниманія... культурное единство отъ Двины до Ладоги наблюдается и... въ послѣдующіе вѣка». «Едва ли не придется признать, что заселеніе Суздальскаго края со стороны Днѣпра въ XI в. шло очень слабо». Тѣмъ не менѣе для Тверщины онъ по прежнему утверждаетъ тотъ же порядокъ и въ это время: «зубцовскіе курганы, безъ сомнѣнія, принадлежатъ днѣпровскимъ кривичамъ» (ст. 3). Для поры XII — XIV в. Спицинъ заявляетъ: «новгородскіе славяне вовсе не принимали непосредственнаго участія въ заселеніи Ростовско-Суздальской области и въ составъ велико-русской народности вошли уже въ московскій періодъ. Финскій элементъ въ образованіи велико-русскаго племени едва примѣтенъ. Гдѣ на С. Россіи нѣтъ жальниковъ, тамъ въ XIII — XVI в.в. не было новгородцевъ» (ст. 4). И такъ—кривичи, кривичи и кривичи,— одни и всюду. Они наполняютъ и свою собственную землю, они же заселяютъ и всю средину Россіи. Удивительная плодовитость! Но куда же дѣлись остальные? Гдѣ же словены новгородскіе, по почину которыхъ и вмѣстѣ съ которыми тѣ же кривичи прогоняли варяговъ, а послѣ призывали князей? Гдѣ чудь, весь, меря и другіе финны, разъ ихъ участіе въ образованіи велико-русскаго племени едва примѣтно, т. е. разъ они не поглощены словянами? И почему непремѣнно кривичи? Что это за исполины словянства, потомки которыхъ—бѣлоруссы напротивъ представляютъ собою нынѣ наиболѣе отсталую и первобытную вѣтвь русскаго словянства, живущую болѣе другихъ по старинѣ, преданіями, пріемами и представленіями давно забытыми остальными? Кромѣ того, жальники есть и въ Тверской губерніи, и на Двинѣ, свидѣтельствуя, по словамъ Спицина-же, о разселеніи новгородцевъ и къ Ю., и къ С. вопреки его заявленію, что не новгородцы шли туда, а къ новгородцамъ шли оттуда. Впрочемъ Спицинъ здѣсь толкуетъ уже лишь о тѣсной бытовой связи новгородцевъ съ кривичами (ст. 4).

До чего можно договориться, беря за основу своихъ разсужденій вещи, показываетъ заявленіе Спицина о ничтожествѣ финской примѣси [1]) къ словянству въ великороссахъ. Такъ можетъ говорить лишь человѣкъ, не желающій знать ни чего, кромѣ колечекъ, пряжекъ, браслетъ и т. п. Ученые не могутъ до сихъ поръ не только отыскать, но хотя лишь возстановить бы и хотя лишь въ общихъ бы чертахъ чистый словянскій типъ (такъ онъ измѣненъ примѣсями, на С. главнымъ образомъ финскою). И Зографъ, и Д. Н. Анучинъ, и др. свидѣтельствуютъ о весьма крупномъ вліяніи финновъ на видоизмѣненіе словянской породы (въ ростѣ, цвѣтности, сложеніи и пр.), а Спицинъ утверждаетъ ничтожность финской примѣси къ русскому словянству и потому, что финскихъ вещей мало въ курганахъ. Въ своемъ идолопоклонствѣ вещи, въ ущербъ преклоненію передъ ея творцомъ—человѣкомъ, онъ доходитъ до утвержденія (ст. 5), наприм., того, «что правый берегъ Волги отъ Зубцова, повидимому, населялся съ XII в. смоленскими кривичами, а лѣвый до Тверцы и верховья полотскими». Какъ будто тѣмъ и другимъ кривичамъ было такъ трудно переѣхать или даже, по просту, переплыть узенькую верхнюю Волгу, переплываемую нашими дѣтьми, или какъ будто-бъ это были не все одни и тѣ же кривичи, дѣлимые только Спицинымъ, а какіе-то два совершенно разноплеменные, разноязычные и враждебные другъ другу народа! Вещи и ихъ продавцы-разносщики, конечно, могли слѣдовать одни однимъ путемъ, другіе другимъ—по направленію спроса-сбыта, но что одноплеменныхъ-то людей могло удержать отъ перехода съ одного пути на другой при раздѣленности этихъ путей другъ отъ друга всего нѣсколькими саженями? [2]).

Тѣ же, въ общемъ, взгляды Спицинъ высказываетъ и позже: [3]) заселеніе Ростовскаго края русскими (? словянами) началось въ IX в., скорѣе всего, съ верховьевъ Днѣпра изъ земли смоленскихъ кривичей (ст. 167), занимавшихъ въ X в. Ростовъ,

---

[1]) Я такъ понимаю его замѣчаніе о незамѣтности финскаго начала (элемента) въ образованіи великорусскаго племяни.

[2]) Сказанное мною остается въ силѣ, если даже принимать слова Спицина и не въ буквальномъ смыслѣ.

[3]) Извѣстія Имп. Археолог. комиссіи, вып. 15.

Ярославль [1]), Суздаль, Юрьевъ [2]) и Переяславль. Въ XI—XII в. поглощаются чрезъ обрусѣніе инородцы и вновь наплываютъ, главнымъ образомъ, кривичи же смоленскіе и западно-двинскіе; переселенье новгородцевъ если и было, то совсѣмъ незначительное (ст. 171) и хотя населенье, можетъ быть, было и довольно пестро, но преобладаютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ кривичи; да и новгородцы въ сущности кривичи-же. Слѣдующіе вѣка еще скрыты отъ глазъ археолога: кургановъ моложе XII в. здѣсь нѣтъ и соотвѣтствующія древности нужно искать въ могильникахъ [3]) и городищахъ, еще почти нетронутыхъ (ст. 172). Къ такимъ заключеніямъ онъ пришелъ по разсмотрѣніи данныхъ (вещей), представленныхъ владимірскими курганами. Посмотримъ, что говорятъ эти данныя.

Изъ 467 курганныхъ предметовъ Владимірской губерніи (не всѣ, есть и изъ Ярославской губерніи), разсматриваемыхъ Спицынымъ, онъ находитъ тождества и подобія имъ по сдѣланному мною подсчету [4]) среди

скандинавскихъ предметовъ	39	смоленскихъ	26
кіевскихъ	37	петербургскихъ	22
гнѣздовскихъ (смоленск.)	34	тверскихъ	16
западныхъ	32	московскихъ	13
новгородскихъ	28	максимовскаго могильника	
ярославскихъ	27	(Муром. у., Владим. губ.)	13
костромскихъ	27	минскихъ	11

[1]) Ярославль основанъ не ранѣе 1024 г., слѣдовательно въ X в. не могъ быть заселенъ кѣмъ бы то ни было.

[2]) Юрьевъ основанъ Юр. Долгорукимъ въ 1152 г. Переяславль впервые упоминается при Долгорукомъ же и хотя былъ ранѣе этого времени, но едва-ли существовалъ уже въ X в. Стало быть и эти города не могли быть заселены не только кривичами, но кѣмъ бы ни было. См. Старые и новые города... С. М. Шпилевскій, ст. 24, 26.

[3]) Здѣсь Спицинъ имѣетъ въ виду Фёдовскій могильникъ Тверской губерніи, принятый имъ за русскій. Однако для этого нѣтъ основаній (См. мое Кто насып. Яросл. курганы, въ Трудахъ III обл. Владим. археол. съѣзда). Могильники у русскихъ этого времени весьма сомнительны.

[4]) Не поручусь, что совершенно ужъ безошибочному, возможно, что кое что и просмотрѣлъ какъ-нибудь.

финляндскихъ . . .	7	витебскихъ	2
балтійскихъ губер. . .	7	виленскихъ	2
псковскихъ . . .	7	окскихъ могильниковъ .	2
рязанскихъ . . .	7	пермскихъ	2
черниговскихъ . . .	7	тульскихъ	1
лядинскаго могильника .	4	нижегородскихъ . . .	1
орловскихъ (Брянск. у.) .	3	херсонскихъ . . .	1
готландскихъ . . .	2		
		Всего . . .	380

Остальнымъ 87 предметамъ ни тождества, ни подобія не найдено, а небольшая часть изъ нихъ встрѣчена пока еще только во владимірскимъ курганахъ. Этотъ подсчетъ указываетъ ясно, что среди владимірскихъ курганныхъ предметовъ (нынѣ извѣстныхъ) первое мѣсто принадлежитъ предметамъ скандинавской промышленности, второе кіевской [2]), пятое новгородской и только осьмое смоленской («кривичской»), а про витебскую и поминать не стоитъ. Изъ чего же заключено, что кривичи преобладали самымъ рѣшительнымъ образомъ? Еще выпуклѣе неосновательность такого заключенія выступитъ, если предметы распредѣлить по группамъ однородныхъ, сходныхъ или зависимыхъ другъ отъ друга промышленностей.

скандинавскихъ, готландскихъ, гнѣздовскихъ, ярославскихъ, финляндскихъ, балтійскихъ, новгородскихъ, петербургскихъ,	166	кіевскихъ, западныхъ, минскихъ, черниговскихъ, херсонскихъ,	88

[2]) Это обозначеніе нужно понимать условно и лишь въ самомъ общемъ смыслѣ: подлинной кіевской промышленности мы еще не знаемъ точно такъ же, какъ и смоленской и др. Гнѣздовскіе предметы стоятъ особнякомъ отъ смоленскихъ, они больше всего схожи съ ярославскими и ростовскими, т. е. скандинавскими.

витебскихъ, смоленскихъ, тверскихъ, псковскихъ,	51	тульскихъ, орловскихъ, рязанскихъ, московскихъ,	24
костромскихъ, нижегородскихъ, пермскихъ,	30	могильниковъ, окскихъ, максимовскаго, лядинскаго,	19

Изъ сдѣланнаго распредѣленія видно, что больше всего во владимірскихъ курганахъ оказывается предметовъ скандинавской и примыкающихъ къ ней такъ или иначе промышленностей, а именно 166, западной съ примыкающими къ ней 88, смоленской съ примыкающими 51 и рязанской съ примыкающими («вятичской») 24, каковыя количества относятся къ общему количеству сличенныхъ предметовъ и другъ къ другу (приблизительно), какъ $1 : {}^1/_2 : {}^1/_4 : {}^1/_7 : {}^1/_{15}$. Замѣтимъ, что эти отношенія получены безъ различія времени предметовъ, т. е. по Спицину для предметовъ съ X—XII в. Если же взять одинъ только X в. (Спицина), то преобладаніе скандинавской промышленности будетъ почти полное. Ясно, что данныя, на которыхъ Спицинъ построилъ свои заключенія, свидѣтельствуютъ противъ этихъ заключеній, т. е., иначе, что эти заключенія не вѣрны.

Не меньшее, чѣмъ Спицинъ, значеніе въ дѣлѣ словянскаго заселенія Ярославской губерніи отводитъ кривичамъ и академикъ А. А. Шахматовъ [1]). По его мнѣнію есть большія основанія думать, что еще ранѣе XII в. (къ которому онъ относитъ лѣтописное извѣстіе о размѣщеніи русскихъ словянъ на площади Россіи), кривичи если не сплошными поселеніями, то въ качествѣ покорителей туземнаго финскаго населенія сидѣли и восточнѣе волгскаго верховья, врѣзываясь въ область мери. Однимъ изъ такихъ основаній онъ считаетъ названіе Суздальской земли въ древнѣйшемъ извѣстіи о постройкѣ г. Владиміра кляземскаго «смоленскою»: подъ 988 г. [2]). «И при-

[1]) Извѣстія Имп. Академіи наукъ 1907 г. № 16, ст. 716.

[2]) Въ 1088 г. камскіе болгары взяли при вел. кн. Всеволодѣ Ярославичѣ Муромъ (Истор. Рос. госуд. Карамзинъ, т. II, ст. 112, изд. 1830 г.),

шедъ изъ Кіева въ смоленскую землю, постави градъ въ свое имя Володимерь и спомъ осыпа, и церковь святую Богородицю соборную древяну постави, и вси люди крестивъ русьскыя и намѣстницы» [1]). Такимъ же основаніемъ онъ признаетъ и дань, шедшую изъ Суздаля въ Смоленскъ, но захваченную суздальскимъ княземъ Юр. Долгорукимъ, о которой упоминаетъ уставная грамота Ростислава Мстиславича смоленской епископіи, данная около 1150 г. [2]). На основаніи перваго изъ этихъ указаній Шахматовъ заключаетъ, что Суздальская земля тяготѣла нѣкогда къ Смоленску, находясь въ зависимости отъ него, и что эта зависимость создавалась конечно колонизаціоннымъ движеніемъ смоленскихъ кривичей въ область мери (ст. 717). По поводу перваго даннаго нужно прежде всего замѣтить, что оно очень сомнительно. Оно приписываетъ основаніе г. Владиміра Владиміру Святому, а противъ этого есть много вѣскихъ возраженій [3]), присвоивающихъ это основаніе Владиміру Мономаху, часто бывавшему въ Ростовской области. Слѣдовательно есть основаніе думать, что приведенное сообщеніе попало въ лѣтопись много позже самаго событія и является не болѣе, какъ произвольнымъ домысломъ, а можетъ быть, и намѣреннымъ искаженіемъ истины позднѣйшаго составителя. Затѣмъ, самъ Шахматовъ указываетъ (ст. 717), что чтеніе «смоленскую» не безспорно, такъ какъ въ 4 новгородской лѣтописи значится «словенскую» (въ позднѣйшихъ «Суздальскую») и что лишь по его мнѣнію нужно отдать предпочтеніе чтенію «смоленскую». Мнѣ же думается, что такого предпочтенія не должно быть. Ибо, допуская форму «смоленскую», нужно будетъ признать ее притяжательною, а не собственнымъ именемъ,

---

коимъ правилъ посадникъ черниговскаго князя Мономаха (ст. 107, прим. 136); не описка ли или не намѣренное ли (позднѣйшее) измѣненіе здѣсь года и не слѣдуетъ ли вмѣсто 988 г. читать 1088 г., въ который болгары взяли Муромъ? Лѣтопись не поясняетъ, кто выручилъ его отъ болгаръ, но онъ скоро былъ возвращенъ русскими обратно. Возможно, что на выручку ходилъ Вл. Мономахъ, бывавшій и раньше, и позже этого въ Ростовской области, когда и заложилъ г. Владиміръ.

[1]) Полн. собр. рус. лѣт. V, ст. 120.

[2]) Дополн. къ актамъ истор. т. I, № 4.

[3]) Старые и новые города... С. М. Шпилевскій, приложеніе.

т. е. указывающею, на принадлежность Суздальской земли Смоленской землѣ или г. Смоленску. Межъ тѣмъ въ лѣтописи, особенно же въ ея болѣе древнихъ спискахъ такихъ (отъименныхъ) оборотовъ не употребляется въ подобныхъ случаяхъ; земли зовутся не по принадлежности, а по городамъ и принадлежность выражается другими способами, незатрогивающими собственныхъ именъ земель [1]). Иное получается при чтеніи «словенскую». Эта форма качественная и приложима поэтому ко всякой словянской, особенно же къ словенской (новгородской) землѣ или къ сдѣлавшейся словянскою землею изъ бывшей до того финскою. Наконецъ если даже и допустить чтеніе «смоленскую», то, все равно, оно ни какимъ образомъ не укажетъ еще на то, что зависимость этой земли отъ Смоленска создалась «конечно колонизаціоннымъ движеніемъ смоленскихъ кривичей въ область мери», такъ какъ выселеніе вовсе необязательно связано съ непремѣнною службою переселившихся родинѣ, съ дѣйствованіемъ ихъ въ пользу этой родины. Напротивъ, быль показываетъ обратное. Ростовская земля населена словянами изъ разныхъ мѣстъ и ни къ одному изъ этихъ мѣстъ она не примкнула, образовавъ собственную область. Псковъ съ своею областью отдѣлился отъ Новгородской земли, младшіе или мизинные города и пригороды (выселки старшихъ городовъ) точно также всегда стремились къ независимости отъ старшихъ городовъ. При допущеніи чтенія «смоленскую» это обозначеніе проще и естественнѣе объяснить зависимостью Суздаля лишь отъ смоленскаго князя и лишь въ управленіи, въ данномъ случаѣ дѣйствительно отъ Владиміра, но только не Святаго, а Мономаха.

На основаніи второго указанія Шахматовъ соглашается съ П. П. Барсовымъ [2]) и П. В. Голубовскимъ [3]), что смоленскія владѣнія заходили въ область Суздальско-Залѣсскую и что кривичи заселили страну, вошедшую затѣмъ въ составъ земли Суздальской (ст. 717).

---

[1]) Такъ, наприм., кіевскою землею не зовется ни одна изъ принадлежавшихъ Кіеву земель, кромѣ его собственной, т. е. непосредственно ему принадлежавшей.

[2]) Очерки рус. истор. географіи, изд. 2, ст. 188.

[3]) Исторія Смоленской земли, ст. 49.

Этого положенія опять-таки нельзя принять цѣликомъ. Новгородъ при Владимірѣ платилъ дань Кіеву въ 2000 гривенъ,—«Ярославу же сущю (въ) Новѣ городѣ и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года» [1]);—но кто же скажетъ, что Новгородъ былъ владѣніемъ Кіева или что поляне заселили Новгородскую землю. Тотъ же Новгородъ по уставу Олега (по другимъ Игоря) [2]) платилъ дань въ 300 гривенъ варягамъ,—«и устави (Олегъ) варягомъ дань даяти отъ Нова города гривенъ три ста на лѣто, мира дѣля, е-же до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ» [3]). Но этотъ же Новъ-городъ одновременно съ этимъ (съ уставленнымъ платежемъ дани варягамъ) прислалъ къ Святославу своихъ представителей съ требованіемъ для себя въ князья одного изъ его сыновей, грозя въ случаѣ отказа найдти себѣ князя на сторонѣ. Очевидно, дань не всегда свидѣтельствовала о подчиненіи подданныхъ даньщику. Въ лѣтописи данью нерѣдко называется простая договорная условленная плата, чѣмъ дань была и въ дѣйствительности, какъ показываетъ основное значеніе этого слова (отъ дать, давать). Затѣмъ, если изъ Суздаля дань шла въ Смоленскъ, то въ XI в. Ростовъ платилъ дань Новъ-городу [4]). Сама по себѣ дань говоритъ еще о не многомъ; нужно знать,—на какихъ основаніяхъ, за что, кѣмъ и кому она платилась. Новъ-городъ платилъ варягамъ «мира дѣля» (дѣлая миръ), т. е. просто откупался отъ нихъ, страхуя себя отъ грабежа и боя; а Кіеву (точнѣе, его князю) по договору съ нимъ (первое время) за доставленіе управителей, т. е. за судъ, расправу, защиту и пр. Таковыя же отношенія были (видимо) и Ростова къ Новъ-городу, установленныя Ярославомъ I, а Суздаля къ Смоленску,

---

[1]) Лѣтоп. прп. Нестора по Лаврен. списку, ст. 72. Значеніе слова «урокъ» сохраняется до сихъ поръ въ выраженіи задать урокъ ученику или рабочему, т. е. назначить сдѣлать, выполнить извѣстное количество работы; урочное время = назначенное, опредѣленное время; урочище = назначенное, указанное или отмѣченное мѣсто. Отсюда старое выраженіе—вести межу по урочищамъ, въ которомъ урочище = межевой признакъ, отмѣченное мѣсто.

[2]) Изв. Имп. Акад. наук. 1907 г. № 16, ст. 723.

[3]) Лѣтоп. пр. Нест. по Лаврен. сп. ст. 11.

[4]) Труды Яросл. обл. съѣзда ст. XLIX.

гдѣ учреждены В. Мономахомъ. Эти города платили своимъ правителямъ за ихъ службу имъ. По крайней мѣрѣ Суздаль числился въ волости Всеволода Ярославича, а послѣ его въ волости его сына В. Мономаха, за которымъ утвержденъ и на любечскомъ съѣздѣ князей въ 1097 г. [1]). Извѣстно, что Мономахъ владѣлъ такъ же и Смоленскомъ. Ростовъ въ XI в. точно также состоялъ за Ярославомъ, сидѣвшемъ сперва въ Новъ-городѣ, а потомъ въ Кіевѣ. Возможно, даже навѣрное, что при пріемникахъ Ярослава и, особенно, В. Мономаха въ XI — XII в.в., протекшихъ въ безпрерывныхъ междоусобныхъ войнахъ, сопровождавшихся наводомъ на Русь западныхъ и восточныхъ иноплеменниковъ, плѣненьями мирныхъ жителей, выжиганьемъ поселеній и городовъ и т. д., очень много обитателей западной и юго-западной (кривичской и полянской) Руси переселилось въ тихую Ростовскую область. Вѣдь туда же наконецъ скрылся и одинъ изъ князей—Андрей Боголюбскій, хотя и былъ не послѣднимъ участникомъ междоусобицы. Но эти переселенія, какъ позднѣйшія и, при томъ, какъ совершавшіяся въ сложившуюся и ословяненную область, не могли имѣть большого значенія въ дѣлѣ приданія того или иного окраса населенію. Приходившіе должны были примѣняться къ положенію, существовавшему уже на мѣстѣ, а не переработывать его на свой ладъ. Ихъ было много меньше туземцевъ и селились они среди ихъ разсѣянно. Извѣстно, что и нынѣ выходцы изъ другихъ губерній не мѣняютъ по тѣмъ же самымъ причинамъ ни уклада жизни, ни склада, строя и оттѣнковъ рѣчи въ мѣстности ихъ новаго поселенія. Сами переселенцы сохраняли свои особенности и рѣчи, и одежды, и обычаевъ, короче, отличія своей духовной и тѣлесной природы, но уже ихъ дѣти,— особенно, въ мѣстахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, какъ города и

---

[1]) Лѣт. пр. Нест. ст. 147; Истор. Рос. госуд. Карамзинъ, изд. 1830 г., т. II, ст. 136, 109, прим. 161. Вѣроятно, въ это-то время и установлена дань съ Суздаля смоленскому князю, какъ въ свое время съ Новъ-города кіевскому князю (при Ярославлѣ въ Новъ-городѣ и при Владимірѣ въ Кіевѣ). Сами князья не жили въ городахъ, обложенныхъ данью (поддан-ныхъ) въ ихъ пользу, но эти города числились за ними, подъ ихъ вѣдѣніемъ и получали отъ нихъ своихъ правителей—княжатъ или посадниковъ.

селы,—утрачивали многое изъ такихъ отличій. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ могли сохраниться и, несомнѣнно, сохранялись тамъ, гдѣ переселенцы осѣдали въ значительномъ количествѣ и достаточно плотно. Но особенности болѣе рѣзкія, болѣе отличныя отъ мѣстной господствовавшей дѣйствительности, казавшіяся туземцамъ странными или смѣшными, поражавшія ихъ именно своею непохожестью на ихъ собственный обиходъ, сглаживались и утрачивались быстро. Въ Ярославской губерніи слѣдовъ подобныхъ болѣе позднихъ переселеній уцѣлѣло мало. Такія позднія переселенія, переселенія удѣльной поры, когда сложилось не только ядро русскаго государства, но уже и удѣлы, на которые оно раздѣлилось и которые успѣли обособиться и отграничиться другъ отъ друга и встать во взаимно-враждебныя отношенія, такія переселенія не могли имѣть большаго вліянія въ дѣлѣ слагательства мѣстныхъ особенностей (какихъ бы не было). Онѣ выработывались несравненно раньше, когда не было еще черниговца, смолянина, туровца, ростовца и т. д., а были просто и только словяне хотя и изъ разныхъ мѣстъ, —полянинъ, древлянинъ, дреговичъ, бужанинъ и пр. Когда въ данномъ мѣстѣ не было еще господствующихъ особенностей, не было преобладанія одного надъ другимъ, а когда рядомъ жили и цокающій, и чекающій, и дзекающій, акающій и окающій; носившіе одежду и такую и иную; погребавшіе и жегшіе своихъ мертвыхъ. Словомъ, въ пору первоначальнаго заселенія мѣстности словянами, когда заселяемая мѣстность не принадлежала еще ни одной словянской обособленности и когда каждый словянинъ, попадавшій въ эту мѣстность, во всякомъ другомъ словянинѣ видѣлъ и чувствовалъ своего (хотя бы и не земляка) и когда оба они одинаково чувствовали себя среди чужихъ, не словянъ. Такое же время для Ярославской губерніи не могло быть XI, а тѣмъ болѣе XII в. Здѣсь уже въ IX в. были словянскіе города Ростовъ и Углечъ [1]), одинъ новгородскихъ выходцевъ, другой кривичскихъ; а мѣстные туземцы — меря настолько уже сжились и сблизились съ словянскими находниками,

[1]) Одинъ на концѣ воднаго пути изъ земли словенъ въ мерянское средоточіе, другой на водномъ же пути изъ земли верхне-волгскихъ кривичей въ ближайшемъ разстояніи отъ того же средоточія.

что дѣйствовали солидарно съ ними въ дѣлѣ призванія князей. Эта солидарность исключаетъ возможность говорить о начальной ступени словянскаго заселенія земли мери не только въ XI, но и въ IX в., ибо она опредѣленно и ясно свидѣтельствуетъ о полной налаженности отношеній ея тогдашнихъ жителей, о ихъ духовной сплоченности, объ установившихся порядкахъ и о сложившейся мирной жизни и сожитіи. Поэтому относить словянское заселеніе Ярославской губерніи къ XI в., какъ это дѣлаетъ наприм. Соболевскій [1]), можно только въ томъ смыслѣ, что въ это время увеличился приливъ сюда словянства, гонимаго съ Ю. и З. междоусобицами и кочевниками. Но это, повторяю, были переселенья уже гражданъ устроенныхъ государствъ (хотя и достаточно еще грубыхъ) и въ устроенное же государство. Въ немъ переселенцамъ оставалось лишь подчиняться и примѣняться, а не устраивать его съ начала, такъ какъ это государство имѣло уже установившимися всѣ главныя основы жизни [2]). Многихъ смущаетъ выраженіе лѣтописи XI в.— «и-же (меря, мурома и пр.) дань *даютъ* руси», на основаніи котораго справедливо видятъ перечисленныхъ лѣтописью инородцевъ еще и въ XI в. (время лѣтописи) тамъ, гдѣ она ихъ указываетъ. Разъ же это такъ, значитъ,—въ земляхъ этихъ инородцевъ не было еще тогда прочной словянской осѣдлости и словянское заселеніе ихъ лишь начиналось. Дѣйствительность (существованіе словянскихъ поселеній, русскаго правленія, общности предпріятій—призваніе князей, Олеговы походы и пр.) опровергаетъ такое заключеніе. Словяне, зная мерю, чудь, мордву съ IV в. и явившись къ верховью Волги около I в. по Р. Х. [3]), за тѣ 800 лѣтъ, кои прошли съ указаннаго времяни до начала русской исторіи, разумѣется, подвинулись на В. очень далеко [4]). О этомъ и свидѣтельствуетъ существованіе доисторическихъ городовъ съ словянскими имянами—Ростова

[1]) Труды яросл. облост. съѣзда, ст. XLIX, 99.

[2]) Юрій Долгорукій въ XI и XII, а Андрей Боголюбскій въ XII. в., встрѣтили здѣсь сильный отпоръ при покушеніяхъ ввести свои порядки, измѣнивъ сложившіеся мѣстные.

[3]) Соболевскій. Труды II обл. Твер. арх. съѣз., II, ст. 1—4.

[4]) Уже въ IV в. знали и мерю, и мордву; передвигаясь всего лишь по верстѣ въ годъ, такъ и то дошли за это время до Ростова.

и Углеча. Конечно, этими словянами (т. е. первыхъ трехъ вѣковъ по Р. Х.) были просто или обще-словяне [1]), а не кривичи, ни вятичи, ни словены [2]). Такимъ образомъ говорить о кривичахъ, новгородцахъ и пр. въ вопросѣ о первоначальномъ словянскомъ заселеніи Ярославской губерніи (Ростовской облости) не приходится [3]). Еще вопросъ,—существовали-ли эти названія въ ту пору. Впрочемъ нельзя не отмѣтить, что Іорданъ (VI в.) также, какъ и Несторъ, свидѣтельствуетъ о раздѣленности словянства на множество отдѣльностей, называвшихся по мѣстамъ ихъ обитанія.

Лѣтопись, указывая на заимствованіе княженій однѣми словянскими отдѣльностями отъ другихъ (а словени свое въ Новѣ городѣ, а другое на Полотѣ... отъ нихъ же кривичи...) и сообщая о позднѣйшихъ (IX в.) находникахъ въ словянскихъ и инородческихъ городахъ—о варягахъ, ничего не говоритъ о словянскихъ находникахъ и не поясняетъ въ большинствѣ случаевъ,—изъ какой словянской отдѣльности въ какую инородческую область передвинулись такіе находники [4]). Она говоритъ лишь: «по тѣмъ городамъ суть

---

[1]) См. указанную статью Соболевскаго.

[2]) Сохраненіе новгородцами за собою первоначальнаго общаго названія всей народности—словены могло обусловливаться или тѣмъ, что въ Россію они явились первыми изъ словенъ и, какъ таковые, не нуждались въ особомъ названіи. Напротивъ, они могли сами давать таковыя другимъ, какъ старожилы. (Несомнѣнно, что первоначально новгородцы звали себя словенами и что «новгородцы» суть прозвище ихъ, данное имъ другими). Или, что вѣрнѣе, тѣмъ, что они одни изъ послѣднихъ переселенцевъ въ Россію, чѣмъ и обусловлено то, что они не забыли свое первоначальное общее для всего словенства названіе, принесенное ими въ Россію изъ обще-словянской родины съ З. На З. до нынѣ есть словинцы и словаки; въ Россіи же всѣ словены утратили свое настоящее имя, замѣненное здѣсь разными прозвищами. Таковое сосѣди дали и словенамъ въ видѣ «новгородцы». На основаніи сказаннаго можно думать, что правильное написаніе будетъ словяне, а не славяне.

[3]) Кромѣ развѣ новгородцевъ, которые, по лѣтописи, построили Новъгородъ вскорѣ по приходѣ на Волховъ, отъ котораго и получили свое прозвище.

[4]) Указывая для радимичей и вятичей исходную точку—Польшу, лѣтопись не говоритъ, что они сѣли среди инородцевъ или вообще какого либо населенія, а отмѣчаетъ только мѣсто,—Сожъ и Оку.

находници варязи, а первіи насельницы въ Новѣ городѣ словѣне, Полотьски кривичи, въ Ростовѣ меря, въ Бѣлѣ озерѣ весь, въ Муромѣ мурома». Въ этомъ извѣстіи даже не упомянуто о земляхъ, какъ не упоминается о нихъ и вообще на первыхъ листахъ лѣтописи. Тамъ указываются не области, а только одни непосредственно занятыя мѣста,—Ильмень, Бѣло-озеро, Ростовское и Клещино озера, р. Полота, верховья Двины, Днѣпра и Волги, Ростовъ и пр. Несторъ въ началѣ ведетъ дѣло лишь съ людьми, волости упоминаются позже съ утвержденіемъ княжескаго установленія. Въ Ростовѣ указаны первонасельниками меря, но едва ли въ томъ смыслѣ, что она построила и самый Ростовъ. Вѣрнѣе въ томъ, что онъ былъ построенъ (словянином) или на мѣстѣ финскаго селенья, или въ самомъ этомъ селеньи, или въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ, или-же, возможно, но мало вѣроятно, былъ построенъ хотя и словяниномъ Ростомъ, но для мери и прозвался Ростовомъ (Ростовымъ) лишь отъ сосѣднихъ словянъ по его строителю ихъ земляку, а не туземными хозяевами. Эти могли звать его по своему [1]). Примѣръ подобнаго положенія дѣла представляетъ Ростовское озеро. Лѣтопись именуетъ его только по словянски—Ростовскимъ. Между тѣмъ народная память сберегла еще другія его названія,—Неро и Каово. Изъ нихъ послѣднее финское, а первое, вѣроятно, литовское, такъ какъ оно отмѣчается и въ Литвѣ [2]). Названіе озера Ростовскимъ не знаменуетъ, что озеро принадлежало Росту (какъ Русское море не принадлежало русскимъ, а Варяжское варягамъ), а лишь то, что при немъ находился г. Ростовъ—наиболѣе замѣтная для словянъ особенность этого озера. По ней они и прозвали его, предпочитая это прозвище туземному имени озера. По соображеніямъ, изложеннымъ мною въ статьѣ «Кто насыпалъ ярославскіе курганы» [3]), нельзя отвергать существованіе мери въ Ярославской губерніи не только въ XI в., но и много позже. Однако это не значитъ, что въ странѣ мери не было вовсе или

[1]) Предположить, что меря отняла его у словянина роста нельзя,—тогда меря не была бы въ Ростовѣ первонасельниками.

[2]) Гдѣ есть также, какъ и близь Ростова, и р. Нерль (Кто насыпалъ яр. курганы,—труды II обл. Твер. арх. съѣзда, от. I ст. 168).

[3]) Тамъ же, ст. 168, 176.

было очень мало словянскихъ насельниковъ. Это значитъ лишь то, что до XI в. меря была хотя и подданнымъ (подъ данью) народцемъ, но еще народцемъ самобытнымъ, не подавленымъ вполнѣ словянствомъ. Тѣмъ не менѣе, во 1) меря къ этому времени могла уже очень значительно ословяниться, да, несомнѣнно, и ословянилась и качественно и, особенно, количественно, ибо утратила самостоятельность. Лѣтопись, конечно, вслѣдъ за жизнею перестала называть ее къ этому времени ея собственнымъ именемъ (мерею) и отличать отъ словянъ—русскихъ. Во 2) словянскіе насельники мери образовали уже изъ себя къ той порѣ особую—(ростовскую, срединную,—съ С. на Ю.) отдѣльность съ своимъ особымъ городомъ. Будь иначе, начни земля мери заселяться словянами лишь съ XI в., особенности говоровъ различныхъ словянскихъ отдѣльностей, выславшихъ въ нее своихъ переселенцевъ, особенно же кривичей, сказывались бы много рѣзче и могли бы выпуклѣе отразиться въ письменности. Вѣдь, тогда переселеніе совершалось бы напряженнѣе и болѣе крупными партіями, труднѣе утрачивающими свои особенности. Кромѣ того слѣды такого заселенья такъ или иначе отразились бы въ источникахъ. Какой либо признакъ ихъ, хотя бы и не особенно ясный, проскользнулъ бы въ лѣтописи, какъ это замѣчается, наприм., относительно новгородскихъ заселеній исторической поры сѣвера и востока Россіи. Между тѣмъ этого нѣтъ. Въ лѣтописи находимъ указанія не на первичныя переселенія, а на имѣвшееся уже тамъ значительное словянское населеніе. Таково извѣстіе хотя бы въ войнѣ дѣтей Мономаха—Изяслава и Мстислава съ Олегомъ Святославичемъ (1096 г.), не говоря уже о позднѣйшихъ событіяхъ.

Съ водвореніемъ въ Ростовско-Суздальской области князей на постоянное жительство,—что началось съ Владиміра Святославича, державшаго въ Ростовѣ своего сына, укрѣпилось съ В. Мономаха, а приняло законченный видъ лишь при Юр. Долгорукомъ, т. е. на протяженіи XI и XII в.,—словянское переселеніе въ эту область оживилось, но оно, какъ уже замѣчено, имѣло совсѣмъ иной, чѣмъ первоначальное, видъ. Въ эту пору переселенцы сюда или вызывались князьми, или принимались ими здѣсь добровольно явившіеся. Но и въ томъ, и другомъ случаяхъ переселеніе совершалось на извѣстныхъ условіяхъ, (не

особенно важно, какія они были, а важно то, что были). Переселенцы селились уже въ указанныхъ мѣстахъ, съ разрѣшенія и вставали въ извѣстную зависимость отъ мѣстнаго князя и его довѣренныхъ лицъ, въ извѣстныя обязательства къ нимъ. Короче, въ указанную пору было уже не свободное на собственный страхъ и по собственному усмотрѣнію первоначальное, такъ сказать естественное заселеніе области, а обдуманное и преднамѣренное искусственное пополненіе состава ея населенія не случайнымъ, но опредѣленнымъ подборомъ [1]). При такихъ же условіяхъ переселенцы были ограничены въ своихъ дѣйствіяхъ и могли вліять на окружающихъ незначительно, да и то, если были развитѣе, образованнѣе ихъ. По крайней мѣрѣ современная дѣйствительность говоритъ именно о такомъ положеніи вещей [2]).

[1]) По кр. мѣрѣ надо думать, что русскіе переселенцы предпочитались инородцамъ (рядовымъ, не мастерамъ), такъ какъ послѣднихъ было и безъ того достаточно и такъ какъ они для русскаго князя не могли быть надежною поддержкою, какъ совсѣмъ чужіе не только ему, но и вообще всей русской жизни. А поддержка-то именно и требовалась здѣсь князьямъ, стремившимся замѣнить старыя подданныя отношенія владычествомъ. Но, разумѣется, при недостаткѣ русскихъ переселенцовъ принимались и инородцы. Татищевъ (Ист. россійск. кн., III, ст. 76) пишетъ: зачалъ (Ю. Долгорукій) строить въ области своей многіе города... созывая людей ото-всюда, которымъ не малую ссуду давалъ и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ, въ которые (города), приходя, множество болгаръ (чувашей), мордвы, венгровъ, кромѣ русскихъ, селились и предѣлы, яко многими тысячи людей, наполняли. — Насколько близко къ правдѣ это сообщеніе,—сказать трудно, но самое явленіе не невозможно. Впрочемъ оно относится гл. образомъ къ городамъ, имѣвшимъ въ дѣлѣ заселенія области не большое вліяніе. Юрій, выросшій въ Ростовской области, долженъ былъ знать ее лучше другихъ князей и, казалось бы, свыкнуться съ господствовавшимъ въ ней положеніямъ вещей и не замѣчать его отрицательныхъ сторонъ. Но, какъ показала его дѣятельность, эти-то именно стороны и привлекали его вниманіе. Кромѣ того, имѣя мать половчанку, т. е. будучи половецкимъ выродкомъ, женатымъ на половчанкѣ же (1107 г. поя Владиміръ за Юргя Аепину дщерь Осеневу внуку. Лѣт. пр. Нест., ст. 162) онъ дружилъ съ половцами и могъ покровительствовать не только имъ, но вообще инородцамъ. Значительное переселеніе сюда послѣднихъ косвенно показываетъ, что здѣсь было много еще финновъ—родственныхъ или близкихъ переселенцамъ—инородцамъ.

[2]) Такъ переселенія въ Ярославскую губернію тверяковъ (больше изъ

Изложенныя мною здѣсь и въ вышеуказанной моей статьѣ соображенія ни кѣмъ изъ тѣхъ лицъ, которыя затрогивали вопросъ о заселеніи Ярославской губерніи, не принимались во вниманіе. И потому они это заселеніе относили къ исторической порѣ—отъ IX—XI в.в. и имѣли дѣло съ кривичами, новгородцами, вятичами. Ихъ признаковъ они искали и въ ярославскомъ говорѣ, но находили мало, да и то больше по границамъ губерніи, или вовсе не находили. Не посчастливилось ли бы имъ больше, если они искали бы здѣсь признаковъ древнихъ, признаковъ обще-словянскаго говора? Этотъ говоръ долженъ былъ быть много грубѣе и менѣе благозвученъ, чѣмъ болѣе поздній. Таковъ говоръ до нынѣ въ Ярославской и въ сосѣдней съ нею части Костромской губерній. Грубостью говоровъ этихъ мѣстностей поражаются всѣ пріѣзжіе. Она бьетъ ихъ по уху, какъ дубиною, отсутствіемъ общеустановившихся смягченій гласныхъ и шипящихъ [1]). Кромѣ того здѣсь же сохранились формы однородныя съ отмѣченными въ XI в., какъ наприм. употребленіе о вмѣсто е,—соводня, топерь, нонѣ (въ Лаврентіевскомъ спискѣ лѣтописи: собѣ, тобѣ, въ спискахъ Русской Правды: о-же=а-же, раз(з)наменывоюче=раззнамяновываюче) [2]) и такія старыя формы, какъ: ляги, рѣжи, сяди; сусѣдъ, сугрѣвъ.

III.

Мнѣ остается разсмотрѣть вопросъ объ участіи въ первоначальномъ словянскомъ заселеніи Ярославской губерніи вятичей, т. е. о заселеніи съ Ю. Главнымъ (и чуть ли не единственнымъ) защитникомъ такого участія является А. И. Соболевскій [3]), встрѣтившій горячія возраженія уже при самомъ докладѣ своего сообщенія, но оставшійся при своемъ мнѣніи. Разборъ здѣсь мнѣній Соболевскаго для меня, собственно, не обязателенъ потому, что я уже говорилъ

кареловъ) и бѣлоруссовъ не оказываетъ почти совершенно никакого вліянія на мѣстныхъ жителей, относящихся къ переселенцамъ свысока.

[1]) Шши=щи, што=что, ешшо=еще; рѣзкое оканье и пр.

[2]) Рус. Правда, изд. 1799 г. Матер. для словаря рус. яз., изд. Акад. Наукъ,—«пятно».

[3]) Труды Яр. обл. съѣзда, ст. 101... Протоколы, ст. XLIX.

по ихъ поводу въ другой моей работѣ [1]). Но попутно ихъ придется все-таки касаться ниже. Цѣликомъ отвергать взглядъ Соболевскаго нельзя, но нельзя съ нимъ и согласиться вполнѣ. Напримѣръ, относительно времени начала вятичевскаго переселенія въ Ростовскую область (XI в.), или относительно сѣверныхъ предѣловъ такого переселенія (до Бѣлаго озера). Тѣ, кто оспариваетъ передвиженіе вятичей къ С., забываютъ то важное обстоятельство, что для такого передвиженія не было никакихъ естественныхъ преградъ и было не мало очень побудительныхъ причинъ. Это обстоятельство должно бы было заставить изслѣдователей отнестись къ вопросу вдумчивѣе и высказывать свои отрицательныя заключенія нѣсколько осторожнѣе, чѣмъ оно наблюдается. Послѣдними по времени противниками мнѣнія Соболевскаго являются А. А. Спицинъ и академикъ А. А. Шахматовъ [2]). Къ разсмотрѣнію ихъ взглядовъ и перехожу.

Въ лѣтописи подъ 964 г. значится: «И иде (Святославъ) на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе вятичи». Шахматовъ считаетъ недопустимымъ наличность вятичей на Волгѣ не только въ X, но и въ XI и даже въ XII в. (ст. 716). За то въ противоположную сторону,—къ Ю. онъ отодвигаетъ ихъ до крайнихъ предѣловъ, до Дона и до Азовья (ст. 724—725). Эти заключенія онъ добываетъ путемъ перетасовки соотвѣтствующихъ мѣстъ русскихъ лѣтописей, по отношенію къ которымъ дѣлаетъ хотя смѣлыя, но похожія на правду предположенія, нерѣдко кажущіяся почти достовѣрностями, но иногда и произволомъ. Онъ, какъ Грушевскій и другіе, исходитъ изъ положенія, что распредѣленіе древне-русской земли межъ восточно-словянскими «племенами» въ значительной степени соотвѣтствовало современному распредѣленію русской земли между русскими народностяии. При чемъ руководится главнымъ образомъ областными нарѣчіями,—аканьемъ, дзеканьемъ и пр. Для него не сомнѣнно, что поляне, древляне, волыняне и т. д. были южно-рус-

---

[1]) Кто насыпалъ яросл. курганы. Труды II обл. Твер. арх. съѣзда, отд. I, ст. 223.

[2]) Извѣстія Имп. Академіи наукъ, 1907 г., № 16.

сами, предками современныхъ малороссовъ [1]), что радимичи были средне-руссами и т. д. (ст. 726). Вятичей онъ не считаетъ даже возможнымъ принять за потомковъ ляхскихъ выходцевъ, не соглашаясь и съ В. О. Ключевскимъ, ведущимъ ихъ изъ прикарпатья [2]), изъ Червонной Руси, считавшейся въ XI в. уже ляхской страной (ст. 728). Хотя въ то же время считаетъ справедливымъ сопоставленіе слова вятъ съ vento [3]), т. е. съ основою названія венеты, vindir и пр., кои жили въ Польшѣ (Ляхіи). Не возражая противъ ляхства радимичей, онъ принимаетъ сообщеніе о немъ не за положительное данное (фактъ), а лишь за преданіе, полагая, одновременно что радимичи обрусѣли подъ вліяніемъ вятичей въ XI в. (ст. 728—729). Онъ отмѣчаетъ, что потомки радимичей—жители Могилевской губерніи, межъ Днѣпромъ и Сожемъ—говорятъ по бѣло-русски, т. е. нарѣчіемъ, близкимъ къ нарѣчію потомковъ вятичей Рязанской и другихъ губерній. И изъ этого заключаетъ, что обрусѣніе радимичей могло произойти подъ вліяніемъ вятичей, нахлынувшихъ (во второй половинѣ XI в. подъ давленіемъ появившихся въ степяхъ половцевъ, ст. 727) съ ЮВ. не только въ водоемъ Оки, но также и въ водоемъ верхняго Днѣпра (ст. 729). Все это заставляетъ считать вятичей очень многочисленной отдѣльностью, занимавшей большія пространства по Дону до Азовскаго моря, а по вытѣсненіи оттуда, по Окѣ до Днѣпра, чему нѣтъ прямыхъ доказательствъ, кромѣ произвольныхъ догадокъ. Сопоставивъ положенія Шахматова, получишь противорѣчивыя данныя. Потомки вятичей (рязанцы) говорятъ почти по бѣло-русски, между тѣмъ ихъ предки жили въ Малороссіи а не въ Бѣлороссіи, какъ можно было бы ожидать на осно-

---

[1]) Но, судя по говору лѣтописей, совсѣмъ не походили на нихъ рѣчью; лѣтописей на малорусскомъ языкѣ нѣтъ, да и другія писанія не малорусскія.

[2]) Курсъ рус. истор., т. I, ст. 127.

[3]) Ф. А. Браунъ. Разысканія въ област. гото-словянск. отношеній, ст. 333. П. И. Якобій въ статьѣ «Вятичи Орловской губерніи» счелъ вятичей даже за финновъ. Не читавъ статьи Якобія, не могу ничего сказать по ея поводу, кромѣ того, что выводъ его представляется страннымъ. Отзывъ о работѣ Якобія, см. Истор. Вѣст. 1908 г. VII, ст. 309.

ваніи говора и того, что и нынѣшніе жители подонья по рѣчи и одеждѣ примыкаютъ къ мало-россамъ же. Радимичей обрусили или, точнѣе, обѣлорусили вятичи, по Шахматову,—южная отдѣльность, попятившаяся съ Дона на верхній Днѣпръ, а не кривичи—предки бѣло-руссовъ, распространявшіеся, въ XI и XII в. по его же мнѣнію, будто бы, до Суздаля (716—717 ст.). О вятичахъ на Волгѣ и думать нельзя, а между тѣмъ согласенъ съ Н. П. Барсовымъ, что во второй половинѣ XII в. земля вятичей на С. сходилась съ землями мери, мордвы и мещеры,—«которые должны были *из-давна отступать передъ ихъ* (вятичей) колонизаціоннымъ движеніемъ въ низъ по Окѣ и въ верхъ по ея притокамъ» [1]) (ст. 715), т. е. къ Волгѣ. Наконецъ, переставляя и перетасовывая извѣстнымъ образомъ слова и цѣлыя выраженія лѣтописей, можно открыть въ послѣднихъ много такого, что упразднитъ и самыя лѣтописи, сдѣлавъ изъ нихъ чуть ли не сплошной вымыселъ и плодъ сочинительскаго произвола переписчиковъ и составителей. Путь допущеній — довольно скользкій, съ ними нужно орудовать осторожно, такъ какъ одно допущеніе подсказываетъ и влечетъ другое. Если же, основываясь на допущеніи, еще и дѣлать посылки изъ этого основанія, то можно прійдти къ чему угодно. Шахматовъ такъ и поступилъ. Онъ допустилъ, что въ первоначальный разсказъ о походѣ Святослава вставлены года, чѣмъ нарушена цѣльность разсказа. Для устраненія этого или, точнѣе, для округленія разсказа по его мнѣнію опять-таки были сдѣланы новыя соотвѣтствующія вставки въ изложеніе цѣлыхъ выраженій и перестановлены основныя выраженія (719—723 ст.). Возстанавливая гадательный первоисточникъ, Шахматовъ получилъ изложеніе Святославовыхъ походовъ въ такомъ видѣ. Сперва Святославъ пошелъ на нижнюю Волгу на хазаръ (а не на вятичей). Но на пути туда встрѣтилъ (на Донѣ) вятичей и узналъ отъ нихъ, что они платятъ дань хазарамъ. Однако ихъ не тронулъ, ибо (видимо) къ этому времени на Донъ явились предупрежденные хазары, съ коими онъ и сразился. Разбилъ ихъ, взялъ ихъ г. Бѣлую Вѣжу (на Донѣ), прошелъ всю ихъ землю, ибо побѣдилъ и прикавказскихъ осетинъ (ясовъ) и кахетовъ

[1]) Очерки рус. истор. географіи. Н. П. Барсовъ, изд. 2, ст. 156—157.

(касоговъ), послѣ чего вернулся въ Кіевъ, побивъ и обложивъ данью по пути вятичей (723 ст.). Подтвержденіемъ нахожденія въ X в. вятичей на Дону Шахматовъ выставляетъ: 1) старыя (XII—XIV в.) словянскія названія южныхъ притоковъ Дона—Иловля, Медвѣдица, Хоперъ съ Вороной, Тихая Сосна, и притоковъ Донца—Калитва, Лугань, Ольховка.

2) Извѣстіе араба Масуди: «Танаисъ [1]), которая приходитъ съ сѣвера. Берега ея обитаемы многочисленнымъ народомъ словянскимъ и другими народами, углубленными въ сѣверныхъ краяхъ».

3) Существованіе Тмутараканскаго княжества [2]), объяснимое лишь существованіемъ у устья Кубани значительнаго словянскаго населенія и цѣлой цѣпи его поселковъ (по Дону), соединявшихъ это населеніе съ словянскимъ ядромъ средней Россіи (ст. 724).

Разсматривая эти основанія, нужно отмѣтить, что названія урочищъ изъ языка какого нибудь народа не служатъ еще непреложнымъ доказательствомъ его непремѣннаго обитанія въ этихъ урочищахъ, они свидѣтельствуютъ лишь о знаніи и о посѣщеніи ихъ этимъ народомъ; очень многія даже мелкія урочища сѣверной Сибири носятъ русскія названія, но русскіе тамъ не живутъ, а бываютъ лишь временно. Словянскія же названія донскихъ и донецкихъ притоковъ относятся къ такому времени (XII—XIV в.), когда русскіе бывали на Дону нерѣдко и, конечно, не все только съ войною, (были не только торговыя и другія мирныя сношенія, но и родственныя,—брачныя связи даже между властителями).

Въ Тмутараканскомъ княжествѣ могли быть и, всего вѣроятнѣе, дѣйствительно были словянами лишь правители, ихъ дружина и нѣкоторое количество служащихъ и торговыхъ людей, какъ было то и въ самой Руси первое время съ варягами среди словянъ. О южной руси, о словянахъ на Ю. Россіи говорилъ еще Гедеоновъ и другіе вплоть до Евфименко. Дѣйствительно, словяне подъ

---

[1]) Танаисъ испорченное (огреченное) слово одного изъ кавказскихъ народцевъ (осетинъ?), на языкѣ котораго донъ=рѣка, вода; на Кавказѣ «донъ» до сихъ поръ прибавляется къ названіямъ рѣкъ и потоковъ, какъ въ другихъ мѣстахъ—«чай». Тан-дан-дон, Тан-аи-съ, Дун-ай.

[2]) Тмутаракань такого же построенія, какъ Шарукань, Бикань и пр.

предводительствомъ варяговъ, слоняясь по Россіи, то въ поискахъ приключеній, то въ походахъ въ Византію и вообще на В., могли осѣдать во многихъ мѣстахъ (о чемъ сообщаетъ и лѣтопись въ разсказѣ объ Аскольдѣ и Дирѣ) между прочимъ и юга Россіи небольшими кучками въ качествѣ правителей—завоевателей. Аскольдъ и Диръ осѣли въ Кіевѣ и властвовали надъ окрестными полянами, неизвѣстный предводитель основался въ Тмутаракани и властвовалъ надъ сосѣдними турками. Кто былъ этотъ предводитель, когда и какъ основалъ свое Тмутараканское княжество или, точнѣе, княженье—неизвѣстно, знаемъ лишь, что оно было русское [1]). О множествѣ же другихъ подобныхъ княжествъ совсѣмъ ничего не знаемъ и о бытіи ихъ можемъ лишь догадываться по двумъ названнымъ. Что такія владѣнья—княжества основывались небольшими кучками смѣльчаковъ, видно какъ изъ исторіи кіевскаго княжества Аскольда и Дира, такъ и изъ того, что изъ другихъ подобныхъ княжествъ лѣтопись упоминаетъ лишь Тмутаракань. Да и то попутно, по необходимости и оттого совершенно отрывочно, не сообщая ни о началѣ, ни о концѣ ея, ни о дальнѣйшей судьбѣ тмутараканскихъ словянъ. Возникая на собственный рискъ и страхъ, независимо отъ кого бы-то не было, такія княженья существовали пока хватало силъ. А затѣмъ гибли также невѣдомо для другихъ, какъ и возникали, если какой нибудь особый случай не заставлялъ о нихъ говорить. Послѣ разгрома подобныхъ княженій одни изъ словянъ, — участниковъ основанія княженья, оставались на мѣстѣ, — убитые побѣдителями, другіе попадали въ плѣнъ, третьи спасались и или брели дальше, или возвращались къ домамъ. Ихъ разсказы о своихъ похожденіяхъ могли доходить, да, конечно и доходили и до лѣтописцевъ. Но, какъ обычное и частное явленіе времени, не привлекали большаго вниманія и въ лѣтописи не заносились. Однако, сколько словянъ не было бы въ южной Россіи, они вятичами нигдѣ не названы и нѣкоторые изслѣдователи вмѣсто Шах-

---

[1]) Ф. Ф. Вестбергъ показалъ (Журн. М. Н. Пр., 1908 г. кн. II, ст. 382—386), что еще въ 925 г. тмутараканской руси не было и устьемъ Дона владѣли хазары.

матовскихъ вятичей видятъ сѣверянъ [1]), а могли ими быть и суличи и поляне, и др. Наконецъ, вятичи являлись, вмѣстѣ съ восточными кривичами и словенами, наиболѣе передовыми (по пути движенія въ Россіи), а стало быть, какъ можно думать, и позднѣйшими словянскими пришельцами туда,— что о вятичахъ говоритъ лѣтопись,—упершимися непосредственно въ финновъ на В., а съ Ю. подпертыми кочевниками. Сверхъ того вятичи представляли по лѣтописи небольшую и, притомъ, одну изъ наиболѣе дикихъ отдѣльностей, едва-ли могшую вслѣдствіе этого распространяться такъ широко и далеко. Но если подонскихъ словянъ, допуская ихъ тамъ въ X и XI в.в. (по Масуди), признать и за вятичей, то всетаки, что можетъ побудить принять ихъ проникновеніе на Донъ не съ Оки, подходящей ея среднимъ теченіемъ довольно близко къ верхнему Дону, а на оборотъ,—на Оку съ Дона, куда они проникли какимъ-то загадочнымъ путемъ невѣдомо когда, отбившись далеко въ сторону отъ остальныхъ? Ф. Ф. Вестбергъ [2]), разбирая и возстанавливая арабскія извѣстія о словянахъ и другихъ народахъ Россіи, показалъ, что арабы смѣшивали со словянами или называли словянами часто вовсе не словянъ, а вообще какое либо свѣтлоцвѣтное племя, какъ наприм., многихъ кавказцевъ, аланъ, даже волгскихъ болгаръ (II, ст. 364—368). На Дону у Масуди пошли за словянъ, скорѣе всего, свѣтловолосые и голубоглазые аланы. Ссылаясь на Масуди, Шахматовъ напрасно не обратилъ вниманія на другихъ восточныхъ писателей, свидѣтельства которыхъ любопытнѣе Масудіевыхъ. Такъ по Гардизи и Бекри печенеги уже къ половинѣ IX в. занимали площадь отъ Урала до Дона, причемъ отъ нихъ до ближайшихъ словянъ вятичей считалось 10 дней пути, т. е. около 300 верстъ. Очевидно, что въ IX в. вятичей и вообще словянъ (настоящихъ) въ сколько нибудь значительномъ количествѣ на Донѣ не было. А хазарскій каганъ Іосифъ въ своемъ письмѣ (около 960 г., т. е. какъ разъ въ Святославовы времена) писалъ прямо, что на Волгѣ

---

[1]) Багалей. Истор. Сѣверск. земли, ст. 19, 22, 26. П. Голубовскій. Истор. Сѣверск. земли, ст. 5, 6, 8.

[2]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1908 г., кн. II и III.

(Итилѣ) въ его время жили между прочимъ цармисъ (черемисъ), *венентитъ* (вантитъ, вентитъ, вятичъ) — вятичи, *славіунъ* — словены (III, ст. 19, 25, 34). При всемъ почтеніи къ авторитету академика Шахматова не могу не вѣрить больше показаніямъ современниковъ, чѣмъ его догадкамъ. Онъ замѣчаетъ (ст. 725), что ссылки сторонниковъ сѣверянскаго заселенья подонья на названіе (въ XVII в.). Донца сѣверскимъ и на тѣсную связь Тмутараканскаго княжества съ Черниговомъ, т. е. съ сѣверскою землею, не имѣютъ значенія. Согласенъ, что эти ссылки не имѣютъ рѣшающаго значенія, но все же ихъ можно признать хоть за намеки на сѣверянское разселеніе, тогда какъ на поселенья вятичей въ подоньи нѣтъ и намековъ. Шахматовъ движеніе вятичей съ Ю. къ Окѣ относитъ ко второй половинѣ XI в. (ст. 727) и связываетъ его съ появленіемъ на Ю. половцевъ. Подтвержденіе этому онъ видитъ въ неожиданности ряда событій, совершившихся въ водоемѣ Оки въ XII в. Здѣсь, гдѣ еще не такъ давно сидѣли финны, меря (?) и мурома, возникаютъ русскіе города и зарождаются основы новыхъ политическихъ образованій (организацій). Во второй половинѣ XII в. Суздальская область даетъ своему князю такое могущество, что онъ страшитъ Новъ-городъ и приводитъ въ зависимыя (вассальныя) отношенія Кіевъ и южную Русь. Но къ Ю. отъ этой области въ свою очередь растетъ Рязанское княжество. Ничтожное еще въ концѣ XI в., оно со второй половины XII в. постоянно грозитъ разростающемуся могуществу владимірскаго князя. Шахматовъ не допускаетъ, что все это могло условиться естественнымъ развитіемъ исторической жизни днѣпровскихъ племенъ, а считаетъ необходимымъ допустить сильный приливъ населенія въ пріокскую область извнѣ. Сомнѣваясь въ возможности такого прилива изъ Полотскаго или Смоленскаго княжествъ [1]), онъ допускаетъ его съ Ю. изъ подонья. Вѣрно, что съ распаденіемъ или, точнѣе, съ ослабленіемъ хазарской державы—ханства (VII — IX в.), до извѣстной степени ограждавшей словянское населеніе отъ степныхъ

---

[1]) Допускаемаго имъ однако, какъ видѣли, для сосѣдней Ростовской области.

хищниковъ [1]), и съ водвореніемъ въ степи сильной половецкой или куманской (команской) орды словяне южной окраины занятой ими площади, т. е. отъ ея степныхъ границъ должны были податься къ С. и СЗ. Но это могло вызвать въ сосѣднихъ съ степью областяхъ лишь уплотненіе (да и то небольшое) населенія, а не такой наплывъ его, что эти области изъ ничтожныхъ сразу дѣлались грозными величинами. Вѣдь, въ степи никогда не было и не могло быть, какъ на большой дорогѣ, значительнаго осѣдлаго населенія. Сами степные жители еще могли создать себѣ кое-какую защиту въ видѣ городковъ, но чѣмъ они могли оградить свои поля и поселенья, кромѣ собственной силы? А эта сила была и не велика и разрозненна (у осѣдлыхъ) поэтому степь была все время до поздней поры составляла достояніе кочевниковъ, искателей приключеній—богатырей и витязей или разбойничьихъ шаекъ, вродѣ казаковъ и ихъ предшественниковъ, т. е. тѣхъ «бродниковъ», которые упоминаются въ лѣтописи впервые подъ 1147 г. и о которыхъ упоминаетъ еще въ XIII в. Рубруквисъ, опредѣляя составъ ихъ изъ русскихъ, аланъ, венгровъ и др. [2]). Даже приморскія поселенія—греческія и итальянскія—бывшія несравненно въ лучшихъ условіяхъ защиты и обороны, не выдерживали непрерывнаго натиска кочевниковъ и въ концѣ концовъ гибли. Населеніе въ восточныхъ словянскихъ земляхъ несомнѣнно возростало, но не на счетъ степного (словянскаго), а на счетъ ино-кня-

---

[1]) Вѣрнѣе, хазары не ограждали словянъ, (ибо и при нихъ чрезъ ихъ и словянскія земли проходили кочевники,—печенѣги и другіе), а лишь имѣли съ ними опредѣленныя, установившіяся и болѣе или менѣе постоянныя (даньевыя) отношенія, вродѣ бывшихъ позже татарскихъ. Эти отношенія хотя и стѣсняли жизнь порубежнаго словянства, но не трепали ее вѣчной неопредѣленностью, необезпеченностью и неизвѣстностью о завтрашнемъ днѣ, не держали ее въ постоянной тревогѣ и страхѣ. Хазарское ханство, собственно, не распалось, его поглотили или, такъ сказать, залили половцы. Но оно существовало (упоминается) и значительно позже, хотя, конечно, въ измѣненномъ видѣ, не въ видѣ самостоятельнаго царства. Вѣдь, если не придираться къ словамъ, то и Казанское татарское царство существуетъ донынѣ; смѣнилось въ немъ правленіе, измѣнилась нѣсколько жизнь, но народъ остался и живетъ по своему.

[2]) Истор. госуд. Рос. Карамзинъ, изд. 1830 г. т. II, ст. 251, прим. 269.

жескаго. Для Ростовско-Суздальской земли это положительно извѣстно по письменности; то же должно было имѣть мѣсто и въ Рязанской землѣ. Попадались талантливые, предпріимчивые и заботливые правители, слагались выгодныя или подходящія условія,—и жизнь закипала, какъ наприм. во время распри Ю. Долгорукаго и Ольговичей съ Мономаховичами. Имѣло не малое значеніе и соревнованіе (главнымъ образомъ правителей и ихъ приближенныхъ) съ сосѣдями, зависть и подражаніе. Шахматовъ ведетъ вятичей на Оку изъ степей, но упускаетъ при этомъ изъ вида ихъ обычаи и привычки чисто лѣсного народа, которыхъ они держались еще въ пору составленія Повѣсти временныхъ лѣтъ, т. е. въ XII.,—«си же творятъ вятичи... и до сего дне». Откуда же вятичи могли взять эти обычаи и привычки въ степи и какъ могли поддерживать ихъ тамъ? Затѣмъ. Откуда вятичи не попали бы на Оку, но разъ они вышли на нее, они могли, даже должны были выйдти и на Волгу какъ по самой Окѣ, такъ и по притокамъ ея и Волги, текущимъ съ водораздѣла между этими рѣками. И дѣйствительно на р.р. Клязьмѣ и Москвѣ говоръ акающій. Соболевскій [1]) не придаетъ значенія этой особенности, ссылаясь на то, что ее нѣтъ въ письменности до XIV в. Эта ссылка едва ли вполнѣ основательна. Когда не появилась бы указанная особенность, она свидѣтельствуетъ все-таки о способности данной народной отдѣльности лишь къ извѣстной звукозности (фонетичности). Очевидно, что населеніе, выработавшее изъ средняго а-о (по-Соболевскому изъ древняго о; ст. 100) аканье, не могло быть вполнѣ однородно выработавшему изъ той же основы окапье (или оставшемуся при древнемъ оканьи), такъ какъ для перваго второе казалось непріятнымъ и некраспвымъ, для второго же, наоборотъ, первое представлялось и представляется смѣшнымъ и страннымъ. Въ такой склонности населенія къ той или иной особенности произношенія одного и того же основного звука сказывается особенность плотскаго (физическаго) строенія этого населенія [2]). Такое строеніе не могло сложиться вдругъ. Оно выработы-

[1]) Труды Яросл. обл. съѣзда, ст. 100.

[2]) Собственно его слухового прибора и особенность его слуховыхъ и воспринимающихъ нервовъ. Но такъ какъ всякая часть тѣла тѣсно свя-

валось очень постепенно, вѣками, путемъ постепеннаго накопленія и распространенія. Ю. Липпертъ въ своемъ краткомъ, но дѣльномъ очеркѣ исторіи языка [1]) утверждаетъ съ достаточнымъ основаніемъ, что рѣшающее значеніе въ созиданіи языка (семейнаго, родового и т. д.) всегда принадлежало выбору и взаимному соглашенію (молчаливому и, чаще всего, почти безсознательному, ст. 306). Выборъ же обусловленъ преимущественно слухомъ, т. е. способностью чувствовать и воспринимать звуки съ одной стороны и, соотвѣтственно степени воспринятія, воспроизведенію ихъ. Нарѣчія (діалекты),—по-Липперту, съ коимъ нельзя не согласиться,—представляютъ собою вовсе не искаженія одного общаго языка, существовавшаго до нихъ. Напротивъ они являются первоначальными жизнеспособными основами его, между которыми и по сей день совершается подборъ или, точнѣе, отборъ, пополняющій и тѣмъ созидающій этотъ одинъ общій языкъ, и которые растворяются мало-по-малу въ образующемся такимъ образомъ общемъ (наприм., обще-русскомъ) языкѣ, частью входя въ него, частью упраздняясь. Нарѣчія ничто иное, какъ остатки языковъ разныхъ семейныхъ группъ (общественныхъ образованій). Эти группы на-ряду съ запасомъ словъ, доставшихся имъ еще въ первобытную пору закрѣпленія (фиксаціи) языка, не переставали и не перестаютъ вырабатывать свои собственныя слова. Свой запасъ словъ нарѣчія или мѣстные говоры теперь, какъ и въ доисторическія времена, выносятъ на словесный рынокъ общественныхъ сношеній и обмѣнъ вершится по прежнему: новыя областныя слова или принимаются, или отвергаются (ст. 324—325). Отверг-

---

зана со всѣми остальными, то можно говорить и объ особенности общаго строенія. Приборы воспроизведенія звуковъ также вліяютъ на языкъ. Извѣстно, что для каждой народности существуютъ почти совсѣмъ невоспроизводимыя для него сочетанія звуковъ и что есть слова и выраженія, которыя «и на тощакъ не выговоришь». Тѣми же причинами обусловлены и разницы въ азбукахъ (алфавитахъ) у разныхъ племенъ и народностей. Въ говорѣ наблюдается то же, что въ музыкѣ: звукъ слышится, воспринимается правильно, но воспроизвести его правильно услыхавшій не можетъ, хоть онъ и вѣрно «звучитъ у него въ головѣ».

[1]) Исторія культуры въ отдѣльныхъ очеркахъ, ст. 298, 305, 309, 311 и др.

нутыя въ одномъ мѣстѣ, принимаются въ другомъ и оттуда вновь выносятся на общій рынокъ, гдѣ, отвергнутыя вчера, могутъ быть приняты сегодня. Что совершается съ цѣлыми словами, то происходитъ и съ ихъ отдѣльными частями, т. е. съ отдѣльными звуками, съ тою лишь разницею, что послѣдніе больше словъ зависятъ отъ особенностей плотского строенія человѣка. И если нарѣчія суть остатки первобытныхъ языковъ, то и мѣстные оттѣнки говоровъ (цоканье, аканье и пр.), являются столь же и даже болѣе первобытными пережитками. Сейчасъ трудно сказать, что,—а́канье или о̀канье,—болѣе свойственно славянамъ вообще и русскимъ въ частности. Можно отмѣтить лишь, что о́канье въ общемъ распространено нынѣ менѣе а́канья и другихъ смягченій, что сосредоточено оно, главнымъ образомъ, въ сѣверной Россіи—не южнѣе Ярославской и Костромской губерній и что въ древности было, кажется, гораздо распространеннѣе. По крайней мѣрѣ языкъ памятниковъ древней русской письменности по его говорнымъ особенностямъ довольно близокъ къ современному литературному (писательскому) языку, а этотъ выработался на основѣ о́кающаго говора. Вслѣдствіе близости древняго правописанія къ современному, т. е. вслѣдствіе правильнаго размѣщенія въ словахъ буквы о,—на основаніи древней письменности довольно затруднительно составить точное понятіе объ о́каньи древняго русскаго славянства, если это оканье не переходило предѣловъ умѣренности, т. е. степени о́канья нынѣшняго литературнаго (грамматическаго) правописанія. На этомъ основаніи отвергать безусловно оканье русскихъ словянъ до XIV в. слѣдуетъ осторожно, такъ какъ при помощи существовавшаго въ то время правописанія подмѣтитъ въ письменности умѣренное оканье не представляется возможнымъ и рѣшительно отвергать можно лишь а́канье. Послѣднее несомнѣнно моложе о́канья (по крайней мѣрѣ въ Россіи) и идетъ съ З. и Ю., постепенно вытѣсняя оканье въ разговорной рѣчи, хотя при этомъ и само нѣсколько ослабляется. Отсутствіе его въ Ярославской губерніи ясно говоритъ о томъ, что переселеній въ нее съ З. и Ю. даже и въ болѣе позднее время было немного и что она занята главнымъ образомъ сѣверными русскими словянами. Чѣмъ обусловлено подобное смягченіе или,

какъ говорятъ, «облагораживанье» сѣверныхъ говоровъ, я пока ясно не представляю себѣ; можетъ быть, общимъ смягченіемъ нравовъ, обусловленнымъ ослабленіемъ и изнѣженностью тѣла. Несомнѣнно же то, что смягченіе рѣчи развивается все больше и больше, что болѣе развитые слои населенія говорятъ и болѣе мягкою рѣчью и что древняя о́кающая («мужичья») рѣчь считается признакомъ необразованности и невоспитанности и предоставляется въ удѣлъ лишь низшимъ, болѣе грубымъ и первобытнымъ слоямъ народа.

Болѣе значенія въ сравненіи съ аканьемъ-оканьемъ Соболевскій придаетъ, какъ признакамъ сѣвернаго говора, цоканью и чеканью, извѣстнымъ по письменности съ XI в. [1]). Но въ Ярославской губерніи цоканье (какъ и дзеканье) извѣстно лишь среди ситскарей на р. Сити въ Покровско-Ситской волости, Мологскаго уѣзда, т. е. близъ западной границы губерніи и отчасти по границѣ Вологодской губерніи. Въ первомъ случаѣ оно, очевидно, принесено переселенцами, ибо образуетъ обособленный островъ среди нецокающаго говора. Во второмъ случаѣ цоканье носитъ чисто порубежный пошибъ (характеръ) и потому не имѣетъ значенія. Чеканье въ губерніи, за исключеніемъ той же вологодской границы, держится въ ничтожномъ количествѣ: о́чепъ(оцѣпъ), чепецъ (цѣпецъ) [2]).

Къ такимъ же признакамъ относится и перемѣна ѣ въ и: писня=пѣсня, ьисть=ѣсть, систь=сѣсть. Все это признаки новгородскаго говора, какъ и о́канье, переходящее здѣсь въ уканье [3]). Но наряду съ ними есть (по Соболевскому) признаки и южнаго говора, хотя и въ небольшомъ количествѣ: отсутствіе цоканья и сокращеніе тебя въ тея (тя въ те: чертъ те дери=чертъ тя дери).

[1]) Тамъ же, ст. 100.

[2]) Первоначально широкій ремень или кусокъ ткани, надѣтый поперегъ головы для прицѣпки къ нему височныхъ колецъ и др. украшеній. Со временемъ онъ расширился еще больше и къ нему стали пришивать назатыльникъ—донышко, что и превратило его въ современный чепчикъ. Черный чрезъ цёрный отъ кор-ный, лат. corvus=воронъ, фран. corneille=ворона; это смягченіе древнее. Латинское названіе ворона и французское вороны нельзя признать звуко-подражательными, т. е. не отъ карканья.

[3]) Субака, великулѣпно, сусѣдъ, Микулай.

Это признаки говора Московской, Владимірской, Рязанской, Тульской и Калужской губерній, т. е. вятичевскаго. Такимъ образомъ наличность вятичевскихъ началъ замѣчается и на самой Волгѣ въ Ярославской губерніи. И при томъ такихъ началъ, которыя вошли въ жизнь населенія губерніи въ пору слагательства этой жизни, такъ какъ иначе они не могли бы оказать своего, въ данномъ случаѣ, очень рѣшительнаго вліянія. Не войди нецокающіе вятичи въ ядро словянскаго населенія Ярославской губерніи, т. е., другими словами, образуйся это ядро изъ однихъ цокающихъ словянъ, позднѣйшій приливъ нецокающихъ не смогъ бы вывести здѣсь цоканья,—уже привившагося и окрѣпшаго,—какъ до сихъ поръ не вывелъ онъ его въ бывшихъ новгородскихъ земляхъ. Слѣдовательно можно, даже должно согласиться съ Соболевскимъ въ томъ, что вятичи принимали непосредственное участіе въ первоначальномъ заселеніи Ярославской губерніи словянами, но не въ XI в., какъ утверждаетъ онъ [1]), а много ранѣе. Едва ли можно согласиться съ Соболевскимъ еще въ томъ, что потомки (ближайшіе) вятичей проникли на Мологу, Шексну, Бѣлое озеро и Вологду, и что переселеніе въ эти мѣста съ С. (новгородскихъ словенъ) началось относительно поздно, но было сильно (ст. 101).

А. В. Селивановъ отвергалъ участіе вятичей въ заселеніи Ростовской области на основаніи крупнаго различія курганныхъ вещей изъ древнихъ рязанскихъ и ростовско-суздальскихъ кладбищъ [2]).

Спицинъ [3]) на томъ же основаніи не допускаетъ переселенія вятичей даже къ Суздалю, увѣряя, что у нихъ не было, не говоря про иные, но и торговыхъ интересовъ ни въ Ростовѣ, ни въ Суздалѣ и что вятичи, радимичи и сѣверы не имѣли никакого отношенія къ Владимірской области. Сдѣланный мною въ главѣ о «кривичскомъ» заселеніи Ярославской губерніи подсчетъ предметовъ изъ владимірскихъ кургановъ по ихъ подобіямъ курганнымъ же предметамъ изъ другихъ мѣстностей обнаружилъ, что «вятичевскихъ» предметовъ найдено во владимірскихъ курганахъ всего лишь

[1]) Труды Яр. обл. съѣзда, ст. L.

[2]) Тамъ же, ст. L.

[3]) Извѣст. Им. археолог. комисс., в. 15, ст. 168, 171.

вдвое меньше, чѣмъ «кривичскихъ». Слѣдовательно говорить о неимѣніи вятичами никакого отношенія къ Владимірской области нѣтъ данныхъ даже и на этомъ основаніи, свидѣтельствующемъ какъ разъ объ обратномъ [1]). Да и какъ говорить о чемъ-либо подобномъ, разъ вятичи жили рядомъ съ Владимірскою областью и разъ ничто не мѣшало имъ передвигаться въ нее, особенно, съ мирными-то цѣлями, разъ это отмѣчено лѣтописью и восточными писателями (при Святославѣ сидятъ на Волгѣ) и, наконецъ, разъ это свидѣтельствуется владимірскимъ говоромъ? Самъ Спицынъ говоритъ, что вятичевскихъ кургановъ за время до XI в. неизвѣстно; о томъ же свидѣтельствуетъ лѣтопись, сообщающая, что вятичи еще въ XI в. прахъ сожженнаго покойника ставили въ горшкахъ на столбы при дорогахъ. Между тѣмъ тотъ же Спицынъ, опредѣляющій народности и племена по курганнымъ вещамъ и въ данномъ случаѣ не имѣющій этихъ вещей (по отсутствію самыхъ кургановъ),

---

[1]) Я уже не разъ высказывалъ свой взглядъ на курганныя и т. п. вещи, какъ на руководящее начало въ вопросахъ о народности и племенности похороненныхъ съ ними въ курганахъ (Кто насыпалъ Яросл. курганы, II), но въ виду господства этого предразсудка до сихъ поръ, повторю и здѣсь свои замѣчанія. Эти вещи если и могутъ служить пособіемъ при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, то только въ качествѣ второстепенныхъ вспомогательныхъ средствъ. Ибо всякая, даже мало распространенная, вещь указываетъ прежде и больше всего лишь на исходныя точки и пути товаро-обмѣна. Весь сѣверъ Россіи, вся Ярославская губернія ѣстъ ниже-волгскій хлѣбъ, но если эти страны были бы даже сплошь завалены этимъ хлѣбомъ, это все-таки не говорило бы еще о переселеніи жителей нижней Волги въ сѣверныя губерніи: переселенія и отходъ совершаются здѣсь какъ разъ въ обратномъ направленіи. Французская армія ѣстъ деревянными ложками нижегородскихъ кустарей, отпускающихъ во Францію ежегодно десятки тысячъ пудовъ своего товара, но не одинъ такой кустарь не только не переселялся во Францію, а едва ли что и знаетъ о ней. Желѣзныя сбруйныя и упряжныя принадлежности (кольца, пряжки и пр.) ярославскихъ кустарей широко распространены и особенно чтятся среди степняковъ-кочевниковъ, но нахожденіе въ степяхъ этихъ предметовъ вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, что башкирскія или киргизскія степи заселили ярославскіе кузнецы. Городецкіе, тверскіе, вяземскіе пряники путешествуютъ очень

т. е. остающійся въ неизвѣстности относительно вятичей, все-таки рѣшительно отвергаетъ даже самую возможность вятичскихъ поселеній не только въ Ярославской губерніи, но во всей Ростовско-Суздальской области какъ въ X, такъ и въ XI в.в. По его словамъ, тамъ въ эту пору «преобладаютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ кривичи» (ст. 172). Какая же цѣна можетъ быть такому заключенію?

Съ возникновеніемъ удѣльныхъ княжествъ и, особенно съ пріобрѣтеніемъ ими устойчивости въ XI и XII в.в., т. е. съ появленіемъ на мѣстахъ начала (князя); объединяющаго и упорядочивающаго жизнь и одновременно обособляющаго ее отъ сосѣдей начала собирающаго (централизующаго) эту жизнь около себя, создающаго свои мѣстные, областные особые интересы, всякія большія словянскія переселенія должны были прекратиться. Остаться могли лишь переходы отдѣльныхъ лицъ и семей, самое больше родовъ, т. е. переходы, немогшіе оказывать замѣтнаго вліянія на общій окрасъ того населенія, среди котораго они совершались. Слѣдовательно, о большихъ переселеніяхъ въ XI в. говорить нужно осторожно.

далеко, но многіе ли изъ лакомящихся ими, знаютъ о Твери, Городцѣ, Вязьмѣ, кто изъ знающихъ бывалъ въ этихъ городахъ и кто изъ бывавшихъ переселился туда? Если эти примѣры не убѣдительны, укажу на нашихъ сѣверныхъ инородцевъ, которыхъ Москва, Ярославль, Нижній, Казань снабжаютъ почти всѣмъ—отъ водки до иглы, топора, ружья, котла и цвѣтного сукна. Между тѣмъ не только жители названныхъ городовъ не переселялись и не переселяются въ земли инородцевъ, но тамъ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ въ качествѣ постоянныхъ жителей даже и русскихъ сибиряковъ. Наконецъ, сперва шуньгскій торгъ, а позже холопья мѣновая ярмарка на Мологѣ, существовавшая въ XIV и XV в.в. и собиравшая во едино и нѣмцевъ, и персовъ, и лопарей съ бухарцами и москвичами, отлично рисуютъ распространеніе вещей если не въ древніе, то въ средніе вѣка. Разница между тѣми и другими въ данномъ отношеніи только въ мѣстахъ,—вмѣсто Шуньги и Холопья были Новъ-городъ, Ростовъ, Смоленскъ, Кіевъ, Болгары. Примѣняя Спицинскій способъ опредѣленія племенъ, можно прійдти къ поразительнѣйшимъ заключеніямъ. Окажется, наприм., что москвичи второй половины XIX в. заселили Персію, Бухару, часть Тибета и т. д., ибо жители этихъ странъ чуть не поголовно одѣваются въ московскіе ситцы и ткани.

Затѣмъ, если вятичи до XI в. не перешли еще къ курганамъ [1]) и жили «по звѣриному» (какъ уже немногіе изъ русскихъ словянъ), то весьма понятно, что ихъ промышленность не могла стоять высоко. Стало быть не могла служить и предметомъ вывоза (по крайней мѣрѣ значительнаго) въ болѣе просвѣщенныя области [2]), а слѣдовательно была лишена одной изъ побудительнѣйшихъ причинъ къ развитію. Такимъ образомъ искать собственно (спеціально) вятичскихъ предметовъ въ X—XI в.в. въ земляхъ другихъ словянскихъ болѣе развитыхъ отдѣльностей—напрасно; туда шло главнымъ образомъ лишь сырье, пушнина, медъ, воскъ и т. п., не оставляющіе послѣ себя слѣдовъ.

Далѣе. Во всѣ времена переселялись, шли въ чужія земли не для завоеваній и властвованія лишь тѣ, кому жилось дома хуже другихъ, кого гнала нужда и кто былъ недоволенъ своимъ положеніемъ. И много ли такіе нуждающіеся могли принести съ собою предметовъ, способныхъ долго сохраняться и выходящихъ за предѣлы повседневной первой надобности (т. е. предметовъ роскоши и хорошей обстановки), да еще и изъ страны, почти лишенной собственной обрабатывающей промышленности? Много ли предметовъ могло бы сохраниться даже отъ современнаго крестьянина и даже отъ всей его обстановки? Какъ бы дикари и полудикари не были склонны къ украшеніямъ, какъ высоко они не цѣнили бы ихъ, средствъ достать эти украшенія у нихъ, а тѣмъ болѣе у ихъ бѣдняковъ (а они то и выселяются), весьма мало [3]); поэтому и самыхъ украшеній остается послѣ нихъ немного. Этимъ и объясняется скудость вятичскихъ вещей въ невятичскихъ курганахъ Ростовско-Суздальской области; переселившись въ эту область, вятичи, конечно, и тутъ еще долго не насыпали кургановъ. Они принесли сюда съ собою

---

[1]) Мурома—непосредственные сосѣди вятичей, крещена въ началѣ XIII в., кн. Константинъ муромскій умеръ въ 1203 г.

[2]) Онъ могъ существовать лишь въ страны еще болѣе дикія,—къ инородцамъ.

[3]) Правда, *нѣкоторые* цыганы, отяки, черемисы и пр. владѣютъ довольно цѣнными украшеніями, но 1) лишь нѣкоторые, т. е. богатые. 2) по выдѣлкѣ большинство этихъ украшеній принадлежитъ не этимъ

главнымъ образомъ лишь свою природу, душу и тѣло, облеченное въ иноземныя издѣлья, да необходимыя принадлежности хозяйства и промысла—земледѣлія, т. е. деревянныя вещи. А на новыхъ мѣстахъ они пользовались мѣстными издѣліями. Стало быть искать слѣдовъ вятичей въ Ростовской области въ болѣе раннее время нужно не среди вещей, а среди природныхъ свойствъ человѣка. Изъ послѣднихъ плотскій складъ (типъ), конечно, слѣдовало бы поставить на первое мѣсто. Но вопросъ о немъ по отношенію русскихъ народностей можно считать еще не поднятымъ въ наукѣ; даже пути его разработки не намѣчены. Въ лучшемъ (нѣсколько) положеніи изученіе слова. По говорамъ собрано уже много матеріала, однако все еще въ недостаточномъ количествѣ. И изслѣдователю часто приходится прерывать свою работу по непмѣнію данныхъ или оставлять въ ней пробѣлы и недомолвки. Словарнаго матеріала также собрано порядочно, но онъ совсѣмъ не разработанъ и даже почти не упорядоченъ. Областныхъ словарей весьма мало, ихъ сличеній между собою и съ иноязычными мнѣ совсѣмъ не извѣстно и этотъ важный источникъ изученія областной и общей исторіи пока нужно считать еще недоступнымъ для науки. Ту же участь раздѣляютъ сказки, пѣсни, пословицы, поговорки, присловья, названія живыхъ урочищъ и т. д. Для изученія обрядовъ, обычаевъ, игръ, одежды сдѣлано не больше; они даже еще не собраны и не сведены въ одно, что сдѣлано академіею наукъ и В. Далемъ для словарныхъ данныхъ. Пока же всѣ эти работы не будутъ исполнены, до тѣхъ поръ рѣшенія вопросовъ о заселеніи большинства русскихъ областей будутъ гадательны, произвольны и односторонне-случайны. Эти качества и обнаруживаютъ почти всѣ появившіяся работы по данному предмету. Нельзя правильно судить о предметѣ по одному какому-либо его признаку.

народамъ, а потому и не даетъ представленія о нихъ, не можетъ служить признакомъ ихъ. 3) Цыганы—бродячій народъ, кочующій среди развитыхъ племенъ, промышленностью коихъ и пользуется для своихъ надобностей, находясь въ постоянномъ общеніи съ ними; также черемисы и др. 4) Хотя пока и немного, но и во Владимірской области найдены «вятичскіе» предметы, не исключая и семи-лопастныхъ серегъ (височныхъ колецъ).

Оспаривая отсталость и неразвитость вятичей, указываютъ на то, что они были земледѣльцы и употребляли уже монету: «по щьлягу отъ рала даемъ» [1]). Но эта ссылка мало-вѣска.—Древляне, жившіе въ лѣсахъ, тоже дѣлали «нивы своя и земля своя», т. е. вели очевидно, подсѣчную, огнищную бродячую пашню, каковая въ лѣсахъ только и возможна, почему держится въ нихъ по сей день. Также ратали и вятичи [2]). Нынѣшніе зыряны и отяки тоже пашутъ, но и нынѣ они еще очень отсталые народцы. Что касается щляговъ-шиллинговъ, то, какъ показали клады, теперь положительно извѣстно, что еще въ доисторической Руси вращалась и западная, и восточная монета въ большомъ количествѣ. Близость вятичей къ норманскому Ростову и волгскимъ болгарамъ и хазарамъ, а чрезъ нихъ къ арабамъ, равно какъ и привычка къ монетѣ, принесенная съ собою съ З., вѣроятно, причина того, что они могли платить дань монетою тогда, когда другіе платили ее мѣхами, воскомъ, платьемъ и т. п. Впрочемъ, при Святославѣ Игоревичѣ, къ коему относится это лѣтописное извѣстіе, монеты на Руси было не только достаточно, но имѣлась уже и своя собственная чеканеная (Владимірово сребро). Но если земледѣльничанье вятичей не мѣшаетъ признанію ихъ отсталости, то то же земледѣлье заставляетъ задуматься о возможности его, а стало быть и самаго обитанія вятичей въ степи на Дону до Азовья и по Азовью, какъ утверждаетъ Шахматовъ. Вѣдь, русская степь, уже со времени за 700—500 лѣтъ до Р. Х., была всегда и безпрерывно занята дикими и буйными ордами

---

[1]) Щьлягъ=Щилягъ=щилягъ=щилянгъ=шиллингъ—западная монета, по польски szelag=щелягъ (Ал. Бекри... А. А. Куникъ, ст. 99); Употребленіе вятичами шилинговъ подтверждаетъ ихъ польское происхожденіе и приходъ въ Россію съ З.

[2]) Ратать—рать—орать=дѣлать, работать:—лат. ratio=стараніе, дѣло, работа, уваженіе, разумъ; rataria=плотъ, парбмъ, судно, корабль; фран. ratatiner=морщить, бороздить, râteau=грабли, râteler=граблить, бороздить, рыхлить почву граблями, сгребать граблями, ratisser=скоблить скребсти. Эти значенія выясняютъ, чѣмъ была первобытная соха и пашня, и какъ пахали древніе; французскія слова отъ корня рат указываютъ на то, что арійцы знали пашню (зачаточную) еще до раздѣленія на галловъ (кельтовъ) и словянъ.

кочевниковъ, начиная со скиѳовъ. Правда, были и среди нихъ скиѳы-пахари, но они жили не на Дону, а на Днѣпрѣ. На границѣ З. Европы, гдѣ и позже сидѣли земледѣльцы. Въ степи ихъ не было и стояли они особнякомъ отъ настоящихъ скиѳовъ, всего вѣроятнѣе находясь лишь подъ ихъ властью. А кромѣ того,—разъ они были, они и отмѣчены, на Дону же никакихъ пахарей ни кѣмъ не отмѣчалось и допустить ихъ тамъ — чуть ни на границѣ Азіи — очень трудно. Самъ Шахматовъ имѣетъ сказанное въ виду, но по отношенію только къ половцамъ - куманамъ, появленіе которыхъ считаетъ [1]) причиною не только перехода вятичей съ Дона на Оку, но и образованія ими здѣсь столь сильнаго Рязанскаго княжества, что оно постоянно угрожало могуществу владимірскаго князя. И это всего на протяженіи 60—75 лѣтъ (727 ст.) и «послѣ упорной борьбы съ сидѣвшими здѣсь финнами» (ст. 728). Мыслимо ли это? Что значатъ 60 лѣтъ въ жизни даже современнаго народа, предоставленнаго всецѣло лишь своему мирному развитію, безъ всякихъ стороннихъ заботъ? Могла ли «упорная борьба» (хотя она въ общемъ-то очень сомнительна), да еще на двѣ стороны,—спереди и сзади,—содѣйствовать усиленію и могуществу борющагося и одновременно съ этимъ устраивающагося на новыхъ мѣстахъ? Очень сомнительно. По крайней мѣрѣ пахари нынѣшней средней Россіи, хотя бы потомки тѣхъ же вятичей, при вполнѣ мирномъ и несравненно болѣе удобномъ и обезпеченномъ переселеніи на новыя мѣста въ Сибирь, не смотря на льготы, не рѣдко десятки лѣтъ не могутъ вполнѣ окрѣпнуть. Очевидно, что Рязань, заставившая говорить о себѣ въ XII в., зарождалась и складывалась за-долго до этого времени. Складывалась такъ же, какъ и ея сосѣдка Ростовско-Суздальская область, которой она потомъ служила угрозою и которая въ свою очередь грозила Новгороду и южной Руси съ ея Кіевомъ. Народъ ростетъ также постепенно, какъ и каждый изъ составляющихъ его людей. Ребенокъ не можетъ сдѣлаться вдругъ мужчиною; для этого нужно пожить, поработать, потерпѣть, созрѣть. И если Рязань въ XII в. была зрѣлымъ да еще русскимъ, т. е.

---

[1]) Изв. Акад. Наукъ 1907 г., № 16, ст. 727.

словянскимъ княжествомъ, то говорить о зачатіи этого княжества лишь съ половины XI в. (ст. 727) просто смѣшно, — исторія не знаетъ фокусовъ. Нѣтъ, вятичи пришли и сѣли по Окѣ много раньше, не позже VIII в. [1]). И очень, очень невѣроятно, чтобы они когда нибудь жили на среднемъ и тѣмъ болѣе на нижнемъ Донѣ и въ пріазовьи Всѣхъ словянъ, отмѣчаемыхъ источниками въ первые вѣка жизни, Руси къ Ю. и ЮВ. отъ нея, нужно признать за управляемыхъ норманами, а не хозарами (о чемъ уже сказано выше); ихъ норманы заводили за предѣлы словянской земли иногда очень далеко и тамъ они осѣдали вмѣстѣ съ своими вожаками въ качествѣ ихъ дружинниковъ среди иноплеменниковъ. По крайней мѣрѣ исторіею засвидѣтельствовано неоднократно, что именно норманамъ принадлежалъ починъ въ дѣлѣ походовъ, набѣговъ и основанія новыхъ государствъ [2]) не только на пространствѣ нынѣшней Россіи, но и въ З. Европѣ, а частью и въ Азіи. Русскіе словяне, сами по себѣ, не заявили себя на этомъ поприщѣ. Всѣ ихъ преданія изъ этой области, на сколько они отразились въ былинахъ, знаютъ только однихъ богатырей—витязей, защитниковъ мирнаго населенія, промышлявшихъ своею силою и удалью, которыя они продавали и предлагали за извѣстную плату кому угодно и противъ кого угодно. Одни изъ нихъ дѣйствовали на собственный страхъ, другіе набирали помощниковъ,—шайки вольницы, дружины [3]). Норманъ Владиміръ едва ли не первый исполь-

---

[1]) Труды Тверск. обл. съѣзда, отд. I. Кто насып. яр. кург., ст. 201.

[2]) Послѣднее не составляло цѣли норманов, а являлось лишь слѣдствіемъ ихъ образа жизни и добыванія средствъ этой жизни. Имъ была нужна лишь добыча или, гдѣ представлялось возможнымъ, дань. Т. е. та же добыча, но болѣе легкая и постоянная, обезпеченная и добываемая безъ боя. Ради полученія этой дани они нерѣдко и должны были заводить извѣстные порядки и начинать не грабить, а править. Т. е. до извѣстной степени заботиться и думать о своихъ подданныхъ, защищать ихъ отъ другихъ, оберегая свою дань, свои интересы. А затѣмъ жизнь брала свое и хищникъ постепенно превращался въ настоящаго правителя. Игорь—настоящій хищникъ, Ольга и Владиміръ уже правители.

[3]) Этотъ строй рати держался у русскихъ чуть не до Петра I съ тою лишь разницею, что витязя замѣнилъ отченникъ—непосредственный

зовалъ это бродячее начало современной ему русской дѣйствительности, собравъ его представителей и объединивъ ихъ около себя на своей службѣ вмѣстѣ съ заморскими варягами и другими иноземцами [1]). Правда, съ буйнымъ сбродомъ ни къ чему неприкрѣпленныхъ, отбившихся отъ жилья и племени бездомовниковъ—искателей приключеній ему было трудно ладить. Не рѣдко приходилось угождать этому сброду и даже заискивать передъ нимъ, тѣмъ не менѣе правилъ-то имъ все-таки онъ и дѣйствовалъ этотъ сбродъ по его почину и распоряженію. Этого нормана, упорядочившаго хотя и вольную, но безпутную и жалкую, полную всякихъ случайностей и необезпеченную жизнь бродягъ-поляниковъ, отчасти замѣнившаго ими норманскую дружину, благодарная былина, сложенная тою же поляницею, и величаетъ краснымъ солнышкомъ, ласковымъ княземъ Владиміромъ. Другихъ князей древняя былина не знаетъ: бывшіе до Владиміра не обращали вниманія на поляницу, а при Владимірѣ поляница кончилась, превратившись въ дружину; хотя, конечно, не сразу и не повсемѣстно. Еще въ большей степени ратные и боевые починъ и руководство принадлежали норманамъ въ Россіи до Владиміра. Лѣтопись отмѣчаетъ эту норманскую дѣятельность лишь для

преемникъ «княжа мужа» Русской Правды и богатыря—Владимірова сотрапезника русской былины.

[1]) Возможно, что мысль объ этомъ пришла Владиміру послѣ того, какъ онъ испыталъ на опытѣ всю опасность норманскаго пособничества. Съ трудомъ выпроводивъ въ Византію своихъ буйныхъ соотчичей-помощниковъ, создавъ этимъ себѣ большое затрудненіе для приглашенія ихъ вновь въ случаѣ надобности и въ то же время постоянно нуждаясь въ опытныхъ и надежныхъ ратныхъ людяхъ, Владиміръ въ поискахъ ихъ и могъ обратить вниманіе на словянскихъ витязей, созвать ихъ къ себѣ и образовать изъ нихъ свою дружину, болѣе покорную и послушную какъ по природному характеру, такъ и по новизнѣ, необычности положенія. В. Г. Васильевскій (Труды В. Г. Васильевскаго, т. I., ст. 345, 354, 399 и др.) сомнѣвается въ точности лѣтописнаго сообщенія о высылкѣ Владиміромъ варяговъ въ Византію. Онъ больше вѣритъ греческимъ писателямъ о дачѣ имъ (послѣ крещенія) греческому царю вспомогательнаго войска въ 6000 русскихъ. Мнѣ кажется, что одно не мѣшаетъ другому и что оба явленія могли имѣть мѣсто независимо другъ отъ друга.

З. Россіи [1]), гдѣ походы и завоеванія норманов создали (хотя и безъ ясно-сознаннаго намѣренія завоевателей) жизнеспособное крупное государство. Но, несомнѣнно, та же дѣятельность ихъ имѣла мѣсто и въ восточной Россіи и даже за ея предѣлами. Тамъ такъ же, тѣмъ же путемъ и на тѣхъ же началахъ основывались общины—государства въ родѣ Тмутараканскаго. Но только мéньшихъ размѣровъ, менѣе устойчивыя и попадавшія въ менѣе благопріятныя условія существованія, почему и погибавшія часто, не успѣвши расцвѣсть. Вятичи до Святослава не знали варяговъ, а были подвластны хазарамъ. Поэтому можно думать, что на Донъ они не могли попасть,—ихъ некому было туда завести (не въ качествѣ покоренныхъ). Сами-же они, какъ и другіе русскіе словяне, не проявляли завоевательной воинственности. Между тѣмъ для поселенія на Донѣ среди хищныхъ степняковъ требовалась воинственность непрерывная, не покладая рукъ, та, которою прославилось позже старое казачество, жившее въ подобныхъ условіяхъ. Вѣдь поселиться въ степи было далеко не одно и то же, что поселиться въ лѣсахъ на Окѣ среди мирныхъ финновъ. Кромѣ того, если допустить первоначальное самостоятельное водвореніе вятичей на Донѣ, то окажется, что они въ этомъ случаѣ представляли необычайное и необъяснимое исключеніе изъ всего русскаго словянства. Оно все поселилося въ Россіи къ однимъ мѣстамъ, не отбиваясь далеко другъ отъ друга и исклю-

---

[1]) Походы Олега, Игоря, Святослава — послѣдняго типичнаго норманскаго князя-бродяги (конунга), приноровившагося къ мѣстнымъ условіямъ и потому усвоившаго нѣкоторыя подходящія для его образа жизни черты кочевниковъ. Многіе его походы носятъ все еще характеръ исключительнаго исканія приключеній въ стремленіи за бóльшей или болѣе цѣнною добычею и все еще не имѣютъ иной цѣли, кромѣ жизни на чужой счетъ, т. е. разбойно-ратнаго промысла. Однако жизнь подвластнаго ему народа уже ставила предѣлы этимъ стремленіямъ и требовала замѣны ихъ государственнымъ строительствомъ и интересами. Но при томъ же Святославѣ въ 969 г. норманы прошли чрезъ Россію на В. Спускаясь по Волгѣ, они ограбили Булгаръ, Итиль, Хазаранъ, разгромили хазаръ, не за-долго до этого потерпѣвшихъ отъ Святослава (965 г.) и вернулись домой Средиземнымъ моремъ (Журн. М. Н. Пр. 1908 г., III, ст. 4).

чительно въ лѣсной полосѣ. Послѣднее для вятичей было тѣмъ обязательнѣе, что они явились въ Россію также изъ лѣсной стороны [1]).

Сомнѣваться въ подчиненіи вятичей хазарамъ, какъ дѣлаетъ Шахматовъ (ст. 722, прим.) и въ то же время выставлять хазаръ оградителями осѣдлаго населенія словянства на Ю. отъ кочевниковъ (ст. 728), едва-ли можно. Во 1) лѣтописцу вообще и тѣмъ болѣе лѣтописцу XI в.,—въ которомъ Русь представляла уже сложившееся и сильное государство съ достаточно развитымъ самосознаніемъ въ высшихъ слояхъ его населенія,—не было не интереса, не утѣшенія отмѣчать въ своей лѣтописи подчиненность какой-либо словянской отдѣльности иноязычникамъ да еще «поганымъ», и если онъ отмѣтилъ такую подчиненность, то ради ея дѣйствительной наличности. Во 2) лѣтописецъ отмѣтилъ подчиненность хазарамъ не какихъ нибудь случайныхъ словянскихъ отдѣльностей, а только пограничныхъ съ хазарами. Сомнѣваться въ вѣрности сообщенія о такомъ подчиненіи на основаніи того, что лѣтописецъ—писатель далеко не борзаго пера—употребилъ одинаковыя выраженія при изложеніи одинаковыхъ событій, опять таки не безопасно: этотъ пріемъ встрѣчается въ лѣтописи не въ одномъ данномъ случаѣ. Еще неосновательнѣе противопоставлять этому совершенно правдоподобному и почти необходимому сообщенію («Кому дань даете? Они же рѣша—козаромъ) разукрашенное вымысломъ преданіе о посылкѣ полянами въ дань казарамъ мечей и о добровольномъ отказѣ вслѣдствіе этого казаръ отъ дани съ полянъ. Только что покоренные, т. е. во всякомъ случаѣ не особенно довольные и счастливые поляне, среди которыхъ къ тому же еще господствовалъ въ полной силѣ обычай кровавой мести [2]), добровольно снабжаютъ своихъ вра-

---

[1]) Я не вижу никакого повода не вѣрить лѣтописи о ляхствѣ вятичей и приводимое Шахматовымъ противъ ихъ ляхства (Вятко=Vento) говоритъ именно за него. Можно все отвергать, что мѣшаетъ, но это понижаетъ цѣнность выводовъ.

[2]) Мстить=мѣстить, замѣщать обиду обидою же, смерть—смертью и т. д., ѣ здѣсь въ корнѣ и хотя выпадаетъ, но должно быть сохранено въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ сохраняется, напримѣръ, месть. Иначе послѣдовательность требуетъ, чтобы и мѣсто писалось черезъ е.

говъ и утѣснителей столь дорогимъ и рѣдкимъ для нихъ оружіемъ, другими словами—куютъ сами себѣ цѣпи. Кто можетъ этому повѣрить?

Далѣе. Откуда у полянъ «обидимыхъ» всѣми сосѣдями («древляны и инѣми околними»), т. е., стало быть, далеко у не отмѣнныхъ воякъ такое обиліе оружія, что они оказались въ состояніи даже заплатить имъ дань? [1]). Многіе источники и вполнѣ согласно съ ними курганныя и городищенскія раскопки ясно и убѣдительно свидѣтельствуютъ, что оружія, особенно же мечей не только у полянъ и другихъ русскихъ словянъ, но вообще въ Россіи (безъ окраинъ) было весьма мало. Большинство найденныхъ въ ней мечей, почти безспорно, принадлежало норманамъ, такъ какъ найдены лишь въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ по лѣтописи жили варяги. Въ 3) распространеніе господства казаръ за предѣлы степей подтверждается помимо указанія лѣтописей еще лѣтописью земли. Не приводя примѣровъ изъ другихъ губерній, я отмѣчу только, что въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, въ приходѣ с. Звѣринецъ на рѣкѣ Ихмарь существуетъ до нынѣ дер. Козарка [2]). Форма этого названія (какъ и другихъ подобныхъ, наприм. Татарка) исключаетъ возможность объяснить его появленіе чѣмъ либо инымъ, кромѣ наличности казаръ въ носящемъ ихъ имя селеніи. Не буду увѣрять, что въ Козаркѣ жили непремѣнно казары—владыки; но думаю, что наличность д. Козарки въ Ростовскомъ уѣздѣ говоритъ о томъ, что казары не только проникали, но и жили въ древней Ростовской области и не единицами, а значительнымъ количествомъ. Возможно, что они попадали туда и Волгою. Но возможно, и мнѣ лично кажется болѣе вѣрнымъ, что проходили туда чрезъ вятичскія земли, подвластныя имъ [3]). Вѣдь, казары (турки) были степнымъ непривычнымъ къ водѣ и, особенно, къ судоходству, по привыч-

---

[1]) Ужъ не отъ этого-ли и нѣтъ мечей во всѣхъ чисто словянскихъ курганахъ?

[2]) Къ Ю.-З. отъ Ростова верстахъ въ 12, подъ 56° 55′ з. д. отъ Ферро и 57° 6′ с. ш.

[3]) Можетъ быть, послѣ сбора дани съ послѣднихъ. Но возможно, что для сбора той же дани и съ жителей Ростовской области, пока она не находилась еще въ подданствѣ варягамъ.

нымъ къ большимъ сухопутнымъ переходамъ коннымъ народомъ. Ихъ сродники и позднѣйшіе замѣстители татары колесили по Руси не водою, а на коняхъ. Даже сами словяне во многихъ случаяхъ (во время войнъ) предпочитали сухопутье плаванью. Наконецъ хотя и очень смутная, но все-же память о казарахъ держится въ русскомъ народѣ бывшихъ порубежныхъ мѣстъ [1]). Казаръ знали даже словинцы (хорутаны), у которыхъ слово казарчекъ значитъ козій пастухъ (и стаканчикъ) [2]). Слѣдовательно казары, какъ и всѣ другіе кочевники, появлявшіеся въ русскихъ степяхъ, начиная съ гунновъ (а можетъ быть и со скиѳовъ), господствовали далеко не на одной Волгѣ съ Дономъ, а проникали далеко и на З., и на С., разумѣется, не ради пріятной прогулки, а ради добычи, дани, господства. Такимъ образомъ говорить о нихъ, какъ объ охранѣ осѣдлаго словянства, можно только очень относительно [3]). 4) Нѣтъ

---

[1]) Труды XI археол. съѣзда, т. I, ст. 404.

[2]) Словинско-русскій словарь. М. Хосникъ. Слѣдовательно и въ пору водворенія у западной границы Руси они были еще скотоводами-кочевниками.

[3]) О половцахъ-куманахъ, смѣнившихъ казаръ, напоминаетъ въ бывшей Ростовской области деревня (и станція Моск.-Яросл. жел. дор.) Итларь (Рост. уѣз. подъ 56° 54′ з. д. и 57° 7′ с. ш.), названіе которой тождественно имени половецкаго хана Итларя, убитаго въ истокѣ на Ратиборовомъ дворѣ Ольбегомъ Ратиборовичемъ (Лѣтоп. пр. Нестора по Лавр. спис. подъ 1095 г.). Село Осенево того же уѣзда, расположенное на р. Лахости, на самой границѣ съ Костромскою губерніею (въ ея южной точкѣ), напоминаетъ другого половецкаго хана Осеня,—1107 г. «поя Володимеръ (Мономахъ) за Юргя (Долгорукова) Аепину дщерь,—Осеневу внуку» (то же, ст. 162). Конечно, названіе села можетъ происходить и не отъ имени хана, но наличность д. Итларь побуждаетъ указать и на Осенево. Въ Суздальскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, на р. Ирмизь (лѣв. притокъ Нерли) при с. Шокшовѣ (отъ Ростова по суздальской дорогѣ около 80 вер.) есть урочище Половецкая Лужа (Меряне и ихъ бытъ... гр. А. С. Уваровъ, ст. 38). Найдутся и другія подобныя названія. Если половцы проникали и жили въ XI и XII в.в. въ Ростовско-Суздальской области,—куда ихъ, впрочемъ, водили и сами князья, какъ напримѣръ, Мономахъ, въ 1096 г. въ помощь сыну Мстиславу (послалъ ти отецъ брата Вячеслава съ половци... Лѣт. пр. Нест., ст. 147), или

основаній считать казаръ оплотомъ словянства отъ азіатскихъ хищниковъ уже потому, что они сами были такими же азіатами, какъ и другіе степняки, съ которыми они сливались (а не уничтожались) по мѣрѣ появленія послѣднихъ въ степяхъ. Перекочевавъ въ русскія степи (около 680 г.) [1]), казары двинули жившихъ въ нихъ бѣлыхъ угровъ Нестора (вѣрнѣе, унгровъ—унгуровъ или, точнѣе, унгаровъ, иначе маджаровъ—мадьяровъ), ушедшихъ на Дунай, покорившихъ тамъ словянъ и основавшихъ венгерское государство. Собственно не государство, а державу, т. к. государственное устройство доступно только для осѣдлыхъ народовъ. Устройство же кочевыхъ постоянно перемѣщающихся народовъ представляетъ ратно-походный строй и инымъ не можетъ быть [2]). Около VIII в. (судя по Нестору) чрезъ казарскія орды [3]) прошли сперва печенеги-кангли (турки), потомъ угры черные, прошедшіе вторымъ отрядомъ при Олегѣ въ 898 г. [4]).

Ю. Долгорукій, приглашавшій ихъ очень нерѣдко,—то еще легче могли это дѣлать казары въ болѣе раннее время, когда Ростовская область была защищена много слабѣе.

[1]) По другимъ въ 623 г. — Журн. М. Н. Пр. 1908 г., II, ст. 395, Ф. Вестбергъ, считающій ихъ за бѣлыхъ угровъ.

[2]) Ни гунская, ни татарская державы не опровергаютъ сказаннаго. Онѣ и представляли государства, то не сами по себѣ, а благодаря тому лишь, что и гунны, и татары вторглись въ готовыя государства. Государства настолько устойчивыя, что побѣдители не могли измѣнить ихъ устройства, подчинившись ему сами.

[3]) Казары звали сами себя хиссиръ (Труды XI арх. съѣз., т. I, ст. 404), что римлянами передѣлано въ казаръ, на языкѣ которыхъ casa=шалашъ, caseariиs=шалашникъ, живущій въ шалашѣ. Печенегская крѣпость на Донѣ Саркелъ построена въ царствованіе въ Византіи Θеофила, т. е. между 829—842 г. (Ж. М. Н. Пр. 1908 г., т. II, ст. 375).

[4]) Вѣрнѣе, въ 884 г. (Труды II Твер. обл. арх. съѣз., отд. I, ст. 209, Кто насыпалъ яр. курганы). Вестбергъ (Журн. М. Н. Пр. 1908 г., III, ст. 28, 51) утверждаетъ, что мадьяры жили въ русскихъ степяхъ съ 825—895 г., т. е. одновременно съ печенегами. На Дунаѣ они появляются впервые въ 839 г., съ 856 г. извѣстны въ Крымѣ. Печенеги по Вестбергу (ст. 17) уже къ ½ IX в. занимали площадь отъ Урала до Дона, гранича съ С. съ половцами-кипчаками, съ В. съ гузами-узами, съ Ю. и Ю.-З. съ казарами и съ З. съ вятичами. Нѣсколько выше (II, ст. 375) онъ указываетъ 890 г.г., противорѣча себѣ.

Очевидно, что казары не служили и не могли служить оплотомъ отъ азіатскихъ хищниковъ ни въ VIII, ни въ IX в.в. Не были они такимъ оплотомъ и позже. По Нестору, въ 915, по другимъ въ 1048 или 1055 г. печенеги (пацинаки) ушли на Дунай, потѣсненные пришедшими изъ Азіи турками же (торками) узами (огузами).—Этихъ-же въ ихъ очередь потѣснили и въ 1064 г. продвинули на Дунай же новыя турецкія орды половцевъ, звавшихъ себя, по Рубруквису, капшатъ, команъ капшатъ (capchat, coman capchat), а по арабамъ (Гардизи, Бекри)—кифджакъ, что у русскихъ превратилось въ кипчакъ или капчакъ. Рубруквисъ называлъ ихъ уйгурами [1]). Они не замедлили появиться также и на Балканскомъ полуостровѣ (въ 1078 г.) [2]). Такимъ образомъ въ теченіе столѣтій по русскимъ степямъ, занятымъ казарами, проходили, подолгу въ нихъ жили и господствовали многочисленныя (въ сотни тысячъ) орды турковъ [3]) и ни одной изъ нихъ казары не могли ни покорить, ни остановить. Слѣдовательно они не были оплотомъ словянства ни на Ю., ни на З. Съ другой стороны и сами они не гибли, не исчезали съ историческаго поприща и удерживали занятыя мѣста, переживъ даже татарское, т. е. послѣ гунскаго самое разрушительное монгольское нашествіе. Италіанецъ Іосифъ Барбаро еще въ половинѣ XV в. отмѣчаетъ Хазарію, Аланію и Команію въ южной части Татарской равнины. Другая Хазарія была на Крымскомъ полуостровѣ, гдѣ казары побѣждены греками съ Мстиславомъ Владиміровичемъ въ 1016 г. [4]), съ какого

---

[1]) Окончаніе (вторая часть составныхъ словъ) гуръ, видимо, однозначно гаръ: бул-гаръ, ун-гаръ, мад-жаръ (здѣсь ж изъ г) и пр. Русское угры раньше произносилось съ носовымъ звукомъ, т. е. правильно—унгры.

[2]) Въ набѣгѣ съ печенегами на Адріанополь (Журн. Мин. Н. Пр. 1872 г., XI, ст. 122—152, Труды В. Г. Васильевскаго, ст. 7, 14, 26; Извѣстія Рус. геогр. общ., т. XL, в. III, ст. 401—434).

[3]) Я не упоминаю еще о другихъ народахъ, также жившихъ въ черноморскихъ степяхъ, но мало соприкасавшихся съ русскими словянами. Таковы яссы-оссы-осетины, касоги-кахеты и др.

[4]) «Аланы» Ю. Кулаковскій, ст. 68. Исторія гос. Рос. Карамзинъ, изд. 3, т. II, ст. 119. Въ 1083 г. Олегъ Святославичъ: сѣче козары (Лѣт.

времени и начали утрачивать свое господство. Эти обстоятельства наводятъ уже на мысль, что казары и по своему быту, и по крови были близки къ происходившимъ изъ Азіи туркамъ. Дѣйствительно арабъ Ал-Кальби называетъ хазара братомъ берсула (борсола), а Кардизи (арабъ же) сообщаетъ, что камскіе болгары дѣлились на булгаръ, берсула и исегель (эскель, ашкель). Моисей хоренскій прибавляетъ къ этому, что казарскіе ханы (хаганы) брали женъ изъ рода Берсиліевъ, жившихъ при устьяхъ Волги. Онъ сообщаетъ также, что хазиры и берсиліи вторглись въ Арменію съ С. еще въ 211 г. по Р. Х. [1]). О тѣхъ же казирахъ или кацирахъ (cazirî) и о хазиросахъ (chazirozi) упоминается въ Мюнхенскихъ географическихъ запискахъ, относимыхъ Шаффарикомъ къ IX в. [2]). Къ этому остается присовокупить, что потомками волгскихъ болгаръ нынѣ признаются чуваши,—турки и по внѣшности, и по языку [3]).

Изъ вышеприведенныхъ указаній и соображеній видно, что допустить на среднемъ и нижнемъ Донѣ за время съ VIII—XI в. сколько-нибудь прочныя и значительныя словянскія поселенія очень затруднительно. Все это время Донъ находился въ рукахъ разныхъ кочевниковъ, всегда и вездѣ промышлявшихъ угнетеніемъ, поборами и грабежами сосѣдей, особенно же осѣдлыхъ. Какъ не были бы вятичи дики по сравненію съ другими русскими словянами, но они были во 1) земледѣльцами, во 2) недостаточно большимъ и сильнымъ племенемъ для того, чтобы съ боя занять и боемъ (постояннымъ) отстаивать занятыя среди хищныхъ ордъ земли, свои пашни и скотъ. Вѣдь бороться со степняками не всегда было подъ силу даже кіевской—сильной и сплоченной, хорошо устроенной Руси. Да наконецъ,—что могло бы побудить именно вятичей, т. е. одну изъ наименѣе развитыхъ въ торгово-промы-

---

пр. Нест., ст. 115). Позже казаръ нерѣдко звали саксины, а г. Итиль—Саксинъ (Ж. М. Н. Пр. 1908 г. III, ст. 37—40).

[1]) Извѣстія Ал. Бекри... А. А. Куникъ, ст. 157.

[2]) 866—890 г. «Сынъ Отечества» 1838 г., т. X, ч. 2, ст. 115. Не скрыты ли въ хазиросахъ кіевскіе русскіе, подданные казаровъ?

[3]) Извѣст. общ. арх., ист. и этногр., т. XVIII, в. 1—3, ст. 6, 7, 33—38, 43, 49, 118.

шленномъ отношеніи русскихъ словянскихъ отдѣльностей искать мѣста среди кочевниковъ, подвергая себя непрерывнымъ и крайнимъ опасностямъ, когда можно было устроиться гораздо лучше нѣсколько сѣвернѣе, на Окѣ? Это было бы, пожалуй, еще допустимо, но и то лишь до нѣкоторой степени, для новгородцевъ, для части полянъ и кривичей, но не для вятичей, потомки которыхъ и нынѣ не отличаются предпріимчивостью.

Затѣмъ, Шахматовъ, возстанавливая лѣтопись по собственному усмотрѣнію на основаніи домысловъ и наведеній и строя на полученномъ текстѣ смѣлыя заключенія [1]), привлекаетъ къ своей работѣ не всѣ лѣтописныя указанія. Онъ недовѣрчиво замѣчаетъ: «Итакъ Святославъ отправился на Оку и на Волгу только для того, чтобы, случайно встрѣтивъ тамъ вятичей, узнать о платимой ими дани козарамъ» (ст. 718). Такого заключенія изъ сообщеній лѣтописи сдѣлать нельзя. Правда, они отрывочны и незаконченны, прерывисты и непослѣдовательны, но и только. Зачѣмъ Святославъ ходилъ на Оку и Волгу, лѣтопись дѣйствительно не указываетъ. Но это нисколько не подрываетъ точности самого сообщенія, свидѣтельствуя лишь о томъ, что причина похода не интересовала лѣтописца или не была ему извѣстна, или же, напротивъ, была слишкомъ обычна въ родѣ похода въ полюдье. Развѣ въ нашихъ памятныхъ замѣткахъ въ календаряхъ, записныхъ книжкахъ и т. п. не встрѣчаются до сихъ поръ точно такія же по характеру записи? Сколько угодно [2]). Даже большинство ихъ таково, не исключая

---

[1]) Еще Костомаровъ и еще въ 1861 г. указывалъ въ «лекціяхъ по рус. исторіи», что изъ «Повѣсти времен. лѣтъ» можно выдѣлить повѣсть древн. лѣтъ. Но онъ находилъ такое выдѣленіе скорѣе художественнымъ, чѣмъ ученымъ дѣломъ. Розысканія о древн. рус. лѣтопис. сводахъ Шахматова напечатаны въ 20 вып. Лѣтописи занятій археогр. комиссіи. Онъ выдѣляетъ пять сводовъ: кіевскій 1039 г., новгородскій 1050 года, кіево-печерскій іером. Никона 1073 г., второй кіево-печерскій около 1095 г. и повѣсть временныхъ лѣтъ 1116 г.

[2]) Напримѣръ: 3 мая. Губернаторъ очень правдивъ и справедливъ. 5 Мая. Губернаторъ поѣхалъ въ X, встрѣтилъ Z, справился, гдѣ онъ служитъ. 7 Мая. Губернаторъ ревизовалъ N волостное правленіе. 10 Іюня. Губернаторъ опредѣлилъ Z чиновникомъ особыхъ порученій.

дневниковыхъ, не всегда послѣдовательныхъ и полныхъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо подобныя замѣтки дѣлаются для себя. Наши древнія лѣтописи — такія же памятныя записи и при томъ людей, съ нашей точки зрѣнія, малограмотныхъ и, необладавшихъ литературнымъ языкомъ, писавшихъ для себя и своего кружка, а не для строгихъ критиковъ XX ст. Я не думаю, чтобы наши лѣтописи были совсѣмъ непогрѣшимы и что ими можно пользоваться безъ провѣрки и критики. Но полагаю, что нельзя отвергать ихъ извѣстій лишь на основаніи домысловъ и косвенныхъ доказательствъ, да еще привлекая не всѣ данныя. Шахматовъ не допускаетъ вятичей на Оку ранѣе XI в., отвергая и считая за поддѣланное (подставленное) показаніе лѣтописи о встрѣчѣ ихъ Святославомъ тамъ и на Волгѣ въ X в. Между тѣмъ въ Лаврентіевскомъ спискѣ подъ 988 г., т. е. въ X в. отмѣчено: «рече Володимеръ: «се не добро, е-же малъ городъ около Кіева,— и нача ставити городы» — кругомъ Кіева по р. р. Деснѣ, Остри, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ. По его примѣру «поча нарубати (городы) мужѣ лучьшіѣ отъ словенъ и отъ кривичь, и чюди, и отъ *вятичъ* и отъ сихъ (же) насели грады,—бѣ бо рать отъ печенѣгъ и бѣ воюяся съ ними и одоляя имъ» [1]). Спрашивается, гдѣ же вятичи могли *по примѣру Владиміра* ставить свои городы—на Окѣ или на Донѣ среди печенеговъ противъ этихъ самыхъ печенеговъ и гдѣ,—на Окѣ или на Донѣ покорилъ ихъ въ 981 г. Владиміръ, не ходившій тогда, какъ Святославъ, за Донъ? Мнѣ думается,—на Окѣ, ибо едва-ли печенеги позволили бы имъ безнаказанно укрѣпляться въ своей землѣ. Это же извѣстіе служитъ подтвержденіемъ и вывода сдѣланнаго выше, на основаніи лѣтописи земли, о широкомъ распространеніи южныхъ кочевниковъ по средней Россіи. Въ защиту отъ нихъ были вынуждены строить города не только порубежные съ ними поляне и вятичи, но и кривичи (вѣроятно, болѣе южные—смоленскіе и витебскіе), чудь (ростовская) и даже словены (наврядъ-ли новгородскіе, вѣрнѣе тверскіе и ростовскіе). Еще замѣчаніе. Какимъ образомъ совмѣстить и объяснить съ одной стороны порабощеніе и угнетенность вятичей

[1]) Лѣтоп. пр. Нестора по Лав. сп., ст. 68.

владѣвшими степями кочевниками [1]), а съ другой стороны ту независимость и вольнолюбіе, которыя неоднократно отмѣчаетъ у вятичей лѣтопись? Выдающійся воинъ Олегъ, покоривъ сосѣдей вятичей родимичей и сѣверянъ, вятичей однако почему-то не тронулъ; включилъ ихъ «въ землѣ рускіѣ» лишь Святославъ въ 966 г. Но, очевидно, включилъ не особенно прочно, т. к. его сыну Владиміру пришлось опять покорять ихъ въ 981 г. А чрезъ 11 лѣтъ, въ 992 г. они вновь возстаютъ противъ него и снова нужно было усмирять ихъ. Эти-то усмиренія, вѣроятно, и усилили еще болѣе выселенія вятичей въ болѣе далекую, глухую и менѣе порабощенную князьями - Рюриковичами Ростовско - Суздальскую область. Прелести владычества кочевыхъ ордъ намъ хорошо извѣстны по опыту отъ татаръ. Это тяжкій гнетъ всяческихъ насилій, полный произволъ и безправіе. И если Русь, достигшая въ XIII в. развитаго и прочнаго государственнаго устройства, все-таки чувствовала себя жалкою рабою предъ татарами и научилась холопству и хамству, то что должны были бы чувствовать и чѣмъ стать за 250—300 лѣтъ передъ тѣмъ вятичи—небольшая частица этой Руси, затерявшаяся, по Шахматову, въ неоглядныхъ степяхъ и окруженная кочевыми ордами, отъ которыхъ такъ страдали даже наиболѣе благоустроенныя словянскія земли, какъ Кіевская, Черниговская и др.? Между тѣмъ никакихъ положительныхъ признаковъ былого порабощенія ни вятичи, ни ихъ потомки—рязанцы не обнаруживали до послѣдняго дня своего самостоятельнаго существованія. Напротивъ, они—едва-ли не одни изъ всѣхъ русскихъ словянъ—сумѣли сохранить до XI в. своихъ собственныхъ народныхъ князей, давнымъ давно утраченныхъ другими отдѣльностями. И эти князья существовали не только по имени. Они, какъ нѣкогда древлянскій Малъ, отстаивали интересы своихъ избирателей, борясь вмѣстѣ съ народомъ противъ князей-завоевателей, потомковъ призванныхъ норманновъ. По крайней мѣрѣ Вл. Мономахъ «въ вятичи ходихомъ

---

[1]) Такъ какъ, при обитаніи ихъ на Донѣ, нѣтъ возможности допустить ихъ независимость отъ кочевниковъ въ самомъ ядрѣ послѣднихъ и тогда, когда ими были покорены даже словяне далекихъ пограничныхъ мѣстностей.

по двѣ зимѣ: на Ходоту (около 1081 г.) и на сына его» (1082 г.) [1]. Но и послѣ этого, при сынѣ Мономаха—Ю. Долгорукомъ вятичи все еще чувствовали себя достаточно свободно.

Подводя итогъ изложенному, мнѣ кажется, можно установить:

1) на среднемъ и нижнемъ Донѣ съ VIII—XI в. не могло быть сколько нибудь значительнаго и постояннаго осѣдлаго словянскаго населенія, такъ какъ все это время тамъ господствовали враждебные словянству кочевыя орды турокъ. Въ частности вятичи не могли первоначально поселиться на Донѣ потому, что были лѣснымъ народомъ, который, понятно, и на новыхъ мѣстахъ искалъ привычныхъ условій. Позже же они не могли проникнуть туда еще и потому, что некому было привести ихъ въ эти мѣста, такъ какъ норманы-варяги,—начинатели и руководители походовъ и образованія новыхъ государственныхъ зарожденій среди словянъ на пространствѣ нынѣшней Россіи,—видимо, до Святослава Игоревича вятичами не владѣли. Все указанное время вятичи были подданными южныхъ кочевниковъ, отъ которыхъ, скорѣе всего, стремились удаляться, а не какъ уже не забираться въ самую ихъ гущу. Все говоритъ за то, что вятичи, всего вѣрнѣе, жили дѣйствительно на Окѣ съ самаго прихода своего въ Россію и что на Донѣ, какъ и вообще въ степи, изъ славянъ скитались среди кочевниковъ лишь отдѣльныя особи и небольшія кучки бродягъ, братавшихся съ азіатами (лѣтописные бродники).

2) Ни что основательное и вѣское не говоритъ противъ возможности даже постоянныхъ переселеній вятичей въ Ростовско-Суздальскую область съ самаго ихъ появленія въ Россіи. Напротивъ,—за дѣйствительное существованіе такихъ переселеній говоритъ многое, какъ-то: племянная и бытовая однородность финскаго населенія Оки, Которостли и средней Волги (особенно ея средней части), однородность природныхъ условій страны и условій существованія какъ въ Польшѣ, такъ на Окѣ и Которостли (лѣса); отсутствіе естественныхъ преградъ свободному передвиженію по ука-

[1]) Пол. собр. рус. лѣтоп., т. I, ст. 103. Жур. М. Н. Пр. 1900 г. О поученіи Вл. Мономаха. Н. В. Шляковъ, въ отт., ст. 9.

занному пространству; сравнительная свобода, независимость и извѣстное приволье жизни въ Ростовско-Суздальской области, особенно, послѣ изгнанія норманновъ и удаленія призванныхъ князей на Ю.; угнетенія, постоянное безпокойство вятичей на Окѣ сперва отъ степняковъ, а позже еще и отъ русскихъ князей; приверженность вятичей къ старинѣ, къ своимъ нравамъ и обычаямъ и ихъ упорное сопротивленіе нововведеніямъ, до христіанства включительно (ихъ отсталость, сохраненіе своихъ князей и пр.), побуждавшія ихъ съ начала къ напряженной борьбѣ съ просвѣтителями русскими, а потомъ, при ослабленіи отъ этой борьбы, къ переселеніямъ въ болѣе спокойныя мѣста, въ томъ числѣ и въ Ростовскую область; нѣкоторыя особенности говора Ярославской губерніи, объясняющіяся изъ нарѣчія жителей бывшей вятичской земли; данныя похоронаго снаряженія умершихъ, которыя, не имѣя рѣшающаго значенія, однако свидѣтельствуютъ очень опредѣленно, что въ Ростовской области въ IX и X в.в. господствовала норманская и частью финская промышленность, оставившая наибольшее количество слѣдовъ, а словянская была слабо развита, бѣдна и незначительна. Слѣдовательно эта промышленность не могла принадлежать болѣе развитымъ словянскимъ отдѣльностямъ. Въ XI в. замѣчается нѣкоторое преобладаніе промышленности верхней Волги («кривичской»). Но это преобладаніе можно, а по говорнымъ особенностямъ [1]) и должно объяснить лишь болѣе удобнымъ для товаро-обмѣна и болѣе коротким въ сравненіи съ Окою путемъ съ верховьевъ Волги къ центру области и меньшею предпріимчивостью и развитостью вятичей. Въ Ярославской губерніи есть (правда, немного) названія селеній и урочищъ отъ корня вят: с-цо Вятсково или Вятское, Романовскаго уѣзда, на р. Ити (верхней) [2]), древнее с. Вятское въ Даниловскомъ уѣздѣ [3]),—оба къ С. отъ Волги,—и пустошь Вятская въ

[1]) Западныя—«кривичскія» наблюдаются только на самомъ З. Ярославской губерніи.

[2]) Въ Введенскомъ приходѣ, отъ г. Данилова къ ЮЗ. верстахъ въ 25, а отъ с. Ивахова въ $1^1/_2$ вер. (карта Яр. губ. Каменскаго).

[3]) Въ южной части, отъ Волги къ С. верст. въ 20, средоточіе огородничества, прославившееся огурцами, лучшими въ губерніи, вывозимыми въ Вологодскую и Архангельскую губерніи.

Угличскомъ уѣздѣ. Названій, которыя могли бы напомнить имя кривичей, нынѣ въ губерніи не извѣстно. Такимъ образомъ, съ одной стороны нѣтъ основаній отвергать вятичское участіе въ первоначальномъ словянскомъ заселеніи Ярославской губерніи, а съ другой стороны есть данныя, которыя указываютъ на заселеніе этой губерніи и съ Ю. отъ вятичей.

Слѣдовательно въ первоначальномъ словянскомъ заселеніи Ярославской губерніи принимали главное участіе три словянскія отдѣльности: сѣверная или словенская, занимавшая первое мѣсто въ этомъ отношеніи, затѣмъ западная, позже прозванная кривичами, и южная или вятичская, принявшая участіе въ заселеніи нѣсколько позже предыдущихъ.

Такъ какъ это заселеніе началось очень рано, почти со времени появленія словянъ въ Россіи, когда мѣстныя особенности говоровъ еще только зарождались и намѣчались, то на площади нынѣшній Ярославской губерніи выработался и установился свой особый говоръ, особое нарѣчіе. Оно почти одинаково отличается отъ всѣхъ сосѣднихъ, сохраняя очень немного общихъ съ ними признаковъ.

И. Тихомировъ [1]).

---

[1]) Отчасти по спѣшности корректуры, отчасти по причинѣ выхода въ свѣтъ нѣкоторыхъ работъ уже послѣ прочтенія моего доклада я не могъ внести въ него нѣкоторыя необходимыя пополненія. Но такъ какъ они именно необходимыя, то нахожу настоятельнымъ присоединить ихъ къ моему докладу хотя вкратцѣ и хотя въ концѣ его въ видѣ примѣчаній.

Ростовъ. Гор. Ростовецъ упоминается въ письменности подъ 1071 г.: «воеваше половцы у Ростовьця и у Неятина»... Оба находились на р. Деснѣ, межъ Черниговомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ.

Одинъ изъ притоковъ рѣки Кіевской губерніи Роси или Россы назывался Ростовицей [1]).

---

[1]) Происхожденіе Руси. М. М. Тебеньковъ, ч. 1, 65.

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи существуетъ Ростовская волость (и общество).

Кривичи. Бѣляевъ и Иловайскій считали за кривичей новгородскихъ словенъ, Костомаровъ, судя по говору, принималъ кривичей за южныхъ словянъ (полянъ), Гильфердингъ — за балтійскихъ [1]). Слово «кривичи» обозначаетъ не племя, а церковь.

Варяги. І. Заозерскій [2]) думалъ, что принятый Ярославомъ I въ службу варяжскій князь Шимонъ, приведшій съ собою 3000 варяговъ и нѣсколько католическихъ священниковъ, былъ поселенъ въ Ростовской области. Въ подтвержденіе своей догадки Заозерскій указываетъ на дер. Шиманяху въ Ростовскомъ уѣздѣ, на пустошь Варягово на границѣ Ростовскаго, Угличскаго и Переяславскаго уѣздовъ и на то, что сынъ Шимона — Георгій въ 1130 г. былъ ростовскимъ тысяцкимъ, а въ 1155 г. уже намѣстникомъ Ростова. Не безъинтересны нѣкоторыя мысли Заозерскаго и о ростовскомъ епископѣ *Леонтіи*, убійство котораго онъ отвергаетъ и котораго считаетъ русскимъ [3]).

При сужденіяхъ о *заселеніи* средней Россіи и въ частности Ярославской губерніи очень полезно прочесть статьи А. А. Спицина (жур. М. Н. П. 1909 г. I), помѣщающаго въ IV в. по Р. Х. аланъ (оссовъ, яссовъ) на верхнемъ Донѣ у Волги и находящаго ихъ курганы IV — III в. до Р. Х. въ Воронежской губерніи на р. Битюгѣ; А. Л. Погодина (Извѣст. Имп. Ак. Н. 1911 г. № 9—10), увѣряющаго вмѣстѣ съ А. А. Шахматовымъ по I. Миккола, что западные и волжскіе финны, т. е. стало быть, и меря, встрѣтились съ словянами поздно, позже, чѣмъ съ иранами (скиѳо-сарматами), балтійцами (литво-латышами и пруссами) и германцами и что словяне не сосѣдили съ волжскими финнами ни на сѣверѣ, ни на западѣ; и А. И. Соболевскаго — «Древнѣйшее населеніе верхняго поволжья», поднимающаго въ своей брошюрѣ много интересныхъ вопросовъ.

---

[1]) Лекціи по рус. ист. С. Ѳ. Платоновъ, 102.

[2]) Яр. Епарх. Вѣд. 1888 г., ст. 653.

[3]) Тамъ же и 1880 г. 641. Поученіе Леонтія попамъ.—То же 1878 г. № 24.

Ярославскія городища.

Разсѣянныя по всей площади Россіи городищи и городки, являющіяся памятниками давно минувшей жизни различныхъ народовъ, обитавшихъ въ нашей странѣ, все еще возбуждаютъ споры относительно ихъ сущности и значенія. Одни, какъ Ходоковскій, принимаютъ ихъ за священныя мѣста язычества. Другіе,—и это болѣе распространенное мнѣніе,—за крѣпости. Третьи видятъ въ нихъ простые города и при томъ почти въ современномъ значеніи этого представленія. На XIV россійскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ (въ 1908 г.) Д. Я. Самоквасовъ прочиталъ докладъ «Сѣверянская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ», въ которомъ проводилъ послѣдній взглядъ [1]). Онъ утверждалъ, что русскіе словяне еще до Рюрика устраивались городами—общинами, а не семьями и вовсе не были «лѣсными звѣрями», имѣя свою образованность.

Работа Самоквасова, мнѣ кажется, не исчерпываетъ вопроса о россійскихъ городищахъ. Извѣстно, что городки были, изъ жившихъ въ Россіи народовъ, не у однихъ словянъ, что они отмѣчены и у финновъ на С. (кар'ы), и у степняковъ на Ю. (у казаровъ). Ни лѣтопись, ни изслѣдователи не отвергали огульно всякую образованность у словянъ, а нѣкоторые изъ нихъ лишь не допускали той степени этой образованности, которую приписывали ей другіе. Но до Самоквасова, насколько мнѣ извѣстно, дѣйствительно, ни кто не утверждалъ, что русскіе словяне уже до Рюрика жили городами—общинами. Да врядъ ли и можно это утверждать. Города—сооруженія были, города—княженія такъ же существовали, но города—общины если даже и были, то составляли весьма рѣдкое исключеніе. Во всякомъ случаѣ для выясненія вопроса о сущности и

---

[1]) «Новое Время» 1908 г. № 11643, ст. 3.

значеніи города у словянъ раскопокъ не достаточно и нужно обратиться къ показателю болѣе древнему, каковымъ является языкъ.

Слово «городъ» въ древности у словянъ и у другихъ арійцевъ употреблялось преимущественно въ краткогласіи, т. е. въ видѣ «градъ» или «гардъ». Но вмѣстѣ съ краткогласіемъ существовало и употреблялось и полногласіе, какъ слѣдуетъ изъ того, что корнемъ слова градъ является звуковое сложеніе гор—hor, обозначавшіе высокость, возвышанность, воздымаемость надъ уровнемъ, надъ плоскостью; разстояніе въ—верхъ; нагроможденность, тяжелое —грузное: лат. hora=высота солнца (звѣздъ) на небѣ, время дня, часъ; horreo=подыматься, становиться дыбомъ (щетиниться). Отсюда: гора [1])—обрывъ, откосъ, скатъ берега, уступъ, лат. gradus; горы —неровная, зубчатая или разсѣченная, уступчатая возвышенность; гора—пикъ, заостренная возвышанность; городокъ—зубецъ [2]). «Гора» —полногласіе, дающее краткогласіе—«гра». Отсюда лат. gradus= уступъ, обрывъ, ступень,—степень, поступь, шагъ; gradatio=приступокъ, лѣстница (рядъ уступовъ), ступень, постепенность (поступенность); gradior=ступать, идти, шествовать; фран. gradin= лавка—скамья (коею первоначально былъ уступъ или приступокъ изъ земли у стѣны землянки), полка въ видѣ лѣсенки, уступами; grade=степень, чинъ; graduel (англ. gradual)=постепенно. Отсюда же и рус. награда и наградить=возвысить—дать степень, званіе, чинъ, выдѣлить изъ остальныхъ, можетъ быть, дать въ управленіе городъ (нѣм. graduiren, фран. graduer=дать ученую степень, званіе). Затѣмъ: градить — городить = дѣлать гору, горой: словин. и серб. градити=обносить оградой, заборомъ [3]), строить, сооружать; оградить, огородить=окружить, обнести горою (валомъ), переносно—не

---

[1]) Болг. гора=гора, лѣсъ; чеш. hora=гора, лѣсъ; санскр. giris (вм. garis) зенд. gairis, мн. ч. gârajo=горы, лит. gira=гора, gire=лѣсъ; прус. garian дерево, алб. gur=скала; прус. goro=очагъ (каменка, очаги окружаются камнями, валикомъ изъ камней), лит. gorcius=огонь (перенесено съ очага, какъ съ горы на деревья—лѣсъ), лот. gars, ирск. gor=тепло пламя, огонь; горно=мѣсто для углей; гот. grumade=камень пограничный.

[2]) Вырубить, вырѣзать городками, оторочить городками=зубцами.

[3]) «Жив. Старина» 1902 г. вып. III—IV, 261.

допустить, предохранить; ограда—огорода=окружающая гора—валъ, заборъ; горбъ. Отъ того же корня гор. и слово городъ, ст.-слов. градъ, граждь=пристанище; словин. и серб. градъ=зáмокъ, словин. городъ=мѣсто; др. с. герм. gardr=градъ, готс. gards=дворъ, усадьба, домъ; лит. gardas=ограда, загонъ, овчарня; фран. garde=защита, охрана, стража, присмотръ (переносныя значенія); санск. ghardha, grha=домъ, алб. grazd=ясли (? стойло лот. zards, лит. zàrdis=пастбище, садъ; нѣм. garten, анг. garden, фран. jardin, лат. hortus=садъ.

Сравнивая другъ съ другомъ приведенныя слова, видишь, что ихъ краткогласный видъ (корневое краткогласіе) существовалъ уже въ общеарійскую пору и уже тогда имѣлъ разныя значенія. У латинскихъ народовъ gradus обозначало преимущественно уступъ, обрывъ, береговой и вообще горный скатъ, обозначавшіеся словянами полногласнымъ «гора», которое у латинцевъ въ видѣ hortus первоначально обозначало огороженное для предохраненія отъ потравъ мѣсто (какъ это видно изъ лот. gards и лит. zardis=пастбище), а позже спеціально садъ, овощникъ (огородъ). О въ корнѣ сохранилось только у словянъ и латиновъ; у остальныхъ выпало или смягчилось въ а. Принявъ къ свѣдѣнію, что у западныхъ арійцевъ для обозначенія горы-собственно (пика) и горныхъ хребтовъ сложились и вошли въ обиходъ другія слова (лат. mons, фран. mont, montagne, англ. moutain, mout, нѣм. и англ. berg) и что лат. gradus и слов. гора обозначаютъ горный уступъ и обрывъ, слѣдуетъ заключить, что и древ.-слов. градъ первоначально обозначало лишь возвышенный береговой уступъ, берегъ [1]). Но такъ какъ во всѣхъ арійскихъ языкахъ существуютъ слова отъ того же корня, обозначающія ограду и огражденное мѣсто (пастьбище, загонъ, овчарня, садъ, дворъ), то очевидно, что и слово градъ [2]) уже въ

---

[1]) Полногласіе отъ слов. брегъ и отъ герм. berg=гора. Ясно, что и у германцевъ представленіе гора—berg первоначально сосредоточивалось на береговомъ уступѣ или скатѣ—берегѣ. У словянъ корень этого слова совсѣмъ утратилъ представленіе о горѣ.

[2]) Считаемое Н. В. Горяевымъ (Срав. этим. словарь рус. яз.) почему-то взятымъ у нѣмцевъ.

общеарійскую пору обозначало, помимо горы, еще и огороженное мѣсто, т. е. мѣсто, обнесенное уступомъ, горою или по современному—валомъ. Иначе, что обозначеніе или названіе ограды—вала «градъ» тогда же перешло уже съ ограды на все сооруженіе—городъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что слова отъ гор—гар стали обозначать такія представленія, какъ домъ, дворъ, садъ, загонъ и пр., которыя сами по себѣ, безъ ихъ ограды (первоначально вала — «горы») рѣшительно ничѣмъ не напоминали ни уступа, ни горы и по тому, казалось бы, никакъ не могли бы подойти подъ названія, заключающія въ себѣ представленіе о возвышанности.

Съ значеніемъ ограды слово градъ—городъ заносится и на первыя страницы исторіи русскихъ словянъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ выдержекъ.

Кій въ началѣ IX в. [1]) «*сруби* градокъ малъ» на Дунаѣ [2]); Кіевы братья «*створиша* градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарѣкоша имя ему Кіевъ»... въ 945 г. «градъ же бѣ Кіевъ и-дѣ же есть нынѣ (XI в.) дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше *въ городѣ*, и-дѣ же есть нынѣ Воротиславль и Чюдинъ: а перевѣсище бѣ внѣ (въ не) града» (ст. 29). Владиміръ въ 988 г.—«нача *ставити* городы по Деснѣ и по Востри...» а по его примѣру—«поча *нарубати* (грады) мужѣ лучьшіѣ» (ст. 68). Въ 1078 г. Владиміръ Всеволодовичъ... «отвориша градъ *окольній*... людемъ же вбѣгшимъ въ дънѣшній градъ» (113) [3]) южно-переяславскій митрополитъ Ефремъ около 1089 г.... «и градъ бѣ *заложилъ* каменъ отъ церкве (была «на воротѣхъ городныхъ»)... и украси городъ переяславскый зданьи церковными и прочими зданьи» (118). Здѣсь «градъ»—ограда, «городъ»—окруженное ею мѣсто, названное переяславскимъ, изъ чего какъ будто бъ, слѣдуетъ, что Переяславлемъ звалась собственно лишь ограда—градъ. Это подтверждается примѣромъ Кіева. Подъ 1161 г.» Загорожено бяше столпіемъ отъ горы

[1]) Лонгиновъ. Запис. Одес. общ. ист. и древ., т. XXV, 442.

[2]) Лѣтоп. преп. Нестора по Лаврен. списку, ст. 5.

[3]) Донечный, данный, т. е. внутренній, находящійся въ глубинѣ окольнаго: и придоста дну въ печеру... (119).

(кіевскаго берегового откоса) о-ли до Днѣпра»... Это тотъ же «окольній» городъ, позднѣйшій посадъ. Подъ 977 г. «бяше чрезъ *гроблю* (отъ гребсти) мостъ ко *вратамъ городнымъ... и спехнуша* Ольга съ *мосту* въ *дебрь*» (40)... «и есть *ровъ* и до сего дне» (41); подъ 1097 г. Мстиславъ Святополковичъ—«ударенъ бысть... на *заборолѣхъ* сквозѣ доску (доску) скважнею» (156); «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на *забралѣ*... уныша бо *градомъ забралы*» [1]). Нынѣ это слово произносится—заборъ и обозначаетъ, какъ и въ старину, сплошную, не рѣшетчатую ограду, отдѣльно стоящую (не въ строеніи) стѣну; въ выпискахъ же оно примѣнено лишь къ верхней части города-ограды и при томъ рубленаго въ стѣну. 1097 г. «поступиша къ граду подъ *вежами*» (Лѣт. 156). Вежами до татарщины звались въ городѣ башни, какъ это видно изъ описанія волынской лѣтописи постройки г. Холма въ 1230 г.г. [2]) 955 г. «Премудрость на исходищихъ (исходищахъ) поется, на путехъ же деръзновенье водить, на *краихъ* (краяхъ) же *забральныхъ* проповѣдаеть, во вратѣхъ же градныхъ дерзающи глаголеть» (33)... «даю... городъ—*Романовъ-городокъ*... городъ Княжичи» (нынѣшнее село Мологскаго

---

[1]) Слово о полку Игоревѣ, пѣснь 10, 6.

[2]) Древности, т. IX, протоколы, 3. Вежа означала и означаетъ собственно остроконечный шатеръ, шалашъ. Бѣлор. вѣжа, лит. veza=башня, чеш. vez-e, польск. wieza, отъ везти, возить, лат. veheta=повозка, телѣга, vecero, veho=возить, носить, vegeo=двигать; вежа—переносный шалашъ кочевника. Почему это обозначеніе примѣнено къ башнѣ, неясно. Возможно, что на углахъ городовъ—валовъ, какъ на болѣе опасныхъ, съ двухъ сторонъ доступныхъ дѣйствіямъ непріятеля мѣстахъ, ставились первоначально настоящіе шалаши—шатры для защиты отъ стрѣлъ и непогоды; постепенно поднимаясь и расширяясь, они приняли позже видъ башень. Если же городовую башню словяне придумали не сами, а заимствовали, что, судя по отсутствію въ ихъ языкѣ особаго слова для обозначенія подобнаго сооруженія, кажется всего вѣрнѣе, то названіе вежа пріурочено къ ней по покрытію башенъ высокими остроконечными кровлями, донынѣ называемыми въ стройкѣ шатровыми или шатрами. У русскихъ было еще слово тура—башня (лат. turris=башня, тюрьма, греч. τύρρις=тюрьма), но это слово примѣнялось лишь къ шахматной башнѣ и, очевидно, заимствовано вмѣстѣ съ игрою.

уѣзда Княжичъ городокъ) [1]). Эта выдержка показываетъ, что наши предки еще въ XVI в. разумѣли подъ словомъ городокъ часть берега, обнесенную валомъ и рвомъ. Описывая взятіе г. Феллина въ 1560 г., кн. Курбскій сообщаетъ [2])... «разбихомъ *стѣны мѣскія* (мѣстскія, мѣстовыя, огораживавшія мѣсто, по эр. сп. города)... и абіе загорѣлося *мѣсто* (градъ)... обѣщвающе *градъ* и *мѣсто* поддати... И сице взятъ *градъ* и *мѣсто*, и огонь въ мѣстѣ угасихомъ. Егда жъ внидохомъ въ мѣсто въ градъ Феллинъ, тогда узрѣхомъ отъ мѣста стоящи еще три *вышеграды* (вышніе грады) и такъ крѣпки и отъ претвердыхъ камней сооружени... А въ самомъ градѣ вышнемъ не только церковь или полаты, или самъ городъ, но и кухня... толстыми оловянными дщицами были крыты»... Здѣсь слово градъ-городъ употребляется въ смыслѣ стѣны-ограды, а огороженная ею площадь зовется просто общимъ «мѣсто» [3]). Внутреннія укрѣпленія названы вышегородомъ, какъ бывшія выше другихъ

[1]) Духовная Ивана III, 1503 г. (Яр. Губ. Вѣдом. 1888 г. № 76).

[2]) По патріаршему списку начала XVII в., въ скобкахъ поставлены разночтенія по эрмитажному списку. Сказанія кн. Курбскаго, изд. 2 Н. Устряловъ, 1842 г. в. III, ст. 12).

[3]) Это свидѣтельствуетъ, что внутренняя площадь города не обращала на себя вниманія словянъ болѣе поздняго времени. Почему они и не выработали для нея особаго названія, не заимствовавъ его и отъ другихъ, какъ случилось для иныхъ частей города: рынокъ, базаръ, платцъ и пр. Чеш. misto, mesto, польск. miejsce, лит. mëstas=городъ, польск. przedmiescie=предмѣстье (это слово взято и въ рус. языкъ), м-рус. мисто; лит. misti, mitau, лот. mist, mitu=жить, питаться, зенд. maetha=жилище (кормовище), прус. mêstan=токъ, гумно, (accus). Горяевъ (Ср. эт. слов.) «мѣсто» считаетъ измѣненнымъ «мѣтто» и связываетъ съ «мѣта» (лат. meta=столбъ, граница; санск. methi, medhi, лот. mets=столбъ, колъ, др. с. герм. meidr=дерево, бревно, стволъ) и съ «мѣна» чрезъ лат. metiri, metior=мѣрять, собственно мѣтить,—отмѣчать длину, ширину и пр. Въ корнѣ слова мѣсто—ѣ, а ѣ=ai (лат. ae) и по произношенію было близко къ йа—ьа (откуда и названіе буквы ять, Этимологія древ. цер.-слов. и рус. яз. Е. Бѣлявскій, ст. 8). Кромѣ того «мѣсто»—краткогласье, въ полногласьи мѣсето, мѣсото—мѣсъто. Лат. mes=межъ,—mese, media, mediale=промежность, средина; messio=жнитво, жниво, жатва; meto, messus=жать. Такимъ образомъ первоначальное значеніе «мѣста»—пунктъ кормежки, сборный пунктъ—зародышъ осѣдлости.

частей; названіе же города пріурочено, какъ и въ Переяславлѣ (см. выше), къ граду-оградѣ, но не ко всему поселенію: внидохомъ въ мѣсто и въ *градъ Феллинъ*... У Курбскаго встрѣчаются выраженія: даде ему градъ на Москвѣ... (въ Московскомъ государствѣ)... вси сущіе въ градѣ... Это «градъ» тоже не нынѣшній городъ, а ограда.

Въ 1595 г. жители Пелыма писали царю Ѳедору Ивановичу, что у нихъ некому... «около города *ровъ* копати и *чеснокъ* бити» [1]).

Въ 1611 г. кн. Одоевскій съ товарищи взялъ посажённыя (съ сажени) деньги съ Коневскаго подворья «за *острогъ* и за чеснокъ, и за тарасы, и за мостовую подѣлку—за девять сажень» [2]).

Въ суздальской писцовой книгѣ 1612 г. [3])—«въ Суздалѣ—*на посадѣ въ острогѣ и за острогомъ*... семьдесятъ восемь дворовъ»... Здѣсь посадъ (старый) уже огороженъ, вошелъ въ городъ и за его стѣною развился вновь посадъ же (новый).

Въ льготной грамотѣ 1620 г. Калугѣ: «А *вышина городу*—рубленъ по кровлю трехъ сажень съ четвертью. *ширина* городу двѣ сажени безъ четверти, а *крыты* башни и *городъ* тесомъ»... Въ такой же грамотѣ и Калугѣ же 1622 г.: «въ *городовомъ* и въ *острожномъ* дѣлѣ и во всякихъ городовыхъ и острожныхъ подѣлкахъ»... [4]). Здѣсь подъ «городомъ» разумѣется стѣна, рубленная срубомъ, а подъ «острогомъ»—тынъ.

Въ указѣ царя 1640 г. кн. П. А. Хилкову: «...и каковы въ городѣ (Ярославлѣ) *для воды* учинены *тайники* и *колодези* и какова въ нихъ вода» [5]).

Въ челобитной игумена Троицкаго калязинскаго монастыря 1650 г... «у насъ, государь, *городъ свой около монастыря*,—ограда каменная и сторожи намъ надобно въ своемъ городѣ»...

Въ отпискѣ кашинскаго воеводы 1655 г.: «...и какими крѣ-

---

[1]) Описаніе Сибирскаго царства. Миллеръ. 1787 г. ст. 192.

[2]) Акты юрид. № 224. Дополненіе къ акт. истор. II, 255—164, IV, 29.

[3]) Владимірск. Губ. Вѣд. 1843 г. № 25, ст. 101.

[4]) Извѣстія Калужск. архивн. комиссіи 1899 г., в. III, ст. 12.

[5]) Архивъ Мин. Юст., 89 столбецъ Новгородск. стола, л. 96.

постьми городъ и острогъ укрѣпленъ, и есть-ли въ городѣ и острогѣ въ *тайникахъ* и *колодезяхъ* вода» [1]).

Въ челобитной пошехонскаго воеводы Дурново 1620 г.: «...а прежде сего въ томъ Княжичъ городкѣ бывалъ *городъ* и *осыпь*, и *ровъ*, и *тайникъ* въ Шексну рѣку знать; а въ осыпи была церковь» [2]).

Въ книгѣ Большому чертежу XVII в., въ описаніи ярославскаго Спасскаго монастыря: «...и келіи, и градъ все каменное, гораздо стройно»...

Котошихинъ писалъ, что для крѣпости городовъ въ XVII в. «копаны кругомъ (ихъ) глубокіе рвы и битъ деревянный *чеснокъ*, а въ иныхъ рвахъ пущена кругомъ вода... [3]). Какъ видно изъ выдержекъ, острогъ и чеснокъ—двѣ вещи разныя и объяснять честнокъ, какъ частоколъ изъ длинныхъ бревенъ съ заостренными концами, нельзя. Длинныя бревна да еще съ заостренными верхними концами вбивать неудобно и непрактично,—собьешь заостренія. Частоколъ съ острыми концами назывался острогомъ, который ясно отличался отъ чеснока: «за острогъ и за чеснокъ»... Легче можно согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, по которому честнокъ представляется часто-набитыми по дну рва кóлками, о которые должны были разбиваться и уродоваться воины непріятеля, сбиваемые со стѣнъ и опрокидываемые въ ровъ во время приступовъ. По крайней мѣрѣ Котошихинъ противопоставляетъ чесноку воду во рву. Однако нельзя не замѣтить, что такой чеснокъ-колки не могъ долго существовать, онъ долженъ былъ скоро гнить. Кромѣ того, что мѣшало непріятелю срубить или засыпать его ночью. Не вернѣе ли видѣть въ чеснокѣ сваи, вбивавшіяся для укрѣпленія откосовъ рва и вала, на оплываніе которыхъ такъ часты жалобы въ дошедшихъ до насъ бумагахъ. Замѣчу, что въ Костромской губерніи въ народномъ говорѣ слово чеснокъ до сихъ поръ обозначаетъ

---

[1]) Гор. Кашинъ. Матер. для его исторіи, собр. І, Я. Кункинымъ, ст. 47, 51.

[2]) Труды VII археол. съѣзда въ Ярославлѣ, т. II, 216.

[3]) Древности, т. IX, вып. 2 и 3, ст. 213.

«стулья» или отрѣзки бревенъ, вкапываемые въ землю подъ углы и стѣны деревянныхъ строеній.

Даже въ XVIII в. слово городъ еще не утратило своего первоначальнаго значенія. Въ расписномъ спискѣ Углича 1745 г. [1]) читаемъ: «Городъ Угличъ деревянной съ башнями, ветхой весьма и валъ, на коемъ построенъ, во многихъ мѣстахъ оплылъ...». На этомъ примѣрѣ хорошо видно, какое представленіе вкладывалось въ понятіе «городъ» и чему давалось въ городѣ прозвище или имя. Подъ городомъ разумѣлась ограда, стѣна и эта ограда получала названіе: «Ростовъ-градъ, Кіевъ-градъ, Переяславль[2])-градъ, Ярославль-градъ» и т. д., словомъ отыменное прозвище, произведенное отъ имени того, кто построилъ градъ—ограду или кто владѣлъ ею.

Городъ, осыпь, ровъ и тайникъ, да еще *церковь*—вотъ главныя, существенныя части или принадлежности города XVI и XVII в.в. Въ названіяхъ этихъ частей ясно и опредѣленно видны значеніе и исторія каждой изъ нихъ. «Городъ»—ограда, стѣна дѣлался или городильный «на стоякъ» (болѣе древній), или рубленый въ уголъ, иначе тынъ и стѣна собственно. Когда у стояковъ тына верхніе концы заострялись, тогда такой городъ назывался острогъ. Остроги —ограды были и частнаго значенія: «Дѣло по доношенію Угличской провинціальной канцеляріи Леон. Першникова объ утечкѣ содержащихся изъ *тюремнаго острога* колодниковъ» 1734 г. [3]).

«Осыпь», т. е. валъ первоначально представляла собою ни что иное, какъ осыпку землею концовъ бревенъ тына, стоявшихъ на почвѣ, для ихъ укрѣпленія.

«Ровъ» развился самъ собою изъ тѣхъ ямъ и канавъ, изъ которыхъ брали землю для осыпки тына.

---

[1]) Хранится въ историческомъ архивѣ Яр. архивн. комиссіи, л. 1.

[2]) «Переяславль» = Переяславлевъ, Переяславовъ. Судя по Ярославлю, слѣдуетъ думать, что Переяславль (южный) построенъ какимъ-то Переяславомъ или что Переяславъ былъ первымъ его владѣльцемъ. Вообще селенья, а города—ограды очень долго у словянъ не имѣли своихъ собственныхъ именъ; они прозывались по именамъ ихъ владѣльцевъ, какъ нынѣ дома, дворы и пр.

[3]) № 53, взято изъ Яр. окружн. суда въ 1907 г., хранится въ Яр. архивн. комиссіи.

«Тайникъ» нельзя принимать за потаённый скрытый выходъ къ рѣкѣ, въ ровъ или въ иное сравнительно безопасное или укрытое мѣсто на случай вылазокъ или бѣгства, такъ какъ изъ бумагъ ясно видно, что тайниками называли скрытое водоснабженіе города, а не выходъ изъ него. Кромѣ того при описаніяхъ осадъ городовъ нигдѣ не упоминается, чтобы спасались изъ русскихъ городовъ чрезъ тайные ходы. Впрочемъ обезпеченіе себѣ отступленія, но не изъ городовъ, а изъ жилищъ, отмѣчено у словянъ греками въ извѣстіяхъ о нихъ еще V, VI в.в. по Р. Х.

Городъ, какъ селеніе, былъ до XVII в. главною правительственно-земскою единицею, средоточіемъ, по которому называлась прилегавшая и тянувшая къ нему окружная страна, какъ наприм. Ростовская земля, Суздальская, Владимірская и т. д. Въ городѣ—крѣпости или дѣтинцѣ, въ кремлѣ [1]) даже еще въ XVIII в., какъ видно по переписнымъ книгамъ, жило обывателей очень не много [2]) и то больше изъ низшаго сословія, состоявшихъ въ услуженіи на должностяхъ сторожей, дворниковъ и т. п. Остальные жители были лица служилыя, правленскія,—воевода, иногда подъячіе, пушкари, священники и пр. Строеній было тоже сравнительно не много.

---

[1]) Впервые упоминается въ 1331 г. лѣтописью въ видѣ «кремникъ» и значитъ внутреннюю крѣпость, вышегородъ, акрополь или цитадель. Н. Строевъ. Я. Гротъ ведетъ это слово отъ крома—псковская цитадель, или отъ кромы=укромный, скрытный; Н. Карамзинъ отъ кремень=прочный, скалистый; А. Кубаревъ, М. Погодинъ отъ греческаго κρημνος=крутой (Костром. старина, в. VI, 92). Послѣднее производство наиболѣе правильное, о кремнѣ говорить нечего,—нелѣпость, а крома=край, окрайность, граница, предѣлъ (кромка, покромка) и съ кремлемъ не можетъ быть связана.

[2]) Макушевъ, изучавшій этотъ предметъ, говоритъ (Сказан. иностр., ст. 112, 116): не имѣя постояннаго населенія, города служили для ...жителей... убѣжищемъ въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Сюда сходились также для поклоненія и жертвоприношеній... и для общественныхъ дѣлъ. Отъ того въ городѣ не было другихъ построекъ, кромѣ храма... и княжескаго двора... Даже тамъ, гдѣ была развита обширная торговля, городъ оставался не застроенною крѣпостью, а около него лѣпились пригороды и слободы. См. еще Города Моск. государства въ XVI в. Н. Д. Чечулинъ, ст. 331 и др.

Въ Рубленомъ городѣ Ярославля и стройки, и жителей въ XVIII в. было меньше, чѣмъ въ настоящее время, не смотря на то, что нынѣ здѣсь много мѣста отведено подъ площадь, набережныя и проѣзды [1]).

Въ каждомъ дѣтинцѣ находилась церковь, присутственныя мѣста («избы»), воеводскій дворъ, тюрьма (пòрубъ) и государевы или царскіе кабаки. Затѣмъ монастырскія подворья или дворы, иногда дворы причта, боярскіе «осадные» (на случай осады) дворы и мелкихъ служащихъ. Въ главныхъ областныхъ городахъ на ряду съ воеводскимъ (ранѣе княжескимъ) находился еще владычный или архіерейскій, епископскій дворъ. Все остальное населеніе, составляющее нынѣ городское, размѣщалось на посадѣ и въ слободахъ, въ которыхъ и господствовала настоящая городская (въ нынѣшнемъ смыслѣ) торгово-промышленная и обывательская жизнь. Старая народная пѣсня такъ изображаетъ размѣщеніе жителей въ былыя времена:

Воеводы живутъ по уѣздамъ,
Какъ и старцы, игумены въ моностыряхъ,
Попы-то живутъ по погостамъ,
А старосты живутъ по волòстямъ,
Торговые люди по пасадамъ [2])...

На посадѣ были и торги, и лавки, и мастерскія, и заводы, поля и огороды, даже свои церкви. Посадъ, т. е. ближайшія окрестности города, поселеніе, расположенное около его стѣнъ, составлялъ часть города — селенья. За границами посадовъ начинался уже уѣздъ, селенія котораго ближайшія къ городу, позже нерѣдко входившія въ его черту и образовывавшіяся частью изъ выселенцевъ послѣдняго, частью изъ уѣздныхъ деревенскихъ выходцевъ-крестьянъ и изъ переселенцевъ изъ иныхъ мѣстъ, звались слободами, какъ населенныя (первоначально) свободными, добровольными пришельцами и людьми, пользовавшимися разными свободами или льготами. Всѣ эти раздѣленія опредѣленно выступаютъ въ письменности.

---

[1]) См. планъ Ярославля 1786 г., хранящійся въ Яр. архивн. ком. и переписную книгу Ярославля 1717 г.

[2]) Пѣсни рус. народа, собран. въ губ. Архан. и Олон. въ 1886 г., ст. 72.

Такъ наприм.: «и гòрода Костромы и Ярославля и иныхъ городовъ *посацкіе* и *уѣздные* всякіе люди»... [1]). Въ этой выдержкѣ ясно видна зависимость уѣзда отъ города: люди городовъ суть не только посадскіе, но и уѣздные. Кромѣ того въ ней опредѣленно же обособлены городъ, посадъ и уѣздъ: иныхъ городовъ посадскіе и уѣздные люди. Эти дѣленія и переходы еще рѣзче выступаютъ въ слѣдующей выдержкѣ: «сотскіе и пятидесятскіе переписывали (въ 1669 г.) въ *Ярославлѣ*: въ *городѣ* и за городомъ,—*на посадѣ* и по *слободамъ*»... [2]). Здѣсь ясно указано, что уже посадъ не считался городомъ и представлялъ изъ себя для современниковъ самостоятельную часть поселенья, особое населенное мѣсто съ городомъ не смѣшиваемое. Для обозначенія такого сложнаго поселенія ни у словянъ, ни у русскихъ до позднѣйшаго времени не существовало особаго слова. Лишь при сближеніи съ западными европейцами и при ознакомленіи съ ихъ понятіями и представленіями, т. е. съ XV в. обособлявшіяся до этого отдѣльныя части городскаго поселенія начинаютъ постепенно объединяться подъ общимъ названіемъ «городъ», распространяемымъ и на нихъ. Но въ народѣ, вмѣстѣ съ этимъ, держатся очень прочно и долго и старыя представленія. Они ослабѣваютъ при Петрѣ I, начавшемъ строить города по западному образцу; окончательно же исчезаютъ лишь при Екатеринѣ II, перестроившей многіе старые города по новымъ планамъ и тѣмъ уничтожившей вещественные признаки ихъ прежняго расположенія. Тѣмъ не менѣе старина живетъ еще въ названіяхъ. Въ Ярославлѣ, напримѣръ, и по сейчасъ существуютъ Толчковская слобода, Коровники, Тропино и Тверицы; даже жителей ихъ иногда еще называютъ слобожанами. Зато посадъ и даже слободы (ближайшія, подгородныя) обобщались съ городомъ въ одномъ общемъ наименованіи: въ Ярославлѣ,—въ городѣ, на посадѣ и по слободамъ, т. е. Ярославлемъ былъ уже и городъ (дѣтинецъ, кремль, огороженное мѣсто), и посадъ, и слободы, не смотря на то, что послѣднія имѣли и свои собственныя названія. Причина такого взгляда на городъ,

[1]) Дворцов. разр. т. I, ст. 1074.

[2]) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. архивѣ Мин. Юст. кн. IV, ст. 213—214.

какъ селенье, лежитъ въ исторіи развитія словяно-русскихъ поселеній. Это развитіе шло сперва вполнѣ обособленными путями, путемъ развитія города—ограды—крѣпости и путемъ развитія деревни,—простаго гражданскаго жилого поселенья. Основою собственно поселенья (постояннаго), его древнею, можетъ быть, исконною формою, уцѣлѣвшею до настоящаго дня, была *деревня* (деревеня), т. е. поселенье среди деревьевъ, въ лѣсу, а не городъ—крѣпость, не градъ—ограда [1]). О предпочтеніи, оказывавшемся словянами V—VI вв. лѣсамъ для своихъ поселеній, говорятъ греческіе писатели того времяни. Имп. Маврикій о русскихъ словянахъ сообщалъ: селятся въ неудобопроходимыхъ лѣсахъ и болотахъ, на такихъ же рѣкахъ и озерахъ. Іоаннъ Эфесскій: эти глупые люди, несмѣвшіе показаться внѣ лѣсовъ и въ нелѣсистыхъ мѣстностяхъ... Для русскихъ словянъ VIII—IX в. то же устанавливаетъ лѣтопись: «И радимичи, и вятичи, и сѣверъ... живяху въ лѣсѣ... поляне—сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ... надъ рѣкою Днѣпрьскою»... Даже города́ ставились ими въ лѣсахъ: «бяше около града (Кіева) лѣсъ и боръ великъ и бяху ловяща звѣрь» [2]). Искоростѣнъ стоялъ также въ лѣсу. Словяне селились въ лѣсахъ вовсе не изъ любви къ нимъ,—они прославились, какъ враги лѣса,—а въ видахъ безопастности. Лѣсъ исключаетъ возможность массоваго

---

[1]) Деревня вовсе не значитъ и не можетъ значить деревяннаго поселенья, поселенья выстроеннаго изъ дерева, какъ думаютъ и утверждаютъ нѣкоторые толкователи этого слова. Когда у словянъ появились деревни, тогда они кромѣ дерева не употребляли для жилищъ другого строительнаго матеріала. Древляне или деревляне назывались такъ, конечно, не потому, что были деревянными, а оттого, что жили среди деревьевъ, въ лѣсахъ. Н. В. Горяевъ (Словарь) производитъ «деревня» отъ драть, ссылаясь на настоящее время—деру и на Потебню. Но корень отъ драть не дер., а ор. (орать—пахать) и деревня первоначально не пахатная росчисть (дерба—ина, лит. dirva=пашня; дерть, дерюга=росчисть, доръ=пастбище), а поселокъ въ деревьяхъ, въ лѣсу, такъ какъ дерба, дерть, доръ связаны съ дёрнъ=трава, травяной слой (зеленый покровъ и корни), задерниться=заросли травой. При росчисткахъ нови этотъ слой снимаютъ, откуда дерть=росчисть.

[2]) Лѣтопись пр. Нестора... 6, 8, 4.

нападенія и даетъ много средствъ и способовъ скрыться и спрятаться. Но какъ частъ не былъ бы лѣсъ, онъ особенно, старый, рослый все же проходимъ. Поэтому, когда словянъ начали сильно безпокоить и въ лѣсахъ, тогда они придумали деревянный городъ. Первоначальная (еще у арійцевъ) ограда—огорода была, несомнѣнно земляная, т. е. валъ, т. к. огородить значитъ окружить горою. Такая земляная ограда, особенно, въ безлѣсныхъ мѣстахъ держалась долго. Ибрагимъ ибнъ Якубъ [1]) сообщалъ около 965 г. по Р. Х., что словяне (западные)—«строятъ большую часть своихъ крѣпостей такимъ образомъ. Идутъ къ лугамъ, обильнымъ водами и камышемъ (мокрымъ низинамъ) и обозначаютъ тамъ мѣсто круглое или четыре-угольное. смотря по величинѣ крѣпости и по формѣ, какую хотятъ ей придать. И выкапываютъ вокругъ его ровъ и выкопанную землю сваливаютъ въ валъ, укрѣпивши ее (уколотивъ, утрамбовавъ) досками и сваями (лопатами и толкачами—слегами) на подобіе битой земли (гуменнаго тока), пока стѣна (валъ, арабы знали стѣны глинобитныя и изъ сырца) не достигнетъ желаемой высоты. И отмѣряется тогда дверь (входъ вороты) съ какой стороны имъ угодно, а къ ней проходятъ по деревянному мосту» (чрезъ ровъ). Такимъ «болотнымъ» городомъ въ Ярославской губерніи былъ, межъ пр., Ростовъ, основанный не позже VIII в. по Р. Х. между двумя озерами,—Неро и другимъ (нынѣ болото) къ С. отъ него. Нѣсколько такихъ же, относящихся къ желѣзниковой курганной порѣ осмотрѣлъ и описалъ [2]) В. Г. Ляскоронскій по верхней и средней Сулѣ, главнымъ образомъ по р. Роменѣ въ Полтавской губерніи, гдѣ сидѣли сѣверяне. Только много спустя, когда такія ограды оказались плохою защитою и когда словяне принуждены были искать защиты въ лѣсахъ, ограда—градъ получила у нихъ значеніе деревяннаго забора. Въ Русской Правдѣ уже упоминается городникъ,—мастеръ дѣлать города или городьбу, т. е. ограды, но не вообще древодѣлъ—мастеръ по дереву, и не плот-

---

[1]) Извѣстія ал Бекри и др. авторовъ о Руси и словянахъ. А. А. Куникъ. Прилож. къ XXII т. Запис. Имп. Академіи наукъ, № 2.

[2]) Труды XI арх. съѣзда т. I, ст. 404.

никъ—мастеръ плотить, сплачивать, дѣлать плотно. Конечно города, т. е. огороженныя мѣста, начали дѣлать исключительно въ видахъ защиты (отъ кого и когда, все равно). Однако слово городъ хотя и пріобрѣло со временемъ значеніе мѣста защищеннаго, въ смыслѣ отгороженнаго, отдѣленнаго отъ окружающаго преградою, тѣмъ не менѣе прямо не обозначало «крѣпости» или «тверди», замка (отъ мыкать, замкнуть), т. е. укрѣпленнаго мѣста, а преимущественно лишь ограду. Представленіе о крѣпости и самая крѣпость развились самостоятельно, независимо отъ города. Греки сообщали, что словяне V—VI в. по Р. Х. спасались отъ непріятеля въ лѣсахъ и болотахъ, среди топей. Эти, самой природой укрѣпленныя мѣста, особенно же лѣсныя чащи, до сихъ поръ удержали въ народѣ названіе «*крѣпей*» и «*крѣпкихъ мѣстъ*», т. е. крѣпостей. И крѣпости еще въ XVI в. назывались именно крѣпями, какъ видно изъ слѣдующей выдержки: «Синбирской городъ и иные городы и *крѣпи* по чертѣ построены» [1]).

Что же представляли собою подобныя крѣпости въ началѣ? Естественнѣе всего думать, что подобіе природнымъ крѣпямъ нѣсколько усовершенствованнымъ. Словянинъ зналъ по опыту и по наблюденію надъ животными, что лѣсъ представляетъ довольно хорошее убѣжище для преслѣдуемаго. Онъ видѣлъ, что чѣмъ чаще лѣсъ, тѣмъ труднѣе врагу добраться до скрывшагося въ немъ и тѣмъ труднѣе ему дѣйствовать тамъ. Сообразивъ это, но не располагая вблизи подходящею чащею, не мудрено было дойти до мысли воспроизвести такую чащу искусственно, поставивъ между растущими деревьями срубленные стволы, т. е. устроивъ *тынъ*. Тынъ является ничѣмъ инымъ, какъ подражаніемъ или искусственнымъ воспроизведеніемъ естественнаго явленія, а именно деревьевъ лѣса, стоящихъ «стѣною», которыя и послужили образчикомъ или прообразомъ тына [2]), острога, огорода и пр. Сказанное подтверждается малороссійскимъ стинка=лѣсокъ, лат. stena=тѣсные

---

[1]) Извѣст. общ. арх. ист. и этн. т. XII, ст. 474.

[2]) Ислан. tun=дворъ, др.=саксон. и англ.-саксон. tun=ограда, англ. town=городъ.

проходы [1]) и значеніемъ корня слова «стѣна». Этотъ корень заключенъ цѣликомъ въ словѣ тѣнь—стѣнь [2]), находящемся въ непосредственной связи съ лат. tenebra=темь, темнота, мракъ, слѣпота, tenebro=темнить, помрачать, tenus=тенеты, сѣть, силокъ, бичевка. Такимъ образомъ развитіе (предполагаемое мною) крѣпостной стѣны шло независимымъ отъ земляного города путемъ. Основное значеніе слова стѣна (=затѣняющая, «заступающая») говоритъ о томъ, что стѣна была первоначально изгородью, рѣшеткою и что крѣпостныя стѣны, разъ онѣ развились указаннымъ здѣсь путемъ, не должны были называться стѣнами, т. к. были болѣе или менѣе плотными. И дѣйствительно дошедшія до насъ древнія словянскія извѣстія обозначаютъ крѣпостную стѣну словомъ городъ, острогъ, тынъ. Послѣднее слово до сихъ поръ обозначаетъ именно тотъ видъ ограды, который былъ пріуроченъ древней крѣпостной стѣнѣ, т. е. стѣну

---

[1]) Это слово въ латинскомъ языкѣ стоитъ одиноко, безъ производныхъ, видимо какъ случайно уцѣлѣвшій откликъ далекой древности, такъ какъ не можетъ быть принято за заимствованіе.

[2]) Исходной точкой служило, кажется, представленіе утонять растягиваньемъ, чрезъ вытягиванье: рус. тонкій, тонить, утонять, тѣнятó—паутина, лат. tenuo=тонить, утонять (тянуть, растягивать до тонкости) tener=тонкій, нѣжный, мягкій (наше «тонкій голосъ»), tenuis=тонкій, tentigo=натягиванье, вытягиванье, tento=надавливать, щупать, трóнуть, коснуться, tendo, tensus=тянуть, протягивать, простирать. Отсюда tenus=бичевка, нитка, (вытянутое, тонкое, первоначально вытянутая кишка—струна) тенёты—сѣть, т. е. переплетеніе нитокъ и тѣнятó—паутина. Тѣнёты и тѣнятó съ одной стороны затѣняютъ, т. е. слегка темнятъ, помрачаютъ, съ другой задерживаютъ попадающее въ нихъ. Отсюда: тѣнь, затѣнять, стѣна (затѣняющая), зáстить, чеш. zastin=стѣнь, тѣнь и teneo=удерживать, хранить, защищать, владѣть, взять, держать. Въ связи со стѣна стоитъ, кажется, лат. temo=жердь, перекладина, изъ коихъ дѣлались первоначально стѣны. Горяевъ считаетъ, что стѣнь вмѣсто скѣнь, ссылаясь на санскр. chaja изъ çcaja, греч. σκιά изъ σκᾶιή=темный σκότος=темнота, др. вер. нѣм. scimo, ср. в. нѣм. scheme=тѣнь (параллельнѣе—темь), др. в. нѣм. scato, гот. skadus=тѣнь. Онъ приводитъ въ параллель также стѣна—stein, гот. stains, англ.-сак. stan, англ. stone, др. сѣв. stein, греч. στία=камень, голышъ, связанныя съ стать (стоять)—греч. στήμεναι=стоять, др. и ср. вер. нѣм. sten, нѣм. stehen=стоять и пр.

изъ бревенъ, врытыхъ въ землю на стоякъ. Въ словянскомъ, древнесаксонскомъ и англо-саксонскомъ языкахъ это слово (tun) обозначало только ограду. Но исланд. tun, кельт. dun=дворъ, чеш. tyn=закрытый торговый дворъ [1]) и англ. town=городъ опредѣленно подсказываютъ, чѣмъ былъ тынъ еще у арійцевъ, а именно оградою, стѣною двора. Чѣмъ же былъ первоначальный арійскій дворъ [2]), судить трудно. Если вѣрно сопоставленіе «дворъ» съ «дверь» (двёрка) [3]), тогда, на основаніи латинскихъ divortium=проходъ, ущелье, вороты, divertor=заѣхать на постой, свернуть съ дороги, diversorium=постоялый дворъ и пр., можно думать, что въ словахъ дверь и дворъ д не коренное, а приставное, сокращенное di de=съ, отъ и пр., т. е. что корнемъ этихъ словъ будетъ вор. Этотъ же корень значитъ жрать (грать), жадно и шумно, съ удовольствіемъ ѣсть, глотать усиленно, какъ слѣдуетъ изъ областного (ярославскаго) ворызгать и лат. voro=жрать, шумно, жадно ѣсть, voratrina=харчевня (пропасть, разсѣдина). Откуда дворъ = мѣсто ѣды, и, послѣ ѣды, отдыха логово, лежка [4]). Извѣстно, что даже у нѣкоторыхъ дикихъ бродячихъ животныхъ имѣются болѣе или менѣе постоянныя и опредѣленныя мѣста трапезъ и сна, на которыя они и приносятъ свою добычу.

---

[1]) Ю. Липпертъ. Исторія культуры въ отд. очер., ст. 248.

[2]) Въ полногласіи диворъ, деворъ, доворъ, чеш. dvur, серб. дворити=служить, санскр. dvara, зенд. dvara=дворецъ, дворъ, лит. dvãras=дворъ.

[3]) Ст.-слов. двьръ — дверь—двёрка, чеш. dvere, dvirka, drvi, полногласіе диверь, деверь, санскр. dvar dur, прус. dauris, лит. duris, др. в. нѣм. turi, нѣм. thür=дверь; гот. daur, др. в. нѣм. tor, нѣм. thor, исл. dyr=вороты (послѣднее можетъ быть отъ драть—дирать въ смыслѣ разрыва, дыры, отверстія), лат. dirimo=разрывать, прерывать, отдѣлять, diruo=разрушать, разламывать, дѣлать дыру, разрывъ; ст. слов. дира, дѣра, м.-рус. дира, дюра, чеш. dira, derado=сдирать, соскрести, соскоблить. Вороты ст.-слов. врата, серб. врата, чеш. vrata, польск. wrota. Миклошичъ связываетъ эти слова съ врѣти, но вороты, и воротъ ближе связать съ ворочать, вертѣть,—лат. verto, vorto, ибо di-vortium=тѣсный проходъ, ущелье.

[4]) Т. е., к. и «мѣсто» (ст. 190). Отсюда же, можетъ быть и воръ—хищникъ: областное верать=совать руку въ... серб. верати=прятать, польск. wor=мѣшокъ, лит. vérti=всовывать, втыкать, вдѣвать; лот. veru, vert, веретье, ст.-слов. врѣтиште, врѣшта=мѣшокъ, польск. wereta, чеш. vrece, м.-рус. верета=мѣшочекъ, рус. веретъ=нарывъ, волдырь; лат. vereri=опасаться, бояться,

И такъ крѣпостная стѣна—тынъ первоначально возникла кругомъ двора. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что дворъ является зародышемъ поселенья въ нынѣшнемъ пониманіи этого слова. Т. е. не жи́ла только, которымъ можетъ быть и пещера, и яма, и шалашъ, но именно поселенія и зачаткомъ поземельной собственности. Ю. Липпертъ (ст. 248) выводитъ дворъ изъ пастбища, а осѣдлость изъ кочеванья въ непосредственной преемственности перваго изъ второго. Съ этимъ можно согласиться только при томъ условіи, если за кочевничанье принять и охотничье бродяжничество, что едва ли можно. Самъ Липпертъ не подразумѣваетъ этого, такъ какъ говоритъ не о лѣсѣ, полѣ и водахъ, а о пастбищахъ и о ихъ присвоеніи и укрѣпленіи за даннымъ лицомъ (юридическимъ). Но настоящій кочевникъ—скотоводъ, развѣ за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, по доброй волѣ не переходитъ къ осѣдлости, т. к. во всемъ строѣ его жизни нѣтъ къ такому переходу никакихъ побудительныхъ началъ. Когда же кочевникъ осѣдаетъ на мѣсто по неволѣ, вынужденный къ тому обстоятельствами, тогда онъ воспринимаетъ готовыя формы своего новаго способа обитанія, заимствуя ихъ у сосѣдей (побѣжденныхъ или побѣдившихъ) уже выработанными и установленными до него. Даже уже осѣвъ на мѣсто, кочевникъ еще долго не заводитъ двора,—ограда его давитъ и душитъ, какъ тюремный острогъ. Вообще осѣдлость далъ охотникъ за зерномъ, корнями и плодами, охотникъ преимущественно за растительнымъ, а не за животнымъ царствомъ. Послѣдній, особенно же охотникъ за стадными животными, въ своихъ преслѣдованіяхъ ихъ, кочуя вмѣстѣ съ ними вездѣ и всегда во 1) самъ превращался въ кочевника, во 2) мало по малу, рядомъ цѣлыхъ поколѣній постепенно превращалъ дикихъ животныхъ въ полудико-домашнихъ или, точнѣе, прирученныхъ. Дикое животное (особенно молодое), видя всегда вблизи себя человѣка, бродившаго около его стадъ, загонявшаго его въ засады и

др. в. нѣм. weren, werian, нѣм. wehren=охранять, не допускать, нѣм. wehren=беречь, лит. vérti atvérti=отворить, отвернуть, ст.-слов. врѣти, вьрѫ=верея, древ. верѣя (claudere, ligare, claudo=запереть, замкнуть, заключить, заградить, окружить), чеш. vereje=створъ, дверной замокъ; отворить, вороты, вертѣть, воротить—вратить, отвратить=предохранить, обл. приворотить=принести, наворотить=накласть, насыпать, налить, прибить много.

ямы, т. е. уже пасшаго его, невольно и незамѣтно свыкалось съ его присутствіемъ, а затѣмъ начинало покоряться и слушаться своихъ пастырей. Часть стада или табуна, съ большимъ трудомъ отдѣленная кучкою людей отъ остального гурта и его вожака, отгонялась по возможности дальше отъ нихъ и тщательно охранялась какъ отъ сторонняго преслѣдованія, такъ и отъ ея попытокъ соединиться съ гуртомъ. Лишившись вожака, отогнанныя животныя, благодаря своей растерянности, легче поддавались воздѣйствію на нихъ человѣка, а онъ,—вынужденный охранять свою добычу, неумышленно и незамѣтно превращался въ ихъ пастуха—владѣльца.

Дворъ легъ въ основу всѣхъ русско-славянскихъ поселеній и донынѣ представляетъ осѣдлость отдѣльной семьи, иногда рода (въ деревнѣ, у народа). Трудно рѣшить вопросъ,—какъ жило большинство русскихъ словянъ—отдѣльными-ли дворами, или ихъ совокупностью—селеньями. Въ сказаніи о Кіѣ сообщается, что три брата и сестра жили по отдѣльности, каждый на своемъ особомъ мѣстѣ; но общими усиліями соорудили для общей же надобности одинъ общій городъ, въ которомъ позже сосредоточилось правленіе—княженье. Про полянъ повѣствуется также, что—«живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ», а про вятичей, радимичей и сѣверянъ: «живяху въ лѣсѣ... игрища (бываху) межю *селы*»[1]), т. е. что у нихъ, судя по нынѣшнему, были уже селенья—селы. Однако, что значитъ слово село, малорос. село, чеш. selo, польск. siotlo? Его происхожденіе еще не выяснено (Горяевъ, Словарь); производство отъ сѣсть основательно отвергнуто, какъ и сопоставленіе (Фик'омъ) съ лат. solum=почва, земля, поле воздѣланное, страна, нѣм. saal=домъ, жилье (собственно зало—мѣсто собраній), гот. salihtva = жилище (вѣрнѣе, селитьба). Послѣднія сопоставленія отвергнуты на основаніи того, что указанныя въ нихъ слова не согласуются съ лит. salis (шалисъ) = страна, край, съ которымъ, будто бы, связано первоначальное значеніе слова село, какъ поля, страны. Однако, такое значеніе, выведенное на основаніи выраженій «кринъ сельній», т. е.,—будто-бы, кринъ полевой и «проселокъ»,—будто бы, путь полями (Горяевъ), сомнительно. Во 1) лит. salis (ша-

[1]) Лѣт. пр. Нест. стр. 4, 6.

лисъ) параллельно рус. шалашъ. Во 2) кринъ сельній можно безъ всякой натяжки понимать въ прямомъ нынѣшнемъ значеніи—деревенскій. Въ 3) проселокъ вовсе не обозначаетъ дороги исключительно по полямъ, а всякую второстепенную мѣстнаго значенія дорогу между отдѣльными селеньями (про-селокъ, какъ про-токъ, проходъ, про-ѣздъ, про-боръ и пр.) независимо отъ того, по какой поверхности она пролегаетъ; дорогу недѣланную, а проложенную ѣздою по полямъ, лѣсамъ, болотамъ, горамъ и т. д. Въ 4) выраженіе «игрища межю селы» при такомъ толкованіи получаетъ странный смыслъ: между странами, полями. Мнѣ кажется, что основной смыслъ слова село хорошо выясняется современнымъ пониманіемъ этого слова. Село—это средоточіе, главнымъ образомъ, вѣровое окружающихъ его селеній, ихъ приходъ. До сихъ поръ отличительнымъ признакомъ села является его храмъ. То же значеніе средоточія, центра указывается для села во всѣхъ средневѣковыхъ бумагахъ, въ которыхъ село упоминается почти всегда съ его деревнями (дано ему село Красное съ деревнями). Въ переписяхъ во всѣхъ селахъ указываются ихъ церкви. Переписныя книги знаютъ села съ приселками [1]), о которыхъ упоминаетъ и былина, сопоставляющая ихъ съ пригородами. Владиміръ спрашиваетъ Соловья Будиміровича:

Города-ли тебѣ надо съ пригородами,
Или села тебѣ надо съ приселками [2])?..

Являясь вѣровымъ средоточіемъ округа, село, однако, далеко не всегда служитъ мѣстомъ пребыванія гражданской власти, т. е. не всегда было и бываетъ волостью [3]). Древняя пѣсня повѣствуетъ, что

... Цари царствуютъ по царствамъ...
А старосты живутъ по волостямъ [4]).

---

[1]) Книга переписная Рыбинскихъ, Аносовскихъ и Балабановскихъ присельевъ 1709 г., въ архивѣ Яросл. арх. комиссіи, пріемн. № 12, то же № 40.

[2]) Жив. стар. 1906 г., в. III, отд. II, ст. 125.

[3]) Подъ 1078 Повѣсти вр. лѣтъ: не желая больше волости ни (не и) имѣнья болши... и волость ихъ отимемъ (Поуч. Вл. Моном.); 1214 г. А се, княже, волости новгородьскые: Волокъ... Повоеваше волость Борокъ Ивановыхъ дѣтей Васильевича—1417 г. (Новгор. лѣт., I.).

[4]) Пѣсни рус. народа... ст. 72.

О вѣровомъ же значеніи села и въ глубокой древности говоритъ лѣтопись: браци не бываху въ нихъ (у нихъ), но игрища межю селы. Схожахуся на игрища (урочища для игръ) на плясанье и на вся бѣсовская игрища (игры) и ту умыкаху жены собѣ [1]). Я уже указывалъ [2]), что мѣста или урочища для подобныхъ, несомнѣнно, обрядовыхъ (чисто увеселительныхъ не было) плясаній и игръ, до сихъ поръ сохранившія за собою названія игрищъ, занимали иногда весьма значительныя пространства и до сего дня располагаются «межю селы». Если къ сказанному прибавить, что лат. celebro = праздновать, торжествовать, славить celebratio (и solenne) = празднество, торжество, обрядъ, обычай, selebritas = большое собраніе, стеченіе народа (на праздникъ) славленіе, слава (и, пожалуй, seligo=выбирать, избирать, отбирать, sella=стулъ, кресло, тронъ для выборныхъ), то древнее, даже начальное значеніе слова село выяснится вполнѣ опредѣленно. Село обозначало не страну, не почву и не поле, а вѣровую, религіозную осѣдлость, храмъ (хотя бы даже въ его зародышѣ—жертвенникѣ и хотя бы послѣдній былъ просто лишь опредѣленнымъ мѣстомъ земной поверхности, не въ этомъ дѣло) и селеніе около его, образовывавшееся изъ жилищъ жрецовъ, общественныхъ сооруженій (нѣм. saal=зало,—мѣсто народныхъ собраній и ихъ засѣданій, жилище, домъ родоначальника) и т. п. Въ такія поселенья народъ сходился для молитвъ и праздниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для отправленія своихъ общественныхъ дѣлъ съ благословенія боговъ и по ихъ указаніямъ (гаданью). Обычай начинать всякое дѣло молитвой и совѣтомъ съ божествомъ живетъ у русскихъ до сихъ поръ и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣченъ для балтійскихъ словянъ еще въ XII в. [3]). Такимъ образомъ село нельзя считать за обычный, общій видъ поселеній русскихъ словянъ. Оно, какъ и городъ, составляло у нихъ особое, исключительное поселеніе, назначенное для нуждъ не повседневной жизни, а лишь для ея выдающихся случаевъ. Кромѣ города и села на первыхъ страницахъ

---

[1]) Лѣт. пр. Нест. ст. 6.

[2]) Труды II обл. Тверского археол. съѣзда, отд. I, ст. 222.

[3]) Въ г. Арконѣ на остр. Руянѣ. Божества древ. словянъ... А. С. Фаминцинъ, т. I, ст. 23, 48.

лѣтописи не упоминается другихъ названій для селеній; «деревня» впервые упоминается лишь подъ 1096 г. [1]). Разумѣется, это не значитъ, что деревень не было до указаннаго времени; онѣ были и много ранѣе. Но ихъ было не много, сами онѣ были не велики еще въ XVI в. въ 2—3 двора [2]) и стояли далеко отъ той жизни, которою интересовались составители лѣтописей. Да и селились больше отдѣльными дворами, ибо и жили не общинами, а семьями и родами. Въ Панд. Ант. XI в.—«скончавается душа моя въ *дворы* твоя, Господи... И *княжение* мое приметъ инъ, и въ *дворѣхъ* моихъ не будетъ живущаго (Іак. Бор., гл. 83)... *дворы пожилые* платятъ *въ полѣхъ* за дворъ рубль, а *въ лѣсѣхъ*—полтина» (Суд. 1497 г.) [3]). Вотъ около такихъ-то дворовъ «въ лѣсѣхъ» и возникъ первоначально тынъ, крѣпь, крѣпость. Липшертъ указываетъ (ст. 249, 252) на существованіе (и теперь еще) у западныхъ словянъ круговыхъ или круглыхъ деревень, т. е. съ жилищами, расположенными по кругу задними стѣнами къ внѣ, а передними во внутръ круга на свободную площадь. Онѣ представляютъ собою нѣчто вродѣ круглыхъ укрѣпленій съ изгородью между домами, если послѣдніе не плотно примыкаютъ другъ къ другу (ю.-африканскій крааль или коралъ). Въ Россіи извѣстны круглыя городищи, видимо, и древній Ростовъ представлялъ собою круглый городъ, но о существованіи круглыхъ деревень трудно сказать что нибудь положительное. Нѣтъ никакихъ ясныхъ воспоминаній о нихъ ни въ названіяхъ видовъ селеній и ихъ частей, ни въ ихъ расположеніи. Основной, исконной частью русской деревни является улица [4]), названіе которой у русскихъ, кажется, никогда не обозначало ни двора, ни площади, а всегда пролегающую вдоль прямой, болѣе или менѣе, линіи дворовъ дорогу, въ древности, съ конопъ на ея окончаніи, за деревнею. Въ старинной пѣснѣ поется:

Какъ изъ улицы въ *конецъ*
Шелъ удалый молодецъ,

[1]) Нов. врем. лѣтъ подъ 1096 г.: въжгоша Стефанечь монастырь и деревне.

[2]) Н. Д. Чечулинъ. Города Моск. государства въ XVI в. ст. 309—311.

[3]) Матеріалы для словаря др.-рус. языка. И. И. Срезневскій.

[4]) Серб. улица=дворъ, лит. ulice, лот. ulica, olnice=мощеная дорога, лат. aula, греч. αὐλής=дворъ, проходъ.

Ой Дунай ли, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай.

Домовые выходы въ русской деревнѣ располагаются также не на улицу, а въ переулокъ, т. е. не въ передней стѣнѣ, а въ боковой, что не говоритъ за круговое расположеніе домовъ. Судя по латинскому, греческому и сербскому значеніямъ слова «улица» и соотвѣтствующихъ ему, можно думать, что круглыя деревни (аулы) были у словянъ лишь въ обще-арійскую пору, при раздѣленіи же словянъ у нѣкоторыхъ ихъ отдѣльностей такія деревни уже вымирали, если не вымерли окончательно. За нѣкоторое напоминаніе круглыхъ деревень у русскихъ словянъ можно принять лишь одно обозначеніе—«стогны», «стегна». По крайней мѣрѣ нѣкоторыя выраженія, какъ будто, допускаютъ это, наприм... въ «стьгнахъ», «въ вьсѣхъ...» (Изборн. 1073 г. л. 169).... «не вструби предъ собою... въ сборищіихъ и въ стьгнахъ» (Остр. еван. Мат. VI, 2)... «изиди скоро на распутія и стьгны граду» (тоже, Лук. XIV)... «сълучися воеводѣ мимо ити сквозѣ стегны дому ею (Мин. чет. февр. Марѳ. и Мар.)... «ведуть й по стьгнамъ въ бою» (XI в. Гр. Наз. 145)[1]). Въ этихъ выраженіяхъ стогны обозначаютъ площади [2]), а въ первой даже прямо противо-поставляются весямъ, т. е. селеньямъ. Кромѣ того передъ словомъ стогны ставится предлогъ въ, который не ставится передъ словомъ площадь и рѣдко передъ словомъ улица (больше передъ множественнымъ числомъ: въ улицахъ). Передъ этими словами обыкновенно употребляется предлогъ на, какъ передъ понятіями о поверхности. Слѣдовательно, если передъ «стогны» ставили въ, то они представляли собою особыя площади, напоминавшія помѣщенья, жилье, т. е. площади, и при томъ небольшія, обнесенныя оградой или жильями, въ силу чего проникнуть можно было не *на* нихъ, а лишь *въ* нихъ. Первоначальное значеніе слова стогны говоритъ за то же. Слово стогно, стегна происходитъ, всего вѣроятнѣе, отъ тянуть, тягать (тяга, туга, тяжба), ст.-слов. ТАГНѢТИ (=тенгнонти) м.-рус. сутужено=тяжко, лит. stengti=

[1]) Срезневскій.

[2]) «Площадь» появляется въ письменности впервые лишь съ XV в. Въ библ. 1499 г. (Іер. IX, 22)... «отъ площади... на площадехъ».

нести тяжесть, stingti=стягиваться, свертываться. лот. stingt=тугимъ, твердымъ быть, крѣпнуть. Отсюда и стягъ (стягивающій собирающій къ одному мѣсту), ст.-слов. стѣгъ, ислан. stiak, stöng, др.-швед. stang, нѣм. stange, staken, лот. stega, анг.-сакс. staca, итал. stacca и пр.=колъ, шестъ, стебель, знамя, бедро—ляжка. А также областное стегать и тека́ть, м.-рос. тэка́ть=бѣжать. Изъ приведенныхъ словъ видно, что стегна—стогно было первоначально мѣстомъ народныхъ собраній. Такія мѣста не были сперва пріурочены къ какой либо опредѣленной постоянной точкѣ, почему всякій разъ и обозначались особымъ знакомъ,—шестомъ съ какимъ нибудь сигналомъ на немъ,—пучкомъ травы и т. п. Изъ этихъ сигнальныхъ шестовъ развились со временемъ стяги знамена, а мѣста, на которыхъ они выставлялись, пріобрѣли названіе стёгновъ или стогновъ, т. е. сборниковъ или сходбищъ, какъ являвшіяся мѣстами, на которыя стекались, къ которымъ стягивались люди изъ окрестностей. Когда появились круглыя оградныя поселенія—аулы, сходки стали собираться на ихъ внутренней площади, на которую перешло и старое названіе сборнаго мѣста—стогно, можетъ быть, вмѣстѣ со стягомъ, которому всякая народная или племенная отдѣльность присвоила свой особый знакъ—сигналъ, превратившійся въ флагъ знамени и прапора. Липпертъ (ст. 249) думаетъ, что храмъ,—жилище бога отца данной отдѣльности,—среди такого селенья развился изъ дома (зала) старѣйшины, т. е. отца-же--господина---жреца этой отдѣльности, въ которомъ происходили собранія. Однако храмъ могъ развиться и изъ ограды, охранявшей идола, замѣнившаго собою стягъ, на которомъ у многихъ племенъ изображались именно боги-покровители въ качествѣ сигнала или знака [1]). Такимъ образомъ разборъ данныхъ, касающихся круговыхъ деревень свидѣтельствуетъ о бытіи круговыхъ селеній не столько у словянъ, сколько у ихъ предковъ—арійцевъ. Возможно даже, что западные словяне заимствовали ихъ у кого либо изъ сосѣдей и притомъ не рано, такъ какъ ни у чеховъ, ни у поляковъ, ни у русскихъ улица не обозначала двора, стало быть и не была дворомъ, а дорогой. За отсутствіе же круглыхъ поселеній у русскихъ словянъ говоритъ еще то, что ихъ

[1]) Труды III обл. ист.-арх. съѣзда. О нѣкот. яросл. гербахъ, ст. 7—8.

сходки—вѣча происходили въ городахъ, сооруженіяхъ отличныхъ отъ жилыхъ поселеній—деревень и дворовъ. Въ итогѣ изложеннаго остается тотъ выводъ, что основнымъ жилымъ поселеніемъ русскихъ словянъ былъ дворъ въ лѣсу, около котораго возникъ и развился тынъ, будущая крѣпостная стѣна.

Когда укрѣплялась часть лѣса, т. е. когда крѣпь — крѣпость дѣлалась изъ живой стѣны деревьевъ чрезъ уплотненіе ея вставными между растущими деревьями бревнами, тогда послѣднія едвали глубоко вкапывались въ землю, такъ какъ этому мѣшали корни сосѣднихъ съ вкапываемыми деревьевъ. Вѣрнѣе думать, что бревна ставились въ мелкія ямы, часто просто на землю и ихъ нижніе концы обваливались или обсыпались землею. Вслѣдствіе такого обвала подъ тыномъ образовывался валъ [1]), который по способу его сооруженія такъ и назывался осыпью или ссыпомъ, сопомъ. Еще бо̀льшій валъ получался тогда, когда бревна врывались въ почву глубоко, ибо его образовывала земля, выкинутая изъ канавы, выкопанной для установки въ ней нижнихъ концовъ тына. При осыпкѣ тына ровъ получался самъ собою отъ выемки земли для осыпи вала. При вкапываньи тына въ почву рва могло и не быть, и если онъ дѣлался, то уже намѣренно, отчасти по преемству, какъ воспроизведеніе прежней полезной формы, извѣстной по земляному городу. Такимъ образомъ и валъ и ровъ, будучи весьма полезными и существенными частями крѣпости, первоначально возникли въ русской крѣпости (крѣпи, не городѣ) едва-ли вполнѣ умышленно; скорѣй, случайно,—въ силу необходимости, какъ слѣдствіе работъ по сооруженію самой крѣпости-тына. Много спустя, тогда, когда первоначальная крѣпость утратила уже самостоятельность и стала частью общаго сложнаго сооруженія «города», научились дѣлать стѣны рубленыя, т. е. съ прямоугольными крѣпленіями не стоячихъ, а лежачихъ бревенъ на подобіе домовыхъ стѣнъ. Явились рубленые города, каковымъ до сихъ поръ называется древнѣйшая часть Ярославля. Однако тынный или городебный,

[1]) Отъ валить. Горяевъ (Словарь) ведетъ отъ velo=тѣснить, набивать чѣмъ, толпиться, собираться, но едва ли правильно: санскр. bala, лит. vala=сила, откуда валить (съ ногъ, ронять)=осиливать.

горожёный городъ-ограда продолжалъ существовать на ряду съ рубленымъ и существуетъ донынѣ въ видѣ остроговъ или оградъ тюремныхъ дворовъ [1]). Съ развитіемъ у русскихъ словянъ гражданственности, сопровождавшимся перемѣщеніемъ средоточія гражданской жизни изъ дворовъ и деревень въ родовой или союзный городъ и съ превращеніемъ вслѣдствіе этого города въ жилое поселенье на городъ-валъ переносится и укрѣпленія послѣдняго—тынъ. Такимъ образомъ средневѣковый русскій городъ - поселенье явился слѣдствіемъ соединенія древняго земляного города-ограды съ болѣе новымъ деревяннымъ тыннымъ. Оба вида и соединялись въ одно сооруженіе, и существовали порознь хотя и рядомъ, различаясь по названіямъ—рубленый городъ и земляной городъ. Съ типичнымъ русскимъ городомъ на горѣ съ тыномъ по валу народная пѣсня сравниваетъ невѣсту, которая

За столомъ сидитъ городомъ
На головушкѣ те́ремокъ [2])...

Судя по дѣловымъ бумагамъ, можно бы думать, что земляной городъ появился у русскихъ словянъ позже деревяннаго, каковымъ былъ и Кіевъ, и Коростѣнъ, и зародышъ Ярославля — «Рубленый городъ», и многіе др. Однако это не такъ, ибо словяне поселились въ лѣсахъ не съ перваго дня своего появленія, а были загнаны въ нихъ нуждою, опасностью. Вѣрнѣе думать, что земляные города у словянъ существовали сравнительно не долго и, при изобрѣтеніи деревянныхъ, превратились въ городищи, т. е. въ основныя части

[1]) Когда валъ сдѣлался лишь частью ограды, т. е. когда на немъ возникла деревянная стѣна, тогда на нее перенеслось и прежнее названіе вала «городъ», «ограда», а слово городить пріобрѣло еще значеніе забирать, дѣлать заборъ. Горожёный или тынный городъ не проченъ, непосредственно надземныя части бревенъ тына очень скоро гніютъ, что влечетъ паденіе самой стѣны. Это неудобство, вѣроятно, и побудило примѣнить къ городу домовый способъ кладки стѣнъ на лежакъ или вѣнцами, при которомъ сгниваніе нижнихъ бревенъ не влечетъ паденія стѣны, а лишь убыль ея высоты. На мысль о рубленомъ городѣ могли натолкнуть также засѣки,—загражденія лѣсныхъ дорогъ сваленными деревьями, положенными поперекъ дороги.

[2]) Пѣсни рус. народа... ст. 136.

деревянныхъ, подобно тому, какъ долбленыя лодки или челны (боты, ботыри, ботники) превратились въ днищи набойныхъ лодокъ. Существуя вмѣстѣ съ деревянными, земляные города, какъ менѣе совершенные, употреблялись для защиты второстепенныхъ частей поселеній, а именно пригородовъ [1]), посадовъ и слободъ. Дѣтинцы же съ первыхъ лѣтъ русской исторіи дѣлались уже деревянные, какъ показываютъ выраженія лѣтописи: «поставилъ» (тынъ) и «срубилъ», а затѣмъ и каменные. Тѣмъ не менѣе городникъ или городовыхъ дѣлъ мастеръ въ жизни древнихъ русскихъ словянъ былъ важнымъ лицомъ. Видимо, ихъ было немного, что позволяло имъ держаться господами положенія и не принимать, а ставить условія. По крайней мѣрѣ составители Русской Правды нашли нужнымъ на ряду съ ростовщиками опредѣлить отношенія и городниковъ къ обществу, уставивъ мѣру вознагражденія ихъ за ихъ трудъ и тѣмъ устранивъ произволъ.

Возрастаніе значенія города-града, т. е. укрѣпленнаго валами трудно доступнаго мѣста и вмѣстѣ съ тѣмъ его заселеніе, превращеніе его изъ нежилого въ обитаемое поселеніе началось у русскихъ словянъ еще въ доисторію, еще до призванія князей. Лѣтопись указываетъ прямо [2]), что «словѣни (имѣли) свое (княженіе) въ Новѣ городѣ, а другое на р. Полотѣ у полочанъ» и что отъ нихъ княженье было и у верховьевыхъ кривичей. Но тутъ же поясняетъ: «ихъ же (собственный княженецкій) градъ есть Смоленьскъ, туда (ту, де) бо сѣдятъ кривичи (настоящіе, коренные, а не выселенцы или лишь одновѣрцы, каковы верьховьевскіе, находив-

---

[1]) Пригородъ значитъ пригороженный, присоединенный къ городу оградою позже постройки послѣдняго, иначе—находящійся при городѣ—стѣнѣ. Конечно пристѣнное, пригородное поселеніе зависѣло отъ крѣпости, отчего слово пригородъ стало обозначать и зависимость, подчиненность. Ростовъ—Владиміръ, а Новъ городъ Исковъ считали своими пригородами, хотя тѣ были и очень далеко отъ нихъ. Владиміръ спрашиваетъ Соловья Будиміровича:

Города-ли тебѣ надо *съ пригородами*
Или села тебѣ надо съ присельями.

(Жив. стар. 1906 г. в. III, отд. II, ст. 125).

[2]) Лѣтоп. пр. Нест. ст. 5.

шіеся подъ княженьемъ словенъ, а можетъ быть и составлявшихъ часть послѣднихъ, принявшихъ кривскую вѣру). Говоря о княженьяхъ, лѣтопись сообщаетъ, что ихъ у русскихъ славянъ было много, что въ приднѣпровскихъ поляхъ княженья правили потомки Кія и его братьевъ, что въ деревахъ, т. е. въ лѣсахъ Бѣло-Руссіи было свое княженье, состоявшее изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ княженій, образовывавшихъ одну «Деревскую землю» (наши князи добри суть, и-же распасли суть Деревскую землю (ст. 29)... избраша лучьшіе мужи, и-же держаху Деревьску землю... вси гради ваши предашася мнѣ и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и земѣ (земли) своя (ст. 30)..., что свое же отдѣльное княженье было и у дреговичей. Судя по словенамъ и древлянамъ (искоростѣнцамъ), княженья находились уже въ городахъ, но эти города были еще слабо заселены даже и при Ольгѣ. Въ Искоростѣнѣ перечисляются лишь клѣти съ голубятнями, вежи-шалаши и одрины-спальни, находившіяся въ дворахъ (ст. 31), т. е. все лишь легкія постройки, изъ которыхъ вежи были, вѣроятно, временными, раскинутыми засѣвшими въ городъ въ осаду окрестными жителями; посада совсѣмъ не упоминается.

Искоростѣнъ былъ главнымъ городомъ древлянъ. Въ немъ помѣщалось и главное (великое) княженье съ его представителемъ Маломъ. Другіе города были населены еще менѣе, а многіе изъ нихъ были, несомнѣнно, вовсе пустые въ обычное мирное время. Что представляли собою такіе города? Отвѣтъ даетъ лѣтописное сказаніе объ основаніи Кіева. Было три брата, «живяху особѣ,—каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ»,—на трехъ отдѣльныхъ «горахъ»,—«и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго [1]) и нарекоша имя ему Кіевъ (градъ)... се(й) Кій княжаше въ родѣ своемъ». Въ свою очередь Кій, возвращаясь изъ Царь-града, на Дунаѣ «сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти *съ родомъ своимъ*, е-же и до нынѣ наричютъ... городище Кіевецъ» (ст. 4, 5). Въ этомъ разсказѣ видимъ, что городъ сооружался въ однихъ случаяхъ родомъ (Кіевецъ), въ другомъ случаѣ союзомъ нѣсколькихъ родственныхъ родовъ (Кіевъ). Наконецъ въ разсказѣ о разселеніи словянъ дается

[1]) Какъ нынѣ сооружаютъ храмы во имя же святыхъ.

сообщеніе о сооруженіи городовъ и цѣлымъ народцемъ: «словѣни же сѣдоша около езеря Илмеря... сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъ городъ» (ст. 3). Здѣсь городъ сооружаетъ союзъ многихъ и, при томъ, не однихъ только родственныхъ родовъ. Т. е. уже особая отдѣльность, поселившаяся по Ильменю и оставшаяся при своемъ первоначальномъ, принесенномъ съ З., имени [1]). Говоря о днѣстровскихъ уличахъ, сидѣвшихъ по низовью Днѣстра и звавшихся тиверцами, лѣтопись сообщаетъ, что «суть гради ихъ и до сего днѣ» (XI в., ст. 6). Это одно изъ немногихъ извѣстій лѣтописи о нѣсколькихъ городахъ у одной отдѣльности (еще у древлянъ). Обыкновенно же лѣтопись указываетъ лишь одинъ, очевидно, главный— «старшій», княженецкій городъ, упоминая о другихъ лишь при случаѣ и попутно [2]). Тѣмъ не менѣе, если вѣрно сообщеніе лѣтописи о постройкѣ городовъ родами и родовыми союзами, а равно, если основательно мое предположеніе о городахъ, то у русскихъ словянъ городовъ должно было быть сравнительно очень много. Это и подтверждается съ одной стороны остатками такихъ городовъ, слывущихъ подъ названіями городищъ, городковъ и городцевъ и во множествѣ разсѣянныхъ по площади Россіи, а равно множествомъ же существующихъ до сихъ поръ селеній съ такими же именами. Съ другой стороны скандинавскими сагами, называвшими сѣверную Россію страною городовъ—Гардарикіею, и Мюнхенскими географическими записками, относимыми къ IX в. [3]). Въ послѣднихъ перечисляются народцы и другія народныя отдѣльности, обитавшія въ

[1]) Другая часть этой отдѣльности—«а друзіи», сѣвшая по р.р. Деснѣ, Семи и Сулѣ, прозвалась сѣверъ (ст. 3). Но, не смотря на обособленность по мѣсту жительства и по прозвищу, княженье имѣла отъ словенъ новгородскихъ: «та же (та-ко же, какъ верховьевые кривичи) сѣверъ отъ нихъ» (имѣли княженье, ст. 5).

[2]) Такъ у кривичей указанъ лишь Смоленскъ, но въ изложеніи указанъ еще Изборскъ (оба съ окончаніемъ на скъ); у древлянъ упомянутъ сперва одинъ Искоростѣнъ и «вси гради» (ст. 30), а позже еще Вручій (ст. 40, Ручій) и пр.

[3]) Шаффарикомъ на основаніи упоминанія въ нихъ руссовъ. («Сынъ Отечества» 1839 г. т. X, ч. 2, ст. 115—118). Скандинавское гардъ обозначаетъ, собственно не городъ, а усадьбу, хуторъ. Это значеніе до нынѣ держится въ Норвегіи.

предѣлахъ Россіи, и число городовъ, бывшихъ у нихъ [1]). Вотъ это перечисленіе. Attorozi—по Шаффарику это тиверцы (думаю, что въ этомъ названіи два слова: атто-росы, атта—отецъ) самый свирѣпый народъ, у него 148 городовъ; atturczani—туречане, туровцы (атту-рчане, атту-рщане) городовъ 104; bruzi—пруссы занимаютъ земли гораздо болѣе, чѣмъ сколько ея отъ Енизы до Рейна (такъ пруссовъ называли и арабы) [2]); buzani—бужане лѣтописи, городовъ 231; caziri—хазары (казиры, акациры) городовъ 100; chazirozi—каширцы (?! хазаро-россы, подданные хазаровъ, ихъ насельники или помѣсь, можетъ быть, хазаро-оссы) городовъ 250; eptaradici—обрадичи (? не смѣшеніе ли тутъ мѣстоимѣнія съ именемъ,—эфта—[это] радичи?) городовъ 263; forsderen—терфины (?); freziti—бережане (? фрезиты, фрязиты, прежиты); glopeani—по Колпѣ (глопеяны, глопены) городовъ 400; lendizi—лутичи (лядичи, лендичи, лядичи) городовъ 98; liudi—чудскій народъ (люди, людины, обозначеніе простого народа, принимавшееся за имя и арабами, передававшими его, какъ луданы); lucolane—лукомляне (по мѣсту, сидящіе на лукѣ, на изгибѣ); neriuani—по р. Наревѣ (нерюане не руане)—городовъ 78; phesnuci—печенеги (песнуки, пѣснуки) городовъ 70; prissani—пружане (? присане, при р. Санѣ) городовъ 70, ruzzi—русь—варяги; sebbirozi—сѣверяне (себи-россы, себироссы) городовъ 90; serauici жировцы (жеравичи); sittizi—життичи, житомірцы (ситтичи, по р. Сити) обширная область со множествомъ народа и крѣпостями (на Сити въ X в. было густое словянское, судя по множеству кургановъ, населеніе и нѣсколько городковъ); stadizi—стадицы (стадичи, пастухи?)—множество народа, 518 городовъ; thadesi—дѣдоши (?) городовъ 200; thafnesi—танѣвцы (? тавнечи, давничи?) городовъ 257; velunzani—велыняне (велюн-

---

[1]) Названія переданы во многихъ случаяхъ не точно, нѣкоторыя изъ нихъ не названія (liudi—люди), другія же не народныя и не племянныя названія, а мѣстовыя (территоріальныя) прозвищи. Многія толкованія названій Шаффарикомъ нужно признать или неудачными, или произвольными.

[2]) Извѣстія ал Бекри и др. авторовъ о руси и слов. А. А. Куникъ, ч. I, ст. 52.—Приложеніе къ XXXII т. Запис. Акад. Наукъ № 2.

жане) городовъ 70: wizunbeiri—билиры—бѣлые болгары (? висунбейры, вису [весь]—бейры) yngre—угры, венгры (ингры, ынгры, унгры, жгры); ynlizi—уличи (инлизы, инличи)— многочисленный народъ, городовъ 318; vuillerozi — булерцы, корсь (? вуйле-росы, буйле-росы) городовъ 180 [1]); zabrozi—запорожцы (? заброжи) городовъ 212; zeriuani—сербяне, сербы (зерюане, зериване, череване—срединные)—край такъ великъ, что изъ него вышли всѣ словяне, получивъ, какъ увѣряютъ, тамъ начало; znetalici — свѣтилицы (? съ не Талицы, если же не n, а u, то свѣталицы, свѣталичи) городовъ 74; zuireani — по р. Свири, свиряне (зуйрени, звирены, звѣряны) городовъ 325.

Всѣхъ перечисленныхъ здѣсь городовъ былѣ 4000 [2]). Это обстоятельство вызвало недовѣрчивое замѣчаніе П. Г. Буткова [3]) что въ Россіи и въ его время было всего не болѣе 700 городовъ. Однако правъ не Бутковъ, а Записки. Такихъ городовъ, которые разумѣетъ Бутковъ, т. е. въ современномъ смыслѣ, въ Россіи IX в. не насчитаешь и десятка даже съ иноземными черноморскими поселеньями. Мюнхенскія записки имѣютъ въ виду вовсе не такіе города, а тѣ, которые нынѣ извѣстны подъ названіемъ городищъ и городковъ, и которые только и были въ Россіи IX в. Этихъ же городовъ, какъ сказано, и донынѣ еще сохранились тысячи. Появленіе въ Россіи норманновъ—варяговъ въ качествѣ правителей русскихъ словянъ и финновъ, начавшихъ объединять ихъ обособленныя родовыя и родо-племянныя отдѣльности въ одинъ общій народъ русь, служитъ началомъ упадка значенія родовыхъ городовъ. Варяги правители засѣли съ перваго же дня своего водворенія въ княженецкіе города земель или областей, превративъ ихъ въ крѣпости, средоточія правленія, а частью и торговли. Всю поддавшуюся имъ, а затѣмъ и завоеванную страну они подѣлили между собою, раздѣливъ сравнительно на не большое число правительственныхъ (административныхъ) областей или округовъ, которыхъ по

---

[1]) Почему это названіе стоитъ не въ азбучномъ порядкѣ, не слѣдуетъ ли читать его Yuillerozi?

[2]) 4056 цифрами и много общими выраженіями.

[3]) Сынъ отеч. 1839 г. т. X, ч. 2, ст. 117.

К. Багрянородному [1]) и по договору Игоря 945 г. было 22. Княженецкіе города этихъ областей стали постепенно, но постоянно возвышаться и выдѣляться изъ остальныхъ, стягивая къ себѣ и сосредоточивая вокругъ себя всю мѣстную жизнь по суду и расправѣ, по дани, ополченію, вѣрѣ и пр. Новые правители прочно поставили и упорядочили охрану земли, заведя въ странѣ постоянное легко передвижное войско. Правильное отправленіе правосудія и управленія неуклонно ослабляло значеніе родовъ и ихъ представителей—старѣйшинъ, а вмѣстѣ съ ними и всего родоваго строя и всего родоваго уклада жизни. Все это вело къ упраздненію родовыхъ городовъ и тѣмъ легче, что эти города, кромѣ княженецкихъ, были не жилыми поселеньями и даже вовсе не поселеньями, а сооруженіями на случай, временными убѣжищами [2]). Уцѣлѣли и развились изъ нихъ только тѣ, которые сдѣлались тѣми или иными средоточіями областей, мѣстомъ пребыванія власти и т. п., какъ Ростовъ, Новъ городъ, Смоленскъ, Кіевъ и др.

Провѣряя эти положенія существующею дѣйствительностью и показаніями письменности, видимъ, что народъ почти совершенно не сохранилъ не только никакихъ положительныхъ свѣдѣній о тѣхъ памятникахъ своего былого, которые онъ называетъ городищами и городками, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ не донесъ до насъ даже и преданій о нихъ. Лишь изрѣдка онъ пріурочилъ къ нимъ немногія сказанія, явно вымышленныя и совсѣмъ не похожія на правду. Это поразительное явленіе можетъ побудить признать въ первый моментъ всѣ русскіе городки и городищи за дословянскія древности. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ уже словяне называли городищами, т. е. остатками, развалинами городовъ, какъ остатки селеній они называли и называютъ селищами, остатки пожаровъ—

[1]) Запис. Одес. общ. ист. и древ. т. XXV, ст. 459.

[2]) Въ лѣтописи есть такое сообщеніе, относящееся къ 988 г.: ...«и отъ сихъ (строившихъ города,—словенъ, кривичей, чуди, вятичей) *насели* грады» Владиміръ. Однако это извѣстіе не противорѣчитъ сказанному. Оно относится къ концу X в., когда многіе города были уже заселены и иногда довольно густо, особенно на посадахъ, и, сверхъ того, касается пограничныхъ сторожевыхъ городовъ. При Владимірѣ вся степная граница была обнесена тыномъ.

пожарищами, заброшенныя старыя ямы—ямищами и т. п. На первыхъ листахъ древнѣйшей лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что развалины Кіевца, относимаго къ 830 г.г. [1]), «...и до нынѣ (XI в.) наричютъ дунайци—*городище Кіевецъ*»; подъ 1216 г. «...и быша (Мстиславъ) на городищи на рѣцѣ Сарѣ у святѣй Маріи» [2]). Между тѣмъ про городище Кіевецъ та же лѣтопись нѣсколько ранѣе говоритъ, что Кій «*сруби* градокъ малъ» (ст. 4), т. е. что Кіевецъ былъ деревянный. Что же отъ него могло сохраниться къ XI в. т. е. чрезъ 300 лѣтъ по основаніи? Очевидно, лишь земляныя сооруженія—валы и рвы. Такимъ образомъ тѣ самыя сооруженія, которыя мы въ XX в. называемъ городищами, точно такъ же назывались по меньшей мѣрѣ уже въ XI в. и уже въ IX в. представляли собою сложную форму постройки, образованную изъ соединенія «града» (вала) съ тыномъ (стѣною), т. е. земляной и деревянной оградъ, дополнявшихъ другъ друга. Далѣе. На основаніи указаннаго можно было бы думать, что словяне, заселяя страну, не только сами не сооружали того, что называли городищами, и не жили въ нихъ, но уже не застали ихъ и заселенными. Вѣдь, они не сохранили намъ ни именъ большинства ихъ [3]), ни сказаній о ихъ сооруженіяхъ и значеніи, ни о ихъ владѣльцахъ, словомъ—ничего, кромѣ обозначенія—«городище», которое могло быть пріурочено ими къ нимъ просто и только съ внѣшней стороны, по наружному виду этихъ сооруженій За то же говоритъ, казалось бы, очень вѣско еще то обстоятельство, что множество древнихъ городищъ и городковъ сохранилось въ первоначальномъ видѣ, иногда удивительно свѣжо, почти безъ всякихъ измѣненій. И, сверхъ того, или вовсе не получило отъ словянъ никакихъ названій, или, если и получило, то случайныя или отрицательныя, вродѣ «Чертово городище»,—въ 12 вер. къ Ю.-В. отъ Ростова [4]),—свидѣтельствующія о томъ, что эти сооруженія для окрестныхъ жителей

---

[1]) Лонгиновъ. Зап. Одес. общ. ист. и древ. т. XXV, ст. 442.

[2]) Пол. собр. рус. лѣт. VII, ст. 121. Лѣт. пр. Нест., ст. 5.

[3]) Въ Мышкинскомъ уѣздѣ Яросл. губ. одинъ изъ городковъ еще въ бумагахъ XVII в. именуется «городокъ Кочемъ».

[4]) Ростовъ великій, ист. обзр. А. А. Титовъ, ст. 35.

представлялись уже загадочными, таинственными и даже страшными. Однако всѣ эти соображенія отпадаютъ и дѣло объясняется просто и вполнѣ исчерпывающе тѣмъ, что огромное большинство, а вначалѣ (довольно долго) всѣ города («грады») словянъ не были обитаемыми жилыми поселеньями, а лишь временными недолгосрочными убѣжищами, имѣвшими въ ихъ повседневной жизни, особенно въ мирное время и въ мирныхъ земляхъ, весьма малое значеніе. Цѣлыя поколѣнія могли прожить, не побывавъ въ городѣ. Съ появленіемъ обще-русскихъ князей-варяговъ, объединившихъ правленіемъ, судомъ, данью и пр. обособленныя отдѣльности въ одинъ народъ и государство, прекратившихъ родовыя распри (для чего и были, главнымъ образомъ, призваны),—сравнявъ роды общею зависимостью ихъ предъ общимъ княземъ, и умиротворившихъ страну, надобность въ большинствѣ родовыхъ и союзныхъ городовъ исчезла. Не только перестали возводить новые такіе города, но и старые оставили на произволъ судьбы доживать свой вѣкъ, забросили, какъ ненужные и необитаемые. Остальное дополнило время, заростивъ ихъ лѣсомъ и скрывъ отъ глазъ населенія въ его таинственной и вѣщей полутьмѣ. Тамъ же, гдѣ города не утратили своего значенія, напримѣръ, на границахъ, тамъ ихъ продолжали возводить до позднѣйшаго времени и притомъ не рѣдко въ первобытныхъ формахъ тына-острога. Такъ было при Владимірѣ въ 988 г. (см. выше), такъ было еще и при Алексѣѣ Михайловичѣ въ XVII в. Монахъ Бруно, бывшій въ Кіевѣ въ 1007 г., самъ видѣлъ, что граница Руси со стороны южной степи была защищена отъ печенѣговъ крѣпкимъ частоколомъ съ нѣсколькими воротами въ немъ [1]). Наша лѣтопись подтверждаетъ сообщеніе Бруно, разсказывая подъ 988 г., что Владиміръ «нача *ставити* (а не рубить) городы (ограды) по Деснѣ и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ», что по его примѣру сдѣлали и вятичи на своей степной границѣ [2]).

Съ умиротвореніемъ Русской земли и съ водвореніемъ въ княженецкихъ городахъ постоянной военной силы, которая съ одной

[1]) Лекціи по рус. ист. С. Ѳ. Платоновъ, ст. 64.

[2]) Лѣт. пр. Нест. ст. 68.

стороны обезпечивала безопасность жителямъ ихъ окрестностей, а съ другой стороны была праздною въ мирное время, отличалась склонностью къ разгулу и мотовству [1]), обладала значительною по тому времени покупною и продажною (послѣ походовъ) способностями и предъявляла требованія не только на различные предметы, но и на трудъ,—все это вело къ тому, что около княженецкихъ городовъ, у ихъ стѣнъ, начали постепенно селиться выходцы изъ уѣзда, недовольные деревенскою жизнью и искавшіе лучшей доли, образовывавшіе новую часть города—посадъ. Что эта часть русскаго города была не свойственна ему въ болѣе древнее время, т. е., что она по отношенію древняго словянскаго города является новшествомъ, помимо говореннаго, слѣдуетъ изъ того, что ни народъ, ни его правительство вплоть до перестройки старыхъ городовъ въ концѣ XVIII в. не смѣшивали посада съ городомъ. Они тщательно отдѣлялись одинъ отъ другого, какъ двѣ разныя самостоятельныя части хотя и одного представленья («поселенье»), скрытаго подъ общимъ наименованіемъ или прозвищемъ (Ярославль, Ростовъ и пр.). Обозначенья (термина) «поселенье» не употреблялось, вмѣсто него иногда употреблялось слово «городъ». Хотя и въ этомъ случаѣ подъ «городомъ» разумѣлся главнымъ образомъ градъ-дѣтинецъ или кремль. Поселенья, въ которыхъ не было кремля-града, никогда не назывались городами, хотя были бы и велики, и богаты, и во всѣхъ отношеніяхъ напоминали бы нынѣшніе города гораздо болѣе другого града. Ихъ называли посадами и слободами (посадъ Молога). Форма слова посадъ наводитъ даже на мысль, что посадъ зародился при городѣ принудительнымъ путемъ, т. е. что жители первыхъ посадовъ не сами сѣли подъ стѣнами городовъ, а были посажены. Что городъ при князьяхъ нуждался въ пригородныхъ поселеніяхъ, слѣдуетъ изъ существованія при городахъ, помимо посадовъ, еще слободъ, т. е. такихъ поселеній, жителямъ которыхъ давались разныя свободы, вольности или льготы ради того, чтобы они жили подъ городомъ. Слободы хотя и объединялись съ городомъ

[1]) Какъ обезпеченная въ существованіи не заработкомъ, а простымъ участіемъ въ дани и пошлинахъ, собиравшихся съ населенія въ пользу князя.

однимъ общимъ наименованіемъ, но имѣли, какъ уже замѣчено, и свои особыя названія[1]). Онѣ были еще обособленнѣе и самостоятельнѣе посадовъ, не смотря на то, что не рѣдко, какъ и онъ, располагались у самыхъ стѣнъ города. На подобіе городовъ слободы существовали и при монастыряхъ тогда, какъ посадовъ здѣсь не было. Некому и некого было посадить, т. е. образовать посадъ, у монастырей не было для этого власти. Все изложенное совсѣмъ не говоритъ въ пользу существованія въ древней Руси городовъ—общинъ. Городъ былъ сперва совсѣмъ не жилымъ мѣстомъ, не поселеньемъ, а пустою оградою-убѣжищемъ на случай, затѣмъ княженьемъ и только съ призванія князей сталъ настоящимъ поселеньемъ. Правда, Ольга говоритъ искоростѣнцамъ: «вси гради ваши предашася мнѣ и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и зе́млѣ своя» (ст. 30), т. е., какъ будто бы, города были населены, составляли общины (кои поддавались, шли подъ дань), и владѣли землями. Но дѣло въ томъ, что тутъ же нѣсколько ранѣе говорится: «древляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ» [2]). Побитые, они укрылись въ своихъ укрѣпленіяхъ (деревянныхъ: затворились, Искоростѣнъ сожженъ), каждый родъ или союзъ родовъ въ свой градъ, изъ коихъ и вели переговоры о сдачѣ. А договорившись и принявшись за нивы, очевидно, вышли изъ городовъ, такъ какъ въ городахъ,—вообще очень небольшихъ,—нивъ не было [3]). Иначе древлянамъ не зачѣмъ было бы и сдаваться, да и Ольга не могла бы сказать искоростѣнцамъ, что они, сидя въ городѣ, хотятъ «изъмерети гладомъ». Въ выраженіи—«гради... дѣлаютъ нивы своя» слово городъ употреблено для обозначенія владѣльцевъ города, а не обитателей, такъ какъ не городъ обладалъ землями, а наоборотъ—земли городомъ. Извѣстно, что и много позже городъ былъ почти пустой.

Возрастъ русскихъ городищъ весьма разнообразенъ. По водоему р.р. Иквы и Верхней Горыни В. Б. Антановичемъ обслѣдованы круглыя городищи конца новокамники со стоянками и обиліемъ

---

[1]) Каковыхъ не было у посадовъ, что, какъ будто бъ, говоритъ также за его принудительное образованіе.

[2]) Лѣт. пр. Нест. ст. 30.

[3]) Онѣ были потомъ при посадахъ и въ слободахъ.

предметовъ на ихъ площадкахъ [1]). Въ Чигиринскомъ и Черкасскомъ уѣздахъ Кіевской губерніи В. В. Хвойкомъ изслѣдованы два большія городища (въ 105 и въ 27 десят.), по вещамъ скиѳское и скиѳо-готское V в. до Р. Х. А въ Васильевскомъ уѣздѣ той же губерніи при с. Шарки словянское въ 30 дес.—Шаръ-городъ, возникшее въ доисторію и оставленное лишь предъ татарщиной, т. е. въ XII—XIII в. У этого города былъ уже посадъ [2]), который (вообще) упоминается письменностью впервые лишь съ 1229/6737 г. [3]). Въ 16 верстахъ къ З. отъ Ярославля по большой угличской дорогѣ есть д. Городищи [4]), а не доѣзжая до нея съ версту или полторы — д. Слободищи, между той и другою съ правой (на пути отъ Ярославля) стороны дороги остатки городка въ видѣ возвышенія заросшаго лѣсомъ, на которомъ происходитъ гулянье въ Семикъ. Возвышеніе—памятникъ русскаго княжескаго города, д. Слободищи—его пригородной слободы; наименованій ни того, ни другой не сохранилось и вѣрнѣе всего думать, что особыхъ наименованій у нихъ и не было, т. е. что первое селенье такъ и звалось Городъ, а второе—Слобода. Такимъ образомъ русскія городищи распадаются на доисторическія, къ которымъ относятся инородныя и словянскія, и историческія, среди которыхъ встрѣчаются, кромѣ указанныхъ, еще и русскія княжескія и, при томъ, въ преобладающемъ количествѣ.

Что касается значенія городищъ, то признать ихъ всѣ за военно-гражданскія сооруженія нельзя, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ, видимо, служили дѣлу вѣры, а не практической жизни. Объ этомъ свидѣтельствуютъ названія нѣкоторыхъ городищъ, какъ наприм. Радогощъ, расположенное на р. Судости противъ г. Стародуба въ Черниговской губерніи. Оно упоминается лѣтописью подъ 1155 г. и

---

[1]) Труды XI археол. съѣзда, т. I, ст. 142.

[2]) Древности, т. XIX, в. 3, ст. 164. Истор. Вѣст. 1901 г. XI, 798.

[3]) ... иде въ... монастырь... и-же на Суздалѣ на посадѣ (Никон. лѣт.); подъ 1240/6748 г.... пригонивше подъ городъ и зажгоша посадъ весь (Новгор. I).

[4]) Двухверстная карта военно-топограф. отд.

прямо говоритъ о Радогостѣ — богѣ прибалтійскихъ словянъ [1]). Ярославскія Дѣевы городищи зовутся также еще Діевы, Дій же или Дѣй былъ богомъ не только словянъ, но и обще-арійскимъ, какъ это видно изъ греч. διος=божественный Λιαινη—Діана, богиня-дѣва звѣроловства, санскр. dia=богъ, лат. deus=богъ, devoto=посвѣщать, отдавать богу, др.-слов. Дій, Дѣй-богъ, дѣва (въ Ярославской губерніи «дѣушка»)=божественная, отданная, посвященная богу (весталка) [2]). Діевы городищи были княжимъ городомъ одного изъ ярославскихъ князей. Родоначальникомъ вѣтви князей Дѣевыхъ, первый изъ ярославскихъ князей, получившій прозвище Дѣя, былъ Иванъ Димитріевичъ, стоявшій отъ Ю. Долгорукаго въ 10, отъ Всеволода Константиновича въ 7 и отъ Ѳедора Ростиславича Чернаго въ 5 поколѣніи [3]). Онъ жилъ въ XV в., когда домъ перваго ярославскаго князя Всеволода Константиновича распался уже на 26 отдѣльныхъ домовъ [4]), подѣлившихъ между собою первоначально единое Ярославское княженье. Одинъ изъ этихъ подудѣльныхъ домовъ, домъ Дмитрія Романовича получилъ на свой пай между прочимъ и Діевы городищи. У Дмитрія Романовича было два сына Иванъ и Василій. Послѣдній умеръ бездѣтнымъ, но, должно быть, все-таки получилъ онъ отца выдѣлъ, т. к. его братъ основался не въ отцовскомъ городѣ (неизвѣстномъ), а въ Діевыхъ городищахъ. Отъ имени ихъ онъ, вѣрнѣе всего, и получилъ свое прозвище Дѣй подобно тому, какъ князь, первымъ получившій с. Прозорово, прозвался Прозоровскимъ, с. Курбу—Курбскимъ и т. д. Конечно Иванъ

---

[1]) А. С. Фаминцинъ. Божества древн. словянъ, т. I, ст. 185.

[2]) Боппъ связываетъ діо съ блистать: діамантъ=блистающій, но дѣва не блеститъ и не сіяетъ. Діамантъ названъ такъ по той же причинѣ, какъ и дѣва, онъ, какъ выдающійся, какъ лучшій камень, былъ посвященъ Дію - богу. У многихъ народовъ дѣвицы принадлежали богамъ, т. е. жрецамъ и только послѣ лишенія ихъ невинности послѣдними отдавались народу. На этомъ представленіи возникла обрядная проституція въ родѣ баядерства.

[3]) Въ одномъ изъ церковныхъ поученій: Отмещемся нечестивыхъ жертвъ Діева служенія и кладéнія требъ (жертвъ)... Мняще богы многы: Перуна и Хорса, Дыя...

[4]) Временникъ Общ. ист. и древн., кн. X, отд. 2 И. Троицкій (Истор. губ. г. Ярославля, 33) насчитываетъ 40 «отрослей».

Дмитріевичъ могъ быть прозванъ Дѣемъ и по другой причинѣ и въ свою очередь послужить причиною для прозвища городищъ Дѣевыми. Но тогда не понятно,—ради чего эти городища, помимо Дѣевыхъ, называются (и даже преимущественно) еще Діевыми и почему городищами, а не городомъ или городкомъ. Это множественное число обращаетъ на себя вниманіе. Очевидно, городищъ было не одно, —старое городище Дія и городокъ, вновь устроенный около него кн. Дѣемъ. Въ окрестностяхъ городищъ на поперечникѣ отъ 3—12 вер. разсѣяны слѣдующія селенія, свидѣтельствующія своими названіями о древнемъ словянскомъ заселеніи этого края,—Бортники, Якушиха, Судищи, Никульское, Кащево, Гридино. Кромѣ того на площадкѣ остатковъ городища до половины XIX в. сохранялись курганы [1]), опредѣленно свидѣтельствующіе о томъ, что Діево городище княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ не было ни основано, ни занято подъ свой городъ. Къ сожалѣнію эти городищи не обслѣдованы еще до сихъ поръ.

Къ $Ю_3В_7$ отъ Ростова по прямой въ 12, а отъ дер. Ангелово въ 2—3 вер. расположена на высокомъ мѣстѣ дер. Городецъ, къ которой пріурочено нѣсколько преданій. По одному изъ нихъ [2]) около этого городца было, будто бы, «Велесово дворище», на которомъ стоялъ огромный истуканъ Велеса съ золоченой головой и жили жрецы. Позже это мѣсто прозвалось Чертово городище. Стороннему читателю трудно разобраться, что въ этомъ сообщеніи составляетъ подлинный отголосокъ древности, сохраненный народною памятью, а что домыселъ и прямой праздный вымыселъ мѣстныхъ книжниковъ и любителей. Но о вѣровомъ значеніи даннаго мѣста свидѣтельствуетъ обрядовое гулянье на немъ окрестныхъ жителей въ Троицынъ день. Подобныя гулянья, отправляемыя на многихъ городищахъ и городкахъ и не рѣдко прямо называемыя игрищами (межъ пр. и въ Ярославской губ.), достаточно убѣдительно говорятъ о томъ, чѣмъ были эти сооруженія для ихъ современниковъ. Само собою напрашивается замѣчаніе, что многіе городки представляли не крѣпости, а священныя мѣста;

[1]) Антропол. выст. т. I, ст. 151. Сообщенному А. А. Титовымъ,— «Ростовъ Великій». Истор. обозр., ст. 35.

[2]) Лѣт. пр. Нест., ст. 6.

можетъ быть, тѣ самыя селы, между которыми по словамъ лѣтописи происходили игрищи, на кои, какъ и нынѣ, жители «схожахуся на плясанье и на вся бѣсовьская игрища и ту умыкаху жены собѣ» [1]). Валы и рвы такихъ городковъ вовсе не замковыя твердыни, а скорѣе церковныя ограды, возводившіяся для защиты святыни, Т. е. какъ самаго священнаго мѣста, такъ, равно, жертвенника и, гдѣ были, идола и храма и не только отъ враговъ, но вообще отъ непосвященныхъ. Въ Оренбургской губерніи до сихъ поръ церковная ограда называется городкомъ [2]), а монастырская до XVIII в. повсюду звалась городомъ. Заслуживаетъ вниманіе также то обстоятельство, что народная память, по сей день еще приводящая народъ на многія городищи и городки въ дни празднествъ, совсѣмъ не сохранила воспоминаній о городищахъ и городкахъ, какъ о крѣпостяхъ. Она донесла до насъ въ этомъ смыслѣ только одно названіе подобныхъ сооруженій,—городецъ, городокъ, городище. Конечно, указанное явленіе могло обусловливаться тѣмъ, что съ умиротвореніемъ словянскихъ земель князьями—варягами, съ прекращеніемъ послѣдними родовыхъ столкновеній словянъ городки утратили свое боевое значеніе. Однако утрата боеваго значенія не могла еще сама по себѣ превратить городки въ священныя мѣста, разъ не были бы они таковыми уже до этого. И мы видимъ дѣйствительно множество городищъ заброшенными и совершенно забытыми, къ которымъ не пріурочено ни какихъ гуляній, ни какихъ сказаній и даже просто и только названія городокъ или городище. Едва ли могло содѣйствовать пріуроченію къ городищамъ обрядоваго значенія и все возроставшее раздробленіе русской земли удѣльными и подудѣльными князьями. Правда, многіе изъ нихъ, разбредаясь и селясь въ уѣздахъ и возводя тамъ свои городки, ставили въ нихъ и церкви, дѣлавшіяся приходскими для княжескихъ подданныхъ, однако правда и то, что на городкахъ отправляются не церковныя, а народныя языческія празднества, лишь примѣненныя къ христіанскимъ праздникамъ, но не заключающія въ себѣ воспоминаній о

---

[1]) Лѣт. пр. Нест. ст. 6.

[2]) Опытъ обл. вел.-рус. словаря 1852 г. изд. акад. наукъ и выдержки изъ бумагъ выше.

христіанствѣ. На городки на гулянья не ходятъ съ крестными ходами, не носятъ иконъ, не приглашаютъ священника благословить гулянье, на нихъ не произносится христіанскихъ молитвъ; а творится лишь «вся бѣсовьская игрища», разгульныя и съ точки зрѣнія христіанства распутныя и развратныя, противъ которыхъ церковь всегда нещадно, но и безуспѣшно воевала. Слѣдовательно собиралъ на городищи народъ не христіанскій храмъ, а преданія язычества. Народъ, помолившись въ церкви, къ чему его побуждали его правители [1]), т. е. исполнивъ въ своемъ родѣ предписаніе начальства, шелъ справлять свой праздникъ по своему, къ своимъ исконнымъ святилищамъ. Нахожденіе кургановъ (обычно не въ большомъ числѣ, вѣроятно, жреческихъ) на площадкахъ многихъ, часто, очень небольшихъ городищъ и городковъ говоритъ также не за боевое назначеніе этихъ (съ курганами) памятниковъ древности. Въ крѣпостныхъ городкахъ во время осадъ, когда въ нихъ укрывалось все окрестное населеніе, было и безъ кургановъ тѣсно. Ни Аскольдъ съ Диромъ, ни Олегъ, ни Игорь, ни Олегъ Святославичъ не были похоронены въ городкахъ крѣпостяхъ, а всѣ внѣ ихъ [2]). Понятно, однако, что и священные городки, какъ позже монастыри и церкви, могли служить въ случаяхъ надобности на ряду съ другими и въ качествѣ крѣпостей. Саксонъ Грамматикъ (XII в.) писалъ: г. Кореница (западныхъ словянъ) окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, чрезъ которое проложенъ только одинъ путь. *Необитаемый* въ мирное время, онъ былъ (во время датской войны) такъ переполненъ народомъ, что камню упасть было некуда. Городъ знаменитъ прекрасными зданіями *трехъ словянскихъ храмовъ* [3]). А. А. Спицинъ [4]) пришелъ также къ заключенію, что болѣе древ-

[1]) И духовные, и гражданскіе. Соловей Будиміровичъ, входя въ «гридню столовую»,—

Крестъ кладетъ онъ *по писаному,*
Поклонъ ведетъ да *по ученому.*

(Жив. стар. 1906 г., в. III, отд. II, стр. 124).

[2]) Послѣдній «у Вручего», Игорь около Искоростѣна, Олегъ на Щековицѣ, Аскольдъ съ Диромъ на Угорскомъ (Лѣт. пр. Нест. ст. 40, 28, 20, 11).

[3]) Фаминцинъ, ст. 24.

[4]) Записки отд. рус. и слов. археол. Рус. Археол. Общ., т. V, в. 1, ст. 112; Извѣстія Имп. Археол. Ком., в. 6, ст. 74.

ніе городки дьякова типа верхней Волги суть сооруженія не крѣпостныя, а обрядоваго характера, всего вѣроятнѣе, съ жертвенными мѣстами, за что говорятъ толстые зольные слои въ нихъ и колотый камень. Однако на эти камни можно смотрѣть, какъ на остатки каменокъ для парового отопленія жилищъ.

Если послѣ всего изложеннаго взглянуть на городища и городки Ярославской губерніи, то встрѣтимъ среди нихъ образцы почти всѣхъ разрядовъ. Есть доисторическіе, вѣроятно, не словянскіе, каково городище при сліяніи Сбнохты съ Волгою на границѣ Рыбинскаго и Романовскаго уѣздовъ близь с. Воскресенскаго [1]). Есть доисторическіе же финскіе, какъ городокъ Кбчемъ [2]) на р. Корбжишнѣ въ Мышкинскомъ уѣздѣ, позже перешедшій къ русскимъ и по нынѣ справляющимъ на немъ Егорьевъ день (23 апр.) и Семикъ.

Есть доисторическіе словянскіе, какъ Діевы городищи на Волгѣ ниже Ярославля, Холопій городокъ на Мологѣ у с. Борисоглѣбъ, можетъ быть, Сарскій Ростовскаго уѣзда, на которомъ найдены восточныя монеты отъ 713 — 854 г.г. и XI в. и предметы отъ VIII — X в., въ томъ числѣ норманскія. Этотъ городокъ мѣстные любители приписывали Алешѣ Поповичу [3]), А. А. Спицинъ относилъ къ порѣ мѣдники къ дьяковскому типу [4]), а новѣйшіе изслѣдователи принимаютъ за начало Ростова или же за отдѣльное русское укрѣпленіе «безъ всякаго сомнѣнія» X в. [5]). Того же уѣзда на р. Пе́чегдѣ у д. Демьяны — круглый, коническій изъ такъ наз. болотныхъ; подобные же и въ томъ же уѣздѣ на р. Сарѣ близь с. Рославлева, около версты окружностью, по преданію на немъ была церковь, и у погоста Спасъ-Городецъ или Спасъ на городцѣ.

---

[1]) Записк. отд. рус. и слов. археол. Рус. Археол. Общ., т. V, в. 1, ст. 112; Извѣстія Имп. Археол. Ком., в. 6, стр. 74.

[2]) Исторія указываетъ у финновъ Ярославской губерніи городъ уже съ словянскимъ названіемъ—Ростовъ, т. е. на начавшееся уже пословяненіе финновъ. На этомъ основаніи городки съ финскими названіями можно относить къ доисторическимъ.

[3]) Яросл. Губ. Вѣд. 1857 г. № 51, стр. 18.

[4]) Запис. отд. рус. и слов. арх. Рус. Арх. Общ., т. V, в. 1, ст. 139.

[5]) Н. К. Рерихъ, Изв. Археол. Ком., в. 15, ст. 94.

Въ окрестностяхъ словянскихъ доисторическихъ и ранне-историческихъ городковъ (ярославскихъ) — свидѣтелей словянскаго заселенія губерніи почти всегда расположены селенья съ древне-русскими названіями, какъ Сýнежи, Чурилово, Перемилово, Игрищи, Слободищи, Гридино, Русилово, Вышатино, Никульское (т. е. Никольское) Скнятиново и т. п.

Наконецъ есть и историческіе русскіе городки, относящіеся къ княжеско-удѣльной порѣ. Одни изъ такихъ сохраняли свои укрѣпленія до позднѣйшаго времени, какъ наприм. Княжичъ городокъ на р. Шекснѣ въ Мологскомъ уѣздѣ. Онъ названъ въ духовной грамотѣ Ивана III «городъ Княжичи»[1]), служилъ въ XVII в. средоточіемъ окружнаго правленія, а въ XVI в., принадлежа московскимъ великимъ князьямъ, хранилъ всѣ укрѣпленія типичнаго русскаго города. «Бывали городъ и осыпь, и ровъ, и тайникъ... а въ осыпи была церковь» — отписывалъ его воевода въ XVII в. въ Москву[2]). Этотъ городокъ, нынѣ утратившій всѣ черты древности, уже Е. В. Барсовъ призналъ (тамъ же) за столицу подудѣльныхъ Ярославскихъ князей Шехонскихъ, изъ коихъ первымъ былъ Афанасій — Андрей Ивановичъ, жившій въ XV в. Діевы городищи — стольный городъ ярославскихъ князей Дѣевыхъ сохранялъ нѣкоторыя изъ своихъ укрѣпленій до XIX в. Такой же городокъ князей Юхотскихъ, родоначальникомъ которыхъ былъ Иванъ Даниловичъ, внукъ Семена Васильевича Новленскаго (т. е. шестого поколѣнія отъ Ѳ. Р. Чернаго), расположенъ въ Угличскомъ уѣздѣ при сліяньи Улеймы съ Юхотью за дер. Городище, въ полѣ на ровномъ мѣстѣ и представляетъ собою возвышеніе съ покатыми откосами въ $1^1/_2$ с. вышины и 14×14 с. площадью. На площадкѣ мелкій камень и, по преданію, стояла церковь. Передъ городомъ на мысу курганы, судя по сосѣднимъ жуковскимъ, можетъ быть, даже X в. Деревня Городище расположена между курганами и городкомъ. Въ окрестностяхъ городка въ 3—8 в. отъ него д.д. Гридино, Русилово, Никульское, Дивницы. Въ Даниловскомъ уѣздѣ на р. Касти близъ с. Никольское въ Корзлѣ

---

[1]) Яр. Губ. Вѣд. 1888 г. № 76.

[2]) Труды VII арх. съѣзда въ Ярославлѣ, т. II, 216.

на ровномъ же мѣстѣ есть урочище Городище въ 19 дес, съ одной стороны омываемое Кастью, а съ С.-З., С., С.-В. и В. окруженное валомъ; отъ рѣки въ городище два въѣзда. Въ окрестностяхъ его на разстояніи 1 — 6 вер. д.д. Премилово, Слободищи, Кочевка, Татарское. Это городище хотя и затруднительно пока пріурочить къ какой-либо опредѣленной вѣтви ярославскихъ подудѣльныхъ князей [1]), тѣмъ не менѣе является, всего вѣроятнѣе, остаткомъ города одного изъ подудѣльныхъ князей и, при томъ, города довольно большого и населеннаго, при которомъ была уже слобода (нынѣ д. Слободищи въ 1 вер. разстоянія). Все это говоритъ за то, что кастинскій городокъ существовалъ относительно продолжительное время, хотя и не на столько, чтобы оставить слѣдъ въ народной памяти.

Къ подудѣльно же княжескимъ гнѣздамъ нужно отнести и тѣ селенія и урочища (или ихъ ближайшія окрестности), которыя, нося наименованія Городищъ, Городковъ и Городцевъ, уже не имѣютъ, (а многія и не имѣли) укрѣпленій. Ихъ въ Ярославской губерніи довольно много.

Въ *Пошехонскомъ* уѣздѣ на правомъ берегѣ р. Ухры—лѣваго притока Шексны двѣ деревни Городищи — Большое и Малое,— одна изъ нихъ бывшій городъ князей Ухорскихъ изъ романовской вѣтви ярославскихъ князей.

Въ *Мологскомъ* уѣздѣ на р. Сити, къ Ю. отъ ея устья въ 25 вер. дер. Городищи, можетъ быть, — бывшій городъ князей Ситскихъ.

На р. Болотеѣ (юго-западный уголъ уѣзда) была пустошь Городища [2]).

Въ Мологскомъ лугѣ у Долгаго озера, не далеко отъ с. Боронишина и д. Балуева была пожня Городища [3]).

---

[1]) Можетъ быть даже костромскихъ князей, ибо позже,—въ московскую пору восточная часть Ярославской губерніи относилась къ Костромѣ и отошла отъ нея только въ XVIII в.

[2]) Угличск. акты. С. Шумаковъ, стр. 147, мѣнов. запись 1682 г.

[3]) Выпись съ писцов. книгъ Углич. у. посада Мологи 1675—1677 г., у автора.

Въ *Любимскомъ* уѣздѣ на верховьяхъ Лунки — праваго притока Соти — Подчай городокъ — мало извѣстный.

Въ *Рыбинскомъ* уѣздѣ на Ухрѣ д. Городишка.

На Волгѣ, къ Ю. отъ станціи рыб.-бологов. жел. дороги Волга, чрезъ рѣку въ $6^1/_2$ вер. с. Городокъ безъ слѣдовъ укрѣпленій, но съ характернымъ для русскихъ городовъ мѣстоположеніемъ,— крутой высокій береговой скатъ и окружающіе село водомойные овраги, выходящіе на Волгу.

Въ *Мышкинскомъ* уѣздѣ на мысѣ при сліяніи Сутки и Ура близь станціи Шестихино той же дороги урочище Городокъ.

На мысѣ при сліяніи Сталактинки съ Корожишной къ З. отъ Углича въ 9 вер. д. Городища.

На Корожишнѣ верстахъ въ 4 отъ с. Климотина д. Городокъ.

На мысѣ при сліяніи Павловки съ Волгою выше Углича на 15 вер. на одномъ изъ самыхъ высокихъ мѣстъ губерніи д. Городище.

Въ *Угличскомъ* уѣздѣ на р. Юхоти близь устья Молокши д. Городищи на ровномъ мѣстѣ.

Въ окрестностяхъ подудѣльно-княжескихъ городковъ, кромѣ селеній съ словянскими и русскими наименованіями, не рѣдки селенія съ татарскими названіями (обрусѣлыми): Аулино (Ваулино, но в. благозвучное), Бабаево, Бахметово, Баскачево, Бекичево, Толмачево и пр.

Не буду останавливаться на доисторическихъ городищахъ, такъ какъ изслѣдованныя изъ нихъ описаны, а неизслѣдованныя нуждаются прежде и больше всего именно въ изслѣдованіи (вещественномъ). Я остановлюсь здѣсь лишь на нѣкоторыхъ сторонахъ вопроса объ удѣльно-княжескихъ городахъ.

Извѣстно изъ общей русской исторіи, что всякій изъ наслѣдниковъ владѣтельнаго князя въ большинствѣ случаевъ получалъ изъ отцовскаго княжества свой особый выдѣлъ или удѣлъ на прокормъ [1]), изъ котораго и образовылось новое княжество. Обычно

[1]) Олегъ Святославичъ говорилъ въ 1096 г. Изяславу Владиміровичу: «или ты не хочешь дать мнѣ моего хлѣба и здѣсь». Тотъ же порядокъ раздачи городовъ на прокормъ примѣнялся князьями и къ своимъ служилымъ людямъ, откуда и пошло испомѣщеніе, т. е. помѣщики или помѣстные люди.

такимъ выдѣломъ былъ городъ (или нѣсколько) съ его областью. Пока князей было на Руси еще не много, они (какъ дѣти Святослава) получали огромныя области. Первые князья за недостаткомъ дѣтей надѣляли областями даже своихъ служилыхъ людей («мужей», едва ли не исключительно изъ дружинниковъ, т. е. изъ военнаго сословія) и даже не препятствовали захвату областей сторонними лицами, какъ наприм. Рогволоду—Полотской, а Туру Туровской областей [1]) при Святославѣ, совсѣмъ недорожившемъ сѣверными договорными землями. Даже новгородцамъ, его наиболѣе богатымъ подданнымъ сѣверныхъ земель, пришлось выпрашивать у него себѣ князя и выслушать очень характерный для обрисовки положенія дѣлъ того времени насмѣшливый полувопросительный отвѣтъ: «а бы пошелъ кто къ вамъ»? (А кто пошелъ бы къ вамъ?) [2]). Но уже съ Владиміра (съ 988 г.) положеніе дѣла мѣняется. Государство дѣлится на девять областей—княжествъ (Кіевскую, Деревскую, Владимірскую—западную, Тмутараканскую, Муромскую, Ростовскую, Новгородскую, Туровскую и Полотскую) [3]), связанныхъ съ главнымъ или великимъ княжествомъ лишь выплаткою ему извѣстной дани (Новгородъ 2000 гривенъ «урокомъ»=по договору) [4]), ратною повинностью (доставкою вспомогательныхъ войскъ) и общею верховною зависимостью отъ него, основанною главнымъ образомъ лишь на отцовскомъ правѣ. Въ остальномъ, а равно другъ отъ друга области были независимы, т. е. почти что самоуправляющимися. Съ Владиміра наблюдается уже не избытокъ областей или, все равно, недостатокъ въ князьяхъ, а наоборотъ. Вслѣдствіе этого князья начинаютъ отнимать области другъ у друга (чѣмъ больше было подданныхъ, тѣмъ больше получалъ съ нихъ князь дани) и одновременно тяготиться велико-княжескою опекою [5]). Съ продолжавшимся разро-

---

[1]) Лѣтоп. пр. Нест., ст. 41.

[2]) Тоже, 37.

[3]) Тоже, 67.

[4]) Тоже, 72.

[5]) Уже въ 1014 г., т. е. чрезъ 26 лѣтъ по вокняженію Ярославъ отказался давать отцу условленную между имъ и Новъ-городомъ дань: «а Ярославъ сего не даяше отцю своему». (Лѣт. пр. Нест., стр. 72).

станіемъ Рюрикова княжескаго дома удѣльныя княжества все уменьшались въ размѣрахъ. Приблизительно съ XII в. (съ Любечскаго съѣзда 1097 г.) ихъ границы начинаютъ пріобрѣтать нѣкоторую устойчивость, а самыя княжества дѣлаться все болѣе и болѣе самостоятельными, независимыми и даже чуждыми и враждебными другъ другу. Тѣмъ не менѣе всякое въ отдѣльности продолжаетъ жить по старымъ началамъ, представляя собою уменьшенный сколокъ Владиміровой Руси. Съ упроченіемъ границъ удѣльныхъ княжествъ возникаетъ дробленіе каждой области внутри себя между наслѣдниками удѣльнаго родоначальника, т. е. кромѣ первичныхъ удѣловъ возникаютъ (въ нихъ) вторичные, третичные и т. д. или такъ сказать подудѣлы. Каждый отецъ князь, не желая и считая за грѣхъ обидѣть кого либо изъ своихъ сыновей, давалъ ему выдѣлъ изъ своего владѣнія, ставя по старому обычаю старшаго сына главою надъ остальными «отца вмѣсто» (на мѣсто себя) и отдавая ему свой городъ, дѣлавшійся великимъ княженьемъ по отношенію другихъ. Со временемъ дѣло доходило до того, что для все нарождающихся и нарождающихся вновь князей не стало хвать городовъ и отцы начали надѣлять своихъ дѣтей сперва болѣе крупными селеньями, а затѣмъ просто землями, на которыхъ строить города стали уже сами получившіе надѣлъ [1]). Для древняго и когда то единаго (при Ярославѣ и Всеволодѣ) Ростовскаго княжества, уже раздробившагося на нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ княжествъ, такой моментъ наступилъ для разныхъ мѣстностей не въ одно время. Это зависѣло отъ числа сыновей у ихъ князей и отъ количества городовъ и селеній въ данномъ княжествѣ. Въ XII в. въ единомъ до того Ростовскомъ княжествѣ намѣтилось Суздальское, чрезъ перенесеніе въ самомъ началѣ XII в. (послѣ войны съ Олегомъ Святославичемъ) Юр. Долгорукимъ или, вѣрнѣе, В. Мономахомъ стола изъ Ростова въ Суздаль, который при Юрьѣ и достигъ разцвѣта. Одновременно съ возвышеніемъ Суздаля зародилось также ядро будущаго княжества — г. Владиміръ на р. Клязьмѣ,

[1]) Велик. и удѣльн. князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ... А. В. Экземплярскій, т. II, ст. 101. Путеводитель по Яросл. губ. Ѳ. Никольскій, ст. 43.

сооруженный В. Мономахомъ для защиты границъ отъ Святославичей [1]). Въ 1174 г. Ростовское княжество, ставшее съ Андрея Боголюбскаго Владимірскимъ, впервые распадается на два равноправныя—Владимірское и Суздальско-Ростовское. Въ 1175 г. при Михаилѣ Юрьевичѣ (Михалкѣ) оно опять сливается въ одно, но выдѣляетъ изъ себя новое, первое подудѣльное (здѣсь) Переяславское. Въ 1207 г. вновь распадается на два же,—сѣверное—подудѣльное [2]) отъ Ростова къ С. и южное великое—отъ Ростова къ Ю. Въ 1208 г. при кн. Константинѣ Всеволодовичѣ вторично сливается въ единое, но въ 1218 г. сѣверное разбивается окончательно на три самостоятельныхъ: Ростовское, Ярославское и Угличское. Съ этихъ поръ дробленіе ярославскихъ княженій идетъ непрерывно, все возростая, до XV в. Въ послѣдней трети его эти княжества исчезаютъ окончательно, лишившись своихъ владѣтельныхъ князей и превратившись въ простыя земли Московскаго государства, а точнѣе, въ отчинныя земли его великаго князя. Собственно Ростовское княжество въ XIII в. при внукахъ Константина Всеволодовича распадается на Ростовское и Бѣлозерское. Въ XIV в. первое дѣлится на Стрѣтенскую и Борисо-Глѣбскую части или стороны, изъ Срѣтенской части выдѣляется Пріимковское княжество (по с. Пріимково), изъ Борисо-Глѣбской Пужбольское (по селу же) и т. д. Ярославское княженье стало дробиться позже, лишь въ XIV в. при пра-правнукахъ Константина (внукахъ Ѳ. Р. Чернаго, † 1299 г.), разбившись (въ 1321 г.) на Ярославское и Мологское. Правнуки Чернаго дѣлятъ первое на Ярославское, Шехонское и Романовское. Слѣдующее поколѣніе дѣлитъ первое на Новленское и Заозерское (по селамъ) [3]), изъ Шехонскаго выдѣляется Шаховское, изъ Романовскаго Дѣевское (по городищу), Шаховское же (другое) и Ухорское и т. д. Уже при второмъ дѣленіи Ярославскаго княжества двое наслѣдниковъ Ярославскаго князя Василья Давидовича Глѣбъ и Романъ получаютъ не города съ ихъ областями, а лишь земли и принуждены сами

---

[1]) О поученіи В. Мономаха. Н. В. Шляковъ, оттискъ, ст. 112; Лѣт. пр. Нест. 147; Н. Карамзинъ. Исторія государства Россійск. 1830 г. II, 130.

[2]) Настоящее подудѣльное, отъ отца къ сыну.

[3]) Позже выдѣлило еще Курбское (по селу).

строить себѣ свои, выражаясь высокимъ слогомъ, столицы. Первый сооружаетъ на Шекснѣ городокъ Княжичи (Княжичъ городокъ), второй въ 1345 г. на Волгѣ городокъ, прозванный жителями по по его владѣльцу—«Романовымъ городкомъ» [1]). Княжичи нынѣ простое село безъ всякихъ слѣдовъ былого. Второму посчастливилось болѣе всѣхъ ярославскихъ подудѣльныхъ городковъ. Онъ выжилъ до нашихъ дней, сохранивъ свои земляныя укрѣпленія и оставивъ довольно много слѣдовъ въ письменности. Поэтому на его судьбѣ можно прослѣдить судьбу и другихъ подобныхъ городковъ. Его основатель Романъ Васильевичъ выбралъ для него одно изъ самыхъ высокихъ мѣстъ ярославскаго поволжья между двумя глубокими оврагами (водомоинами) на крутомъ берегѣ Волги. Тутъ онъ насыпалъ четыреугольный въ планѣ валъ, на немъ, вѣроятно, по обычаю времени поставилъ тынъ, а можетъ быть, срубилъ и стѣну, внутри городка построилъ хоромы и службы, а потомъ, надо думать, и церковь, такъ какъ мѣстность была мало населенной [2]). Изъ селеній съ болѣе старыми и типичными русскими названіями въ окрестностяхъ Романова можно указать лишь д.д. Шеломово, Мирославку, Мирогостово, Ратмирово и Ратислово, т. е., сравнительно, лишь незначительную осѣдлость. Тою же малонаселенностью можно объяснить и появленіе на противоположной сторонѣ Волги противъ новаго городка слободы, позже прозванной Борисо-Глѣбскою, конечно, по церкви. Надо думать, что эта слободка, первое время незначительная и безымянная, построилась вскорѣ по основаніи Романова, при первомъ романовскомъ князѣ, т. е. пока романовскіе князья еще не оскудѣли. До поздняго времени она оставалась рыбачьею. Романовъ городокъ былъ очень не великъ, уцѣлѣвшій валъ его равенъ всего 375 саж. протяженія. Когда возникъ около Романова посадъ,—трудно сказать, но, должно быть, не рано. Жилось въ городкѣ, какъ въ новомъ, ничѣмъ не связанномъ съ населеніемъ, привыкшимъ тянуть къ Ярославлю, не богато и не весело,

---

[1]) Временникъ общ. ист. и древн. рос., т. X.

[2]) Грозный поселилъ въ окрестностяхъ Романова 700 луковъ нагайскихъ татаръ съ ихъ мурзами. О церквахъ, бывшихъ въ городкахъ, часто повѣствуютъ преданія. (См. выше).

особенно же наслѣдникамъ основателя. Они дробили родительскій удѣлъ все на большее и большее число частей, соотвѣтственно чему все болѣе и болѣе уменьшались доходы каждаго изъ владѣльцевъ такихъ частей. Поэтому понятно, что новое княжество просуществовало всего около 100 лѣтъ, а затѣмъ было продано его владѣльцами женѣ московскаго великаго князя Василія Васильевича Темнаго (1425—1462 г.) Маріѣ Ярославнѣ. Послѣдняя въ 1463 г. «срубиша на Волзѣ городокъ Романовъ». Возможно, что это «срубиша» было вызвано отсутствіемъ на валахъ Романова деревянной стѣны, но вѣрнѣе, ветхостью стараго тыннаго города, поддерживать который въ порядкѣ послѣднимъ романовскимъ князьямъ было не подъ силу, какъ обѣднѣвшимъ и маломощнымъ [1]). Переходъ Романова въ отчину московскихъ великихъ князей, а главнымъ образомъ его приволгское мѣстоположеніе спасли его отъ запустѣнія и забвенія, постигшихъ большинство другихъ княжеско-подудѣльныхъ городковъ. Покинутые послѣ продажи ихъ, ихъ владѣльцами, по уходѣ послѣднихъ на службу, эти гнѣзда подудѣльныхъ князей, какъ *частная,* (а не общественная) собственность, постепенно разрушались на подобіе помѣщичьихъ усадебъ послѣ 1861 г. Память о ихъ владѣльцахъ у мѣстнаго населенія съ каждымъ новымъ поколѣніемъ изглаживалась все болѣе и болѣе и въ концѣ концовъ отъ всего былого оставалось одно слово «городокъ» или «городище», да и то нерѣдко, благодаря лишь надобности обозначить какъ нибудь остатки огражденій бывшаго города. Подгородныя же слободы, населенныя «черными» людьми, какъ обитавшіяся и по выдворенія бывшаго владѣльца ихъ земли изъ его города, продолжали существовать и существуютъ, не подозрѣвая о своихъ минувшихъ судьбахъ. Указанная судьба не могла бы постигнуть множество русскихъ городовъ, если русскіе словяне жили бы городами—общинами. Болѣе того, при этомъ условіи не мыслимо допустить даже самое возникновеніе и существованіе подобныхъ городковъ: чего ради

[1]) Даже московскіе воеводы XVII в. весьма часто жаловались на трудности собирать уѣздныхъ людей и не для стройки, а лишь для починокъ городовъ, наприм. Углича. Никакіе царскія указы не дѣйствовали.

князю, да еще поздняго времени (XIV—XV в.) было бы строить городъ на пустырѣ, разъ существовалъ бы городъ общины?

Болѣе ранніе городки строились ихъ основателями по старымъ пріемамъ и по образцамъ древнихъ русскихъ городовъ и во всемъ, кромѣ размѣровъ, напоминаютъ ихъ. Строители болѣе позднихъ городковъ,—подъ вліяніемъ увеличившейся безопасности, а иногда и по трудности отысканія въ своемъ удѣлѣ подходящаго мѣста,—начали отступать отъ дѣдовскихъ преданій. И мы находимъ многіе городки уже не на мысахъ и даже не на берегахъ рѣкъ или озеръ, а среди полей на ровномъ мѣстѣ (см. выше перечень). Только одно названіе городокъ или городище какого-либо урочища указываетъ изслѣдователю, что тутъ когда-то былъ городъ подудѣльнаго князя. Болѣе поздніе потомки подудѣльныхъ князей перестали даже вовсе строить городки, а получая выдѣлъ изъ отцовскаго владѣнія, выдѣлъ неуклонно уменьшавшійся, ограничивались постройкою въ одномъ изъ существовавшихъ уже въ немъ селеній княжаго двора. Появлялся уже не княжій городъ, а простая усадьба, при чемъ и все княжество нисходило на степень простого помѣстья. Но помѣстья не жалованнаго, а отчиннаго, идущаго отъ предковъ, т. е. такого, правомъ на владѣнія которымъ его владѣлецъ не былъ обязанъ никому, кромѣ своего родоначальника, общаго для всѣхъ русскихъ князей полу-баснословнаго Рюрика. Такъ поступили, видимо, родоначальники князей Прозоровскихъ и др. По крайней мѣрѣ вещественныхъ слѣдовъ своего пребыванія въ тѣхъ селахъ, въ которыхъ жили и отъ которыхъ получили свои прозвища. Тамъ не сохрани-лось не только валовъ или чего-нибудь подобнаго, но даже преданій,—гдѣ былъ княжій дворъ и хоромы. Ничего такого не случилось бы, если эти селы были бы не княжескія усадьбы только, а развились бы изъ княжескихъ городковъ. Хотя въ нѣсколькихъ изъ нихъ и хотя плохо, но все же сохранились бы какіе-нибудь слѣды такихъ городковъ. Отъ деревянныхъ же княжескихъ дворовъ и хоромъ, разумѣется, ничего не могло уцѣлѣть, и, уничтоженное временемъ, пожарами и т. п. ничѣмъ не подновляемое, оно исчезло изъ памяти народной. Москва, забиравшая въ свои руки и насильемъ, и куплею земли всѣхъ удѣльныхъ и подудѣльныхъ князей, съ своимъ «испомѣщеніемъ» на нихъ слу-

жилаго сословія, т. е. съ отводомъ отобранныхъ родовыхъ княжескихъ земель, совсѣмъ чужимъ, стороннимъ для нихъ лицамъ отъ бояръ [1]) московскихъ до дѣтей боярскихъ,—сперва въ помѣстья, а потомъ и въ отчины,—стерла и княжескія гнѣзда, и память о самихъ князьяхъ. Закрѣпощеніе крестьянъ съ пріуроченіемъ ихъ къ помѣстнымъ или помѣщиковымъ родамъ и съ отдачею ихъ на волю представителей этихъ родовъ еще болѣе содѣйствовало тому же. На мѣсто князя становился помѣщикъ, неимѣвшій ничего общаго съ первымъ и начинавшій властвовать надъ свободными, когда-то добровольно нанявшими для себя князей, людьми,—не имѣя на то никакого права (хотя бы въ видѣ только обычая). Его замѣняла воля московскаго князя, основанная и державшаяся почти исключительно на грубой силѣ. Лихолѣтье, на зарѣ XVII в. поставившее все вверхъ дномъ и сдѣлавшее народъ изъ порабощеннаго вновь господиномъ, а затѣмъ воскресшее крѣпостное право уничтожили въ народѣ и послѣдніе отзвуки памяти о бывшихъ его князьяхъ, подмѣненныхъ барами (боярами), не особенно рѣдко вышедшими изъ его же среды. И древнія удѣльно-княжескія гнѣзда такъ и ускользнули бы отъ науки, если ихъ судьбою не занялось бы древлевѣдѣніе.

Русскіе княжескіе городки приближаются, по своему значенію, къ западнымъ феодальнымъ замкамъ, изводъ тѣхъ и другихъ почти одинаковъ и судьбы ихъ схожи. Это сходство было бы еще больше, если развитію подудѣловъ не помѣшала бы Москва. Она вновь слила въ одну землю, въ одно Московское государство уже разъ объединенное-было предками его князей, но ими же (болѣе поздними) и раздробленное на множество мелкихъ княжествъ Русское государство. Это дробленіе создалось, благодаря исключительно семейно-родовому строю, легшему въ основу всей русской жизни.

---

[1]) Среди московскихъ бояръ было много прежнихъ владѣтельныхъ удѣльныхъ князей, которые, собственно говоря, какъ происшедшіе отъ князей владыкъ, не должны были бы превращаться въ подданныхъ и слугъ. Только нужда и слабость превратили ихъ въ таковыхъ. Первоначально они противились этому и, уступая свои княжества московскому князю, вступали къ нему въ службу, какъ равные, какъ князья, хотя и мéньшіе, т. е., по преемству, въ отношеніяхъ дѣтей къ отцу.

Какъ отъ одного отца происходилъ цѣлый родъ, такъ и изъ одного основного государства Рюрика образовались десятки мелкихъ, выдѣлявшихся изъ основного члена разроставшагося рода. Если Москва во время, хотя и безъ ясно сознаваемой конечной цѣли, т. е. безъ государственной задачи, не положила бы предѣла развитію удѣльщины, удѣльщики выработались бы со временемъ въ настоящихъ феодаловъ и закрѣпостили бы своихъ подданныхъ еще раньше Москвы. Яркому проявленію феодализма или удѣльнаго князьства въ Россіи помѣшало главнымъ образомъ отсутствіе прочнаго объединенія русскаго народа одною общею властью надъ нимъ въ болѣе раннюю пору его сложенія. Пришлые правители этого народа не завоевали его, а были имъ наняты, были его слугами по договору и при томъ ихъ было очень небольшое количество. Вслѣдствіе этого они безъ помощи, а стало быть и безъ воли своихъ подданныхъ не могли предпринять никакихъ значительныхъ выступленій. Завися во всемъ отъ подданныхъ, и стоя съ ними въ отношеніяхъ сомнительнаго довѣрія другъ къ другу, правители должны были во всемъ сообразоваться съ настроеніемъ подданныхъ и быть очень осторожными. Имъ нечѣмъ было надавить на нихъ и заставить ихъ исполнять свою волю. Этимъ объясняется то, что русскіе князья даже въ завоеванномъ ими (Олегомъ и его преемниками) собственно Русскомъ государствѣ (Кіевской землѣ) не могли сдѣлаться неограниченными повелителями. Даже послѣ введенія христіанства, т. е. послѣ водворенія при княжескомъ дворѣ греческаго (византійскаго) вліянія съ его идею монархизма, князья оставались зависимыми отъ народа. Но разъ князья не смогли или не сумѣли забрать въ свои руки достаточный объемъ власти и обаянія съ перваго раза, потомъ это сдѣлать было еще труднѣе, ибо они слились съ народомъ, стали своими и переплели свои интересы съ народными. Только при помощи татаръ, т. е. чужой внѣшней и и враждебной народу силы князья получили возможность и средство поработить народъ. Къ чести русскихъ князей большинство изъ нихъ этого не сдѣлало и воспользовались татарами, главнымъ образомъ, лишь московскіе князья, которые и добились въ концѣ концовъ самодержавія. Но чтобы достигнуть его, они должны были

обезсилить и свести къ нулю остальныхъ князей—своихъ противниковъ и конкурентовъ. Они и выполнили свою задачу довольно тонко и умно, изъявъ изъ русской жизни то начало, изъ котораго одного только и могли развиться въ Россіи феодалы, такъ какъ прочія сословія не имѣли никакой общепризнанной, самостоятельной власти. Представители этихъ сословій съ первыхъ дней существованія Русскаго государства дѣйствовали именемъ или земства—вѣча, или князя—его избранника и ставленника (если не всегда въ дѣйствительности, то всегда въ представленіи, въ теоріи, въ принципѣ).

Маленькія, даже крошечныя княжества подудѣльныхъ князей давали имъ незначительный доходъ, котораго часто съ трудомъ хватало лишь на собственное содержаніе и обиходъ [1]). Поэтому о содержаніи большаго двора, рати, суда, подъячества и прочей княжеской обстановки не могло быть рѣчи. И князьямъ въ своихъ княжествахъ приходилось или самимъ все дѣлать, или ничего не дѣлать; жилось скучно и трудно. Поэтому очень многіе изъ подудѣльныхъ князей проживали у старшаго удѣльщика въ отцовскомъ или дѣдовскомъ городѣ, помогая его владѣльцу, а своихъ подданныхъ поручая наблюденію своего ставленника. Въ 1433 г. галичскіе князья Василій и Димитрій Юрьевичи, по пути въ Галичъ послѣ ссоры съ московскимъ княземъ, ограбили Ярославль, принадлежавшій кн. Александру Ѳеодоровичу—Брюху, сторонніку Темнаго, а вмѣстѣ съ нимъ и казны многихъ ярославскихъ подудѣльныхъ князей [2]), хранившіяся тамъ. Слѣдовательно подудѣльные князья не только сами иногда не жили въ своихъ городахъ, но часто не вывозили въ нихъ и болѣе цѣннаго своего имущества. Такое обстоятельство очень понятно. Оно являлось слѣдствіемъ съ одной стороны опасенія за сохранность имущества въ маленькомъ городѣ, который сплошь и рядомъ и защищать было не кому, съ другой стороны привычкою къ отцовскому городу. Подудѣльщики,— въ большинствѣ случаевъ, родные братья,—родились въ немъ, вмѣстѣ играли и росли,

[1]) Нѣкоторые изъ князей Солнцевыхъ нынѣ простые крестьяне.

[2]) Никоновская лѣтоп., ч. V, ст. 113; Истор. губ. гор. Ярославля. І. Троицкій, стр. 29.

тамъ было все для нихъ свое, родное и знакомое, съ отцовскимъ городомъ связывались воспоминанія о безпечной юности и множество привязанностей. Наконецъ въ него влекла и болѣе развитая городская жизнь, тогда какъ въ строившихся новыхъ городкахъ ихъ владѣльцамъ иной разъ даже слова сказать было не съ кѣмъ. Болѣе домовитые, дѣловые и устойчивые въ концѣ концовъ втягивались въ дѣло и свыкались съ новымъ положеніемъ, погружаясь въ хозяйственные хлопоты. Менѣе же устойчивые и менѣе способные или проживались у старшаго удѣльщика — получавшаго отцовскій городъ, или, продавъ свой выдѣлъ, уходили въ службу къ другимъ князьямъ подъ ихъ крылышко. Нѣкоторые, продавая свою часть, оставляли за собою свои усадьбы. Такъ князья Курбскіе владѣли с. Курбою еще въ XVI в., Шаховскіе держали земли въ Ярославской губерніи до XX в. включительно, впрочемъ не прямо родовыя, а пріобрѣтенныя то бракомъ, то куплею, то по стороннему наслѣдству.

Но если городки подудѣльныхъ князей, по краткости время ихъ обитанія, сплошь и рядомъ не успѣвали пріобрѣсти ни какого имени, то сами князья,—владѣльцы городковъ получали отъ своихъ подданныхъ очень скоро и очень прочныя прозвища, по которымъ можно судить о взглядахъ народа на своихъ правителей и, до нѣкоторой степени, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Эти прозвища не рѣдко не только насмѣшливы, но и обидны, даже оскорбительны. Вмѣстѣ съ тѣмъ они встрѣчаются тѣмъ чаще, чѣмъ больше мельчали князья. Для примѣра приведу нѣкоторыя прозвища. Изъ потомковъ ярославскихъ князей Александра Ѳедоровича звали Олёнкой, какъ до сихъ поръ въ Ярославлѣ называютъ сплетниковъ, болтуновъ и т. п. Ивана Даниловича—Хомякомъ, Ивана Семеновича—Шолухой, Ивана Михайловича—Чулкомъ, Петра Ѳедоровича—Ногавицей, Юрья Ѳедоровича—Сорбкой, Ивана Ивановича—Дуракомъ, другого Ивана Ивановича—Сосуномъ, Михаила Ивановича—Глазатымъ хортомъ (борзая собака), Ивана Романовича—Неблагословеннымъ свистуномъ, Ѳедора Семеновича Шехонскаго—Дубовымъ носомъ, Ивана Ивановича Засѣкина—Елдашомъ [1]), Андрея

[1]) Елда—ялда въ мѣстномъ говорѣ обозначаетъ мужской дѣторродный членъ.

Петровича Солнцева—Фуникомъ. Изъ ростовскихъ князей срѣтенской вѣтви Андрея Андреевича—Нюнкой [1]), борисоглѣбской вѣтви Ивана Ивановича—Брюхомъ, Семена Ивановича—Вершей [2]) и т. д. Такихъ же прозвищъ, какъ кривой, косой, хромой, губастый и т. п. множество. Чѣмъ больше мельчали потомки Рюрика, тѣмъ больше сокращалась ихъ княжеская, правительственная дѣятельность. Въ концѣ концовъ они прекратили выдачу даже жалованныхъ грамотъ и ограничивались простыми вкладными записями, неимѣвшими ни какого административнаго значенія. Когда-то повелѣвавшіе стали простыми гражданами и не сохранили ничего, кромѣ ни къ чему не обязывающаго величанія «князь», «ваше сіятельство». Новая жизнь требуетъ и новыхъ заслугъ передъ народомъ для того, чтобы снискать себѣ его уваженіе.

Ил. А. Тихомировъ.

15 іюня 1909 года.

---

[1]) Нюнить=хныкать, нюнка=плакса, нытикъ; фунить=выпускать «вѣтры».

[2]) Сплетенный изъ ивовыхъ прутьевъ рыболовный приборъ. Склонность давать прозвища въ природѣ русскаго и ярко проявляется донынѣ среди крестьянства, мѣщанства и купечества поволжья.

Иконографія Рождества Христова

по даннымъ Ярославскихъ памятниковъ и по священной и святоотечественной письменности.

> Небо и земля днесь совокупишася рождшемуся Христу; днесь Богъ на землю пріиде и человѣкъ на небеса взыде... (Утреня 23 д.; на литіи стихиры самогласны).

> Икона въ восточной церкви есть прежде всего идея въ образѣ,—иконописецъ — богословъ, а затѣмъ уже художникъ.
>
> *Н. В. Покровскій.*

Икона, по мысли отцовъ и учителей церкви, есть не просто прекрасно исполненное, блещущее совершенствомъ техники и привлекающее къ себѣ вниманіе любителя изящнаго, художественное произведеніе, а священное изображеніе, имѣющее великое, религіозно-воспитательное значеніе, возбуждающее въ христіанинѣ чувство, съ одной стороны, умиленія и благодаренія Богу за Его снисхожденіе и милосердіе къ человѣку, а съ другой,—сознанія своего недостоинства, своей грѣховности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и стремленія къ возрожденію и исправленію. Ѳеодоръ, епископъ аморейскій, на VII вселенскомъ соборѣ прямо заявляетъ, что св. иконы введены въ церкви для назиданія вѣрующихъ. Ѳеодоръ, святѣйшій епископъ аморейскій, сказалъ: «божественный апостолъ учитъ и говоритъ: елика преднаписана быша въ наше наказаніе преднаписашеся» (Р. 15, 4). Итакъ, эти святыя и досточтимыя иконы и живописныя картины и изображенія, дѣлаемыя на деревѣ, равно какъ и мозаическія, написаны въ наше наставленіе, въ образецъ намъ и для пробужденія въ насъ ревности къ подвигамъ святыхъ, чтобы и мы явились такимъ же образцомъ и проявили подвижническую ревность

по Богѣ, чтобы и насъ Онъ удостоилъ жребія и части святыхъ и сдѣлалъ наслѣдниками царствія Своего» [1]).

Сознавая значеніе церковнаго искусства, св. отцы настойчиво совѣтуютъ пользоваться имъ. Св. Василій В. прямо говоритъ, что все воспринимаемое слухомъ должно быть воспроизведено кистью художника: «что повѣтствовательное слово передаетъ черезъ слухъ, то живопись показываетъ молча чрезъ подражаніе» [2]). Пр. Нилъ синаитъ совѣтуетъ епарху Олимпіодору украсить храмъ священными изображеніями, а алтарь изображеніемъ св. креста. Зрѣлому же и мужественному смыслу свойственно въ святилищѣ на восточной сторонѣ изобразить только крестъ. Ибо единымъ спасительнымъ крестомъ спасается человѣческій родъ и повсюду проповѣдуется надежда людямъ отчаяннымъ; а святый храмъ и здѣсь и тамъ пусть рука искуснѣйшаго живописца наполнитъ исторіями ветхаго и новаго завѣта, чтобы и тѣ, которые не знаютъ грамоты и не могутъ читать божественныхъ писаній, разсматривая живописныя изображенія, приводили себѣ на память мужественные подвиги искренно послужившихъ истинному Богу и возбуждались къ соревнованію достославнымъ и приснопамятнымъ доблестямъ, по которымъ землю обмѣнили на небо, предпочтя видимому невидимое [3]). Разъ иконографія является воспитательницей, наставницей христіанина и вмѣстѣ съ тѣмъ истолковательницей церковнаго вѣроученія и вѣросознанія, то понятно, что такое событіе, какъ Рождество Христово, не могло пройти незамѣченнымъ изографами. И данныя христіанской иконографіи вообще и ярославской въ частности не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Ярославскія церкви богаты изображеніями Рождества Христова, въ одной и той же церкви находится по нѣсколько изображеній весьма разнообразно написанныхъ. Самыя данныя иконографіи Р. Христова по своему виду раздѣляются на 4 группы: иконы, фрески, лицевые акаѳисты и миніатюры, тѣсно связанныя между собою единствомъ изображаемаго ими сюжета, они, однако, различаются между собою подробностями. Первыя три группы, за небольшимъ исключеніемъ,

---

[1], [2], [3]) Дѣянія VII всел. собора. Казань, изд. л. с. 119, 70, 126.

представляютъ, собственно, Р. Христово, а послѣдняя, какъ бы ихъ дополняя, изображаетъ одновременно съ этимъ и еще предшествующее этому событіе,—Благовѣщеніе Б. Матери, признаваемое церковью за начало спасенія человѣка. «Избавленіе,—говорится въ Богород. по 4-й п.,—посла Господь, якоже писано есть людемъ и племенамъ и языкомъ, нынѣ люди бо себѣ вся содѣваетъ, единому вѣрою поклоняющіеся воплощенію сыновню и тебѣ, Богородице, исповѣдающія». По мнѣнію І. Златоуста, что ангелъ не прямо возвѣщаетъ Приснодѣвѣ о рожденіи Ею Сына Божія, а сначала говоритъ—«радуйся», имѣетъ великое значеніе; словомъ «радуйся» ангелъ разрѣшилъ Ее отъ Еввиной печали, а потомъ уже возвѣстилъ и о воплощеніи отъ Нея Бога-Слова. Такъ какъ осужденной женѣ не приличествовало родить Невиннаго, то сначала приходитъ разрѣшающій Еввину печаль черезъ радость. Приходитъ ангелъ, говорящій Дѣвѣ: «радуйся, Благодатная» (Л. 1, 22). Словомъ «радуйся» онъ разрѣшаетъ узы печали. Радуйся: пришелъ разрѣшающій скорбь. Радуйся Благодатная, такъ какъ доселѣ была подъ клятвою. Замѣчай здѣсь благодать Божію. Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою. Между тѣмъ какъ съ тою змій въ печали, Ты радуйся, потому что съ Тобою Богъ. И смотри, какъ слово ангела указываетъ все домостроительство Христово. Радуйся, Благодатная. Такъ какъ Ева подверглась двойной клятвѣ печали и скорби, о страданіи, онъ указываетъ на рожденіе разрѣшающаго тѣ роды: «Се грѣхъ ихъ». Произрастающій отъ тебя плодъ разрѣшаетъ грѣхи отцовъ твоихъ [1]). Это было частное разрѣшеніе женской скорби, а общее дано было женамъ въ лицѣ мироносицъ Самимъ Спасителемъ въ день Его воскресенія у гроба источника спасенія [2]). Самое событіе трактуется изографами двояко —въ домѣ, согласно евангельскому повѣствованію (Л. 1, 28) и у источника, согласно преданію, при чемъ преданіе говоритъ, что Дѣва сначала получила благовѣстіе у кладезя, а потомъ уже и въ домѣ, гдѣ занималась пряденіемъ кокина, даннаго Ей іереемъ. «Бысть, говоритъ преданіе, совѣтъ отъ іерей,

---

[1]) Твор. св. І. Златоуста; 1900 г. VI; 2 § VI, с. 816.

[2]) Твор. св. отцевъ. 1889, т. I, с. 112—3.

глаголющь: да сотворимъ катапетазма церкви Господни; и рече іерей слугомъ: призовите дѣвы нескверны 8 колѣна Давидова и идоша слуги, изыскавше, 7 дѣвъ обретоша. И помяну іерей отроковицу Марію, яко бѣ отъ колѣна Давидова и нескверна Богу, и идоша слуги и приведоша ю въ церковь Господню. И рече іерей, «извѣстимся здѣ кто имать отъ васъ злато нескверно, и висъ, и сурикъ, и воскинта, и кокинъ, и ставую порфиру». И паде жребій Маріи и вземше Марія, иде въ домъ свой. Во время же оно Захарія умолча и бысть Семеонъ вмѣсто его, дондеже проглагола Захарія. Марія же, вземше кокинъ, скакаше. И вземше водоносъ, изыде почерпнути воды, и се гласъ бысть къ ней глаголя: «радуйся обрадованная, Господь съ Тобою, благословенна Ты въ женахъ». И озрѣся одесную и ошую, откуда бысть гласъ сей, и убоявшися, иде въ домъ свой; и поставльши водоносъ, вземше порфиру сѣдѣ на престолѣ своемъ искаше. И се ангелъ Господенъ ста предъ нею, глаголя: «не бойся Марія обрѣла бо еси благодать предъ Богомъ и зачнеши убо и родиши сына Его[1])». При чемъ, какъ видно изъ изображенія Благовѣщенія Б. М. на лицовомъ акаѳистѣ вокругъ иконы Рождество Б. М. (въ златоустокремлев. ц.) городъ Назаретъ расположенъ былъ на значительномъ разстояніи отъ кладезя, стоявшаго у подножія холма, по игумену Даніилу (XII ст.) кладезь отстоялъ, на полетъ стрѣлы, пущенной добрымъ стрѣльцомъ...—яко до стрѣлитъ добръ стрѣлецъ». По мнѣнію Гейна, древній Назаретъ лежалъ еще выше нынѣшняго;—Назаретъ, говоритъ авторъ, судя по старинным цистернамъ и гробницамъ находился еще выше на холмѣ, чѣмъ современный городъ, то слѣдовательно и разстояніе отъ него до источника въ тѣ дни было довольно большое [2]). За Благовѣщеніемъ слѣдуетъ, согласно евангельскому повѣствованію (Л. 2; 6—7) изображеніе Рождества Христова. И это дѣйствительно такъ, но на нѣкоторыхъ ярославскихъ памятникахъ замѣчается нѣчто особенное, т. е. являющееся соединительнымъ звеномъ между Благовѣщеніемъ Б. М. и Р. Христовымъ.

---

[1]) Христ. чтеніе, 1891 к. 5—6 Н. В. Покровскій.—Благовѣщеніе Б. М. въ памятникахъ станоч. преимущественно визант. и русской с. 273—4.

[2]) Гейна,—Св. Земля, 72, ст. 857.

Эта особенность выразилась въ представленіи путешествія Приснодѣвы съ своимъ обрученникомъ св. старцемъ Іосифомъ изъ Назарета въ Виѳлеемъ и пріисканія ими въ городѣ убѣжища. И это изображеніе не представляетъ ничего страннаго: оно находитъ себѣ объясненіе въ Св. Писаніи.— Согласно пророченію пророковъ, Мессія не только долженъ былъ родиться отъ Давида, а въ его родномъ городѣ — Виѳлеемѣ.

Въ Палестинѣ было два Виѳлеема,— одинъ изъ нихъ лежалъ на сѣверѣ страны, въ предѣлахъ Вавилона, а другой — на ея югѣ, въ Іудеѣ. И вотъ, чтобы не было сомнѣнія откуда придетъ Мессія, въ какомъ Онъ родится городѣ, пр. Аввакумъ говоритъ, что чаяніе языковъ придетъ отъ юга и наполнитъ своей славой всю землю и стопы Его пройдутъ по полямъ, т. е. Онъ будетъ Еммануилъ. И что Святый Божій, Который есть Богъ, придетъ,— говоритъ св. Ириней Ліонскій,— изъ страны, которая лежитъ, къ югу наслѣдія Іудина; а что изъ Виѳлеема, гдѣ и родился, Господь пошлетъ свою хвалу на всю землю, такъ говоритъ пророкъ Аввакумъ: Богъ отъ юга пріидетъ и Святый съ горы Ефремъ. Сила Его покрыла небо и земля полна славы Его. Предъ лицемъ Его предыдетъ слово и стопы Его пройдутъ по полямъ. Онъ ясно показываетъ, что это Богъ и что пришествіе Его въ Виѳлеемѣ и съ горы Ефремъ, лежащей къ югу наслѣдія, и что Онъ человѣкъ; «стопы Его пройдутъ по полямъ», а это признакъ Человѣка [1]). А пророкъ Михей уже ясно говоритъ, что родина Давида Виѳлеемъ выше всѣхъ іудейскихъ волостей, т. к. изъ него произойдетъ Мессія, Который всѣхъ упасетъ добрѣ на пажити тучнѣ, и первосвященники и книжники, собранные Иродомъ, на его вопросъ, «гдѣ Христосъ рождается?» единогласно отвѣчаютъ, «въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ» (Матѳ. 1,—5—6), И такъ Іисусу Христу надлежало родиться въ Виѳлеемѣ, а Его между тѣмъ Пречистая Матерь жила въ домѣ своего обрученника въ Назаретѣ; но это затрудненіе было премудро устранено Промысломъ. Извѣстно, что ко времени Р. Христова Іудея была одной изъ составныхъ частей Римской имперіи, которой въ это время управлялъ императоръ Августъ. Такъ какъ воцаренію его предше-

[1]) Правосл. обоз. 1870. к. 4; ч. II. гл. XX, § 4 с. 377—8.

ствовали гражданскія смуты, причинявшія странѣ громадный убытокъ, то вступивъ на престолъ Августъ первымъ долгомъ позаботился объ исправленіи платежныхъ силъ въ государствѣ, а для этого было необходимо узнать положеніе и число населенія въ имперіи, съ этой цѣлью Августомъ издается указъ о переписи. По отношенію къ переписи римскія области дѣлались на два класса — коренныя и промысленные, въ первыхъ переписи подлежало одно мужское населеніе, а въ послѣднихъ — и женское по достиженіи 12 лѣтъ. Причемъ въ собственно-Римскихъ областяхъ перепись происходила по мѣсту жительства, а въ восточныхъ сирійскихъ — по мѣсту происхожденія, согласно эдикту консула Клавдія, — изданному за 2 столѣтія до Р. Христова [1]). Объ этой переписи упоминаетъ и св. Лука, — говоря — Бысть же во дни тыя, изыде повелѣніе отъ Кесаря Августа, написать всю вселенную... (Л. 2, 1). Съ указомъ о переписи произошло всеобщее движеніе въ сирійскихъ провинціяхъ вообще и Палестинѣ въ частности. Повинуясь указу отправился въ путь и св. Іосифъ съ своей обрученницей — чтобы записаться въ Виѳлеемѣ іудейскомъ, какъ мѣстѣ своей родины; такъ какъ и у евреевъ, какъ въ сирійскихъ провинціяхъ былъ обычай записываться по мѣсту происхожденія, но съ нѣкоторымъ различіемъ отъ сирійскаго обычая. Это различіе заключалось въ томъ, что еврейская дѣвица сирота, если у ней нѣтъ братьевъ, то подлежала переписи наравнѣ съ мужчинами (Числъ,—27 8 и 36; 6—7). Она, замѣчаетъ преосв. Иннокентій, была по преданію послѣдняя въ своемъ родѣ, ни имѣла ни сестеръ, ни братьевъ, а таковыя, яко наслѣдницы имени и всего рода отеческаго подлежали переписи наравнѣ съ мужчинами [2]).

Опираясь на повѣствованіе св. евангелиста (Л. 2; 3—5), художникъ и изображаетъ путешествіе св. Обрученниковъ изъ Назарета въ Виѳлеемъ; это изображеніе на Ярославскихъ памятникахъ встрѣчается на миніатюрѣ въ златоусто-коровниц. церкви (вокругъ иконы Владимірской Б. М. и Р. Христова въ Христорождеств. ц.). Путешествіе и въ настоящее время затруднительно въ Палестинѣ,

[1]) Вѣра и Разумъ—1891 г. № 14, ст. 103.

[2]) Соч. Иннокентія. 8 ст. 379. 1907.

а въ то отдаленное время въ связи съ орографіей края и временемъ года, въ какое пришлось идти, еще болѣе увеличивало тягость пути. Это было зимнее время, и самое неудобное, это было время дождей, перемежающихся снѣгомъ и морозомъ и обратно, почему дороги становились почти непроходимыми, а особенно затруднителенъ былъ спускъ и подъемъ по горнымъ тропинкамъ, частью разбухшимъ, обледенѣлымъ; такъ что и самая осторожность не всегда могла предохранить отъ опасности. Въ это-то по истинѣ глухое время и пришлось идти изъ Назарета въ Виѳлеемъ, лежащій отъ перваго на разстояніи 120—140 в., на что требовалось около 3—4 дней, по прямому пути. Въ Виѳлеемъ изъ Назарета было два пути — прямой и окольный, краткій, но трудный. Назаретъ, замѣчаетъ Дидонъ, — отстоитъ отъ Виѳлеема на разстояніи 3—4 дней пути ходьбы по прямому пути чрезъ Изральскую долину, чрезъ самарійскія и іудейскія горы, чрезъ Гинею, Веѳиль, Тель-эль-Фулъ, Іерусалимъ и долину Рефаимъ [1]). Безъ сомнѣнія Іосифъ избралъ этотъ, хотя и дальній, но болѣе удобный путь и отправился въ Виѳлеемъ въ концѣ декабря, а по еврейскому счету въ 21 д. новаго мѣсяца церковнаго года [2]).

Въ изображеніе этого путешествія мѣстные памятники вносятъ нѣкоторую подробность, — а именно путешественниковъ, какъ въ Виѳлеемъ, такъ и Египетъ сопровождаетъ старшій сынъ Іосифа Іаковъ. Пречистая сидитъ на ослѣ, котораго въ поводу ведетъ Іосифъ босой и съ открытой головой, а сзади въ нимбѣ или такъ идетъ Іаковъ. Это дополненіе взято изографомъ изъ мѣстныхъ палестинскихъ преданій, взошедшихъ въ составъ такъ называемаго первоевангелія Іакова, написаннаго чрезъ 3—4 ст. послѣ нашихъ каноническихъ евангелій, составляющаго сводъ различныхъ сказаній о рожденіи и дѣтствѣ Іисуса Христа и бывшаго въ цѣломъ составѣ или по частямъ въ обращеніи среди другихъ русскихъ читателей, но съ нѣкоторымъ отступленіемъ отъ преданія. Въ преданіи говорится, что Іосифа сопровождали двое сыновей,—«и осѣдлавъ осла,

[1]) Дидонъ. Жизнь І. Христа. Прил. къ Палом. 1891. к. I ст. 142.

[2]) Чтен. въ Общ. Любит. Дух. Просвѣщенія. 1889 г. к. I. Лосевъ— Толкованія на евангельскія событія. Ст. 21.

и посадилъ ее и повелъ Ее сынъ его, а Іосифъ съ другимъ своимъ сыномъ послѣдовалъ за ними» [1]), но художникъ всегда изображаетъ только одного Іакова, а это означаетъ, что художнику извѣстно было преданіе въ болѣе простомъ видѣ. Да и самое положеніе Іосифа преклоннаго старца, равно его Обрученницы, заставляло старца озаботиться о помощникѣ въ пути, каковымъ лучше всего могъ быть его старшій сынъ, носившій названіе праведнаго. Косвенное указаніе на изображеніе Іакова художникъ находилъ и въ Св. Писаніи; такъ св. Лука, говоря о поклоненіи пастырей, пишетъ, что всѣ бывшіе въ вертепѣ дивились ихъ разсказу о бывшемъ имъ откровеніи (Л. 2). Хотя Іосифъ и имѣлъ себѣ помощника въ пути, но трудность дороги давала себя чувствовать и св. путники должны были остановиться для отдыха,—какъ то видно изъ миніатюры на ик. Ѳеодоровской Б. М. въ часовнѣ Спас. м. Основой для этого изображенія послужило преданіе объ отдыхѣ св. Обрученниковъ вблизи Виѳлеема.—«По далекѣ (отъ гроба Рахили) есть нива, на ней же оровѣть-гратъ камень на ней же почи св. Богородица», говоритъ преданіе [2]). Очевидно, что приближеніе къ Виѳлеему не могло не внушать радости путникамъ, на что и указываетъ миніатюра златоусто-коровниц. ц. На ней Іосифъ представленъ стоящимъ среди поля и указывающимъ возсѣдающей на ослѣ Обрученницѣ на зданіе придорожнаго хана, виднѣвшееся изъ-за утеса, согласно орографическимъ условіямъ страны. Чтобы проникнуть въ родной городъ, пишетъ Лопухинъ, путникамъ необходимо совершить крутой подъемъ въ гору и этотъ подъемъ былъ особенно труденъ въ это зимнее, сырое время,—когда отъ частыхъ дождей разрыхлялись и дѣлались скользкими ведущія къ нему дороги. Собственно виѳлеемская гора со всѣхъ сторонъ представляла обрывы, которые большими уступами спускались къ окружающимъ долинамъ и по мѣстамъ покрыты были ютившимися по нимъ виноградниками и разнообразными плодовыми деревьями [3]). При чемъ и

---

[1]) Памятн. древн.-христ. письмен. 1860. Стр. 17.

[2]) Рус. Паломникъ, 1891 г. № 13.

[3]) Лопухинъ,—Б. Ис. Н. З. 1895. ч. 2, ст. 22—3, ср. Вигуру, ч. I. ст. 347 прч. 4.

самый городъ лежитъ на двухъ холмахъ, соединенныхъ между собою сѣдловиною и съ трехъ сторонъ окруженъ долинами. Виѳлеемъ лежитъ на высотѣ 777 м. или 255 ф. надъ уровнемъ Средиземнаго моря. Онъ расположенъ на двухъ холмахъ— восточномъ и западномъ, окруженномъ съ сѣвера, востока и юга долинами, извѣстными подъ именами,—вади-эль Карубе, вади-эль Раибъ и вади-эль Геруасъ. Западный холмъ выше восточнаго, круто спадаетъ къ югу, менѣе крутъ съ сѣвера и почти теряется на западѣ. Восточный ниже западнаго, но шире. Между собою они соединены узкою полосою, имѣющею видъ сѣдла. Самый городъ расположенъ на вершинѣ и верхнихъ склонахъ холмовъ, говоритъ Покровскій [1]). Наконецъ путники достигли и первымъ дѣломъ позаботились о пріисканіи себѣ пристанища. Такъ какъ на востокѣ при входѣ въ городъ и выходѣ изъ него находится ханъ—гостинница, то св. Обрученники и входятъ въ ханъ справиться о помѣщеніи. И это отмѣчено изографомъ. Такъ на миніатюрѣ въ златоусто-коров. ц. вокругъ ик. Владимірской Б. М. представлено солидное каменное зданіе. Въ верхней части его, на террасѣ сидятъ двое въ красныхъ верхнихъ одеждахъ и островерхихъ колпачкахъ на головѣ. Одинъ изъ нихъ сидитъ сложа на груди руки, а другой съ тесакомъ въ рукѣ просматриваетъ какіе-то бумаги, а предъ ними стоятъ св. Обрученники. (Ханъ по случаю переписи могъ служить и пунктомъ для провѣрки родословныхъ списковъ). И это изображеніе не противорѣчитъ евангельскому сказанію о Р. Х., хотя св. писатель и не говоритъ, что св. путники искали себѣ пріюта, а пишетъ, что І. Христосъ родился въ пещерѣ «занѣ не бѣ имъ мѣста во обители» (Л. 2, 8); но ясно, что это произошло потому, что всѣ дома и ханъ были заняты пришельцами и св. Обрученники должны были укрыться въ первомъ попавшемся на глаза мѣстѣ и имъ оказался скотій загонъ. Не красенъ, не доброзраченъ былъ онъ снаружи и убогъ внутри, но великъ и святъ по совершившемуся въ немъ. Здѣсь совершилось великое событіе, обновившее и возродившее одряхлѣвшій и состарѣвшійся въ грѣхѣ человѣческій родъ, призвавше его къ новой

[1]) Тр. К. Д. Х. 1890 г. Покровск.—Путешеств. въ св. Землю лѣтомъ 1886 г. кн. 9, ст. 88—9.

жизни, избавившее его отъ прародительной клятвы и возвратившее ему благословеніе свыше,— родился отъ Пречистой Приснодѣвы Сынъ Божій. И Его Рождество потрясло небо и землю, содрогнувшихся отъ неизреченнаго, божественнаго милосердія къ людямъ, какъ равно устрашили адъ и смерть, увидавшихъ конецъ своей власти. Смерть и сатана, пишетъ св. Ефремъ Сиринъ, допытывались слуха о Воплотившемся. Въ изумленіи стояли они и слушали,— какъ взываютъ о Немъ ангелы: «умерщвляетъ Онъ смерть, низлагаетъ Онъ сатану; Онъ радость горнихъ; Онъ упованіе дольнихъ». Смерть и сатана тогда взглянули другъ на друга и стали держать совѣтъ—куда имъ бѣжать, гдѣ имъ укрыться? Въ пустыню бѣжалъ лукавый; въ преисподнюю укрылась смерть. Бѣжали отъ Сокровеннаго, но Онъ пришелъ въ обители ихъ.—Пришелъ въ пустыню и побѣдилъ тамъ лукаваго; нисшелъ въ преисподнюю и побѣдилъ тамъ смерть въ ея вертепѣ [1]). И самое обновленіе «рода человѣча» могло произойти только чрезъ дѣйствительное, а не призрачное явленіе Искупителя, т. е. чрезъ воспріятіе Имъ въ вѣчное ипостасное единеніе съ своимъ Божествомъ естества человѣческаго— «невидимый Христосъ, говоритъ Арнобій, не имѣющій тѣлесной субстанціи, не иначе могъ явить Себя міру, какъ воспріявъ матеріальный покровъ для того, чтобы быть видимымъ, потому что кто изъ смертныхъ могъ бы Его видѣть, если бы Онъ явилъ Себя міру такимъ, каковъ Онъ по существу? Вотъ почему Онъ принимаетъ плоть человѣка», чтобы Его можно было видѣть, чтобы Онъ могъ учить, исполнить всѣ дѣла, для которыхъ пришелъ въ міръ по волѣ высочайшаго Царя [2]). И это событіе не прошло незамѣченнымъ изографомъ и имъ изображается весьма, какъ замѣчено ранѣе, разнообразно, что объясняется данными, какими руководился изографъ. Должно замѣтить, что самое мѣсто «идѣже Христосъ родился» въ четырехъ видахъ — въ горной пещерѣ, въ сараѣ, въ домѣ,—поклоненіе волхвовъ по преимуществу въ домѣ и на открытомъ воздухѣ. Причина этого заключается въ своеобразномъ понятіи изографомъ данныхъ, сообщаемыхъ св. евангелистами Лукою и Матѳеемъ о рожденіи І. Христа.

[1]) Твор. св. Ефрема Сирина, 1851 г. т. 6, § 152, ст. 351—2, 333.
[2]) Прав. Соб. 1892 г. т. 2, ст. 151.

Задачей св. евангелистовъ было указать міру чрезъ Кого совершилось его спасеніе и повѣствуя объ этомъ, они отчасти указываютъ и мѣсто рожденія Отрочати примѣнительно къ условіямъ того временнаго быта. Но изографъ, понимая буквально слова св. Луки, что Младенецъ по рожденіи былъ положенъ во ясли — «ἐν τῇ φάτνῃ» (Л. 2, 12 и 16 ст.) писалъ Р. Христово въ скотіемъ загонѣ, примѣнительно къ условіямъ своей страны, какъ равно также, понимая слова св. Матѳея, что волхвы поклонились Владыкѣ въ храминѣ (Мат. 2, 11), изображалъ это событіе въ домѣ. Выраженіе св. Луки, что Младенецъ положенъ былъ въ ясли (Л. 2, 12) даетъ понять, что эти ясли находились не въ обыкновенномъ сараѣ, а въ пещерѣ, приспособленной къ житейской потребности, въ томъ же смыслѣ надо понимать и выраженіе св. Матѳея «въ храминѣ» (Мат. 2, 11); такъ какъ по закону роженица считалась нечистой по рожденіи сына 40, а дочери 80 дней и не могла выходить до времени очищенія изъ дому (Лев. 12; 1, 4—5), а Господь пришелъ не разорить, а исполнить законъ (Л. 2, 22). Да и общепалестинское преданіе, занесенное въ сказанія паломниковъ, единогласно свидѣтельствуетъ, что мѣсто «идѣже Христосъ родися», было въ пещерѣ. Что до изображенія Р. Х. на открытомъ воздухѣ, то это объясняется буквальнымъ понятіемъ художникомъ выраженія 131 пс. ст. 6—20. «Се слышахомъ я во Ефрафѣ, обрѣтохомъ я въ поляхъ дубравы». Пророкъ говоритъ здѣсь о рожденіи Мессіи въ Виѳлеемѣ іудейскомъ, и что оно совершится внѣ града. Что Рождество Христово произошло въ пещерѣ, то это объясняется условіями страны. Св. земля въ орографическомъ отношеніи представляетъ мало доступную, чрезвычайно пересѣченную мѣстность, прорѣзанную то довольно значительными, то глубокими, но узкими долинами, изъ которыхъ большею извѣстностью пользуются Іорданская, Аіалонская, Изреельская, Саронская и Мештдонская [1]). Что же до Іудеи, то она на всемъ пространствѣ представляетъ слошную цѣпь горъ,—чрезъ нее проходятъ Іудины горы, превосходящія своей высотой горы, окружающія Іерусалимъ—«отъ страны же полуден-

[1]) Душеп. чтеніе. 1886 г. ст. Елеонскаго.

ныя, пишетъ Григоровичъ, зрятся горы высшія Іерусалимскихъ» [1]), да и самый Виѳлеемъ лежитъ на высотѣ 777 м.=225 ф. надъ уровнемъ моря. По геологическому строенію онѣ состоятъ изъ известковой и меловой формаціи, какъ нельзя болѣе способной къ образованію пещеръ. Въ этомъ случаѣ замѣчательна пещера, открытая Тоблеромъ въ деревнѣ Пурейшунъ, на ю.-в. отъ Виѳлеема. Пещера эта находится въ скалѣ, на южной сторонѣ долины; къ названной пещерѣ ведетъ узкая, пролегающая мимо скалъ, пѣшеходная тропинка. Входомъ въ пещеру служитъ тѣсная, искривленная разсѣлина. Пройдя ее, посѣтитель вступаетъ въ самую пещеру. Надъ пространствомъ очень высоко поднимается естественный сводъ; отъ пещеры въ глубь горы идутъ многочисленные, узкіе и не высокіе ходы, которые пересѣкаются подъ прямымъ угломъ другими, поперечными ходами, что образуетъ настоящій лаберингъ... [2]) Григоровичъ, описывая пещеру Р. Х., замѣчаетъ, что она естественнаго происхожденія, такъ какъ сводъ пещеры надъ яслями ничѣмъ неубранъ. Внутрь же сея пещеры подножіе и стѣны, и тамъ, гдѣ Христосъ родися, и гдѣ во яслѣхъ положенъ всюду,—низу и окрестъ кромѣ верьха дсками мраморными и порфирными осаждено прекрасно; верхъ же есть обитъ драгими покровами шелковыми; токмо надъ яслями Христовыми откровенъ есть въ знаменіе и лучшее увѣреніе людямъ, яко да всякъ, видяй гору самородну, а не отъ рукъ человѣческихъ сотворенную, познаетъ яко та есть, а не ина пещера въ ней же Христосъ родися [3]). Да и существованіе въ Виѳлеемской пещерѣ другихъ пещеръ, соединяющихся ходами другъ съ другомъ, какъ и съ св. пещерой, говоритъ за естественное происхожденіе пещеры Р. Христова. Такимъ образомъ изображеніе пещеры Р. Христова въ видѣ искуственной пещеры, или портика не имѣетъ основанія. Что до разстоянія ея отъ города, то данныя всѣхсв., златоусто-коровницк., троп., мелен. говорятъ, что она находится близъ города, что подтверждается и данными паломниковъ.—«Вертепъ», пишетъ Барскій въ немъ же Христосъ родися «стоитъ внѣ Виѳлеема на два

[1]) Григоровичъ; 1793 г. ч. I, ст. 222.

[2]) Ср. 18; 1876 г. кн. 2, 199.

[3]) Ср. 19, ст. 222.

верженія каменемъ въ той же горѣ» [1]). При чемъ и самый городъ, какъ видно изъ данныхъ вышеупомянутыхъ былъ укрѣпленъ; что дѣйствительно и было такъ. Мало того, какъ видно изъ ик. Спасс. м. и миніатюры въ златоусто-кор. ц. находилась внизу тана, что отвѣчаетъ дѣйствительности. Въ Виѳлеемѣ даже и теперь многіе дома нижнимъ этажемъ своимъ, отводимымъ обыкновенно для домашняго скота и прислуги, имѣютъ пещеры по словамъ паломниковъ. Примѣромъ можетъ служить жилище Богоматери въ Назаретѣ. Подобно многимъ существующимъ бѣднымъ домамъ Назарета жилище Пресвятой Дѣвы примыкало къ уступу скалы, въ которой выдѣланъ вертепъ, составляющій три комнаты. Туда сходятъ теперь съ лѣвой стороны алтаря по нѣсколькимъ широкимъ ступенямъ изъ бѣлаго мрамора. Подъ сводомъ этого святилища устроенъ католическій престолъ, надъ мраморной доской престола нѣсколько богатыхъ, непрестанно горящихъ лампадъ, озаряютъ священный помостъ съ надписью: «Hinc Verbum carofuit». При входѣ въ этотъ св. вертепъ устроенъ престолъ въ честь св. Анны, матери Св. Дѣвы, нѣсколько далѣе, на лѣвой сторонѣ, обращаютъ вниманіе 2 мраморныя колонны, поставленныя св. Еленою,—одна на томъ мѣстѣ, гдѣ предсталъ арх. Гавріилъ Дѣвѣ Маріи, а другая,—гдѣ находилась Она въ молитвѣ. Въ правой сторонѣ отъ престола 2 ступенями входятъ въ другую часть вертепа—подземнаго храма Благовѣщенія, позади покоя Св. Дѣвы посединѣ находится дверь, ведущая чрезъ лѣстницу въ 15 ступеней въ третью, большую пещеру, гдѣ кромѣ помѣстительнаго покоя есть двѣ большія ниши... Вертепъ назаретскій первоначально не былъ подъ землею, но столько протекшихъ вѣковъ и столько разрушеній превратили его въ подземелье... [2]). Отъ общаго замѣчанія о пещерѣ Рождества, какъ о пещерѣ естественнаго происхожденія и ея разстояніи отъ города и хана—естественный переходъ къ вопросу объ изображеніи художникомъ самаго событія, совершившагося въ святой пещерѣ. Исходной точкой въ этомъ случаѣ можетъ служить фреска лѣт. арх. ц. Естественная округлая пещера: у одной изъ ея сторонъ сидитъ Пречистая съ

[1]) Ср. 21, ст. 218.

[2]) Жизнь І. Предтечи. Изд. Пант. м. ст. 26, прч. 68.

опущенными на колѣни руками. Противъ Нея ясли съ возлежащимъ въ нихъ Младенцемъ. Онъ лежитъ не спеленанный въ бѣлой одеждѣ, съ руками убранными въ рукава. Самыя ясли въ видѣ бревенчатаго ящика. Это самая простая конструкція изображенія Р. Христова изъ мѣстныхъ памятниковъ. Здѣсь какъ и на другихъ данныхъ изографомъ, представлена пещера яслей. Но изографъ не удовлетворяется этимъ, онъ, зная, что пещера яслей, какъ говорятъ сказанія паломниковъ, находится въ той же горѣ, что и пещера Рождества, старается дать изображеніе и самой горы. И изображаетъ ее различно. Теперь, на разстояніи XIX стол., невозможно опредѣлить, какой имѣла первоначальный видъ гора, въ пещерѣ которой родился Царь міра, когда надъ Палестиной пронеслось бурь и грозъ столько, сколько ни надъ какой другой страной; когда одни зданія замѣнялись другими, на ихъ мѣсто поднимались, уступая въ свою очередь свое мѣсто новымъ; доходило до того, что даже забывалось и самое мѣсто, почему-либо знаменитое или священное. Подобное случилось съ гробницей Богоматери въ Геѳсиманіи, она (гробница) до того была засыпана развалинами, что чрезъ нее проходила дорога. Вотъ объ этомъ слова Бурхарда: «въ долинѣ Іосафата, не на самой глубинѣ, а у подошвы масличной горы, однако нѣсколько выше самой долины, народилась гробница Преблаженной и Христоносной Дѣвы, которая (гробница) до разрушенія Іерусалима римлянами возвышалась надъ поверхностью земли, во время же разрушенія оказалась засыпанною землею до того, что церковь, построенная тамъ въ честь Дѣвы, хотя имѣла высокія стѣны и была великолѣпна и сводиста, какъ прилично было для такой Дѣвы, очутилась вся подъ землею и вся совершенно засыпана руинами храма и притвора и долина Іосафата до того была засыпана, что существовала дорога, пролегавшая чрезъ названную церковь [1]). Да и самая гора Рождества немало въ свою очередь потерпѣла отъ сдѣланныхъ на ней построекъ. Первый наложилъ свою руку на внѣшній видъ горы римскій императоръ Адріанъ. Іудея была завоевана Помпеемъ, сдѣлавшимъ ее вассаломъ

---

[1]) Руковод. для сел. паст. 1898 г. № 42, стр. 157.

Рима, что непріятно было іудеямъ; они возстали противъ поработителей, но были побѣждены Титомъ, но снова возстали при Адріанѣ, хотя и неудачно. Адріанъ, раздраженный іудеями, не только изгналъ ихъ изъ Іерусалима, а запретилъ имъ и приближаться къ городу и онъ получилъ новое имя — Элія Капитолина. А такъ какъ въ это время христіанство уже значительно распространилось и его представители терпѣли гоненія, то Адріанъ, изгоняя изъ Іерусалима іудеевъ и преслѣдуя христіанъ въ видахъ сохраненія отечественной религіи, велѣлъ засыпать и священныя для христіанъ мѣста—Голгоѳу и Виѳлеемъ и осквернилъ ихъ капищами и статуями. Для нанесенія удара христіанской вѣрѣ Адріанъ отнимаетъ у христіанъ гробницу Спасителя, приказываетъ засыпать наносною землею мѣсто погребенія Богочеловѣка, т. е. Голгофу и примыкающую къ ней котловину съ гробницами. На образованной такимъ образомъ насыпи онъ ставитъ надъ мѣстомъ Голгоѳы храмъ и статую Астарты или Венеры, а на мѣстѣ гроба Господня—статую Юпитера [1]). Той же участи подверглась и пещера Рождества. На мѣстѣ Р. Христова Адріанъ развелъ священныя рощи, устроивъ капища въ честь Адониса и Венеры. И даже нашъ Виѳлеемъ, священнѣйшее мѣсто въ мірѣ, о которомъ псалмопѣвецъ поетъ: «Истина отъ земли возсія» (Пс. 84; 12). Этотъ Виѳлеемъ омрачала роща Натила, т. е. Адониса, говоритъ бл. Іеронимъ [2]). Ясно, что разведеніе рощи и устройство капища требовало, чтобы мѣстность болѣе или менѣе была приспособлена для возведенія зданія, а возведеніе христіанскаго храма при Константинѣ В. и Юстиніанѣ еще болѣе способствовало измѣненію мѣстности. Виллибальдъ, паломникъ 8 ст., говоритъ, что виѳлеемская пещера изъ подземной обращена въ 4-угольный домъ—«пещера эта была нѣкогда пещерою подземною, теперь же она—четвероугольный домъ, высѣченный въ скалѣ; земля отсюда была выкопана, а потомъ вынесена» [3]), т. е. подверглась такой же передѣлкѣ, какъ и пещера св. Гроба. По словамъ Кирилла Александрійскаго, входный гротъ въ гробъ Господень былъ

[1]) Ср. 15, 1899 г., т. 2, с. 48,—ст. Терновскаго.

[2]) Бл. Іеронимъ. Письма; т. 2, п. 54, с. 133.

[3]) Ср. 1890 г., кн. 9, с. 102.

изсѣченъ въ скалѣ, какъ и въ древнихъ мѣстныхъ гробницахъ, но въ настоящее время его нѣтъ болѣе, потому что онъ былъ срытъ при украшеніи храма, чтобы сообщить гробницѣ форму часовни, ее отдѣлили отъ скалы, какъ гробницу Богоматери въ Геѳсиманіи отъ вертепа. Потомъ, такъ какъ гробница занимала много мѣста въ воздвигнутой надъ нею базиликѣ, сняли переднюю комнату гробницы, такъ что погребальная внутренняя камера осталась одна безъ передней комнаты. Наружный видъ виѳлеемской горы изображается художникомъ, какъ сказано, различно,—то въ видѣ холма, увѣнчаннаго площадкой,—то одной, то двумя, тремя, четырьмя и пятью вершинами, но изображеніе горы съ двумя вершинами занимаетъ первое мѣсто. Изъ описанія Св. Земли видно, что тамъ встрѣчаются горы съ двойной вершиной, а сербскій путникъ 17 ст., касаясь въ своемъ описаніи Виѳлеема, замѣчаетъ, что въ храмѣ находятся двѣ скалы: одна въ церкви, а другая—внѣ,—и на десно церквѣ имаю скалѣ и изыдеши изъ церквѣ, обрѣтешь друге скалѣ» [1]). Отсюда видно, что вершина горы имѣла нѣкогда двучастный верхъ, но подъ вліяніемъ различныхъ измѣненій строительнаго характера почти утратила свой первоначальный видъ. Такимъ образомъ изображеніе горы съ двойной вершиной находитъ отчасти себѣ объясненіе въ орографіи горы; что же до вида горы съ 3—5 вершинами, то изображеніе это сложилось подъ вліяніемъ другихъ условій. Стараясь въ извѣстной степени дать понятіе о наружномъ видѣ горы, изографъ вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ ее съ двумя ведущими въ нее входами или же съ однимъ (ик. Р. Х. въ празд. ряду, въ ц. Спаса на город.) и то и другое изображеніе вполнѣ пріемлемы, при чемъ одно изъ нихъ, послѣднее, указываетъ на древнее время послѣ его постройки, когда для удобства былъ сдѣланъ и второй входъ. Пещера или вертепъ, идѣже родися Христосъ, есть внутрь олтаря великаго подъ подножіемъ церькви два входа имущая,—отъ десныя страны и шуія страны 13 ст., пишетъ Григоровичъ [2]), и древнѣйшимъ входомъ считается сѣверный. Первоначально, пишетъ Покровскій, пещера Р. Х.,

---

[1]) Сбор. И. Пр. Пал. Об. 886 г., т. 14, с. 15.

[2]) Ср. 20, с. 222.

какъ и другія пещеры, служащія и теперь загонами и стойлами для скота, имѣла, конечно, горизонтальный и легко наклонный входъ и конечно одинъ. Таковымъ первоначальнымъ признается обыкновенно теперешній, сѣверный. Позднѣе, когда здѣсь построены были потомъ (135 г. по Р. Х.) Адріаномъ капище Венеры и еще позднѣе Константиномъ В., храмъ Р. Х., окружающая пещеру мѣстность должна бы быть выравнена для того, чтобы получить нужную для построекъ площадь. Горизонтальный входъ съ открытой стороны долженъ бы быть засыпанъ и получить свой теперешній видъ спуска въ пещеру [1]). Намекъ на это находится и въ мѣстныхъ данныхъ, такъ на святцахъ въ ц. села Крестъ бесѣдующій съ пастыремъ Іосифъ стоитъ настолько глубоко во входѣ, что видна только его голова, положенная на руки, лежащія на краю спуска. На выше приведенной фрескѣ находятся только Приснодѣва и Богомладенецъ. Пречистая сидитъ, а І. Христосъ лежитъ въ ясляхъ. Надо замѣтить, что Пречистая изображается въ этомъ случаѣ художникомъ въ четырехъ видахъ, сидящею [2]), стоящею прямо [3]) или на колѣняхъ [4]) или лежащею у яслей Еммануила [5]). Изображеніемъ стоящей или сидящей Богоматери художникъ выразилъ ту мысль, что Пречистая не испытывала обычной женамъ при рожденіи болѣзни по сказанному «прежде нежели пріити труду чревоболѣнія избѣже и роди мужескъ полъ» (Ис. 66,—71); что до изображенія колѣнопреклоненной Богоматери, то это заимствовано изографомъ изъ западныхъ образцовъ [6]), бывшихъ въ употребленіи у художниковъ. Но это не противно общему характеру иконографіи этого событія, такъ какъ основано на церковно-богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ, говорящихъ, что Пречистая поклонилась неизреченно родившемуся отъ Нея сыну, какъ своему Владыкѣ и Господу (утр. 23 д. тропарь по 8 п.). Быть можетъ такимъ изображеніемъ художникъ хотѣлъ выразить вели-

---

[1]) Ср. 15, 1890 с. 102.

[2]) Благовѣщ.

[3]) Ц. Петра митропол.

[4]) Донс. Б. М.

[5]) Христорожд.

[6]) Ср. 1895 г. ч. 2 ст. Н. В. Покровскаго с. 386.

чайшее смиреніе Приснодѣвы предъ совершившейся тайной. Что до возлеженія Богоотроковицы у яслей Еммануила, то оно заимствовано изъ византійскихъ образцовъ. Быть можетъ оно сложилось подъ вліяніемъ сохранившагося въ преданіи пророчества Іереміи о пришествіи въ Египетъ Дѣвы Матери съ Младенцемъ, рожденнымъ въ вертепѣ и положеннымъ въ ясли и при Его приходѣ падутъ идолы. Пророкъ, проживая въ Египтѣ при разрушеніи Іерусалима Навуходоносоромъ, предсказалъ, что въ Египтѣ падутъ однажды идолы, когда въ него придетъ Дѣва Матерь съ Младенцемъ, рожденнымъ въ вертепѣ и положеннымъ въ ясляхъ. Жрецы, услыхавъ объ этомъ, сдѣлали изображеніе почивающей на ложѣ Дѣвы и подлѣ Нея ясли съ возлежащимъ въ нихъ Младенцемъ и стали поклоняться ему [1]). Это преданіе, проникнувъ въ народъ, удержалось въ немъ до начала христіанства и взошло потомъ въ кругъ христіанскихъ преданій, какъ еще долго держались среди египетскихъ христіанъ лампы съ изображеніемъ лягушки, служившей въ свое время у ихъ предковъ символомъ воскресенія, а отъ египетскихъ христіанъ это преданіе перешло и къ грекамъ и нашло себѣ мѣсто въ иконографіи. Но могло для такого изображенія быть и другое основаніе,— художникъ этимъ хотѣлъ показать, что явленіе въ міръ Еммануила было не призрачное, а дѣйствительное и что хотя Богоматерь и родила Его безболѣзненно, но утомленная трудной и тяжелой дорогой, заботой о пристанищѣ и хлопотами съ Младенцемъ по Его воплощеніи, какъ человѣкъ, нуждалась въ отдыхѣ; подобно тому, какъ стояніе Младенца въ купели [2]), знаменуетъ непризрачное, а Его дѣйствительное воплощеніе. Самый ликъ Пречистой умиленно-грустный. Она избранный и освященный сосудъ Св. Духа, вмѣстилище Невмѣстимаго, Мать и слуга, раба и Царица уже предчувствуетъ, что жизнь Ея сына пройдетъ въ уничиженіи и преслѣдованіи со стороны вождей избраннаго народа, что они, гордящіеся своею праведностію и знаніемъ закона, не только не узнаютъ времени наступленія всеобщаго спасенія, а и не примутъ Его, издревле возвѣщеннаго пророками и предадутъ язычникамъ;

[1]) Лебединс. І. Христосъ 1896 г. ч. 2, 219 и 1 с. 7.

[2]) Златоустокор. ц. миніатюра на ик. Б. М. у ц. вратъ.

Она уже, какъ бы, слышитъ Симеона предрекающаго о душевныхъ Ея мукахъ при страшной, но вольной и животворящей страсти Ея Сына (Л. 2, 35). Духовнымъ взоромъ Она видитъ себя переходящей вслѣдъ за Сыномъ, влекомымъ отъ одного неправеднаго судіи къ другому подобному, равно идущей за печальной процессіей отъ лиѳостротона Пилата къ Голгоѳѣ, предшествуемой Ея Сыномъ, рожденіе Котораго воспѣли ангелы и принесли поклоненіе пастыри волхвы, согнувшимся подъ тяжестью креста и Имъ воспринятыхъ на свое рамо грѣховъ человѣчества. Она уже видитъ Себя присутствующей на Голгоѳѣ и слышащей ихъ богохульствующую вмѣстѣ съ вождями іудейскую чернь, недавно кричавшую Распятому— «Осанна Сыну Давидову!» и вопіющей къ Сыну отъ смятенной, но глубоко вѣрующей души въ Его Божество и воскресеніе, чтобы Онъ показалъ свое воскресеніе,— Агнца древле Агница на крестѣ зрящи висима и мракомъ покрываема солнца свѣтъ, плачуще и глаголаше: Солнце славы, Сыне зашелъ еси умерщвляемый, но покажи твоего воскресенія свѣтъ» (стих. 8, по иже отъ Едема... слава и нынѣ; еванг. 8-е) [1]). Видитъ Себя держащей на рукахъ пречистое тѣло Сына, орошаемое Ея слезами и вмѣстѣ слышащей отъ Него, что Его смерть спасетъ Адама и сущихъ съ нимъ во адѣ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ пр. Романъ сладкопѣвецъ. Марія сокрушалась отъ тяжкой скорби и тогда какъ отъ великой горести взывала и вопила, обратился къ Ней Тотъ, Кто изъ Нея и такъ вѣщалъ:—Что плачешь мати моя? Что принесу прочимъ женамъ, если не постражду, если не умру? Какъ спасу Адама, если не вселюся во гробъ? Какъ привлеку къ жизни, сущихъ во адѣ, если не вселюся во гробъ. Что же плачешь Мати? Паче взывай, что стражду по волѣ [2]). Чувства волновавшія душу Пречистой нашли себѣ прекраснаго истолкователя въ лицѣ пр. Ефрема Сирина, высказанныя имъ въ пѣснопѣніи на Р. Х. Прекрасное по исполненію, богатое по содержанію, оно проникнуто чувствомъ восторга и благоговѣнія къ

[1]) Ср. 17, 1891 г., кн. 2—3. Приложеніе—Дмитріевскій,—Богослуж. страст. и святой седмицъ въ Іерусалимѣ по уставу IX—X в., ст. 141.

[2]) Арх. Филаретъ, Историч ученіе объ отцахъ церкви, ч. 2, § 120, прч. 9, 1882 г. СПБ.

совершившейся тайнѣ домостроительства о спасеніи міра, какъ ясно передаетъ чувство любви и преданности Матери къ Сыну и вѣры въ Его Божество. Кто даровалъ Мнѣ чуждой дѣторожденіе, что зачала и родила единаго и множественнаго, малаго и великаго, Который весь во Мнѣ и весь во всемъ. Удивляются мнѣ всѣ цѣломудренныя дщери еврейскія, всѣ дѣвы-дщери князей Кто далъ Мнѣ Тебя? Кто побудилъ Сына Всеблагого отринуть лоно богатыхъ? Кто привелъ Тебя къ убогимъ, потому что Іосифъ живетъ въ нуждѣ и я бѣдна. Торжники Твои принесли злато въ домъ убогихъ. Чрезъ Тебя Сынъ Царевъ я раба внезапно стала царскою дщерію. Какое изумленіе объемлетъ меня? Вотъ предо мною ветхій денми Младенецъ, къ нему устремлено око Его, Который представляетъ Мнѣ, что молчаніе Его бесѣдуетъ съ Богомъ. Кто видѣлъ Младенца, Который все проникаетъ взоромъ. Во взорѣ Его видно, что Онъ правитель всей твари горней и дольней. Какъ источникъ млека отверзу Тебя первоисточникъ? Какъ буду питать Тебя, питающаго всѣхъ съ своей трапезы? Какъ приступлю къ пеленамъ, облекающійся свѣтомъ? Не знаютъ уста мои какъ наименовать Тебя, Сынъ Присноживущаго? И тысячи именъ недостаточны для Тебя, Ты и Сынъ Божій и Сынъ Человѣческій вмѣстѣ, и Сынъ Давидовъ и Сынъ Маріи. Кто сдѣлалъ безмолвнымъ Господа всѣхъ устенъ? Пречистое зачатіе твое злые люди обращали Мнѣ въ укоризну. То, о святый, будь заступникомъ своей Матери, покажи силу Твою, да уразумѣютъ они, какъ зачала Я Тебя?! Ради Тебя, Который любишь всѣхъ, стала я ненавидима всѣми; гонятъ Меня за то, что зачала и родила я единственное прибѣжище для сыновъ человѣческихъ. Да возрадуется Адамъ потому, что Ты ключъ отъ рая. Вотъ Иродъ, какъ мятущаяся волна, стремится потопить Владыку морей! Куда бѣжать мнѣ? Научи Меня Ты, сынъ Матери Своей? Съ Тобою предамся Я бѣгству; потому что Тобою всюду пріобрѣту Я жизнь. И темница съ Тобою не темница, потому что чрезъ Тебя человѣкъ восходитъ на небо. И гробъ съ Тобою не гробъ, потому что Ты воскресеніе [1]). На разбираемомъ памятникѣ Отроча изображенъ лежащимъ въ ясляхъ, но неспеленепымъ, на другихъ данныхъ

[1]) Сп. 16. 76; 1851 г. с. 351—2. 333.

Онъ пишется то спелененнымъ [1]), то спелененнымъ по одеждѣ [2]), то полусидящимъ [3]), при чемъ Его поддерживаетъ иногда Іосифъ [4]), да и самыя ясли имѣютъ видъ бревенчатаго или сколоченнаго изъ досокъ ящика, а не то и просто имѣютъ видъ небольшого земляного углубленія [5]). Причина этого разнообразія лежитъ въ источникахъ, какими руководился въ этомъ случаѣ художникъ; а этими данными являются Св. Писаніе Н. Завѣта и образцы западнаго искусства, во множествѣ тогда, какъ и нынѣ вращавшіеся среди изографовъ. Руководился изографъ послѣдними и онъ писалъ Младенца неспелененнымъ, или спелененнымъ по одеждѣ, сидящимъ или полусидящимъ въ ясляхъ, и писалъ лежащимъ и спелененнымъ, если буквально слѣдовалъ св. евангелисту, повѣствующему, что Отроча по рожденіи былъ положенъ въ ясли повитымъ (Л. 2—7, 12, 16), что и должно быть такъ и не измѣнять значеніе изображенія Р. Х., имѣющаго таинственное значеніе, являющагося днемъ возрожденія человѣка. Изображеніе яслей не отвѣчаетъ дѣйствительности, составляетъ отступленіе отъ подлинника. Ясли,—въ которыхъ былъ положенъ Богомладенецъ, хотя и имѣютъ форму ящика,—но выдѣланнаго въ стѣнѣ. По словамъ архим. Агриппина, ясли имѣютъ въ длину 5, а ширину 3 пяди и находятся ниже пещеры Рождества (т. е. подъ нею) на три ступени. Въ Виѳлеемѣ же церковь была велика и подъ нею стерьна Подъ св. трапезою св. вертепъ и ясли долу ступени и 5 до вратъ. Вшедъ же врата 10 ступени и ясли долу ступени 3. И тамъ подъ Рождествомъ Христовымъ ясли; ясли же 5 пядей, а преко 3, пишетъ архим. Агриппинъ [6]). Въ нѣсколькихъ, пишетъ Покровскій, отсюда (отъ пещеры Рождества), къ югу сходятъ по тремъ ступенямъ въ небольшое углубленіе въ скалѣ, имѣющее около 5 арш. длины и 4 арш. ширины. Это пещера яслей, куда положенъ былъ І. Христосъ послѣ своего рожденія.

---

[1]) Архан. церк. миніатюра Ц. Вратъ.
[2]) Часовня при Спасскомъ мон.
[3]) Арханг. ц.
[4]) Накомеленс. Фрися XVII ст.
[5]) Соборъ,— миніат. на Ц. Вратахъ.
[6]) Ср. 13, 1791, № 13.

Углубленіе въ формѣ яслей у задней стѣны [1]). Но событіе было такъ велико и знаменательно, что художникъ не могъ удовлетвориться однимъ его краткимъ изображеніемъ, а старается расширить по мѣрѣ силъ иконографическое содержаніе сюжета и не внутри только вертепа, а и внѣ его.

Если на архангельской фрескѣ находится только Пречистая и Младенецъ, то на иконѣ 12-хъ праздниковъ въ ц. Аѳанасьевскаго монастыря [2]) у яслей Еммануила предстоятъ три ангела; число ихъ неопредѣленно вообще отъ одного до осьми [2]). Изображеніе ангеловъ находитъ себѣ объясненіе въ Св. Писаніи и основанной на немъ церковно-богослужебной письменности. Изъ евангелія извѣстно, что ангелы предстояли и служили І. Христу въ продолженіи всей Его земной жизни, какъ предстояли Ему раны и предстоятъ теперь. (Л. 1,—26; 28, 30; 2; 9—14; Матѳ. 2; 12, 13, 19—20; 4; 11; 28; 2—7. Марк. 16; 5—7; Л. 24: 4—9; 22—43. Матѳ. 26—53; Дѣен. 1; 11; Псл. 103, 4); Окружаху,— поетъ церковь въ навечеріе сочельника, яко престолъ Іерусалимскій ангелы ясли вертепъ бо небо зрячу, лежащу въ немъ Владыцѣ и слава въ вышнихъ Богу вопіяху. То-есть ангелы предстояли І. Христу отъ Виѳлеема до Елеона. Они видѣли крещеніе Его, созерцали божественную тайну Евхаристіи —«Егда на вечери Христе узрѣвша воинства ангельская совозлежаща съ Троими двунадесятми ученики [3]); съ ужасомъ и недоумѣніемъ взирали на крестныя страданія Еммануила.—Зряще Тя на крестѣ простерта едине долготерпѣливе, силы небесныя, недоумѣюще, страхомъ измѣнишася и земля колебашася поетъ церковь [3]). Что нашло себѣ мѣсто и въ иконографіи,—такъ на иконахъ изображающихъ крещеніе и распятіе Господне изображаются ангелы. Присутствовали при погребеніи Владыки, удивлялись Его милосердію и долготерпѣнію. Ангельскій соборъ удивися, зря Тебѣ гробу предана и плащеницею и смирною, яко мертвеца повита, Его же Іосифъ во гробѣ положи вся дланію содержащаго, поетъ церковь [2]). При-

[1]) Ср. 15, 1890 г. с. 99—100.

[2]) Кромѣ того такое изображеніе находится въ Ѳеодор. ц., Д-служ. Спасс. м., Арханг.; на стѣнѣ въ Ѳеод., ангеловъ полукруго.

[3]) Ср. 38. 1891 г. Приложеніе,—стихиры на хвалитѣхъ с. 87; налич. въ центрѣ земли 7-е—евангелія с. 139.

сутствовали при воскресеніи и вознесеніи Господа, повелѣвая вышнимъ силамъ, предстоявшимъ престолу Бога — Отца, отверсти Возносящемуся небесныя врата, «ангелы, говоритъ св. Аѳанасій алекс., служащіе Спаспителю на земли, даютъ знать небеснымъ силамъ, чтобы отверзли небесныя врата[1]). Присутствіе въ вертепѣ ангеловъ, даетъ понять, что въ ясляхъ лежитъ не простой человѣкъ, а Единородный Сынъ Божій, благоволившій, по отчему соизволенію, еще прежде сложенія міра принести Себя въ благопріятную жертву Богу и Отцу своему за человѣка, какъ Его Создатель, и вмѣстѣ есть обѣтованный Мессія (Б. 3; 15), Ангелъ-Завѣта, благоволившій явиться міру въ концѣ временъ, и что Онъ Еммануилъ. Эту мысль изографъ характерно выразилъ помѣщеніемъ у яслей двухъ ангеловъ,— одного у Его главы, а другого у стопъ; такъ какъ глава означаетъ Божество, а стопы Его человѣчество. И ангелы, пишетъ пустынникъ Маръ, увидя Его воплотившимся на землѣ, не раздѣляли Его; но признавъ Его боголѣпно соединившимся, они дивно прославили Его, восклицая: Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ во человѣцѣхъ благоволеніе (Л. 2, 14) и явно благовѣстили пастухамъ Рожденнаго Христа Спасителя, говоря о единомъ, а не о двухъ. Святые апостолы не называютъ пострадавшаго безплотнымъ Богомъ, не называютъ и простымъ человѣкомъ, но Богомъ и человѣкомъ вмѣстѣ, который есть І. Христосъ Господь славы; они не раздѣляютъ Его при совершеніи нашего спасенія, но исповѣдаютъ Сына (Божія) единымъ въ двухъ естествахъ І. Христомъ пострадавшимъ плотію, говорятъ «мы проповѣдуемъ Христа распята [2]). И по воскресеніи Спасителя ангелы не раздѣляютъ Его, а исповѣдуютъ Еммануиломъ» (Мат. 28,—5—7; Маркъ 16—6—7; Л. 24,—6—8). По Бл. Ѳеофилакту, ангелъ, стоящій у главы гроба, указываетъ на Божество, а въ ногахъ гроба,—на человѣчество Слова Отчаго [3]). Если два ангела указываютъ, что родившійся Еммануилъ, то два, стоящіе у яслей (вмѣстѣ) ангела, означаютъ, согласно церковному ученію, что у

[1]) Утреня В. Субботы, сл. 5. Тропари с. 163.

[2]) Благовѣстникъ 1874; 1 изд. 7 4 с. 465.

[3]) Ф. 38; 1900 к. б. Юрьевскій,— Пустынникъ Маръ и его новоотрытое слово противъ несторіанъ 61, 64—5 ср. 65.

каждаго народа есть руководитель ангелъ, что съ пришествіемъ ангела — завѣта соединятся въ одно и чада церкви Адамовой и Авраамовой; какъ о томъ сказалъ и Самъ Господь, что Ему надлежитъ привести въ единеніе іудеевъ и язычниковъ. (I. 10, —16). И что это соединеніе совершится чрезъ крестъ на что указываетъ прикровенно повитіе Младенца пеленами. По Г. Богослову онѣ (пелены) означали покрытіе Адамовой наготы.— Повитіе пеленами было въ замѣнѣ Адамовой наготы[1]), а это могло совершиться только чрезъ крестъ, что и нашло себѣ мѣсто въ иконографіи, такъ на святцахъ въ Спас. м. вокругъ Главы Младенца крестчатый нимбъ; и Тертулліанъ говоритъ, что пелены Христа символъ Его страсти «въ повитіи пеленами Іисусъ предначинаетъ свое погребеніе». И что Возлежащій въ ясляхъ есть истинный и единственный Владыка всего міра, Которому Ветхимъ Денми дана всякая честь, слава, сила, власть и судъ. Пророкъ замѣчаетъ св. Ипполитъ,— показываетъ всю власть, данную Отцемъ Сыну, Который былъ объявленъ царемъ небесныхъ, земныхъ, и преисподнихъ и судіею всѣхъ;— небесныхъ потому, что слово родилось изъ Существа Отца прежде всего, потому что Онъ сдѣлался также и человѣкомъ среди людей, преобразуя Собою Адама, преисподнихъ потому, что Онъ и къ мертвымъ былъ сопричтенъ, благовѣствуя душамъ святымъ и побѣждая смерть (Своею) смертію [2]), что и выражено художникомъ чрезъ одного ангела предстоящаго у яслей, такъ какъ число одинъ по толкованію отцевъ учителей церкви служитъ знакомъ власти. Другимъ дополненіемъ къ изображенію Р. Х. служитъ изображеніе звѣзды надъ вертепомъ. Надо замѣтить, что звѣзда помѣщается не только при поклоненіи волхвовъ, а и пастырей, при чемъ при поклоненіи волхвовъ въ домѣ звѣзда не изображается; а это даетъ понять, что слово «храмина», употребленное (художникомъ) св. евангелистомъ (Мат. 7, 2, 11) нельзя понимать въ смыслѣ домъ. Помѣщеніе звѣзды надъ пещерой Рождества основывается на Св. Писаніи. Звѣзда, по словамъ святаго евангелиста возвѣстила волхвамъ о рожденіи I. Христа, она привела ихъ въ Іерусалимъ и указала въ Виѳлеемѣ

[1]) Твор. св. Григорія Богослова т. 5 с. 285—6.

[2]) Твор. св. Ипполита; выпускъ 2, Казань 1899 г. XXVI с. 22.

имъ св. вертепъ. (Мат. 2, 2, 9—10), и художникъ руководясь этимъ пишетъ звѣзду надъ вертепомъ; что же до того, что звѣзда пишется имъ и при поклоненіи пастырей, то это потому, что Возлежащій не простой человѣкъ, а Богъ, а Его присутствіе всегда сопровождается свѣтомъ (Исх. 3, 3). Самая звѣзда пишется различно то въ видѣ собственно звѣзды [1]), то ангела со звѣздой въ рукахъ [2]), луча [3]), звѣзды и луча [4]). Причина этого разнообразія заключается въ данныхъ, какими въ этомъ случаѣ руководился изографъ, равно оказало на это вліяніе и мнѣніе церковныхъ учителей о природѣ звѣзды. По мнѣнію однихъ, это была собственно звѣзда (І. Златоустъ, Ѳеодотъ анкирс.), по другимъ ангелъ въ видѣ звѣзды (Г. Богословъ), а въ приписываемомъ Василію В. словѣ на Р. Христово это копье видной формы комета —«яко звѣзда комитомъ пріискрьна бѣ [5]). И художникъ руководясь тѣмъ или инымъ мнѣніемъ, писалъ то собственно звѣзду, или ангела со звѣздой въ рукахъ, или лучъ. По евангелисту Матѳею звѣзда, приведшая въ Виѳлеемъ волхвовъ, то шла, то останавливалась,—скрывалась и снова являлась, а это говоритъ, что явившаяся волхвамъ звѣзда была не собственно звѣзда, или образовавшаяся изъ сочетанія (въ 747—8 г.) Сатурна и Юпитера съ присоединеніемъ потомъ Марса въ созвѣздіи Рыбъ, такъ какъ по древнему возрѣнію жизнь не только отдѣльнаго человѣка, а и народа находилась подъ вліяніемъ звѣздъ, различныхъ небесныхъ свѣтилъ, то сочетаніе указанныхъ планетъ въ созвѣздіи Рыбъ, бывшемъ патрономъ Іудеи, дало понять волхвамъ, знавшимъ о пророчествѣ Валаама о звѣздѣ, имѣвшей произойти отъ Іакова, о пророчествѣ Даніила о седминахъ, что въ Іудеѣ готовится совершиться великое событіе, и они пошли въ нее. А дорогою, по особому промышленію Божію и для подкрѣпленія ихъ вѣры, они, сообразно ихъ занятію, получили себѣ особаго руководителя — ангела, явившагося имъ въ видѣ звѣзды. Въ Писаніи сказано, что

---

[1]) Христорожд. мѣст. школы.

[2]) Николо-надѣинск.

[3]) Христорожд. святцы.

[4]) Златоустокремл.

[5]) Ср. 38, 1889 г. т. 3, с. 526.

природа находится подъ наблюденіемъ ангеловъ (Апокс. 7—1, 15—5 ср. I. 5—4) то ясно, что и волхвамъ былъ данъ ангелъ въ руководство въ видѣ звѣзды; да и житія святыхъ свидѣтельствуютъ о явленіи ангеловъ въ видѣ звѣзды, что соотвѣтствовало вполнѣ рожденію Владыки, сверхъестественно было зачатіе и рожденіе Его, сверхъестественно было и знаменіе объ этомъ. И все, сопутствовавшее сверхъестественному рожденію, было также сверхъестественно, какъ-то служеніе ангела, служеніе народившагося Іоанна, безсѣменность зачатія, нерастлѣнность чревоношенія, а подобно сему была услуга оказанная въ путеводительствѣ волховъ; которая не какой-либо обычный избрала путь, но совершала новое, необычное теченіе и привела въ изумленіе свѣдующихъ въ этомъ мудрыхъ волхвовъ, убѣдивъ предпринять дальнее путешествіе. Читаемое въ Божественномъ Писаніи о звѣздѣ: и пришедши ста верху, идѣже бѣ отроча (М. 2—9) ясно покажетъ тебѣ, что сія звѣзда—благовѣстница Божественнаго рожденія, не какъ обычно звѣздамъ, совершала теченіе, потому что дальнее отстояніе звѣздъ въ высотѣ не содѣяло бы удобнымъ обрѣтеніе искомаго, напротивъ того теченіе ея было какое-то иное и новое и необычайнымъ шествіемъ, какъ перстомъ, указывало и святую пещеру и въ ней досточтимыя, вмѣщавшія въ себѣ Господа ясли,—пишетъ пр. Исидоръ Пелусіотъ [1]),—по Бл. Ѳеофилакту эта звѣзда «шла съ сѣвера, гдѣ Персія, на югъ, гдѣ Іерусалимъ, но звѣзды никогда не ходятъ отъ сѣвера къ югу [2])». Такимъ образомъ помѣщеніе звѣзды надъ вертепомъ имѣетъ свое основаніе и указываетъ, что Возлежащій и есть именно обѣтованное сѣмя жены, звѣзда отъ Іакова и Жезлъ отъ Израиля, чрезъ которое снизойдетъ благословеніе Божіе на все грѣшное человѣчество; сіяющая надъ вертепомъ звѣзда говоритъ объ исполненіи временъ по отношенію божественнаго домостроительства о спасеніи человѣка его Создателемъ; почему и пишется съ 8—9 и 13 лучами и даже многолучистой. Число 8. хотя рѣдко, но встрѣчается въ иконографическихъ памятникахъ. Восемь священное число Н. Завѣта, знакъ обновленія. По отношенію къ

[1]) Твор. св. И. Пелусіота, ч. 1, 1859 г. ст. 377—8.

[2]) Ср. 54, ч. 1, ст. 140.

звѣздѣ это значитъ, что время сѣни и прообраза, какъ и приготовленіе человѣка къ принятію Искупителя кончилось. Онъ уже явился и начинается возрожденіе и обновленіе не одной части свѣта, не одного какого-либо народа, а всего человѣчества и Виновникомъ этого является Возлежащій въ ясляхъ. На наступленіе этого времени указываетъ пророчество Даніила о седьминахъ. Семьдесятъ седьминъ, семь вѣковъ, или семь дней, какъ называетъ седьмины св. Амвросій,есть время древнее, время мрака, время іудейства. Наступившій вслѣдъ за тѣмъ осьмый періодъ, который не прейдетъ,— есть время благодати. Его начало восходитъ ко Христу, Его воскресенію, завершится вторымъ пришествіемъ Христовымъ и вступленіемъ вѣрующихъ въ единеніе съ Нимъ въ Іерусалимѣ небесномъ [1]); пишетъ Пе-цкій, т. е. послѣдняя седьмина положила начало новому времени. Семьдесятъ седьминъ опредѣленныхъ, по словамъ пророка, для народа іудейскаго и святого города распадаются на три періода: семь седьминъ, въ годъ и одна седьмина. Послѣдняя седьмина утвердила Завѣтъ для многихъ, почему имѣетъ особенное, важное значеніе въ ряду знаменитыхъ событій, на которыя указано пророку въ разсматриваемомъ нами видѣніи. Она раздѣляется на двѣ половины: первая $3^1/_2$ части общественнаго служенія Христа Спасителя, увѣнчавшаяся крестною смертью Его, которая и послужила къ утвержденію Н. Завѣта для вѣрующихъ въ Него, къ прекращенію силы и значенія ветхо-завѣтн. жертвъ и приношеній, уступившихъ свое мѣсто безкровной жертвѣ христіанской; вторая обнимаетъ первые $3^1/_2$ ч. проповѣднической дѣятельности апостоловъ, призывавшихъ человѣчество къ участію въ Н. Завѣтѣ, говоритъ Песоцкій [2]). А посему І. Христосъ, какъ обѣтованный Искупитель, Ангелъ — Завѣта и пишется иногда съ 8-ми угольнымъ нимбомъ вокругъ Главы, какъ Источникъ спасенія человѣка. Изображеніе звѣзды съ 9-ю лучами указываетъ прикровенно на 9-ть чиновъ святыхъ, предстательствующихъ за міръ на небѣ; а съ 13-ю лучами означаетъ обновленіе міра Еммануиломъ возсіявшимъ въ 13 день

[1]) Ср. 15, 1897 г. к. 3. Лосевъ, св. Амвросій, ст. 313—316.

[2]) Ср. 64, 1897 г. кн. 7, Песоцкій—Пророкъ Даніилъ; прим. 1 кн. с. 445.

мѣсяца Кануна по началѣ прибыли дня и когда вся природа благодаря холоду находится въ оцѣпененіи. Въ мѣсяцъ Канунъ, когда самыя продолжительныя ночи, возсіялъ некончаемый день. Въ мѣсяцъ Канунъ, когда перестаетъ рождать земля, рождаетъ Дѣва. Свѣтъ препобѣдилъ и, восходя постепенно, провозвѣтилъ тайну. Двѣнадцать дней какъ онъ уже взошелъ и сей тренадесятый день есть полная тайна рожденія Сына дванадесяти Его апостоловъ. Тьма преодолѣна, а сіе означаетъ, что преодолѣлъ Единородный. Начальникъ тьмы побѣжденъ Имъ вмѣстѣ съ тьмой. Нашъ Свѣтильникъ восторжествовалъ вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтомъ, говоритъ Ефремъ Сиринъ [1]). Многолучіе звѣзды означаетъ, что благодать Божія всѣхъ призываетъ ко спасенію. Но если вмѣсто звѣзды былъ въ ея видѣ ангелъ, то возникаетъ вопросъ, какой изъ нихъ былъ посланъ въ руководители волхвамъ? Такъ какъ арханг. Михаилъ былъ вождемъ избраннаго народа и его молитвенникомъ предъ Богомъ, да и онъ возсталъ противъ діавола за честь Слова Отчаго и побѣдилъ сатану, отказавшагося почтить Единороднаго, то никто другой и не могъ быть уготованъ въ руководство мудрецамъ, кромѣ арх. Михаила, надзору и руководству котораго съ явленіемъ І. Христа ввѣренъ родъ христіанскій. Величественный, сильный ангелъ,— говоритъ Ефремъ Сиринъ,— есть Михаилъ, который имѣетъ власть надъ этимъ народомъ и управляетъ имъ, онъ насаждаетъ законъ въ сердцахъ вѣрующихъ и наблюдаетъ за тѣми, которымъ данъ законъ, соблюли-ли его. Иногда надъ вертепомъ, поверхъ звѣзды или вмѣсто ея, пишется Богъ-Отецъ, или Всевидящее Око, въ видѣ равносторонняго треугольника, или голубь. Это значитъ, что между Богомъ-Отцомъ и Сыномъ ни въ волѣ, ни въ дѣйствіи нѣтъ различія. Отецъ, замѣчаетъ св. Аѳанасій александр., совершаетъ искупленіе міра чрезъ Сына. Наименованіе Сына сіяніемъ Отца показываетъ тебѣ вѣчное Его бытіе со Отцемъ, наименованіе Его словомъ—безстрастность Его рожденія, наименованіе Его Сыномъ — единосущіе со Отцемъ [2]).

---

[1]) Ср. 16, т. 6 § 4, ст. 332.

[2]) Ср. 38; 1894 г. кн. 10. Іером. Кириллъ Лопатинъ—Ученіе св. Аѳанасія о св. Троицѣ—155.

И вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніе Бога-Отца указываетъ, что и по воплощеніи своемъ Родившійся не отлучился Божества и Богъ и Человѣкъ имѣетъ ту же, что и до воплощенія, власть, о чемъ Онъ и Самъ ясно открылъ ученикамъ по воскресеніи своемъ, сказавъ имъ: «дадеся Ми всякая власть на небеси и на земли» (Мѳ. 28, 18). Слова, пишетъ Бл. Ѳеофилактъ, — «дадеся ми всякая власть», — которыя говоритъ Богъ-Слово, то понимай ихъ такъ: дана Мнѣ всякая власть, поелику же нынѣ по неволѣ и по волѣ признаютъ Меня Богомъ тѣ, которые прежде служили Мнѣ только по невольному подчиненію. Если же будешь смотрѣть на означенныя слова, какъ на относящіяся къ человѣческой природѣ Христа, то соединяй съ ними такой смыслъ: Я—прежде осужденная природа, но теперь, въ силу несліяннаго соединенія съ существомъ Божіимъ, ставшая Богомъ, Я получила власть надъ всѣмъ, такъ что на небѣ Мнѣ воздаютъ поклоненіе ангелы и на землѣ, Я прославляюсь во всѣхъ предѣлахъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніе надъ вертепомъ Бога-Отца, или равносторонняго треугольника, или Духа Св., означая, что Возлежащій есть Богъ, говоритъ, что въ дѣлѣ спасенія міра принимали участіе всѣ три лица Пресв. Троицы. Умъ убо есть не рожденный, Отецъ образно премудрымъ пророчеся, Слово же собезначально и соестественный Сынъ и Духъ Святый, иже въ Дѣвѣ Слова, создавый воплощеніе (Октоихъ, гл. 1, л. 18. Недѣля въ субботу на полунощн. п. 1, по и нынѣ). Внѣ Отца и Сына и Св. Духа нѣтъ ни перваго творенія, ни второго рожденія, ни послѣдняго воскресенія, — говоритъ І. Златоустъ [2]). Но такъ какъ Богъ-Отецъ пишется благословляющимъ Богомладенца, то это значитъ, что съ пришествіемъ Еммануила, чрезъ Его вольную страсть и воскресеніе совершилось примиреніе Бога съ человѣкомъ, что образно выражено на миніат. Воскресенія Христова въ варв. ц. На миніатюрѣ представленъ садъ. Въ немъ Богъ-Отецъ возсѣдаетъ на престолѣ, окруженный ангелами и благословляетъ стоящаго воскресшаго Бога-Сына съ человѣкомъ на рукахъ. Когда же Онъ, поправши адъ, возсталъ тридневенъ, тогда созерцаетъ въ Себѣ природу чело-

[1]) Ср. 54; ч. 1, ст. 385—6.

[2]) Ср. 4, т. VI, § 8, ст. 785.

вѣка, преобразившуюся въ нетлѣніе и благоволеніе Бога и Отца, простирающееся на всю землю и множество народовъ, имѣющее просвѣтиться и удалиться отъ древняго, привычнаго заблужденія и быть призванными къ познанію Его Самого и Отца, тогда Онъ сложилъ съ Себя трудъ страданія и даровалъ побѣду благомыслящимъ, — говоритъ Кириллъ алекс. [1]) Кромѣ Богоматери у яслей Еммануила находится еще и Іосифъ. Это изображеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ Св. Писанію. Богоизбранному народу въ лицѣ его праведниковъ была открыта тайна рожденія Искупителя. Провидя будущее, Давидъ поетъ: «Всякую непщуете горы тучныя, горы усыренныя. Гора тучная, гора усыренная, гора юже благоволи Богъ жити въ ней. Снидетъ яко дождь на руно и яко капля каплющая на землю» (Пс. 67, 15—16), т. е. зачатіе и рожденіе Его будетъ сверхъестественное и Матерію — Дѣва. Но такъ какъ люди не могли вмѣстить этого, то, когда настало время исполненія спасенія міра и по Божественному домостроительству, матерію Слова Отчаго была избрана посвятившая себя дѣтству дочь праведныхъ Іокима и Анны отроковица Марія. А такъ какъ ея родители уже почили, то она была для сохраненія дѣтства обручена старцу Іосифу своему родственнику, изъ дома Давидова, и сдѣлалась Его женою, какъ онъ Ея мужемъ предъ Богомъ и людьми, такъ какъ обрученные, но не вступившіе въ бракъ, назывались по закону мужемъ и женою. Это сдѣлано было для того, чтобы по рожденіи Дѣвою Богомладенца не была поругана тайна рожденія Его и не было сомнѣнія въ Его происхожденіи отъ Давида. Обрученную, говоритъ Ефремъ Сиринъ, Моисей называетъ женою и мужа, обрученнаго, который не вступилъ съ нею въ супружество и именуетъ мужемъ (Второзак. 20, Еф.—22, 23), чтобы невозможно было отрицать Христово происхожденіе отъ Давида [2]), да и въ родословномъ спискѣ Онъ должно быть записанъ именемъ отца: «цари,—говоритъ тотъ же отецъ,— въ родословіи записываются по именамъ мужей, а не женъ». И въ сказаніи о Р. Христовѣ говорится, что Іосифъ присутствовалъ въ вертепѣ при поклоненіи Отрочати пастырей

[1]) Твор. св. отцовъ, т. 2. 1890 г. ст. 232.

[2]) Ср. 16; т. 6, § 152, ст. 367.

(Л. 2, 16). Онъ стоитъ то впереди, то сбоку или сзади Приснодѣвы,— стояніе впереди говоритъ, что онъ Ея мужъ, а сбоку или сзади,—что отецъ Возлежащаго по имени. Иногда онъ стоитъ на колѣняхъ у яслей Владыки въ знакъ униженія и раскаянія въ сомнѣніи, какое испытывалъ, видя положеніе своей Обрученницы и находитъ объясненіе въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ,— такъ Пречистая, убѣждая Іосифа въ своей невинности, говоритъ, что скоро увѣрится въ ея чистотѣ и родившемуся отъ нея поклонится, «яко Богу» (Утр. 22 дн. на стиховнѣ стихир. по слава и нынѣ), хотя это изображеніе преимущественно встрѣчается въ западн. образцахъ. Вотъ какъ изображаетъ чувства, волновавшія въ это время Іосифа, вышеупомянутый отецъ. «Кто въ сына мнѣ даровалъ Сына Всевышняго? Въ боязни помышлялъ я Матерь Твою отпустить отъ себя, но не зналъ, что великое сокровище заключается въ чревѣ Ея и убожество мое содѣлаетъ вдругъ богатымъ»... Іосифъ лобзалъ Сына, какъ Младенца и служилъ Ему, какъ Богу. Радовался о Немъ, какъ о всеблагомъ и приходилъ предъ Нимъ въ великій трепетъ, какъ предъ правосуднымъ [1]). Кромѣ Іосифа въ вертепѣ на мѣстныхъ данныхъ изображается баба Саломія,—она сидитъ въ самомъ вертепѣ со Младенцемъ на рукахъ, или у коноба, въ который другая женщина льетъ воду, или у коноба съ стоящимъ въ ней Младенцемъ, или съ Нимъ во входѣ. Въ евангеліи объ этомъ нѣтъ ничего и самое изображеніе взято изъ христіанскихъ преданій, вошедшихъ въ творенія учителей церкви и декабрьскую Минею. Изъ преданія видно, что Іосифъ, видя положеніе Обрученницы, отправился за бабкой Саломіей, приходившейся родственницей Пречистой и пр. Елизаветѣ. Но Пречистая, согласно пророчеству Исаіи (66, 7), родила безболѣзненно Сына и Сама послужила Своему рождеству—«Сама убо нетлѣнному Своему рождеству дѣвическими руками послужи, носяще, повивающе и полагающе»,—говорится въ Минеѣ [2]). Въ этомъ случаѣ интересна аналогійная икона Рождества Христова въ Всѣхсвят. ц.; на этой иконѣ Саломія изображена бесѣдующей съ явившимся ей ангеломъ. Это изображеніе основано

[1]) Ср. 71; 332—3.

[2]) М. 1—т. XVIII, ст. 17. Декабрь.

на апокрифическомъ сказаніи о жизни Іосифа. Когда пришли Саломія и Іосифъ, то Рождество Спасителя совершилось; но Саломія не повѣрила совершившемуся и хотѣла увѣриться въ дѣйствительности, но была наказана за это болѣзнью руки, которая по раскаяніи была исцѣлена, и вышла изъ вертепа оправданной и по выходѣ удостоилась явленія ангела, запретившаго говорить ей объ этомъ до времени: «Саломія, Саломія не разглашай о дивномъ, что ты видѣла, доколѣ не войдетъ Мессія во Іерусалимъ»[74]), т. е. до Срѣтенія; о наказаніи бабы говорится и въ Минеѣ. Повѣствуетъ священномученникъ Зенонъ еписк. и сіе, яко пришедши баба не вѣрова дѣвственному и нетлѣнному быти рожденію и тщашеся увѣдѣти по обычаю служенія бабія, аще истинна есть вещь, но казнь за дерзнутое дѣло прія,— рука бо испытати дерзнувшая, болѣзнію огненною возжеся безмѣрно и усше и егда приложи къ Божественному Младенцу, абіе исцѣлѣ и бысть здрава яко и перви, вѣрова бо убо матерь быти Дѣву и младенца-Бога[75]). Что до изображенія омытія[76]) Христа нерѣдко встрѣчающагося на яросл. данныхъ, то это взято, какъ изъ иконографическихъ данныхъ, такъ могло возникнуть изъ древнихъ преданій, занесенныхъ паломниками на страницы своихъ сказаній; такъ арх. Агриппинъ говоритъ: «въ коньци же пещеры иже Христа омывали воду изоліяли». Но эти упомянутыя изображенія не представляютъ ничего соблазнительнаго,— чрезъ это проводится та мысль, что Р. Христа было непризрачное, а дѣйствительное; о присутствіи въ вертепѣ Іакова сказано ранѣе. Кромѣ Іосифа, Іакова и Саломіи у яслей Отрочати изображаются два животныя—волъ и оселъ. Въ сказаніи о жизни І. Христа говорится, что Іосифъ кромѣ осла необходимаго для путешествія Отроковицы взялъ еще и вола, чтобы, продавъ его, уплатить слѣдуемую съ нихъ подать. «Волъ же и оселъ приведени бяху Іосифомъ изъ Назарета; оселъ ведяшеся непраздныя ради Отроковицы яко ста несетъ ю на

---

[74]) Ср. 13, гл. 20, ст. 30—36.

[75]) Ср. 73.

[76]) Что до того въ пещерѣ у купели 2 женщины: одна сидитъ со І. Христомъ у коноба, а другая въ него льетъ воду, то это изображеніе изъ смѣшенія древняго преданія съ позднимъ.

себѣ въ пути; вола же приведе Іосифъ, иже продати его и отдати должную дань царскую и себѣ яже на потребу учинити, тоя убо безсловесная животная стояще при ясляхъ парою своею согрѣваху Отроча, зимѣ надлежащей и тако служаху Владыцѣ и Творцу своему» сказано въ Минеѣ. Но такъ какъ Р. Х. есть день обновленія, то и помѣщеніе 2-хъ животныхъ имѣетъ таинственное значеніе. Исаія, провидя будущее, говоритъ: Блажени сѣющіе при всякой водѣ, идѣже волъ и оселъ попираютъ (Ис. 50, 52). Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь не о животныхъ въ собственномъ смыслѣ, а о людяхъ. По отношенію къ иконографіи Р. Х.— это значитъ, что Младенцемъ будутъ приведены въ единеніе оба народа іудеи и язычники. Причемъ волъ, какъ чистое, жертвенное животное означалъ чадъ Авраама, а оселъ, какъ нечистое чадъ Адама, жившимъ по своему мудрованію. Волу, замѣчаетъ св. Кириллъ Алекс.,— уподобляетъ народъ іудейскій, такъ какъ волъ по закону есть чистое животное и возносимъ былъ въ воню благоуханія Богу. Оселъ же не чистъ и потому, повелѣвъ приносить Богу первородныхъ изъ скота, осла отвергъ, говоря, всякое отверзающее (утробу) ослю премѣни Ми овцею [78]). Но съ пришествіемъ Искупителя и еврейскій народъ, положенный Богомъ въ хранителя и носителя истиннаго богопознанія, чрезъ котораго снизойдетъ благословеніе Божіе на все человѣчество, и язычники всѣ будутъ призваны Родившимися къ новой жизни, о чемъ еще предсказалъ Іаковъ, благословляя своего сына Іуду, сказавъ: «привязуяй къ лозѣ жребя свое и къ винничію осля жребяте своего» (Б. 49, 11). Это значитъ, что ни еврейскій народъ, сынъ обѣтованія, жившій подъ закономъ, ни язычники не могли быть спасены безъ крестной жертвы І. Христа. Ослица и жребя были связаны, говоритъ Бл. Ѳеофилактъ, ибо пророчество говоритъ: привязуй къ лозѣ жребя свое и къ винничію жребца осляте своего (Бт. 49, 11), а въ иносказательномъ смыслѣ это означаетъ людей, связанныхъ узами собственныхъ грѣховъ. Двое были посланы разрѣшить эти узы. Павелъ къ язычникамъ, а Петръ къ обрѣзаннымъ, т. е. іудеямъ и донынѣ двое разрѣшаютъ насъ отъ

---

[78]) Ср. 70, 1888 г. т. 2, ст. 226.

грѣховъ—Апостолъ и Евангеліе [1]). И св. Ипполитъ—что это пророчество Іакова относится не къ благословляемому имъ Іудѣ, а къ происходящему отъ него потомку, который будетъ Вождемъ и Примирителемъ и Объединителемъ всѣхъ дѣтей Адама. «Привязуяй къ лозѣ жребя свое» т. е. народъ обрѣзанный къ званію своему. Вѣдь Онъ и Самъ былъ лоза. «И къ винничію жребца осляте своего»—это значитъ что и народы языческіе Онъ привлекаетъ къ Себѣ, какъ молодого жеребенка. Словомъ Онъ привлекаетъ къ единой вѣрѣ, какъ обрѣзаніе, такъ и необрѣзаніе [2]). Одновременно съ дополненіемъ, вносимымъ изографомъ въ краткое изображеніе Р. Христова, происходитъ измѣненіе и съ наружнымъ видомъ самой горы, она имъ пишется съ одной и даже съ пятью вершинами; если, какъ замѣчено, изображеніе горы съ 2—3 вер. находитъ отчасти объясненіе въ орографіи мѣстныхъ горъ, то въ общемъ изображеніе горы съ 2—5 верхами имѣетъ таинственное значеніе, что объясняется и особымъ значеніемъ горъ въ В. и Н. Завѣтѣ. Святые пророки, говоря о пришествіи Мессіи, замѣчаютъ, чтв явленіе Его будетъ встрѣчено радостно не людьми лишь, а всей природой отъ грядущаго вмѣстѣ съ человѣкомъ поновленія. Море видѣ и побѣже и Іорданъ возвратися вспять. Горы взыграшася яко овни и холми яко агнцы овчіи (Пс. 113; 3—4 ст. 5—7). По св. Софронію вся природа возрадовалась явленію І. Христа на Іорданѣ. Іорданъ обратился вспять, видя огнь Божества, тѣлесно нисходящій на Тебя. Іорданъ обратился вспять, видя, что невидимый Господь сдѣлался видимымъ, что творецъ воплотился и явился въ образѣ раба. Іорданъ обратился вспять и горы запрыгали, увидѣвши Господа. Облака издали гласъ, удивляясь, что пришелъ Тотъ, Который есть Свѣтъ отъ Свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго. Сегодня созерцаемъ Господній праздникъ на Іорданѣ, преложеніе смерти, уничтоженіе заблужденія, плѣненіе ада; видимъ Господа, грядущаго на Іорданъ и дарующаго міру купель спасенія [3]). И Церковь, воспѣвая день Р. Х. всѣхъ приглашаетъ возрадоваться въ этотъ день обновленія послѣ той скорби, какую испытали человѣкъ

[1]) Ср. 54, ч. 1, ст. 370.

[2]) Ср. 56, выпускъ 2, 1890 г. ст. 15.

[3]) Ср. 15, 1890 г. кн. 8, Павловичъ; св. Сафроній.

и природа послѣ преслушанія Адама, «днесь всяческая веселится и радуется, яко Христосъ родися отъ Матере Дѣвы». И І. Златоустъ въ толкованіи на 7 ст. 97 псал. и 52—95-го говоритъ, что рѣки и горы взыгрались, какъ и древа дубравныя, отъ явленія Господа. Разумѣй (кромѣ иносказательнаго смысла) и чувственныя рѣки, которыя рукоплескали, когда Іорданъ принималъ крестившагося Христа, потому что это была радость для всѣхъ рѣкъ и водъ. Если ты будешъ разумѣть и чувственныя горы, то и онѣ естественно радуются, потому что на высотахъ іудейскій народъ приносилъ жертвы идоламъ, какъ объ этомъ говорится въ концѣ Царствъ, а съ пришествіемъ Христовымъ эти жертвы прекратились. Пророкъ возвѣщаетъ величайшую радость деревьямъ, какую они получатъ съ пришествіемъ Христовымъ черезъ Его крестъ, и не просто деревьямъ, а дубравнымъ, т. е. безплоднымъ, такъ какъ извѣстно, что для приготовленія креста взято было не плодоносное дерево, а безплодное, тѣмъ не менѣе участниками радости стали всѣ деревья земли, какъ свидѣтельствуетъ настоящій стихъ [1]). И Барскій пишетъ—«ни едина отъ окрестныхъ весей не возрадовася паче оныя, яко же сами свидѣтельствуютъ тамошніе люди». И художникъ изображаетъ гору взыгравшейся съ многими вершинами; но такъ какъ въ св. Писаніи слова, кромѣ буквальнаго, имѣютъ еще и иносказательный смыслъ, то и изображеніе горы съ 1—5 в., по связи иконографіи съ церковью, какъ образной истолкователь̀ницы ея ученія, имѣетъ иное значеніе. Гора, какъ высокое, возвышенное мѣсто, отдѣляющееся отъ окружающей ее мѣстности и равно окрыляющее и возвышающее душу, издавна избиралась наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для совершенія на ней молитвы и богослуженія. Святые патріархи въ начальный періодъ еврейской исторіи совершаютъ свои молитвы на горахъ, какъ и въ дубравахъ, но на первыхъ болѣе. Тѣмъ не менѣе, говоритъ о. Сыщевъ,—нельзя не замѣтить, что для молитвы и жертвоприношенія, патріархи избирали по преимуществу мѣста возвышенныя и лѣсистыя, какъ болѣе способныя возбудить сосредоточенность и чувство благоговѣнія, здѣсь и воздвигали свои жертвенники. На горѣ повелѣваетъ Богъ Аврааму принести сына во всесожженіе

[1]) Ср. 4, т. 5, псал. 97, ст. 937 и псал. 95, ст. 929.

(Б. 22, 2, 4, 14), на горѣ близь Веѳиля ставитъ жертвенникъ самъ патріархъ (Б. 22, 15—5), на горѣ Галаадъ заключаетъ дружественный союзъ съ Лаваномъ и приноситъ жертву Іаковъ (Б. 31, 54)[83]). И въ послѣдующей исторіи народа горы, какъ мѣста Богопочтенія и явленія Бога, занимаютъ видное мѣсто. При Хоривѣ Богъ является Моисею, повелѣвая ему вывести свой народъ изъ Египта; на Божественномъ (о трехъ вершинахъ) Синаѣ Господь вступаетъ въ завѣтъ съ своимъ народомъ, на горѣ Гаризинъ 6-ть колѣнъ израильскихъ произносятъ благословеніе на исполнителей Закона, а на горѣ Гевалъ 6-ть же—проклятіе на Его нарушителей. На Сіонѣ построенъ былъ храмъ Богу Живому; про Елеонъ сказано, что на немъ станутъ ноги Господа: «И станутъ нозѣ Его въ день онъ на горѣ Елеонстѣй» (Зах. 14, 3—5). Про Ѳаворъ и Ермонъ сказано, что они возрадуются объ имени Господнемъ: «Ѳаворъ и Ермонъ о имени Твоемъ возрадуются» (Пс. 88, с. 13); а это указываетъ, что и въ Н. Завѣтѣ, прообразомъ чего былъ Ветхій, горы будутъ имѣть особое значеніе, явятся мѣстомъ особеннаго проявленія Божественной благодати. И евангельская исторія подтверждаетъ это. Во время путешествія моего по св. мѣстамъ Палестины не мало удивляло меня то обстоятельство, что важнѣйшія событія земной жизни І. Христа связаны съ какой-либо горой или возвышеннымъ мѣстомъ. Такое знаменательное явленіе невольно приводило мнѣ на память пророческія слова объ Искупителѣ: «Будетъ утвержденіе на земли на версѣ горѣ. Превознесется паче Ливана плодъ его» (Пс. 71, 16). Теперь, обращаясь къ исторіи священныхъ событій, мы видимъ, что первую твердыню нашей вѣры положилъ Господь на горѣ Виѳлеемской, на верху которой въ вертепѣ Онъ родился... Далѣе въ началѣ общественнаго служенія Господь Іисусъ Христосъ послѣ крещенія въ Іорданѣ провелъ 40 дней на горѣ, получившей названіе Сорокадневной... Третья гора прославлена тѣмъ, что на ней І. Христосъ преобразился предъ учениками своими, чѣмъ показалъ славу и величіе своего Божества и будущую

---

[83]) Ср. 38, 1900 г. ст. 72. Сыщевъ,—Бытъ еврейскихъ патріарховъ, 40 вып.

славу воскресенія праведниковъ. На четвертой горѣ I. Христосъ преподалъ ученіе о 9-ти блаженствахъ, какъ бы о 9-ти ступеняхъ, ведущихъ къ горнему, небесному блаженству, которыя необходимо пройти въ земной жизни всякому вѣрующему, чтобы вступить въ царствіе небесное. На пятой горѣ, Голгоѳѣ, I. Христосъ благоволилъ пострадать за насъ и искупилъ насъ своею добровольною смертію. На шестой—въ М. Галилеи, воскресшій Господь явился ученикамъ и далъ обѣтованіе неотлучно пребывать съ ними до скончанія вѣка. На седьмой — Елеонской, Господь часто любилъ пребывать съ своими учениками, проводилъ здѣсь ночи въ молитвѣ и съ этой горы Онъ вознесся и оставилъ тутъ слѣды ногъ своихъ и исполнилось, такимъ образомъ, пророчество Захаріи: «И станутъ нозѣ Его въ день онъ на горѣ Елеонстѣй, яже есть прямо Іерусалима на востокъ» (Зах. 14, 3—5). На восьмой горѣ Сіонской I. Христосъ совершилъ послѣднюю вечерю, установивъ на ней свою безкровную жертву. Здѣсь же было сошествіе Св. Духа на апостоловъ и Успеніе Пресвятой Богородицы, замѣчаетъ одинъ паломникъ [84]). И I. Златоустъ въ толкованіи 1 ст. 86 пс. пишетъ: Основанія Христовы суть таинства Его страданій. Они находятся на горахъ святыхъ: въ Виѳлеемѣ, на Голгоѳѣ, на мѣстѣ воскресенія, на Ѳаворѣ, на горѣ Преображенія, на холмѣ вознесенія [85]). Такъ какъ въ Св. Писаніи церковь называется горой, то гора съ одной вершиной означаетъ новозавѣтную церковь, являющуюся восполненіемъ и завершеніемъ, бывшей ея прообразомъ церкви ветхозавѣтной и эта церковь не частная, мѣстная, свойственная одному народу, какъ церковь подзаконная, а вселенская, какъ о томъ было сказано пророкомъ: «И будетъ въ послѣдніе дни явится гора Господня на земли на версѣ горъ» (Ис. 14, 5). И эта церковъ обязана своимъ бытіемъ не человѣческому измышленію, а божественному промышленію и Виновникомъ своего бытія имѣетъ Возлежащаго въ ясляхъ Сына Божія, благоволившаго еще прежде сложенія по соизволенію Отца принести Себя за человѣка въ умилостивительную жертву Богу и Отцу Своему, и имѣетъ этого

[84]) Ср. 18; 1884 г. кн. 2.

[85]) Ср. 4, т. 5, 1900 г. ч. 1, ст. 800.

Благодѣтеля своей Главой, почивающаго въ ней, яко въ нѣкоей пещерѣ и наставляющаго и окормляющаго ее и потому стоитъ твердо и непоколебимо и всѣ силы ада не въ силахъ ее ниспровергнуть, такъ какъ основана на твердомъ камени краеугольномъ—І. Христѣ, какъ и Самъ Онъ сказалъ въ отвѣтъ на исповѣданіе Петромъ Сына Божія: «ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ей» (Мат. 16, 18), такъ какъ ее возглавляетъ Слово Отчее, поддерживаетъ Ветхій Денми и просвѣщаетъ Духъ Святый. И какъ не будетъ второго рожденія І. Христа, такъ равно и иной церкви, кромѣ основанной крестомъ Еммануила и эта церковь вѣчная пребудетъ до конца міра и по его окончаніи соединится съ церковью первородныхъ, написанной на небеси и торжествуя вѣчно, будетъ прославлять своего Главу и Основателя І. Христа. Церковь одна, но такъ какъ І. Христосъ пришелъ во едино (І. 10, 16) собрать расточенныя, раздѣленныя и родомъ и вѣрой народы, представляющіе два взаимно противоположные міра, то по составу своихъ членовъ она двойственна, хотя и едина по существу; что прикровенно и выражено изображеніемъ горы съ двойной вершиной; въ эту церковь І. Христомъ равно призываются іудеи и язычники; какъ и говоритъ Господь чрезъ пророка—явленъ быхъ неищущимъ Мене, обрѣтохся не вопрошающимъ о Мнѣ. Рекохъ и есмь языку, иже не призваша имени Моего: прострехъ руцѣ мои къ людямъ непокоряющимся и противоглаголющимъ (Ис. 65; 1—2). И эта церковь, на что указываетъ изображеніе горы съ 4 вер., будетъ не частная, не у одного народа, а во всѣхъ частяхъ свѣта, какъ главныхъ такъ и второстепенныхъ, что характерно выражается исхожденіемъ свѣта отъ воскресшаго І. Христа во всѣ стороны, подобно небольшему ручью, который постепенно становится непроходимымъ, какъ открыто было это пророку Іезекіилю. Вотъ что говоритъ пр. Ефремъ Сиринъ. «Измѣри воду и взыде до члезнъ» означаетъ дѣлателей, трудившихся съ утра. Слова «измѣри воду и взыде до колѣнъ» указываютъ на дѣлателей, подъявшихъ трудъ съ третьяго часа. А еще большее возвышеніе воды въ потокѣ даетъ разумѣть дѣлателей, приступившихъ въ девятомъ часу. Наконецъ глубина въ потокѣ, дѣлающая невозможнымъ переходъ, указываетъ

на пришедшихъ въ 11 часу [1]). И христіанская церковь, подобно камню, само-собой отторгшемуся отъ горы и заполнившему всю землю, получивъ начало въ Іерусалимѣ, постепенно, не смотря на всѣ преграды, станетъ достояніемъ вселенной и всѣ входящіе въ нее, не смотря на свое нравственное состояніе, подъ вліяніемъ благодати Св. Духа, немощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей, измѣнятъ свое состояніе и превратятся въ смиренныхъ и кроткихъ; эта мысль отчетливо и выражена въ изображеніи символовъ евангелистовъ вокругъ Главы крещающагося Спасителя (ик. Богоявленія Господня въ Θеодор. ц.), что находитъ объясненіе въ цер. п. службы Богоявленія: «Радость не изглаголанную пріемши, зачала еси безсѣменно твоего владыку, всю вселенную призвавшаго, ему же и взываемъ, яко нѣстъ Богъ паче Тебѣ, Господи!» (Богор. по 3 п. 2 ирм.). Самый нешвенный, но ясно цвѣтный хитонъ Господа, по св. Ипполиту, предуказывалъ, что церковь Христова будетъ состоять изъ народовъ всего міра и разнообразно украсятся члены ея дарами милости. А вѣдь Христосъ, облеченный въ пестрый хитонъ,— Его священническій хитонъ былъ изукрашенъ различными цвѣтами, конечно въ показаніе различныхъ племенъ, ожидающихъ явленія Христа,—тѣмъ самымъ показалъ разнообразіе званія благодатныхъ даровъ для таинствъ, дабы и мы такимъ образомъ могли украситься разнообразными благодатными дарованіями [2]). Такъ какъ 4—знакъ твердости, то 4 вершины, какъ 4 столба въ церкви, поддерживающіе куполъ, означаютъ, что церковь хранитъ твердо богопреподанное ей ученіе повсюду, какъ возглавляемая самой жизнью и обладаетъ полнотой благодати, что и выражается устройствомъ киворія надъ св. трапезою. И Само Слово Божіе съ бывшими до Моисея патріархами бесѣдовало сообразно съ своимъ Божествомъ и славою; а для подзаконныхъ Оно представляло священническій и богослужебный чинъ, послѣ же сего, сдѣлавшись человѣкомъ, ниспослало на всю землю дары Св. Духа, покрывая насъ своими крылами, говоритъ Ириней Ліонскій. Такъ какъ чрезъ І. Христа мы узнали тайну

---

[1]) Ср. 16, 8, ст. 213—214.

[2]) Ср. 56, ст. 148.

Св. Троицы, то эта мысль, подобно устройству 3 главъ на храмѣ, прикровенно выражена въ изображеніи горы съ 3 вершинами. Тричастный верхъ горы—и это непротивно церковному представленію, такъ какъ въ Св. Писаніи Богъ именуется нерѣдко горою, указываетъ, что тайна Пр. Троицы, прикровенно открытая въ В. Завѣтѣ, теперь, съ явленіемъ въ мірѣ Слова Отчаго, всюду громогласно исповѣдуется вѣрующими, какъ Источника ихъ спасенія, при чемъ и самая крестная жертва была принесена І. Христомъ всей Пр. Троицѣ, какъ указываютъ на это слова евхаристич. молитвы—«ты бо еси приносяй и приносимый». Эти слова по мысли Конст. помѣстнаго собора XII в., собраннаго противъ Сотериха, означаютъ, что Емманулъ принесъ Себя въ жертву Всей Пр. Троицѣ [87]), т. е. спасеніе совершилось промышленіемъ Пр. Троицы. Отецъ совершаетъ искупленіе міра чрезъ Сына, а Сынъ усвояетъ міру въ духѣ Святомъ; въ Немъ Сынъ возвращаетъ міръ Отцу, снова сообщаетъ ему сыновство и Божественную славу. Въ Духѣ Слово сподобляетъ славы тварь; обожося и всыновляя, приводитъ ее къ Отцу Св. Духомъ [88]). На это указываетъ и присутствіе 3 ангеловъ у яслей Младенца. И помня промышленіе Св. Троицы о человѣкѣ, послѣдній, по ученію отцевъ и учителей церкви, долженъ посвящать молитвѣ 3, 6 и 9 часы, назначенные еще въ В. Завѣтѣ для молитвы и имѣющіе значеніе для христіанина—3 часъ, какъ время сошествія Св. Духа на апостоловъ, 6 часъ, часъ распятія Господа, уничтоженія рукописанія Адама, его грѣха, совершеннаго въ 6 день и часъ, и 9 ч., часъ умерщвленія жала грѣха. Если гора, ея вершина, служитъ символомъ І. Христа и Его Божества «верхъ холма изображаетъ естество Божіе», говоритъ Еф. Сиринъ [89]), то двѣ вершины обозначаютъ въ Возлежащемъ соединеніе двухъ естествъ—Божескаго и человѣческаго, то есть, что Онъ Емануилъ. И это не можетъ казаться страннымъ. Иконографія знаетъ этому примѣръ. Чтобы лучше запечатлѣть въ душѣ вѣрующаго ученіе церкви объ І. Христѣ, какъ Емануилѣ въ изображеніи Его Лика, художникъ старается показать, что Онъ—Бого-

[87]) Макарій, Ист. Р. ц., т. 3; примѣч. 278, къ ст. 368.

[88]) Ср. 38, 1894 г. кн. 10. Ученіе св. Кирилла о св. Троицѣ.

[89]) Ср. 86, ч. 8, ст. 490.

человѣкъ. Для чего І. Христосъ пишется съ проборомъ посреди главы, съ ниспадающими власами, раздѣляющимися на концѣ на двѣ части и раздѣляющейся на двѣ части брадой, какъ солнце и луна по сторонамъ Креста Господня, какъ при положеніи во гробъ, Вознесеніе и на иконѣ Соборъ Б. М., здѣсь по сторонамъ горы, въ пещерѣ которой родился Господь, изображены солнце и луна (и. к. Николорубленск. ц.). Присутствіе солнца и луны даетъ понять, что Возлежащій въ ясляхъ, Распятый и Возносящійся — Еммануилъ; при чемъ солнце означаетъ Божество, не подвергающееся измѣненію, а луна—человѣчество подверженное тлѣнію. Ибо солнце есть образъ Бога, а луна—человѣка. И какъ солнце много превосходитъ луну могуществомъ и славою, такъ Богъ далеко превосходитъ человѣка; и какъ солнце бываетъ полное, не уменьшается, такъ Богъ пребываетъ совершенъ, полный всякаго могущества, разума, мудрости, безсмертія и всякаго блага. Луна же — образъ человѣка, каждый мѣсяцъ умаляется, и какъ бы умираетъ, потомъ нарождается и увеличивается, представляя будущее воскресеніе, говоритъ св. Ѳеофилъ антіохійскій [90]). Изображеніе солнца и луны при распятіи Господа означаетъ, что и на крестѣ Онъ былъ Еммануилъ. Мы, замѣчаетъ св. Григорій Нисскій, исповѣдуемъ, что Божество народилось въ Страждущемъ, но всетаки безстрастная природа страданіямъ не подвергалась. Божество совершаетъ спасеніе посредствомъ воспринятаго Имъ тѣла. Страданіе совершается не такъ, какъ будто бы страдало Само Божество, но такъ, что Оно народилось въ Страждущемъ и по единеніи съ Нимъ усвояло Себѣ Его страданіе. Божество не страдало, а только опредѣляло путь страданія для воспринятаго Имъ человѣчества. Въ силу нераздѣльнаго единства, божественная сторона въ Лицѣ Спасителя, переносила на Себя то, что испытывала Его человѣческая сторона и такимъ образомъ Божество, не испытывая страданій по своей природѣ, благоволило усвоить ихъ Себѣ волею и поэтому только домостроительство страданія можетъ быть безразлично относимо къ обоимъ природамъ Лица Спасителя [91]).

---

[90]) Ср. 8, 1861 г., кн. 2, § 15, ст. 43.

[91]) Ср. 38, т. 2, 1888 г. т. 1, ст. 551—2. Несмѣловъ,—Догматич. система Григорія Нисскаго.

Въ церковномъ зодчествѣ мысль о двухъ естествахъ выражена устройствомъ двухъ главъ на храмѣ. Указывая, что Церковь Христ. стоитъ твердо и опасно хранитъ свое ученіе, воспринятое ею отъ Христа Господа и преданное письмени Его учениками св. евангелистами, четыре вершины, какъ и пять, указываютъ, что Возлежащій есть Богочеловѣкъ. По св. Иринею, что І. Христосъ прошелъ всѣ свойственные человѣку возрасты, воспитался, выросъ и принялъ, яко человѣкъ, смерть, свидѣтельствуетъ, что воплощеніе было дѣйствительное. Ибо тѣмъ самымъ, что пріобщился человѣчеству, принялъ на Себя все свойственное естеству: рожденіе, воспитаніе, возростаніе, дошедши даже до смерти. И не только прошелъ, а и освятилъ эти возрасты, сдѣлавъ доступными ихъ для спасенія. Онъ прошелъ чрезъ всѣ возрасты,— сдѣлался младенцемъ для младенцевъ и освятилъ ихъ; сдѣлался малымъ для малыхъ и освятилъ имѣющихъ такой возрастъ; вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ имъ примѣръ правоты и послушанія; сдѣлался юношей, являясь для нихъ образцомъ посвящая ихъ для Господа. Онъ былъ также старцемъ для старцевъ, дабы по всему явиться совершеннымъ учителемъ; не только по изъясненію истины, но и по возрасту, освящая вмѣстѣ съ тѣмъ и взрослыхъ и служа для нихъ образцомъ; затѣмъ Онъ дошелъ до смерти, дабы быть перворожденнымъ изъ мертвыхъ [1]). Какъ рачительный хозяинъ, Господь І. Христосъ чрезъ св. Евангеліе призываетъ къ Себѣ всѣхъ безъ различія рода, положенія и нравственнаго совершенства. Церковь собрана изъ всѣхъ состояній, дабы никто не остался безъ пользы. Ибо три четы званныхъ, въ которыхъ заключается весь родъ человѣческій: языцы и живущіе по вселенной, земнородные и сыны человѣческіе, богатые и убогіе. И дѣйствительно, кого Богъ оставилъ внѣ проповѣднической храмины? Чуждые вѣрѣ наименованы языками; пребывающіе въ Церкви,—обитателями вселенной, земнородные—это мудрствующіе земное, преданные хотѣніямъ плоти; сыны человѣческіе,—это прилагающіе нѣкоторое стараніе и упражнявшіе разумъ; ибо особенное свойство человѣка разумность. Богатые и убогіе сами собою показываютъ свое отли-

[1]) Ср. 8, 1896 г. кн. 9. Св. Ириней 5 кн. противъ ересей, кн. II; гл. XXIV т. 4, ст. 213.

чительное свойство; одни въ избыткѣ обладаютъ необходимымъ, другіе живутъ, нуждаясь въ необходимомъ [1]). Да и сами званные, по степени своего совершенства, подобно чудесно пойманнымъ апостолами рыбамъ, а ихъ было поймано 153, раздѣляются на 3 степени рабовъ, наемниковъ и сыновъ. Мнѣ, говоритъ св. Григорій Б.,— извѣстны три степени спасаемыхъ—рабство, наемничество и сыновство. Если ты рабъ, то бойся побоевъ. Если—наемникъ, одно имѣй въ виду—получить. Если стоишь выше раба и наемника, даже сынъ,— стыдись Бога, какъ Отца, дѣлай добро потому, что хорошо повиноваться Отцу[2]). Такъ какъ ученіе І Христа преподано было устно Имъ, и его записали Его ученики и самовидцы св. апостолы, то чтобы не было мысли, что одно говорилъ Господь, а другое записали св. апостолы, на кровлѣ храма устрояется 5 главъ, какъ и то, что церковь Христова, въ какой бы части свѣта и у какого-бы ни было народа исповѣдуетъ І. Христа Господомъ согласно Евангелію и Апостолу. Сообразно измѣненію въ наружномъ видѣ горы, по сторонамъ вершинъ изографомъ пишутся ангелы. Число ихъ различно отъ 1—4; двое изъ нихъ съ одной стороны, двое съ другой, или съ одной два ангела, а съ другой одинъ. Такъ какъ человѣчество, разсѣянное по четыремъ странамъ свѣта, ввѣрено попеченію ангеловъ (1373, 32; 8 ср. Апокл. 9, 13—15), то и присутствіе ихъ на вершинѣ святой горы имѣетъ таинственное значеніе. Ихъ присутствіе даетъ понять, что съ явленіемъ Искупителя, народы, жившіе розно и нерѣдко настроенные враждебно другъ къ другу, чрезъ вѣру во Христа составятъ одно. Иногда одинъ изъ ангеловъ съ благоговѣніемъ смотритъ на звѣзду, а другой благовѣствуетъ стоящимъ у горы пастырямъ, и такое изображеніе находитъ объясненіе въ евангельскомъ разсказѣ о рожденіи І. Христа. Евангелистъ повѣствуетъ, что о пришествіи Примирителя было возвѣщено ангеломъ пастырямъ, пасшимъ стада (Л. 2; 8—11). Благовѣстіе пастырямъ совершилось не на самой горѣ, въ пещерѣ коей родился Господь, но нѣсколько далѣе — въ такъ называемомъ селеніи пастырей, гдѣ было ихъ мѣстопребываніе, отстоящемъ отъ горы на часъ

[1]) Твор. св. Василія В. ч. 1, ст. 291; 1891 г.

[2]) Твор. І. Богослова 1889 г. 73; слова 40, ст. 233.

пути. «Прямо вертепа того, сказано въ М.-Чт., въ немъ Христосъ родися, въ тысячу саженъ бѣ столпъ, называемый Адеръ, вселеніе пастырское: тамо въ той нощи случися тремъ пастыремъ безъ сна пребывати стрегущимъ свое стадо». Но изографомъ эти оба событія соединены вмѣстѣ; сначала призваны будутъ чада Авраамовы, а потомъ и чада Адамовы, что образно и выражено въ изображеніи путешествія волхвовъ изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ одновременно съ благовѣстіемъ ангела пастырямъ или ихъ поклоненіемъ Царю Іудейскому. На мѣстныхъ данныхъ ангелъ или стоя, но наклонясь, или паря въ воздухѣ, что явилось подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, такъ какъ въ евангеліи ясно, что и благовѣтствующій ангелъ и явившіеся послѣ ангелы стояли на землѣ (Л. 2, 13—4). Затѣмъ художникъ изображаетъ путешествіе къ вертепу пастырей и ихъ поклоненіе Сыну Давидову, что согласуется съ разсказомъ объ этомъ св. Луки (Л. 9, 15—16). На нѣкоторыхъ памятникахъ представлена во входѣ въ пещеру бесѣда Іосифа съ пастыремъ. Евангелистъ говоритъ, что пастыри, пришедши въ вертепъ, объявили о бывшемъ имъ видѣніи (Л. 2, 17), но старецъ хотѣлъ еще разъ распросить объ этомъ. На праздничной иконѣ въ Богоявленской ц. и на миніатюрѣ въ Всѣхсвятской ц. на ик. Спасъ-Еммануилъ надъ бесѣдующимъ съ Іосифомъ пастыремъ подписано его имя; на первой иконѣ **дїетъ**, а на второй—**а҆мене**. Изображая путешествіе волхвовъ изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ, изографъ изображаетъ и ихъ поклоненіе Младенцу,—что находитъ себѣ объясненіе въ Св. Писаніи (Мат. 2, 11). Такъ какъ древнее человѣчество вѣрило, что жизнь человѣка находится подъ руководствомъ свѣтилъ небесныхъ, то и волхвы, пришедшіе поклониться Христу, были астрологи, занимавшіеся изученіемъ свѣтилъ небесныхъ. По общему церковному преданію, они были изъ Виѳлеема, столицы Персіи, славившагося своими мудрецами, раздѣлявшимися на 5 классовъ, сообразно своей дѣятельности. Въ книгѣ пр. Даніила обозначено пять классовъ: хартумимъ, хакимимъ, касдимъ, асафимъ и газримъ. Эта классификація и наименованія халдейскихъ мудрецовъ подтверждается астрономическими книгами астрономической библіотеки царя Ассурбанипала. Хартумимъ—заклинатели, асафимъ—волхвы,

хакинимъ—медики, касдимъ—астрологи-прорицатели по звѣздамъ, газримъ—прорицатели по различнымъ гаданіямъ, говоритъ Песоцкій [95]). Судя по поднесеннымъ Отрочати дарамъ, думаютъ, что это были богатые люди. На всѣхъ почти данныхъ они имѣютъ на своихъ головахъ короны и даже путешествуютъ въ нихъ по восточному обычаю: на ик. Р. Х. Ѳеод. ц. (лицевый акаѳ). они въ колпачкахъ съ продолговатымъ кружкомъ на верху; на мѣстной иконѣ въ Тверицахъ два въ нимбахъ, а третій въ чалмѣ, а на фрескѣ Благовѣщ. ц. всѣ въ тюрбанахъ. Короны, какъ и нимбъ, указываютъ, что это были цари, мелкіе, подвластные Риму владѣтели, а колпачки и другіе головные уборы,—что они выходцы востока. Что до того, что на фрескахъ Благов. и Влад. ц.ц. одинъ изъ нихъ съ чертами Эѳіопа, то это изображеніе сложилось подъ буквальнымъ понятіемъ 31 ст. 67 пс.: «Эѳіопія предваритъ руку свою къ Богу» (Псл. 67, 13). Число ихъ вообще тройное, сообразно поднесеннымъ ими дарамъ Еммануилу. Изъ иконы 12-хъ празд., находящейся въ Предтеч. ц., находящейся въ празднич. ряду иконостаса Воздвиж. ц. и миніатюры на ик. Воскресенія въ Вознесен. ц. видно, что волхвы не прямо взошли въ вертепъ, а испросили на то позволенія. Такъ на первомъ памятникѣ волхвовъ встрѣчаетъ Іосифъ, а на двухъ послѣднихъ объ ихъ приходѣ сообщаетъ Іаковъ. И въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Прибывъ днемъ въ столицу Іудеи и пробывъ въ городѣ весь день, волхвы могли не ранѣе ночи отправиться въ Виѳлеемъ, указанный имъ посѣдѣвшимъ въ интригѣ и коварствѣ Иродомъ (Мт. 2, 8—9). И на пути снова увидѣли таинственную звѣзду и руководимые ею, дошли до мѣста «идѣже бѣ Отроча». Найдя искомое, они разсуждали, какъ взойти въ указанное свыше убѣжище. Необычайное движеніе и говоръ подлѣ вертепа не могли не обратить вниманіе бывшихъ въ немъ. И Іаковъ выходитъ узнать о причинѣ этого и, узнавъ, сообщаетъ Іосифу, который, испросивъ разрѣшеніе Отроковицы, выходитъ къ пришедшимъ. По церковно-богослужебнымъ пѣснопѣніямъ Пречистая не прежде дозволяетъ взойти волхвамъ, какъ испросивъ разрѣшеніе у Сына.—Дары тебѣ

---

[95]) Ср. 15, 1897 г. кн. 5, ст. 445.

приносяще, Сыне, трiе пріидоша восточные царя, увѣдѣвше родитися—ливанъ и смирну и злато и се стоятъ предъ дверьми, симъ повели видѣти тя младенца на руку моею держима: древняго Адама старѣйша. Получивъ дозволеніе, волхвы взошли и поднесли дары. Самое поклоненіе происходитъ то въ отсутствіе Іосифа, согласно евангельскому сказанію (Мат. 2, 11), то при Іосифѣ, при чемъ ему, какъ отцу Младенца, дары и подаютъ (ик. въ Спасск. мон., фреска въ Петроп. ц.), при чемъ и Самъ Младенецъ то лежитъ въ ясляхъ, то держится своею Матеріею; такое изображеніе сложилось подъ вліяніемъ ц.-бог. пѣсней. По церковной пѣсни Пречистая проситъ у Сына позволенія волхвамъ взойти въ вертепъ и видѣть Себя, держимаго Матеріею: «повели видѣти Тя младенца на руку моею держима»; при поклоненіи волхвовъ въ домѣ Спаситель всегда на рукахъ Богоматери. Самые дары ими подносятся или порознь каждымъ, или однимъ отъ лица всѣхъ и всегда съ открытой головой; на ик. Р. Х. въ празд. ряду иконост. въ Спасск. мон , 12-хъ праздниковъ въ Арханг. и Златоусто-кремл., короны волхвовъ въ знакъ смиренія и что Поклоняемый Царь царей лежалъ у яслей Отрочати. Самое соединеніе благовѣстія пастырямъ съ путешествіемъ волхвовъ въ Виѳлеемъ и ихъ поклоненіемъ говоритъ, что въ церковь новозавѣтную наравнѣ съ іудеями призываются и чада церкви Адамовой, что характерно и выражено въ совмѣстномъ поклоненіи Христу пастырей и волхвовъ. Это изображеніе сложилось подъ вліяніемъ церковной пѣсни, приглашающей и горнее и дальнее возрадоваться явленію Искупителя: «Уже божественнаго слова воплощенія всѣмъ отверзошася явѣ предверія, небеса радуйтесь, ангелы взыграйте и да веселится земля съ человѣки, съ пастырьми и волхвы духомъ» (20 д. утр. по 9 п.). Характерно изображеніе Р. Христова въ соединеніи съ Воскресеніемъ, находящееся въ Симеоновск. церкви. Это значитъ, что Воскресеніе, послѣдовавшее за вольной страстью и смертью Искупителя, было ознаменовано Его рождествомъ, съ одной стороны, съ другой—Его пришествіе было для спасенія не одного народа, а всѣхъ людей. Святый Златоустъ, касаясь значенія распятія, говоритъ, что оно имѣло всемірное значеніе, знаменовало спасеніе міра и пораженіе діавола. Чтобы очи-

стить воздушное естество по сему на высотѣ, не подъ простирающейся кровлею, а подъ кровомъ неба. Очищался воздухъ, когда въ высотѣ приносился агнецъ, но очищалася и земля потому что изъ нея капала кровь изъ ребра. Для того не подъ кровлей, для того не въ храмѣ іудейскомъ, что бы не утаили жертвы іудеи и ты не подумалъ, что она приносится за одинъ этотъ народъ. Для того внѣ города и стѣнъ, чтобы тебѣ знать, что жертва всеобща, что приношеніе за всю землю, что очищеніе всеобщее, а не частное, какъ у іудеевъ [96]). Вмѣстѣ съ тѣмъ на этой же иконѣ явленіемъ Воскресшаго мироносицамъ проведена мысль, что не мужчины только, а и женщины призваны Господомъ въ новую жизнь, что онѣ разрѣшены уже отъ древней клятвы Сокрушившимъ клятву. Ранѣе ангелъ, явясь Богоотроковицѣ, словами: «радуйся Благодатная Господь съ Тобою (Л. 1; 28) снялъ съ Нея древнее осужденіе, теперь Воскресшій, явясь мироносицамъ, снимаетъ осужденіе вообще, примиряетъ съ Богомъ, даетъ благодать Св. Духа и дѣлаетъ жительницами рая и проповѣдницами Спасова милосердія. Единородное Слово Отца содѣлалось человѣкомъ, дабы болящее исцѣлить и избавить человѣка отъ древнихъ преступленій, поэтому-то и надлежало доставить женщинамъ радость первымъ благовѣствовать воскресеніе, ибо первая и древнѣйшая жена, послушавшись словъ змія, ввела Адама въ преступленіе и сдѣлалась виновницей нашей смерти. Какъ же не слѣдовало апостольствомъ уничтожить причину ужасныхъ обвиненій идѣже бо, говоритъ апостолъ, умножися грѣхъ, преизбыточествовала благодать (Р. 5, 20). Евангеліе спасенія дано было женѣ, послужившей причиной смерти. Посему необходимо имъ было сказано: «радуйтесь» отъ Того, Кто наложилъ на нихъ проклятіе въ началѣ, рече бо къ ней,—«въ болѣзняхъ родиши чада» (Б. 3, 16). Итакъ первое заграждено вторымъ «уврачевало болѣвшее»—говоритъ Кириллъ алекс. [97]). И не только призываются мужи и жены изъ церкви Авраамовой и Адамовой во едино стадо возглавлемое Возлежащимъ во ясляхъ (Т. 10—16), а и у каждаго народа будетъ

[96]) Ср. 4, т. 1. 1896 г.—Слово о крестѣ и разбойникѣ, § 1, ст. 438; слово 1-е ср. 2 § 1, ст. 448.

[97]) Ср. 20, 1889 г. кн. 2, ст. 112—3.

своя церковь и священство, совершающее службу и приносящее Богу жертву, но не кровавую по чину Аарона, а безкровную по чину Мельхиседека, ибо Христосъ Господь Іерей во вѣкъ по чину Мельхиседека (Пс. 109; ст. 4, ср. 50—19). Эта мысль удачно выражена изографомъ, чрезъ изображеніе святителя, стоящаго сзади дароносящихъ волхвовъ. Что находитъ себѣ объясненіе въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, говорящихъ, что пришелъ Пастырь, питающій всѣхъ Своимъ тѣломъ и кровію и дающій спасеніе. Господь сый всѣхъ и зиждитель Богъ, созданное безстрастный обнищавъ себѣ соедини, и яко младенецъ носимъ плотію, въ ясляхъ убогихъ поклоняемъ бываетъ: ядите, вопія, тѣло мое и вѣрою утвердитеся (Утр. 21 ч. 3 ирм.). Великій человѣковъ пастырь и святитель отъ дѣвы яко человѣкъ приходитъ, пучиною неизреченныхъ щедротъ: все отъ еже уготовися, пастыріе воспѣвайте общее возведеніе возвѣщающе концемъ. (Утр. по 5 п. ирм. Богород.). Причемъ и самые поднесенные Младенцу волхвами указываютъ, что Поклоняемый спасетъ человѣка крестомъ—Волхва Валаама пророченіе исполненіе пріемлютъ персидскими бо чудесы облія ни бывше, звѣзды необычныя осіяніемъ незаходимаго солнца Христа осіяни бывше въ Виѳлеемѣ воплощеннаго Бога—царя и вольнаго мертвеца дарами назнаменуютъ, поетъ церковь (Утр. 21 ст. на хвалитѣхъ по слава и нынѣ). Но за поклоненіемъ волхвовъ послѣдовало удаленіе въ Египетъ св. Семейства и избіеніе младенцевъ, какъ сообщаетъ св. евангелистъ (Мат. 2, 13—23), и этого изографъ не пропустилъ безъ вниманія. Изображеніе происшедшаго вслѣдъ за поклоненіемъ волхвовъ представлено на мѣстныхъ данныхъ въ двухъ видахъ краткомъ и полномъ. Послѣдній видъ является т. с. подробной иллюстраціей къ евангельскому повѣствованію о Р. Христовомъ, какъ оно изложено у св. евангелистовъ Луки (Л. 2, 7—17) и Матѳея (Мат. 2, 1—23); у перваго находятся лишь нѣкоторыя добавленія, служащія соединительнымъ звеномъ съ послѣдней группой, причемъ сохраняется связь и съ предшествующими изображеніями Р. Христова сохраненіемъ основного изображенія. Такъ на фрескѣ Варв. ц. послѣ поклоненія пастырей и волхвовъ помѣщено удаленіе св. семейства въ Египетъ, что находитъ объясненіе въ повѣствованіи о Р. Х.

у св. евангелиста (Мат. 2, 14), но откровенія объ этомъ Іосифу нѣтъ (Мат. 2, 13), этотъ пропускъ встрѣчается на ик. Р. Христова въ Благов. ц. мѣстная и въ праздничномъ ряду иконостаса и Николонадѣинск., но на всѣхъ другихъ данныхъ оно есть, причемъ самое откровеніе изображается то въ полѣ, то въ пещерѣ,—въ домѣ, т. е. находится въ зависимости отъ понятія изографомъ употребленнаго св. евангелистомъ выраженія «храмина» (Мат. 2—11). Откровеніе Іосифу совершается во снѣ и дается стоящимъ предъ нимъ ангеламъ, на иконѣ въ Спасскомъ м. ангелъ стоитъ съ книгой съ словами «востанъ», а на ик. Р. Х. въ праздничномъ ряду въ Богоявленск. ц. и откровеніе волхвамъ, имъ спящимъ въ полѣ предстоитъ ангелъ, повелѣвая неходить къ Ироду (Мат. 2—12). Надо замѣтить, что откровеніе волхвамъ есть принадлежность полной группы изображенія Р. Х.; причемъ откровеніе волхвамъ, или всѣмъ вмѣстѣ, или порознь, а въ Предтеч. ц. изображено избіеніе младенцевъ, согласно повѣствованію евангельскому (Мат. 2—19). Должно отмѣтить одну особенность, встрѣчающуюся только на аналогійной ик. Р. Х. въ Христорождественнской ц., особенность эта заключается въ двойномъ изображеніи откровенія Іосифу. Несказалось-ли здѣсь вліяніе преданія о намѣреніи Іосифа оставить Обрученницу въ виду самого Виѳлеема, сложившееся подъ вліяніемъ недоумѣнія и сѣтованій Іосифа по пути въ Виѳлеемъ на случившееся съ нимъ, «близа имя земля Вртопь», пишетъ сербскій путникъ XVII ст., «гдѣ хотяше Іосифъ оставити свята» (Богородица). И пріиде ангелъ Божій и рече ему: Іосифе, сыне Давидовъ, не бойся, поими Марію жену твою, родшееся бо изъ нее отъ Духа есть свята [98]) (Мат. 1—25). Представивъ вкратцѣ событія, послѣдовавшія за поклоненіемъ волхвовъ, художникъ приступаетъ къ ихъ болѣе подробному раскрытію; причемъ дѣлаетъ нѣкоторыя добавленія изъ 21 и 23 стт. евангелія Луки (гл. 2). Первое находится на иконѣ Р. Христова въ ц. Дмитріеселунск., а второе въ Вознесенской ц. на ик. Богоявленіе Господне. Оба дополненія сдѣланы на основаніи св. Писанія (Л. 2, 21—23) и означаютъ, что обѣщанный Искупи-

[98]) Сбор. Им. Пр. Палест. Об. 1886 г. т. 14, ст. 15.

тель уже пришелъ и все, что подобаетъ, исполнилъ, согласно предписанному закономъ, какъ его Творецъ. Изобразивъ Р. Христово въ соединеніи съ благовѣстіемъ пастырямъ, ихъ поклоненіемъ равно и волхвовъ, изографъ дополняетъ это изображеніе различными данными, заключающимися въ Св. Писаніи,—таковымъ дополненіемъ является бесѣда Ирода съ своими слугами, іудейскими книжниками и волхвами. Звѣзда возвѣстила волхвамъ о Богомладенцѣ, и руководясь ею, пришли въ Іерусалимъ и всѣхъ здѣсь удивили вопросомъ: «гдѣ есть рождейся Царь Іудейскій?» тѣмъ болѣе удивили, что проповѣдь о явленіи Царя произнесена была не іудеемъ, а необрѣзаннымъ язычникомъ; а это значило, что первенство Израиля въ духовномъ отношеніи среди народовъ кончилось. Было время, пишетъ о. Богословскій,—когда еврейскіе пророки торжественно предвозвѣщали судьбы царей и народовъ языческихъ. Настало время, что отдаленные мудрецы волхвы—язычники торжественно возвѣщаютъ потомкамъ сихъ пророковъ о рожденіи Царя Іудейскаго. Это значило, что участь Іерусалима была уже предрѣшена, что онъ самъ себѣ готовилъ отверженіе, что язычники предварятъ іудеевъ въ царствѣ родившагося Великаго Царя [99]). Слухъ дошелъ до царя Ирода и его смутилъ; о приходѣ волхвовъ ему конечно донесли; что и выражено изографомъ въ изображеніи бесѣды Ирода съ его клевретами, что не представляетъ ничего страннаго и косвенно находитъ подтвержденіе въ двухъ послѣдующихъ изображеніяхъ. Узнавъ отъ слугъ о приходѣ волхвовъ, Иродъ призываетъ къ себѣ іудейскихъ книжниковъ и спрашиваетъ ихъ о мѣстѣ рожденія Христа, а потомъ узнавъ для большого увѣренія призываетъ и волхвовъ, что и отмѣтилъ изографъ, руководясь разсказомъ св. евангелиста Матѳея (Мат. 2, 4—6). Иродъ въ царскомъ одѣяніи и со скипетромъ въ рукѣ и въ коронѣ сидитъ на тронѣ, у ногъ его писецъ, а сзади стоитъ стража, а противъ книжники, сзади ихъ выступаетъ стража. Число ихъ неодинаково; иногда одинъ,—ц. Дмитрія Селунск.—въ рукахъ книга (иногда раскрытая), въ книгѣ пророчество пророка Михея о рожденіи Христа въ Виѳлеемѣ. Вотъ

---

[99]) Ср. 38, 1890 г. т. 1, ст. 20.

текстъ пророчества, по книгѣ держимой книжникомъ предъ Иродомъ на ик. Р. Х. въ вышеупомянутой ц.—«и ты Виѳлееме доме сѵфраѳа, еда малъ еси ты, яко же быти тебе въ тысящахъ іудиныхъ отъ тебе-бо мнѣ изыдетъ»... а вотъ слова того же пророчества на иконѣ Р. Х. въ Вознесенской ц.: «и ты Виѳлееме земле іуда ничемъ же менши во владыкахъ июдин... есть», на ик. въ Всѣхсвятской ц. у книжниковъ хартія съ словами: «возсіяетъ звѣзда отъ Іакова»; домъ Ирода украшенъ статуями, согласно разсказу І. Флавія, бывшаго въ употребленіи въ Россіи. Это какъ и слѣдующее изображеніе,—бесѣда Ирода съ мудрецами вполнѣ согласуется съ Св. Писаніемъ (Мат. 2, 3—7). За этимъ слѣдуетъ избіеніе младенцевъ; призванные къ Ироду волхвы узнали о мѣстѣ рожденія І. Христа и поклонились Ему въ Виѳлеемѣ, но не пришли къ Ироду, а получивъ повелѣніе свыше, иной дорогою ушли домой. На мѣстныхъ данныхъ, кромѣ лицевого акаѳиста въ Спаск. м., только дѣлается намёкъ на это въ видѣ послѣдовавшаго имъ откровенія; на иконѣ Р. Х. въ Пятн. ц., оно происходитъ въ пещерѣ, на упомянутомъ акаѳистѣ волхвы идутъ домой подъ руководствомъ звѣзды, что объясняется церковно-богослужебными пѣснопѣніями; такъ на утрени 29 дек. въ день памяти младенцевъ въ 3 ст. канона по 9 пѣсни сказано: «испыта Иродъ время звѣзды, ея же восхожденіемъ волсви въ Виѳлеемѣ поклоняхуся Христу съ дары: его же ко отечествію наставляеми лютаго дѣтоубійцу оставиша»... Иродъ ждалъ мудрецовъ, но видя, что ихъ нѣтъ и въ то же время слыша о происшедшемъ въ Іерусалимѣ при Срѣтеніи І. Христа, издаетъ указъ объ избіеніи младенцевъ отъ 2 лѣтъ и ниже по возрасту; что не прошло незамѣченнымъ художникомъ, какъ изобразилъ и скорбь еврейскихъ женъ объ этомъ (Мат. 2, 16—8). Интересно, что на ик. Р. Х. въ Духовской ц. среди скорбящихъ въ домѣ «Рахилей» стоитъ съ простертыми руками Пречистая. Этимъ художникъ оттѣнилъ ту мысль, что если жены еврейскія были беззащитны въ горѣ и несчастіи, то матери—христіанки въ этомъ случаѣ имѣютъ у себя крѣпкую и неложную Заступницу, радостно помогающую всѣмъ съ вѣрою прибѣгающимъ къ Ея помощи, покрову которой вручены люди Ея Сыномъ въ часъ страшной, но спасительной голгоѳской жертвы

(I. 19—25), «Кто», поетъ церковь, «въ день скорби призва Тя Мати Божія, Пречистая Богородица и абіе не услышанъ будетъ [100]). За симъ слѣдуетъ изображеніе удаленія Св. Семейства въ Египетъ, въ который оно ушло не изъ Виѳлеема, а Назарета. По исполненіи дней очищенія І. Христосъ былъ внесенъ во храмъ и за Него была принесена искупительная жертва, а затѣмъ Св. Семейство возвратилось въ Виѳлеемъ, чтобы идти домой, въ это время Іосифъ былъ извѣщенъ о намѣреніи Ирода убить Младенца, какъ произошло и повелѣніе Ирода объ избіеніи младенцевъ, и Св. Семейству пришлось на время укрыться въ вертепѣ. Къ этому времени и относится изображеніе спасенія Богоматери въ пещерѣ отъ убійцъ, но безъ Отрочати (ик. въ Христорожд. ц.); въ нимбѣ Пречистой подпись Мтр. Ѳу. Это изображеніе сложилось подъ вліяніемъ мѣстнаго преданія, занесеннаго паломниками въ свои записки. Архимандритъ Агрипинъ объ этомъ говоритъ такъ: «отъ виѳлеемскія же церкви св. Романа, на востокъ съ малъ перестрѣлъ была церковь св. Николы, развалилася подъ нею же пещера отъ лѣвыя страны подъ церковь въ нюже вшедъ св. трапеза. Въ той пещерѣ скрылася св. Богородица, когда Иродъ послалъ»[101])... По Покровскому эта пещера составляетъ часть пещеръ, находящихся въ виѳлеемской горѣ; «спустившись», пишетъ, авторъ «изъ пещеры невинныхъ дѣтей на 5 ступеней по прямому направленію къ югу, вступаемъ въ другую пещеру, посвященную Іосифу Обручнику». По преданію здѣсь Іосифъ съ Маріею Матерію и Младенцемъ скрывались отъ поисковъ Ирода, и здѣсь Іосифъ получилъ откровеніе отъ Ангела повелѣніе бѣжать въ Египетъ [102]). По минованіи опасности Св. Семейство ушло въ Назаретъ, а оттуда по прямой дорогѣ, переправившись въ верхней Виѳарѣ по ниже Галилейскаго озера вступило въ Персію и чрезъ Аравійскую пустыню въ Египетъ. Ангелъ, говоритъ І. Златоустъ, не повелъ бы ихъ туда, чтобы не было никакого нарушенія закона; онъ ожидалъ, пока совершится это очищеніе и они пойдутъ въ Назаретъ, а тогда уже велѣлъ идти въ Египетъ. Изображая удале-

[100]) Ср. 38, 1891 г. приложеніе ст. 87.

[101]) Ср. 13а № 13.

[102]) Ср. 15, 1890 к. 9 ст. 105.

ніе въ Египетъ; изографъ на основаніи преданія пишетъ встрѣчу Св. Семейства въ пустынѣ съ разбойниками и отдохновеніе Пречистой подъ деревомъ близь Иліополя, пограничнаго египетс. города. Самое вступленіе бѣжавшихъ въ Иліополь ознаменовалось паденіемъ идоловъ съ идольск. капища, что и отмѣтилъ изографъ (оно находится на всѣхъ почти данныхъ). Самое изображеніе основано на буквальномъ понятіи пророчества Исаіи, что отъ лица Господа потрясутся «рукотворенная египетская» и основанной на немъ церковной пѣсни. Въ землю убо иду египетскую, но египетская, о мати, рукотворенная низложу трусомъ, на ик. Р. Х. въ Николо-Надѣинской ц. капище объято огнемъ,—т. е. христіанство подобно огню истребитъ язычество. Кромѣ того изографъ изображаетъ спасеніе праведной Елизаветы, убіеніе пророка Захаріи, родителя І. Предтечи. Отдавая свой жестокій приказъ, Иродъ послалъ и въ Горнюю своихъ воиновъ; прав. Елизавета, узнавъ объ этомъ, по преданію она извѣщена была Іосифомъ предъ уходомъ въ Египетъ [103]), взявъ младенца Іоанна, бѣжала въ пустыню, но ее замѣтили воины, видя опасность, она обратилась съ просьбой къ горѣ принять ее: «Гора Божія прими матерь съ сыномъ!» гора разсѣлась и впустила святую; это преданіе вошло и въ церковную пѣснь: Иродъ пребеззаконный, видя звѣзду паче всея твари святлѣйшую, смущашеся и млекопитаемыя младенцы изъ объятій материхъ исхищаше. Елизавета, взявши Іоанна, камень моляше, глаголюще: гора пріими матерь съ чадомъ, гора прія предтечу»... изографъ тѣхъ и другихъ данныхъ пишетъ спасеніе пр. Елизаветы съ младенцемъ Іоанномъ. За симъ изображается и убіеніе Захаріи; убіеніе происходитъ въ храмѣ, въ видѣ русской церкви у престола съ стоящимъ на немъ 10-тословіемъ, написаннымъ на двухъ скрижаляхъ. Убійству пророка не мало содѣйствовали книжники и фарисеи, мстившіе ему за то, что по входѣ въ храмъ Приснодѣвы съ Младенцемъ, имъ была поставлена на мѣстѣ дѣвъ; они донесли царю о чудесахъ бывшихъ при рожденіи сына у пророка. Узнавъ объ этомъ, царь послалъ къ Захаріи, бывшему на чредѣ въ Іерусалимѣ, съ вопросомъ, гдѣ его

---

[103]) Воскр. День, 1900 г. № 36.

сынъ? Захарія отвѣтилъ «теперь я служу Господу Богу Израилеву и не знаю гдѣ сынъ, мой». И на второй вопросъ—«скажи истину, гдѣ твой сынъ? Или не знаешь, что кровъ твоя въ моей рукѣ!» Захарія отвѣтилъ: «Богъ мнѣ свидѣтель, что я не знаю, гдѣ сынъ мой. Вы можете пролить кровь мою; но Господь приметъ мою душу»[104]). Это раздражило царя и пророкъ былъ убитъ; на ик. Р. Х. Пятницовспольской ц. Захарію убиваютъ не воины, а какіе то люди въ монашескомъ одѣяніи. На ик. Р. Х. въ ц. Дмитріесел.—стоитъ женщина. Женщина образъ ветхозавѣтной церкви, вожди которой убіютъ и Того, Кого, какъ провозгласитъ сынъ убиваемаго Захаріи Іоаннъ (I. 1, 29). Изображая чудесное спасеніе пр. Елизаветы въ горѣ, художникъ помѣщаетъ чудесное спасеніе Наѳанаила подъ деревомъ; оно помѣщается на мѣстныхъ данныхъ подъ уходомъ въ Египетъ Св. Семейства; это изображеніе взято художникомъ изъ преданія, что Наѳанаилъ былъ сокрытъ подъ деревомъ.

Н. Флоровскій.

---

[104]) Памят. д.-христ. письм. гл. 23; 32—33. 1860 г.

Костромской протопопъ Даніилъ.

Очеркъ изъ исторіи раскола въ первое время его существованія.

(Рефератъ, прочитан. на IV Областномъ археологич. съѣздѣ въ Костромѣ).

Въ послѣдніе годы патріаршества Іосифа (1642—1652 г.г.), подъ руководствомъ царскаго духовника Благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, въ Москвѣ образовался кружокъ ревнителей благочестія [1]). Пользуясь своимъ личнымъ вліяніямъ на царя Алексѣя Михайловича, Стефанъ Вонифатьевъ внушилъ правительству мысль принять рядъ мѣръ къ упорядоченію богослуженія, къ сокращенію пьянства, уличныхъ игрищъ со скоморохами, пѣснями и т. п. Духовнымъ и свѣтскимъ властямъ различныхъ городовъ былъ данъ изъ Москвы относительно этого рядъ грамотъ со строгимъ наказомъ и съ разрѣшеніемъ употреблять противъ ослушниковъ суровыя мѣры[2]). Разумѣется, во многихъ мѣстахъ эти предписанія никакого дѣйствія на жизнь не оказали. Но кое-гдѣ, всетаки, они нашли себѣ отголосокъ среди тѣхъ представителей духовенства, которые и сами „стояли за благочестіе“, т. е. старались бороться съ нестроеніями

---

[1]) О составѣ и стремленіяхъ этого кружка см. подробн. въ трудахъ проф. *Н. Ѳ. Каптерева*: Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Т. I. Сергіевъ Посадъ. 1909. Гл. I (Церковно-реформаціонное движеніе во время патріаршества Іосифа и его представители).—Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Изд. 2. Сергіевъ Посадъ. 1913 г. Гл. V (Кружокъ ревнителей благочестія, образовавшійся въ Москвѣ во 2-ю половину патріаршества Іосифа).

[2]) *Н. Харузинъ*. Къ вопросу о борьбѣ Московскаго правительства съ народными языческими обрядами и суевѣріями въ половинѣ XVII в. (Этнографич. Обозрѣніе, 1897 г., № 1, стр. 143—151). *Н. В. Рождественскій*. Къ исторіи борьбы съ церковными безпорядками, отголосками язычества и пороками въ русскомъ быту XVII в. Москва, 1902. Стр. 5 и слѣд.—*Н. Каптеревъ*, цитов. сочин.

религіозно-нравственной жизни своей паствы. Такъ было, между прочимъ, и въ Костромѣ [1]), гдѣ надзоръ за церковной жизнью былъ порученъ игумену Богоявленскаго монастыря Герасиму и соборному протопопу Даніилу. Относительно перваго изъ этихъ лицъ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній, которыя характеризовали бы его со стороны нравоисправительныхъ стремленій. По документамъ видно только, что игуменъ Герасимъ былъ человѣкъ довольно книжный и заботившійся объ устроеніи своего монастыря [2]). Но соборный протопопъ Даніилъ заявилъ о себѣ болѣе опредѣленно, а въ послѣдующее время получилъ довольно широкую извѣстность и за предѣлами Костромского края.

Въ полдень 28 мая 1652 г. на улицахъ Костромы появилась толпа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ с. Селищъ, Минскаго и окрестныхъ деревень, которыя въ то время принадлежали боярину Глѣбу Ивановичу Морозову. Крестьяне шли съ пѣснями, съ шумомъ, но они двигались не безцѣльно. Во главѣ ихъ былъ попъ села Селищъ Иванъ и велъ всѣхъ за собою освобождать тѣхъ узниковъ, которые были посажены за разныя безчинства въ палату подъ соборною церковью. Расходившіеся буяны сбили замокъ и выпустили изъ заключенія троихъ изъ своихъ собратій. Страсти разыгрались далѣе. Послышались угрозы по адресу игумена Герасима и соборнаго протопопа Даніила. Послѣдній, опасаясь за свою жизнь, сперва ушелъ въ соборъ, оттуда, послѣ заутрени скрылся на двое сутокъ въ Воздвиженскомъ монастырѣ. Толпа искала его

---

[1]) Грамота Костромскому воеводѣ была послана въ 1649 году, причемъ приказано было отписать, что скажутъ, по выслушаніи ея, разныхъ чиновъ люди. 20 апрѣля воевода отвѣчалъ, что «игумены и попы черные и мірскіе всякихъ чиновъ люди» сказали, что они «по правилу святыхъ отецъ и государеву указу творить, и какъ въ... указѣ написано учнутъ, и за такими богомерзкими дьявольскими всякими дѣйствы ходить не учнутъ, а учнутъ творить противъ правила святыхъ отецъ и государева указу». *Н. Харузинъ*, цитов. стат., стр. 149—150).

[2]) *И. Баженовъ*. Костромскій Богоявленско-Анастасіинскій монастырь. Кострома. 1895. Стр. 18—19, 42, и прилож. стр. VII—XI, XVII и друг.— *Его-же*. Описаніе старинныхъ сборниковъ Костромского Богоявленскаго монастыря. Костромская Старина. Вып. IV. 1897. Приложенія, стр. 71, 91.

въ городѣ и около собора, при чемъ пришлось пострадать нѣсколько тѣмъ лицамъ, которыя часто показывались вмѣстѣ съ протопопомъ и раздѣляли его строгіе взгляды на пьянство, игры и пѣсни. Достигнувъ своей цѣли, крестьяне еще нѣкоторое время оставались около церкви и вели себя столь же несдержанно.

Когда все успокоилось, протопопъ Даніилъ написалъ въ Москву жалобу, гдѣ подробно передалъ о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ и нарисовалъ очень мрачную картину тогдашней религіозной жизни въ Костромѣ. „Духовные отцы извѣщали намъ,—говоритъ Даніилъ,—что дѣти ихъ духовные къ церквамъ въ пѣніе (въ службу) съ ножами приходятъ и у церковныхъ дверей стоятъ и стоя на церковныхъ порогахъ кричатъ въ церковь отцамъ духовнымъ и хотятъ отцовъ своихъ духовныхъ ножами рѣзать, а иные, увидя меня, протопопа, и иныхъ добрыхъ людей, поднимаютъ ихъ на задоръ и всякое скаредное дѣло въ городѣ и въ уѣздахъ дѣлаютъ, заводятъ мятежъ и безчинство. И въ тотъ мятежъ,—разумѣется происшествіе 28 мая,—нѣкоторые люди побиты до смерти, а которые биты на смерть; *у соборной церкви скоморохи пѣсни пѣли...* Костромской воевода Юрій Оксаковъ и приказные люди мятежниковъ не унимали и сами всякое безчинство дѣлали, а намъ, игумену Герасиму и протопопу, всякому добру не помогали и по государевымъ указнымъ грамотамъ на безчинниковъ и ослушниковъ людей не давали, а кого мы въ безчинствѣ своею мочью возьмемъ къ воеводѣ, приказные тѣхъ людей у насъ въ смиренье не принимали и съ тѣхъ людей посулы брали и ихъ отпускали“... Чтобы усилить вину своихъ обидчиковъ, Даніилъ заодно передаетъ еще случай расправы съ нимъ одного крестьянина, изъ вотчины Бориса Иванова Морозова. „25 мая крестьянинъ Лысковецъ Куземка Васильевъ съ товарищами ночью стали пѣсни пѣть на берегу Волги. И я вышелъ ихъ унимать, а они меня на смерть били и скуфью сбили, и отъ этого удара я упалъ безъ вѣдома (безъ чувствъ). Потомъ съ тѣми же людьми Васильевъ прошелъ къ соборной церкви, и у воеводскаго двора били меня ослопомъ. И я въ полчаса ночи велѣлъ сторожу ударить въ колоколъ. Воевода вышелъ, но обороны мнѣ не учинилъ, а крестьяне затѣмъ разбѣжались“.

Когда была получена въ Москвѣ эта жалоба, стольнику Еропкину поручили произвести подробный сыскъ въ Костромѣ и въ уѣздѣ о всѣхъ описанныхъ Даніиломъ безчинствахъ. Допрошена была масса лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, и ихъ показанія составили обширное дѣло въ 270 листовъ, хранящееся теперь среди документовъ Московскаго архива Минист. Юстиціи, только, къ сожалѣнію, съ утраченными листами въ началѣ и въ концѣ. Болѣе важные свидѣтели допрашивались отдѣльно, а посадскіе люди давали показанія цѣлыми группами, сотнями или улицами. Какъ и слѣдовало ожидать, все низшее населеніе—горожане, посадскіе жители и крестьяне безраздѣльно стали на защиту своихъ собратій, страдавшихъ отъ строгости протопопа и игумена и отозвались полнымъ невѣдѣніемъ о происшедшихъ безчинствахъ: *ничего не видѣли и не слышали* [1])... Нѣкоторые изъ крестьянъ только добавили, что у протопопа съ крестьяниномъ Васильевымъ была ссора, при чемъ послѣдній подалъ объ этомъ явку, а въ чемъ именно дѣло,—имъ не вѣдомо. „На Костромѣ скомороховъ нѣтъ, а которые напередъ сего были, и нынѣ они на Костромѣ жъ кормятся Христовымъ именемъ...“

Болѣе содержательны показанія духовныхъ лицъ. Они интересны именно не столько для выясненія всѣхъ подробностей событія, сколько для харектеристики отношеній остального духовенства къ протопопу Даніилу и его нраво-исправительнымъ стремленіямъ. Съ этой стороны любопытно ознакомиться съ нѣкоторыми показаніями подробнѣе.

Настоятели Костромскихъ монастырей: Запрудскаго, Подвязнаго, Воздвиженскаго и Ипатьевскаго тоже отозвались невѣдѣніемъ, ссылались на то, что они «люди келлейные», «отъ города удалѣли», а Ипатьевскій строитель добавилъ даже, что онъ и въ городѣ на

---

[1]) Когда воеводу просили взять тѣхъ людей. которые били единомышленниковъ прот. Даніила, то воевода, по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, сказалъ: «*много де воеводъ*, а больши того имъ не сказалъ»... Вѣроятно, этой фразой представитель свѣтской власти хотѣлъ указать на то, что прот. Даніилъ присвоилъ себѣ воеводскія права, самостоятельно распоряжаясь «смиреніемъ безчинниковъ».

посадѣ года съ 2 не бывалъ; нѣкоторые были въ отъѣздѣ. Какъ они слышали отъ самого протопопа, послѣдній пострадалъ за то, что унималъ крестьянъ отъ пьянства, а вмѣстѣ съ нимъ были побиты и тѣ люди, которые ходили съ нимъ «для поученія на добрыя дѣла».

Изъ духовенства Костромского собора и приходскихъ церквей большая часть уклонилась отъ сообщенія подробностей по дѣлу, но въ то же время и въ своихъ интересахъ, и въ интересахъ прихожанъ сдѣлала возраженія на нѣкоторые пункты челобитной Даніила. «А на Костромѣ,—говорятъ священники,—скомороховъ нѣту и у собора пѣсней не пѣвали; ходили по городу пьяныхъ 5—6 человѣкъ и пѣли пѣсни бѣсовскія, а большого скопу не видали... И игумену Герасиму и протопопу Даніилу на дѣтей своихъ духовныхъ мы не извѣщали, потому что онъ тѣхъ дѣтей духовныхъ такова дурна и безчинства (какъ приходъ къ церкви съ ножами и проч.) къ намъ не бывало»... Показанія духовенства относительно воеводы нѣсколько смѣлѣе: воевода, дѣйствительно, по ихъ словамъ, безъ протопопова вѣдома выпускалъ посаженныхъ въ смиренье; но бралъ ли онъ при этомъ взятки,—неизвѣстно.

Эти сдержанные отвѣты ясно показываютъ, что въ своемъ стремленіи поучать прихожанъ на добрыя дѣла Даніилъ не встрѣчалъ поддержки во всей массѣ Костромского духовенства и въ ближайшихъ къ нему людяхъ—соборянахъ. Нашлась только небольшая группа лицъ изъ 4 священниковъ и 1 дьякона, которые имѣли мужество заявить: «Богоявленскаго монастыря отъ игумена Герасима мы слышали, что боярина Глѣба Ивановича Морозова крестьяне слугу монастырскаго Тимоѳея Ѳедорова били и его игумена бить хвалились, и онъ того убоялся, на патріарховъ дворъ для духовныхъ дѣлъ дни съ три ходить не смѣлъ, и въ недѣлю седьмую по Пасцѣ на соборъ не ѣздилъ... Крестьянинъ Куземка Васильевъ съ ярыжными у воеводскаго двора при воеводѣ Юрьѣ Аксаковѣ протопопа Даніила ослопьемъ подъ бока суляли, и воевода и посадскіе, кои на тотъ шумъ сбѣжались, его, протопопа, Куземкѣ подали и за него не стали... А то намъ вѣдомо, что въ городѣ и на посадѣ государеву указу пьяницы чинятца противны, въ день и по ночамъ

ходятъ, пѣсни поютъ и сквернословятъ и всячески скаредно бранятца и безчинствуютъ, а кто они именно, того мы не вѣдаемъ»... Ин ересно отмѣтить, что подписи этой группы духовенства, сравнительно съ другими священниками, подвергавшимися допросу, отмѣчаются большей свободою и бойкостью: видно, что это были люди болѣе книжные, возвышавшіеся надъ рядовою грамотностью.

Отдѣльно должно быть упомянуто показаніе Костромского соборнаго попа Павла. Отъ него какъ отъ ближайшаго сотрудника протопопа Даніила, можно было ожидать наиболѣе обстоятельныхъ свѣдѣній по дѣлу. Но лишнихъ подробностей относительно нападенія на Даніила попъ Павелъ не сообщилъ. Зато онъ нарисовалъ любопытную картинку уличныхъ нравовъ тогдашней Костромы. «На Ѳоминой недѣлѣ во вторникъ,—показалъ попъ Павелъ,—шелъ я послѣ вечерни къ себѣ во дворишко. И какъ буду у Никольскаго мосту, что отъ Волги, и отъ нижняго кабака идетъ пьяница безъ портокъ въ кафтанишкѣ, а передъ нимъ несутъ плошку вина. И онъ пьяница, взошедъ на Никольской мостъ и близъ меня пришедъ, подолъ свой поднялъ и срамной... наружу выставилъ. А для ли меня на задоръ онъ такое скаредное дѣло сдѣлалъ или по своему пьянственному нраву, того не вѣдаю, и кто именно не вѣдаю»... Вотъ съ какимъ безшабашнымъ пьянствомъ приходилось вести борьбу протопопу Даніилу!..

Таковы данныя сыска. Такъ какъ конца дѣла не сохранилось, то мы не находимъ въ немъ отвѣта на вопросъ, чѣмъ же закончилось это слѣдствіе [1]). Равнымъ образомъ, молчатъ о протоп. Даніилѣ

---

[1]) Московск. архивъ Мин. Юстиціи. Документы Разряднаго Приказа. Стобъ. Приказн. стола № 181. 7160 (1652) г. Сыскное дѣло (безъ начала и конца) о безпорядкахъ, произведенныхъ въ Костромѣ и уѣздѣ боярина Глѣба Ив. Морозова с. Селищъ попомъ Иваномъ и крестьянами того же села и с. Минскаго съ деревнями 270 л.л. (л.л. 269 и 270 въ отрывкахъ). Въ архивѣ бывшей посадской избы с. Большихъ Солей сохранились документы, относящіеся къ изложенному нами дѣлу, именно—обыскныя рѣчи Большесольскихъ обывателей на запросъ воеводы Еропкина, что имъ извѣстно о безпорядкахъ въ Костромѣ. Въ первый разъ эти документы использованы были священникомъ Евгеніемъ Лаговскимъ въ «Описаніи посада Большихъ Солей». Трудъ этотъ долгое время оста-

и мѣстные Костромскіе документы. Но его дальнѣйшая судьба становится болѣе интересной, и мы видимъ его далѣе уже въ Москвѣ, въ томъ самомъ кружкѣ ревнителей благочестія, о которомъ мы упоминали выше. Протопопъ Аввакумъ въ своей автобіографіи разсказываетъ о себѣ, что послѣ столкновенія съ воеводой и жителями г. Юрьевца, онъ долженъ былъ удалиться изъ прихода и двинулся въ Москву. «На Кострому прибѣжалъ,—гово-

---

вался въ рукописномъ видѣ и въ 1847 году былъ на разсмотрѣніи у извѣстнаго изслѣдователя Костромской старины прот. М. Я. Діева. «Описаніе» Е. Лаговскаго было напечатано только въ 1861 г. (Кострома. Стр. 76—II—XXXVII), а рецензія на него прот. Діева—въ Костромской Старинѣ, вып. V (1901 г.), стр. 167—193. На стр. 178—179 о. Діевъ приводитъ буквально разсказъ Лаговскаго, по большесольскимъ документамъ, о безчинствахъ въ Костромѣ; но при этомъ событіе неправильно отнесено къ 1660 году (вѣроятно, вслѣдствіе невѣрно прочитаннаго въ бумагахъ 7160 (1652 года). Впослѣдствіи Большесольскій архивъ поступилъ въ распоряженіе Костромской Архивной Комиссіи (см. *Н. Н. Селифонтова.* Описи документамъ архива бывшихъ Большесольскихъ посадской избы и ратуши XVI—XVIII ст. С.-Петербургъ. 1902). При начавшемся разборѣ документовъ, г. Л. Грандилевскимъ вновь найдены были «обыскныя рѣчи», извѣстныя еще Лаговскому, и на основаніи ихъ напечатана статья: «Противоцерковное раскольническое движеніе въ Костромѣ въ 1652 году» (Костромскія Епарх. Вѣдомости, 1904 г., № 16, стр. 404—408). Располагая только частью матеріала о Костромскихъ безпорядкахъ (въ дѣлѣ А. М. Юстиціи сказки жителей Большой Соли занимаютъ л.л. 115—120), г. Грандилевскій задается вопросомъ: какъ понимать это движеніе: была ли это выходка пьяной толпы, или нѣчто болѣе серьезное—преднамѣренная демонстрація противъ духовенства. Авторъ склоняется къ послѣднему рѣшенію: «не простое буйство пьяной толпы, а организованное движеніе противъ духовенства г. Костромы на почвѣ недовольства имъ, какъ выразителемъ церковнаго благочестія» (цитов. ст., стр. 407). Отыскивая источники и корни этого недовольства, авторъ видитъ ихъ въ лжеученіи инока Капитона, который началъ свою проповѣдь о презрѣніи къ духовнымъ лицамъ въ Костромскомъ краѣ еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (ссылки на Ист. рус. раскола еписк. *Макарія* СПБ., 1858, стр. 266 и Посланія митроп. Игнатія Тобольскаго, 1857 г., стр. 96—99). Въ заключительномъ выводѣ г. Грандилевскій признаетъ безпорядки въ Костромѣ «противоцерковнымъ движеніемъ

рилъ Аввакумъ,—ано и тутъ протопопа же Даніила изгнали» [1]). Нельзя не отмѣтить поразительнаго совпаденія въ пріемахъ дѣятельности членовъ кружка Стефана Вонифатьева: всѣ они вели упорную борьбу съ народными увеселеніями и скоморохами. Аввакумъ передаетъ о себѣ, что онъ особенно ратовалъ противъ скомо-

съ характеромъ начинающагося раскола; Селищенскій попъ Иванъ былъ, повидимому, вожакомъ движенія»... (стр. 408). Но этотъ взглядъ не находитъ себѣ поддержки въ тѣхъ подробностяхъ событія, какія вскрылись при слѣдствіи. Безпорядки были чужды какихъ либо общихъ мотивовъ противоцерковнаго характера; они исходили изъ бытовыхъ условій приволжскаго города, который во время судоходства жилъ шумной, разгульной жизнью, наполнялся торговымъ и рабочимъ людомъ. А село Лысково, одинъ изъ жителей котораго особенно неуважительно отнесся къ прот. Даніилу, въ XVII в. отличилось обиліемъ кабаковъ и харчевенъ по берегу Волги, и какъ ни разоряло ихъ правительство, они постоянно появлялись вновь; а у кабака «скоморохи съ медвѣди пляски и всякія бѣсовскія игры чинили»... (*А. А. Титовъ*. Троицкій Желтоводскій монастырь у Стараго Макарья. Москва 1887. Стр. 38—39). Привыкнувъ къ такому разгулу и веселью, этотъ береговой и пригородный Костромской людъ естественно съ крайнею враждебностью встрѣчалъ всякаго, кто поучалъ «на добрыя дѣла» не только словомъ, но и мѣрами наказанія. Селищенскій попъ Иванъ не былъ какимъ-либо идейнымъ вождемъ всего движенія, а просто шелъ во главѣ своихъ прихожанъ, двинувшихся выручать изъ заключенія товарищей. И, конечно, фигура священника въ этой толпѣ останавливала на себѣ особое вниманіе. Къ тому же, у попа Ивана были и личные мотивы для неудовольствія на прот. Даніила. Игуменъ Спасскаго Запрудскаго монастыря Антоній на допросѣ показалъ: «слышалъ я на торгу отъ людей, что с. Селищъ боярина Глѣба Ивановича Морозова попъ Иванъ Емельку, прозвище Ляда, зашибъ де клюкою за то, что назвалъ ево попа Ивана онъ, Емелька, бражникомъ, и онъ его, Емельку, за то ударилъ». А такъ какъ этотъ Емелька принадлежалъ къ числу людей, которые «стояли за благочестіе», то отсюда можно заключить, что попъ Иванъ, вѣроятно, и самъ не разъ подвергался отъ протопопа обличеніямъ за «пьянственное житіе».

[1]) Матеріалы для исторіи раскола, изд. *Н. Субботинымъ*, т. V, стр. 16. — *А. Бороздинъ*. Протопопъ Аввакумъ. СПБ. 1900. (Изд. 2). Стр. 12. Относительно Даніила изъ Костромы г. Бороздинъ высказываетъ общую догадку: «по всей вѣроятности, и невзгоды Даніила объясняются его принадлежностью къ кружку Вонифатьева» (стр. 22).

роховъ, а другой его сподвижникъ, Иванъ Нероновъ ходилъ даже въ полночь сражаться съ ними [1]). Такое строгое отношеніе къ невиннымъ, на народный взглядъ, развлеченіямъ, разумѣется, особенно озлобляло прихожанъ, и ревнители, поневолѣ покинувъ свои паствы, въ послѣдніе минуты патріаршества Іосифа собрались въ Москвѣ около своего руководителя Стефана Вонифатьева [2]). Но вотъ патріаршескую кафедру занялъ (съ 25 іюля 1652 г.) Никонъ. Когда онъ издалъ свою извѣстную память о поклонахъ и сложеніи перстовъ, весь кружокъ ревнителей пришелъ въ движеніе. «Мы съ Даніиломъ,—говоритъ Аввакумъ,—написавъ изъ книгъ выписки о сложеніи перстъ и поклонахъ, и подали государю» [3]). Равнымъ образомъ, Даніилъ участвовалъ и въ составленіи другой челобитной за Неронова [4]). Но новый энергичный патріархъ принялъ рядъ строгихъ мѣръ противъ членовъ кружка. «Послѣ того,—разсказываетъ Аввакумъ,—вскорѣ схватилъ Никонъ Даніила, въ монастырѣ за Тверскими вороты, при царѣ остригъ голову и содравъ однорядку ругая отвелъ въ Чудовъ монастырь въ хлѣбню [5]), и муча много, сослалъ въ Астрахань. Вѣнецъ терновъ на главу ему тамъ возложили, въ земляной тюрьмѣ и уморили» [6]). Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ называетъ Даніила священно-мученикомъ, пострадавшимъ

---

[1]) Матеріалы для ист. раскола т. V. («Житіе» Аввакума) и т. I. (Біографія І. Неронова).

[2]) Дьяконъ Ѳеодоръ называетъ Даніила Костромского въ числѣ друзей царева духовника благаго Стефана (Матер. для ист. раскола, V. 197.

[3]) Матеріалы. V, 18—19.

[4]) *Бороздинъ.* Прот. Аввакумъ, стр. 57—58.

[5]) По сообщенію Аввакума, Даніилъ былъ лишенъ сана ранѣе Муромскаго протоп. Логгина, а этотъ послѣдній былъ разстриженъ 1 сентября 1653 г. Рязанскія достопамятности, собран. арх. *Іеронимомъ.* Рязань 1889. Стр. 71.

[6]) Матеріалы. V, 18—19; ср. Бороздинъ, приложен., стр. 81. — Въ статьѣ *С. Н. Романовскаго*, по исторіи раскола въ Костромской епархіи, между прочимъ, говорится: «Что могла значить для массы народа костромичей кара, постигшая ихъ почтеннаго соборнаго протопопа въ Москвѣ? Вѣдь онъ, казалось имъ, стоялъ за законы отеческіе. Да и могло ли быть дѣйствительнымъ такое наказаніе? Лишенный сана прот. Даніилъ былъ

за правовѣріе отъ Никона [1]), а въ «Виноградѣ Россійскомъ» Даніилъ именуется «предивнымъ», на ряду съ Павломъ, еписк. Ко-

---

посланъ въ Чудовъ монастырь печь хлѣбы. Это униженіе протопопа возвышало его въ глазахъ лицъ, ему сочувствовавшихъ. Мы знаемъ, что около Костромы находились вотчины Чудова монастыря (наприм., Саметь, Костромск. у.) и, слѣдов., у монастырской братіи были постоянныя сношенія съ Костромой Вліятельный бывшій протопопъ могъ не только своими посланіями, но и лично въ трапезной поучать при случаѣ своихъ земляковъ и даже тайно посѣщать своихъ единомышленниковъ въ Костромѣ. Быть можетъ, подобныя обстоятельства и побудили духовное начальство послать Даніила подъ крѣпкимъ карауломъ въ далекую Астрахань... Достойно примѣчанія, что расколъ и доселѣ сильнѣе тамъ, гдѣ поль зовались почетомъ первые расколовожди. Наприм., окрестности Костромы обильны расколомъ, за исключеніемъ села Селищъ, жители котораго выразили Костромскому протоп. Даніилу свои антипатіи еще въ 1652 году» (Костромск. Епарх. Вѣдом., 1905 г., № 6, стр. 172—173). Что Даніилъ, послѣ наказанія, не смирился, а, напротивъ, сталъ еще рѣшительнѣе высказывать свои взгляды,—въ этомъ убѣждаетъ примѣръ остальныхъ членовъ кружка Вонифатьева. Но о сношеніяхъ Даніила съ Костромой личныхъ или письменныхъ никакихъ указаній не сохранилось, такъ что въ этой области возможны только догадки. Можно, напримѣръ, отмѣтить еще тотъ фактъ, что близкая къ кружку первыхъ расколоучителей боярыня Ѳеодосія Морозова была женою Глѣба Ивановича Морозова, владѣвшаго вотчинами въ окрестностяхъ Костромы. Несомнѣнно, она хорошо знала и уважала прот. Даніила, такъ что то же могла служить посредницей въ сношеніяхъ его съ Костромой. Но при всѣхъ подобнаго рода предположеніяхъ не нужно забывать, что кружокъ лицъ, сочувствовавшихъ въ Костромѣ Даніилу, какъ мы видѣли изъ данныхъ слѣдствія, былъ очень не великъ, остальная же масса костромичей не могла быстро измѣниться въ своихъ чувствахъ къ суровому протопопу. Все это заставляетъ воздержаться отъ переоцѣнки того значенія, какое могъ имѣть Даніилъ въ исторіи ранняго появленія и распространенія раскола въ Костромскомъ краѣ. Гораздо болѣе правильно указаніе, что почва для этого была подготовлена проповѣдью старца Капитона. 31 октября 1651 г. Костромскому воеводѣ Юрію Аксакову велѣно было царской грамотой «въ Костромскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Шачѣ взять въ келліяхъ старца Капитона старцевъ и мірскихъ людей робятъ, которые въ тѣхъ келліяхъ живутъ, а быть имъ до нашего указу въ Ипацкомъ и Богоявленскомъ монастыряхъ подъ началомъ... и въ черной работѣ; а съ мо-

ломенскимъ и Аввакумомъ [2]). Вотъ эти отзывы показываютъ, что Костромской протоп. Даніилъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ кружкѣ первыхъ расколоучителей хотя подробности о его Московской жизни до насъ не дошли [3]), равно какъ и нѣтъ возможности опредѣлить степень его участія въ составленіи упомянутыхъ выше челобитныхъ. Въ 1656 году Богоявленскій игуменъ Герасимъ участвовалъ въ судѣ надъ Иваномъ Нероновымъ [4]), при чемъ здѣсь несомнѣнно вспоминалось и имя Костромского протопопа Даніила, который вмѣстѣ съ Герасимомъ начиналъ въ Костромѣ борьбу съ безчинствами и такъ печально закончилъ свою пастырскую дѣятельность.

С. Введенскій.

настыря ихъ никуда спущать отнюдь не велѣли, и того велѣли беречь накрѣпко, чтобы не ушли». (*И. Миловидовъ.* Содержаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Ипатьевскаго монастыря. Вып. I. Кострома. 1887. Стр. 58) Въ ученіи Капитона, какъ оно обрисовано въ посланіяхъ Игнатія Тобольскаго, были всѣ элементы противоцерковнаго протеста.

[1]) Матеріалы для ист. раскола, V, 216.

[2]) Виноградъ Россійскій, или описаніе Пострадавшихъ въ Россіи за древлецерковное благочестіе, написанный Симеономъ Діонисіевичемъ (кн. Мышецкимъ). Москва. 1906. Гл. 2. л. 16.

[3]) Въ «Житіи» Корниліи Выгопустинскаго сообщается, что на Соборѣ по вопросу о перекрещиваніи переходящихъ изъ православія въ расколъ былъ и прот. Даніилъ (Бороздинъ, стр. 120).

[4]) Матеріалы для исторіи раскола, т. I, стр. 182 и 186.—Имя игумена Герасима упоминается еще въ одномъ сыскномъ дѣлѣ о раскольникахъ 31 января 174 (1666) г. въ Костромѣ къ городскимъ воротамъ прибито было «воровское письмо». Оно извѣщало о появленіи въ Богоявленскомъ монастырѣ «присланнаго отъ антихриста ученика, который Бога славитъ лицемъ и узкимъ путемъ, а врагу работаетъ и въ тайнѣ ему празднуетъ по его вражьимъ книгамъ у себѣ подъ клѣтью въ ямѣ»... Повидимому, это былъ извѣтъ на игумена Герасима, можетъ быть, въ тайной принадлежности къ расколу и къ старымъ книгамъ. Сочинитель извѣта не обнаруженъ. (Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. арх. Мин. Юстиціи. Кн. XV. М. 1908. Стр. 512).—Есть подпись игум. Герасима по дѣяніямъ Московскаго Собора 14 августа 1660 г., объ избраніи новаго патріарха, вмѣсто Никона (Дѣло о патр. Никонѣ. СПБ. 1897. Стр. 110).

Недоложенные рефераты.

Житіе преп. Пахомія Нерехотскаго.

(Введеніе и текстъ житія).

Ключевскій, Некрасовъ, Яхонтовъ, Кадлубовскій, Царевскій и мн. др. въ своихъ изслѣдованіяхъ, нѣсколько общихъ выводовъ изъ которыхъ предлагается ниже, выяснили историко-литературное значеніе древне-русскихъ житій святыхъ.

Въ исторіи русской культуры и національной государственности представители Церкви имѣютъ большое значеніе. Митрополиты ссв. Петръ, Алексѣй, Филиппъ, облеченные властью первосвященника и осіянные ореоломъ личной святости, тѣмъ самымъ являлись носителями просвѣщенія, проповѣдниками и защитниками формъ національной общественности и устроителями Града Божія на землѣ, воспроизводя идеи блаж. Августина. На зарѣ народнаго бытія, въ эпоху расцвѣта искренней и страстной вѣры, порождавшей въ сердцѣ, еще не скованномъ догматами, великую, какъ природа, любовь къ человѣчеству,—Божьи люди, отмѣченные талантомъ вѣры, были наиболѣе яркими представителями юнаго племени, вступавшаго на путь политической самодѣятельности.

Дебри сѣверныхъ лѣсовъ, населенныя дикимъ звѣрьемъ, приволья русской равнины, пустынные берега рѣкъ и озеръ привлекали къ себѣ не только жадное вниманіе промышленника или охотника, но и въ грядущее устремленный взоръ религіознаго правдоискателя, вокругъ котораго въ тѣ времена прекрасная мать-пустыня зацвѣтала новою жизнью и оглашалась звуками молитвенныхъ гимновъ, а къ нимъ примѣшивались радостные голоса новыхъ поселенцевъ и веселый стукъ плотничьяго топора: вѣра не уходила въ одиночество,—но безлюдье превращала въ многолюдство. Около подвижника, удалившагося отъ суеты мірской, создавалась обитель его учениковъ, а недалеко отъ нея неизмѣнно выростали мірскіе поселки; или—около древнихъ селеній строилась скромная келья

угодника, смиренная колыбель будущаго монастыря; и въ томъ и въ другомъ случаѣ культурное вліяніе святого и его обители было громадно. Не только душевная скорбь и тѣлесный недугъ исцѣлялись подвижникомъ: святость обязываетъ къ культурѣ въ высшемъ и полномъ значеніи этого слова и упорный домостроительный трудъ братской монашеской общины, во главѣ съ игуменомъ, являлся для окружающихъ примѣромъ, которому подражали. Кромѣ того, монастыри находились въ постоянномъ общеніи съ центральной духовною властью, и такимъ образомъ религіозныя и государственно-политическія идеи, волновавшія центръ, отражались на окраинахъ и въ различныхъ точкахъ зарождавшагося государства. Исторія путей сообщенія древней Руси и вопросы колонизаціи въ значительной степени связаны съ исторіей монастырей. Извѣстна роль послѣднихъ, какъ хранителей національной культуры, въ годины бѣдствій народныхъ.

Если бы до насъ дошли не житія святыхъ, а біографіи въ современномъ значеніи этого слова, то мы имѣли бы драгоцѣнный фактическій матеріалъ для пониманія психологіи русской общественности и для исторіи народнаго быта. Но для біографовъ святого, обычно—его учениковъ и, во всякомъ случаѣ, непремѣнно людей церковно и религіозно настроенныхъ, Божій угодникъ выше земли съ ея радостями и горестями, съ ея обыденностью: онъ предстоитъ Богу. Онъ «постригаетъ власы главы своея и вкупѣ вся влекущая мудрованія отрѣваетъ со отъятіемъ власъ (Нов. скриж., ч. 4, стр. 88): нѣтъ жизни, но есть житіе. Повседневность не имѣетъ въ немъ мѣста; только то, что находится въ связи съ духовно-подвижнической дѣятельностью угодника, можетъ входить въ житіе. Конечно, въ древнѣйшихъ редакціяхъ житія, въ такъ наз. «памятяхъ», близкихъ по времени къ жизни угодника, сохраняется много живыхъ чертъ современности, точныхъ хронологическихъ датъ, исторически-извѣстныхъ именъ, указаній на бытъ и его обстановку. Но чѣмъ болѣе времени прошло между кончиной святого и составленіемъ житія ему, тѣмъ блѣднѣе разсказъ, тѣмъ скуднѣе онъ фактическими данными. Церковно-литературная мода налагаетъ къ тому же на

составителя житія свои обязательства, особенно типичныя для русскихъ логоѳетовъ XV—XVI вв. [1]). У нихъ были выработаны свои опредѣленныя формулы, своеобразныя «правила составленія житій», и живой обликъ подвижника, быть можетъ, и сквозившій въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ, легендахъ и въ «памяти», которыми пользовался позднѣйшій составитель житія, терялся въ схематической стилизаціи, гдѣ бѣдность внутренняго содержанія по необходимости восполнялась затѣйливой внѣшностью,—«плетеніемъ словесъ» часто, при этомъ, морализирующаго характера. Житія XVI—XVII в.в. преимущественно «украшенныя житія», и ихъ витіеватый разсказъ нерѣдко переходитъ въ нравоученіе.

Житіе св. Пахомія Нерехотскаго, относящееся къ типу украшенныхъ житій, дошло до насъ въ немногихъ и позднихъ спискахъ. Намъ извѣстны только три списка конца XVII — нач. XVIII в., всѣ одной и той же редакціи [2]). Списокъ А разнится отъ двухъ другихъ своимъ предисловіемъ къ житію, не дающимъ, впрочемъ,

---

[1]) Срв. В. Яблонскій. «Пахомій Сербъ и его агіографическія писанія». СПБ. 1908 г.

[2]) А. Имп. Ак. Наукъ, рукоп. № 17. 5. 30. Сборникъ изъ двухъ рукописей (въ русскомъ перепл.) въ 4^0, 266 л.л. На л. 1 — оглавленіе книги: л.л. 36 — 38 и 154 — 157 — пустые. I рукопись полууставъ конца XVII и полууст. и скоропись нач. XVIII в. (л. 39, 104—157). 1) л. 2: Служба св. Пахомію Нерехотскому игумену Сыпанова м-ря 21 марта. 2) л. 17: Житіе преп. Пахомія. 3) л. 39: Житіе преп. Прокопія юродиваго Устюжскаго. 4) л. 130 об.: Житіе и подвиги св. Прокопія Вятскаго: Христа ради юродиваго. II рукопись 5) л. 162: Житіе преп. Пафнутія Боровскаго (кратк. редакція). 6) л. 165: тоже, написанное Вассіаномъ, арх. Ростовскимъ. 7) л. 235: Похвала пр. Пафнутію Боровскому. 8) л. 253, Вопросы старца Иннокентія и отвѣты преп. Пафнутія. 9) л. 254: Повѣсть о нѣкоторыхъ чудесахъ преп. Пафнутія. 10) л. 256: Повѣсть о преп. Пафнутіи Боровскомъ и митрополитѣ московскомъ Іонѣ. 11) л. 259: Повѣсть зѣло полезна. 12) л. 261: Ина повѣсть зѣло полезна. Рецептъ лекарства отъ грѣховъ. 13) л. 261: Исповѣданіе иноку на всякъ день. 14) л. 263: Похвала предъ иконой пр. Богородицы. 15) л. 266: Келейное правило иноку, повелѣнное Ангеломъ Пахомію Великому.

В. Имп. публ. библ., рукоп. Ѳ. I. 929. (См. «Отчетъ И. П. Б. за 1886 г.» СПБ. 1888 г., стр. 55 — 7. Упомин. въ записи кн. Никита

возможности сдѣлать какіе-либо выводы о времени составленія житія или о соотношеніи списковъ,—и болѣе исправнымъ текстомъ; въ этомъ отношеніи на послѣднемъ мѣстѣ стоитъ списокъ В: для писца, видимо былъ малопонятенъ языкъ и почеркъ оригинала; для него характерны и пропуски, затемняющіе смыслъ, что сближаетъ рукописи В. и С. [1]).

«Дѣльный, внушающій довѣріе и простой разсказъ» (характеристика Ключевскаго) житія не блещетъ фактами.

Преподобный Пахомій, въ крещеніи Іаковъ, родился въ началѣ XIV вѣка. Онъ былъ сыномъ священника церкви св. Николая [2]) во Владимирѣ Игнатія и его жены Анны. Семи лѣтъ отрокъ былъ отданъ въ школу, и рѣзко выдѣлялся среди сверстниковъ набожностью и тихой задумчивостью: «...съ сверстники же своими никакоже игры твораше, но тихостью ходаше аки драхлȣа». Мальчикъ особенно любилъ посѣщать Рождественскій монастырь во Владимирѣ (осн. въ 1192 г.), называвшійся уже въ то время Великой Архимандріей и хранившій въ себѣ съ 1263 года до XVIII в. мощи св. князя Александра Невскаго. Благолѣпіе Великой Архимандріи укрѣпило въ Іаковѣ религіозное настроеніе, на что, вѣроятно, повліяла также смерть отца его, іерея Игнатія: онъ разстается съ

Андреевичъ Хованскій въ «Россійской родословн. книгѣ» Долгорукова (ч. I, XVIII в.) не находится).

С. Московск. Синод. библіотеки рукоп. № VI. Изъ нея я имѣлъ только точную копію списка житія св. Пахомія Нерехтскаго (л.л. 134—155), за что приношу глубокую благодарность М. Э. Іовъ. Этою рукописью пользовался Ключевскій («Древне-русскія житія святыхъ», М. 1871 г., стр. 311); на нее же ссылается Барсуковъ въ своей «Агіографіи».

[1]) Наприм.: возвратимсѧ (С): возрастаемсѧ (В); къ трȣдомъ (С): крȣдомъ (В); «и приосщенномъ митрополите пимине кіевъскомъ і московскомъ і всеа Рȣсіи. томȣ ѹбо пракаѧщȣ тогда (sic) престолъ рускіѧ митрополіѧ ѿшедшȣ к кіевъ, а семȣ пиминȣ воздвиженȣ на престолъ великіѧ церкви иже на москвѣ...» (В и С). «и при освѧщенномъ пимине митрополите кіевскомъ и московскомъ і всеа Рȣсіи. томȣ ѹбо пракаѧщȣ тогда престолъ рускіѧ митрополіѧ, кипреанȣ ѹбо митрополитȣ ѿшедшȣ вкіевъ, асемȣ пиминȣ возведенȣ на престолъ великіѧ церкви иже на москвѣ» (А) и мн. др.

[2]) Во Владимирѣ существуетъ только одна древняя (XVII в.) Никольская церковь — Николо-Галевская («Владимирскій сборникъ». К. Тихонравова. М. 1857 г., стр. 76).

родными и, съ благословенія матери, поселяется въ Рождественскомъ монастырѣ. Въ скоромъ времени архимандритъ [1]) благословилъ Іакова принять постриженіе. 12 лѣтъ [2]) вступивъ въ число братіи съ именемъ Пахомія, преподобный долгое время работалъ въ монастырской хлѣбнѣ. Потомъ св. Алексій, въ то время еще епископъ Владимирскій, поставилъ Пахомія въ іеродіаконы той же обители [3]).

Въ 1362 году митрополитъ св. Алексій пріѣзжаетъ во Владиміръ для построенія Царево-Константинова монастыря. Первымъ игуменомъ новой обители былъ назначенъ преп. Пахомій [4]): «сего же Пахомія святый Алексій знааше», говоритъ житіе. Но, устроивъ монастырь, преподобный не удовлетворился дѣятельностью игумена пригородной (15 в. отъ г. Владимира) и имѣющей, какъ домовый монастырь Московской митрополіи, свои офиціальныя обязанности обители и «обнощь нѣкую возставъ святый и отыде отай изъ монастыря, и отъ града, не имѣя съ собою ничего же, развѣе правильную книжицу и псалтырь».

Онъ отправляется въ область Костромы. Это событіе падаетъ на время послѣ 1362 года, т. е. на княженіе Димитрія Донского, распоряжавшагося Владимирскимъ княжествомъ, къ которому принадлежала Кострома, какъ своею «отчиной» (Собр. Гос. гр. и дог.,

---

[1]) У П. Строева въ «Спискахъ іерарховъ» и т. д., СПБ. 1877 г., ст. 662, идутъ другъ за другомъ: Діонисій—1239 г., Евфросинъ — около 1380 г.

[2]) Печатные пересказы житія (см. «Христ. Чт.» 1856 г., ч. I, стр. 413,—авторъ неизвѣстенъ—и «Русскіе святые» Филарета, арх. Черниговскаго, Черниговъ, 1861 г. мартъ, стр. 120) указываютъ, что Пахомій принялъ постриженіе 21 года, но всѣ рукописи даютъ согласно 12 лѣтъ. Между тѣмъ, оба автора печатныхъ пересказовъ пользовались рукописями и, видимо, той же редакціей, какъ и наши списки.

[3]) Съ 1354 г. св. Алексій—митрополитъ Московскій; слѣдовательно, поставленіе Пахомія іеродіакономъ произошло не позже этого года.

[4]) У Строева («Списки іерарховъ», стр. 670) изъ игуменовъ этого же Новаго м-ря Московской митрополіи указаны два: Цирко (?!) и Ефремъ 1392. Въ XVI в. монастырь опустѣлъ: «Царяконстянтиновскаго монастыря архимандриты перевелись, а старые старцы померли, а иные безъ вѣсти разбрелись, и монастырь оскудѣлъ и сталъ безлюденъ». (Грам. митроп. Филарета 1628 г., у Строева. Стр. 670).

I, № 34). Въ церковномъ отношеніи Кострома зависѣла отъ Московской митрополіи; въ интересующее насъ время митрополитомъ былъ св. Алексій, лично знавшій пр. Пахомія и благоволившій къ нему. Преподобный Пахомій отправляется къ г. Нерехтѣ, по лѣтописямъ извѣстному съ 1214 года [1]), и въ половинѣ XIV вѣка уже значительному промышленному селенію. «Ища себѣ покоя», Пахомій ходилъ по окрестностямъ Нерехты и желалъ «пустыньку малу изобрѣсти». Однажды онъ очутился въ живописной мѣстности «отъ древнихъ человѣкъ» извѣстной подъ именемъ Сыпанова. Здѣсь среди зелени густыхъ лѣсовъ протекаетъ р. Солоница, принимающая въ себѣ небольшую рѣчку Гридевку и впадающая въ Волгу. Красота «пустыньки» привлекла угодника: онъ просилъ «нерехчанъ» здѣсь отвести ему землю для обители: «они же совѣтъ сотвориша между собою и съ радостію даша преподобному мѣстьцо и земли, елико требуетъ».

Далѣе въ житіи преп. Пахомія, начавшаго съ помощію Нерехотцевъ, охотно помогавшихъ святому въ его трудахъ по устроенію обители,—указаніе на то, что онъ самъ написалъ образъ Пресвятыя Троицы [2]), во имя которой и основалъ монастырь [3]). Слухъ о созданіи новой обители распространился и къ подвижнику начинаютъ собираться ученики. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что преп. Пахомій имѣлъ нѣкоторыя связи съ Москвой; и со своей родиной Владимиромъ: передъ построеніемъ церкви [2]) онъ отправляется въ Москву, и св. Алексѣй даетъ ему антиминсъ и «благословенную грамоту»; среди учениковъ преподобнаго находится нѣкто Ѳеодоръ, «едино постриженіе имый со св. Пахоміемъ въ единомъ монастырѣ», т. е. въ Рождественскомъ, что во Владимирѣ.

---

[1]) «В лѣ҃ ҂ѕ҃.ф҃.к҃.в҃.... того же лѣта пакы зача Костѧнтинъ рать, ѿѧтъ оу Гюргѧ Соль великоꙋю, а Костромꙋ пожьже, а ꙋ Ꙗрослава ѿѧ Нѣрохъть» (Лѣт. Переяславля Сузд., М. 1851 г., стр. 111).

[2]) А, м. б. старецъ Иринархъ, о которомъ упоминаетъ житіе? «преп. Пахомій съ народомъ написаша образъ».

[3]) Вѣроятно, 70-ые г.г. XIV вѣка: св. Алексій † 1378 г. См. *Строевъ* op. cit., ст. 876 (по недосмотру, построеніе монастыря отнесено къ XV вѣку, вм. XIV) и прот. *Г. Бѣляевъ* «Статистич. опис. соборовъ и церквей Костромской епархіи». СПБ. 1863 г., стр. 166—167, № 60.

Дѣятельность св. Пахомія по возвращеніи изъ Москвы носитъ въ житіи характеръ исключительно хозяйственнаго строительства: возводится церковь, строятся новыя келіи, монастырь окружается стѣною, расчищается лѣсъ, земля раздѣлывается подъ луга и пашни для посѣва ржи, овса, ячменя.

Вѣроятно, пришлый элементъ, въ видѣ богомольцевъ, прохожихъ странниковъ и рабочихъ былъ великъ: преподобный счелъ нужнымъ устроить гостинницу, «**къ ней же стый Пахомій зѣратїю и приходящими гостьми хлѣбствующе**».

Житіе сохранило извѣстіе только объ одномъ чудѣ, совершенномъ при жизни преп. Пахоміемъ,—объ исцѣленіи бѣснующагося, который «отъ многаго пьянства спяшеся умомъ и несмысленная глаголаше». Это чудо было совершено угодникомъ на водосвятіи 1 августа.

Преподобный Пахомій скончался 23 марта 1384 года, назначивъ игуменомъ инока Ѳеодора (см. выше). Житіе передаетъ послѣднія слова святого: «братія, терпите находящія на ны скорби на семъ мѣстѣ, да обрящемъ благодать Божію». Святой изображается со свиткомъ, на которомъ написано это изреченіе.

Первымъ иконописцемъ пр. Пахомія житіе называетъ нѣкоего брата Пахоміевой обители Иринарха, который «тружашеся со святымъ» и первый испыталъ на себѣ посмертную чудодѣйственную силу преподобнаго, исцѣлившаго Иринарха отъ блуднаго бѣса. Это единственное, засвидѣтельствованное житіемъ посмертное чудо св. угодника произошло въ 1386—7 г. («по преставленіи же преп. Пахомія во второе лѣто»). Тогда же былъ написанъ исцѣленнымъ Иринархомъ образъ святого и братія «устроиша гробницу надъ мощьми святого». Авторъ житія, помѣщеннаго въ «Хр. Чт.» за 1856 г., указываетъ, что, несмотря на упраздненіе Сыпанова монастыря, въ народѣ не утерялась вѣра въ святого угодника, особенно сильно проявившаяся въ страшные холерные 1848—53 гг.

На эпоху преподобнаго Пахомія падаетъ цѣлый рядъ важныхъ событій общерусскаго и мѣстнаго характера: святой, вѣроятно, былъ современникомъ Калиты и, несомнѣнно, Симеона Гордаго и Димитрія Донского. Но составитель житія поставилъ угодника внѣ общегосударственной жизни, и даже костромскія происшествія,

вѣроятно, коснувшіяся и преп. Пахомія, обойдены молчаніемъ: въ 1371 и 1375 г. Кострома была опустошена новгородскими ушкуйниками; въ 1382 году въ ней укрывался кн. Димитрій Донской отъ Тохтамыша. Имя Димитрія Донского въ житіи упоминается, какъ князя, при которомъ скончался преподобный Пахомій. Только событія церковной жизни, хотя и въ слабыхъ намекахъ, отразились на житіи; дѣятельность св. Пахомія связана съ именемъ св. митрополита Алексія, смерть котораго и послѣдовавшія за нею смуты остановили на себѣ вниманіе слагателя житія, упоминающаго, что митрополитъ Кипріанъ уѣхалъ въ Кіевъ, а Пименъ былъ возведенъ на престолъ Московской митрополіи. Но изложеніе этого событія, сильно взволновавшаго церковь и общество, отрывочное и безстрастное характерно для поздней житійной литературы.

А. Громовъ.

Приложеніе I.

Акад. наукъ, сб. № 17. 5. 30, лл. 17—38.

Мц҃а ма́рта въ к҃а д҃нь.

Житїе и жи́знь, и преставле́нїе, прп҃бнаго ѿц҃а на́шего пахо́мїѧ, игꙋ́мена мн҃тырѧ прест҃ы́е и живонача́льные тр҃цы и҆́же во о҆бла́сти гра́да костромы̀, бли̑ нерехты. на мѣ́сте нарица́емомъ на сы́панове бл҃гослови̇̀ ѿч҃е:

Бл҃гослове́нъ гдь бг҃ъ ѿц҃ъ гд҃а на́шего і҆с҃а хр҃та сотвори́выи н҃бо и зе́млю, и са̑пныи мо́ре сло́вомъ повелѣ́нїѧ своего̀, и проведѐ ѿ небы́тїѧ в бытїѐ. и со̑да́выи чл҃ка по о҆́бразꙋ своемꙋ̀ и по подо́бїю, бг҃ъ бл҃гъ и сла́вꙋ даетъ, и смы́слꙋ пода́тель на бл҃гое а не на̑лое, но молю̀ ꙋ҆́бо ва̑ четы́ре ева̑нгили́сты і апо́столи і҆ѡа́нъ бг҃ословъ ма̑тѳе̑ ма́рко лꙋка̀ і вселе̑нтїи ꙋ҆чи́телїе. васи́лїи вели́кїи григо́рїи богосло̑в і҆ѡа́ннъ златоꙋ̑ст а̑фона́сей и кири̑ александрі́искїи кири́лъ е҆пк҃пъ ката̑нскїи и мефо́дїи е҆пк҃пъ мора́вскїи прп҃бнїи ѿц҃ы і҆ѡа́нъ дома̑скинъ, и феѡ́доръ и҆гꙋме̑н стꙋдїискїи ꙋ҆проси́те ꙋ гд҃а бг҃а ми́лости, и да́стъ ми бг҃а во ѿверзе́нїе ꙋ҆́стъ мои̑х и благослови́те мѧ̑ и на̑ста̑вте мене грѣ́шнаго на пꙋ́ть, і ѿве́рзите ми ꙋ҆́мъ, и да́рꙋйте ми смы́слъ е҆же писа́ти житїѐ прп҃наго пахомїѧ чюдотво́рца и҆́же созда̀ ѡ҆би́тель, во́ имѧ престы́ѧ и живонача́лныѧ тро̀йцы, на мѣ́сте нарица́емомъ сы́панове, во о҆́бласти гра́да Ко̑стромы̀. о҆ не́мже нача́ло си́це положи́мъ:

Се́й прпⷣбныи ѿцъ на́шъ пахомїи роже́нїе и҆ воспита́нїе, и҆мѣ́яше гра́да влади́мера, зово́ма. ѿ оц҃а и҆́менемъ и҆гна́тїѧ и҆ ма́тери а҆́нны, ѿцъже е҆го̀ слꙋжи́тель бы́ть і҆ере́й ᲂу҆ цр҃кви ст҃а́го нико́лы. бѣ̀ бо правди́ви сꙋ́ть пре̑ бг҃омъ, и҆́маже дарова̀ бг҃ъ сїѐ ѻ҆трочà вѣ́ры и҆̀ ра́ди, і҆ ꙗ҆́ко роди́сѧ и҆́ма ѻ҆трочà сѐ и҆ нарече́нно бы́ть и҆́мѧ е҆мꙋ̀ і҆ꙗ҆ко̑в. По се́м же второ́е ст҃ы́мъ крещенїемъ просвѣти́ша и крести́ша е҆го̀ во̀ и҆́мѧ ѿц҃а и҆ сн҃а и҆ ст҃а́го дх҃а и҆ ро̑тѧше ѻ҆ бз҃е ѻ҆трочà. и҆ бы́ть седмѝ лѣ́тъ, і҆ вда́нъ бы́ ᲂу҆чи́тисѧ ст҃ы́мъ кни́гамъ і҆ вско́ре ѻ҆трокꙋ̀ і҆ꙗ҆ковꙋ и҆вы́кшꙋ бж҃е́ственномꙋ славоⷭ҇ло́вїю и҆ писа́нїю. бѣ̀ бо ѻ҆трочà і҆ꙗ҆ков прилѣжà к̾ бж҃їимъ цр҃квамъ бе̑престани хожда́ше на пѣ́нїе свѣ́рьстниже свои́ми ника́ко же и҆гры̀ творѧ́ше, но ти́хостїю ходѧ́ше а҆́ки дрѧхлꙋѧ̀. и҆ бѣ̀ ѻ҆трочà і҆ꙗ҆ковъ ча̀сто входѧ̀ въ мн҃трь рожества̀ пречи́стые бц҃ы, и҆дѣ́же бѣ̀ почива̀етъ ст҃ы́и благовѣ́рныи кн҃зь а҆леѯа́ндръ воиноцехъ а҆леѯѣ́й не́вскїи і҆ влади́мерскїи, и҆ во̑горѣ́сѧ дх҃омъ ст҃ы́мъ ср҃це е҆го̀ і҆ во̑трепета̀ дꙋша̀ е҆го̀ любо́вїю бж҃твенною бѣ̀ бо ѻ҆гню̀ бж҃твенномꙋ зажегшꙋ дш҃ꙋ е҆го̀ во́желѣ бы́ти и҆́нокъ. бѣ̀ бо на то̀ ведѧ́ше е҆го́ дх҃ъ ст҃ы́й. ꙗ҆́коже а҆пⷭ҇тлꙋ гл҃ющꙋ бра́тїе вѣ́мы ꙗ҆́ко лю́бѧщимъ бг҃а всѧ̀ по̑пѣшествꙋ́ютъ во̀ бл҃го и҆ посе́мъ ѿц҃ꙋ е҆го пре̑ста́вшꙋ ѿ житїѧ̀ сего̀, семꙋ́же і҆ꙗ҆ковꙋ взе́мше бл҃гослове́нїе ᲂу҆мт҃ри свое́й и҆ сро́дникъ свои́хъ і҆ ѿи́де в мн҃трь рожества̀ пре̑сте́й бц҃ы і҆ ѿ тꙋ̀ сꙋ́щаго а҆рхимарита повелѣ́нїемъ ѿ нѣ́коего сщ҃е́нноинока по̑тригаетъ власы̀ главы̀ своеѧ̀. и҆ вкꙋ́пѣ всѧ̀ влекꙋ́щаѧ мд҃рованїѧ ѿрѣ́заетъ соѿѧ́тїемъ вла̑ и҆ нарече́нно бы́ть и҆́мѧ е҆мꙋ̀ во и҆ноцехъ пахо́мїи, бѣ́же ст҃ы́и вора̑стомъ тогда̀ бы́ть в҃і. лѣ́тъ е҆гда̀ прїѧтъ а҆́ггельскїи ѻ҆́бра і ѿданъ быва́етъ по̑начáлъ нѣ́коемꙋ ста́рцꙋ совершеннꙋ по́бз҃е житїемъ. прпⷣбныиже пахо́мїи неи҆́мамы ника́коже своеѧ̀ во́лѝ, но повсѧ̀ е҆ли́ко повѣ́литъ е҆мꙋ̀ ста́рецъ. то́й творѧ́ше, е҆ли́ка минꙋ̀ четы́редесѧтъ дне́й и҆ па́ки посе́мъ повелѣ́нїемъ а҆рхи́марита посыла́емъ быва́етъ пахо́мїи вхлѣ́бню і҆ вне́й до́брѣ трꙋжа́шесѧ внощиже без сна̀ пребыва́ше и҆ си́мъ дрꙋча́ше пло́ть свою̀ томѧ̀ше і҆ всїем̾ мно́го лѣ́тъ потрꙋди́сѧ и҆ посе̑ тоѧ̀ ѻ҆би́тели а҆рхи́маритъ. поимъ с̀ собо́ю пахо́мїѧ і҆ и҆́де сни́мъ ко архиеп҃кпꙋ влади́мерскомꙋ а҆леѯѣ́ю да по̑тавитъ сего̀ пахомїѧ во дьѧконы архиеп҃кпъже а҆леѯѣ́й по̑та́ви его̀ пахо́мїѧ в чи́нъ дьѧ́конства пахо́мїиже быва́етъ дьѧ́кон̾ во оби́тели рожества̀ пре̑стѣ́й бц҃ы. і҆ бы́ть водьѧ́коне̑ мно́го лѣ́тъ до́ндеже ст҃ы́и а҆рхїеп҃кпъ влади́мерскїи а҆леѯѣ́й во̑веденъ бы́ть на вели́кїи пре̑толъ рꙋсїѧ ми̑тропо́лїѧ. бг҃омъ спаса́емомꙋ

градꙋ мо҃скве, єгда великїи алезѣй митрополїа сподобися и повремени нѣкоемъ. ст҃ль х҃ртовъ алезѣй митрополитъ, прїиде во градъ владимеръ и бывъ во владимере строаше мона҃тырь ц҃ра константина и х҃ртолюбивыа матери его ц҃рцы елены. сегоже пахомїа ст҃ыи алезѣй знааше. и по҃стави пахомїа игоуменом в м҃нтрь ст҃аго ц҃ра ко҃стантина пр҃пбныиже пахомїи боудетъ игоуменъ и на҃тавникъ братїи и пребыть пахомїи в м҃нтрѣ ц҃ра ко҃стантина нѣколико время строаше м҃нтрь и пасаше братїю. но бж҃їа бл҃годать прїиде нань. еже вохотѣ преподобныи пахомїи изыти из мона҃тыря і ѿити в пꙋ҃тыню и о҃ставиши м҃нтрь и сею мыслїю всегда старецъ пахомїи побѣждаемъ якоже рече псаломъ щикъ [1]) бж҃е впомощь мою вонми г҃ди помощи ми по҃щи сїеже слово всегда пр҃пбныи пахомїи имѣаше в ср҃цы сыи. и паки реченно быть воверзи на г҃да печаль свою і той тя препитаетъ, и обнощь нѣкꙋю во҃тавъ ст҃ыи і ѿиде отай из м҃нтря і ѿграда неимыи ссобою ничесоже ра҃вѣе правильнꙋю книжицꙋ и псалтырь і ѿиде въ предѣлы ко҃тромскїа. и прїиде на мѣсто нарицаемое нерехта, і обита тꙋ оу нѣкоего х҃ртолюбива моужа нѣколико дней бг҃ꙋ тако изволившꙋ. а пр҃пбномꙋ вохотѣ тꙋ пребыти, и нача пр҃пбныи пахомїи окр҃тъ мѣста нареченаго нерехты ходити ища себѣ покоа гдѣ бы емꙋ пꙋ҃тынькꙋ малꙋ изобрѣсти. и прїиде на нѣкое мѣстьцо мало зовомое ѿ древни҃ чл҃къ сыпаново бли҃ реки солоницы, и на речке гридевке мѣстьцоже оно вельми кра҃но. крꙋгомъ оубо обыде речка гридевка і впаде врекꙋ солоницꙋ. пр҃пбный пахомїи видѣ мѣсто то і возлюби е. бѣ бо время быстъ на мѣсте томъ лѣсъ, и паки иде пр҃пбныи к нере҃тꙋ і прошаше мѣстца того оу христїанъ ониже совѣтъ сотвориша междꙋ собою и срадостїю даша пр҃пбномꙋ мѣстцо и земли елико требꙋетъ и вси вобрадовашася пришествїю ст҃аго к нимъ. і тако мнози шедше со ст҃ымъ на мѣсто то с сѣкирами и лѣсъ посѣкоша і огню предаша і мѣсто отребиша, и малꙋ кѣлейцꙋ вскоре ст҃омꙋ помогати і м҃нтрь строити. і посемъ пр҃пбный пахомїи снародомъ, написаша обра҃ пре҃тыя и живоначальныя т҃рцы и по написанїю вземше ст҃ый обра҃ со множе҃твомъ народа. и со образомъ поиде пр҃пбныи впꙋстыню насыпаново и пришедъ по҃тавиша обра҃ на мѣсте идѣже быти ц҃ркви и м҃нтрю, и пѣвъ ст҃ыи молебная за великїя державныя кн҃зи

[1]) Псаломщикъ (В.).

и҆ за митрополита и҆ бл҃гослови народъ ѡ҆ ниже разыдошася кождо
восвоаси. преподобныиже вниде вкелейцꙋ свою і҆ м҃литвꙋ сотворь, и҆ рекъ
се покой мой к вѣкъ вѣка здѣ вселю и҆ паки рекъ ꙗ҆ко г҃дви бг҃ꙋ годѣ
тако и҆ бꙋдетъ людїеже мѣста нерѣты по вся время приходяще ко
ст҃омꙋ пахомїю, очищающе мѣсто гдѣ быти мн҃трю и҆ бревна гото-
вляхꙋ на цр҃квь. препбный пахомїи паки снимиже трꙋжашеся, людїеже
благодарнїи приношахꙋ ко ст҃омꙋ пахомїю ѻ҆вїи хлѣбъ печены а҆инїи
соль і҆ и҆на потребная на строенїе мн҃трю прпбныиже пахомїи по премногꙋ
бл҃годаря г҃да бг҃а и҆ пречтꙋю бцꙋ, ꙗ҆ко доше таковы благодарны члкъ і҆ и҆хъ
бл҃гословяше ст҃ыи по премногꙋ. вѣ во вси окрестнїи члвцы ради прише-
ствїю прпбнаго пахомїя и҆ спомогающе во всемъ прпбномꙋ, посемъ же г҃дꙋ
бгꙋ и҆зволившꙋ і҆ того повелѣнїемъ начаша ко ст҃омꙋ братїя приходити.
прпбныиже прїимаше всѣхъ ꙗ҆ко чадолюбивыи ѿцъ, ѻ҆вїи же мирьстїи лю-
дїе приходиша ко ст҃омꙋ і҆ моляшеся е҆же ѡ҆блещися войноческая прпбныиже
пахомїи постригаше и҆ и҆ сїи сожителствовахꙋ со ст҃ымъ, и҆ вѣ нꙋжда и҆мъ
ѡ҆ поставленїи цр҃кви і҆ ѹ҆же все и҆готовиша ко строенїю цр҃ковномꙋ: ѡ҆
поставленїи цр҃кви. Посемъ прпбныи и҆гꙋменъ пахомїи, поимъ с собою
единаго ѿ братїи. и҆ немедлено и҆де к господствꙋющїи гра москвꙋ ко
а҆рхїерѣю а҆лезѣю митрополитꙋ, и҆ видѣ е҆го митрополи и҆ бл҃гослови вѣ
во знаемъ ст҃лю. старецъ же пахомїи рече бл҃гослови влко впꙋстыни
храмъ воздвигнꙋти впредѣлехъ града костромы, во и҆мя престыя трцы
и҆ бесѣдова стль ѡ҆ пользе дꙋховней, и҆ немедлено даетъ стль благослове-
нꙋю грамотꙋ і҆ а҆нтимисъ на освещенїе цр҃кви, вѣдыи стль дꙋховнꙋю стсть
старчю і҆ повелѣ емꙋ мн҃трь строити и҆ вскоре ѿпꙋсти старца, і҆ тако
и҆гꙋменъ пахомїи прїиде во свою пꙋстыню на сыпаново несыи с собою
ѿ митрополита а҆лезѣя бл҃гословенїе и҆ грамотꙋ і҆ а҆нтимисъ. и҆ тако на-
чаша цр҃квь здати зболюбивыми мꙋжи, самже прпбныи пахомїи паче
всѣхъ преже на дѣле цр҃ковнемъ ѡ҆брѣташеся і҆ помощїю бжїею и҆ бл҃го-
словенїемъ ст҃аго стля хртова а҆лезѣя митрополита кїевскаго і҆ московъ-
скаго вся рꙋсїи, і҆ молитвы ради и҆гꙋмена прпбнаго пахомїя вскоре
храмъ сорꙋдиша і҆ ѹ҆красиша ю҆ и҆конами починꙋ цр҃ковномꙋ. такоже і҆
книгами ꙗ҆ко достоитъ цр҃квамъ, і҆ ꙗ҆коже время быть ѡ҆ свщенїю цр҃кве,
прпбныиже и҆гꙋмен пахомїи со свщенноиереи и҆ со множествомъ народа.
ѡ҆св҃ти храмъ во и҆мя престые и҆ живоначальныя трцы по правилꙋ и҆ по
ѹ҆ставꙋ ст҃ыхъ ѿцъ, и҆ возсылаше к немъ благодарна молитвы г҃дви ѡ҆ семъ

и̂ та́ко сїѐ до̂де подоба́ющееже даприложи́тсѧ здѣ́:.. о́ стро́енїи мона̂стырѧ:.. Посемъ прп̃бныи ѿц̃ъ на́шъ пахо́мїи і̂гоу́менъ нача́ трꙋды́ к трꙋдо̀мъ прилога́ти збра́тїѧми и̂́же тꙋ̀ сни́мъ сожи́тель̂ствꙋю̀тъ. ксемꙋ́же і̂ и̂нїи́ бг̃олюби́вїи моу́жїе трꙋжа́ющесѧ сни́мъ, мно́зи бо лю̀дїе приходи́ша ко ст̃о́мꙋ спомога́юще е́мꙋ̀ трꙋжа́тисѧ, ст̃ыи же нача́тъ кѣ́лїи зда́ти і̂ вне́ мн̃трѧ мѣ́сто ра̂чища́ти и̂ ни́вы насева́ти, ро́жъ и̂ жи́то ре́кше ꙗ̂чме́нь і̂ о̂весъ и̂ сїи ѿ свои̂х трꙋдо́въ пита́ющесѧ и̂ та̂ко пахо́мїи оу̂строй мн̃трь о̂бщежи́тельныи, і̂ о̂пло́томъ о̂гради́, содѣ́лаже и̂ го̂тинницꙋ внѣ́йже прп̃бныи пахо́мїи з братїею и̂ сприходѧщими гостьмѝ хлѣ́бъствꙋюще, о̂кре́стнїиже жи́телїе всѝ ра́дꙋющесѧ пришє̂твїю ст̃а́го, и̂ подаꙗ́хꙋ ст̃о́мꙋ настро́енїе мн̃трю кїи́ждо ѿи̂ме́нїѧ своего̀, оу̂ставиже ст̃ыи келарѧ и̂ ка̂начеѧ, четца̀же і̂ певца̀, і̂ е̂клисїа̂рха всѐ по̀чинꙋ мн̃трьскомꙋ і̂ ѿ то́лѣ про̂лы̀ о̂нъ мн̃трь пре̂стыѧ и̂ живонача́лныѧ тр̃ца и̂́же на ко̂тромѣ́ на мѣ́сте́ нарица́емомъ насы́панове, е̂́же е̂сть и̂ додне́сь и̂мѧнꙋ́етсѧ пахо́мїева пꙋт̃ынѧ сы́пановъ мн̃тр в не́ре̂те ѿ нере̂ты оу̂бо то́кмо еди́но по́прище ре́кше верста̀, і̂ та́ко прп̃бныи пахо́мїи со̂тави о̂бще жи́телныи мн̃трь і̂ вне́мъ неи̂сходѧ̀ мно́га лѣ́тъ по̂трꙋди́сѧ и̂ доисхо́да дш̃а̀ своѧ̀ ко́ г̃дꙋ. и̂ посе́мъ нѣ́кїи хр̃толюби́выї мꙋ́жь и̂мѣѧ̀ ве́лїю вѣ́рꙋ живонача́лной тр̃цы и̂ любо́вь нелицемѣ́рнꙋ о̂бз̃ѣ дх̃о́внꙋю к прп̃бномꙋ и̂гоу́менꙋ пахо́мїю нере̂чанинъ спосадꙋ, и̂ да̂тъ в мн̃трь два̀ ко́локола тре́тїиже кꙋпи́ша на даѧ́нїе бг̃олюби́вы̂х мꙋжѐй, и̂ бы̂ть всѐ по́чинꙋ мн̃трьскомꙋ, сїе́же да скратѝмъ, подоба́ющееже да приложи́тисѧ здѣ́:.. Чю̀до преподо́бнаго пахо́мїѧ о̂ бѣ̂снꙋющемсѧ. чл̃къ нѣ́кїи впоса́де в не́рехте, ѿ мно́гаго пїѧ̀нъства смѧте́сѧ оу̂мо́мъ, и̂ несми̂ленаѧ гл̃ше се̂рдобо́лїеже е̂го̀ мно́го трꙋди́шасѧ сни́мъ і̂ нево̂могоша ничто́же со̂твори́ти, і̂ е̂гда бы̂ть вода́мъ о̂сщ̃енїе а̂вгꙋста в пе́рвыи дн̃ь прп̃бномꙋже пахо́мїю в мн̃трѣ сво́емъ и̂ше́дшꙋ со ст̃ыми и̂ко́нами и̂ сче̂тными кр̃ты на о̂сщ̃е́нїе водѣ̀ на рѣ́чкꙋ гри́девкꙋ, і̂ о́свѧти́ша водꙋ̀, о̂ногоже бѣ̂снаго ведꙋ́ще в мн̃трь ко ст̃о́мꙋ и̂ не оу̂спѣ́ша сни́мъ на о̂сщ̃е́нїе воды̀ преподо́бныиже пахо́мїи ви́дѣ ведо́маго, і̂ повелѣ̀ на̀ брезе сокр̃ты постоѧ́ти да приведꙋ́тъ бѣ̂сна́го, са́мже нача́тъ моли́ти̂с бг̃ꙋ. и̂ ско́ро приве̂ше е̂го̀ ст̃ы́йже повелѣ̀ е̂го во̂вестѝ на і̂орда́нъ, і̂ взе́мъ кр̃тъ и̂́де о̂гради́ти е̂го кр̃томъ, і̂ о̂гради́ бе̂сна́го. бѣ̂сны́иже воскрича̀ вельми і̂ ве́ржесѧ во ї̂орда́нъ в водꙋ и̂ гл̃ше ѡ̂ле ноу́жда сеѧ̀ огнѐмъ мѧ опали̂ ста́рецъ і̂ па́ки ста̀ в водѣ бѣ̀ бо неглꙋбоко̀ и̂ нача̀ со слеза́ми моли́-

тисѧ ст҃ы́мъ ѻ҆́бразамъ. і҆ по́йде са́мъ за кр҃ты в мн҃трь никимже води́мъ
лю́дїеже вопроси́ша е҆го̀ что̀ восъкрича̀ і҆ вве́ржесѧ в во́дꙋ. ѻ҆́же речѐ е҆гда̀
мѧ̀ пахо́мїи кр҃то́мъ ѻ҆гради̇̀, и҆ тогда̀ ѿ кр҃та̀ и҆зы́де ѻ҆́гнь ве́лїи, і҆
ѻ҆пали̇̀ мѧ всего̀ ѻ҆́зже ѹ҆боѧ́сѧ і҆ ввергохсѧ в во́дꙋ по ѿпѣнїиже литор-
гі́и прп҃бный пахо́мїи да́тъ е҆моу̀ про́вирꙋ снѣ́сти і҆ ѿ то́лѣ не бы́ть
е҆мꙋ̀ па́коти ничто́же и҆ сїѐ ви́дѣвъше лю́дїе прославиша бг҃а в҆ тр҃це сла́-
вимаго; ѻ҆ пре́ставле́нїи ст҃а́го. Посе́мже прп҃бныи пахо́мїи разꙋмѣ̀ своѐ
пре́ставле́нїе ѿ внѣшни̇̀ на н҃бнаѧ во ѻ҆́нъ неконча́емыи вѣ́къ, і҆ втеле́ный
недꙋ́гъ впадѐ і҆ вельми̇̀ и҆немо́гъ готовѧщесѧ д҃ша̀ къ бг҃ꙋ и҆ при́ва̀ ст҃ы́й
бра́тїю и҆ гл҃а и҆́мъ а҆́зъ ѹ҆́бо ча́да ѿхожꙋ̀ свѣ́та сего̀ и҆ предаю̀ ва̑
пре́ст҃ѣй живонача́лнои тр҃це и҆ пр҃чтѣ́й бц҃е вы́же и҆бери́те себѣ̀ кого̀
хо́щете и҆мѣ́ти з бг҃омъ вмѣ́сто менѐ и҆гоу́мена. бра́тїѧже вси̇ ꙗ҆́ко
е҆ди́неми ѹ҆сты̀ возопи́ша гл҃юще, хотѣ́ли бы́хомъ ѿче и҆ па́стырю
на́шъ вси погребе́ни вы́ти тобо́ю, но гд҃ви бг҃ꙋ го́дѣ та́ко и҆ бꙋ́детъ.
прп҃бныиже речѐ и҆́мъ на́ста́вникъ ва́мъ да бꙋ́детъ вмѣ́сто менѐ бра̑ на̑
феѻ́доръ. бѣ̀ бо феѻ́доръ е҆ди́но по́трижѐнїе и҆мы́и со ст҃ы́мъ пахо́мїемъ
воеди́номъ мн҃трѣ, и҆ се́й феѻ́доръ прїи́де впꙋсты́ню ко прп҃бномꙋ пахо́-
мїю; і҆ мно́го ст҃ы́и поѹ́чивъ и҆̀ наказꙋ́ѧ ко спасе́номꙋ пꙋти̇̀, ка́ко
и҆мѣ́ти чи́нъ мн҃трьскїи по пра́вилꙋ и҆ по ѹ҆ста́вꙋ ст҃ы́хъ ѿц҃ъ при-
ре́кже ст҃ыи и҆ сїе сло́во. бра́тїе терпи́те находѧ́щаѧ на́ны ско́рби насе́мъ
мѣ́сте да ѻ҆брѧщемъ бл҃года́ть бж҃їю са́мже и҆́мъ по́лѣднее бл҃гослове́нїе
да́въ і҆ ѿпꙋсти и҆̀ ко́ждо во своѧ́си кѣ́лїѧ, и҆ ма́рта въ к҃а дн҃ь въ
г҃ ча̑ дни̇̀ прича́тисѧ ст҃ы́и тѣ́лꙋ и҆ кро́ви гд҃а бг҃а і҆ сп҃са на́шего і҆с҃а
хр҃та во́прїѧ̀ бе́смертнаго спꙋ́тника и҆ ма̑ ча̑ мешка́ѧ и҆ рꙋ́цѣ свои̇̀ во̑-
дѣ́въ горѣ̀ зрѧ̀ на ѻ҆́бра̑ пр҃тыѧ тр҃ца и҆ пр҃чтыѧ бц҃а, и҆ речѐ в рꙋ́цѣ
тво̑ предаю̀ дх҃ъ мо́й, и смиромъ ѹ҆спе в лѣ́то ҂ѕ҃ѡчв го́дꙋ во́дни
бл҃гочести́ваго і҆ вели́каго кн҃зѧ димитрїѧ и҆ва́новича моско́вскаго и҆́же на-
рица́емыи до́нскїи. и҆ прїѻсщ҃е́нномъ пи́мине митрополи́те кїе́вскомъ и҆
моско́вскомъ і҆ всеа̀ рꙋсїи, томꙋ ѹ҆́бо правѧщꙋ тогда̀ пр҃то́лъ рꙋ́скїѧ
митропо́лїѧ кипреѧ́нꙋ ѹ҆́бо митрополи́тꙋ ѿ шедшꙋ вкїе́въ, а҆ семꙋ̀ пи́минꙋ
во̑веденꙋ на престо́лъ вели́кїѧ цр҃ви и҆́же на мо́квѣ, но мы̀ сїе ѻ҆ставимъ:
бра́тїѧже трꙋдолю́бное тѣ́ло ѿц҃а пахо́мїѧ взе́мше і҆ впогреба́лныѧ ри́зы
ѻ҆бо́лкше и҆ гро́бꙋ преда́ша и҆ на̑гро́бными пѣ́сньми поче́тше и҆ погребо́ша
ст҃а́го в со̑да́ннемъ ѿ него̀ мн҃трѣ, ѹ҆ живонача́лныѧ тр҃ца на мѣ́сте
нари́чемомъ сы́панове. ѻ҆де́ноую страноу̀ ѻ҆лтарѧ̀. бы́ть же тогда̀ сни́десѧ

мно́гъ наро́дъ на погребе́нїе ст҃а́го пахо́мїѧ:.. Чю́до і ꙗ҆вле́нїе прп҃бнаго пахо́мїѧ о҆ ста́рце и҆линархе. Бра̀тъ нѣ́кїи и҆́менемъ и҆лина́рхъ прїи́де в мн҃трь, к прп҃бному пахо́мїю і трꙋжа́шесѧ со ст҃ы́мъ є҆щѐ же и҆ хꙋдо́жество и҆мѣ́ѧше то́й ста́рецъ, и҆ко́нное писа́нїе і бы́ть емꙋ̀ па́коть ѿ бѣ́са томимъ бы́ть блꙋ́днымъ по́мы́ломъ мно́гоже се́й ста́рецъ трꙋдо́въ положѝ, кцр҃кве є҆щѐ при ст҃емъ пахо́мїи. по пре́ставле́нїиже преподо́бнаго пахо́мїѧ во ѳторо́е лѣ́то нападѐ на того̀ ста́рца вельмѝ блꙋ́дныи по́мы́лъ ꙗ҆́ко все́й бра́тїи повѣ́да сꙋ́ть *) і оу҆́же ста́рецъ немогі̀и с помы́ломъ бра́тисѧ. и҆ воеди́нꙋ но́щъ ста̀ на моли́твѣ пре̑ образомъ гд҃а бг҃а и҆ сп҃са н҃шего і҆ѧ̀ хр҃та̀ и҆ со слеза́ми бг҃а молѧ̀, прп҃бнагоже пахо́мїѧ в по́мощь призыва́ѧ, да помо́жетъ є҆моу̀ ѿ страстна́го бѣ́са, и҆ бѣ̀ ча́сто и҆сходѧ̀ и҆скѣлїи к моги́ле ст҃а́го ста́рца пахо́мїѧ и҆ пла́часѧ оу҆ гроба ст҃а́го і оу҆томи́сѧ вельмѝ. и҆ вше́дъ в кѣ́лїю оу҆снꙋ̀ ма́ло и҆ сѐ а҆́бїе ви́димъ пришедша к себѣ̀ ста́рца ст҃олѣ́пна и сѣди́нами оу҆кра́шена брадꙋ̀ имѣ́ющꙋ до́гꙋ бѣлꙋ̀ а҆́ки снѣ́гъ в рꙋцѣ́же є҆го̀ же́лъ и҆ гл҃а. о҆ бра́те и҆лина́рхе та́ко всегда̀ моли́ гд҃ꙋ бг҃ꙋ и҆ прч҃то́ бц҃е і а҆́зъ о҆ тебѐ молѝ гд҃а и҆ пречи́стꙋю бц҃ꙋ, и҆ гд҃ь поми́лова тѧ к томꙋ̀ не согрѣша̀й сѐ и҆сцелѣ́лъ є҆сѝ ѿ по́мы́ла своє́го̀ і оу҆да́ри є҆го̀ же́ломъ полѧдвїѐ лѣ́вой, ста́рецъже во́кочѝ и҆ содрогнꙋ́всѧ и҆ во́рѣвъ и҆ ви́дѣвъ прп҃бнаго ѿц҃а пахо́мїѧ стоѧ́ща, и҆ па́ки ст҃ы́и гл҃а неоу҆жаса́йсѧ ча́до напишѝ о҆бра̑ подо́бїѧ моє́го̀ причте́лъ мѧ гд҃ь в ли́къ прп҃бны́хъ, и҆ сїѐ видѣ́нїе повѣ́дай і к томꙋ̀ не ви́димъ бы́ть ско́роже и҆лина́рхъ во́та̀ и҆ сїѐ видѣ́нїе ви́дѣ і повѣ́да и҆гꙋ́менꙋ и҆ бра́тїи і оу҆даренное мѣ́сто показꙋ́ѧ, и҆ сїѐ ви́дѣвше и҆ слы́шавше про́лавиша бг҃а, и҆ ско́ро ста́рецъ і҆лина́рхъ написа̀ о҆́бра̑ прп҃бнаго пахо́мїѧ. і оу҆стро́йша гробни́цꙋ над̾ мощьмѝ ст҃а́го и҆ по́ставиша ст҃ы́ѧ и҆ко́ны. Такоже і о҆́бра̑ ст҃а́го пахо́мїѧ, і ѿто́лѣ пребы́ть ста́рецъ бе̑пако́ти бг҃а на́шего славѧ: мно́гаже і и҆́на по́вѣсти до́то́йна ст҃а́го преминꙋ́хомъ н҃бнаѧ оу҆́бо высота̀ и҆ земна́ѧ широта̀ и҆ мо́рѧ глꙋбина̀ и҆ ст҃ы́хъ чюдеса̀ неизочте́на сꙋ́ть. є҆ди́номꙋ бг҃ꙋ всѧ сїѧ свѣдома, а҆́зже сїе написа̀хъ є҆ли́ками д҃ѣ ст҃ы́и вразꙋмѣ́нїе дадѐ о҆ си́хже оу҆́бо коне́цъ сло́ва во́прїимемъ:.. па́ки моле́бне ко прп҃бномꙋ вопїе́мъ. О҆ прп҃бне ѿч҃е ст҃че б҃жїи пахо́мїи в прп҃бныхъ преизѧ̀шнейши, в добродѣ́телехъ превысоча́йши; бг҃ови пре̑стоѧ̀ со всѣ́ми ст҃ыми и҆ с прп҃бными ли́ки

*) Такъ во всѣхъ спискахъ.

і на́съ незабꙋ́ди помоли́ ꙗ҆́ко и҆́стинныи па́стырь, ѻ҆ вседержа́внѣмъ г҃дре бл҃гочести́вомъ цр҃ѣ, і҆мр҃. і҆ ѻ҆ бл҃говѣрной цр҃цѣ, имр҃ і҆ ѻ҆ и҆́хъ чадородїи і҆ ѻ҆ архїерѣ́й і҆ ѻ҆ всѣ́хъ хрⷭ҇тїѧнехъ да моли́твами твои́ми пода́стъ бг҃ъ свы́ше побѣ́дꙋ і҆ ѻ҆долѣ́нїе на враги́ и҆ сопⷭ҇та́ты бл҃гочести́вомꙋ цр҃ю н҃шемꙋ, і҆мр҃ и҆ пло́дъ чадоро́дїѧ в вѣ́чное наслѣ́дїе бг҃овѣнча́ннаго цр҃тва и҆́хъ вкꙋ́пѣже и҆ грѣхо́мъ ѻ҆ставле́нїе создра́вїемъ вѣ́чнымъ да цр҃ство и҆́хъ ти́хо̆ и бе̑мѧте́жно ᲂу҆строитъ бг҃ъ і҆ испо́лнено всѧкого бл҃годе́нствїѧ. моли́же прп҃бне і҆ ѻ҆ бл҃года́нномъ ти ста́де, е҆го́же трꙋда́ми і҆ по́ты со́бралъ е҆сѝ, не забꙋ́диже ст҃че б҃жїи пахо́мїи и менѐ грѣ́шнаго, и҆́же сїѧ́ти написа́вшаго да моли́твами твои́ми соблюда́еми вовремѧннѐй жи́зни се́й ї вѣ́чное жи́тельство полꙋчи́мъ, ѻ҆ само̑мъ хрⷭ҇те бз҃ѣн҃шемъ е҆мꙋ́же сла́ва, честь и поⷦ҇лоне́нїе со ѿц҃е́мъ і҆ спр҃ты́мъ ї бл҃ги́мъ и҆ животворѧ́щимъ дх҃омъ н҃нѣ и҆ прⷭ҇но и҆ во́ вѣки вѣко̀мъ а́минь:.. ᲂу҆ гроба моле́бнаѧ преподо́бномꙋ пахо́мїю:.. Ѻ҆ паⷭ҇ты́рю и҆ нача́лниче на̀шъ пахо́мїи ты ᲂу҆́бо ꙗ҆́ко и҆мѣѧ̀ коⷭ҇лады́це хрⷭ҇тꙋ дерзнове́нїе, і҆ прⷭ҇теи его́ ма́тере, бꙋ́ди моли́твенни́ⷦ и҆ помо́щникъ, и хода́тай ѻ҆ на́съ недосто́иныⷯ рабехъ твоихъ живꙋ́щихъ вост҃ей ѻ҆бители е҆и̑ же ты̀ нача̀лникъ бг҃оизбра́нней дрꙋжи́не бра́тсвꙋ семꙋ́. боу́ди помо́щникъ и застꙋ́пникъ пребыва́щимъ на мѣ́сте се́мъ невреди́ми бꙋ́демъ, ѿ бѣ́дъ, і҆ ѿ злыⷯ чл҃къ сла́вꙋ и҆ бл҃годаре́нїе, во̑сыла́юще ѿц҃ꙋ и҆ сн҃ꙋ и҆ ст҃о́мꙋ дх҃ꙋ н҃нѣ и҆ прⷭ҇но, и҆ во́ вѣки вѣко́мъ а̑минь:.. тоже, г҃ покло́на до землѧ̀ и҆ посемъ. сꙋ́ще досто́инъ сы́и целꙋ́етъ ѻ҆́бразъ написанный на́ гробе ст҃а́го в рꙋ́чкꙋ а̑ми́нь:..

Приложеніе II.

Сборникъ Синод. библ., № VI, листъ 133:

Прⷭ҇пбныи Пахомїй костромской чюдотворецъ сыпанова монастырѧ пишетсѧ лѣты старъ возрастомъ среднїй, тѣломъ сꙋхъ, мало возлысъ, брада аки ꙋ Іоанна Богослова бѣла всѧ, риза преподобническаѧ, и схима есть: врꙋце держитъ свитокъ всвитце пишетъ братїе терпите находѧщаѧ на ны скорби на семъ мѣстѣ, да обрѧщемъ благодать Божїю. ѧко писать стоѧщаго, то подъ главою его ст҃аѧ троица, аки ꙋ павла обнорскаго деснаѧ рꙋка выспрь крестообразна, въ шꙋицѣ свитокъ. а когда молѧщагосѧ то троица надцке во ᲂу҆гле аки ꙋ Александра Свирскаго.:

Житіе преподобнаго Геннадія Костромскаго († 1565)

(текстъ по рукописи И. П. Б. собр. Погодина XVII вѣка № 708). Варіанты изъ рукоп. Румянц. музея XVII в. № 910, Имп. Академіи наукъ XVI в. № 21, в. 2.

Сказаніе игумена Алексѣя к пастырю дому бглѣпнаго преображенія гда бга и спса нашего і прбнго аввы Генадия, костромскаго и любимоградскаго чюдотворца.

І яко тако пастырю и браше млтву и моление достоподных подвижников, идет к пастырю і начальнику, коегождо стаго мѣста. в стых мѣстах не свѣмь члвком в чюдотворцах быти. Бгъ дѣйствует чюдотворение, тѣми которыя добродѣтелное житие проходили; яко дым прогоняет пчелы, тако и пиянство стго дха огоняет о члвков. сеиже прбный авва Генадие чюжася пиянства. Нѣцы братия наша любя пиянство якож и а а іниіх игумены малых обителеи желаю в великия обители на игуменство, яко како в день ярости гдня непользуетъ члвка многое имѣние, також и нас непользует в великих обителех игуменити. Емуж дано много, многоя и в зыщет, мнѣ глаг самодержец великоросійскі православны црь і великиі кня іван василевичъ, живи ты игумен, да имѣи росходъ по приходу. Аще ли не по приходу росходъ. і ты скажеши урѣжи, добро игуменити, чтобы от брати ігумену великая любов была, також и ігумену достоит быти ко брати великою любовию, любити ему что себе то и братиям, одежду и пишу равно имѣти і поминати им сптелево слово, аще кто хощет в в боли быти, да будет всѣм рак и всѣм слуга, ібо хртъ бых на земли, не послужили ему люди, но сам послужил, і во всѣм подал обрал смирения. також и ты брате и пастырю, обрал смирения вôдавай своим ученикомъ и братиям. вых братия моя аще хощете видети убогую пустыню доброзрачну, молитесь всмитвому спсу, и прчистои его мтре, и всѣм стым его. також притекайте теплою любовию к чюдотворнои ракѣ прбнго стаца Генадия, и приносите должную млтву сопрошение строения убозей пустыне. видя гдь бгъ моление ваше и прошеніе і нвѣстит православному црю и чадом его. мощен црь воставити убогую пустыню великою лаврою. Якож и грады созидает. а

же раб его и чадом его служите пишущи е слышах о прпбнго многое страдание в литовских странах, паки а самовиде достолюдному житию прпбнго. что мало разумех то і написах, вы братие чтите і наше писаніе прелагайте на новыя скрыжали, і кто начнет писати, і о вы са чтша на прямыя точки и запатые. да не погрешим вы разум писанию, яко мы душу полагам за истинныя словеса и за точки, вы братия радаваите писания по странам православным хрстианом. паче страна радавания почтите о вести в црствующий град Москву, на свидетество православному црю і великому кнзю Феодору Іvановичю всея руси і преосщному Дионисию митрополиту, і всему и вселенскому собору црковному и людем всеи вселеннеи, приятно ли црю и стлю, и вселенскому и собору, наше писание, достоиноли почитати житие и чюдеса прпбнго, повелят ли пети канон и стихеры на памят стго, достоин ли есть делатель пишущий мзды своея.

предисловие житию и чюдесем і наказанию прпбнго оца нашего аввы генадия костромского и любимоградского чюдотворца, блгослови отче. Бгъ отецъ великій црь двъ гдтъ. блжни непорочніи в пути ходящеи взаконе гни, блажени испытающеи свидения е все срце е неделающіи во беззаконія в путех е ходиша. сеиже прподобныи авва генадие, никако беззаконія неделаша. но всегда хожаше в путех гних. и твораше дела бжія со всяким брежение. тако и учнко свои наказоуя всякомоу блгочтію и чтоте и духономоу подвигоу. понеже во от орган духа стго. и от младых ногот последова хрту. и во всяким добродетеле прилежно подвизався до кончины живота своег. мы учнцы е на конех аздахоу. а от никако требовахоу. но всегда пеш хожаше и до црствоующаг градоу москвы. слыша и вида его духовныя подвиги и труды, православныи црь великіи кнзь иван василеви великоросиискіи самодержецъ, со своею блговерною црцею великою кнгнею анастасиею. повелеваше емоу своя дети крстит в бжтвенеи коупели. во стеи соборнеи и аптльстеи црквеи. поведа нам старецъ антоние, швещьникъ прстыя бци иwсифовы лавры, бывшіи слуга вороцовы бояръ, w прпобнем старце генадие. еще ему при животе сущоу и бывшоу во црствоующем граде москве, тако тщашеся на подвизи духоныя на постъ и на млтву, яко и в поустыне, и некогда моляшоуся емоу въ црквеи бжіи, иде престояше црьскія слоуги, боярскія жены и княжія. тако входа нищеты хрта ра. Бе некая нищета оубогая жена имея оу себе плачюще чадо

в҆ па́зоу҆сѣ, а ины҆ за роу҆цѣ́ водѧще. зрѧще же на неѧ кнѧгени и боѧрыни возыхаю҆т къ гдⷭ҇ꙋ бг҃ꙋ и҆ прⷭ҇тои бцⷣи, со слезами глⷭ҇юще. тѣм нищетам бг҃ъ дае҆т ча́да, а прокорми́ти и҆м нѣче҆. а нам црьским жалованїе вмѣстимо ча̀да кормити и оу҆добрити, а за на̀ше согрешенїе бг҃ъ не дае҆т на́мъ ча́да ража̀ти, слы̀шаже словеса сїѧ прⷣбныи авва генадие и ре и҆́мъ. не скорби́те чж҃е, но живи́те правовѣ̀рно во свое҆м пребыванїи. ѿ сѐле на́чнете чада ража̀ти, и бы҆ таково̀ прⷭ҇тво ѿ препо҆бнаго на е҆нои боѧронѣ, ниже двѣма̀, кнгнѧм женом и в пола̀тѣ живоу҆щим оу цр҃цы анастасѣи. в добродѣтельнои державѣ. и҆ во бл҃гомъ пребыванїи; тако҆ и по прочим гра̀довом бла̀гим и пра̀ведно живоу҆щим жена̀м непло̀дным было прⷪ҇рчество таково̀ и҆ прⷣбнго ѡ чадороженїи. мы҆ ча́да и҆ оу҆чн҃ци ст҃аго ста̀рца генадиѧ, тако зове҆м и гл҃ем, прⷣбнъ и чⷭ҇тенъ а҆́вва, и҆ по животѣ свое҆м тщателенъ на оу҆спрошѐнїе ко вседр҃жителю, да сотворилъ бы гдⷭ҇ь бг҃ъ всѧкомоу чл҃вкоу в покое пребыва̀ти и҆ во бл҃годѣѧнїи, и бе҆мѧтежно. мы҆ бра̀тиѧ поре́вноу҆е ра́вно а҆гг҃льномоу е҆ житїю. и дх҃внаѧ е҆ словеса̀ напише҆м на скрыжа̀ле срⷣць нш҃их. сотвори҆т е҆ дѣло дх҃оными по҆виги, и терпѣнїе҆м бл҃гоу҆краше́нным. ꙗко те́плъ хода̀таи ко всемл҃тивомоу спⷭ҇соу ѡ дш҃а нш҃их. ї ꙗко добръ рачи́тель и҆ мл҃твеникъ и вѣ́роу҆ющих жена̀х дети ража́ти. и҆ всѧки҆м скорбе҆м притекающим чл҃вки҆м к ра̀це моще҆м е҆ бг҃ъ мл҃ти҆в бывае҆т, мл҃вами е҆ хⷭ҇те бж҃е нш҃ъ помѝлоуи на̀с.

Мц҃а генварѧ в кг҃ днь оу҆спенїе и житие и по҆визи препо҆бнаго ѿца нш҃его аввы генадиѧ костромскаго и любимоградскаго е҆ бѣ на соу҆рскомъ езерѣ. списано бы҆ житие ст҃аго и ѿтчасти чюдеса оу҆ченико҆м е҆ игоу҆мено҆м алексѣе҆м тоѧже ѡ҆бители.

Рум. м. № 910. Имп. Ак. Н. № 21. 6. 2.

Въ трⷪ҇цѣ едѝносоу҆щней ѿц҃а и сп҃а и ст҃аго дх҃а и҆́стиноствоую и и҆сповѣдоую. еди҆н гдⷭ҇ь бг҃ъ спⷭ҇съ нш҃ъ іс҃ъ хс҃ъ прославлѧюи ст҃ы҆х свои҆х. тако҆ и мы е҆ прославлѧе҆м росі҆стїи люди. ꙗко ди́вны чюдеса̀ твори҆т ст҃ыми своими оу҆го̀дники. и подае҆т да̀ръ ст҃аго дх҃а, гроу҆бы҆м члвко҆м писанїе творѝти, никто҆ намъ во̀бранѧе҆т писати житїѧ ст҃ы҆х моу҆жей [1]). такоже и прⷣбны҆х ѿц҃ъ [1]) нш҃их поу҆сты̀нелюбивы҆х. поу҆сты̀ники҆х ѿц҃ы со е҆дины҆м бг҃омъ бесѣдꙋють и҆ свѣ҆т миро҆у ꙗко҆ свѣ҆т агг҃ли бж҃їи мнихо҆м [2]). се́и҆ бѣ ю̀ноша

---

[1]) ѻ҃цъ пустынелюби̇выхъ.

[2]) такожь и мниси свѣтъ мироу.

литовскиа страны [1]) блаженый [2]) григоріе. мла сын и прекрасен ѕѣло. едино-
роден снъ нѣкоего велико пана имане івана. славна и богата, і матери
елены. сіи бѣста родителя его хртіана соуща. ѕѣло боащася бга. ни-
когда же црквна пѣнія не шлоучашеся [3]). блаженный григоріе боши свои
родителеи повизашеся. всегда въ крылѣ црквнѣ живаше. днь и нощь
моляшеся бгу. и се повинѕи родителя его доваше глюще, что ты чадо
тако твориши, или еси стражь црковныи, сра на есть ш члвкъ твои
лишніи пови. ходи вѣ въ вкупѣ снами къ црквы бжіи, идѣже ти пороу-
чихом храмы прибывай вни. в днь веселися срабы своими. а в нощи
шпочивай на шдрѣ цветоущем твоем. швѣща [4]) и григоріе. родителя моя
есте [5]) прелюбезніи, не стоужайте ми сими глы, азъ не хощоу дѣтскыя
игры творити. вся бгъ творит елико хощет, а члвкъ творит елико мо-
жеть. дхъ стыи наставляет всяко члвка на свои поут истинныи. штолѣ
же блжныи григоріе нача себѣ мыслити како бы емоу ш родителеи своих
оудалитися, и шити въ росіискиа страны, и тамо вселитися в прчтныя
и лавры гдоу бгоу молитися. избра себѣ время блгополоучно. и шнде
ш своих родителеи, на нѣкотороую страноу ко оубогим члвком. совлече и
свѣтлая своя шдежа, повелѣ и оустроити ш своих родителеи тайны
обычаем взя оу них вто мѣсто хоудыя ризы и шблечеся вних, и хо-
жаше по странам литовьскиа земли, по поустыням и по жилым селом и
весем, и по градом литовским. тако хожаше по диким [6]) лѣсомъ. многи
беды пріа ш злых члвкъ литовскиа земли. потомже паки доиде росіискиа
страны и до црткоующа града москвы. в нем же хожаше без престани
к црквам бжіимъ. и прітекая къ ракамъ великим чюдотворцемъ. и приникая
къ прчтныя шбителли [7]), гдѣ бы емоу постричися и молитися бгоу.
и паки шбретѣ себѣ дроужиноу имянем феѡдора млада соуща и ѕело
боаща бга хотяща постричися. прочее [8]) шба вкоупѣ поидота к великіи

---

1) земли.

2) врожденіи именованъ.

3) шлоучаяся.

4) имя блаженный.

5) есма прелюбезна.

6) внутренним поустынямъ.

7) внимая себѣ.

8) таже оба.

но҃в гра҃. та́мо хожа̀ста по ст҃ы҃м цр҃ква҃м и поч҃тны҃м лавра҃м. и [1]) паки доидо̀ста поу́стыни препо҃бна҃г алекса́н҃дра зово́маго на свѣрѝ. и вийдоста в поу́стыню къ препо҃бномꙋ алекса́н҃доу припада̀юще и гл҃юще. прп҃бныи ѿче, желаѐ҃м гд҃оу бг҃оу молѝтисѧ, постриги [2]) на҃с х҃а ра҃ди во мнѝшеское ѡ҆дѣѧние. препо҃бный҃ александръ ѿвеща̀ [3]) к феѡ҃дорꙋ гл҃ше. ты ча҃де феѡ҃дере има̀ши во҃дити звѣра̀ белогла҃вна҃г. григорїю же рече прп҃бныи. а ты̀ ча҃до грїгорїе самъ боу́деши па́стырь слове́сны҃м ѡ҆вца҃м, и̂ наста̀вникъ мно҃жствоу̀ и̂ноко҃м иді̀ се́бѣ чадо на комѐльскїи лѣ҃с ко препо҃добномоу̀ корнилїю, то̀и тебѣ има҃т наоу́чи́ти ка́ко ти бг҃оу̀ молѝтисѧ. и̂ ка̀ко ти пастѝ словѐсное ста́до мно́жество чернѐцъ. а в на̀шеи поу́стыне [4]) лѣ̀нотнымъ ѿрочато҃м невместѝмо пребыва̀ти. ѿпочива̀ите ча̀да моа елѝко хощѐте. ѡ҆ни҃ж [5]) пребыва̀ше двѣ се҃мѝцы в поу́стынѣ оу̀ препо҃добна҃г алекса̀н҃дра. и̂ взѧ [6]) оу̀ него бл҃гослове́нїе. и поидо̀ста [7]) ко̀ градоу̀ во̀логдѣ, ї ѿ во̀логды на комѐльскїи лѣ̀съ. та̀ко҃ж прїидо̀ста в [8]) поу́стыню ко прп҃добномꙋ корнилїю. то́лкоу́щоу̀ имъ оу̀ вра̀тъ прп҃добна҃г корнилїѧ мл҃твою ї сво҃ю. прп҃добный҃ корнилїе ѿверза̀ѧ двери́ своѧ гл҃ше к ни҃м что́бо бѣ ча́да моа, ка́ко прїидосте поу́стыни непрохо҃димыа и что́ внидо́сте во оу́богоу́ю сїю поу́стыню чесо̀ хо̀щета. ю̀ноша҃ж реко̀ста корнилїю. гд҃ине на́шь прп҃добный ѿче. жела̀нїе на҃с велѝкоѐ ѡдержи҃т во и̂ноческое ѡ҆деѧнїе. х҃а ра҃ди причти на҃с к своемоу̀ ста̀доу̀ бг҃оизвранномоу̀. прп҃добный҃ж корнилїе ре҃ григорїю внѝди ча́до во оу́богоу́ю сїю кѣлїю нашоу̀, а ты̀ ча́до феѡ҃дере и̂ма̀ти мирски́хъ чл҃вкъ житиѐ содержа̀ти женоу̀ во҃дити и̂ ча̀да ражатѝ. на григорїѧ҃ж полага̀етъ корнилїе искоу҃с чернеческии по преда̀нїю ст҃ы҃х ѿц҃ъ. и̂ поживѐ [9]) григо̀рїе во искоу́сѣ дово̀льно врѐмѧ, и паки [10]) корнїане во цр҃кви бж҃їи постригаеть григо̀рїѧ во [11]) мнискїи ѡ҆бра҃. и рече емоу̀ слово ст҃го ева҃лїѧ.

---

1) и̂ ѿ и̂до̀ста на̀ свѝрꙋ рѣкꙋ.

2) о̂блецы̀.

3) и̂на речѐ ко̀ дрꙋгꙋ е̂го деѡ̀дорꙋ.

4) лѣнымъ о̂трокомъ невозмо̀жно жѝти.

5) препочи̂ша тꙋ.

6) взѐмше.

7) въ предѣлы гра̀да во́логды.

8) во внꙋтреннюю пꙋсты̀ню.

9) влажѐнный.

10) прп҃бный.

11) въ мона̀шескїй чи̂нъ.

аще ѿставитъ члвкъ ѿца и мтрь женоу и дѣти села и имѣніе, сторіцею пріиметъ живоⷮ вечныи наслѣдитъ. мнози бѹдоуⷮ первіи последніи а послѣдніи первіи. ї еще глтъ к немѹ по ѿскиⷨ вопросоⷨ и по ѿвѣтоⷨ. и вдаеть [1] емоу по ѡбѣщанію имя генадіе. пріими чадѐ древниⷯ стыⷯ ѿцъ разоуⷨ и терпѣніе, смиреніе и любовь. пачеⷯ млтвоу соборноую и келеинѹю, и въ подвизеⷯ нелицемѣрныⷯ. содроужевниⷦ же генадиⷦ феодоръ, вся поживе по пророчествѹ прбныⷯ оцъ александра свирскаго ї корнилія комеⷬскаго ї во глѹбоцѣ старости ко гдѹ ѿиде во црⷭтвѹющеⷨ граде москвѣ. прбныиⷯ генадие [2]) по блгословению корнилиевѹ вѣми подвизашеⷭ к млтваⷯ и к трѹдѣхъ внѣшниⷯ, пачеⷯ во внѹтрениⷯ слѹжбаⷯ, к поварнѣ ї въ пекоⷩнѣ ї к прочиⷨ, братиаⷯ вѣми негодоваше и ропⷮѹще на генадия ѡ мнозеⷯ подвизеⷯ. слыша же [3]) корнилие роптание ѿ братиⷨ, и оукрѣпляя генадия глше. не скорби чадо о семⷭ на братию, вомѹщениеⷨ во демоⷭскиⷨ [4]) они творяⷮ. потоⷨ же паки ї во многа лѣта не престана ропташи [5]) на корнилия ї на генадия. прбныиⷯ корнилеи предаⷮ мѣсто гнѣвѹ, приемлеⷮ своего оученика генадия, ѿходиⷮ ѿ своего начинания и ѿ обители шестьдесяⷮ поприщь в костроⷨскиа прѣдѣлы на дикиⷨ лѣсъ на сѹрское озеро. и ѿ толе мало поприщь до црⷭкиⷯ хрⷭтиаⷩ оброчныⷯ и коршныⷯ. Хрⷭтане зѣло возрадовашася о пришествіи корнилиевѣ и сотвориша [6]) емѹ кѣлию на четыре предѣлы. ї приношахѹ емѹ хлѣбы и меⷣ и всякѹю [7]) потребѹ. прбныи же корнилеи со оученикоⷨ своиⷨ генадиемъ, подвизася к бгѹ млтвою и молениемъ. паки трѹды полагая, лѣсъ сегаше [8]) и пашню сотворяя. еще же ископая четыре прѹды иⷤ бѣ и доныне. В лѣто [9]) седмь тысящь тридесеⷮ седмаго поⷣвигъ правоⷭлавномѹ ї великомѹ кнзю васиⷧию ївановичю и свеликою княгинею еленою къ бѣлѹ езерѹ к кириловѹ лаврѹ молитися о благочадородіи [10]), егда же приде [11])

[1]) нарече имя емѹ.

[2]) в монашествѣ.

[3]) преподобный.

[4]) бѣсовскімъ.

[5]) ропчюще.

[6]) сограднша.

[7]) иная потребная.

[8]) сѣкуща и землю орюща.

[9]) в лѣте же ,з҃л҃з го.

[10]) благороднаⷨ чадородіи.

[11]) достиже.

гдрь въ корнилиевꙋ пꙋстыню и не обрете корнилиѧ, и ѕѣло гдрь ѡскорби на черньцо[1]) и глше имъ, вашеѧ ради ропоты ї непослꙋшани не живет ѿцъ корнїлїе во своеи поустыни. скоро посылает гдрь по корнилїѧ своих слоуг да молѧтъ его возвратитисѧ в первое свое начинанїе. прїиде же корнилїе предь гдрѧ велкого кнзѧ Василїѧ ивановичѧ. припадает к ногама гдрвыма, прошает оу него прощенїа своеи дерзости что въ поустыню шелъ[2]). блговѣрныиж кнзь великїи василїи ивановичь воздвизает ѿ землѧ корнїлиѧ и глтъ к немоу. любимиче мои ѿ корнилїе, моли заны млтвагѡ бга. дах бы нам даровалъ плод блочадїѧ в наслѣдїе родоу нашемꙋ, и в державоу црствоу росїискомоу и во строенїе чтным вашим ѡбителем и во оутвержденїе вѣры хртїѧнскїѧ такох глтъ гдрь корнилїю, пребывай во своем первомъ начинанїи и во троудѣх тых по нашемꙋ повелѣнїю ѿходною своею поустынею блвй своего оугника егох хощеши. по ѿхоженїю гдрѧ блговѣрнагѡ великгѡ кнзѧ василїа ивановича прпбныи игоумен корнилїе поустынею[3]) блгословлѧет оученика своего генадѧ. такох повелѣвает емоу црквь воздвигноути во имѧ[4]) преѡбраженїѧ гга бга и спса нашегѡ їса хса прпбныих старецъ генадїе по гдрвоу жалованїю и по блвенїю ѿца своегѡ игоумена корнилїѧ всѧ сотворилъ в поустынѣ. и црквь бжїю поставил[5]) и оукрасилъ еа стыми иконами и книгами, ї всѧкою лѣпотою црковною. братїѧмх оу негѡ въ поустынѣ множищимсѧ и паки прпбныи оустроѧет второую црквь теплоую во имѧ прпбнагѡ сергїѧ чюдотворца радонежскагѡ и оукрашает еа ꙗкох и первоую црковь. сам же прпбныи прилагает троуды ко троудам и преходит ѿ силы в силоу и ѿ славы в славоу, во всѧких трꙋдѣх и подвизѣх, собою ѡбрал показоуѧ братїѧмъ. ещех и жилища их добрѣ оустраивает[6]) в днь дрова сечаше[7]), а в нощи по братским жилищам разнашиваѧ[8]). такох троуды ко троудом прилагаше во своеи емоу поустыне. ещех оудрꙋчаѧ плот свою в поварнѣ[9]) и в пеколнѣ

[1]) братїю.

[2]) и пустыни ѿхожденїѧ.

[3]) новою.

[4]) бголѣпнаго.

[5]) воздвиже и ꙋкраси.

[6]) оустраеваѧ.

[7]) сѣкꙋща.

[8]) на рамꙋ разношаше.

[9]) трꙋждаѧсѧ.

и власѧницѝ на брàтїю мнѧше. пачѐ подвизàѧсѧ ѿ цр҃квны слоужба приспѣвàѧ свѣщи и коу҃тїю й просвиры печàше. пàки же имѣ пóстъ й непрестанноую мл҃твоу [1]) и келѣйное прáвило и колѣнное поклоненїе ещѐ ношàше верѝги и кресты̀ желѣзныѧ тѧжкиѧ чѣпи. таковóе оубо велѝкое брѐмѧ ношаше прп҃бныи рѧжєнїѧ ради ѿ плоти [2]) на дх҃ъ. ꙗкоже воздѣржàнїе бывàет коню ѿ оузды, тако й прп҃бный на грѣхопадныѧ недоуги вôдержанїѧ имѣѧ ѿ вери й ѿ преже реченны подвизѣх. того ради на нем почи ст҃аѧ троица ѡц҃ъ и сн҃ъ и ст҃ый дх҃ъ. тáкоже ꙗко пàки тщàшесѧ на [3]) внѣшнїѧ подвиги, и дѣлаѧ пáшню й лѣс сѣчаше во всѣх обычаех и нравех ѡбра подавáѧ своим оучн҃ком оучаше их не первѣе слòвом но дѣлом показоуѧ преж речéнным. нынѣ братїѧ моѧ ктò мòжет ирѣщи таковòе житїе всепрп҃бнаг й многотерпѣлѝваг страданїѧ. или кто мóжет исчести болѣзни й троудѝ ег й жалѣнїѧ ѡ брàтїи в покоех. престàнем же инѣ ѿ сегò хвалѐнїѧ прп҃бнаг стáрца и пàки йиде оучителное слòво ег извѣстѝм и прехвàлно повѣдаемъ йстиныѧ его пóвѣсти.

I.

Чюдо прп҃бнаг ѿ ца нш҃го аввы генадїѧ.

поут шествие нѣкогда творѧ блж҃ный со оученикѝ своими с серапиѡном й со оуарòм во цр҃твоующїи град москвоу. мóлитца прп҃бныи ѡбрàзом бж҃їим и великим чюд творцемъ. по времени нѣкоем шèствоует прп҃бныи ко бл҃гоуотробнои болѧринѣ имѧнем оулѧнà фѐдоровнà зовòмаѧ женà ромàна ю̀рьевичà. чéсть стáрцоу воздвáша оулѧнà со ѡбѣмà сн҃ома своймà данилом и никѝтою. и превòдит ег въ дрѹгїѧ храмы йдеже бы дщѝ еà анастасѣѧ. прп҃бный стàрецъ сотворих мл҃твѹ и по молитвѣ бл҃олѧетъ дв҃цоу анастасїю ромàновнѹ и касàетсѧ роукòю своею на гл҃вѣ дв҃ци. ѡбычаи бѣ прп҃бнаг оу бл҃городны чадь родительскїа ради любвѐ, по гл҃вѣ глàдѧ гл҃ѧ. бл҃гаго корени бл҃гаѧ й ѿрасль бл҃гыѧ отрасли вѣтвь плодовитаѧ и рòзга прекрàснаѧ сїе чàдо. потом гл҃а к дв҃ци во оуслышанїе всѣм. бѹдеши гд҃рни цр҃ци бл҃гобѣрнаѧ всемоу мѝроу рáдость. оулѧнах слыша сїѧ гл҃ы оудивисѧ с чàды своими и со свѣми людми ѿ недооумѣнномъ словесѝ ѧх соут сїѧ что старець рѐче. ѿкоудоу бо есемоу

[1]) творѧше.

[2]) плотьскàго.

[3]) большїй.

гл҃ы авишася. потомже оулїана оудоволи̑ ста҃ца со своими чады бл҃годаными потребами и не во еди̑ го̑. пото̑ же паки сїа вся обыша̑ по прорчеству старчю ѿ тол҃ѣ црца анастасѣя нача велїю вѣру держати въ до̑ спсвъ и пр҃п̑бному старцу генадїю подоваше ѡбразы и ризы и ширинки.

II.

Чю̑до ѡ кн҃зе борисе палецкомъ и ѡ попѣ василиѣ.

Бывшу нѣкогда кн҃зю борису палецкому велми изнемогающу прїиде к домъ преображенїа спсва молитися. старецъ же генадїе велми ра̑стенъ ѿ посѣщенїи княже. созыва̑ братїю и стрета̑ князя во ст҃ы̑ вратѣ̑ со достойными мл҃твами и подаетъ ему посошецъ хо̑у к роуцѣ княжи и того гл҃а княз здравъ бы̑ паче же прослави̑ бг҃а и оуго̑дника е̑ ста҃ца генадїа. лю̑ди же възра̑довашася ѿ здравїи кн҃за. и паки кн҃зь оудоволи̑ мл҃тынею старца и братїю та̑ взвратися в до̑ свои со всѣми лю̑ми. бл҃венїе̑ старцево посошецъ даде вести попу василїю. по̑ же разгордѣся на кн҃за и похула бл҃венїе старцево верзе посоше̑ в кострому реку. и бы̑ жалость велїа князю ѡ бл҃венїи старцовѣ егда же бы̑ попъ к дому своемъ ѡбрете попадю свою мертву и самъ впаде к великїи недоу̑. та̑ по̑ нача каятися свое̑ грѣха яже посмѣяся князю и преподобному старцу ѡ посохѣ. и ѡбѣща̑ по̑ постригися к дому спсвѣ оу ст҃го старца. не по мнозѣ времени ѿ своего дому по̑ вниде во ѡбитель спсву, препаде ко пр҃пбному прося оу него бл҃венїа и прощенїа своей дерзости, и дабы причелъ е̑ ко своему бг҃оизбранному стадоу. старець̑ бл҃ви̑ попа, и гл҃а ему, брате, хс̑ ре̑ приходяща̑ не изжену вонъ. потомъ же повелѣва̑ постриши попа и нарещи ему имя варла̑. поживе же попъ время доволно во ѡбители спсвѣ. и по бл҃вению ст҃го старца генадїа, бы̑ по̑ игуме̑ к лаврѣ чюдна̑ бг҃оявленїа среди града костромы. тако̑ кн҃зь борисъ подаде колоколъ ѿ пятидесятъ рублевъ к до̑ спсовъ и препо̑бнаго старца генадїа.

III.

Чю̑до ѡ еп҃пѣ кипреанѣ вологоцко̑.

слоучися нѣкогда владыцѣ пермьскому и вологоцкому кипреяну скорбь велїа. держащу вѣроу к до̑ преѡбраженїа спсва. такоже любовь духовную имѣ ко старцу генадїю. ста же смысли себѣ послати в

поустыню по препо̑д̑бна̑ посещенїа ради свое̑. тогда по еп̑повоу послан̑ию прїиде старецъ со оу̑ченики своими ѕ̑щенноиноко̑м мисаило̑м и̑ алексѣе̑м. бл̑вися старецъ со оу̑ченики своими оу ст̑ѣйша̑ еп̑кпа кипреяна. ї абие ра̑ст̑е ѕѣло̑ бл̑ка о посещенїи старцовѣ. никако̑ж бл̑цѣ возмогающоу со ѡ̑дра схо̑дити. противоу̑ж старца воста. и̑ бл̑влае̑ кр̑тны̑м знаменїе̑м старца со оу̑ченики е̑. приемле̑ за роуцѣ единаго старца. вводи̑ его во вноутреннюю кѣлью свою. беседоующю ст̑лю на долзе времени со старцемъ. людїе̑ж видѣвше ѡ̑блегченїе еп̑поу. велми оудивишася и̑ прославиша бг̑а ї е̑ оугодниковъ творящи̑ любовь межи собою и ко всѣ̑м чл̑вко̑м по бесѣ̑довании̑ж вышеоу и̑ во внѣшнюю кѣлью ко оу̑ченикомъ и к люде̑м. воспиташа̑ брашно̑ бл̑вена̑ хлѣба. на оутрїи̑ж моли̑ еп̑кпъ бг̑а и̑ ко прп̑бномоу гл̑тъ пре̑ людми своими. наставниче поустынныи генадїе моли за ны мл̑твива̑ бг̑а. дабы ми ѡ̑блегчи̑ болѣзнь телесною и̑ ноги моея недоу̑г. реч старецъ ст̑лю. бг̑ъ чл̑вколюбецъ помогае̑ ѿ скорби чл̑вкомъ и̑ целитъ недоуги дш̑евныя и телесныя болѣзни. и̑ ѡ̑блегчае̑ немощи страждоущимъ по вѣре чл̑вка. а не наше бо есть сїе дѣло великое г̑и мои ст̑лю. вся бо можна соу̑т ѿ бг̑а а ѿ чл̑вкъ ничтоже се есм г̑и мои здра̑в ѿ скорби телесныя. нога̑ж твоя проѡ̑бразоуе̑ послѣ̑днїи ча̑с. и̑ не има̑ о̑здравити до послѣ̑днаго твое̑ издыханїа. миръ тебѣ г̑и мои ст̑ѣй ѿч̑е. владыка̑ поживе па̑к лѣ̑т. и̑ оудоволи̑ старца и̑ братїю к поустынѣ рыбою и̑ солїю.

Наказанїе и̑ поученїе прп̑бна ѿц̑а н̑шего аввы генадїа ко братии и к людемъ. и

Великїя лавры живоначальныя тр̑цы. и̑ прч̑тыя бц̑и ипацкїя ѡ̑бители. ѿ х̑е братоу и̑ пр̑номоу сн̑оу словесны̑ ѡ̑вецъ пастырю игоуменоу васьяноу. тако̑ж еп̑вы обителї нашея паствы строителю иосифоу и̑ всемоу еже ѿ х̑е братствоу нашемоу. гл̑ю ва̑м дх̑овная моя бра̑тия и̑ спостници. оуже ми е̑ днь при вечери и̑ секира при корени. оу̑ж бо ѿхожоу к соудищоу х̑воу. ст̑ыя е̑ ради заповѣди, не забоудите мене егда молитеся, но видивъше мой гробъ поминаите мою любовь и̑ молитеся х̑оу. да оу̑чини̑ дх̑ъ мои с праве̑дными. вы̑ чада моя боитеся бг̑а и̑ повиноуитеся наставнико̑м ваши̑ ко все̑м по ап̑лоу, цр̑я православна̑ ї е̑ чада почитаите с величанїе̑м цр̑ьски̑, яко бг̑ъ зн̑ы. ст̑ля оублажаите. емоу̑ж повиноуются игоумени дх̑овною совѣстїю. вы̑ чада моя, живоуще и во ѡ̑бители сп̑свѣ. и̑ коемоу̑ж до игоуменоу пороучится паства н̑ша и̑

вы емоу во всем покорѧйтесѧ впослоушанїи. да не исходите ѿ места сего бес бл҃женїа настоѧща. и прекословїа не творите брат со братом. оугажайте братїа во свет тмоу же ѿставлѧйте. да боудет житїе ваше по преданїю како нам написа ѿць. прочее из всех восвители наших смиренїа обретаетсѧ. како жити черньцем. тебе молю игоумена влана. не ѿстави ѡбители сеа верою своею. аще где боудеши и в далних странах на власти. вы братїа моа и чада не разорѧйте ѿща нашего преданїа ни в чем. собора црквнаго не ѿпоучайтесѧ. первая мерзость в черньцех ѧ къ цркви не ходити. и пришед пред црквїю стоати и глоумитисѧ, или соуды соудити. тако и келейною млвою не пренемогайте да не расслабитсѧ плоть со доушею погибнет ѧко лоукавый и сатана хощет черца жива во ад свести. вы братїа моа и постници, боудите неленїві в монастырскых слоужбах. не скорбите и не оуныкайте во троудех. имате во свои троуды ѧсти и пити. і емоу поручитсѧ паства наша. прочее на него не ропщите. ропщїа чернець исчезновенїе себе творит. тако словес оучителскых слоушайте, со оусердным вниманїем блгаа делайте с послоушанїем, тако и ленивыа побизайте на слоужбоу и на млтвоу стыни не ѿлоучайтесѧ. аще ли черньць шесть недель стыни не причащаетьсѧ да несть чернець. никако братїа моа не крадите монастырьскаго троуда ни хлеба или ѡградныа ѡвощи и ничего за монастырь не иносите по своей похотем. платїе и ѡбоущоу оу всех имейте равноу. по келїам же пища всакїа не имейте. хлеба из трапезы вон не носите разве ноужи и немощи. да боудет оучреженїе ваше во общеи трапезе всем равно. ѧсти и пити к подобно времѧ бгу не браних брано ѿ бга и ѿ члвк ересько ѿпадатисѧ и оупиватисѧ и плоти ѿтачено и болезнено. тако неподобно промежа собою которашисѧ писано во еуангелии крадотворци црства нбнаго не наследат тако и не подобнословцы лоукавїи прелагающе братїею своею сюдоу ѣвооудоу, а сами не перстом касаютсѧ поучина горкаго ада пойнитсѧ нерадивыми мнисы. праведницы мало терпевшеи и бжїю заповедь сохраньше, възрадоуютсѧ во веки. хс всела единомысленныа в дом свои. тако и вы чада моа тщитесѧ проити сквозе теснаа врата и прискорбный поуть. да жизнь вечноую ѡбрѧщете. слоугом и работником повелеваю не гневатисѧ ни которатисѧ промежа собою. настоѧтелю во всем повиноватисѧ и слоушати, никотораго старца ѡскорбити тоу не словом. чада моа, не спешите слово прод резати или дело дерзость

оучинити непо҃бноу. тако҃ и бл҃гооугоны҃ быти ко всѣ҃ чл҃вѣкѡ҃. ѡ҃родїꙗ домашнїꙗ бренено имѣти и гостинаꙗ вещи ѿню҃ брещи. да не погибне҃ ѿ ни҃ ничто҃ и нѣкоторыа чающи себѣ помощи чюжи҃ восхищенїе҃ оуж чадо тѣ҃ себѧ погоублѧеши злѣ, хощеши скопити неправедны҃ собранїе҃ пото҃ ж и своемоу прѧмомоу собранїю пакость творити, а дш҃оу свою предаеши ѡ҃гню вѣчномоу и вы чада моѧ ѿ се҃ безоумїꙗ вельми брезитесѧ. и прочи҃ чл҃вкѡ҃ сїа наши гл҃ы поминайте. тако҃ до стоитъ монастырьскаѧ дѣла троужати҃ неро҃тиво и не лениво по силѣ бе҃ мѧтежа. да не боудите чада чл҃вкѡоугодници пре҃ ѡчию работающе. но вожелѣите быти бг҃ооугодницы за очи работати вѣрою и правдою. хр҃тїѧнъ насильство҃ не ѡбидѣти. брашно҃ оуни҃ и питїе҃ не воновати, и гостли не враж҃ва҃, прїимати послѣ҃нѧꙗ мѣста. тако҃ и ложны҃ словесъ на хр҃тїѧ҃ игоуменоу, или старце҃ не износити. вы҃ братїа моа боу҃дите поспѣшливы, на бл҃гое. и поучаитесѧ бж҃їю словꙋ во ст҃о҃ еваг҃лїи и во ап҃тлѣ и имѣйте оу себѧ въ домоу сп҃вѣ нашего стѧженїа книжекъ ѿчасти по҃бно братїа вамъ вни҃ вницати. и оу҃ прилагати къ вѣданїю разоума. з҃ѣ е҃ терпѣнїе ст҃ы҃. аще кто соблюде҃ заповѣ҃ бж҃їю и вѣроу и҃съ хв҃о. и соблюдше҃ возрадоуютсѧ во вѣки. пото҃ же паки помогоу нага старець и҃немогати. и предаде дх҃ъ свой пр҃пбныи в роуцѣ бж҃їи великїи авва генадїе лѣ҃т ҂з҃ог м҃ца ге҃варѧ в к҃г д҃н.

Слово игоумена алексѣѧ.

IV.

Возвѣщоу ва҃ братїѧ моа великое чюдо. велика҃ старца генадїѧ ѿц҃а свое҃ и оучт҃лѧ. слоучишесѧ нѣкогда ѿ старець и ѿ братїи великое ѡскорбленїе со жестостїю. и азъ мно҃грѣшныи игоуменъ не восхотѣ жестости тръпѣти ѿ братїи и мно҃ ѡ҃стра҃ и҃ ѿвѣта слышати. ѿиде ѿ ни҃ во гра҃ кострому. и тамо всели҃сѧ во ѡбитель чюднаго бг҃оѧвленїѧ. сожительство имѣти дх҃овномоу пастырю и҃гоуменѡ селивестроу. и о҃ х҃е бр҃тва его. прочее҃ братїѧ моа вмимоше҃ши мои҃ лѣте҃ в церква҃ бж҃їи не стоѧлъ спосохо҃. оу бг҃оѧвленїѧ҃ невозмогохъ бес посоха стоѧти. прїиде ми помыслъ преминити҃ ѿбители тоѧ здравїѧ ра҃ди. и пришедшоу ми во ѡбитель пр҃чтыѧ бц҃ы анд҃рѣѧ новы поустыни в пошехонїе. и тамо҃ по бж҃їи воли не возмогохъ во цр҃кви бес посоха стоѧти. в кѣльи здра҃ ѧ въ цр҃кви боле҃. посе҃ же вго҃ паки возвратисѧ во ѡби-

тель спсвоу и скорѣе прибѣгох ко целбоносному гробоу препо͡добному ѿцоу генадїю. проса оу него блвенїа и прощенїа своеи дерзости. млтвою препо͡добна здрава ма сътвори бгъ. по древнѣмоу моемоу житїю. прослави бга и его оугодника старца генадїа.

V.

ДЕ чю͡до прпбна о иване лихоревѣ.

Нѣкїй бѣ снъ боарьскїй, иманемъ иванъ ихоревъ приложи село свое к дом спсвъ. и препо͡добна старца генадїа. потомъ же паки помысли оудалитиса ѿ ограды спсовы и обители старцевы и вселитиса в лавроу живоначальныа трци. и прпбна сергїа чю͡дотворца. таже твори себѣ поутшественое прехожен̈ие и по нѣмъ снъ е алексѣи оумре злою смртїю и поном часѣ доимща е матеса. скачюще и рыкающе надоувшеса на и здъше. и жена е к великїй недоуг паде. велми изнемогающе сокроушиша. сошеше к неи сосѣди и нѣкоторыа жены дѣтеи боарских посѣщенїа ради. видя ѡни таковое посѣщенїе хво великое чю͡до трасенїе жены тоа. начаше еи глати. моуж твои восхотѣ стобою измѣноу учинити спсоу и прпбномоу генадїю зато бгъ не пощадѣ сна вашего. нынѣже ѡбѣт сотвори къ спсу и прпбномоу вспат ѿчину возвратити. тако ѿ семъ поскорѣ пошли писанїе к моужоу своемꙋ. нерѣшилъ ва к а ѿ спса и ѿ обители стго генадїа ѿчиною своею. ıаж ѡбѣщаховьса ѿ того часа жена посла писанїе ко иванꙋ и сама здрава бы пакиж погребе сна свое с пѣсньми надгробными. на иванаж во граде переслале наиде страх и трепет и истоупи лица свое. слоуги же е глаша емоу возвратиса гне къ спсат. видиши бгъ не попоущает не правдам колико мы тебѣ в домоу твоем глали держиса единаг ѡбѣта свое. домоу спса гни нш ивал же молитъ своих слоуг дабы его ѿ провадили в домъ спсвъ. пакиж иванъ ѡбѣщаса обители прпбна старца генадїа не ѿстоупити селомъ своимъ.

VI.

чю͡до ѿ бѣсноующем члвцѣ.

хртїанинъ бѣ нѣкїи иманемъ антропъ ѡграды спвы и обители прпбна имѣа сна три. един же снъ оу нег зовомыи васил̈ие сматеса крѣпцѣ оумом свои надолзѣ времани. тако бы матенїе е, ıако многих члвковъ зоубом адıахоу. едва братїа е великою силою оутешахоу поуты желѣзными и ѿковы по многих обителех преводахоу е ѿблеченїа

ради и невозмогох оулоучити ѡслабоу и привѣше ко гробꙋ генадиевꙋ к тох время млтвами є бгъ ѡблегъчи ми недоуг мой. аки гора спаде тагость плоти моеа и шоум великій ѿиде ѿ мене аки громъ страшный игоуменъ и братїа прославиша бга и его оугодника чтнаго старца генадїа.

сказанїе ѡ различных чюдесѣх прпбна старца генадїа.

VII.

Клирикъ нѣкїи именемъ севастїан каменскїи пострижени ѿдержим сын зоубною болѣзнїю и ѡбѣщаса писати кано и житїе прпбна старца генадїа. по написанїи здравъ бы ѿ недоуга свое.

VIII.

Живоначальныа трци, во граде любиме. дїакъ прохоръ зовомый богдан разанскїа страны. велми ѡдержимъ зоубною болѣзнїю. врачи исторгоша емоу два зоуба и неполоучи ѡслабы, скоро притека къ чюдотворномоу гробꙋ ѡбещаса писати кано прпбна старца генадїа житїе и ѿиде здравъ во свою страноу разанскоую.

IX.

Жена нѣкаа имане елисафьа держима бы болѣзнью ѡною и припаде к чюдотворномоу гробоу препобнаго старца генадїа, ѿтры покровом своа ѡчи, здрава бы и нѣкогда приспѣ еи время чад родїа томима бы трй дни и три нощи, прочла еси сщнникъ канонъ прпобнаго, и молитвами є бгъ простилъ того чла.

X.

Нѣкїи дїакъ зовомын черькасъ, покралъ книги црквыа. и скатерть трапезноую ѡбители прпбнаго ѿиде мало поприщь да андомы реки, ѿнялиса оу него ноги и роуки и вѣсть бы ко игоумену во ѡбитель прпбна. игоуменъ же скорѣе посла члвка привезѣ є во ѡбитель и скнигами, дьакъ припаде къ чюдотворимомоу гробоу прошаетъ прощенїа своеи дерзости. роукамъ и ногам ѡслабленїа, млтвами прпбна бы здра.

XI.

Члвкъ нѣкїй именемъ игнатїе злѣ беше ѿ нечта дха многїа люди едва є приведоша ко гробоу прпбна поживе мало дней оу гроба и паки здрав бы млтвами прпбна.

XII.

Ѿсецкїѧ волости бортникъ иманемъ антипа хожаше по своемоу оухожею бортномоу, наидоша на нег҃ многїа бѣси, аки чл҃ки черныѧ ѡн҃ же пасаса ѿ них҃ рѣза ножемъ. и прерѣза себѣ горло и многих҃ чл҃вкъ зоубом҃ поадаѣ в домоу свое҃, великими силами привлекоша е҃ ко гробоу чю҃д҃творномоу и како начнетъ ѧсти то ества емоу исходила вонъ горлом҃ на гроуди поживе҃ в домоу спсвѣ м҃цъ и паки здра҃ бы҃ мл҃твами прп҃бна҃ ѿиде к до҃ свои и слава бг҃а и прп҃бна҃ старца генадїа.

XIII.

Послоуживыи҃ чл҃вкъ имане҃ оустин҃ ѕѣло бѣшенъ бы҃ такова е҃ непрїазненаѧ сила. приказа҃ бы҃ оу столпа цр҃квна҃ трапезна҃ излома҃ кроу҃ трапезный и како на него положили вериги прп҃бна҃ и молитвами е҃ здра҃ бы҃.

XIV.

Нѣкїй кр҃тьѧни иманемъ дементей ѕѣло бѣше҃ бы҃. соседи и сродичи привели его вдомъ сп҃къ. и к чю҃д҃творномоу гробоу генадїевоу. ѡн҃ же бьѧшеса ѿ древо и ѡ землю скрежющи зоубы и пѣны теща. елъса за роуки и за ноги пожилъ во ѡбители десатъ днеи к дн҃ь преѡбраженїа сп҃ка по за оутренне҃ пѣнїи, братїа ѿнесли е на полсти во гробницоу, и положили на помостїи оу ст҃лю гроба. во времѧ литоргїи мл҃твами прп҃бна҃ аввы генадїа здра҃ бы҃. са҃ прїиде во црквь бж҃їю ковѣднѣ. и паки ѿиде к до҃ свои и радоуаса. слава бг҃а и прп҃бна҃ аввоу генадїа".

XV.

Бѣ нѣкїи сн҃ъ боарскїй василеи пани҃ жена е҃ была немощна ѡчима го. са҃ приѣха҃ в домъ сп҃къ молитиса. игоуме҃ и сщ҃нници молебенъ пѣли и воду ст҃ли и ѡн҃ же ѡвезѣ водоу ст҃оую женѣ своей. жена҃ его оумылаcа водою ст҃ою. здрава бы҃ ѡчима своима, молитвами прп҃бна҃ старца генадїа.

XVI.

Чю҃д҃ вї слоуживый чл҃вкъ детеи боарскы҃ имене҃ григорїе. жи҃ во ѿчинѣ сп҃кѣ и прп҃бна҃ аввы генадїа. паки҃ сталъ слоужити афонаю федоровичю нагомоу. посла҃ бы҃ афонасемъ своиньственными люми е҃,

паки с царскими воеводами и своинствомъ. во алексѣи гра противоу крымских татаръ тамо ѿ црьских воево и ѿ воинских людей, была татаром великая сѣча и оураненiе. того григорiа на дѣле взяли крымскiе люди и вели е к себѣ въ крымъ. тамо слоужи оу викенеа моурзы полтора лѣта оу него слоужи литвени пан федоръ аврамовъ пан на деса лѣт и бы оу не вдворецких. гла ко григорiю хотели на роу итти, григорей рекъ ѕѣло желаю. и ѡбещни еми пострищи оу всемилостиваго спа, и оу прпбна старца генаа. дворецкий гла к немоу прибирай себѣ товарищев. бы пиръ на цря оу викенеа моурзы к той днь федоръ и григорей стоварищи ѿехали влитвоу. кра же стефан ѕѣло радостен федоровоу приѣздоу. григорiа стоварищи ѕѣло покоилъ оу себя влитвѣ и ѿпоусти и вросiйское црствiе. паки григорие билъ челом афонаю федоровичю, а свое ѡбѣщанiе забы пострищи. афонасей ѕѣло радостен былъ григориевоу приездоу и пожаловал е доводом в селѣ к козелском оуѣздѣ. внезапоу на них наидоша крымскiя люди. взяли того григорiа дѣти викенѣа моурзы и гли еси члкъ граз и скрымоу бѣгати. побили емоу древяныя спицы во оуши е замертвѣ покиноули глава же емоу...

Повѣсть о ѡбрѣтенiи честных мощей прпбнаго оца нашего генадiа чюдотворца [1]).

В лѣта ҂зрнк год водни блгочестивѣйшаго гдря цря и великаго кнзя Михаила Феѡдоровича, всея россiи самодержца и при стѣйшемъ iѡсифѣ патрiархе московскомъ и всея россiи. В костромскомъ оуѣздѣ любимоградскiя осады во обители всемлстиваго спса бголѣпнаго преображенiя и прпбнаго оца нашего генадiя чюдотворца, по блгословенiю великаго гдна, стѣйшаго iѡсифа патрiарха московскаго и всея россiи. Ста древянныи храмъ бголѣпнаго преображенiя разобраша, и начаша строити каменнѹю црковь тогоже бголѣпнаго преображенiя гда бга и спса нашего iиса хрта. при игѹмене тояже стыя обители именемъ филарете. и егда начаша рвы копати, ї ѡбрѣтоша гробъ прпбнаго оца нашего генадiя чюдотворца. егда ѿкрыша гробъ изыде ѿ мощей стго блгоуханiе велiе и видѣвше мощи стаго всѣ цѣлы и нерѹшимы, и никакоже тлѣнiю предашеся. и не токмо мощи стго, но и ризы егѡ.

[1]) По списку № 185 Арх. Спб. Дух. Ак., сборникъ. Изобличенiе на раскольниковъ отъ нѣкоего купца московскаго о исправленiи книжномъ. Полууставъ 17—18 в. л. 186. (Нач. л. 158).

всѣ цѣлы и нерушимы и видѣвше всѝ и возрадовашася, и прославиша бг҃а, и взяша гробъ с мощьми прп҃бнаго оц҃а генадїя чюдотворца, и внесоша его в цр҃квь ст҃аго праведнаго алеѯѣя чл҃вка б҃жїа. и поставиша его ту, и стояше ту гробъ с мощьми прп҃бнаго генадїя полтретїя года и болши, дондеже построиши каменную цр҃квь, бг҃олѣпнаго преѡбраженїя гд҃а бг҃а и сп҃а нашего іи҃са хр҃та, и совершиша ту каменную цр҃ковь, в лѣто ҂зрне годꙋ, мц҃а ноемрїа в к҃г дн҃ь. при державѣ бл҃гочестивѣишаго гд҃ря цр҃я и великаго кн҃зя алеѯїа михаиловича всеа россїи самодержца. ї ѡст҃иша ту новосозданную каменную цр҃ковь. и по бл҃гословенїю великаго гд҃на ст҃ѣишаго їѡсифа патрїарха московскаго и всеа россїи и егда ост҃иша ту новосозданную цр҃ковь. и взяша гробъ с мощьми прп҃бнаго оц҃а генадїа чюдотворца ис цр҃кви ст҃го праведнаго алеѯїа чл҃вка б҃жїа. и внесоша егѡ в новосозданную каменную цр҃ковь, бг҃олѣпнаго преображенїя гд҃а бг҃а и сп҃са нш҃его їи҃са хр҃та. и поставиша его на оуготованнѣмъ мѣстѣ, противъ праваго клироса, в предѣлѣ бл҃говѣщенїа прест҃ыя бц҃ы в стѣне, ідѣже нн҃ѣ стоитъ, и всѣми зрится и бываютъ ѿ гроба егѡ многїа чюдеса і исцѣленїя с вѣрою приходящимъ ко гробу прп҃бнаго оц҃а нш҃его генадїа чюдотворца. и оуставився сеи праздникъ праздноватися, обрѣтенїе честныхъ мощей прп҃бнаго оц҃а нашего генадїа костромскаго и любимо градскаго чюдотворца, мц҃а августа в ѳі дн҃ь. на памят ст҃аго мч҃ника, андреа стратилата а по преставленїи его минувши † 1565 г. п҃ лѣт. А сеи прп҃бныи оц҃ъ нш҃ъ генадїи, имѣя рожденїе и воспитанїе литовскїа земли града могилева, ѿ благочестивыхъ родителеи сн҃ъ, оц҃а іменем іолина, матери же елены і нареченъ бы҃ во ст҃омъ крещенїи григорїи. младъ сыи пострижеся, во области града вологды во обители введенїя прс҃тыя бц҃ы ѿ прп҃бнаго оц҃а корнилїа комелскаго. и нареченъ бысть в мѣсто григѡрїа генадїимъ. бѣ ст҃ыи генадїи власами русъ, брадою черненъ. лѣты среднїи и преставися ко гд҃у, в вѣчныи покои, егоже измлада возлюби.

Списки житія препод. Геннадія Костромского довольно многочисленны, изъ двадцати четырехъ, просмотрѣнныхъ мною, одиннадцать находятся въ Москвѣ (Рум. муз. №№ 583, 910, 1153; Син. № 929; Милют. ч.-м.; Истор. муз. №№ 1211, 1456, 1627, 1028; Об. Ист. и Древ. Рос. №№ 42, 466), остальные въ Петербургѣ (Имп. публ. библ. собр. Погодина №№ 708, 709, 710; собр. А. А. Тит. №№ 1015, 1016, 1030, 928, № А. 1. 929; № А. 1. 1.391; Имп. Акад. Наукъ № 21. 62. № 13. 5. 11; Арх. Спб. Дух. Ак. №№ 185, 280). Мнѣ остались недоступными списки, находящіеся въ собраніи Е. В. Барсова, Тр.-Серг. лавры и Сп.-Ген. монастыря. Въ № 178 собр. Хлудова находится только краткое упоминаніе о преп. Геннадіи [1]).

По времени написанія большинство списковъ относится къ концу XVII и началу XVIII вв., наиболѣе ранній списокъ, послѣдней четверти XVI в., помѣщенъ въ прологѣ (Ак. Н. №№ 21. 6. 2), болѣе близкіе къ нему по языку и мелкимъ подробностямъ житія Милют. ч.-м., Моск. синод. № 929 и Имп. П. Б. № 708 собр. Погодина, послѣдній является тожественнымъ въ текстѣ житія списку Ак. Н. (наиболѣе раннему), но содержитъ большее количество статей, почему его и положили въ основу печатаемаго текста. По составу статей наименѣе полны, не считая сокращеннаго списка Ак. Н. (13. 5. 11), проложное житіе, Милют. ч.-м.; въ нихъ находится только житіе преподобнаго, поученіе его и нѣсколько чудесъ; въ другихъ спискахъ присоединена служба святому (Рум. м. №№ 910, 1153; Сим. м. № 929; Ист. муз. №№ 1211, 1627, 1028;

---

[1]) «Генадіи сн҃ъ бѣ великаго пана литовскїѧ земли юнъ сыи прїиде в московскꙋю землю пострижникъ бы҃ корнилїемъ комельскимъ с нимъ же корниліи ѻ҃шедъ ѿ своѧ обители ѯ҃ поприщь и состави обитель в пꙋстыни в костромскомъ ꙋѣздѣ и в неи игꙋменомъ повелѣ сеи генадию быти еще в лѣто ҂з҃лг» (Собр. Хлуд. № 178, л. 91).

Об. Ист. Д. Р. №№ 42, 466; Имп. П. Б. собр. Пог. №№ 708, 709, 710; собр. А. А. Тит. №№ 1015 а, 1, 1391; Арх. Спб. Дух. Ак. № 185), сказаніе игумена Алексѣя, предисловіе житію и большее количество чудесъ; въ болѣе позднихъ спискахъ (Рум. м. №№ 910, 1153; Истор. муз. №№ 1211, 1627, 1028; Об. Ист. и Др. Рос. № 466; Имп. П. Б. №№ 709, 710; собр. А. А. Тит. №№ 1015, 1016, а 1, 1391; Арх. Спб. Дух. Ак. №№ 185, 270); сюда входитъ еще повѣсть объ обрѣтеніи мощей и иногда молитва преподобному.

Составлено житіе, какъ то видно изъ его заглавія, игуменомъ Спасо-Ген. обители, Алексѣемъ (около 1584 г. Строевъ, списокъ іерарх.), ученикомъ преподобнаго. Считать же составителемъ житія какое-либо другое лицо, опираясь на указанія въ чудесахъ, что житіе «списано бысть» по обѣту за исцѣленіе, нельзя, такъ какъ нѣтъ никакой разницы ни въ порядкѣ, ни въ содержаніи фактовъ, только въ нѣкоторыхъ спискахъ опущено вступленіе къ житію.

Годъ составленія житія точно установить невозможно, но опираясь на слова сказанія иг. Алексѣя, въ которыхъ онъ проситъ отвезти его трудъ въ Москву для одобренія царю Ѳеодору Ивановичу и митрополиту Діонисію, его можно отнести ко времени 1584—1587 г. (Ключевскій. Жит. свят.), м. Филаретъ (жит. св., январь) относитъ годъ написанія житія къ 1585 г.

Біографическія данныя и подробности жизни святаго можно отчасти возстановить по тексту житія, сказанію игум. Алексѣя, повѣсти объ обрѣтеніи мощей, первымъ чудесамъ и предисловію къ чудесамъ. Точныя указанія о мѣстѣ рожденія святаго находятся въ повѣсти объ обрѣтеніи мощей: «литовскія земли града Могилева», въ житіи же сказано: «единороденъ сынъ нѣкоего великаго пана именемъ Ивана, знатна и богата, и матере Елены». Годъ рожденія преподобнаго неизвѣстенъ, но можетъ быть отнесенъ къ 20-мъ годамъ XVI в. по слѣдующимъ соображеніямъ: пр. Геннадій явился отрокомъ въ пустыню св. Александра Свирскаго († 1533 г. Амвросій. Ист. рос. іерарх.) проситъ постриженія, значитъ ему было въ то время не болѣе четырнадцати лѣтъ; предполагая даже, что это произошло въ годъ смерти св. Александра, рожденіе пр. Геннадія нельзя отнести позже 1519 г.

Въ житіи преподобнаго разсказано о его раннемъ благочестіи, пребываніи «въ крылѣ церковнѣ», уходъ изъ дому, лишеніяхъ, исканіяхъ, удовлетвореніе своимъ благочестивымъ стремленіямъ въ московскихъ обителяхъ и новгородскихъ «честныхъ лаврахъ» (точныхъ указаній нѣтъ), нахожденіи друга Ѳеодора. Но неимѣніе-ли вклада для постриженія въ богатыхъ монастыряхъ, или самый строй ихъ жизни не привлекли юношей; только мы видимъ ихъ просящими постриженія уже въ пустынѣ св. Александра Свирскаго (1508—† 1533. Строевъ. Спис. іерарх.), который отправляетъ ихъ къ пр. Корнилію комельскому († 1538. Строевъ. Списокъ іерарх.) подъ предлогомъ, что «въ нашей пустынѣ лѣпотнымъ отрочатомъ невмѣстимо пребывати». Пр. Корнилій принимаетъ только Геннадія, другу же его, Ѳеодору, подтвердивъ предсказаніе пр. Александра Свирскаго о мірскомъ житіи, отказываетъ въ постриженіи. Труды и подвиги пр. Геннадія, до постриженія носившаго имя Григорія, вызвали ропотъ братіи сперва на него, а затѣмъ и на самого Корнилія, который, «предавъ мѣсто гнѣву», удалися со своимъ ученикомъ «въ костромскіе предѣлы на дикій лѣсъ на сурское озеро и отъ обители шестьдесятъ поприщъ». Подобныя недовольства игуменами, завершающіяся уходомъ послѣднихъ, были не рѣдки въ томъ вѣкѣ, какъ это видно изъ житія пр. Трифона Вятскаго и Ѳеодорита (Знаменскій. Ист. рус. церкви, стр. 127—8).

Въ 1529 г. вел. кн. Василій Ивановичъ съ вел. кн. Еленою посѣтили пустыню пр. Корнилія по дорогѣ въ Кирилловъ монастырь, куда шли молиться о дарованіи имъ наслѣдника. Великій князь «зѣло оскорбился на чернецовъ» за уходъ преподобнаго, послалъ за нимъ своихъ слугъ и велѣлъ ему оставаться «въ первомъ своемъ начинаніи», а отходною пустынею благословить ученика по своему выбору. Преподобный благословляетъ ею ученика своего, Геннадія,по тексту житія [1]).

[1]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ брош. Корнил.-Комел. монаст. вологодск. епарх. 1890 г. разсказывается, что въ 1538 г. пр. Геннадій просилъ благословеніе жить ему въ Сурской пустынѣ, но св. Корнилій отвѣтилъ: «не можешь мѣста того строити будучи безграмотенъ», впослѣдствіи согласился и предсказалъ прославленіе пустыни.

Въ своей пустыни преп. Геннадій строитъ храмъ во имя св. Преображенія «по государеву жалованью», въ 1529 г. вел. кн. Василій Іоанновичъ пожаловалъ на сурскую пустынь ругу хлѣбную (Слов. историч. о свят.); украшаетъ ее книгами и «всякою лѣпотою церковною», а вскорѣ воздѣлаетъ и другую теплую церковь во имя св. Сергія Радонежскаго. Послѣдняя часть житія разсказываетъ труды и благочестивые подвиги преподобнаго. Изъ предисловія житію и чудесамъ пр. Геннадія узнаемъ, что вел. кн. Иванъ Васильевичъ съ вел. княгинею Анастасіей «повелѣваше ему своя дѣти крестити въ божественной купели»; извѣстно это было отъ старца Антонія, обѣщника Іосифовой лавры, бывшаго слуги бояръ Воронцовыхъ. У Звѣринскаго (Матер. по ист. монастырей) указано, что пр. Геннадій былъ крестнымъ отцемъ царевны Анны въ 1549 г., подтвержденіе этому извѣстію встрѣчаемъ и въ Никоновской лѣтописи «а крестилъ еа (царевну Анну) старецъ Андріанъ... да старецъ Генадій Сарарайскіе пустыни (вар. Корниліевъ ученикъ)» (П. С. Р. Л. 13, I, стр. 158).

Дальше разсказывается предсказаніе преподобнаго боярынямъ о рожденіи дѣтей въ награду за благочестивую жизнь. Предсказаніе это произошло въ церкви, въ Москвѣ «идеже предстояще царскіе слуги, боярскія жены и княжіе», куда во время богослуженія вошла «нѣкая нищета, убогая жена имѣя у себя плачуще чадо въ пазусѣ, а иныхъ за руцѣ водяще». Боярыни, желающіе имѣть дѣтей, вздыхали, глядя на нее, и говорили: «тѣмъ нищетамъ убогимъ Богъ даетъ чада, а прокормити ихъ нечѣмъ, а намъ царскимъ жалованьемъ вмѣстимо чада кормити и удобрити, а за наше согрѣшеніе Богъ не даетъ намъ чада ражати». Пр. Геннадій утѣшилъ ихъ пророчествомъ объ исполненіи ихъ желанія. И оно дѣйствительно исполнилось на многихъ «княгинямъ и женомъ и въ палатѣ живущимъ у царицы Анастасѣи въ добродѣтельной державѣ».

Кромѣ вышеупомянутаго предсказанія, записано еще три чуда, совершенныхъ преподобнымъ при жизни. Записаны они, должно быть, тѣмъ же инокомъ Алексѣемъ (впослѣдствіи, можетъ быть, составителемъ житія), который упоминается въ числѣ спутниковъ преподобнаго къ епископу пермскому и вологодскому Кипріяну.

Первое чудо—предсказаніе преп. Геннадія дочери боярыни, Ульяны Федоровны Романовой, Анастасіи о ея будущей судьбѣ и хорошія отношенія, существовавшія между преподобнымъ и названной семьей «удоволихъ старца потребами и не во единъ годъ», объясняютъ то уваженіе, съ какимъ относилась къ его обители царица Анастасія и семейство Романовыхъ, особенно по исполненіи предсказанія. Крещеніе царевны Анны пр. Геннадіемъ было однимъ изъ послѣдствій этихъ отношеній, другимъ — жалованныя и несудимыя грамоты царя Ивана Васильевича Сурской пустыни.

Второе чудо—исцѣленіе кн. Бориса Палецкаго [1]) по молитвамъ пр. Геннадія интересно враждебнымъ отношеніемъ духовника князя, попа Василія къ святому. Наказанный за это смертью жены попъ Василій просилъ прощенія у пр. Геннадія, принялъ у него постриженіе съ именемъ Варлаама и впослѣдствіи игуменствовалъ въ Костромѣ въ лаврѣ Богоявленія, такъ разсказываетъ житіе, но у Строева въ спискахъ игуменовъ упоминанія о Варлаамѣ нѣтъ.

Чудо—исцѣленіе епископа Кипріана вологодскаго и великопермскаго и предсказаніе пр. Геннадіемъ его кончины можно отнести ко времени около 1554 г., такъ какъ оно произошло за пять лѣтъ до кончины епископа. Еп. Кипріанъ, одинъ изъ участниковъ стоглаваго собора, бывшій игуменъ московскаго Богоявленскаго монастыря (Бочкаревъ. Стоглавъ. Ист. собора 1551 г., стр. 12, гл. IV, стр. 25) хорошо зналъ и «держащу вѣру въ домъ преображенія Спасова, также любовь духовную имѣя ко старцу Геннадію». Во всѣхъ этихъ чудесахъ тщательно отмѣчается количество даровъ, полученныхъ пустынею; самый значительный даръ—колоколъ въ пятьдесятъ рублевъ былъ данъ кн. Борисомъ Палецкимъ.

Предсмертное поученіе пр. Геннадія, записанное должно быть ученикомъ его Алексѣемъ, такъ какъ самъ предобный «грамотѣ не умѣяше» (см. № 929, подлинникъ), предназначается игумену Ипатской обители Вассіану, жившему 1558—66 (Строевъ. Спис. наст. мон.), «нашея паствы строителю Іосифу» и всей братіи. Первыя

[1]) Вѣроятно кн. Борисъ Ивановичъ Палецкій (П. С. Р. Л., III, 149, VIII, 294). Кн. Борисъ Ивановичъ Палецкій, бояринъ кн. Старицкаго наказанъ торговою казнью въ 1538 г.

фразы поэтичны и картинны: «уже ми есть день при вечери и сѣкира при корени»; но особыхъ идеаловъ это поученіе не указываетъ. Его главная забота утвердить въ монахахъ общежительныя правила, хозяйственную заботливость, послушаніе монастырскому начальству и повиновеніе свѣтской власти: «царя православнаго почитайте... яко богъ земный». Нравственныя правила самыя общія; замѣтна забота о крестьянахъ: «хрестіанъ насильствомъ не обидѣти», и «такоже и ложныхъ словесъ на христіянъ игумену или старцемъ не износити», а также пр. Геннадій обращаетъ вниманіе на книжное почитаніе: «имѣйте у себя въ дому Спасовѣ нашего стяженія книжекъ отчасти подобно братія вамъ въ нихъ вницати и умъ прилагати къ вѣданію разума»; послѣднее замѣчаніе особенно интересно, такъ какъ самъ преподобный не былъ грамотенъ. Въ концѣ поученія отмѣчается годъ смерти преподобнаго. 1565. Но, очевидно, монахи были мало воспріимчивы къ добрымъ наставленіямъ своего пастыря, такъ какъ уже слѣдующій игуменъ, Алексѣй, составитель житія, долженъ былъ уйти изъ обители, такъ какъ ему случилось «отъ старецъ и отъ братіи великое оскорбленіе со жестостію». Будучи наказанъ за оставленіе обители болѣзнью, онъ получилъ исцѣленіе только у гроба преподобнаго, вернувшись въ обитель. Чудо записано самимъ иг. Алексѣемъ и, можетъ быть, отнесено къ 1571—2 г., такъ какъ въ немъ упоминается иг. Богоявленія Сильвестръ (Строевъ. Списокъ игум.), у котораго въ Костромѣ жилъ нѣкоторое время ушедшій игуменъ.

Изъ остальныхъ чудесъ любопытны три, изображающіе борьбу монастыря за земельный вкладъ. Первое—объ Иванѣ Лихоревѣ, наказанномъ за отъѣздъ изъ монастыря и отнятіе подаренной вотчины смертью сына. По родословнымъ книгамъ, Ив. Лихоревъ, можетъ быть, отнесенъ къ 20-мъ годамъ XVII в. Второе чудо встрѣчается только въ одномъ спискѣ (№ 708 Имп. публ. библ.), печатаемомъ здѣсь. Оно разсказываетъ о взятіи въ плѣнъ крымскими татарами Григорія, служилаго человѣка боярина Афанасія Федоровича Нагого; его жизни у крымскаго мурзы Викенея (Еникея?), знакомствѣ съ «литвениномъ» паномъ Федоромъ Аврамовымъ (объ Аврамовыхъ см. Рус. Біогр. Слов., т. I, Спб. 96 г., стр. 40),

ихъ совмѣстномъ побѣгѣ въ Польшу къ «кралю» Стефану (1575—1586 г. Бобрж. Ист. Польши). Передъ набѣгомъ Григорій далъ обѣтъ постричься у св. Спаса, но вернувшись и, будучи пожалованъ бояриномъ «доводомъ въ селѣ въ Козельскомъ уѣздѣ», забылъ свое обѣщаніе; за это снова напали татары, взяли его въ плѣнъ, стали истязать, къ сожалѣнію на этомъ мѣстѣ рукопись обрывается. Третье чудо о дворянкѣ Евдокіи Лаптевой встрѣчается только въ болѣе позднихъ спискахъ; оно также имѣетъ темой земельную борьбу. Отмѣчено у проф. Ключевскаго (Ключевскій. Жит. св.).

Въ чудѣ о дьякѣ Черкасѣ интересно, что предметомъ покражи являются уже церковныя книги. Въ другихъ спискахъ во всѣхъ чудесахъ «дьякъ» замѣнено словомъ дьяконъ; имя измѣнено въ «чернецъ».

Въ Милют. ч.-м. послѣднимъ помѣщено чудо о боярскомъ сынѣ Григоріи, «испорченномъ» женою въ черную немощь; нигдѣ больше это чудо не встрѣчается.

Кромѣ списковъ житія, чудесъ, поученія и т. д. въ О. И. Д. Р. подъ № 567 находятся «документы въ копіяхъ, относящіеся до Корниліевой пустыни». Они составляютъ списки съ подлинныхъ пожалованныхъ грамотъ; первая изъ нихъ грамота вел. кн. Ивана Васильевича, пожалованная «строителю Геннадью збратьею» отмѣчаетъ подаренныя обители мѣста и освобождаетъ отъ свѣтскаго суда монастырскихъ крестьянъ. Дана эта грамота вторично по просьбѣ пр. Геннадія, такъ какъ первая «у него грамота згорѣла и осталася у него стое грамоты противень». Грамоты слѣдующихъ царей подтверждаютъ дары Ивана Васильевича. Повѣсть объ обрѣтеніи мощей преподобнаго датирована 1644 г., во дни царя Михаила Федоровича и патріарха Іосифа, при игуменѣ Филаретѣ. Мощи найдены при копаніи рвовъ для новой каменной церкви вмѣсто прежней деревянной. Перенесены они въ новую церковь въ 1647 г. при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ и поставлены открыто въ стѣнѣ въ придѣлѣ Пресв. Богородицы. О времени сокрытія мощей ничего неизвѣстно. Въ концѣ повѣсти упоминается о происхожденіи преп. Геннадія изъ г. Могилева, его постриженіи «во обители Введенія Пр. Богородицы у пр. Корнилія Комельскаго».

О наружности святого сообщается, что онъ «власами русъ, брадою черменъ». Повѣсть объ обрѣтеніи мощей и чудесахъ написаны въ половинѣ XVII в. (Ключ. Жит. св., 336).

Къ № 6 Синод. сб. и № а. 1. 929 Имп. пуб. библ. передъ житіемъ пр. Пахомія Нерехтскаго находится подлинникъ: генварѧ в к҃г дн҃ь памѧть прп҃бнаго ѿца нашего гена̀дїѧ костро̀мска̀го чюдотворца. гена̀дїи пѝшетсѧ лѣ́ты срѐдни, власы̀ русъ брадо̀ю чѐрме̑ брада̀ что оу кузмы бе̑сребрѐника ризы прп҃бническїе и схѝма, е̑сть руце молѐбне бѣ́ бо гена̀дїи грамотѣ неумѐѧше.

М. Іовъ.

Четыре старинныя великорусскія пѣсни Бродокалмацкой слободы Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи.

(Изъ рукописи священника В. Пономарева).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящія пѣсни взяты мною изъ рукописнаго сборника покойнаго священника Бродокалмацкой слободы Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи, Василія Пономарева; пѣсни записаны покойнымъ любителемъ этнографіи въ 1855 году,—я привожу ихъ въ интересахъ лингвистики и этнографіи.

Варіанты всѣхъ четырехъ бродокалмацкихъ пѣсенъ встрѣчаются у П. Шейна (Великоруссъ), но бродокалмацкія пѣсни лучше сохранились, чѣмъ шейновскія: во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться въ старобытности и характерности языка бродокалмацкихъ пѣсенъ.

Характерныя слова и выраженія бродокалмацкихъ пѣсенъ: *взбпльхала* (1 пѣсня), *со ледомъ воды* (2 пѣсня), *бахматъ, теримъ, токо* (если), *окажи* (вмѣсто покажи) *свое бѣло лицо* (3 пѣсня), *медвенная, пловетъ, щепетко* (4 пѣсня). Языкъ бродокалмацкихъ пѣсенъ отчасти схожъ съ языкомъ «Слова о полку Игоревѣ»: 1) «*Ладушка* по сѣничкамъ гуляетъ, жену свою побуживаетъ» (1 пѣсня) срвн. «Жены русьскыя въсплакашася, а рькучи: уже намъ своихъ милыхъ *ладъ* ни мыслію съмыслити, ни думою съдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати («Слово о полку Игоревѣ»); 2) «Стань моя жена, *убудися*, не пора ти спать, пора вставать» (1 пѣсня) срвн. «Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Вьсеволодъ, уже Лжу *убудиста*, которую ту бяше успилъ отецъ ихъ, Святославъ грозьный, великый кыевьскій («Слово о полку Игоревѣ»); 3) «Только ѣздитъ и гуляетъ разудалый добрый молодецъ, свѣтъ Иванъ Ивановичъ, на

своемъ онъ на добромъ конѣ, на своемъ сивомъ бахматѣ; онъ уздицею набрякиваетъ, *команемъ* поворачиваетъ» (3 пѣсня) срвн. «*Комони* ржють за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ («Слово о полку Игоревѣ»).

Поэтическіе образы и картины бродокалмацкихъ пѣсенъ: «золота маковка, шелкова кисточка (1 пѣсня), семишелкова кисточка, семишелковый коверъ, игра во шахматцы» (4 пѣсня) вообще свойственны великорусской поэзіи (о числѣ семь смотри «М. Е. Соколовъ. Старо-русскіе солнечные боги и богини», стр. 24—26).

Герой 3 бродокалмацкой пѣсни, сватая невѣсту, не забываетъ и своего брата: «Токо ты мнѣ поглянешься, поглянешься,—за себя возьму, не поглянешься, нахвалю братцу родимому свѣтъ Василію Ивановичу»; у угроруссовъ точно такъ же невѣста переходитъ отъ одного брата къ другому: «Кедь не будешь моя, будешь братчикова; въ родѣ мусишь быти, фраѣречко моя» (Г. Де-Волланъ. Угрорусскія народныя пѣсни, стр. 145); отмѣчаю схожесть психики бродокалмацкаго парня и угрорусскаго паробка (легиня-шугая), живущихъ на столь отдаленныхъ концахъ единой въ этническомъ отношеніи Руси.

М. Е. Соколовъ.

Село Лысково, Макарьевскаго уѣзда,
Нижегородской губерніи.

10 іюня 1909 года.

Четыре старинныя великорусскія пѣсни Бродокалмацкой слободы Шадринскаго уѣзда Пермской губерніи.

I. Хороводныя пѣсни.

1. Изъ-подъ бору, бору, подъ боромъ.

Изъ-подъ бору, бору, подъ боромъ,
Изъ-подъ лѣсу, лѣсу, подъ лѣсомъ,
Не золота маковка сіяла,
Не шелкова кисточка взбѣльхала!
Свекоръ-то по сѣничкамъ гуляетъ,
Невѣстку-сноху убуживаетъ:
«Невѣстушка, встань, голубка, встань,
Не пора ужъ спать, пора вставать,
Пора въ поле ѣхать, ленъ полоть»!
— «Пора, пора, батюшка, но не съ кѣмъ:
Съ тобой ѣхать,—ты мнѣ не полешъ,
Во ржаной межѣ все пролежишъ,
Меня молодешиньку прожуришъ»!

Изъ-подъ бору, бору, подъ боромъ,
Изъ-подъ лѣсу, лѣсу, подъ лѣсомъ
Не золота маковка сіяла,
Не шелкова кисточка взбѣльхала!
Свекровка по сѣничкамъ гуляетъ,
Невѣстку-сноху убуживаетъ:
«Невѣстушка встань, голубка, встань,
Не пора ужъ спать, пора вставать,
Пора въ поле ѣхать, ленъ полоть»!
— «Пора, пора, матушка, но не съ кѣмъ:
Съ тобой ѣхать,—ты ленъ не полешъ,

Во ржаной межѣ все пролежишъ,
Меня молодешиньку прожуришъ»!

Изъ-подъ бору, бору, подъ боромъ,
Изъ-подъ лѣсу, лѣсу, подъ лѣсомъ
Не золота маковка сіяла,
Не шелкова кисточка взбѣльхала!
Ладушка по сѣничкамъ гуляетъ,
Жену свою побуживаетъ:
«Стань, моя жена, убудися,
Не пора ти спать, пора вставать,
Пора въ поле ѣхать, ленъ полоть»!
— «Пора, пора, ладушка, мнѣ съ тобой!

Примѣчаніе. Срвн. П. Шейнъ. Великоруссъ. Т. I, стр. 548; «Живая Старина». Книжка 65, стр. 72.

2. На горѣ, горѣ.

На горѣ, горѣ 2
Сырой боръ горитъ, 2
Сырой боръ горитъ, 2
Разгорается,— 2
Душа, милый другъ, 2
Разнемогается. 2
Я пойду, дружка попровѣдаю: 2
Не желаетъ-ли другъ 2
Чаю съ сахаромъ? 2
Пожелалъ душа да со ледомъ воды,
Со ледомъ воды 2
Со Дунай рѣки. 2
Во первомъ часу 2 за водой пошла,
Во второмъ часу 2 воду черпала,
Во третьемъ часу на гору взошла;
На гору взошла,
Ко мнѣ вѣсть пришла,
Вѣсть не радостна,

Вѣсть нерадостна, невеселая:
Будьто мой милой переставился,
Переставился, успокоился.

Примѣчаніе. Срвн. П. Шейнъ. Великоруссъ. Т. I, стр. 103—104.

II. Свадебныя пѣсни.

3. Калина, душа малина.

Калина, душа малина,
Черная ягодка смородина
Зеленешинька заломана,
Во пучечечки связана,
По путямъ она разбросана,
По путямъ, по дороженькамъ!
Что по той по дороженькѣ
Никто не ѣздитъ, не гуляетъ;
Только ѣздитъ и гуляетъ
Разудалый добрый молодецъ,
Свѣтъ Иванъ Ивановичъ,
На своемъ онъ на добромъ конѣ,
На своемъ сивомъ бахматѣ;
Онъ уздицею набрякиваетъ,
Команемъ поворачиваетъ,
Выспрашиваетъ путь-дороженьку
Ко тястеву широку двору,
Ко тещиной новой горницѣ,
Ко невѣстину териму:
— «Ты душа моя, душечка,
Душа красная дѣвица,
Ужъ ты выйди на красно крыльцо
Окажи свое бѣло лицо,
Бѣлое личико румянное,
Безъ бѣлилъ лицо бѣлое,
Безъ румянъ щечки алыя!

Токо ты мнѣ поглянешься,
Поглянешься—за себя возьму,
Не поглянешься,—нахвалю братцу родимому,
Свѣтъ Василію Ивановичу».

Примѣчаніе 1. Срвн. П. Шейнъ. Великоруссъ. Т. I, стр. 755.

Примѣчаніе 2. По словамъ покойнаго священника Василія Пономарева, *бахматъ*—хорошій, рѣзвый конь, *токо*—если.

4. Не винна рѣка по сахару текла.

Не винна рѣка по сахару текла:
Протекала рѣчка медвенная;
Что по той было по винной по рѣкѣ
Бодро, щепетко суденышко пловетъ;
На суденышкѣ удалый молодецъ,
Свѣтъ Иванъ Васильевичъ,
Приплываетъ ко крутому бережку,
Ко желту, мелку, разсыпчату песку;
Остановился онъ на желтинькой песокъ,
На крутъ, красенъ бережокъ.
Разоставилъ бѣлъ, полотняный шатеръ,
Приразослалъ семишелковый коверъ.
Приходила красна-дѣвица душа,
Свѣтъ Анна Васильевна:
«Тебѣ—Богъ помочь, удалой молодецъ!
Я пришла къ тебѣ не шатричка смотрѣть,
Я пришла къ тебѣ во шахматцы играть;
Вдвое, втрое я проигрывала,
Проиграла свою русую косу,
Проиграла свою дѣвью красоту
Я со алыми ленточками
Съ семишелковыми кисточками»!

Примѣчаніе. Срвн. П. Шейнъ. Великоруссъ. Т. I, стр. 764.

Сообщилъ и снабдилъ предисловіемъ
М. Е. Соколовъ.

Отъ Вологды до Ульянова монастыря, на дальнемъ сѣверѣ у Зырянъ.

Вологда. Ея прошлое. Каѳедральный и Спасовсеградскій соборы. Свято-Духовъ и Успенскій монастыри. Замѣчательные храмы. Разныя учрежденія. Спасо-Прилуцкій монастырь.

Вологодская губернія занимаетъ огромное пространство на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи. Наибольшее протяженіе губерніи по прямой линіи въ длину 1200 верстъ, въ ширину до 500 верстъ. Населеніе губерніи исчисляется около 1,200,000 душъ обоего пола. Губернскій городъ *Вологда* расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Вологды въ болотистой низинѣ, съ востока на западъ версты на три и съ сѣвера на югъ — на четыре. Поверхность городской площади довольно ровная съ незначительнымъ уклономъ къ рѣкѣ и рѣчкамъ. Даже въ самомъ городѣ замѣтны низины. Окрестности Вологды безлѣсные и усѣяны по мѣстамъ болотами. Самъ по себѣ городъ не представляетъ замѣтныхъ красотъ, лишь лѣтомъ онъ кажется красивымъ вслѣдствіе обилія зелени предъ домами. Улицы въ городѣ довольно правильно расположены; онѣ прямы, широки и длинны. Дома по большей части деревянные. Санитарнымъ состояніемъ Вологда не можетъ похвалиться. Вода въ рѣкѣ Вологдѣ слегка мутноватая съ буровато-желтымъ оттѣнкомъ, вкусъ ея мягкій съ болотистымъ запахомъ; по содержанію органическихъ веществъ относится къ разряду сильно загрязненныхъ водъ. Рѣка Золотуха и прочія Вологодскія рѣченки издавна считаются негодными для питья и едва терпимыми для наружнаго употребленія. Лѣтъ пять тому назадъ въ Вологдѣ устроенъ водопроводъ и жители его пользуются доброкачественною подземною водою.

Вологда очень древній городъ; она современна г. Москвѣ. Наименованіе ея, какъ и г. Москвы, въ первый разъ упоминается въ лѣтописи подъ 1147 годомъ. Въ этомъ году «пріиде преподобный

отецъ Герасимъ отъ богоспасаемаго града Кіева къ Вологдѣ рѣкѣ, еще до зачала града Вологды, на великій лѣсъ, на средній посадъ Воскресенія Христова лѣнивыя площадки малаго торжку». 1147 г. признается годомъ основанія города Вологды. Въ XIII вѣкѣ Вологда значилась въ числѣ новгородскихъ волостей и только въ 1390 г. войска великаго князя Василія Дмитріевича взяли Вологду. Въ 1447 г. Галицкій князь Дмитрій Шемяка свергнулъ съ великокняжескаго престола Василія Темнаго и Вологду далъ ему въ удѣлъ, куда на нѣкоторое время и прибылъ князь, а въ 1462 г. Вологда досталась сыну В. Темнаго Андрею Васильевичу. Вологда издревле считалась торговымъ городомъ, она связывала Москву съ Архангельскомъ, была складочнымъ мѣстомъ товаровъ заграничнаго торга. При учрежденіи опричины царемъ Іоанномъ Васильевичъ Грознымъ городъ былъ зачисленъ въ ряду 20 другихъ въ опричный. Съ 1565 г. царь Іоаннъ Грозный, посѣщая Вологду, начинаетъ украшать городъ каменными зданіями и возводить городскія укрѣпленія. Въ 1708 г. Вологда была причислена къ Архангелогородской губерніи, а съ учрежденіемъ въ 1780 г. Вологодской губерніи Вологда стала губернскимъ городомъ.

Вологда находилась на богомольномъ пути древнихъ царей нашихъ въ Кирилловъ монастырь и была изстари мѣстомъ изгнанія разныхъ лицъ. Такъ въ 1486 г. великій князь Іоаннъ III послѣ взятія Казанскаго царства сослалъ Казанскаго царя Алегама въ Вологду подъ стражу [1]), а потомъ Крымскаго царевича Айдара послѣ сверженія татарскаго ига. Князь Андрей Углецкій съ своими дѣтьми—Іоанномъ и Дмитріемъ съ 1490 года были заключены въ Вологду. Здѣсь находился въ заключеніи съ 1500 до 1506 года князь Константинъ Іоанновичъ Острожскій. Здѣсь же жилъ 20 лѣтъ въ заключеніи графъ Іоаннъ-Эрнестъ Минихъ съ своимъ семействомъ (съ 1743 г.).

Въ древнее время на Вологду неоднократно нападали различные враги. Такъ въ 1612 г. польскіе и литовскіе люди съ черкасами и казаками, внезапно придя въ Вологду, «городъ взяли и

---

[1]) Истор. Россійск. Госуд., т. VI, гл. 4, стр. 115.

людей всѣхъ посѣкли, и церкви Божіи поругали и городъ и посады выжгли до основанія». Въ то время мученически пострадалъ Вологодскій праведникъ Галактіонъ. Донося объ этомъ несчастіи Московскимъ боярамъ и воеводамъ тогдашній Вологодскій архіепископъ Сильвестръ писалъ: «все дѣлалось (въ Вологдѣ) хмѣлемъ: пропили городъ Вологду воеводы».

Вологду часто посѣщали царственныя особы и другія замѣчательныя историческія лица. Такъ великій князь Василій Темный былъ въ 1447 году нѣсколько дней въ своемъ удѣльномъ г. Вологдѣ съ семействомъ и оттуда отправился на богомолье въ Спасокаменный и въ Кирилло-Бѣлозерскій монастыри [1]). Великій князь Іоаннъ III Васильевичъ дважды былъ въ Вологдѣ, когда ему было 7 лѣтъ во время пребыванія здѣсь отца его и во второй разъ въ 1463 г.

Царь Іоаннъ В. Грозный былъ въ Вологдѣ нѣсколько разъ, то проѣздомъ на богомолье въ монастыри, то, какъ говоритъ преданіе, для того чтобы здѣсь построить для себя столицу. Грозный намѣревался обнести городъ Вологду каменной стѣной и для этого заготовлялъ огромные матеріалы. Закладка каменной стѣны происходила 28 апрѣля въ день св. апостоловъ Іасона и Сосипатра въ 1567 г. Вѣроятно, съ этого времени и самый городъ сталъ простой народъ называть *Насономъ* (Іасонъ), что подтверждается старинными народными пѣснями (см. ниже). Каменныя стѣны не были окончены, нынѣ же не осталось отъ нихъ слѣда. Остатки матеріала — извести сохранились на «известной горѣ», гдѣ теперь стоитъ церковь св. Александра Невскаго, что на «извести», а остатки камня были около церкви Ильи пророка «что въ каменьяхъ». Въ 1569 году Грозный повелѣлъ выкопать въ Вологдѣ рѣчки Шогрошъ, Садемку и Золотуху. Тогда же этотъ царь началъ строить въ Вологдѣ каменный соборный храмъ во имя Успенія Богородицы, по образцу Успенскаго Московскаго собора. Близъ собора Іоаннъ В. Грозный хотѣлъ выстроить себѣ каменный дворецъ и хранить въ немъ «царскую казну». Деревянный дворецъ для Грознаго находился близъ нынѣшней Покровской церкви, при немъ домовая церковь во имя Богоотецъ Іоакима и Анны, что «у Государя на сѣняхъ».

[1]) Истор. Госуд. Росс., т. V, стр. 190.

О посѣщеніи и пребываніи царя Іоанна Грознаго въ Вологдѣ существуетъ нѣсколько легендъ.

Такъ въ Вологдѣ сложили слѣдующую пѣсню:

«Что на славной рѣкѣ Вологдѣ.
Во Насонѣ было городѣ,
Гдѣ доселѣ было—Грозный Царь
Основать хотѣлъ престольный градъ,
Для свово-ли для величества
И для царскаго могущества,
Укрѣпилъ стѣной градъ каменной
Со высокими со башнями,
Съ неприступными бойницами.
Посреди онъ града церковь склалъ,
Церковь лѣпую соборную,
Что во имя Божьей Матери,
Ея честнаго Успенія:
Образецъ онъ взялъ съ Московскаго
Со собору, со Успенскаго:
Стѣны града поднималися,
Христіана утѣшалися;
А какъ стали послѣ сводъ сводить,
Туда царь самъ не коснѣлъ ходить,
Надзиралъ онъ надъ наемники,
Чтобъ Божій крѣпче клали храмъ,
Не жалѣли-бъ плинѳы красныя
И той извести горючія.
Когда царь о томъ кручинился,
Въ храмѣ новоемъ похаживалъ,
Какъ изъ своду туповатова
Упадала плинѳа красная,
Попадала ему въ голову,
Во головушку во буйную,
Въ мудру голову во царскую...
Тутъ нашъ грозный царь прогнѣвался
Взволновалась во всѣхъ жилахъ кровь,

Закипѣла молодецка грудь,
Ретиво сердце взъярилося,
Выходилъ изъ храма новаго,
Онъ садился на добра коня,
Уѣзжалъ онъ въ каменну Москву,
Насонъ городъ проклинаючи
И съ рѣкою славной Вологдой.
Отъ того проклятья царскаго
Мать сыра-земля тряхнулася,—
И въ Насонъ-градѣ гористоемъ
Стали блаты быть топучія,
Рѣка быстра славна Вологда
Стала быть водой стоючею,
Водою мутною, вонючею,
И покрылася вся тиною,
Скверной зеленью со плѣснетью»...

Между прочимъ существуетъ такой анекдотъ: когда царь Іоаннъ Грозный былъ въ Вологдѣ, вологжане привели ему въ даръ жеребенка съ серебряными подковами. Іоанну не понравился этотъ подарокъ и онъ сказалъ: это не жеребенокъ, а теленокъ, и велѣлъ Вологжанамъ съѣсть его. Повинуясь повелѣнію Вологжане стали ѣсть жеребенка, но все сомнѣвались: въ самомъ дѣлѣ онъ—не теленокъ-ли? Когда доѣли до подковъ, тогда только узнали, что въ самомъ дѣлѣ былъ жеребенокъ. Съ того времени стали говорить: «Вологжане телятники, жеребенка съ подковами съѣли».

Въ 2 верстахъ отъ г. Вологды есть село *Говорово,* получившее свое названіе будто бы по слѣдующему случаю: въ одну свою поѣздку въ г. Вологду царь Грозный былъ мраченъ и не разговаривалъ съ своими людьми. Когда онъ подъѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь стоитъ это село, царь вдругъ *проговорилъ,* и впослѣдствіи это селеніе получило названіе «*Говорово*».

Около села Кубенскаго (въ 28 вер. отъ г. Вологды) есть церковь Воскресенская, которая будто-бы была дворовою церковью царя I. Грознаго, потомучто здѣсь онъ останавливался, проѣзжая изъ Вологды въ Кирилловъ монастырь.

Императоръ Петръ I Великій былъ въ Вологдѣ пять разъ. Въ одно изъ своихъ посѣщеній г. Вологды царь Петръ былъ съ своею супругою Екатериной Алексѣевной, а въ другое съ сыномъ—царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Великій Преобразователь проѣхалъ почти половину Вологодской губерніи и здѣсь сохранилось много преданій, связанныхъ съ именемъ сего царственнаго путешественника. Путь изъ Москвы въ Вологду лежалъ по такъ называемой большой Московской дорогѣ. Такъ при самомъ въѣздѣ въ предѣлы Вологодской губерніи лежитъ деревня «Чистая Баба» (Грязовецкаго уѣзда). По поводу страннаго названія этой деревни существуетъ такое преданіе: въ одну изъ своихъ поѣздокъ на сѣверъ Россіи (вѣроятно, въ іюлѣ 1693 г.)—императоръ Петръ Великій остановился въ деревнѣ, которая теперь называется «Чистая Баба». Время было очень жаркое. Царь «вспотѣлъ», пожелалъ напиться воды и умыться. Одна женщина, одѣвшись въ чистое платье, подала царю въ чистомъ сосудѣ воду и бѣлое полотенце. Царь сказалъ: «ты чистая (чистоплотная) баба», и съ тѣхъ поръ деревня, гдѣ жила женщина эта, стала называться «Чистая Баба». Квартирою въ Вологдѣ во время пріѣздовъ этого великаго путешественника былъ каменный домъ иностранки, купеческой вдовы Гоутманъ, родомъ изъ Голландіи. «Домикъ Петра Великаго» до сихъ поръ сохранился около церкви Ѳеодора Стратилата. Внутри онъ раздѣляется на двѣ комнаты съ небольшими квадратн. формы окнами. Въ настоящее время этотъ историческій домикъ составляетъ собственность города и въ немъ помѣщается музей. Въ передней большой комнатѣ музея въ витринахъ расположены разныя старинныя монеты, медали, жетоны, бокалы, стопы, а равно иконы, картины, кресты, рукописи, книги, оружія, кольчуги, старинные зырянскіе божки и пр. Между древними предметами обращаетъ на себя вниманіе серебряный, еврейскій сикль (изъ Димитріевской Наволоцкой ц. г. Вологды). На лицевой сторонѣ его надпись еврейскими буквами: «шекель израель» (сикль израильскій), сдѣланная вокругъ вазы безъ ручекъ, подъ вазой числовыя буквы. На оборотной сторонѣ подпись по еврейски: «Іерушалемъ Гаккедоша» (св. Іерусалимъ), обведенная вокругъ стебля линіями изъ гіацинта съ тремя цвѣтками. Этотъ

сикль чеканенъ при Симонѣ Маккавеѣ 138 г. до Р. Хр.; слѣдовательно, ему болѣе 2000 лѣтъ. Въ другой малой комнаткѣ предметы старины и модели жилищъ промысловыхъ и охотничьихъ снарядовъ зырянъ Вологодской губерніи. Домикъ окруженъ скверомъ. Здѣсь старинная Вологодская пушка, било въ видѣ колокола, двѣ старинныя маленькія корабельныя пушки на лафетахъ. При Петрѣ I въ Вологдѣ цѣлыя улицы занимались пряденіемъ канатовъ, даже существовала особая канатная фабрика. По указу Петра I 150 вологодскихъ прядильщиковъ были выписаны на Петербургскій канатный дворъ.

Отмѣтимъ и то, что въ октябрѣ 1824 г. посѣтилъ Вологду Императоръ Александръ Благословенный и останавливался на берегу р. Вологды въ домѣ купца Витушенникова (что нынѣ домъ Вологодскаго губернскаго земства). Въ іюнѣ 1858 г. былъ въ Вологдѣ Императоръ Александръ II, Освободитель.

Вологда весьма богата церковными памятниками. Обиліе церквей въ Вологдѣ объясняется какъ религіознымъ настроеніемъ, такъ и матеріальнымъ благосостояніемъ прежнихъ ея жителей. Первое мѣсто между ними по древности постройки и по важности строителя принадлежитъ лѣтнему *Каѳедральному Софійскому собору*. Онъ строенъ въ 1568—1570 годахъ по повелѣнію и подъ личнымъ наблюденіемъ царя Іоанна Грознаго, во время трехлѣтняго пребыванія его въ Вологдѣ. Съ великою заботливостію производилась постройка этого храма: днемъ все построенное закрывалось на ночь лубками для предохраненія отъ сырости и другихъ воздушныхъ вліяній. По извѣстію вологодскаго лѣтописца, по окончаніи постройки царь Іоаннъ В. вошелъ въ соборъ, и вдругъ что-то оторвалось отъ свода и упало на голову царю [1]). Грозный государь разгнѣвался, приказалъ было ломать церковь, и едва склонился на милость. Софійскій соборъ построенъ по образцу Московскаго Успенскаго собора. Главный корпусъ зданія представляетъ параллелограммъ, длиною 13, шириною 12 саженъ, увѣнчанный пятью огромными главами. Своды храма поддерживаются четырьмя столбами.

---

[1]) См. вышеприведенную народную пѣсню.

Соборъ освѣщается узкими, длинными окнами въ главахъ и въ стѣнахъ въ два свѣта. Алтарь выдается тремя полукружіями, между которыми по краямъ помѣщены четыре круглыя полуколонны. Вышина собора отъ пола до свода главнаго фонаря, на который опирается средняя глава собора, 18 саженъ. Хотя соборъ внутри былъ поновляемъ, но, по возможности, сохранены въ немъ всѣ особенности прежняго украшенія и письма. Нынѣшній пятиярусный иконостасъ собора устроенъ около 1744 г. Иконы трехъ верхнихъ ярусовъ современны построенію иконостаса и писаны, по преданію, греческимъ иконописцемъ, сосланнымъ въ Вологду; во второмъ ярусѣ иконы письма Устюжской школы. Въ нижнемъ ярусѣ много иконъ весьма древнихъ. Иконописаніе на стѣнахъ собора произведено въ 1686—1688 гг. Одно мѣдное паникадило въ 28 пудовъ составляетъ даръ собору царя Михаила Ѳеодоровича. По стѣнамъ собора погребены въ каменныхъ склепахъ 13 Вологодскихъ архіереевъ; между ними почивающіе подъ спудомъ святители Антоній съ самаго погребенія 26 октября 1588 года и Пименъ Савеловъ мѣстно почитаются святыми. Изъ погребенныхъ здѣсь епископъ Вологодскій Павелъ (1725 г.) былъ духовникомъ императора Петра I и крестнымъ отцомъ императрицы Елизаветы Петровны. Теплый Воскресенскій соборъ построенъ въ 1772—1776 гг. въ Итальянскомъ стилѣ съ красивымъ отлогимъ куполомъ. Существующій въ немъ иконостасъ сдѣланъ въ 1833 году. Изъ иконъ въ соборѣ замѣчательна глубоко-чтимая въ городѣ чудотворная икона Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ Радость, прославленная въ 1766 году; образъ Св. Троицы съ зырянскою надписью. Копія съ древне-зырянской надписи на сей иконѣ, составленная членомъ-корреспондентомъ Академіи наукъ Як. Фризомъ, напечатана въ 17 т. актовъ Академіи наукъ. Зырянская подпись на иконѣ, вѣроятно, остатокъ того древняго письма, которое ввелъ между зырянами св. Стефанъ Пермскій, и самая эта икона по преданію написана симъ просвѣтителемъ зырянъ, она была отыскана въ 1788 году академикомъ Фризомъ въ Троицкой Вожемской церкви Яренскаго уѣзда. Въ соборѣ хранится нѣсколько напрестольныхъ крестовъ и другихъ священныхъ предметовъ съ частицами святыхъ мощей. Въ соборной

ризницѣ есть нѣсколько драгоцѣнныхъ панагій, покрововъ и плащаница—даръ Строгановыхъ. Около собора много каменныхъ зданій; такъ между соборами отдѣльно возвышается въ 35 саженъ каменная колокольня, архіерейскій домъ, обнесенный высокими каменными стѣнами съ башенками и бойницами, которыя строены въ 1671—1675 годахъ, архіерейскій домъ представляетъ прекрасное зданіе въ стилѣ архитектуры Елизаветинскаго времени. Въ старинномъ архіерейскомъ саду возвышается гора, обсаженная по верху и бокамъ разными деревьями. По одному преданію, эта гора—остатокъ древняго крѣпостнаго вала, ограждавшаго каѳедральный соборъ отъ нападенія непріятелей; по другому же преданію, она сдѣлана изъ земли, вынутой изъ находящихся здѣсь прудовъ для украшенія сада.

Вологда славится еще другимъ (не каѳедральнымъ) *Спасо-Всеградскимъ соборомъ* или церковью Спаса Обыденнаго. Первоначально на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается каменная Спасо-Всеградская церковь, была построена деревянная однодневно въ 1655 г. при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ по случаю свирѣпствовавшей въ Вологдѣ страшной моровой язвы 18 октября въ день памяти св. евангелиста Луки. Въ глубокую ночь подъ этотъ день благочестивые граждане и окрестные жители построили этотъ храмъ, и со времени построенія храма болѣзнь потеряла свою силу и прекратилась. Нынѣшній Спасо-Всеградскій соборъ строенъ въ 1688—1698 гг., позже сдѣланы еще боковыя пристройки. Въ настоящее время въ устройствѣ Вологодскаго Спасо-Всеградскаго собора мало осталось старины. Только фасадъ и колокольня носятъ слѣды древней архитектуры. Однако этотъ величественный и помѣстительный храмъ могъ-бы быть украшеніемъ и нашихъ столицъ. Главною достопримѣчательностію и особою святынею собора является «чудотворная икона Всемилостиваго Спаса». Эта св. икона написана въ 1655 г. на четвертый день по построеніи Спасообыденной церкви, на 23 октября благочестивымъ иконописцемъ *обыденно* въ обѣтную церковь Всемилостиваго Спаса. Лѣтопись иконы вычеканена на самомъ образѣ. 18 октября день созданія обыденнаго храма—Вологжане особенно чтутъ, это великій въ Вологдѣ праздникъ, какъ у Костромичей 14 марта въ честь Ѳеодоровской иконы Божіей Матери.

Послѣ всенощной на 18 октября предъ образомъ Всемилостиваго Спаса въ Всеградскомъ соборѣ всю ночь непрерывно совершаются молебны священниками г. Вологды и пріѣзжими въ присутствіи массы молящихся.

Въ Вологдѣ *два монастыря: мужской Свято-духовскій и женскій Успенскій горній.* Первый основанъ въ первой половинѣ XVII столѣтія на мѣстѣ благочестивыхъ подвиговъ преп. Галактіона, Вологодскаго чудотворца. Галактіонъ или въ мірѣ Гавріилъ былъ сынъ боярина князя Ивана Бѣльскаго, казненнаго царемъ Грознымъ. Нынѣшній каменный Свято-духовскій храмъ построенъ въ 1654 г. Мощи св. Галактіона почиваютъ въ монастырѣ подъ спудомъ; при его ракѣ хранится шапка сего угодника изъ двухъ желѣзныхъ полосъ, крестообразно сложенныхъ, съ обручемъ вокругъ головы, желѣзныя вериги. Здѣсь покоятся останки св. благовѣрнаго князя Іосифа Каменскаго. Въ монастырской ризницѣ хранится собраніе рѣзныхъ образовъ, складней и крестиковъ «глубокой древности», по выраженію М. П. Погодина, разсматривавшаго ихъ въ 1841 г.

Кромѣ соборовъ и монастырей въ Вологдѣ красуется болѣе 50 церквей, изъ коихъ нѣкоторыя замѣчательны по своей архитектурѣ, древности и святынѣ. Такъ, церковь Воскресенія Христова на лѣнивой площади по времени своего первоначальнаго основанія древнѣе всѣхъ Вологодскихъ церквей. Когда въ 1147 году преп. Герасимъ Вологодскій пришелъ изъ Кіевскихъ предѣловъ на Вологду, то нашелъ здѣсь среди дремучаго лѣса церковь Воскресенія Христова. Со времени перенесенія епископской каѳедры изъ Усть-выми (нынѣ село въ Яренскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи) въ Вологду эта церковь была каѳедральнымъ соборомъ, въ ней погребались Вологодскіе архіереи. Нынѣшняя каменная Воскресенская церковь построена въ 1762 г. При входѣ въ холодную Воскресенскую церковь взоръ богомольца поражается величественнымъ, въ 10 саженъ высотой, семиярусным иконостасомъ, сплошь вызолоченнымъ и покрытымъ роскошною рѣзьбой, въ итальянскомъ вкусѣ. Неподалеку отъ Воскресенской находится церковь Живоначальныя Троицы на Кайсаровомъ ручьѣ; построена въ 1717 году. Здѣсь былъ мужской монастырь, основанный въ 1147 году преподобнымъ Герасимомъ,

Вологодскимъ, который здѣсь и погребенъ. Въ томъ же участкѣ г. Вологды находится старинная Царе-Константиновская церковь. Первоначально она называлась церковью Димитрія Прилуцкаго и основана по слѣдующему случаю. Въ 1503 г. великій князь Іоаннъ Васильевичъ III, предпринимая походъ на Казань, по особенному откровенію вытребовалъ изъ Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря икону преп. Дмитрія Прилуцкаго, писанную преп. Діонисіемъ Глушицкимъ, которая и сопутствовала ему въ походѣ. Въ благодарность за побѣду, которую великій князь приписывалъ молитвамъ и заступленію преп. Димитрія, Іоаннъ Васильевичъ, украсивъ эту икону золотомъ и серебромъ возвратилъ ее въ Вологду, гдѣ икона торжественно была встрѣчена 3 іюня и съ крестнымъ ходомъ препровождена въ Спасо-Прилуцкій монастырь. Въ память этого событія благочестивые граждане Вологды на мѣстѣ встрѣчи иконы построили церковь во имя преп. Димитрія Прилуцкаго; великій князь повелѣлъ ежегодно 3 іюня праздновать въ честь преп. Димитрія Прилуцкаго и совершать крестный ходъ изъ Вологды въ Спасо-Прилуцкій монастырь, который и доселѣ свято совершается. Нынѣшняя каменная Царе-Константиновская церковь построена въ XVII столѣтіи. Въ верхней холодной церкви замѣчателенъ предъалтарный пятиярусный иконостасъ соборовъ Московскаго Успенскаго и Новгородскаго Софійскаго. Есть здѣсь много замѣчательныхъ иконъ въ археологическомъ отношеніи, напримѣръ икона Господа Вседержителя съ молящимися, она современна Спасовсеградской иконѣ; икона преп. Димитрія Прилуцкаго — начала XVI в.— (копія Спасо-прилуцкой). Близъ С.-Петербургской и Дворянской улицъ замѣчательна по древности церковь Владимірской Богоматери, состоящая изъ трехъ отдѣльныхъ зданій — двухъ церквей и колокольни. Теплая Гавріило-Архангельская церковь и колокольня строены въ 1685 — 1697 г. Во Владимірской церкви есть нѣсколько иконъ не позднѣе XV вѣка, наприм. Всемилостиваго Спаса съ припадающими къ Нему чудотворцами; храмовая Владимірская икона Божіей Матери— побѣды надъ Темиръ-Аксакомъ (Тамерланомъ). На колокольнѣ колоколъ отъ 1685 г. въ 200 пуд. литый въ Любекѣ. На правомъ нагорномъ берегу рѣки Вологды въ 1 участкѣ близъ «Домика

Петра Великаго» стоитъ небольшая каменная церковь во имя великомученика Ѳеодора Стратилата. Храмъ украшенъ стѣнною иконописью и прекраснымъ иконостасомъ золоченымъ чрезъ огонь. Теплый храмъ во имя мученика Іоанна Воина—древней архитектуры приблизительно половины XVII вѣка. Колокольня древне-греческаго стиля. Въ иконостасѣ есть иконы очень древняго письма. Въ настоящее время въ этомъ памятникѣ древней архитектуры рѣдко совершается богослуженіе. Эта церковь приписана къ сосѣдней Кирилло-Рощенской церкви. Въ память дня ангела царя Іоанна Грознаго построена церковь св. Іоанна Предтечи, что въ Рощеньи, неподалеку отъ Всеградскаго собора. Нынѣшняя каменная Предтеченская церковь построена около 1710 года. Въ этомъ храмѣ сохранилась древняя стѣнопись, которая отчасти записана. Въ настоящее время живопись эта реставрирована московскимъ спеціалистомъ по реставраціи М. О. Чириковымъ. Предалтарный иконастасъ въ холодной церкви одного времени съ построеніемъ ея. Въ Предтеченскомъ храмѣ очень много иконъ древняго письма, здѣсь же хранится отъ 1718 года четырехконечный воздвизальный серебряный крестъ съ 260 частицами святыхъ мощей и другихъ святынь. Это самое большое собраніе частицъ св. мощей въ Вологодской епархіи. На лѣвомъ берегу р. Вологды въ 3 части замѣчательна по своей древности, по наружному величію и благолѣпію церковь св. Іоанна Предтечи, что въ Дюдиковой пустынѣ. Въ древность она именовалась —«монастырь Дюдикова пустыня». Неизвѣстно, когда онъ былъ основанъ. Въ началѣ XVII столѣтія онъ былъ разоренъ поляколитовцами, братія его удалилась въ Московскіе предѣлы и основала въ 15 верстахъ отъ Москвы Николаевскій Угрѣшскій монастырь, а церковь обращена въ приходскую. Холодная каменная Іоанно-Предтеченская церковь построена около 1653 г.; по архитектурѣ схожа съ Софійскимъ соборомъ. Въ пятиярусномъ иконостасѣ много старинныхъ иконъ, напр. храмовой образъ Іоанна Предтечи, писанный преп. Діонисіемъ Глушицкимъ. На иконѣ Предтеча написанъ въ срединѣ, а по краямъ иконы въ 16 клеймахъ представлены событія изъ жизни его и чудеса по смерти. Другой мѣстный старинный образъ—Сошествіе Спасителя во адъ съ нѣкоторыми особен-

ностями въ изображеніи этого событія; образъ Господа Вседержителя и пр. Теплая церковь въ Дюдиковой пустынѣ во имя Знаменія Божіей Матери устроена первоначально по случаю явленія 2 сентября 1570 года во время морового повѣтрія въ Вологдѣ чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери. При церкви хранится объ этомъ явленіи старинная рукопись. Икона только 5 верш. вышины и $3^1/_4$ вершка ширины притомъ она раздѣлена на двѣ части, въ верхней написанъ образъ Знаменія Божіей Матери, а въ нижней архангелы Михаилъ и Гавріилъ, св. Николай Чудотворецъ, великомученикъ Георгій, мученица Параскева, великомученики Никита и Варвара. Икона сохранилась довольно хорошо. Изъ Вологодскихъ церквей еще замѣчательны по архитектурѣ и по древности Іоанно-Богословская, Срѣтенская и Георгіевская, построенныя въ XVII ст.

Въ нѣкоторыхъ церквахъ сохранились замѣчательныя, древнія и чудотворныя иконы, наприм. въ Покровской Козленской церкви чудотворная икона Божіей Матери «Неопалимая купина», чудотворной она считается съ начала XVIII вѣка. При этой церкви хранится составленный въ земской избѣ общественный приговоръ объ отпускѣ денегъ на деревянное масло изъ общихъ суммъ города для неугасимой лампады. Явленная чудотворная Казанская икона Божіей Матери въ Николаевской Глинковской церкви, въ Николаевской Золотокрестенской церкви чудотворная икона св. Николая Чудотворца, написанная преп. Діонисіемъ Глушицкимъ, въ Николаевской Сѣнноплощадской ц. икона Димитрія Прилуцкаго, написанная тѣмъ же св. иконописцемъ. Одною изъ самыхъ чтимыхъ Вологодскихъ святынь является чудотворная икона Божіей Матери «всѣхъ скорбящихъ Радость» въ Скорбященской церкви при Вологодскомъ тюремномъ замкѣ. Эта икона принадлежала благовѣрному князю Іоанну Андреевичу, въ монашествѣ Игнатію, Вологодскому чудотворцу, мощи котораго подъ спудомъ почиваютъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ (въ 5 вер. отъ Вологды, преставился 19 мая 1522 года), и брату его Димитрію Андреевичу. Эти князья, лишенные свободы дядею своимъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ III, всю жизнь провели въ темницахъ Переяславской, Бѣлоезерской и Вологодской. Съ ними неразлучна была и эта икона — единственное

наслѣдіе и благословеніе ихъ родителей. Предъ нею доблестные узники молились, Іоаннъ 32 года, а Димитрій 50 лѣтъ. Эту икону братья оставили въ Вологодской темницѣ въ наслѣдіе узникамъ. Въ Вологодскихъ церквахъ немало хранится старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ, наприм. въ библіотекахъ каѳедральнаго собора, Успенскаго женскаго монастыря, въ церквахъ Владимірской, Ильинской и др.

Но всего болѣе замѣчательны Вологодскіе храмы своими древними иконами, по большей части хорошаго письма. Въ Вологодской мѣстности искусство иконописанія началось довольно рано и достигло значительной степени развитія. Изъ Вологодскаго иконописанія около половины XVI вѣка выродилась Устюжская школа, изъ нея же возникла Строгоновская школа иконописанія, а изъ послѣдней въ концѣ XVII вѣка образовалось отдѣльное Сибирское письмо. Можетъ быть, изъ этихъ школъ иконописанія и вышли иконописцы вологодскихъ иконъ. Въ г. Вологдѣ въ прежнее время много было иконописцевъ, что подтверждается существованіемъ въ XVII и XVIII вѣкахъ особенной *иконной* улицы близъ Царе-Константиновской церкви: Вологодскіе Архипастыри, напримѣръ архіепископъ Маркеллъ, покровительствовали иконописцамъ. Многіе иконописцы подписывали свою фамилію на иконахъ. По надписямъ на иконахъ извѣстны иконописцы: Зуевъ, Туфановъ, Козловы, Рыбниковъ, Сумароковы, Никифоровъ, Васильевъ и др. Есть въ Вологдѣ иконы кисти художниковъ, напримѣръ, Ваченова, Тюрина, Катина, Васильченко, Лавдовскаго, Васильева, Скрипицына и проч.

Въ Вологдѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія двѣ часовни устройство которыхъ преданіе связываетъ съ историческими событіями. Одна изъ часовень каменная, находится на площади торговыхъ рядовъ, противъ такъ называемаго ярмарочнаго дома, а другая часовня деревянная,—на берегу рѣки Вологды близъ Краснаго моста. По одному преданію, обѣ эти часовни построены по поводу одного событія перенесенія въ 1594 году чрезъ Вологду изъ Тверскаго Отроча монастыря въ Соловецкій монастырь св. мощей Филиппа, Московскаго чудотворца. На мѣстѣ первой часовни святыя мощи были остановлены для общенароднаго моленія предъ ними,

а на мѣстѣ второй честныя мощи стояли предъ перенесеніемъ ихъ на судно, на которомъ они слѣдовали по рр. Вологдѣ, Сухонѣ и Двинѣ въ Бѣлое море. Кромѣ того, каменная часовня поставлена на мѣстѣ бывшихъ крѣпостныхъ каменныхъ воротъ въ городѣ, построенныхъ при царѣ Грозномъ и называвшихся Спасскими, отъ бывшей на нихъ, по древнему обычаю, иконы Спасителя, которая и была перенесена съ упраздненныхъ воротъ въ часовню, гдѣ сохраняется и нынѣ.

Въ Вологдѣ имѣются образовательныя и другія учрежденія. Такъ при Архіерейскомъ домѣ помѣщается *Вологодское Епархіальное Древнехранилище*, открытое 29 сентября 1896 года. Для завѣдыванія дѣлами хранилища древностей и вообще для изученія и описанія памятниковъ мѣстной старины существуетъ „постоянная церковно-археологическая коммиссія любителей исторіи и древностей“. Древлехранилище для обозрѣнія открыто по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ съ 12 час. пополудни. Сюда собраны древности церковнаго характера, равно интересные памятники исторіи, этнографіи, археологіи и пр., наприм. рукописи, портреты, оружіе, домашняя утварь, окаменѣлости и проч. Здѣсь можно видѣть кузовъ древняго возка-колымаги именитыхъ людей—Строгановыхъ, имѣвшихъ большое значеніе въ отечественной исторіи. Здѣсь собраны въ особомъ шкафѣ печатныя сочиненія о Вологодскомъ краѣ, древнія рукописи и др. Есть старинные документы, древніе часы лондонской фабрики Торнтона, отбивающіе каждую четверть часа на четырехъ колокольчикахъ аккордъ гаммы ре-мажоръ; камни съ мѣста паденія каменно-огненной тучи въ 1290 г. близъ Великаго Устюга. Обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько воздуховъ, покрововъ, образовъ, плащаницъ и проч., шитыхъ шелкомъ и серебромъ, древніе брачные вѣнцы и др. предметы. Близъ Гостинодворской улицы, противъ Свѣтлыхъ рядовъ, есть Вологодскій *земскій музей* кустарныхъ произведеній. Здѣсь можно видѣть много предметовъ мѣстнаго кустарнаго производства, наприм. роговыя, берестовыя издѣлія, изъ дерева, кружева, разрѣзальные ножички, серпы и проч. На Архангельской улицѣ безплатная читальня книгъ духовно-нравственнаго содержанія въ Епархіальномъ домѣ, здѣсь же залъ для

духовно-нравственнаго чтенія, иногда съ туманными картинами, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ съ 1 ч. дня и съ 6 час. вечера. Первая школа въ Вологдѣ основана въ 1724 году при архіерейскомъ домѣ для обученія дѣтей букварю и ариѳметикѣ, нынѣ духовная семинарія. Есть мужская и двѣ женскія гимназіи, реальное, желѣзнодорожное и техническое училища, епархіальное училище, нѣсколько низшихъ и первоначальныхъ школъ.

Нынѣ въ г. Вологдѣ считается до 30 тысячъ жителей, болѣе двухъ тысячъ каменныхъ и деревянныхъ домовъ. Къ городу ведутъ двѣ желѣзныхъ дороги: Московско-Ярославско-Архангельская и Петербургско-Вятская. Лѣтомъ ежедневныя пароходныя сообщенія по рр. Вологдѣ, Сухонѣ, Вычегдѣ и Сысолѣ; по рр. Вологдѣ, Рабангской Сухонѣ, Кубенскому озеру и Маріинской системѣ въ С.-Петербургъ. Въ Вологдѣ въ послѣдніе годы устроены: водопроводъ, телефонъ и электрическое освѣщеніе. Расширяется также торговля. На Вологодскую ярмарку (съ 15 января до 1 февраля) привозятъ разные товары: мануфактурные, готовое платье, желѣзо, мѣдную посуду, фарфоръ, фаянсъ, стекло, сласти, игрушки и пр. Общій оборотъ ярмарки равняется 120—170 тысячамъ рублей. Въ самомъ городѣ, а равно и въ губерніи довольно распространено *плетеніе кружевъ*. Кружева плетутся разныя: простыя или русскія, фантажныя, шпюрныя, клюни, численныя, сколочныя, нѣмецкія, валянсьенъ, брюнель: продаются отъ 20 коп. до 1 рубля за десять (10 арш.). Въ Вологдѣ, наприм., до 500 кружевницъ, изъ нихъ до 20% подростки до 15 лѣтъ. Коренные жители города люди довольно добродушные. Въ старину надъ ними посмѣивались и давали разныя прозвища, наприм., называли телятниками, толоконниками, лягушешниками (около Вологды много болотъ и лягушекъ): о Вологжанахъ говорятъ: „на словахъ—какъ на маслѣ, а на дѣлѣ, какъ на Вологдѣ“ (много говорятъ, да мало дѣлаютъ).

Изъ окрестностей города особеннаго вниманія заслуживаетъ *Спасо-Прилуцкій* второклассный мужской *монастырь*, находящійся въ 5 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Вологды при большой Архангельской дорогѣ. Монастырь основанъ въ концѣ XIV вѣка преп. Димитріемъ. Въ 1656 г. обнесенъ со всѣхъ сторонъ каменной стѣ-

ной въ $3^1/_2$ сажени вышины и въ 1 саж. ширины и до 390 саж. окружности, съ обходомъ по ней внутри монастыря, съ бойницами, съ четырьмя по угламъ огромными круглыми башнями и пятью четвероугольными меньшими. Въ юговосточной и сѣверовосточной части до сихъ поръ сохранились такъ называемые „мѣшки“ или каменные столбы съ узкими внутри ихъ помѣщеніями, куда были заключаемы важнѣйшіе преступники; небольшія отверстія въ мѣшкахъ служили для подаванія пищи заключеннымъ. Въ монастырь ведутъ трои воротъ. Отдѣльныхъ церквей пять. Изъ нихъ соборная Спасская строена въ 1537—1542 г., пятиглавая, двухъэтажная; въ сѣверо-восточномъ углу нижняго храма палатка на мѣстѣ кельи и кончины преп. Димитрія. Другая древняя монастырская, двухъэтажная церковь въ честь Введенія во храмъ Пресв. Дѣвы Маріи, построенная въ XVI в., къ тому же времени относится надвратная Вознесенская (прежде во имя великом. Ѳеодора Стратилата). Въ Спасо-Прилуцкихъ храмахъ достойны особеннаго вниманія слѣдующіе предметы: мощи преп. Димитрія Прилуцкаго, почивающія подъ спудомъ въ нижней большой Спасской церкви. Здѣсь же мощи благовѣрнаго князя Угличскаго Іоанна, въ монашествѣ Игнатія. Образъ преп. Димитрія Прилуцкаго, писанный преп. Діонисіемъ Глушицкимъ, находящійся въ иконостасѣ верхняго Спасскаго храма. Что этотъ образъ былъ писанъ рукою преп. Діонисія Глушицкаго, объ этомъ свидѣтельствуютъ монастырскія записи и описи церковнаго монастырскаго имущества, равно и акты Археогр. Экспедиц., а писалъ, сказываютъ, тотъ образъ преп. Димитрія преп. Діонисій Глушицкій (т. II стр. 196). Преп. Діонисій Глушицкій, уроженецъ Вологодскій, скончался въ 1437 г., 74 лѣтъ, лично могъ знать преп. Димитрія, который скончался въ 1392 г. и, можетъ быть, еще при жизни сего подвижника имѣлъ у себя писанный имъ образъ-портретъ. Слѣдовательно этотъ образъ есть истинное подобіе преп. Димитрія Прилуцкаго, писанное искуснымъ современникомъ. На иконѣ въ срединѣ представлено поясное изображеніе преподобн. Димитрія Прилуцкаго, а по сторонамъ въ 16-ти четыреугольникахъ изображены разныя событія и чудеса изъ жизни преподобнаго. Риза на чудотворцѣ сребро-позлащенная новѣйшей работы, а на

поляхъ иконы старинный серебрянный басменный окладъ. Въ томъ же монастырѣ хранится запрестольный деревянный 8-конечный крестъ, около 2 арш., обложенный золоченнымъ басменнымъ серебромъ и имѣющій 84 рѣзныхъ, по бѣлой кости, изображеній разныхъ святыхъ угодниковъ; онъ находился у царя Іоанна Грознаго въ походѣ на Казань, въ 1552 г. Рѣзьба очень искусная. Этотъ крестъ извѣстенъ подъ именемъ *Киликійскаго* и принесенъ самимъ преп. Димитріемъ изъ Переяславля. Можетъ быть, это даръ кому-либо отъ благочестиваго государя, принесенный въ Москву изъ греческой Киликійской области нерѣдкими греческими гостями. Келейная икона преп. Димитрія во имя Страстной Божіей Матери при ракѣ преподобнаго. Деревянный бревенчатый, 3 арш. вышины и $2^1/_4$ аршина въ поперечникѣ, осмиконечный крестъ въ каменной часовнѣ около юго-западнаго главнаго храма, въ которой находится колодецъ, выкопанный самимъ преп. Димитріемъ. Этотъ крестъ устроенъ и водруженъ самимъ преподобнымъ при основаніи имъ обители. Въ монастырѣ хранится нѣсколько крестовъ съ частицами свят. мощей, вериги преподобныхъ Димитрія и Игнатія Прилуцкихъ; шелковая фелонь древней формы преп. Димитрія, деревянный съ желѣзнымъ наконечникомъ костыль преп. Димитрія, водосвятная чеканная мѣдная чаша Нижегородскаго митрополита Филарета отъ 1683 г., атласная фелонь, пожалованная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ на синей крашенинной подкладкѣ, хоругви-даръ Строгановыхъ; на колокольнѣ иностранный колоколъ въ 200 п. отъ 1587 г. На монастырскомъ кладбищѣ подъ бѣлымъ мраморнымъ памятникомъ похороненъ русскій поэтъ Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, родомъ изъ г. Вологды, скончался здѣсь 7 іюля 1855 г. Спасо-Прилуцкій монастырь не мало испыталъ печальныхъ событій. Наприм., въ 1612 г. поляки и литовцы подъ предводительствомъ гетмана Шелководскаго и атамана Баловня напали на Спасо-Прилуцкій монастырь и сожгли 59 монаховъ, а всего погибло въ монастырѣ до 200 человѣкъ. Въ три дня они разграбили все монастырское имущество и сожгли монастырскіе архивы. Въ 1613 и 1619 г. литовцы снова напали на монастырь и разграбили его.

Въ 1812 г. предъ вступленіемъ французовъ въ Москву Спасо-Прилуцкая обитель въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ хранила въ выгорѣвшей въ 1811 г. соборной церкви драгоцѣнности патріаршей ризницы, Сергіевой Лавры, Чудова, Новоспасскаго, Знаменскаго, Угрѣшскаго и другихъ Московскихъ монастырей и соборовъ. Обозъ съ драгоцѣнностями какъ въ пути, такъ и въ монастырѣ не былъ никѣмъ охраняемъ, кромѣ нѣсколькихъ инвалидовъ и иноковъ. Объ этомъ событіи въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ свидѣтельствуетъ слѣдующее двустишіе отъ лица монастыря, сдѣланное на кровлѣ надъ монастырскимъ зданіемъ, гдѣ помѣщаются Введенскія кельи подъ изображеніемъ Всевидящаго ока съ датой 1812 года.

«Безбѣдно Богъ меня въ сей
лютый годъ хранилъ,
Москвѣ разсѣянной прибѣжищемъ
я былъ».

Отъ Вологды до Тотьмы.

Села Турундаево и Шуйское. Дѣдовъ островъ. Спасо-Суморинъ монастырь. Тотьма и окрестности ея.

Если лѣтомъ ѣхать отъ г. Вологды вдоль губерніи, напримѣръ, до Троицко-Стефановской Ульяновой пустыни, Устьсысольскаго уѣзда, то путь лежитъ по рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ, Сѣверной Двинѣ и Вычегдѣ, всего болѣе 1000 верстъ. Въ Вологдѣ на пароходной пристани «Общества» толпится много народа. Тутъ есть отъѣзжающіе, провожающіе и не мало просто гуляющихъ. Въ 8 час. вечера пароходъ «Преп. Зосима» плавно отчалилъ отъ берега, посылая прощальные свистки оставшейся на берегу и на пристани многочисленной публикѣ. Рѣка Вологда беретъ начало въ Череповецкомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, течетъ на 130 в., впадаетъ въ Сухону въ 30 верстахъ г. Вологды. Правый берегъ рѣки Вологды возвышенъ мѣстами и крутъ, а лѣвый—болѣе луговой и ровный. Вотъ и старинная церковь Великомученика Ѳеодора Стратилата мелькнула, а за нею послѣдніе городскіе домики исчезли изъ нашихъ глазъ, пароходъ миновалъ остатокъ старинной заставы города и тюремный

замокъ. Промелькнуло *село Турундаево* съ своимъ бѣло-каменнымъ Никольскимъ храмомъ и высокой колокольнею. Село расположено по правому берегу р. Вологды. По берегу бѣгутъ турундаевскіе ребятишки и кричатъ вслѣдъ пароходу «преп. Зосима»—«преп. Зосима, ура»! (Однако, не совсѣмъ удобно давать такія названія пароходамъ; или вотъ матросы носятъ фуражки съ надписью: «преп. Зосима»). Зданія въ селѣ Турундаевѣ всѣ деревянныя, только два каменныя: для духовенства, съ церковно-приходской школою и домъ наслѣдниковъ бывшаго Вологодскаго дѣятеля купца Сорокина. Сюда лѣтомъ любятъ Вологжане прокатиться на лодкахъ и напиться чаю гдѣ-либо на берегу рѣки или въ прежнемъ, нѣкогда богатомъ, саду Сорокина. Отъ Вологодскаго вокзала сюда проведена вѣтвь желѣзной дороги. Отсюда товары направляются съ желѣзной дороги въ попутные по Сухонѣ и Двинѣ города и села. Здѣсь впадаетъ въ р. Вологду рѣчка Шограшъ, выкопанная въ 1569 г. по повелѣнію царя Іоанна Грознаго. За г. Вологдой берега р. Вологды ровные, по мѣстамъ залитые водой, есть много деревьевъ.

Природа не особенно живописна—тянутся ровные, глинистые берега съ печально смотрящими елью, сосной и осиной. Весной здѣсь вода далеко выходитъ изъ береговъ, печальныя послѣдствія этой бурной стихіи кое-гдѣ виднѣются по берегамъ въ видѣ валяющихся, подмытыхъ напоромъ воды когда-то величавыхъ сосенъ и елей. Берега и дно Сухоны довольно обильно усѣяны камнями. Постройка прибрежныхъ крестьянскихъ домовъ не богата: домики низкіе, конеобразные—на два ската, больше одноэтажные; особеннымъ украшеніемъ домовъ можно считаться лишь мезонины. Дома здѣсь всѣ крыты тесомъ, совершенная противоположность постройкѣ южныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи, гдѣ не только крестьянскіе, но нерѣдко и дома духовенства крыты соломой. Здѣсь ребро крыши заканчивается часто выточенной конской головою, такіе же коньки помѣщаются нерѣдко надъ крыльцами. Крыльца разнообразныя: высокія съ боковыми входами, прямыя и полукруглыя; иногда подпираются столбиками. Внутренность избы обставлена скамьями или лавками вдоль стѣнъ, необходимая принадлежность большая русская печь, попадаются старинные столы на затѣйливыхъ ножкахъ

съ разукрашенною верхнею доскою; нерѣдко шкафы, двери, полки и пр. размалеваны разными узорами. Въ избахъ можно видѣть разные предметы мѣстнаго женскаго рукодѣлья, напр. полотенца съ вышитыми на нихъ всадниками, звѣрями, растеніями и пр. Есть интересные предметы мѣстнаго производства, напр. солонки въ видѣ птицъ, прялки или «пряслицы» и трепала съ рѣзными узорами.

Почти посреди между Вологдой и Тотьмой на правомъ берегу Сухоны стоитъ большое *село Шуйское* съ величественнымъ Троицкимъ храмомъ. Въ древности назывался Шуйскій городокъ. Въ 1709 г. по книгѣ «вольному чертежу» сказано: «отъ Вологды въ 90 вер. городъ Шуйскій. Городокъ Шуйскій словетъ Ростовска Митрополита на Сухонѣ на правой сторонѣ». Здѣсь находили спасеніе нѣкоторыя должностныя лица во время разоренія г. Вологды. Такъ во время междуцарствія сюда бѣжалъ изъ Вологды воевода князь Иванъ Одоевскій. Мѣстность около с. Шуйскаго называется «митрополіе», ибо здѣсь была вотчина ростовскихъ митрополитовъ. Троицкій Шуйскій храмъ, построенный въ 1814 г., двухъ-этажный, вверху холодный съ пятью престолами: въ честь Св. Троицы, І. Предтечи, пророка Иліи, св. Леонтія Ростовскаго и всѣхъ святыхъ, внизу теплый съ тремя престолами: всѣхъ скорбящихъ Радость, св. Николая Чудотворца и преп. Ѳеодосія Тотемскаго. Въ селѣ находится каменная часовня въ честь святителя Николая, два училища: мужское и женское. На противоположномъ лѣвомъ берегу другая Шуйская, Успенская церковь построенная въ 1786 году, одно-этажная, въ холодной—престолъ въ честь Успенія Божіей Матери, въ теплой два—въ честь Николая Чудотворца и великомученицы Варвары. Обѣ Шуйскія церкви посѣтилъ въ 1898 году великій князь Сергѣй Александровичъ, при чемъ въ Троицкой выслушалъ бож. литургію. На память своего посѣщенія в. к. Сергѣй Александровичъ прислалъ въ Троицкую церковь сребро-позлащенный крестъ, а въ Шуйскую Успенскую—образъ «Посѣщеніе преп. Сергія Радонежскаго Пресвятою Богородицей» въ сребро-позлащенной ризѣ съ накладными эмалевыми украшеніями, на пластинкѣ вычеканено: «Образъ сей принесенъ вкладомъ въ Успенскую цер-

ковь Велик. Княз. Сергѣемъ Александровичемъ на память посѣщенія Имъ села Шуйскаго 7 іюня 1898 г.».

Вотъ и «*Дѣдовъ островъ*», находящійся на р. Сухонѣ въ 7 верстахъ отъ Тотьмы. Мѣстечко красивое. По берегу тянется монастырская ограда съ сосновымъ боромъ около церкви. Когда то здѣсь было дикое пустое мѣсто, куда въ XVII в. любилъ ходить за грибами, ягодами и для ловли рыбы Тотемскій пономарь Іоаннъ. Здѣсь 6 іюня 1670 г. онъ обрѣлъ на деревѣ икону св. Троицы. Впослѣдствіи Іоаннъ принялъ монашество съ именемъ Іоны. Около этого времени царь Петръ Алексѣевичъ «указалъ быть на воеводствѣ на Тотьмѣ боярину Ѳедору Аврамовичу Лопухину». [1]) Отцу своей первой супруги царицы Евдокіи Ѳеодоровны. Въ Тотьмѣ бояринъ Ѳедоръ Аврамовичъ скоро узналъ добродѣтельнаго іеромонаха Іону и избралъ его своимъ духовникомъ, а благочестивый старецъ имѣлъ случай разсказать ему объ обрѣтенной имъ на Дѣдовомъ островѣ иконѣ, при чемъ изъявилъ свое желаніе поставить часовню на мѣстѣ явленія иконы. Бояринъ Ѳедоръ охотно отдалъ ему Дѣдовъ островъ съ находившимся на немъ лѣсомъ для сооруженія церкви и цѣлой пустыни. Здѣсь построена была сначала деревянная церковь во имя Св. Троицы. Въ 1832 году она приписана къ Тотемскому Спасо-Суморину монастырю. Дочь боярина Лопухина царица Евдокія Ѳеодоровна предъ своимъ постриженіемъ въ Суздальскомъ монастырѣ нѣкоторое время жила въ Тотьмѣ въ Богородскомъ монастырѣ. Впослѣдствіи царица Евдокія прислала въ Троицкую церковь на Дѣдовъ островъ икону Покрова Пресвятыя Богородицы, которая тамъ донынѣ хранится со слѣдующею на ней надписью: «лѣта отъ Рождества Христова 1729, мѣсяца Марта въ первый день, приложила сей святый образъ Покрова Пресвятыя Богородицы въ Дѣдовскую пустыню, въ церковь преп. отца Сергія Радонежскаго чудотворца, благовѣрная государыня царица Евдокія Ѳеодоровна». Нынѣшняя каменная церковь на Дѣдовѣ небольшая съ одною главой съ старинною шатровою колокольнею. Въ іюнѣ 1898 г. посѣтилъ Дѣдовъ островъ великій князь Сергѣй Александровичъ.

---

[1]) Исторія Россіи Соловьева, т. XIV изд. 2. 1871 г. 263 стр.

Въ одной верстѣ на сѣверо-западъ отъ г. Тотьмы находится *Спасо-Суморинъ монастырь*. Онъ расположенъ на красивомъ мысу, между рѣчками Ковдой и Песьей-Деньгой, которыя впадаютъ съ лѣвой стороны въ рѣку Сухону. Спасо-Суморинъ монастырь названъ отъ главной Спасской ц. и отъ фамиліи основателя ея преп. Ѳеодосія Суморина. Монастырь основанъ въ 1554 г. 2 сентября 1796 г., при копаніи рва подъ основаніе строившейся церкви Вознесенія Господня, обрѣтены были св. мощи основателя и первоначальника сего монастыря преп. Ѳеодосія, почивавшія въ землѣ 228 лѣтъ; его считали святымъ со времени самой блаженной кончины. Нынѣ Спасо-Суморинъ монастырь является весьма благоустроеннымъ. Въ немъ три отдѣльныя церкви: Вознесенская новѣйшей архитектуры, трехъ-этажная, холодная; увѣнчана пятью главами; фронтоны церкви поддерживаются двѣнадцатью большими колоннами; стѣны снаружи и внутри украшены лѣпною работою, въ церкви и алтаряхъ сдѣланы полуколонны коринѳскаго ордена, на которыхъ утверждаются арки. Всѣхъ престоловъ въ Вознесенской церкви восемь Въ пещерѣ, гдѣ обрѣтены были св. мощи препод. Ѳеодосія,—церковь во имя всѣхъ Вологодскихъ чудотворцевъ. Другая соборная церковь Преображенская, одноэтажная, теплая, построена въ 1789 г., всѣхъ три престола. Здѣсь погребены два Вологодскіе архіерея: епископъ Христоферъ и архіепископъ Ѳеодосій. Третья церковь во имя Успенія Божіей Матери. Кромѣ того, во второмъ этажѣ четырехъ-этажной колокольни устроена церковь въ честь святителя Іоанна Златоустаго. Въ монастырскихъ стѣнахъ высятся три каменные корпуса для настоятеля, братіи, мастерскія и для богомольцевъ. За оградой каменный корпусъ, въ которомъ помѣщается церковно-приходская школа и комнаты для богомольцевъ. Здѣсь же расположено множество разныхъ монастырскихъ службъ. Св. мощи преп. Ѳеодосія Тотемскаго открыто почиваютъ въ кипарисовой ракѣ, обложенной серебромъ, въ ракѣ поставлена кипарисовая гробница, внутри и снаружи обитая малиновымъ бархатомъ, въ гробницѣ, вытесанной изъ сосноваго бревна гробъ, въ которомъ обрѣтены и нынѣ почиваютъ мощи преп. Ѳеодосія.

Въ монастырѣ замѣчательны слѣдующіе предметы: чудотворная

Смоленская икона Божіей Матери, называемая Суморинскою, съ надписью: „Въ сію Спасо-Суморинскую обитель сей св. образъ принесенъ руками преп. Ѳеодосія Тотемскаго новаго чудотворца изъ Спасо-Прилуцкаго Вологодскаго монастыря въ 1554 г. іюня 29 дня". Другая чудотворная икона Божіей Матери, именуемая „Прежде Рождества Дѣва", образъ св. Александра Невскаго, пожалованный при особомъ рескриптѣ Императоромъ Александромъ I въ монастырь; нѣсколько крестовъ и ковчежецъ съ частями мощей разныхъ святыхъ. При ракѣ преп. Ѳеодосія желѣзная шапка его, сдѣланная изъ двухъ полосъ, крестообразно сложенныхъ, съ обручемъ вокругъ головы; желѣзныя четки и три желѣзныя вериги; плащаница, шитая по голубому атласу золотомъ, серебромъ и шелками. Старинная шапка малиноваго бархата, опушенная горностаемъ, сшитая въ 1744 г. Серебряный ковшъ, пожалованный императоромъ Петромъ I подъячему Павлу Турутину. Янтарный камень съ изображеніемъ распятія Іисуса Христа. Петръ Великій посѣтивъ Спасо-Суморинъ монастырь 17 іюля 1693 г., возложилъ это распятіе на образъ преп. Ѳеодосія, лежавшій на гробѣ его, когда св. угодникъ покоился еще въ нѣдрахъ земли. Полная ризница для соборнаго служенія изъ кресчатаго пунцоваго бархата, съ крестами и обшивками изъ золотого газа, пожалованная въ монастырь императоромъ Павломъ I, по случаю открытія мощей преп. Ѳеодосія при собственноручномъ рескриптѣ Его Величества. Часть крыши съ гроба преп. Ѳеодосія и кожаные сапоги его, обрѣтенные въ землѣ, вмѣстѣ съ его св. нетлѣнными мощами. Древняя копія съ духовнаго завѣщанія преп. Ѳеодосія, писана столбцемъ на свиткѣ. Покровъ на гробницу преп. Ѳеодосія—даръ императора Александра I. Св. сосуды и др. предметы, пожалованные императоромъ Александромъ I для Александро-Невской церкви. Нѣсколько разъ въ годъ св. мощи преп. Ѳеодосія въ ракѣ торжественно обносятся кругомъ монастырскихъ церквей.

По учрежденіи Спасо-Суморина монастыря первыми настоятелями его были строители, которые въ судныхъ дѣлахъ были подчинены вѣдѣнію Всероссійскаго митрополита. Впослѣдствіи мѣсто строителей заступили игумены, а потомъ архимандриты. Кромѣ Петра I изъ Высочайшихъ особъ посѣтили Спасо-Суморинъ мона-

стырь: 20 іюня 1870 г. в. к. Алексѣй Александровичъ, 7 іюля 1885 г. в. к. Владиміръ Александровичъ; оба проѣздомъ водой къ г. Архангельску; 30 мая 1898 г. в. к. Сергій Александровичъ— проѣздомъ на дальній сѣверъ.

Г. Тотьма отстоитъ отъ своего губернскаго гор. Вологды въ 205 верстахъ и расположенъ на самомъ берегу (лѣвомъ) р. Сухоны. Городъ очень красивый, сухой; дома большіе, деревянные. Тотьма— старинный городъ. Основаніе ея нѣкоторые относятъ къ 1178 г., разумѣя у Карамзина подъ словомъ «у Тотьмѣ»— городъ Тотьму. Тотьма не разъ подвергалась злодѣйскому нападенію разныхъ древнихъ хищныхъ народовъ. Такъ въ 1539 г. напали на нее Казанскіе татары. Тотьмичи разбѣжались по лѣсамъ, а затѣмъ, по удаленіи враговъ, поселились въ двухъ верстахъ отъ нынѣшняго города, у соляныхъ варницъ — въ посадѣ Соли Тотемской. Это древнѣйшій солеваренный заводъ въ Россіи, упоминается въ 1500 г., приготовляющій бѣлую, но не очень соленую соль. Въ то время здѣсь жили Строгановы, имѣвшіе свои трубы и варницы. Но скоро тотьмичи снова переселились на старое мѣсто, на берегъ р. Сухоны. При учрежденіи опричнины при царѣ Грозномъ г. Тотьма былъ зачисленъ въ ряду 20 другихъ въ опричный городъ. Въ смутное время въ Россіи тотьмичи, скрѣпя сердце со слезами цѣловали крестъ Тушинскому Самозванцу «отъ нужи». Когда составлялся дружный союзъ сѣверныхъ городовъ противъ самозванца, шли ратники и съ Тотьмы. Въ 1613 г. одна польская шайка напала на Тотьму. Жители Тотьмы рѣшились защищаться до послѣдней крайности и въ надеждѣ на небесную помощь, по примѣру Новгородцевъ, выставили на городское укрѣпленіе икону Божіей Матери, стрѣлы враговъ, ударяясь въ икону, сдѣлали въ ней проломъ. Эта икона и понынѣ находится въ городскомъ соборѣ. При видѣ этого поврежденія иконы великій ужасъ напалъ на осаждающихъ, всѣ они, по преданію, мгновенно ослѣпли и безсмысленно ползали по берегу Песьей-Деньги, гдѣ ихъ Тотьмичи всѣхъ побили. Въ началѣ XVII в. въ Тотьмѣ уже было 20 храмовъ и городъ считался довольно богатымъ, онъ былъ складочнымъ пунктомъ съ открытія первыхъ сношеній между Россіей и Англіей посредствомъ Бѣлаго

моря. Со времени учрежденія Устюжской епархіи въ 1682 году городъ Тотьма былъ причисленъ къ этой новой епархіи, и епископы именовались Велико-Устюжскими и Тотемскими. Когда въ 1708 г. по указу Петра Великаго Россія была раздѣлена на восемь губерній, г. Тотьма причисленъ къ Архангело-городской, а въ 1719 г.— по новому раздѣленію Россіи къ Вологодской провинціи. Съ 1780 г. гор. Тотьма считается уѣзднымъ городомъ Вологодской губерніи. Императоръ Петръ Великій во время своихъ путешествій водою изъ Вологды въ Архангельскъ посѣтилъ Тотьму три раза— въ 1693, 1694 и въ 1702 годахъ. Государь былъ въ Тотьмѣ на соляныхъ варницахъ, подробно здѣсь осматривалъ работы, и, подойдя къ трубному колодцу, изъ котораго рабочіе доставали бадьями разсолъ, самъ опускалъ одну бадью и вытащилъ ее съ разсоломъ, чтобы убѣдиться въ тяжести работы, за это онъ изъявилъ желаніе получить положенную плату. По преданію, царь Петръ I имѣлъ свой шатеръ близъ Тотьмы на сѣверной ея сторонѣ, отчего эта мѣстность носитъ названіе «Государева луга».

Въ Тотьмѣ есть и другія мѣста, съ которыми соединены разныя преданія. Такъ мѣсто на самомъ лѣвомъ берегу р. Сухоны, гдѣ теперь стоитъ Богоявленскій соборъ, по преданію, именовалось городкомъ. Оно представляетъ искусственно обдѣланную возвышенность въ видѣ горы, прежде составляло городское укрѣпленіе, остатки котораго видны и до сихъ поръ. Съ сѣверо-восточной и восточной сторонъ горы находится искусственный ровъ до 100 саж. длины и до 7 (по мѣстамъ) глубины, шириною отъ 2 саж. на днѣ и до 8 саж. при поверхности рва. Съ прочихъ сторонъ рва природные крутые скаты. Вся окружность горы содержитъ до 200 саж. Въ древности на этой горѣ находился острогъ или укрѣпленіе, обнесенное деревянными рублеными стѣнами съ восемью башнями. Съ этой-то горы въ 1613 году тотьмичи и поразили поляковъ. Въ древнее время, по преданію, въ горѣ существовали подземелья, куда скрывали свои цѣнныя имущества жители во время нашествія непріятелей. Въ подтвержденіе этого указываютъ на то, что до сихъ поръ съ сѣверной стороны соборной горы, на днѣ рва остаются признаки бывшаго входа, а въ двадцатыхъ годахъ прошлаго сто-

лѣтія, при копаніи колодца на этой горѣ, на значительной глубинѣ найдено было кожаное голенище, зашитое съ обоихъ концовъ съ серебряными деньгами времени царя Алексѣя Михайловича. Средину острога занимали соборные храмы.

Первоначально *соборъ* въ Тотьмѣ появился въ половинѣ XVI в. и былъ въ двухъ отдѣльныхъ зданіяхъ. Послѣ неоднократныхъ пожаровъ и переустройствъ въ XVIII вѣкѣ явился нынѣшній двухъэтажный соборъ (1744—1764 г.), снаружи украшенный колоннами, пилястрами и фронтонами. Верхній холодный соборъ во имя Рождества Богородицы съ придѣлами во имя Смоленской или Тотемской иконы Божіей Матери и св. апостоловъ Петра и Павла съ великомученикомъ Пантелеимономъ; нижній—теплый во имя Богоявленія Господня съ придѣлами во имя архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ и святителя Димитрія Ростовскаго. Подъ колокольней въ отдѣльномъ зданіи — храмъ во имя Казанской иконы Божіей Матери. Въ послѣднемъ храмѣ иконостасъ весьма искусной столярной работы, а иконы писаны въ немъ извѣстнымъ по всей Вологодской епархіи лучшимъ Вологодскимъ иконописцемъ Ив. Ѳе. Вачековымъ. На колокольнѣ виситъ колоколъ въ 700 п. съ выбитымъ краемъ въ 12 п. Это поврежденіе колокола мало, говорятъ, повліяло на звучность его. На колокольнѣ же находятся боевые часы съ боемъ и съ заводомъ на три дня, отбивающіе каждую минуту, четверть и часъ. Въ соборѣ замѣчательны слѣдующіе св. предметы по своему благодатному значенію, по древности и цѣнности: 1) древняя чудотворная Смоленская икона Божіей Матери или, какъ она называется въ нѣкоторыхъ святцахъ, Тумбовская (прежде стояла въ тумбѣ) или Тотемская («христ. памятникъ». Москва 1863 г. стр. 219.). Въ иныхъ святцахъ прибавляется о сей иконѣ, что она полагаетъ «женамъ чада раждати». Подъ правымъ окомъ Богоматери замалевено прошибина, по преданію, учиненная стрѣлою въ 1613 г. поляками; 2) другая древняя чудотворная—икона Божіей Матери Одигитрія; 3) серебряный воздвизальный крестъ съ 10 частицами св. мощей; 4) напрестольное Евангеліе въ 2 пуда отъ 1759 г.; 5) рукописныя писцовыя книги г. Тотьмы отъ 1630 г. и рукописныя житія нѣкото-

рыхъ Тотемскихъ св. угодниковъ; 6) сребро-позлащенныя три парчевыя священническія ризы съ епитрахилями,—набедренниками и поручами, два діаконскихъ стихаря съ орарями и стихарь для псаломщика-даръ великаго князя Сергія Александровича на память посѣщенія имъ собора 30 мая 1898 года.

Съ 1816 года къ собору причислены: Георгіевская церковь внутри города и двѣ за чертой города кладбищенскія Владимірская и Богословская. Во Владимірской церкви иконы писаны художникомъ Вачеовымъ. Здѣсь хранится часть св. мощей Іоанна Яренскаго чудотворца.

Кромѣ этихъ церквей въ г. Тотьмѣ еще есть до 8 церквей. Изъ нихъ замѣчателенъ Успенскій храмъ и при немъ Воскресенская церковь: здѣсь покоются св. мощи блаженнаго Андрея юродиваго († 1673 г.) подъ спудомъ и сохраняется древняя чудотворная икона Божіей Матери «Всѣхъ скорбящихъ Радость», прежде бывшая при Тотемскомъ наказномъ дворѣ на воротахъ, а съ 1772 г. въ названной церкви Близъ Тотьмы есть Воскресенская Варницкая церковь съ почивающимъ въ ней подъ спудомъ праведнымъ Максимомъ († въ 1650 г.). Нельзя не сказать и о томъ, что въ старину, разныя прозвища даны жителямъ нѣкоторыхъ городовъ и уѣздовъ Волог. губ. Такъ тотьмаковъ зовутъ коганниками и чулочницами. Тотьмянки мастерицы вязать чулки и носки. Патемскіе носки и чулки идутъ въ Москву и на Нижегородскую ярмарку, гдѣ покупаютъ армяне.

Въ Тотьмѣ существуютъ три ярмарки: Февральская, Благовѣщенская и Георгіевская. Торгуютъ мануфактурами, бакалейными, колоніальными и кожевенными товарами. Еще въ 1748 г. здѣсь появилась начальная школа для дѣтей духовенства, гдѣ обучались грамотѣ, письму, знаменному пѣнію и изучали на память букварь и катихизисъ, а нынѣ здѣсь учительская семинарія, духовное училище (1815 г.), женская прогимназія, городское трехъ-классное училище, двухъ-классное мужское и женское.

Въ 35 верстахъ отъ г. Тотьмы къ югу *въ селѣ Леденгскомъ* находятся Леденгскія минеральныя воды. Село расположено по обѣимъ сторонамъ рѣчки Леденги, впадающей въ Сухону. Здѣсь

Леденгскій солеваренный заводъ; соль сначала очень бѣлая, а потомъ становится темно-фіолетовою. Здѣсь лечатся золотушныя, накожныя, ревматическія и нервныя болѣзни. При заводѣ больница, но докторъ живетъ въ Тотьмѣ. Ванны устроены довольно порядочно. Мѣстность красивая, удобная для прогулокъ, съ чистымъ воздухомъ. Больные квартируютъ у мѣстныхъ жителей.

Отъ Тотьмы до В.-Устюга.

Прибрежные храмы. Опоки. В.-Устюгъ. Его святыня и окрестности.

Быстро мчался пароходъ. Проѣхали 3 версты. Вотъ и громадный камень «Лось» съ плоскою поверхностью. На этомъ камнѣ нашъ великій Преобразователь обѣдалъ вмѣстѣ съ своею свитою и съ той поры камень слыветъ въ народѣ подъ именемъ «царскаго стола» Въ 1864 г. по Сухонѣ проѣзжалъ геологъ Н. Барбо-де-Марни, который нашелъ, что этотъ камень изъ гнейсовиднаго краснаго гранита, величиною превосходитъ, по крайней мѣрѣ, въ два съ половиною разъ валунъ Громъ-камень, попираемый конной статуей Петра въ Петербургѣ [1]).

Замѣчательно хороша и чиста вода въ Сухонѣ. Русло ея по большей части песчано-каменистое, теченіе воды довольно быстрое, течетъ извилисто по низменной, лѣсистой и малонаселенной мѣстности. Берега состоятъ изъ слоевъ чистаго мелкаго «Сухонскаго» песку. Длина всей Сухонѣ 525 в. отъ Кубенскаго озера до р. Сѣверной Двины. На Сухонѣ считается до 20 острововъ; много песчаныхъ мелей и переборовъ (до 200). Отъ Тотьмы къ Великому Устюгу берега Сухоны становятся все выше и выше, очень красивые и чѣмъ ближе къ Устюгу, тѣмъ живописнѣе, по мѣстамъ совершенно прямые, какъ-бы обрѣзанные. Попадаются высокія горныя ущелья и манящія къ себѣ рощи. Есть мѣстечки очень красивыя. Таковъ, напримѣръ, *Брусенецъ* или *Брусенскій городокъ*, расположенный на правомъ берегу р. Сухоны въ 60 в. отъ Тотьмы, гдѣ въ 1608 г. была собрана сторожевая рать противъ Самозванца.

---

[1]) Геогностическое путешествіе въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Н. Барбо-де-Марни. С.П.Б. 1868 г. стр. 27.

Нынѣ здѣсь за оврагомъ два храма, величественный въ честь Рождества Христова и приписной—Воскресенскій. На самомъ берегу небольшая каменная церковь съ деревяннымъ куполомъ въ честь Соловецкихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія и при ней деревянная колокольня безъ колоколовъ. Есть въ Брусенцѣ церковно-приходская школа. При церкви 22 деревянныя лавки. Вотъ селеніе «*Березова слободка*». Далѣе начинается Велико-Устюжскій уѣздъ. На правомъ берегу р. Сухоны въ 350 в. отъ Вологды и въ 150 верстахъ отъ Устюга находится «*Устье Городищенское*» съ Богоявленскою церковью, устроенною въ 1877 г., церковь одноэтажная, съ пятью куполами, въ ней три престола: въ честь Богоявленія Господня, Рождества Богородицы и пророка Иліи. Въ церкви хранится мѣстно-чтимая древняя икона Божіей Матери, «Всѣхъ скорбящихъ Радость». Показались Георгіевская и Димитріевская церкви, одна холодная каменная въ честь св. Димитрія Солунскаго, устроенная въ 1784 г., другая теплая деревянная въ честь св. великомуч. Георгія Побѣдоносца съ подвалами, устроенная въ 1730 г. Въ часовнѣ при деревнѣ Озерки Димитріевскаго Георгіевскаго прихода есть миніатюрная почитаемая старинная икона (отъ начала XIII вѣка) св. Николая и свв. Димитрія и Сергія Радоножскаго, размѣромъ 2 вер. Георгіевско-Димитріевская церковь отстоитъ отъ Устюга въ 121 в.—Не доѣзжая 60 в. до Великаго Устюга, встрѣчаемъ весьма живописную мѣстность— знаменитый порогъ—«*Опоки*». Здѣсь берега представляютъ высокія обрывистыя горы, до 30 саж. вышиной, а въ одномъ мѣстѣ на лѣвомъ берегу высятся громадныя насыпи съ гладкообрѣзанными боками со всѣхъ сторонъ. На лѣвомъ же берегу красуется двухъэтажная Николаевская Опоцкая церковь съ трехъярусной колокольней. Нижняя церковь въ честь св. Николая Чудотворца, верхняя— св. Троицы. Церковь построена въ началѣ XIX вѣка. «Опоки» тянутся больше версты. Рѣка Сухона здѣсь имѣетъ весьма быстрое теченіе, со многими извилинами и опасными подводными камнями. Когда пароходы идутъ отъ Устюга къ Тотьмѣ противъ теченія воды, то они здѣсь весьма медленно двигаются и чтобы пароходъ не повертывало водой, изъ ближайшей деревни выходятъ мужики,

бабы и ребята (до 100 человѣкъ) и канатомъ удерживаютъ пароходъ. За такую работу каждый разъ они получаютъ до 7 рублей. Въ четырехъ верстахъ отъ Устюга на лѣвомъ берегу Сухоны гора «Гледено», на которой въ XII в. Новгородскими выходцами положено начало городу Великому Устюгу. Здѣсь устье р. Юга, которая, соединяясь съ Сухоною, образуетъ Сѣверную Двину, поэтому жители Гледеня стали называться Усть-южане или Устюжане. Постепенное подмываніе рѣкою Югомъ горы Гледень угрожало опасностью городу, поэтому Устюжане стали переселяться на мѣсто, «Черный Прилукъ», – гдѣ нынѣ находится гор. Устюгъ. Современемъ постепенно образовался гор. Устюгъ, а на Гледенѣ остался *Троицкій мужской монастырь*. Это былъ древнѣйшій монастырь изъ всѣхъ въ Двинской области. Въ 1841 г. онъ былъ упраздненъ и приписанъ къ Устюжскому Михаило-Архангельскому монастырю. Нынѣ въ немъ четыре церкви: Троицкая, Успенская, Тихвинская и въ честь прав. Іоанна Устюжскаго на мѣстѣ рожденія этого угодника въ полуверстѣ отъ Гледенскаго монастыря на пустоши Пухово.

Предъ нами древній *Великій Устюгъ*. Видъ его производитъ прекрасное впечатлѣніе на подъѣзжающаго къ городу на пароходѣ: бѣлѣются многочисленныя церкви и каменныя зданія. Устюгъ въ древнее время былъ богатый городъ. Устюжане, наслѣдовавъ отъ Новгородцевъ духъ отваги и предпріимчивости, достигли замѣчательнаго благосостоянія и могущества, городъ свой они называли «Великимъ». Богатства Устюга привлекали многихъ любителей скорой наживы. Онъ не разъ испыталъ тяжелыя нападенія. Такъ приходили на него около 1218 г. Камскіе Болгаре и разорили его; въ 1393 и 1398 г. Новгородцы въ оба раза разорили его. Особенно замѣчательно второе нападеніе Новгородцевъ. По свидѣтельству Карамзина и многихъ лѣтописцевъ, Новгородцы разграбили городъ и его соборную церковь Успенія, взяли съ собою чудотворную икону Пресв. Богородицы Одигитріи. При возвращеніи ихъ изъ Устюга вдругъ останавилась и не двигалась ладья, въ которой находилась чудотворная икона. Новгородецъ Ивашко Ляпуновъ, отъ злосердія своего.... убрусомъ связалъ образъ Богородицы, говоря:

«плѣнникъ на чужую сторону несвязанный никогда не ходилъ». И тогда ладья двинулась, но вскорѣ Новгородцы были поражены тяжкими болѣзнями. Когда они явились въ Новгородъ, тамошній архіепископъ Іоаннъ повелѣлъ возвратить икону и все ограбленное имущество и построить въ Устюгѣ новый храмъ въ честь Успенія Пр. Богородицы. Новгородцы исполнили совѣтъ своего владыки. Въ 1436 г. Устюгъ терпитъ новое опустошеніе и ужасное кровопролитіе отъ галицкаго князя Василія Косого, а въ слѣдующемъ году отъ Вятичей. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ снова напали на Устюгъ Казанскіе татары и взяли отъ него окупъ въ 10 т. рублей, а затѣмъ въ 1462 г. тѣ же татары напали на Устюгъ, но храбро были изгнаны Устюжанами.

Что касается своего положенія въ государствѣ, то Устюгъ до 1240 года зависилъ отъ Ростовскихъ князей. Затѣмъ наступило татарское иго, въ 1328 г. Московскій князь Іоаннъ Калита присоединилъ Устюгъ къ Московскому княжеству; въ 1450 г. Галицкій князь Димитрій Шемяка, придя въ Устюгъ, склонялъ устюжанъ отложиться отъ великаго князя Василія II, но не имѣлъ успѣха, тогда самъ великій князь прибылъ въ Устюгъ и убѣждалъ жителей быть за нимъ. При І. Грозномъ Устюгъ, какъ и Тотьма, былъ въ числѣ опричныхъ городовъ. Устюжане были храбрые люди и вѣрные сыны отечества, они въ 1469 и 1470 гг. участвовали въ походахъ подъ Казань, а въ смутное время принимали дѣятельное участіе въ освобожденіи Россіи отъ внутреннихъ враговъ. Предъ нашествіемъ поляко-литовцевъ устюжане поставили кругомъ города стѣны и башни, а на нихъ пушки и стражу, и враговъ побѣдили, прогнавъ людей и коней. Въ память избавленія своего устюжане построили церкви Казанскую и въ честь преп. Варлаама Хутынскаго. Сначала Устюгъ былъ причисленъ къ Архангело-городской губерніи, а въ 1780 г. —къ Вологодскому намѣстничеству, въ 1797 г. Устюгъ сталъ уѣзднымъ городомъ Вологодской губерніи. Въ церковномъ отношеніи сначала Устюгъ зависилъ отъ Ростовскихъ митрополитовъ, въ 1682 г. учреждена самостоятельная Великоустюжская епархія съ наименованіемъ епископовъ Устюжскими и Тотемскими, а въ 1786 г. эта епархія закрыта и Устюгъ присоединенъ къ

Вологдѣ. Въ послѣднее время викаріи Вологодской епархіи стали именоваться Великоустюжскими съ особыми правами, мѣстопребываніе ихъ назначено въ Устюгѣ.

Въ древнее время Устюгъ посѣщали великіе князья, а въ XVII в. здѣсь дважды былъ императоръ Петръ I. Въ 1693 г. онъ посѣтилъ Успенскій соборъ и поклонился тамъ чудотворной иконѣ Одигитріи, которая до того времени была съ рукоятью и стояла предъ иконостасомъ въ тумбѣ. Государь приказалъ отнять рукоять и поставить икону въ иконостасъ мѣстною по лѣвою сторону Царскихъ вратъ. Въ 1694 г. Царь не входилъ въ городъ, а остановился противъ Успенскаго собора на противоположной сторонѣ города. Въ это время въ соборѣ совершалась бож. литургія, при чемъ протодіаконъ Михаилъ Сурна громко и внятно читалъ Евангеліе, такъ что Государь произносимыя имъ слова ясно слышалъ, за что Сурна и два пѣвчіе Шапошниковы — отецъ и сынъ — удостоились монаршаго благоволенія и въ слѣдующемъ году всѣ трое взяты въ Москву и причислены къ придворному штату. Отъ младшаго Шапошникова въ Москвѣ родился сынъ Петръ, который впослѣдствіи принялъ монашество съ именемъ Гавріила и былъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ. Устюгъ же служилъ и мѣстомъ ссылки. Такъ извѣстный графъ Лестокъ прожилъ здѣсь въ ссылкѣ 18 лѣтъ.

Городъ Устюгъ стоитъ на лѣвомъ берегу р. Сухоны, которая сливается недалеко отъ него съ Югомъ и получаетъ названіе Сѣверной Двины. Городъ расположенъ на довольно ровной террасѣ между холмомъ и рѣчкою. Эта терраса съ двухъ сторонъ замыкается рѣкою и съ сѣверо-запада песчанымъ холмомъ, съ третьей стороны на сѣверо-востокъ переходитъ за городомъ въ болотистый заливной лугъ. На р. Сухону терраса обрывается крутымъ берегомъ въ 4—6 саж. высотой. Лѣвый берегъ Сухоны подмывается и осыпается, почему для предохраненія отъ размыва городской берегъ обшитъ вертикально стоящими бревнами или «обрубомъ» высотою въ нѣсколько саженъ. Верхній слой въ городѣ глина и суглинокъ и подпочва глинистая. Весной и осенью на улицахъ города довольно грязно, тѣмъ болѣе что почти отсутствуютъ уклоны для

стока атмосферныхъ осадковъ. Санитарнымъ условіямъ города также не благопріятствуютъ два озера: Смольниковское и Архангельское. Жители Устюга пользуются водою изъ р. Сухоны и изъ колодцевъ. Пищевые продукты доставляются въ городъ сосѣдними крестьянами. Замѣчается недостатокъ молока и сливочнаго масла. Продаютъ «пахтусъ» или нетопленое масло изъ сметаны, но оно грязно на видъ и неряшливо приготовляется. Мяса достаточно привозного особенно въ Рождественскій торгъ Значительный пищевой матеріалъ составляетъ рыба, особенно сайда, треска, сельди, палтусъ и семга. Рыба употребляется и въ скоромное время. Многія Устюжскія лавки имѣютъ специфическій тяжелый, острый соленый запахъ отъ хранящихся въ нихъ разныхъ сортовъ рыбы.

Въ административномъ отношеніи Устюгъ раздѣляется на двѣ части: верхняя, по теченію рѣки, называется первою, нижняя—второю. Оживленною и населенною является первая часть. Здѣсь сосредоточены церкви. каменные дома, правительственныя и общественныя учрежденія, группируясь около собора. Недалеко отъ Успенскаго собора находится старинное каменное зданіе. Въ дореформенное время здѣсь помѣщались магистратъ и тюрьма, потомъ это зданіе пустовало, нынѣ въ немъ—казначейство, почтово-телеграфная контора и полиція. Къ этому зданію примыкаетъ Гостинный дворъ - это квадратное одноэтажное зданіе—цѣлый кварталъ съ большимъ внутреннимъ дворомъ и лавками. Въ Гостинномъ дворѣ главнымъ образомъ происходятъ Устюжскія ярмарки: Прокопьевская съ 1 до 10 іюля и Никольская съ 5—15 декабря. Оборотъ первой ярмарки около 100 тыс. руб., второй—10 т. руб. Недалеко отъ Гостиннаго двора двѣ большихъ торговыхъ площади—Преображенская и Сѣнная. Здѣсь же почти на краю города—общественный садъ. (Въ Устюгѣ двѣ длинныя улицы: Успенская и Преображенская, остальныя улицы коротки, хотя онѣ широки, большею частію немощеныя). Въ городѣ преобладаютъ двухъ-этажные деревянные дома въ 5 оконъ по лицу, архитектура ихъ весьма однообразна. Въ насмѣшку Устюжанъ называютъ: «красноязыкими», смѣясь надъ ихъ выговоромъ «черносеребрянниками», имѣя въ

виду искусство ихъ дѣлать черныя серебрянныя издѣлія «мазами» или льстивыми «кулаками» и др. Есть про Устюжанъ пословица: «Устюгъ великій, народъ въ немъ дикій». Въ Устюгѣ издавна процвѣтаетъ щетинный промыселъ, щетина обдѣлывается, разбирается по сортамъ, перевязывается въ пучки. Щетинный сырецъ получается изъ Устюжскаго и Никольскаго уѣздовъ, изъ Вятской губерніи и изъ Сибири. Сбытъ щетинъ въ Петербургъ и въ Англію. Изъ свиного пуха (отъ щетиннаго производства) вяжутся стельки подъ валеные сапоги, ковры для лѣстницъ и прихожихъ, веревки, хомутины подъ рабочіе оголовки. Эти издѣлія очень дешевы и прочны. Въ Устюгѣ еще развиты сундучный и особенно шкатулочный промыслы. Шкатулки околачиваются жестью съ особенною раздѣлкою ея рисункомъ, который называется «морозомъ», по сходству съ узоромъ отъ мороза на оконныхъ стеклахъ. Морозъ наводится на жесть посредствомъ острой водки, смѣшанной съ солью и маслянаго лака съ прибавкой зеленой или желтой краски. Сбываются на Ирбитской и Нижегородской ярмаркахъ. Главные покупатели шкатулокъ—азіаты. Въ Устюгѣ же занимаются серебряной черневой работой. Чернь составляется изъ выжиги серебра 92 пробы, свинца, красной мѣди и нашатыря. Приготовленіе черни (пропорція веществъ) тщательно держится въ секретѣ; оно доведено до совершенства, чернь прочна, не отстаетъ и не замазываетъ рисунка въ гравировкѣ. Продаютъ черневыя кольца, ложки, браслеты стаканчики и проч. Говорятъ, что черневая работа занесена въ Устюгъ изъ Новгорода послѣ погрома его І. Грознымъ, а Новгородцы могли это заимствовать изъ Ганзейскихъ городовъ.

Въ настоящее время въ Устюгѣ считается до 12.000 человѣкъ жителей. Прежде здѣсь была духовная семинарія, но въ 1788 г. упразднена и присоединена къ Вологодской. Еще въ 1778 г. открыто приходское училище. Нынѣ имѣются мужская и женская гимназія, Епархіальное училище (1888 г.), духовное училище, второклассная школа съ 1896 г и низшія школы. Жаль, что такой хорошій городъ непривѣтливо встрѣчаетъ проѣзжихъ путешественниковъ: здѣсь совсѣмъ нѣтъ гостинницъ, есть только два небольшихъ меблированныхъ домика, гдѣ можно иногда остановиться

проѣзжимъ. Весной, когда проѣзжающихъ бываетъ много, зачастую эти домики бываютъ переполнены и вновь пріѣхавшему негдѣ остановиться.

Г. Устюгъ издревле славился обильемъ церквей; такъ въ XVII вѣкѣ ихъ было до 27, и эта многочисленность храмовъ свидѣтельствуетъ о набожности устюжанъ и прежнемъ величіи города.

Нынѣ въ г. Устюгѣ *два монастыря: мужской Михайло-Архангельскій*, гдѣ имѣетъ мѣстопребываніе Епископъ—Викарій, и *женскій Іоанно-Предтеченскій*. Михайло-Архангельскій мужской монастырь основанъ преп. Кипріаномъ около 1212 года послушникомъ Троицкаго Гледенскаго монастыря, св. мощи котораго почиваютъ подъ спудомъ въ монастырскомъ храмѣ Преполовенія Пятидесятницы. Въ настоящее время монастырь обнесенъ высокою каменною стѣною съ двумя входными воротами съ восточной и западной сторонъ. Между стѣнами находятся четыре церкви. Одна теплая во имя Введенія во храмъ Пресв. Богородицы. Первоначально на мѣстѣ нынѣшней каменной церкви была деревянная, построенная самимъ преп. Кипріаномъ. Въ половинѣ XVII вѣка вмѣсто ея устроена Никифоромъ Ревякинымъ каменная, съ низкими сводами и готическими окнами. Здѣсь рѣзной иконостасъ съ шестью золочеными колоннами іоническаго ордена. Иконы италіанскаго письма. Нѣкоторыя изображенія, находящіяся въ иконостасѣ трапезы сей церкви, интересны и полны глубокаго смысла по своей наглядности и очевидности, таковъ напримѣръ образъ «Всѣхъ святыхъ». Другая церковь—холодная во имя Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ отъ половины XVII вѣка. Здѣсь видно особенное сочетаніе сложныхъ орнаментовъ, замысловатость въ устроеніи цѣлаго и частей и мудрая конструкція его. Михайло-Архангельскій храмъ представляетъ на видъ грандіозное зданіе, увѣнчанное пятью маковицеобразными главами. Храмъ—византійской архитектуры: главный куполъ его высоко утверждается на громадныхъ столбахъ и аркахъ, а стѣны и столбы поражаютъ своею массивностью; въ немъ нѣтъ излишнихъ архитектурныхъ украшеній и нѣжности въ наружныхъ формахъ зданія; къ главному

куполу храма съ восточной и западной сторонъ присоединены по два купола. Стрѣльчатые своды храма опираются на четырехгранные столбы, попарно расположенные вдоль храма. Алтарь отдѣленъ массивными съ арками стѣнами отъ жертвенника и ризничей палатки. Храмъ освѣщаютъ узкія и высокія окна въ готическомъ стилѣ; въ него ведутъ входы съ трехъ сторонъ. На обширной паперти окружающей съ трехъ сторонъ прежде была замѣчательная стѣнопись XVII в., нынѣ же къ сожалѣнію закрашена бѣлилами и здѣсь виднѣются сложныя символическія изображенія въ разныхъ кіотахъ. Самый храмъ украшенъ рѣзнымъ золоченымъ о трехъ ярусахъ иконостасомъ съ древними иконами. Здѣсь есть иконы Строгановскаго письма, таковъ наприм. образъ Прокопія и Іоанна Устюжскихъ чудотворцевъ, иконы Устюжской школы живописи, напр. образъ св. Димитрія Ростовскаго. Въ сѣверо-западномъ углу сей церкви одноярусная, осьмигранная, шатровая колокольня съ 555 п. большимъ колоколомъ. Третья—надвратная Владимірская церковь. Стѣны, двери и окна этого храма украшены разнообразными орнаментами цвѣтовъ, вѣтвей и листьевъ, растеній и проч., исполненными весьма искусно. Изящный иконостасъ его въ три яруса безъ рѣзьбы съ иконами столповаго письма, между которыми дорійскія колонны, съ царскими вратами работы XVII вѣка, украшенными фигурными столбиками и узорчатою рѣзьбою подъ слюдою. Четвертая—Преполовенская церковь съ придѣломъ священномученика Кипріана въ византійско-русскомъ стилѣ, украшена образами столповаго письма. Михайло-Архангельскій монастырь тщательно хранитъ нѣсколько предметовъ, замѣчательныхъ въ археологическомъ и научномъ отношеніяхъ. Таковъ «дикій камень», величиною съ человѣческую голову, которымъ, по преданію, преп. Кипріанъ, прокатывая, указалъ быть монастырской оградѣ и, кромѣ того, этотъ камень возбуждалъ подвижника къ бодрствованію: онъ держалъ его въ рукахъ, чтобы его тѣло не предавалось неблаговременной дремотѣ, а во время сна онъ полагалъ его себѣ въ возглавіе. Нынѣ этотъ камень лежитъ на гробницѣ преп. Кипріана. Замѣчателенъ синодикъ XVI вѣка, писанный красивымъ уставомъ. Въ монастырѣ особенно почитаются два образа: Тихвинская икона

Божіей Матери и Владимірская (1562 г.). Крестъ изъ бѣлаго камня отъ 1625 г. высотою 12 вер. съ весьма замѣчательными на немъ изображеніями. Здѣсь благоговѣйно чествуются до 7 крестовъ съ частицами св. мощей. Складная, круглая, сребро-золоченая панагія, $2^1/_2$ в. въ діаметрѣ. По мнѣнію археологовъ панагія относится къ XIV вѣку. Желѣзный нагрудникъ или рубашка на подобіе брони, $10^1/_2$ ф. вѣсомъ. Изъ предметовъ преп. Кипріана сохранились: деревянный напрестольный крестъ, желѣзные: парамандъ $9^1/_4$ ф. и вериги 10 ф. вѣсомъ. Въ архивѣ хранятся древнія грамоты, относящіяся къ Архангельскому монастырю, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1651 г., писанное полууставомъ, келейная лѣтопись свят. Димитрія Ростовскаго и проч. Близъ храмовъ въ монастырской оградѣ находятся: настоятельскій корпусъ, соединенный съ Архангельскою церковью особою террасою. На юго-востокъ отъ настоятельскаго корпуса, противъ алтаря Архангельской церкви, двухъ-этажный корпусъ братскихъ келей. Здѣсь въ верхнихъ келліяхъ нѣкогда помѣщались Велико-Устюжская духовн. семинарія до упраздненія ея въ 1788 г. Въ недавнее время весь этотъ корпусъ занятъ общежитіемъ учениковъ духовнаго училища. Нынѣ монастырская братія помѣщается въ особомъ корпусѣ на западной сторонѣ монастыря въ связи съ Владимірскою церковью. Михаило-Архангельскій монастырь по собору 1675 г. относился къ разряду «нескрижальныхъ», по духовнымъ штатамъ 26 февраля 1764 г. монастырь занимаетъ 38-ое мѣсто во второмъ классѣ съ архимандритскимъ настоятельствомъ. Съ учрежденіемъ въ 1888 году въ В.-Устюгѣ викаріатства Мих. Арханг. монастыремъ управляютъ Велико-устюжскіе епископы-викаріи.

На сѣверо-восточной окраинѣ г. Устюга на такъ называемой Сокольей или Ивановской горѣ красуется *женскій Іоанно-Предтеченскій монастырь*, основанный въ XIII вѣкѣ обратившимся въ христіанскую вѣру монгольскимъ баскакомъ Бугомъ, названнымъ въ св. крещеніи Іоанномъ. (На этой горѣ Буга охотился съ соколами, почему она называется сокольей, а по главному храму въ монастырѣ въ честь Іоанна Предтечи — Ивановской). До 1764 г. здѣсь былъ мужскій монастырь съ настоятельствомъ игуменскимъ,

а въ семъ году обращенъ въ женскій. Въ монастырѣ двухъ-этажный храмъ начала XVIII вѣка: вверху холодный во имя Рождества Іоанна Предтечи съ придѣлами въ честь Димитрія Ростовскаго и св. Льва, епископа Катанскаго, внизу теплый — во имя трехъ вселенскихъ Святителей съ придѣлами въ честь Виленской иконы Божіей Матери и великомуч. Варвары. Храмъ увѣнчивается тремя главами, изъ коихъ большая на гладкой шеѣ надъ сквознымъ осьмигранным фонаремъ. Съ внѣшней стороны храмъ красиво окружаетъ карнизъ изъ валиковъ съ провѣсами, высѣченныя полуколонны и украшенъ другими стѣнными орнаментами. Изъ св иконъ въ храмѣ замѣчателенъ образъ св. Іоанна Предтечи съ частями св. мощей разныхъ святыхъ. Подъ мѣстными образами въ храмѣ Іоанна Предтечи въ особыхъ клеймахъ приточныя изображенія изъ ветхаго и новаго завѣтовъ, особенно замѣчательно изображеніе подъ иконою трехъ вселенскихъ Святителей. Здѣсъ написанъ хоръ поющихъ по нотной партитурѣ, на латинскомъ языкѣ, первые два стиха I главы книги «Пѣснь пѣсней». Мѣстные образа въ придѣлѣ святителя Димитрія Ростовскаго — превосходной Устюжской иконописи XVII в. Въ храмахъ много старинныхъ иконъ. Въ монастырѣ уцѣлѣло нѣсколько старинныхъ холстинныхъ антиминсовъ, а въ библіотекѣ много книгъ отъ XVII в. Въ настоящее время въ монастырѣ процвѣтаетъ шитье золотомъ ризъ на иконы. Здѣсь нѣкоторое время помѣщалось Устюжское епархіальное училище.

Въ г. Устюгѣ два собора: *Успенскій*, бывшій каѳедральный, во время существованія Велико-Устюжской епархіи и *Прокопіевскій*. Начало существованія Успенскаго собора положено въ XII в., нынѣшній каменный Успенскій соборъ построенъ въ первой половинѣ XVII в. (1619 г.), а затѣмъ въ XVIII в. значительно перестроенъ и украшенъ на средства, пожалованныя императрицею Екатериною II. Соборъ одноэтажный о пяти золоченыхъ главахъ, четырехъ-угольный, а алтарь полукруглый и по древнему состоитъ изъ трехъ отдѣленій: въ срединѣ св. престолъ, по лѣвую сторону жертвенникъ, по правую предалтаріе для приходящихъ священнослужителей. Съ южной стороны пристроенъ въ 1778 г. теплый двухъ-этажный соборъ — во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы и иконы Божіей Матери Одигитріи.

Колокольня состоитъ изъ двухъ корпусовъ, соединенныхъ между собою и съ зимнею церковью. Замѣчательны два колокола: большой въ 1054 п. и старинный отъ 1643 г. Соборъ обнесенъ старинною оградою съ гребнемъ. Въ Успенскомъ соборѣ замѣчательны два чудотворные образа: Божіей Матери Одигитріи, присланный въ соборъ въ 1290 году Димитріемъ и Константиномъ Борисовичами, изъ коихъ послѣднему тогда достался г. Устюгъ. Другой почитаемый образъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы точное изображеніе чудотворнаго Устюжскаго образа, находящагося нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ противъ патріаршаго мѣста перенесеннаго въ Москву при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ и при св. митрополитѣ Филиппѣ. По сѣверной и южной стѣнамъ Успенскаго собора находятся гробницы шести погребенныхъ здѣсь Великоустюжскихъ архіереевъ Въ библіотекѣ Успенскаго собора сохранилось много древнихъ интересныхъ печатныхъ книгъ и до 70 рукописныхъ.

Второй *соборъ* въ г. Устюгѣ находится близъ Успенскаго собора въ одной съ нимъ оградѣ, надъ гробомъ праведнаго Прокопія Устюжскаго чудотворца, живущаго въ XIII вѣкѣ. Каменный *Прокопіевскій* храмъ построенъ въ XVI в. гостемъ Ѳ. Ѳедотов. Гусельниковымъ и переименованъ въ 1682 г. въ соборъ. Въ настоящее время Прокопіевскій храмъ соборный состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ каменныхъ зданій. Холодный храмъ во имя праведнаго Христа ради юродиваго Прокопія Устюжскаго, о пяти главахъ, изъ коихъ средняя на осьмигранномъ фонарѣ. Алтарь снаружи устроенъ въ видѣ трехъ полукружій. По южной и западной сторонамъ церкви устроена проходная трапеза. Около собора съ южной стороны на особомъ каменномъ столбѣ положенъ камень овальной формы съ надписью на четырехъ сторонахъ столба, указывающею на паденіе каменной тучи въ 1290 г. 25 іюня, въ 20 верстахъ отъ Устюга въ Котовальской волости, г. Устюгъ былъ спасенъ молитвами блаженнаго Прокопія. Иконостасъ въ Прокопіевскомъ храмѣ пятиярусный, рѣзной, золоченый, изящной работы Строгановской школы въ XVII столѣтіи. Св. иконы въ иконостасѣ довольно искуснаго письма и очень многія изъ нихъ стариннаго происхожденія. Къ числу драгоцѣнностей и древностей въ семъ соборѣ при-

надлежитъ образъ праведнаго Прокопія, который первоначально былъ покровомъ на гробницѣ прав. Прокопія. Образъ шитъ по зеленой объяри, серебромъ и золотомъ, а лицо угодника изображено шелками. По краямъ всего образа вязью золотомъ вышиты тропарь и кондакъ прав. Прокопію. Образъ украшенъ многими драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Замѣчательна древняя другая икона прав. Прокопія съ житіемъ и чудесами размѣромъ $2^1/_2$ арш. высоты и болѣе 2 ар. ширины. Св. Прокопій изображенъ молящимся предъ иконою Божіей Матери Одигитріи, кругомъ его, въ 40 клеймахъ изображены житіе и чудеса прав. Прокопія. Сохраняются два напрестольные креста съ частицами св. мощей отъ 1654 г. (32 частицы) и отъ 1701 г. (до 36 частицъ). Мощи св. прав. Прокопія почиваютъ подъ спудомъ за лѣвымъ клиросомъ близъ сѣверной стѣны. Второе зданіе Прокопіевскаго собора двухъэтажное —въ нижнемъ отдѣленіи храмъ во имя собора Іоанна Предтечи, въ верхнемъ — во имя митроп. Московск. Алексія. Въ этихъ храмахъ много иконъ глубокой древности. Образа въ иконостасѣ лучшей Устюжской живописи. Здѣсь замѣчательны по древности и драгоцѣннымъ украшеніямъ двѣ настоятельскія ризы, съ вытканными и вышитыми изображеніями и съ жемчужнымъ украшеніемъ. Въ библіотекѣ собора много хранится старопечатныхъ книгъ, рукописныхъ и рукописи о жизни и чудесахъ прав. Прокопія; патерикъ Печерскій; изъ печатныхъ книгъ: Бесѣды І. Златоуста на книги Св. Писанія XVII в., Четьи-минеи 1679, 1695 г. и проч. Подлѣ собора холодная *церковь Св. Іоанна Юродиваго*, Устюжскаго чудотворца, подвизавшагося въ XV в., и теплая (отдѣльнымъ зданіемъ) во имя Богоявленія Господня. Св. мощи блаж. Іоанна почиваютъ подъ спудомъ на лѣвой сторонѣ храма его имени. Въ Іоанновской церкви много древнихъ иконъ и старопечатныхъ книгъ.

Вблизи же соборовъ, направо отъ нихъ, на берегу р. Сухоны, *Спасо-всеградская церковь* въ видѣ домовой въ одномъ корпусѣ съ городскими присутственными мѣстами въ южномъ углу прежде бывшаго Архіерейскаго дома. Эта церковь замѣчательная, какъ мѣсто храненія чтимаго Нерукотвореннаго образа Спасителя имѣетъ слѣдующее происхожденіе. Нѣкогда въ Устюгѣ были два укрѣпле-

нія для защиты отъ непріятелей, одно называлось «Городищемъ» другое «Большою осыпью». Оба укрѣплнія соединялись между собою деревяннымъ мостомъ чрезъ глубокій ровъ, окружавшій «Городище». На этомъ мостѣ вели ворота, устроенныя въ находившейся подлѣ него крѣпостной большой башнѣ; надъ этими-то воротами въ 1447 г. была поставлена икона Нерукотворенный образъ, (высотой 2 арш. 12 вер., шириной 2 арш.), написанная въ томъ же году по обѣту гражданъ, данному во время свирѣпствовавшей тогда въ Устюгѣ и его окрестностяхъ моровой язвы. Въ честь этой иконы и устроена Спасовсеградская церковь. Сначала она была устроена деревянная въ башнѣ надъ входными городскими воротами, а за тѣмъ вмѣсто этой церкви въ 1823 г. устроена церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго Образа, выгорѣвшая въ 1782 г. бывшая Крестовая церковь Велико-Устюжскихъ архіереевъ, которая и донынѣ существуетъ. Въ честь Нерукотвореннаго Образа издревле существуютъ торжественные крестные ходы изъ Успенскаго собора въ Спасовсеградскую церковь въ среды и пятки, начиная со среды второй недѣли Петрова поста до 16 августа. Устюжане обнаруживаютъ великое усердіе къ этимъ крестнымъ ходамъ. Нѣкоторые участвуютъ въ каждомъ ходѣ по обѣтамъ, даннымъ во время болѣзней или другихъ несчастій. Для всѣхъ названныхъ Устюжскихъ храмовъ имѣется одна колокольня при Успенскомъ соборѣ.

Всѣхъ церквей въ В.-Устюгѣ нынѣ до 26 и почти всѣ онѣ древнія, нѣкоторыя относятся еще къ XIII в., наприм. Вознесенская. Нынѣшняя Вознесенская церковь построена въ 1648 году Никифоромъ Ревякинымъ и отличается оригинальнымъ стилемъ. Каменнымъ строеніемъ большая часть церквей явилась въ XVII в. и XVIII в., многія церкви двухъ-этажныя. Архитектура ихъ довольно однообразная. Трапеза отъ церкви чаще отдѣляется простѣнкомъ съ тремя арками для входа; здѣсь устроены скамьи для сидѣнія богомольцевъ. Письмо иконъ—Устюжское или Суздальское. Иконостасы пяти и даже шестиярусные. Въ церквахъ есть особо почитаемыя иконы и разные древніе предметы. Такъ въ Вознесенской церкви древній образъ «Всѣхъ Скорбящихъ Радость» и старинная плащаница, шитая золотомъ, серебромъ и шелками, мѣстами обни-

зана жемчугомъ; по краямъ вышитъ серебромъ тропарь: «Благообразный Іосифъ». При сей церкви въ XIII в. погребены праведные Марія и Іоаннъ. Въ Христорождественской церкви, построенной въ 1716—1729 г. замѣчательныя иконы: мѣстно-чтимая Одигитрія Божіей Матери, Казанская икона Ея и образъ Вседержителя. Послѣднія двѣ иконы отличнаго столповаго письма. Въ сей же церкви хранится крестъ съ 92 частицами св. мощей. На колокольнѣ хранится колоколъ съ голландскою надписью. Въ Спасо-Преображенской церкви въ одномъ крестѣ сохраняется 58 частицъ св. мощей, въ другомъ 47, въ третьемъ 108. Эта церковь до 1422 г. была приходскою, а затѣмъ при ней основанъ женскій монастырь; въ 1764 г. снова обращена въ приходскую церковь. Есть частицы св. мощей въ крестѣ въ ковчежцѣ и въ панагіи при Николаевской Гостинской церкви, построенной въ 1685 г. Изъ иконъ здѣсь пользуются особымъ почитаніемъ храмовая икона святит. Николая Мирликійскаго. Въ Срѣтенско-Мироносицкой церкви, построенной въ 1685—1690 гг. гостемъ Семеномъ Шиловцовымъ, есть 12 частицъ св. мощей въ крестѣ съ надписью: «лѣта 7193 въ сей святый крестъ положены святыя мощи въ царствующемъ градѣ Москвѣ, Благовѣщенскаго собора, что у ветхихъ вратъ на сѣняхъ, іереемъ Іоанномъ, во славу св. Троицы и Пречистыя Богородицы». Въ этой церкви въ иконостасахъ очень старинныя иконы. Въ Симеоновской церкви, построенной въ 1725 году, есть св. икона со вложенными въ нее 204 частицами св. мощей и замѣчательно чтимая икона св. Троицы съ зырянскою надписью. На колокольнѣ Ильинской церкви (отъ 1695 г.) есть старинный колоколъ съ латинской надписью. «Soli Deo gloria. Assverus koster me fecit Amsterdami anno 1638». При Варлаамовской церкви, построенной въ 1704 г., сохранилось военное знамя безъ древка, на шелковой зеленой тафтѣ въ длину и ширину по 1 арш. $5^1/_2$ вер. На немъ шелкомъ вышитъ россійскій государственный гербъ, двухглавый орелъ съ короною, на коронѣ нашитъ крестъ изъ серебрянаго позумента, въ срединѣ орла вышитъ въ кругу единорогъ. Въ Петро-Павловской церкви, построенной въ 1738 г.,—три креста съ частицами св. мощей, въ Пятницкой и Георгіевской—по одному кресту съ частицами св. мощей.

Въ библіотекѣ Георгіевской церкви (отъ начала XVIII в.) хранится писанный уставомъ канонъ прп. Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ, составленный по прошенію строителя сей церкви и прихожанина Ивана Протодьяконова, Святителемъ Димитріемъ, Митрополитомъ Ростовскимъ, ко дню освященія отдѣльнаго храма при сей церкви въ честь Кіевопечерскихъ угодниковъ въ 1704 г. Въ Димитріевско-Дымковской ц., за р. Сухоной, въ иконостасѣ и въ прочихъ мѣстахъ храма есть очень много древнихъ иконъ. Между ними въ теплой церкви особенно достоинъ вниманія образъ Воскресенія Христова съ тропаремъ: «Ісусъ Воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи и гробнымъ животъ дарова». Замѣчательна хоругвь на деревянной доскѣ, обложенной кругомъ желѣзной позолоченой просѣчкой. На восточной сторонѣ лѣтняго Дымковскаго храма снаружи надъ алтаремъ на стѣнѣ подъ особымъ навѣсомъ—икона Всемилостиваго Спаса, размѣромъ $2^1/_2$ сажени. Этотъ образъ написанъ въ началѣ XVIII столѣтія при постройкѣ церкви. Онъ есть копія съ образа на полотнѣ, стоявшаго здѣсь надъ алтаремъ деревяннаго храма въ XVI в. Предъ симъ образомъ горитъ неугасимая лампада и предъ нимъ служатъ молебны отправляющіеся въ путь. Подъ колокольней Александро-Невской церкви устроена часовня, въ которой каждый день съ 1881 г. отправляется молебенъ о здравіи Царствующаго Дома, а въ пятницу—панихида объ упокоеніи императора Александра II. Нѣкоторыя изъ Устюжскихъ церквей близки къ берегу р. Сухоны и положеніе ихъ не безопасно. Былъ уже случай перенесенія одной церкви съ берега на другое мѣсто. Такъ, ежегодное подмываніе и обрываніе этого берега весеннимъ разлитіемъ рѣки вызвало въ 1878 г. перенесеніе Пятницкой церкви на другое мѣсто, безопасное отъ рѣчного разлитія.

Изъ окрестностей г. Устюга достойно упоминанія *село Богородское* съ мѣстно-чтимою Тихвинскою иконою Божіей Матери — находится она въ 4 вер. отъ города при р. Стригѣ подлѣ большой Архангелогородской дороги, устроена около 1750 г. Великоустюжскимъ епископомъ Варлаамомъ для лѣтней его резиденціи. Кругомъ церкви живописно раскинутъ садъ съ прудами, которые, извиваясь по разнымъ направленіямъ, изображаютъ иниціалы епископа Вар-

лаама — Е. В. Пруды окружены деревьями, симметрично расположенными и образующими изъ себя прекрасныя аллеи, есть живописная аллея изъ кедровыхъ деревъ. Село Богородское приписано къ Устюжскому Михайло-Архангельскому монастырю. Въ 1290 г. въ 20 в. отъ Устюга *въ Котовальской волости* во дни праведнаго юродиваго Прокопія разразилась *каменная туча*. На семъ мѣстѣ нынѣ находятся каменная маленькая церковь трехъярусная съ тремя входными дверями и деревянная часовня, два жилыхъ зданія — одно каменное, другое деревянное и холодныя постройки, обнесенныя оградой. 25 іюня, въ день паденія каменной тучи и избавленія отъ нея г. Устюга по молитвамъ праведнаго Прокопія, бываетъ сюда крестный ходъ изъ г. В.-Устюга. Изъ Устюга дальше на сѣверъ по Двинѣ, на Архангельскъ идутъ большіе и очень удобные пароходы, а по Вычегдѣ къ Устьсысольску маленькіе. Въ двухъ верстахъ къ западу отъ В.-Устюга вверхъ по р. Сухонѣ на лѣвомъ берегу ея, на горѣ Янковской находится небогатый заштатный *Знамено-Филипповскій Янковскій монастырь*, основан. въ 1654 г. инокомъ Филиппомъ, св. мощи котораго почиваютъ подъ спудомъ въ семъ монастырѣ. Въ монастырѣ одна пятиглавая церковь: холодная во имя Знаменія Божіей Матери, а теплая — во имя св. митроп. Московскаго Филиппа съ придѣломъ во имя св. Николая Мирликійск. Въ этомъ монастырѣ — двѣ древнія чудотворныя иконы — св. митроп. Московск. Филиппа и Знаменія Божіей Матери. Въ монастырѣ всегда настоятели были строители-іеромонахи. Въ 1908 г. сей монастырь преобразованъ въ женскій. Въ 4 вер. отъ Устюга *Крестовоздвиженская близъ горы* каменная *церковь*. Холодная въ ней верхняя въ честь Воздвиженія Господня, а теплая нижняя — въ честь Казанской иконы Божіей Матери. Церковь построена въ 1857 г. при значительномъ матеріальномъ участіи священника Льва Попова.

Отъ В.-Устюга до Сольвычегодска.

Красавино. Николаевскій Прилуцкій монастырь. Котласъ.

За Устюгомъ Сухона соединяется съ р. Югомъ и образуетъ Малую Двину, а соединяясь съ Вычегдой въ Котласѣ составляетъ Сѣверную Двину, впадающую въ Бѣлое море. Чѣмъ дальше течетъ Сѣверная Двина, тѣмъ больше становится ея водное богатство. Отъ Устюга берега положе; хотя мѣстами есть и высоты, и не такъ красивы. Лѣсу мало. Видна лазуревая даль. Кругозоръ необъятно широкій. Въ 25 вер. отъ Устюга на лѣвомъ берегу есть богатое село «*Красавино*» съ извѣстной полотняной фабрикой купца Грибанова. На горѣ виднѣется новая Князе-Владимірская церковь. Въ 40 вер. отъ Устюга на лѣвомъ берегу Сухоны *Прилуцкій Николаевскій монастырь*, на косогорѣ при устьѣ залива, который своимъ теченіемъ образуетъ излучину или луку, откуда получилось его названіе. Монастырь уже существовалъ во времена царя Грознаго. Церковь одноэтажная, построенная въ 1746 г., въ холодномъ отдѣленіи ея престолъ во имя св. Николая чудотворца, въ тепломъ— во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и великомученика Георгія Побѣдоносца. Въ монастырѣ особенно чествуются двѣ чудотворныя древнія иконы святителя Николая и великомуч. Георгія Побѣдоносца. Чудеса отъ этихъ иконъ описаны въ особой старинной монастырской рукописи, въ которой въ началѣ сообщается древнее сказаніе о Прилуцкомъ монастырѣ. Съ юго-восточной стороны отъ церкви къ заливу устроена деревянная часовня съ родникомъ ключевой воды, осѣняемая огромнымъ кедромъ. Настоятелями монастыря были игумены и строители. По Сѣв. Двинѣ сплавляютъ много лѣса въ Архангельскъ. Отъ Устюга на берегахъ нерѣдко встрѣчаются села съ бѣлокаменными церквами и деревни. Постройка здѣсь хорошая, дома крестьянъ большіе. За Прилуцкимъ монастыремъ на правомъ берегу Двины виднѣется небольшая хижинка-землянка. Оказалось, что это временное жилище Варшавскаго профессора-геолога В. П. Амалицкаго, который здѣсь уже нѣсколько лѣтъ производитъ свои палеонтологическія изысканія въ пермскихъ отложеніяхъ двинскихъ береговъ. Его раскопки дали бо-

гатые результаты. Профессоръ уже нашелъ нѣсколько скелетовъ перейозавровъ, дицинодонтовъ.

Передъ нами селеніе *Котласъ* или Ускорье въ 60 вер. отъ Устюга. Лѣтъ 15 назадъ здѣсь было бѣдное и глухое село, а теперь это мѣсто имѣетъ особенное значеніе, какъ крайній пунктъ Пермь-Котласской желѣзной дороги, составляющей продолженіе великаго Сибирскаго пути къ Архангельскому порту. Село расположено на лѣвомъ берегу Сѣверной Двины, противъ устья р. Вычегды. Здѣсь множество хорошо устроенныхъ хлѣбныхъ амбаровъ съ приспособленіями для ссыпки зерна. Здѣсь долженъ храниться грузъ до дальнѣйшей отправки его по водамъ въ разныя мѣста. Главною цѣлью проведенія желѣзной дороги къ этому захолустному пункту было соединеніе Прикамья съ бассейномъ Сѣверной Двины. Селеніе Котласъ раскинулось по высокой набережной. Здѣсь есть на самомъ берегу у пароходныхъ пристаней церковь въ двухъ отдѣльныхъ зданіяхъ. Главная — Стефановская Котласская одна двухэтажная, другая маленькая съ колокольней и деревяннымъ крыльцомъ. Въ Котласскомъ храмѣ хранится явленная икона Божіей Матери Троеручицы. Недалеко отъ церкви устроена новая деревянная просторная, двухъ-этажная церковно-приходская школа. По берегу проведенъ подъѣздной путь для выгрузки и нагрузки рѣчныхъ судовъ. Здѣсь имѣется до четырехъ пародныхъ пристаней, особенно роскошно отдѣлана пристань желѣзной дороги съ постоянно развѣвающимся флагомъ. На высокій Котласскій берегъ ведетъ широкая деревянная лѣстница съ тріумфальной высокой аркой, покрытой двумя главообразными украшеніями, устроенной по случаю проѣзда в. князя Сергія Александровича. Въ полуверстѣ отъ пародныхъ пристаней каменный вокзалъ Котласской желѣзной дороги; вблизи вокзала много новыхъ разныхъ строеній. Мѣстность около Котласа довольно ровная, растительность бѣдная, есть лѣсъ. Берегъ рѣки очень крутой и обрывистый. Селеніе Котласъ, по прежнему Пырасъ, имѣетъ свое историческое прошлое: здѣсь въ 1379 г. просвѣтитель Зырянъ св. Стефанъ Пермскій началъ свою апостольскую дѣятельность. Прежде здѣсь жили зыряне. Дальше путь лежитъ по р. Вычегдѣ.

Отъ Сольвычегодска до Яренска.

Г. Сольвычегодскъ. Введенскій монастырь. Благовѣщенскій соборъ. Коряжма. Христофорова пустынь. Успенское пустынское селеніе. Храмы по р. Вычегдѣ. Ирта.

Г. *Сольвычегодскъ* расположенъ на берегу р. Вычегды, занимаетъ сухое мѣсто; улицы въ немъ немощеныя. Въ окрестностяхъ нынѣшняго г. Сольвычегодска въ древности проживали чудскія племена. На правой сторонѣ р. Вычегды въ 3 в. отъ мѣста, занимаемаго нынѣ городомъ, на востокъ на устьѣ рѣчки Черной съ давнихъ временъ стоялъ г. Черниговъ, гдѣ нынѣ деревня Городище; съ теченіемъ времени городъ постепенно разрушился вслѣдствіе разливовъ р. Вычегды, а жители выселились въ XIV в. на другое мѣсто къ «Соленому озеру», и этимъ положено основаніе городу Сольвычегодску. Затѣмъ г. Черниговъ сгорѣлъ, тогда жители его окончательно переселились въ г. Сольвычегодскъ. Сюда стали переселяться жители изъ ближайшихъ селъ и деревень. Дальнѣйшее увеличеніе населенія г. Сольвычегодска и процвѣтаніе его началось въ половинѣ XVI в. прежде здѣсь была проѣзжая и сухопутная и водная дорога въ Сибирь и въ другія мѣста. Сольвычегодскъ сталъ многолюднымъ и богатымъ селеніемъ. Первоначально мѣстность, гдѣ теперь г. Соль-Вычегодскъ, находилась въ 6 вер. отъ Вычегды; впослѣдствіи рѣка измѣнила свое русло, и нынѣ Вычегда омываетъ городскіе берега. Соборный храмъ стоитъ на самомъ берегу, и рѣка угрожаетъ ему своими волнами, на что обратилъ вниманіе посѣтившій его в. князь Сергій Александровичъ въ 1898 г. Соль-Вычегодскъ прежде велъ торговлю разнымъ товаромъ, сюда зимою съѣзжались съ торговою цѣлію Сибиряки, Пермяки, Зыряне и пр. Главнымъ предметомъ торговли служили кожи и мѣха.

Съ исторіей Соль-Вычегодска тѣсно связана фамилія именитыхъ людей Строгановыхъ. Они способствовали размноженію населенія Соль-Вычегодска, обогатили и подняли его промышленное значеніе. Еще въ началѣ XVI в. великій князь Василій Ивановичъ далъ Строгоновымъ жалованную грамоту на построеніе ими Соляныхъ варницъ, между прочимъ, и у «Соли-Вычегодской.». Въ это время около Сольвычегодска явилось до 90 соляныхъ варницъ, которыми

владѣли, главнымъ образомъ, Строгановы. Селеніе Сольвычегодскъ Строгановы украшали храмами и много содѣйствовали процвѣтанію въ немъ искусствъ и ремеслъ, необходимыхъ для церковнаго украшенія, какъ-то: иконописнаго, финифтянаго, серебрянаго, сканнаго и проч. Не мало потрудились разными мастерствами для украшенія храмовъ жены, сестры и дочери Строгановыхъ. Образцы этихъ работъ доселѣ хранятся преимущественно въ Сольвычегодскихъ храмахъ. До начала XIX вѣка въ Сольвычегодскѣ неподалеку отъ Благовѣщенскаго соборнаго храма находился деревянный двухэтажный домъ Строгановыхъ съ круглою горницею вверху «бочкою», съ изразцовыми печами, съ малыми окнами и съ скамейками, украшенными рѣзьбою. Рисунокъ Строгановскаго дома въ Сольвычегодскѣ нерѣдко можно видѣть въ иллюстрированныхъ журналахъ (наприм. въ «Нивѣ» за 1880 г. № 11) и школьныхъ учебныхъ пособіяхъ (см. напр. Отечествен. Россія Сиповскаго). Говорятъ, что отъ Строгановскаго дома былъ устроенъ подземный ходъ въ соборный храмъ и въ Введенскій монастырь. Подъ соборомъ находятся палатки, куда, говорятъ, Строгановы чрезъ подземный ходъ скрывали церковныя сокровища отъ нашествія литовцевъ и другихъ народовъ. Въ Вологодскомъ Древлехранилищѣ сохранилась часть кареты Строгановыхъ. Родъ Строгановыхъ въ Сольвычегодскѣ размножился, недалеко отъ него образовалась особая деревня Строгановская, или иначе называется «Петряшино» или «Цирениково». Какъ богатое селеніе, Сольвычегодскъ привлекалъ къ себѣ враговъ въ лицѣ поляковъ, казаковъ и пр., такъ наприм. нападали на него враги въ 1613 г., сожгли много церквей, многихъ убили и жителей пограбили. Но вообще же нашествія были не часты: вѣроятно, боялись враги людей Строгановыхъ, да и сами по себѣ Сусоличи были храбрые люди, они, напримѣръ, ходили противъ Вогуличей и Югры.

Прежде Сольвычегодскъ принадлежалъ къ Архангелогородской губерніи, а съ 1780 г. сталъ уѣзднымъ городомъ Устюжской области, впослѣдствіи Вологодской губерніи. Нынѣ въ Сольвычегодскѣ считается до 2000 жителей. Изъ учебныхъ заведеній есть городское двухъ-классное училище и образцовая второклассная школа.

Въ городѣ бываютъ три небольшія ярмарки. Нынѣ Сольвычегодскъ потерялъ свое промышленное и торговое значеніе. Постройка почти вся деревянная. Гостинницъ нѣтъ, такъ что приходится пріѣзжему человѣку искать пристанища гдѣ-либо въ частномъ домѣ.

Главнымъ украшеніемъ г. Сольвычегодска нынѣ являются храмы Божіи, которыхъ здѣсь много. Введенскій монастырь, Благовѣщенскій соборъ съ тремя приписными церквами, четыре приходскія, при чемъ къ каждой приписано по одной церкви и, кромѣ того, церковь въ тюрьмѣ. Почти въ центрѣ города находится мужской третьеклассный *Введенскій монастырь*. Основаніе монастырю положено въ 1565 г. братьями Строгановыми Яковомъ, Григоріемъ и Семеномъ, дѣтьми Іоанникія. Около 1682 года Григорій Дмитріевъ Строгановъ на собственное иждивеніе построилъ въ теченіи 8 лѣтъ двухъэтажный каменный монастырскій храмъ. Этотъ древній величественный Строгановскій храмъ существуетъ доселѣ почти безъ перемѣнъ. Еще далеко отъ города можно видѣть этотъ большой памятникъ минувшихъ временъ. Рисунокъ храма составленъ былъ въ Голландіи, строили его большею частію иностранные мастера. Фасадъ храма представляетъ образецъ великолѣпной римско-католической архитектуры. Верхній этажъ украшенъ баллюстрадами, нижній — галлереями. Вышина храма до креста большой главы 25 саж., длина 26 саженъ. Въ основаніи своемъ церковь опирается на квадратъ, самый корпусъ церкви имѣетъ форму четвероугольной башни. Крыша почти плоская, закрытая съ боковъ баллюстрадами, на ней высятся пять большихъ, имѣющихъ въ діаметрѣ отъ 3 до 4 саженъ, продолговатыхъ главъ, шеи которыхъ украшены витыми колоннами. Значительно ниже главнаго храма сдѣланы пристройки: къ южнымъ и сѣвернымъ сторонамъ придѣльные храмы, къ восточной алтарь и къ западной крыльцо. Надъ пристройками въ главномъ храмѣ два ряда большихъ, широкихъ, отдѣланныхъ карнизомъ, 18 оконъ по 6-ти на сторонѣ, кромѣ восточной. Оба этажа украшены изъ бѣлаго камня или лѣпною работою, въ видѣ барельефовъ, витыхъ колоннъ, пилястръ, полукруглыхъ фронтоновъ, надъ окнами. Въ придѣлахъ также два ряда оконъ съ двойными карнизами между ними. Главный престолъ верхняго храма во имя Введенія Дѣвы

Маріи во храмъ; въ него ведетъ ширская лѣстница съ тремя площадками. Храмъ освѣщаютъ, кромѣ боковыхъ оконъ, 40 оконъ въ шеяхъ главъ. Въ храмѣ нѣтъ столповъ, несмотря на высоту сводовъ и тяжесть главъ. На стѣнахъ нѣтъ живописныхъ украшеній. Алтарь по старинному раздѣленъ каменными стѣнами на три отдѣленія: въ среднемъ св. престолъ, въ лѣвомъ жертвенникъ и въ правомъ ризничная палатка. Отъ этой палатки по заиконостасной стѣнѣ есть узкій ходъ на крышу храма, откуда можно видѣть верстъ за 40 разстилающіяся окрестности. Красивый семиярусный иконостасъ, увѣнчанный Распятіемъ, составляетъ величественное украшеніе этого древняго храма. Иконостасъ опирается на мраморную солею, возвышающуюся на двѣ ступени. Прекраснымъ украшеніемъ иконостаса служитъ замысловато-искусная рѣзьба. Четыре яруса иконъ украшены великолѣпными рѣзными колоннами, а остальные три яруса—красивыми пилястрами. Высокія царскія врата съ рѣзными золочеными цвѣтами довершаютъ украшеніе этого замѣчательнаго стариннаго иконостаса. Всѣ иконы въ иконостасѣ писаны въ 1613 г. съ лучшихъ италіанскихъ картинъ нѣкогда знаменитымъ иконописцемъ Стефаномъ Дометіевымъ Нарыковымъ изъ домовыхъ людей Строгановыхъ. Особенно прекрасно написаны мѣстныя иконы, которыя блестятъ яркостію колеровъ, отчетливостію и изяществомъ изображеній. Самый иконостасъ сдѣланъ московскимъ мастеромъ Григоріемъ Ивановымъ. Предъ мѣстными иконами висятъ большія старинныя кубчатыя мѣдныя лампады. Въ храмѣ замѣчателенъ по особенному чествованію, украшеніямъ и древности образъ Введенія во храмъ Пресв. Богородицы. Средина образа сканной серебряной работы, поля сребропозлащенныя, унизанныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. На задней сторонѣ имѣется надпись: «сій образъ Богородицы Начальной честнаго и славнаго Ея Введенія общаго монастыря Сольвычегодскія на посадѣ. Поставленіе Іоанникія Строганова, Ѳедорова сына, лѣта 7078 г., а отъ Р. Х. 1570 г.». По бокамъ главнаго Введенскаго храма въ галлереяхъ придѣлы съ южной стороны—во имя Всѣхъ Святыхъ, съ сѣверной—во имя Грузинскія иконы Божіей Матери. Въ тепломъ нижнемъ храмѣ три престола: средній — во имя преп. Антонія и Ѳеодосія

кіевопечерскихъ, съ южной стороны—во имя Богоявленія Господня, съ сѣверной—во имя святителя Митрофанія Воронежскаго. Иконостасы въ этихъ храмахъ работы XIX в. Въ монастырѣ хранится до пяти крестовъ съ частицами св. мощей разныхъ угодниковъ. Между колоколами есть колоколъ—даръ Строгановыхъ. Въ монастырской оградѣ настоятельскій и братскій корпуса.

Около пароходной пристани на самомъ берегу Вычегды близъ городского бульвара (между деревьями) красуется старинный *Благовѣщенскій соборъ*, строенный 23 года на иждивеніе тѣхъ же именитыхъ Строгановыхъ. Въ весеннее время соборъ окружаетъ разлитіе Вычегды съ трехъ сторонъ. Берегъ около собора укрѣпленъ сваями для укрытія отъ наплыва воды. Основаніе собора положено въ 1560 г. До сихъ поръ сохранились на стѣнахъ собора внутри надписи курсивнымъ славянскимъ письмомъ, указывающія на время основанія, освященія и украшенія храма. Въ прежнее время соборъ былъ съ десятью престолами, главный придѣлъ—во имя Благовѣщенія Пресв. Дѣвы Маріи. Въ 1810 г. соборъ значительно пострадалъ отъ пожара, хотя Благовѣщенскій храмъ остался невредимъ. Алтарь его раздѣленъ по старинному на три отдѣленія. Послѣ пожара на южной сторонѣ Благовѣщенскаго храма за капитальною стѣной построена теплая церковь въ честь Срѣтенія Господня, на сѣверной—ризница, а на западѣ—колокольня. Древняя архитектура главнаго Благовѣщенскаго храма вполнѣ сохранилась. Строгановы богато надѣлили соборъ своими вкладами, и все здѣсь говоритъ о нихъ. Иконостасъ—старинный въ четыре яруса, въ нижнемъ ярусѣ столбцы съ цировкою, во второмъ рѣзные, въ третьемъ съ нагибами и въ четвертомъ гладкія капители и карнизы вызолочены по полименту. Въ верху иконостаса 29 изображеній на жести херувимовъ и серафимовъ. Царскія врата съ сѣнью и двумя столбцами по сторонамъ; сѣнь, врата и столбцы покрыты прорѣзнымъ золоченымъ оловомъ. Посрединѣ два столба поддерживаютъ массивные своды храма. Въ иконостасѣ много иконъ—отъ Строгановыхъ, съ надписями на нихъ. Есть иконы, написанныя «государевыми иконописцами Назаріемъ и Истомою Савиными». Есть старинные образа на обѣихъ сторонахъ. Отъ вре-

менъ Строгановыхъ сохранились ихъ украшенія на иконахъ; оклады изъ тонкаго серебра, вѣнцы, цаты, ожерелья, гривны изъ дорогого металла, жемчугъ, драгоцѣнныя камни, перламутровыя раковины и проч. Сохранилось нѣсколько пеленъ—работы женъ и дочерей Строгановыхъ. Особенно замѣчательны искусство и прочность вышиванія золотомъ и серебромъ по кафтерной камкѣ и по атласу изображеній святыхъ. Такъ интересна пелена, на которой вышиты золотомъ, серебромъ и шелками: Царевичъ Димитрій въ длинной одеждѣ, въ ростѣ, потомъ близъ этого изображенія въ полупрофиль Димитрій Царевичъ въ меньшемъ видѣ, подлѣ него убійца въ шапкѣ съ тупымъ верхомъ—поражаетъ его ножомъ въ горло, далѣе душа Димитрія въ видѣ младенца въ ростъ, нѣсколько въ профиль съ обращеннымъ взоромъ къ небу. По бокамъ пелены вышиты разные святые, а на углахъ символы Евангелистовъ. На обратной сторонѣ пелены по малиновому бархату вышито: «(7103) 1654 года Октября 19 совершена бысть сія пелена къ образу святого благовѣрнаго царя и великаго князя Димитрія Московскаго и всея Россіи чудотворца, что на посадѣ и Соливычегодской въ церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы по обѣщанію именитаго человѣка Димитрія Андреевича Строганова, а труды и тщаніе сія пелены жемчугомъ жены его Димитрія Андреевича Анны Ивановны, а въ лицахъ и ризахъ и во всякой утвари труды инокини Маѳы, по реклу Веселки» (изъ рода Строгоновыхъ). Длина пелены 1 ар. 15 в., ширина 1 ар. 3 в. Въ соборѣ еще хранится древній камчатый покровъ съ мощей св. Алексія, митрополита Московскаго, данный въ Благовѣщенскій соборъ для придѣла митропол. Алексія «по моленію и повелѣнію Семена Строганова» (7080 г.). Въ Благовѣщенскомъ храмѣ есть замѣчательная шелковая кисть, замѣняющая барометръ: кисть привѣшена къ лампадѣ предъ образомъ Максима Исповѣдника на правой сторонѣ у столпа. Замѣчено, что къ ненастной погодѣ эта кисть свивается или скручивается и въ такомъ положеніи остается, пока не настанетъ ведро. Въ соборѣ есть нѣсколько евангелій, крестовъ, подсвѣчниковъ съ надписями, указывающими на жертвователей—Строгановыхъ. Въ четырехъ крестахъ множество частицъ св. мощей. Здѣсь же хранится холстинный ста-

ринный саккосъ съ изображеніемъ Распятія, Воскресенія Христова и Святыхъ, петли ременныя, пуговицы шелковыя. Внизу подъ соборомъ помѣщались въ прежнее время каменные мѣшки, куда сажали Строгановы преступниковъ; остатки мѣшковъ сохранились донынѣ. Около собора погребены многіе благодѣтели собора—Строгановы.

Въ приписной къ Благовѣщенскому собору Успенской церкви хранится древняя, почитаемая тамошними жителями, Цесарская икона Божіей Матери, чудеса отъ которой не перестаютъ совершаться и донынѣ. Спасо-обыденный храмъ, устроенный однодневно по случаю морового повѣтрія въ 1571 г., замѣчателенъ двумя досточтимыми иконами: Нерукотвореннымъ образомъ Спасителя, написанъ въ одинъ день вмѣстѣ съ храмомъ и иконой Божіей Матери Цѣлительница—недавняго происхожденія. Въ той же церкви три креста съ св. мощами, одинъ изъ нихъ—Строгановыхъ. Въ приписной къ Спасо-обыденной въ Спасо-Преображенской церкви--два креста съ мощами. Въ Борисо-Глѣбской церкви, прежде монастырской, древнѣйшая чудотворная икона Божіей Матери Одигитріи, написанная московскимъ живописцемъ Истомою Савинымъ и другая икона чудотворн. преп. Варлаама Хутынскаго и Прокопія Устюжскаго (изображены на одной дскѣ) не позднѣе 1550 г. Объ этихъ иконахъ подробно повѣствуется въ древней рукописи (отъ 1660 г.) сохранившейся при церкви. Здѣсь же хранятся два креста съ св. мощами,—одинъ отъ 1702 г. Изъ предметовъ древности въ Борисо-Глѣбской церкви замѣчательны: Евангеліе въ листъ, съ серебряною сканною позолоченою отдѣлкой, пожертвованное въ даръ царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами и сестрой ихъ Софьей Алексѣевной въ 1685 г., напрестольный крестъ, пожалованный въ храмъ въ 1702 г., изъ придворной Благовѣщенской церкви, шитые серебромъ и золотомъ покровы для Св. Даровъ. Въ Крестовоздвиженской церкви хранятся: чтимая икона Скорбящей Божіей Матери и два креста съ мощами. Въ Воскресенской церкви, приписной къ Крестовоздвиженской, особенно почитается чудотворная икона Божіей Матери Одигитріи, которая существовала еще до 1648 г. Въ прежнее время ради сей иконы былъ крестный ходъ изъ Устюга въ Сольвычегодскъ. Другая почитаемая икона въ семъ храмѣ—Ѳеодо-

ровская Божіей Матери и два креста съ мощами. Въ Знаменo-Богородицкой церкви и почитается чудотворная икона Знаменія Божіей Матери.

Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ по берегамъ р.р. Сухоны, Юга и Вычегды находится въ большомъ количествѣ бѣлый известковый камень-опока. Въ 15 вер. выше Сольвычегодска среди сосновыхъ и кедровыхъ деревьевъ виднѣется *Николаевскій* общежительный мужской *монастырь въ Коряжмѣ*. Онъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ близъ устья рѣчки Коряжемки, впадающей въ Вычегду съ лѣвой стороны. Этотъ монастырь основанъ двумя иноками преп. Логгиномъ и Симономъ, пришедшими сюда изъ Грязовецкихъ Корнильевскаго и Павло-Обнорскаго монастырей въ 1535 г. съ «Крестомъ Христовымъ Павловы пустыни» (въ лѣто 7043 или 1535 г.). Этотъ крестъ доселѣ хранится въ Коряжемскомъ монастырѣ надъ гробницею преп. Логгина. Въ исторіи этого монастыря имѣетъ важное значеніе игуменъ его Александръ, впослѣдствіи епископъ Вятскій и Великопермскій. Родился онъ въ 1602 году около Коряжемскаго монастыря, въ этомъ монастырѣ былъ постриженъ и былъ игуменомъ. Сюда онъ въ 1674 г. удалился на покой съ Вятской каѳедры и здѣсь скончался, принявъ схиму съ именемъ Андрея. Епископъ Александръ имѣлъ нѣкоторыя пререканія съ патріархомъ Никономъ и съ Вологодскими архіепископами Маркелломъ и Симономъ. До 1666 г. онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ раскольниками, Нероновымъ, игуменомъ Ѳеоктистомъ, боярыней Морозовой и др., но на соборѣ 1666 г. онъ раскаялся въ своихъ сомнѣніяхъ и съ четвертаго засѣданія принималъ участіе въ дѣяніяхъ собора. Епископъ Александръ во всю свою жизнь былъ сердечно привязанъ къ своему родному Коряжемскому монастырю и много сдѣлалъ для его благолѣпія, неоднократно посѣщая его изъ разныхъ мѣстъ своего служенія и дѣлая вклады. Здѣсь онъ построилъ на свои средства каменную Благовѣщенскую церковь. Въ кормовыхъ книгахъ Коряжемскаго монастыря въ благодарность сему Владыкѣ подъ 30 ноября и 17 декабря записано: «память Преосв. Александра еп. Великопермскаго,—служити игумену соборомъ, на братію кормъ и нищихъ кормити и милостыню у воротъ давати, сколько нищихъ

прилучится и къ Солѣ (т. е. въ городъ Сольвычегодскъ) въ богадѣльни хлѣба возити и въ тюрьму». Съ теченіемъ времени монастырь этотъ оскудѣлъ монашествующими и казною и въ 1864 г. закрытъ и приписанъ къ Сольвычегодскому Введенскому монастырю. Но по ходатайству Вологодскаго Епархіальнаго Начальства и вслѣдствіе щедрой жертвы на него (40 т. р.) Кяхтинскаго купца Хаминова онъ въ 1896 г. снова востановленъ самостоятельнымъ и учреждено въ немъ общежитіе съ Саровскимъ уставомъ, еще до прославленія преп. Серафима. Нынѣ въ Коряжемскомъ монастырѣ два храма: соборный холодный во имя Благовѣщенія Пресв. Дѣвы Маріи съ пятью главами, устроенный на средства епископа Александра, съ придѣломъ св. Николая чудотворца. Въ 1871 г. въ этомъ храмѣ двѣ трети свода провалились внутрь церкви, опрокинувъ столбъ, поддерживавшій сводъ. Внутри храма значительно пострадалъ иконостасъ и престолъ. На раку преп. Логгина насыпалось кирпича и мусору болѣе сажени, но рака и все, что было на ней, нисколько не пострадала. Въ Благовѣщенскомъ храмѣ очень много старинныхъ иконъ, здѣсь же сохранилось нѣсколько иконъ — вкладъ епископа Александра, о чемъ свидѣтельствуютъ надписи на иконахъ. Около гробницы преп. Логгина (близъ иконостаса въ углубленіи сѣверной стѣны) на особомъ столѣ колючая власяница и холстинная фелонь преподобнаго. Пелена на ракѣ устроена Матроною Ѳеод. Строгановой. Между крестами замѣчателенъ крестъ съ 88 частицами св. мощей отъ 1657 г. Въ 10 саженяхъ къ югу отъ Благовѣщенскаго храма теплая церковь во имя Нерукотв. Образа Спасителя съ одной главою, построенная въ первой половинѣ XVIII в. Здѣсь замѣчателенъ древній чтимый образъ св. Николая Мирликійскаго чудотворца греческаго стиля. Въ трапезѣ сей церкви въ иконостасѣ образъ Св. Троицы—даръ Макс. Як. Строганова. У сѣверо-западнаго угла Благовѣщенскаго храма въ связи съ нимъ каменная четыреугольная, съ шатрообразнымъ верхомъ, колокольня, на ней колоколъ 103 п. 10 ф.— вкладъ еп. Александра. Подъ колокольней палатка для ризницы со слюдяными рамами въ окнахъ. Между церквами близъ юго-западнаго угла Благовѣщенскаго храма каменная часовня съ старинными иконами подъ Кладеземъ, иско-

паннымъ преп. Логгиномъ, съ водою, очень пріятной на вкусъ. Въ монастырѣ сохранилось нѣсколько церковныхъ облаченій еп. Александра, его схима и портретъ. Внутри ограды кельи для настоятеля, братіи и разныя служебныя постройки. Близъ монастыря двѣ кедровыя рощи, приносящія въ годъ до 200 руб. дохода. Пароходы иногда останавливаются около монастыря и ѣдущіе посѣщаютъ монастырь для поклоненія преп. Логгину.

Въ 18 верстахъ отъ Коряжемскаго монастыря и въ 28 вер. отъ Сольвычегодска къ юго-востоку на верховьяхъ рѣчки Коряжемки находится *Богородицкая Христофоровская церковь,* бывшая до 1764 г. мужской пустынью, которая основана въ 1555 г. преп. Христофоромъ, выходцемъ изъ Коряжемскаго монастыря. Братія монастыря благословила въ путь шествующаго старца Христофора иконою Божіей Матери Одигитріи, съ которою онъ никогда не разставался. Эта святая икона съ теченіемъ времени получила силу чудотворенія. Сначала св. икону старецъ помѣстилъ въ особоустроенную для нея часовню. Когда же чудеса отъ св. иконы стали привлекать сюда множество богомольцевъ, старецъ построилъ церковь во имя иконы Божіей Матери Одигитріи. Вскорѣ въ 150 саж. отъ церкви открылся цѣлебный источникъ воды изъ камня. Св. икона и цѣлебная вода послужили къ прославленію пустыннаго мѣста и новой обители. Особенно получила извѣстность эта обитель вслѣдствіе чуда надъ супругою Московскаго царя Іоанна В. Грознаго царицей Анастасіей Романовной. Въ старинномъ сказаніи, сохранившемся въ архивѣ Богородице-Христофоровской церкви, разсказывается, что однажды больная царица Анастасія во снѣ видитъ Пресв. Богородицу въ образѣ прекрасной жены и слышитъ ея голосъ: «Царица Анастасія! ты часто призываешь Меня на помощь, желая получить выздоровленіе отъ своей болѣзни. Пошли своихъ людей въ неславную и малоизвѣстную пустыню Пресв. Богородицы, гдѣ находится чудотворный образъ честнаго и славнаго Одигитрія; пустыня та называется Христофоровской. Пусть принесутъ оттуда благодатной воды Моей, которая истекаетъ изъ камня. Когда ты получишь и напьешся той воды, здрава будешь»! Посланы были слуги за св. водою, которую принесъ самъ старецъ

Христофоръ. Царица Анастасія испила св. воды и, «въ той часъ отъ обдержащія скорби и болѣзни бысть здрава». Исцѣленная царица богато украсила св. икону и дала большую сумму денегъ на устройство обители, и донынѣ сохранилось почти все украшеніе царицы Анастасіи на иконѣ Богоматери. Надъ благодатнымъ источникомъ въ Христофоровской пустынѣ сначала была устроена малая часовенька, потомъ пространная, а въ 1876 году вмѣсто часовни Иркутскимъ купцомъ тайнымъ совѣтникомъ Ив. Ст. Хаминовымъ построена деревянная холодная церковь. Св. источникъ находится посреди церкви и обнесенъ желѣзною рѣшеткою. Кромѣ сего здѣсь два каменные храма—теплый во имя иконы Одигитріи Б. М., построенный въ 1763—1770 г. и холодный во имя Введенія во храмъ Пресв. Богородицы въ два свѣта, устроенъ въ концѣ XIX в.

Въ 642 вер. отъ Вологды и въ 186 в. отъ Устюга на правомъ высокомъ берегу Вычегды раскинулось красивое село съ высокою двухъ-этажною *Успенскою пустынскою церковью.* Церковь построена въ 1774 г., колокольня въ одной связи съ ней перестроена въ 1895 г., верхній холодный храмъ съ однимъ престоломъ въ честь Успенія Божіей Матери, въ нижнемъ тепломъ въ честь Николая чудотворца и другой во имя великом. Варвары, а въ 1896 г. на сѣверной сторонѣ церкви съ отдѣльнымъ входомъ изъ церковной паперти устроенъ придѣлъ въ честь препод. Стефана чудотворца (память 28 марта). При церкви полукаменная богадѣльня на 12 человѣкъ обоего пола, содержится на проценты съ капитала 1600 руб. Зданіе для богадѣльни и капиталъ пожертвованы бывшимъ прихожаниномъ, нынѣ Московскимъ купцомъ Ст. Ал. Ларіоновымъ. Мѣстечко здѣсь красивое. По обрывистому берегу тянется мѣстница въ 234 ступени съ тремя на ней площадками. Великій князь Сергій Александровичъ 4 іюня 1898 г. посѣтилъ мѣстный храмъ, богадѣльню, министерское училище и домъ священника. На память о своемъ посѣщеніи Успенской Пустынской церкви велик. Князь послалъ въ даръ сребро-позлащенный потиръ. Въ память посѣщенія села Успенскаго вел. княземъ Сергіемъ Александровичемъ устроена «Сергіевско-Елизаветинская школа грамоты». Кромѣ того, при церкви же есть министерское

училище въ собственномъ каменномъ зданіи и школа грамоты въ деревнѣ.

Отъ Сольвычегодска до Яренска довольно часто по берегамъ встрѣчаются селенія съ засѣянными рожью и яровымъ полями, а дальше въ стороны—непроходимыя и малонаселенныя мѣста. Вообще же природа въ Яренскомъ уѣздѣ печальная. По берегамъ чаще виднѣется лиственница. Встрѣчающіеся церкви большею частію двухъ-этажныя, большія, но съ низкими колокольнями. На правомъ берегу р. Вычегды въ 30 вер. отъ г. Яренска находится *Троицкая Вожемская церковь*. Здѣсь доселѣ хранится икона—Сошествіе Св. Духа—произведеніе живописи св. Стефана Пермскаго. На ней темными красками обычно изображено Сошествіе Св. Духа на Апостоловъ. Надпись на иконѣ Пермскими письменами представляетъ четыре стиха второй главы книги Дѣяній Св. Апостоловъ. Здѣсь же находилась другая икона Св. Троицы съ зырянскою надписью, которая около 1790 г. перенесена въ Вологду въ теплый кафедральный Соборъ. На другомъ берегу Вычегды противъ Вожемской ц. стоитъ *Христорождественская Цилибская или Селибская церковь*. По преданію, около этой церкви были обширныя владѣнія Осколковыхъ, знатныхъ переселенцевъ изъ Новгорода, неуступавшихъ въ промышленности и торговли Строгановымъ. Прежде Цилибская церковь славилась богатыми украшеніями и утварью, пожертвованными Осколковыми. Нынѣ въ церкви хранится бархатная пелена, пожертвованная одною изъ супругъ царя Іоанна Грознаго. Здѣсь была прежде пустыня, основанная преп. Димитріемъ Цилибійскимъ, ученикомъ св. Стефана Пермскаго. Мощи преп. Димитрія почиваютъ подъ спудомъ въ особой часовнѣ въ 8 саж. отъ церкви. Въ 17 вер. отъ Яренска по Вычегдѣ на правомъ берегу *Воскресенская Иртовская церковь* съ приписной къ ней *Спасской Иртовской*. Церкви стоятъ на высокомъ открытомъ берегу. Храмы увѣнчаны одною главою, высоки, одна двухъ-этажная съ невысокою колокольнею. Неподалеку отъ нихъ каменная часовня. Въ Спасской Иртовской церкви хранится древній чудотворный Нерукотворенный Образъ Спасителя, написанный св. Стефаномъ Пермскимъ, весьма большого размѣра (2 арш. 14 верш.

высоты; 2 арш. 4 верш. ширины); какъ чудотворный, образъ извѣстенъ съ 1642 г. При церкви хранится старинная рукопись о прославленіи этой иконы, въ которой записано 147 чудесъ отъ иконы.

Отъ Яренска до Устьсысольска и Ульянова.

Г. Яренскъ. Гамъ и Шежортъ. Устьвымь и его прошлое. Коквицы. Зыряне. Г. Устьсысольскъ. Соборы и Стефановскій храмъ. Села по Вычегдѣ. Деревянское. Ульяновъ монастырь у зырянъ. Устькуломъ. Природа дальнаго сѣвера.

Слѣдующій уѣздный городъ близъ рѣки Вычегды — *Яренскъ*, отстоящій отъ своего губернскаго города на 723 вер. Названіе свое получилъ или отъ р. Яреньги, или отъ Яранъ, каковымъ именемъ называлась Чудь или Самоѣды, жившіе здѣсь. Въ первый разъ Яренскъ упоминается въ 1612 г. Первоначально гор. Яренскъ находился за рѣчкою Кижмолою, ниже нынѣшняго мѣста, близъ рѣкъ Вычегды и впадающей въ нее рѣки Яреньги. Городъ Яренскъ нынѣ — уже на третьемъ мѣстѣ, переселиться на которое заставили жителей, около 1632 г. частыя наводненія. Яренскъ окружаютъ рѣчки Кижмола и Кишера; городъ расположенъ на болотистомъ мѣстѣ, въ длину простирается на одну версту, въ ширину менѣе версты. Въ самомъ городѣ протекаютъ два ручейка, впадающіе въ р. Кижмолу. Когда при Строгановыхъ г. Сольвычегодскъ велъ торговлю съ Сибирью, Яренскъ, какъ лежавшій на пути, имѣлъ значеніе, служа складочнымъ мѣстомъ; нынѣ же онъ совсѣмъ упалъ. Въ началѣ XVIII вѣка городъ Яренскъ значился въ Архангелогородской губерніи и при росписаніи провинцій въ 1719 г. вошелъ въ составъ Велико-Устюжской провинціи. При учрежденіи Вологодскаго намѣстничества и областей въ 1780 г. Яренскъ остался въ Устюжск. области, а затѣмъ по уничтоженіи въ 1797 г. Устюжскаго областного управленія г. Яренскъ сталъ уѣзднымъ городомъ Вологодской губ. Яренскъ нерѣдко служилъ мѣстомъ ссылки, такъ здѣсь находились въ ссылкѣ бояринъ Василій Никитичъ Романовъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ (въ 1690—1691 г.). Постройка въ городѣ почти вся деревянная, улицы немощеныя. Названія улицъ довольно громскія — Милліонная, Бархатная. Около Яренска развита охота за бѣлками или векшами, почему въ былое время ярекшанъ называли «векшеѣдами».

Кромѣ соборнаго храма, въ городѣ три церкви. Соборъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ храмовъ — теплый въ честь иконы Божіей Матери «Всѣхъ скорбящихъ Радости» и холодный Спасо-Преображенскій. Нынѣшній Скорбященскій соборъ построенъ въ началѣ XIX вѣка, трехъ-этажный, въ окружности имѣетъ 45 саженъ, увѣнчанъ пятью главами. Храмъ имѣетъ отопленіе нагрѣтымъ воздухомъ. Въ соборѣ, кромѣ главнаго престола, два придѣла: лѣвый въ честь святителя Николая Мирликійскаго, и правый—во имя Аѳанасія и Кирилла, патріарховъ Александрійскихъ. Всѣ три алтаря рядомъ. Въ ноябрѣ 1870 г. соборъ значительно пострадалъ отъ пожара. Внутри теплый соборъ благолѣпный и помѣстительный: своды его поддерживаются на четырехъ колоннахъ. Иконостасъ двухъ-ярусный. Въ тепломъ соборѣ есть нѣсколько иконъ особенно чтимыхъ, древнихъ и цѣнныхъ по украшенію. (Такъ, на западной стѣнѣ храма образъ Господа Вседержителя, написанный въ древне-греческомъ стилѣ, древнѣйшій изъ всѣхъ иконъ собора, изъ стараго г. Яренска). Холодный Спасо-Преображенскій соборъ построенъ въ половинѣ XVIII в.; соборъ увѣнчанъ одною главою. Иконостасъ пятиярусный. Стѣны храма украшены живописью. Направо придѣлъ—во имя Іоанна Предтечи, налѣво — во имя евангелиста Луки. (Здѣсь есть нѣсколько иконъ, на которыхъ указано время написанія ихъ и иконописецъ, главнымъ образомъ отъ начала XVIII в., больше же написаны изографомъ Иваномъ Дьяковымъ). Придѣльные иконостасы въ два яруса. Въ этомъ соборѣ замѣчательны иконы: 1) Божіей Матери «Всѣхъ скорбящихъ Радость», 2) Неопалимая Купина (съ надписью старославянскими буквами: «и сія Божественная Купина Неопалимая разумѣся Божія воплощенія таинство збытія». На сей иконѣ изображено множество ликовъ: пророковъ и праотцевъ, царей—Давида и Соломона, судіи Гедеона, первосвященника Аарона, Евангелистовъ и пр. съ надписями, относящимися къ изображеннымъ лицамъ) и 3) Образъ Нерукотвореннаго Спаса. Всѣ эти иконы пользуются особымъ почитаніемъ у гражданъ и окрестныхъ жителей. Въ церковной соборной ризницѣ хранятся древнія Евангелія отъ 1677 (два отъ этого года), и отъ 1698 г.; потиръ со лжицею съ подписью на немъ: «потиръ сей принесенъ вкладомъ въ Спасо-Преображенскій

соборъ Вел. Княз. Сергѣемъ Александровичемъ, въ память посѣщенія Имъ города Яренска 2 іюня 1898 г.». Книги: «Жезлъ Правленія» отъ 1667 г. «Вечеря душевная». Іером. Симеона Полоцкаго, отъ 1676 г.

Въ Покровской церкви г. Яренска есть замѣчательн. икона «Похвала Пресв. Богородицы». Въ срединѣ иконы изображенъ храмъ съ тремя главами, наверху иконы въ рядъ шесть изображеній. Рождество Богородицы, Казанская икона Божія Матери, икона Знаменія Б. М., еще два изображенія и икона Покрова Пресв. Богородицы. (Кругомъ храма написаны начала икосовъ и кондаковъ изъ акафиста Божіей Матери). При кладбищенской церкви погребенъ въ 1795 г. юродивый Аѳанасій, который донынѣ пользуется большимъ почитаніемъ: ежегодно послѣ Пасхи бываетъ крестный ходъ къ его могилѣ и здѣсь совершается по немъ панихида.

Въ г. Яренскѣ около 1000 жителей. Изъ учебныхъ заведеній имѣются женская прогимназія, городское трехклассное училище и приходское. Бываютъ въ году двѣ ярмарки, во время которыхъ торгуютъ, кромѣ обычныхъ товаровъ, пушнымъ, дичью и рыбой.

За Яренскомъ по берегамъ р. Вычегды лежитъ нѣсколько погостовъ съ древнезырянскими названіями, таково, напримѣръ, село *Гамъ* съ Михаило-Архангельскою церковью, въ 40 вер. отъ города Яренска, въ $1^1/_2$ верстѣ отъ праваго берега р. Вычегды. Сюда въ 1379 году св. Стефанъ Пермскій прибылъ изъ Котласа и проповѣдывалъ о Христѣ. Здѣсь была главная идольская кумирница. Св. Стефанъ сжегъ кумирницу, за что гамичи ожесточились противъ него, почему святитель удалился отъ нихъ, назвавъ Гамъ „слѣпымъ“, каковое названіе существуетъ за нимъ и доселѣ. Населеніе села Гама исключительно зырянское, плохо понимаетъ русскую рѣчь. Гамичи занимаются хлѣбопашествомъ и отчасти лѣснымъ промысломъ. Далѣе на правомъ берегу р. Вычегды селеніе Шежартъ съ Спасскою церковью. Изъ Гама и Шежартъ св. Стефанъ Пермскій перенесъ свою проповѣдь на устье рѣки Выми въ Устьвымь.

Село *Устьвымь* находится на правомъ берегу р. Выми, впадающей въ р. Вычегду близъ него, въ 85 в. отъ Яренска къ гор. Устьсысольску и въ 800 в. отъ Вологды. Это мѣсто одно изъ лю-

бопытнѣйшихъ; здѣсь до сихъ поръ уцѣлѣли слѣды первыхъ просвѣтителей зырянъ, повторяются интересныя разсказы о подвигахъ. Село Устьвымь красиво раскинулось на отлогомъ берегу рѣки Выми. Храмы Устьвымскіе высятся на двухъ высокихъ холмахъ. Бѣлокаменные храмы со многими домами издали кажутся красивымъ городкомъ. За домами зеленѣютъ пашни, а по берегамъ Выми и Вычегды разстилаются обильные травою луга, а далѣе тянется въ необозримую даль густой лѣсъ. Основаніе Устьвыми относится къ глубокой древности. Особенное же значеніе это селеніе получило со времени святителя Стефана Пермскаго, просвѣтителя зырянъ. Здѣсь онъ поставилъ первую въ землѣ пермской церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы. Затѣмъ Устьвымь вскорѣ становится „владычнымъ городомъ“: каѳедральнымъ мѣстомъ для Устьвымскихъ или пермскихъ святителей. Здѣсь, въ Устьвыми епископы жили съ 1383 г. до 1503 г., когда архіерейская каѳедра была перенесена въ Вологду. Съ образованіемъ Устьвымской или Пермской епархіи первоначальная Благовѣщенская церковь сдѣлалась каѳедральнымъ соборомъ.

Вскорѣ около Благовѣщенской церкви св. Стефанъ основалъ Михаило-Архангельскій мужской монастырь. Въ этомъ монастырѣ жили пермскіе епископы, и Архангельская церковь сдѣлалась домовою или Крестовою церковью Устьвымскихъ архіереевъ. Вблизи уже построенныхъ церквей на мѣстѣ побѣды своей надъ кудесникомъ Памой св. Стефанъ устроилъ третью церковь во имя святителя Мирликійскаго Николая, а немного позднѣе—въ честь Вознесенія Господня. Когда Устьвымская епархія была упразднена и епископы стали жить въ Вологдѣ, бывшій каѳедральный Благовѣщенскій соборъ обращенъ въ приходскую церковь, а Михаило-Архангельскій монастырь оставленъ подъ именемъ Устьвымской Михаило-Архангельской пустыни, съ настоятельствомъ игуменскимъ, а иногда строительскимъ до штатовъ 1764 г., въ этомъ же году монастырь-пустыня упразднена и обращена въ приходскую церковь. Село Устьвымь съ перемѣщеніемъ отсюда епископовъ стало принадлежать къ Вологодской епархіи, съ учрежденіемъ же въ 1689 г. Устюжской епархіи Устьвымь перешла къ послѣдней; по упразднe-

ніи же въ 1786 г. Устюжской епархіи Устьвымь снова присоединена къ Вологодской епархіи. Въ древнее время на Устьвымь неоднократно нападали враги, напр. новгородская вольница, вогуличи. Для защиты отъ непріятелей устьвымцы на холмахъ, гдѣ находятся церкви, устраивали бойницы или башни. До половины XIX в. въ Михаило-Архангельской пустынской церкви хранилась семипяденная пищаль, служившая для обороны монастыря при нападеніи на Устьвымь враговъ.

Въ Устьвыми, кромѣ св. Стефана Пермскаго, были святители Исаакій, Герасимъ, Питиримъ, Іона, Амфилохій, Филоѳей и Никонъ. Устьвымскіе епископы пользовались высокимъ уваженіемъ Московскихъ великихъ князей, митрополитовъ и всѣхъ современниковъ. Хотя Устьвымская епархія отстояла весьма далеко отъ Москвы и пути сообщенія были очень неудобны, тѣмъ не менѣе святители Устьвымскіе часто были вызываемы въ Москву и принимали дѣятельное участіе во всѣхъ важныхъ церковныхъ дѣлахъ. Святителей Стефана, Герасима, Питирима и Іону Господь прославилъ даромъ чудесъ. Православная церковь за святую ихъ жизнь и чудеса причислила къ лику святыхъ россійской церкви. Святитель Стефанъ скончался въ Москвѣ и погребенъ въ церкви у Спаса на Бору; гдѣ и донынѣ его св. мощи покоятся подъ спудомъ. Св. мощи епископовъ Герасима, Питирима и Іоны покоятся подъ одною ракою въ бывшемъ ихъ каѳедральномъ соборѣ Благовѣщенской церкви. Въ настоящее время прежній «Владычный городъ» представляетъ обыкновенное небогатое село. Хотя четыре столѣтія прошли, какъ перестали здѣсь жить епископы, но до сихъ поръ въ народной памяти слышатся указанія на эти давнія времена.

Народъ доселѣ Благовѣщенскую церковь именуетъ соборомъ, Михаило-Архангельскую—монастыремъ, священника первой—соборнымъ, второй—монастырскимъ; мѣсто, гдѣ жилъ святит. Стефанъ, обозначено крестомъ подъ навѣсомъ, ближайшую деревню называютъ «монастырская пустыня» отъ имени Михаило-Архангельскаго монастыря или пустыни; указываютъ мѣсто, гдѣ святитель Стефанъ построилъ училище для приготовленія пастырей изъ природныхъ зырянъ, въ которомъ самъ былъ первымъ наставникомъ и проч.

Въ селѣ Устьвими нынѣ четыре отдѣльныя церкви и пятая колокольня отдѣльнымъ зданіемъ, два прихода. Въ одномъ приходѣ Благовѣщенская церковь и близъ нея церковь во имя святителя Стефана Пермскаго и чрезъ почтовую трактовую дорогу колокольня. Благовѣщенская церковь каменная, холодная, одноэтажная двухсвѣтная, освящена въ 1746 г. на мѣстѣ деревянной бывшей каѳедральной пермскихъ святителей. Въ ней старинный семи-ярусный иконостасъ, въ 1903 г. значительно ремонтированный. Въ нижнемъ ярусѣ золоченые столбцы и капители съ искусной рѣзьбой, по столбцамъ вьются виноградныя лозы съ ягодами. Въ нижнемъ ярусѣ иконостаса замѣчательны по древности иконы: 1) храмовая икона Благовѣщенія Пресв. Богородицы стариннаго столповаго письма съ 24 изображеніями изъ акаѳиста Божіей Матери, 2) старинная икона святителя Стефана Пермскаго, 3) икона Божіей Матери Одигитріи, писанная яичными красками, 4) икона Живоначальныя Троицы или явленіе трехъ Ангеловъ патріарху Аврааму подъ дубомъ мамврійскимъ. Въ нижней части иконы изображенъ юноша въ красной короткой одеждѣ и сапогахъ, возсѣдающій на спинѣ бѣгущаго овна, правой рукой вонзаетъ ножъ подъ голову овна, а лѣвой держитъ его за правый рогъ. 5) Во второмъ ярусѣ на иконѣ Благовѣщенія Пресв. Дѣва Марія представлена стоящею на колѣняхъ, архан. Гавріилъ предъ нею съ крестомъ въ рукахъ, между ними на полу раскрытая книга. Къ главному холодному храму Благовѣщенія въ концѣ XVIII вѣка съ сѣверной стороны пристроенъ каменный, одноэтажный двухсвѣтный придѣлъ во имя всѣхъ святыхъ вмѣсто деревянной церкви, здѣсь же стоявшей, во имя святителей Устьвымскихъ Герасима, Питирима и Іоны надъ ихъ святыми мощами подъ спудомъ. Иконостасъ здѣсь трехъ-ярусный съ столбцами и капителями. Главная достопримѣчательность этого храма—общая гробница надъ тремя почивающими здѣсь подъ спудомъ пермскими епископами: Герасимомъ, Питиримомъ и Іоною съ лежащею на ней старинною иконою (дата на иконѣ 1607 г.) въ человѣческій ростъ Устьвымскихъ святителей. Предъ гробницею виситъ сребро-позлащенная лампада съ разноцвѣтною эмалью, пожертвованная великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ въ

память посѣщенія Имъ села Устьвыми 2 іюня 1898 г. Есть рукописныя тетради съ записью чудесъ, совершившихся по молитвамъ Устьвымскихъ святителей.

Неподалеку отъ холодной церкви къ западу каменная теплая церковь во имя святителя Стефана Великопермскаго, построенная въ 1755—1768 гг. Иконостасъ здѣсь пяти-ярусный. Въ Стефановской церкви есть также нѣсколько древнихъ иконъ, но особенно много таковыхъ въ особой палаткѣ при Стефановской церкви. Къ западу отъ храмовъ чрезъ большую дорогу высится каменная двухъ-ярусная колокольня. Между колоколами выдѣляется по древности и звуку иностранный колоколъ, вѣсомъ 58 п. 30 ф. съ голландско-нѣмецкою надписью: «Николай Нольдъ, начальникъ во время Андрея Мойера священника, въ 1628 г., Яковъ Зантъ-фонъ-Марле областной начальникъ въ Бургайнѣ. Святаго Мартина колоколомъ называюсь я, грозу разгоняю я; во имя Бога вышелъ я изъ огня, Мартинъ Шмане Кюстринскій лилъ меня въ Гейдельбергѣ въ 1628 г.» Въ ризницѣ Благовѣщенской церкви хранятся: деревянный потиръ, по преданію, отъ временъ Стефана Пермскаго, раскольническое кадило съ стальной ручкой и желѣзный вѣнецъ для брачующихся. Въ библіотекѣ есть древнія книги, напр. Апостолъ 1676 г. и 1697 г., минея 1625 г., рукописная служба Устьвымскимъ святителямъ, священ. служебные сосуды, сребро-золоченые,— даръ преосвящ. Вологодскаго Евгенія, впослѣдствіи Кіевскаго митрополита, сребро-золоченый напрестольный крестъ, пожертвованный великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ на память посѣщенія Имъ Устьвыми.

Въ 40 саж. отъ Благовѣщенской церкви и прихода есть другой Михаило-Архангельскій храмъ, обращенный изъ монастыря въ 1764 г. Нынѣшняя каменная теплая Михаило-Архангельская церковь построена въ 1795 г.—1806 г., круглой формы съ пяти-ярусным иконостасомъ. Въ этомъ приходѣ самая древняя изъ Устьвымскихъ церквей двухъэтажная Вознесенская церковь отъ 1771 г. По всей вѣроятности, въ нижнемъ отдѣленіи ея была монастырская трапеза, на что указываетъ внутреннее ея устройство. Въ особой палаткѣ при Михаило-Архангельской церкви очень много старин-

ныхъ иконъ, нѣкоторыя очень хорошаго письма и прекрасно сохранились. Въ ризницѣ Михаило-Архангельской церкви хранятся Евангеліе 1668 г., типиконъ 1682 г., оловянные богослужебные сосуды и проч.

Въ настоящее время въ селѣ Устьвыми до 100 домовъ, до 25 торговыхъ лавокъ для бывающихъ здѣсь ярмарокъ съ оборотомъ около 100 т. рублей въ годъ, жителей обоего пола около 700 человѣкъ; стефановская двухклассная мужская и одноклассная церковно-приходскія школы. Населеніе зырянское, но понимаетъ русскую рѣчь и говоритъ по русски. Постройка небогатая, дома большею частію небольшіе, есть съ плоскими крышами, съ разнообразными по величинѣ окнами въ одномъ и томъ же домѣ и даже не на одинаковой линіи.

За Устьвымью на правомъ берегу р. Вычегды *Христорождественская Коквицкая церковь* въ двухъ отдѣльныхъ зданіяхъ. Одна изъ нихъ двухъэтажная, обычнаго стиля, съ очень помѣстительной папертью. Другую церковь украшаютъ пять небольшихъ главъ. Коквицкіе храмы посѣтилъ вел. кн. Сергѣй Александровичъ 2 іюня 1898 г. и на память о посѣщеніи прислалъ въ церковь сребропозлащенный напрестольный крестъ. Недалеко отъ Коквицкихъ храмовъ небольшая приписная къ нимъ Іоанно-Предтеченская Ижелтинская церковь. Мѣстность здѣсь открытая, и виднѣется много деревень. Въ рѣкахъ попадаются песчаные наносные острова, нерѣдко покрытые травою и даже поросшіе ивой. По берегамъ выходитъ много крестьянъ-зырянъ.

Зыряне очень любопытны, всѣмъ интересуются. Нѣкоторые понимаютъ русскую рѣчь, а есть и совершенно непонимающіе по русски. Народъ грязный. Одежда у нихъ своеобразная и больше собственнаго издѣлія. Мужчины носятъ на головахъ шляпы изъ овечьей шерсти, или шапки-долгоушки изъ оленьей шкуры, женщины—повойники и платки. Рубашки зырянъ изъ грубаго крашенаго холста домашняго приготовленія. Верхняя одежда—малица—родъ кафтана изъ оленьей шкуры, шерстью внизъ; совики—похожи на малицу только шерстью наружу. Малицы и совики не имѣютъ полъ, съ отверстіемъ для головы. Къ нимъ пришиваются шапка и

рукавицы. Малицы покрываются дешевымъ сукномъ, а совики ничѣмъ не покрываются. На спинѣ иногда носятъ лазъ или лузанъ—въ родѣ кожанаго мѣшка или жилета, обыкновенно внутрь его зыряне кладутъ все необходимое, когда идутъ на охоту или на рыбную ловлю. На рукахъ носятъ кушенчи или рукавицы изъ собачьей шкуры, на ногахъ коты—въ родѣ галошъ, или бродни—сапоги съ длинными голенищами, пестрые вышитые чулки, а въ холодное время—пимы—обувь изъ оленьей шкуры шерстью наружу. Вмѣсто пояса носятъ ремень съ пришитою скобою—для топора. Лѣтомъ для защиты отъ мошекъ и комаровъ зырянинъ носитъ комаровку изъ холста или колпакъ, который покрываетъ голову и шею; любимые цвѣта зырянина—красный, бѣлый и синій. Зыряне занимаются охотой и славятся, какъ искусные стрѣлки, напр. на разстояніи 80 саженъ попадаютъ бѣлкѣ въ носъ или глазъ, не испортивши шкуры. Въ сентябрѣ у зырянъ начинается первое лѣсовое—осеннее, которое продолжается около трехъ мѣсяцевъ, съ января по апрѣль—зимнее. Часто промышленники изъ дома отлучаются на 300—400 верстъ, нерѣдко уходя въ сибирскіе предѣлы.

Далѣе на лѣвомъ берегу Вычегды небольшая Спасская часовская церковь, здѣсь же строится новая церковь. Въ Яренскомъ и Устьсысольскомъ уѣздахъ много выстроено часовень въ деревняхъ или на открытомъ мѣстѣ; здѣсь часто встрѣчаются деревянные кресты, поставленные безъ всякаго повода. Верстъ за 25 отъ Устьсысольска на правомъ берегу стоитъ одноэтажная съ высокою круглою двухъ-ярусною колокольнею и таковымъ же шпилемъ *Богоявленская Зеленецкая церковь*. Надъ срединой церкви высокій куполъ съ пятью небольшими главами. Эта церковь нѣсколько уклоняется отъ общаго здѣсь типа постройки церквей. Обычная архитектура здѣшнихъ церквей однообразна: низменная колокольня съ высокимъ шпилемъ, въ одинъ ярусъ, двухъэтажныя церкви, верхній этажъ часто двухъярусный. Въ селѣ Зеленецъ великій князь Сергій Александровичъ 3 іюня 1898 г. посѣтилъ храмъ и школу. Берега здѣсь унылые, природа чахлая, только ель да сосна; небо бѣлое, а не голубое, облака спускаются низко надъ землею, стелется туманъ. Въ маѣ и іюнѣ по ночамъ совершенно свѣтло можно

и безъ огня читать всю ночь. Версты за 3 до Устьсысольска пароходъ въѣзжаетъ въ р. Сысолу. Правый берегъ этой рѣчки предъ Устьсысольскомъ красивый, съ отдѣльными небольшими холмами. Предъ г. Устьсысольскомъ по правому берегу тянется большая деревня Теньтюково, гдѣ находится на высокомъ пригоркѣ деревянная большая часовня.

Г. Устьсысольскъ самый отдаленный изъ городовъ Вологодской губерніи, отъ г. Вологды въ 879 верстахъ. Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу р. Сысолы, впадающей въ Вычегду. Прежде здѣсь было зырянское селеніе Сысольское. Въ первой половинѣ XVIII в. Устьсысольское селеніе было центромъ Устьсысольской волости, подчиненное въ административномъ отношеніи Яренскому воеводству. Зыряне зовутъ этотъ городъ «Сыктылдъінъ-понъ». Съ 1780 г. Устьсысольскъ сталъ уѣзднымъ городомъ Вологодской губерніи. И нынѣ это небольшой городъ съ населеніемъ около 4 тысячъ человѣкъ. Зданія большею частію деревянныя. Есть въ немъ духовное училище (1822 г.), едва-ли не лучшее зданіе въ городѣ, на высокомъ берегу, надалеко отъ берега р. Сысолы; четырехклассная женская прогимназія, трехклассное городское училище, два приходскія училища—мужское и женское двѣ церковно-приходскія школы и школа грамоты. Въ городѣ нѣтъ приличнаго садика, гдѣ бы можно было погулять. Правда, есть небольшой съ немногочисленными и небольшими березками, но онъ отданъ частному лицу въ аренду для сѣнокоса, а другой жалкій садикъ—съ чахлыми деревцами на берегу р. Сысолы. И при частныхъ домахъ рѣдко можно видѣть садики. За то въ городѣ и особенно около него можно встрѣтить посѣянную рожь или ячмень. Въ городѣ бываетъ одна Георгіевская ярмарка съ 23 ноября до 4 декабря; оборотъ ея иногда доходитъ до 150 т. руб. Торгуютъ пушнымъ товаромъ, лѣсною дичью, мануфактурными, бакалейными и галантерейными товарами. Въ Устьсысольскѣ повсюду слышится зырянская рѣчь. Крестьяне, умѣющіе говорить по русски, предпочитаютъ зырянскую рѣчь, говорятъ—«проще по зырянски». Окрестности Устьсысольска небогатыя; природа бѣдная. Изъ цвѣтовъ попадаются кое-гдѣ желтые и лишь изрѣдка голубые. Жители Усть-

сысольска, держащіе рогатый скотъ, на лѣто переправляютъ его на другую сторону р. Сысолы для пастбища и тамъ устраиваютъ лѣтнія помѣщенія для скота. Утромъ и вечеромъ прислуга или хозяева отправляются туда за молокомъ съ большими берестовыми «бураками».

Пути сообщенія, особенно зимой, очень неудобны. Почта доставляется здѣсь поздно, напр. Петербургскія газеты получаются часто чрезъ двѣ недѣли по выходѣ, а весной и осенью иногда черезъ мѣсяцъ.

Въ городѣ, кромѣ соборныхъ церквей, есть обширный Стефановскій храмъ, кладбищенскій, деревянный Воскресенскій, церковь при подворьѣ Стефано-Ульяновскаго монастыря и деревянный храмъ при тюремномъ замкѣ (отдѣльное зданіе). Холодный *соборный* храмъ съ колокольнею, во имя Живоначальныя Троицы, построенъ въ 1753 году, одноэтажный, одноглавый, съ придѣлами на право во имя св. ап. Петра и Павла, на лѣво—во имя святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Въ главномъ храмѣ иконостасъ пяти-ярусный, въ придѣлахъ въ два яруса. Въ Троицкомъ соборѣ обращаютъ вниманіе по древности и письму слѣдующія иконы: 1) за южными дверями предъ клиросомъ образъ Воскресенія Христова, въ срединѣ его изображенъ І. Христосъ, на лѣво сатана, ангелы освобождаютъ души людей изъ ада, кругомъ въ 18 клеймахъ представлена исторія страданій Христа, начиная съ умовенія ногъ и кончая «Пилатъ повелѣ печатати гробъ». На иконѣ сдѣлана запись «1679 г. Октября 12 совершишася сія св. икона въ державѣ Московскаго государства на Устюге Великомъ устюжанинъ Аѳанасій Петровъ Соколовъ. За золото и за краски и за работу и за все взялъ пятнадцать рублевъ». 2) въ трапезной части церкви—«образъ Господа нашего Іисуса Христа, начало индикта». При этомъ соборѣ двухъ-ярусная колокольня; на верху второго яруса ея желѣзные часы съ разными приводами. Колокольня соединяется съ лѣтнимъ соборомъ особой длинной галлереей. Теплый соборъ двухъэтажный съ одною главою во имя Покрова Пресв. Богородицы, построенъ въ 1733 г. Въ нижнемъ этажѣ, кромѣ главнаго храма, два придѣла — на право во имя св. Іоанна Предтечи, на лѣво —

во имя великомученика Георгія. Иконостасъ двухъ-ярусный; въ церкви низко и темно. Въ храмѣ пользуются особеннымъ почитаніемъ двѣ иконы съ частицами св. мощей, при чемъ въ одной иконѣ болѣе 120 частицъ св. мощей, въ другой болѣе 60. Надъ Покровскою церковью въ 1792 г. надстроена очень помѣстительная, высокая, свѣтлая церковь, въ два свѣта, въ честь Нерукотвореннаго Образа Спасителя, освященная въ 1808 г. епископомъ Вологодскимъ Евгеніемъ, впослѣдствіи митрополитомъ Кіевскимъ. Представляется здѣсь величественнымъ иконостасъ съ своими массивными золочеными колоннами. Въ этомъ храмѣ и въ трапезной его части собрано много старинныхъ иконъ, напр. на одной иконѣ въ трапезѣ изображено сотвореніе жены и грѣхопаденіе прародителей. Въ алтарѣ примѣчателенъ сребропозолоченный кубокъ съ крышкой, на коей гербъ Россійскаго государства; по краямъ кубка вычеканено: «Божіею милостію Великій Государь царь и Великій князь Петръ Алексѣевичъ и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ пожаловалъ симъ кубкомъ вѣсомъ въ 3 ф. Китайскаго отпуска купчину гостинной сотни Йвана Прокопьева, сына Саватѣева, за многорадѣтельную его службу, что онъ учинилъ въ нашу Великаго Государя казну въ покупкѣ и продажѣ товаровъ прибыли 53796... Данъ на Москвѣ изъ Сибирскаго приказу лѣта отъ Р. Х. 1706 іюля въ 9». Высота кубка съ крышкой 14 в., въ діаметрѣ около 3½ вер. Въ особой соборной палаткѣ хранится нѣсколько старинныхъ иконъ. Въ ризницѣ соборной есть старинныя книги, напр., Евангелія отъ 1688 г., 1697 г., 1703 г. и др. отъ XVII в. и девять грамотъ отъ XVII и XVIII в.в. Устьсысольскіе соборы стоятъ на самомъ обрывистомъ берегу р. Сысолы. Берегъ постепенно осыпается; у самаго берега виднѣется чья-то могила, по преданію строителя соборовъ. Въ землѣ подъ соборами есть водяные ключи. Были попытки укрѣплять берегъ, но ключи находили ходъ. Замѣчено, что соборы постепенно понижаются. Вообще въ будущемъ многимъ церквамъ, устроеннымъ на берегахъ Сухоны и Вычегды, напр. въ Устюгѣ, въ Тотьмѣ, грозитъ опасность паденія. Величественный *Стефановскій храмъ* оконченъ постройкой въ концѣ XIX в. Храмъ двухъэтажный. Вверху одинъ придѣлъ въ честь

св. Стефана Пермскаго. Въ церкви очень высоко, много свѣта, такъ какъ окна въ два ряда и, кромѣ того, въ куполѣ четыре большія окна. Посреди церкви массивные четыре столба. Иконостасъ позолоченый, въ четыре яруса. Въ иконостасѣ замѣчательны три большія иконы на холстѣ изъ С.-Петербургскаго Исаакіевскаго собора: Спасителя благословляющаго дѣтей, Владимирской иконы Божіей Матери и Снятіе со креста. Въ нижнемъ отдѣленіи Стефановскаго храма два придѣла въ честь иконы «Всѣхъ скорбящихъ Радость» и св. Харлампія. Двухъ-ярусная колокольня при Стефановскомъ храмѣ высится отдѣльнымъ зданіемъ. Стефановскій храмъ могъ-бы быть украшеніемъ губернскаго города и не затерялся-бы среди столичныхъ храмовъ. Прочіе Устьсысольскіе храмы ничѣмъ не выдаются.

Въ 12 верстахъ ниже гор. Устьсысольска по р. Вычегдѣ въ 2 вер. отъ рѣки, въ сосновомъ лѣсу академикъ Шегренъ нашелъ до 60 кургановъ; одинъ изъ нихъ онъ раскопалъ и по найденнымъ слѣдамъ угля увидѣлъ, что тутъ покойники были погребены чрезъ сожженіе; вещей въ разрытомъ курганѣ не нашлось. Вообще Шегренъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ нашелъ много городищъ и въ другихъ мѣстахъ, въ церковныхъ архивахъ (напр. въ Вотчинской Богородской ц.) видѣлъ множество старинныхъ документовъ, интересныхъ для исторіи края.

За Устьсысольскомъ въ 64 вер. на пригоркѣ берега р. Вычегды бѣлѣется одноэтажная деревянная Богородицкая Важкурская церковь съ однимъ придѣломъ во имя собора Пресв. Богородицы построенная въ 1878 г., а далѣе на томъ же берегу Спасо-Преображенская Небдинская церковь, въ 77 вер. отъ Устьсысольска. Въ селѣ Небдинѣ два храма—одинъ каменный, построенный въ 1819 г., одноэтажный, съ высокимъ куполомъ и двухъ-ярусною колокольнею; въ холодномъ храмѣ престолъ во имя Преображенія Господня, въ тепломъ два престола — въ честь свят. Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ и другой—во имя свят. Стефана Пермскаго; рядомъ съ ней деревянная одноэтажная церковь отъ 1785 г. во имя ап. Петра и Павла. Въ селѣ Небдинѣ бываетъ Аѳанасьевская ярмарка съ 18 до 27 января съ оборотомъ до 130 т. рублей. (Главные ижемскіе

товары: оленья шерсть, издѣлія изъ оленьихъ шкуръ, пушной, бакалейный и галантерейный товары. При церкви есть церковная лавка, дающая дохода въ годъ до 90 рублей). Въ Небдинскомъ приходѣ указываютъ два мѣста кургановъ: одно на лѣвой сторонѣ р. Вычегды, противъ самаго села Небдина, въ 2 верстахъ отъ него, извѣстно подъ названіемъ «Малый боръ» и другое близъ озера Шойнаты, т. е. озера покойниковъ или труповъ.

Почти на половинѣ отъ Ульянова монастыря и Устьсысольска (отъ города въ 87 вер.) на берегу Вычегды небольшая деревянная Введенская Сторожевская церковь, построенная въ 1882 г., холодная съ престоломъ во имя Воскресенія Христова, теплая — въ честь Введенія во храмъ Пресв. Богородицы. Верстахъ въ 60 отъ Ульяновой пустыни на берегу Вычегды Троицкая Подъельская церковь въ Зырянскомъ приходѣ съ 3000 населеніемъ обоего пола, небольшая, построена въ 1826 г., холодная во славу Св. Троицы, теплая— во имя архистратиги Михаила, по одному придѣлу. (Въ тепломъ храмѣ на сѣверной сторонѣ только одно окно, на южной три; въ церкви темно и низко). Въ церкви есть нѣсколько старинныхъ иконъ, напр., икона св. Николая Чудотворца, Нерукотворенный образъ Спасителя и большой деревянный крестъ. Колокольня съ высокимъ шпилемъ, одноярусная. Мѣстность около Подъельской церкви очень красивая, кругомъ сосновый боръ и составляетъ исключеніе въ тамошней лѣсистой и суровой странѣ. Берега Вычегды не красивы, подмыты напоромъ воды. Тамъ и сямъ плаваютъ въ Вычегдѣ цѣлыя деревья, оторванныя съ мѣста силою воды.

На берегу же Вычегды ютится Прокопьевская Пезмогская церковь съ 1843 г., въ холодной одинъ придѣлъ въ честь Богоявленія Господня, въ теплой два—во имя Прокопія и Іоанна Устюжскихъ и св. муч. Власія. Въ Пезмогскомъ приходѣ два мѣста съ древними могилами: одно вверхъ по рѣкѣ Вычегдѣ на лѣвой сторонѣ по теченію въ 7 вер. отъ селенія Моржъ-моя-ягъ, а другое вверхъ по р. Вычегдѣ близъ Пезмогскаго озера въ мѣстности Шой-на-ягъ. Въ 1027 вер. отъ г. Вологды въ 150 в. отъ Устьсысольска живописно раскинулось на лѣвомъ гористомъ берегу Вычегды село *Деревянское*. По берегу настроены крестьянскіе дома

и надъ ними величественно возвышается Христорождественскій двухъ-этажный храмъ, построенный въ 1874—1878 г.г., нижняя теплая церковь во имя Рождества Христова, верхняя холодная — въ честь Рождества Богородицы. Вблизи храма въ 1900 г. устроена второклассная двухъэтажная школа—первая по времени открытія среди зырянскаго населенія. Жители Деревянска и сосѣднихъ деревень занимаются хлѣбопашествомъ, звѣроловствомъ и рубятъ лѣсъ для отпуска за границу. Мѣстность здѣсь красивая.

На востокѣ отъ села Деревянска, въ 17 верстахъ какъ на ладони красуется бѣлокаменный величественный *Троицкій-Стефановскій-Ульяновскій монастырь*. Основаніе этому монастырю положилъ святитель Стефанъ Пермскій. Монастырь расположенъ при подошвѣ холмистаго возвышенія, пересѣкаемаго на юго-востокѣ рѣчкою Мельничною, а на западѣ Спасскимъ озеромъ. За этимъ озеромъ открывается красивый лугъ по берегу Вычегды. Съ сѣверо-востока холмъ пересѣкается ручьемъ Ягъ-шоромъ, за которымъ разстилаются лѣса по волнообразной поверхности. Главныя зданія монастыря расположены на высокомъ угорѣ, съ одной стороны котораго протекаетъ Вычегда, а съ остальныхъ трехъ—окружаютъ овраги и ручьи. Св. Стефанъ основалъ свою пустыню во имя Нерукотвореннаго Образа Спасителя. Затѣмъ названная обитель пришла въ запустѣніе. Вогуличскій князь Асыка, разорявшій верхневычегодскія зырянскія селенія около половины XV в., коснулся и этой обители. По преданію, одна разбойничья шайка по Вычегдѣ похитила у одного священника дочь его Ульяну, которая,не желая отдаться врагамъ, бросилась съ лодки атамана въ рѣку и утонула противъ того мѣста, гдѣ теперь находится монастырь, почему съ того времени монастырь сталъ именоваться Ульяновскимъ. Въ XVII вѣкѣ вдовый Московскій священникъ Ѳеодоръ, въ иночествѣ Филаретъ Тюрнинъ, вмѣстѣ съ своими сыновьями возстановилъ заброшенную Ульяновскую пустынь, но затѣмъ она вскорѣ была упразднена и существовала, какъ заштатный безприходный погостъ. Въ такомъ положеніи эта пустыня находилась до 1860 г., когда по ходатайству Вологодскаго епархіальнаго начальства и по опредѣленію Св. Сунода здѣсь учрежденъ мужской общежительный мо-

настырь подъ наименованіемъ Троицко-Стефановскаго Ульяновскаго съ настоятельствомъ строительскимъ.

Этотъ монастырь учрежденъ былъ главнымъ образомъ для Устьсысольскаго и Яренскаго зырянскихъ уѣздовъ, гдѣ зыряне могли бы находить тихое пристанище для спасенія души. Первоначально насельниками этого монастыря явилась братія изъ упраздненной тогда Лальской Архангельской обители, Вологодской губерніи. Но главными возстановителями этой дальней сѣверной обители явились, по вызову, опытные въ духовной жизни старцы Соловецкаго монастыря. Особенно много потрудился въ этомъ дѣлѣ настоятель архимандритъ Матѳій. Благодаря неусыпнымъ трудамъ Соловецкихъ иноковъ, Ульяновскій монастырь является благоустроеннымъ и сталъ красою зырянскаго края. Нынѣ здѣсь высятся величественные Божіи храмы; золотые кресты ихъ горятъ на синевѣ неба; громко и торжественно льется въ воздухѣ мощный звонъ колокола, призывая богомольцевъ въ храмъ. Многія и другія тамъ красуются каменныя зданія вмѣсто прежнихъ убогихъ деревянныхъ построекъ. Прежде всего новые насельники позаботились вмѣсто разрушавшагося братскаго дома построить новый деревянный корпусъ изъ 24 братскихъ келій съ довольно широкимъ посреди ихъ корридоромъ, здѣсь же были отдѣлены комнаты для настоятеля; въ нижнемъ отдѣленіи устроены были трапезы и кухня. На восточной сторонѣ корпуса устроена церковь. Въ 1867 г. была освящена церковь съ двухъ-ярусымъ иконостасомъ. Въ 1869 г. былъ устроенъ второй деревянный братскій корпусъ на сѣверной сторонѣ.

Въ 1869—1872 гг. былъ построенъ обширный двух-этажный каменный Троицкій соборъ. Техническою частью постройки собора завѣдывалъ архитекторъ самоучка отецъ Ѳеодосій, переселившійся изъ Соловецкаго монастыря, по рожденію зырянинъ. Въ верхнемъ соборѣ, по желанію Вологодского епископа Палладія, впослѣдствіи митрополита Петербургскаго, посѣтившаго Ульяновскій монастырь во время постройки его, устроенъ лишь одинъ придѣлъ во имя Живоначальной Троицы. Въ Троицкомъ храмѣ престолъ бронзовый въ 14 п. вѣсомъ. Иконостасъ для верхняго храма изготовленъ въ

Петербургѣ на средства тамошняго купца Моденова. Иконы для иконостаса написаны въ Петербургѣ придворнымъ академикомъ художникомъ Вас. Мак. Пошехоновымъ въ греческомъ стилѣ. Освященіе храма совершилось 21 іюня 1875 г. Въ Троицкомъ храмѣ замѣчательны бронзовыя хоругви, пожертвованныя изъ Московской дворцовой Кремлевской церкви Спаса-на-бору, гдѣ почиваютъ св. мощи Стефана Пермскаго. Здѣсь же хранится чудотворная икона Похвалы Божіей Матери, принесенная изъ Москвы въ 1667 году іеромонахомъ Филаретомъ, возстановителемъ Ульянова монастыря. На этой иконѣ, кромѣ Пресв. Богородицы съ Спасителемъ, изображены разные святые и херувимы, а внизу видъ Ульянова монастыря. Въ нижнемъ этажѣ собора три придѣла: главный въ честь Нерукотвореннаго Образа, на правой сторонѣ—во имя Похвалы Пресв. Богородицы, а на лѣвой во имя святит. Стефана Пермскаго. Здѣсь находятся слѣдующія святыни и достопримѣчательности: 1) Явленная чудотворная икона Спасителя на холстѣ; 2 и 3) Другая икона Спасителя малаго размѣра и икона Божіей Матери. Означенныя три иконы были чудесно обрѣтены старцами-иноками Ульянова монастыря въ 1867 г. въ Москвѣ во время сбора пожертвованій на этотъ монастырь и были представлены Московскому митрополиту Филарету; приложившись къ нимъ, святитель сказалъ: «это милость и благословеніе Божіе надъ вашею обителью, сохраните ихъ!» 4) Чудотворный Нерукотворенный Образъ Спасителя также привезенный изъ Москвы іеромон. Филаретомъ Тюрнинымъ въ 1667 г. съ видомъ древней Ульяновой пустыни. 5) На паперти нижняго собора большая икона на холстѣ въ рамкѣ съ греческими надписями, сложной композиціи. 6) Частица св. мощей св. Стефана Пермскаго въ металлическомъ кіотѣ, отдѣленная отъ св. мощей его по волѣ Московскаго митрополита Иннокентія въ 1875 г. 7) Частицы св. мощей: мученицы Іуліаніи, Соловецкихъ угодниковъ, Тихона Задонскаго, великом. Пантелеймона въ особыхъ ковчегахъ. 8) Части хитона Спасителя и древа Животворящаго Креста Господня. Въ монастырской ризницѣ при верхнемъ соборѣ хранится перламутровый крестъ, данный въ благословеніе Ульяновой обители Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, присланный ему съ гроба Гос-

подня; древнія Евангелія отъ 1668 г. и 1768 г. и напрестольное Евангеліе вѣсомъ 1 п. 35 ф. и нѣсколько старинныхъ рукописей. Главные старцы возобновители Ульяновой пустыни погребены въ паперти нижняго собора, трудами ихъ воздвигнутаго.

Въ 1872—1876 г.г. построена каменная колокольня въ 31 сажень высотой съ четырьмя башнями по угламъ. Въ связи съ колокольнею по обѣимъ сторонамъ ея устроены два корпуса: съ южной для братской трапезы, подъ которою просфорня и хлѣбопекарня, съ сѣверной—въ два этажа монашескія кельи. Подъ колокольней трапезная церковь во имя Зосимы и Савватія Соловецк. чудотворц. Надъ этою церковью, во второмъ этажѣ колокольни, еще небольшая церковь во имя Николая чудотворца. Въ третьемъ и четвертомъ ярусахъ колокола, большой колоколъ вѣситъ 534 п. 20 ф. московскаго завода Самгина, второй 303 п. 35 ф., всѣхъ колоколовъ на колокольнѣ 22. Звонъ получается пріятный, мягкій, трогающій душу. Въ пятомъ ярусѣ колокольни башенные часы. Колокольня увѣнчана деревяннымъ осмерикомъ. Новая монастырская трапеза представляетъ изъ себя обширную комнату, высокую и свѣтлую, со сводами. Въ ней свободно можетъ помѣститься до 500 человѣкъ. Въ братской трапезѣ и въ кельяхъ настоятеля еще до прославленія преп. Серафима Саровскаго находились два совершенно одинаковыя изображенія сего св. старца въ полный ростъ, въ полумантіи, согбеннымъ, на холстѣ въ рамкѣ, въ длину около 2 аршинъ.

На западной сторонѣ монастыря есть Успенская кладбищенская церковь и внизу подъ горою на первоначальномъ мѣстѣ обители старая деревянная церковь съ придѣлами во имя св. Александра Невскаго и мученицы Іуліаніи. Кромѣ того, еще есть церковь во имя архистратига Михаила надъ святыми воротами каменной монастырской ограды, которая имѣетъ въ окружности до 440 саж., съ четырьмя башнями по угламъ. Подъ руководствомъ того же о. Ѳеодосія въ монастырѣ были устроены водопроводъ и паровая мельница. На берегу рѣки Мельничной или Ульяновки устроено каменное зданіе съ машиной для подъема воды по водопроводнымъ трубамъ на гору въ большой резервуаръ, изъ котораго вода идетъ

по трубамъ въ кухню, хлѣбопекарню, въ монастырскіе корпуса, въ прачешную, баню, въ гостинницу и пр. Есть за стѣнами монастыря двѣ часовни. Съ лѣвой стороны при входѣ въ монастырскую ограду устроена трехъэтажная каменная гостинница съ чисто обставленными номерами. Здѣсь помѣщается церковно-приходская школа, внизу квасоварня и солодоварня. Съ южной стороны монастыря: конюшни, баня и корпуса для рабочихъ, съ восточной стороны монастыря: гуменникъ съ овиномъ для сушки и молоченья хлѣба, пчельникъ, каменный скотный дворъ, паровая водокачка, печь для древесныхъ углей, каменная кузница съ кельями, водяная мельница и проч. Съ сѣверной стороны монастыря: амбары для извести, печь для обжиганія извести, кирпичный заводъ и проч. Въ самые послѣдніе годы построенъ большой трехъэтажн. каменный корпусъ близъ собора съ южной стороны. Словомъ, Ульянова пустынь во второй половинѣ XIX в. благоустроена настолько, что нисколько не уступаетъ тѣмъ монастырямъ, которые существуютъ цѣлыя столѣтія, а капиталъ ея возросъ до 200 тыс. рублей. Между тѣмъ обитель эта находится не вблизи большихъ городовъ и не ведутъ къ ней удобные постоянные пути сообщенія, но на дальнемъ сѣверѣ, въ глухомъ мѣстѣ и въ лѣсной пустыни.

Расположеніе монастырскихъ зданій и всѣ порядки въ Ульяновѣ напоминаютъ Соловецкій монастырь и его уставъ. Церковная служба начинается въ 2 часа ночи, когда одинъ изъ иноковъ подходитъ къ кельямъ братіи съ колокольчикомъ и будитъ ихъ къ утреннему богослуженію. (Подойдя къ дверямъ кельи, инокъ произноситъ обычную молитву: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ». Изъ кельи отвѣчаютъ: «аминь». Тогда будящій говоритъ, «пѣнію время, молитвѣ часъ!» и идетъ далѣе). Всенощная служится съ соблюденіемъ полнаго устава церкви съ канонархомъ—на два хора, пѣніе знаменное, столповое и продолжается часа четыре и болѣе. Много въ этой обители простоты, церковности и точности выполненія распоряженій начальства, напр., сборъ денегъ въ монаст. церквахъ происходитъ съ кружками старинными—деревянными ящиками. На трапезу приходитъ вся братія, не исключая настоятеля, и богомольцевъ, если есть, особаго стола не гото-

вится ни для кого. На трапезѣ оловянная посуда, деревянныя ложки братской работы. (Обѣдъ по большой части состоитъ изъ четырехъ блюдъ: холодное—треска съ квасомъ; щи изъ капусты и рыбы, напр. палтуса; уха изъ свѣжей рыбы своей ловли и каша, иногда съ молокомъ. Въ Великій и Успенскій посты трапезы изъ овощей и грибовь. Въ великіе праздники за обѣдомъ подаютъ пиво въ эндовахъ. За ужиномъ бываютъ три перемѣны). Всѣ насельники монастыря занимаются физическимъ трудомъ, не исключая и іеромонаховъ. Въ числѣ братіи Ульянова монастыря есть спеціалисты: портные, сапожники, маляры, столяры, кузнецы, плотники, печники и пр. При монастырѣ состоитъ болѣе 800 десятинъ земли. Рогатый скотъ въ монастырѣ холмогорской породы. Лошадей болѣе 30. Въ стойлахъ въ постилку иногда употребляется вмѣсто соломы изрубленныя вѣтви ельника. Въ обители процвѣтаетъ огородничество. Несмотря на дикій сѣверъ, здѣсь родятся отличные огурцы (есть и парники) и капуста. Въ 35 верст. отъ монастыря на рѣчкѣ «Тыбъ-ю» устроена мукомольная водяная мельница, работающая на три постава. Для монастырскаго подспорья ловится въ Вычегдѣ и въ озерахъ разная рыба, какъ-то: лещи, язи, щуки, налимы, окуни, сиги, нельма и даже стерлядь. Въ монастырѣ живетъ монаховъ и послушниковъ до 100 человѣкъ. Богомольцевъ бываетъ въ годъ свыше пяти тысячъ.

Лѣтомъ во время полноводія сообщеніе съ Ульяновымъ монастыремъ очень удобное: въ Вологдѣ можно сѣсть на пароходъ до Устюга, здѣсь перейти на пароходъ меньшаго размѣра, который прямо доставитъ въ Ульяновъ. Слѣдовательно отъ Вологды до Ульянова—разстояніе свыше 1000 верстъ можно проѣхать въ 4 сутки. До Устюга идутъ большіе и удобные пароходы. Въ Ульяновъ приходитъ до трехъ пароходовъ въ недѣлю и лишь въ срединѣ лѣта иногда бываетъ задержка изъ за мелководія. Пароходная пристань отъ монастыря менѣе четверти версты. На пристань выѣзжаютъ монастырскія лошади. Иногда нарочно сюда приходятъ пароходы съ богомольцами, напр., къ монастырскому празднику — Троицыну дню. Особенно заботливо Ульянова св. обитель провожаетъ своихъ богомольцевъ въ свой храмовой праздникъ---Троицынъ день. Духовъ

день. Обѣдня окончилась. Братія поетъ напутственный молебенъ въ церкви въ путь шествующимъ своимъ гостямъ—богомольцамъ. Къ 2 ч. дня почти вся братія монастыря во главѣ съ настоятелемъ спѣшитъ на пароходную пристань, чтобы проводить богомольцевъ. По берегу правильной вереницей расположилась братія. Пароходъ готовится въ дорогу, полный богомольцами. Вотъ и послѣдній свистокъ. Пароходъ тронулся. Всѣ обнажили головы. Иноки трогательно запѣли тропари: «Благословенъ еси Христе Боже нашъ», тропарь святителю Стефану Пермскому, Николая Чудотворцу и проч. Такъ и хочется сказать: спасибо тебѣ, св. обитель, за добрый пріютъ! Да хранитъ тебя Богъ! Прощай дальняя обитель! Пароходъ идетъ далѣе и далѣе, тихая, скромная, гостепріимная обитель уже едва виднѣется и вотъ совсѣмъ скрывается изъ глазъ Ульянова пустынь.

Отъ Ульянова монастыря по Вычегдѣ далѣе на сѣверъ ходятъ пароходы только за 20 верстъ до села *Устькулома*. Существуетъ преданіе, когда въ древности Устькуломцы пожелали построить храмъ, то при закладкѣ его, когда уже былъ нарубленъ лѣсъ, заспорили, гдѣ поставить церковь. Жители верхняго конца желали имѣть церковь у себя, а жители нижняго—у себя. Они рѣшились положиться на волю Божію. Устькуломцы опустили нѣсколько бревенъ въ рѣку и рѣшили поставить церковь тамъ, гдѣ остановятся эти бревна. Полагали, что бревна остановятся въ верхнемъ концѣ у залива, но, къ общему удивленію, бревна пронесло мимо залива и они приплыли къ оврагу не смотря на то, что тутъ былъ водоворотъ и напоръ волны стремился къ противоположному берегу. Недалеко отъ этого оврага, на высокомъ берегу Куломы жители и построили свою церковь. Нынѣ въ самомъ селѣ Устькуломѣ находятся три каменныя отдѣльными зданіями церкви: одноэтажная теплая существуетъ съ 1799 г. съ престоломъ въ честь ап. Петра и Павла; двухъ-этажн. съ колокольней съ 1857 г.; холодная верхняя въ честь Воскресенія Христова, нижняя теплая въ честь Владимірской иконы Божіей Матери; третья церковь одноэтажная съ колокольней отъ 1877 г. въ честь св. Николая Чудотворца. (При всѣхъ церквахъ одинъ причтъ: священникъ, діаконъ и псаломщикъ).

Въ с. Устькуломѣ до 275 дворовъ съ населеніемъ до 1800 обоего пола; есть земское училище.

(Въ 13 вер. отъ Устькулома есть приписная деревянная Вознесенск. Донская церковь, построена въ 1867 г.). Здѣсь бываетъ Михайловская ярмарка съ 8—21 ноября; оборотъ ея до 15 т. рубл. Далѣе на сѣверъ Устьсысольск. уѣзда замѣчательна *Брусяная гора*, доставляющая точильный камень, весьма выгодный для мѣстныхъ крестьянъ. Вообще же Устьсысольскій уѣздъ богатъ желѣзными рудниками; для переплавки рудъ на чугунъ и для выковки изъ него желѣза устроенъ почти горнозаводскій округъ—изъ заводовъ: Кажимскаго, Нювчимскаго и Нючпасскаго.

Чѣмъ дальше подниматься по Вычегдѣ, тѣмъ природа и климатъ становятся суровѣе, лѣсовъ и воды больше. Устьсысольскій уѣздъ, а равно Яренскій, Сольвычегодскій и частію Устюгскій уѣзды мало плодородны, грунтъ частію илистый, частію каменистый и песчаный. Въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ зима продолжается не менѣе 7 мѣсяцевъ, снѣгу выпадаетъ до 2 арш. глубины, морозы доходятъ до 40°. Переходы съ осени на зиму, съ зимы на весну рѣзки, съ холодными вѣтрами. Въ болотистыхъ мѣстахъ съ хвойнымъ лѣсомъ ледяная кора таетъ только къ осени. Рѣки вскрываются во второй половинѣ апрѣля, а льдомъ покрываются въ концѣ октября.

В. Лебедевъ.